Владиміръ Высоцкій.

Vladimir Vysotsky.

akbarmuhammad.awardspace.co.uk

Стихи и пѣсни Владиміра Высоцкаго.

Poems and Songs of Vladimir Vysotsky.

Въ публикаціи, кромѣ стиховъ и пѣсенъ Владиміра Высоцкаго, представлены стихи и пѣсни Всеволода Абдулова, Харольда Адамсона, Іосифа Алешковскаго, Дэвида Бейтса, Пьера-Жана Беранже, Валерія Бѣлозерова, Юрія Визбора, Никиты Высоцкаго, Алеѯандра Галича, Расула Гамзатова, Игоря Гиркина, Сергѣя Галганова, Алеѯандра Городницкаго, Сергѣя Гребенникова, Петра Грузинскаго, Іосифа Джугашвили, Николая Добронраваго, Сергѣя Есенина, Алеѯандра Жарова, Анатолія Жигулина, Льва Зингерталя, Редьярда Киплинга, Игоря Кохановскаго, Раисы Кудашевой, Юрія Кукина, Василія Лебедева-Кумача, Михаила Лермонтова, Сергѣя Любавина, Пола Маккартни, Станислава Маркевича, Дανида Маркиша, Новеллы Матѳеевой, Акбара Мухаммада, Михаила Ножкина, Булата Окуджавы, Алеѯандра Пушкина, Роберта Рождественскаго, Дανида Самойлова, Константина Симонова, Станислава Слуцкера, Ярослава Смѣлякова, Роберта Луиса Стивенсона, Рабиндраната Тагора, Габдуллы Тукая, Ивана Тургенева, Эдуарда Успенскаго, Владиміра Чуевскаго, Сергѣя Янаева и неизвѣстныхъ авторовъ.

Переводъ на Англійскій языкъ Татіаны Авашъ, Факрула Алама, Марка Алмонда, Станлея Альтшуллера, Вальтера Арндта, Вадима Астрахана, Вадима Барановскаго, Давида Беннетта, Томаса Бивитта, Эдварда Бонвера, Дины Бѣляевой, Алека Вагапова, Тамары Вардомской, Eνгеніи Вейнштейнъ, Дарьи Вербовской, Бориса Генделева, Светланы Гулиной, Владиміра Гурвича, Джека Даути, Eνгенія Дербармдикера, Джули Дешторъ, Артура Дурандо и Ирины Поповой, Сержа Ельницкаго, Дмитрія Ефремова, Ирины Желѣзновой, Анны Заиграевой, Луи Зелликоффа, Андрея Кнеллера, Eνгенія Кошелева, Эдварда Лейтмана, Джуліана Генри Лоуэнфельда, Ольги Мона, Руперта Моретона, Акбара Мухаммада, Антса Оранса, Стаса и Маргаретъ Порохня, Людмилы Пургиной, Олега Родерика, Сергѣя Роя, Eνгенія Саркисянцъ, Дмитрія Сивана, Алеѯа Соколова, Eνгенія Соколовскаго, Натальи Тверсковой, Уильяма Тойнби, Георгія Токарева, Алеѯа Толкачева, Мики Тубиншлака, Eνгеніи Фанчъ, Брюса и Кэтринъ Хамильтонъ, Вячеслава Четина, Вячеслава Чистякова, Пабло Шостака, Билла Эверета, Ильи Якубовича и неизвѣстныхъ авторовъ.

Переводъ на Русскій языкъ Ніяза Ахмерова, Василія Бетаки, Самуила Болотина, Султана Ганіева, Наума Гребнева, Алеѯандра Грибанова, Исидора и Татіаны Грингольцъ, Михаила Гутнера, Романа Дубровкина, Венеры Думаевой-Валіевой, Дмитрія Ермоловича, Алеѯандра Загоскина, Вѣры Звягинцевой, Елены Кистеровой, Дмитрія Ленскаго, Семена Липкина, Константина Липскерова, Михаила Лозинскаго, Самуила Маршака, Рувима Морана, Акбара Мухаммада, Глѣба Семенова, Анатолія Сендыка, Николая Сидоренко, Татіаны Сикорской, Валеріи Скляровой, Нонны Слѣпаковой, Сергѣя Степанова, Сергѣя Сѣверцева, Вѣроники Тушновой, Татіаны Чернышевой, Аллы Шараповой и неизвѣстныхъ авторовъ.

Составленіе, редактированіе, предисловіе и примѣчанія Акбара Мухаммада.

The publication, except poems and songs by Vladimir Vysotsky, presents poems and songs by Vsevolod Abdulov, Harold Adamson, Iosif Aleshkovsky, David Bates, Valery Belozerov, Pierre-Jean de Béranger, Vladimir Chuevsky, Nikolay Dobronravov, Joseph Dzhugashvili, Sergey Galganov, Alexander Galich, Rasul Gamzatov, Igor Girkin, Alexander Gorodnitsky, Sergey Grebennikov, Petre Gruzinsky, Rudyard Kipling, Igor Kokhanovsky, Raisa Kudasheva, Yury Kukin, Vasily Lebedev-Kumach, Mikhail Lermontov, Sergey Lyubavin, Paul McCartney, Stanislav Markevich, David Markish, Novella Matveyeva, Akbar Muhammad, Mikhail Nozhkin, Bulat Okudzhava, Alexander Pushkin, Robert Rozhdestvensky, David Samoylov, Konstantin Simonov, Stanislav Slutsker, Yaroslav Smelyakov, Robert Louis Stevenson, Rabindranath Tagore, Gabdulla Tukay, Ivan Turgenev, Eduard Uspensky, Yury Vizbor, Nikita Vysotsky, Sergey Yanaev, Sergey Yesenin, Alexander Zharov, Anatoly Zhigulin, Leo Zingertal and anonymous authors.

English translation by Fakrul Alam, Marc Almond, Stanley Altshuller, Walter Arndt, Vadim Astrakhan, Tatiana Avash, Vadim Baranovsky, Thomas Beavitt, Dina Belyaeva, David Bennett, Edward Bonver, Vyacheslav Chetin, Vyacheslav Chistyakov, Eugeny Derbarmdiker, Julie Deshtor, Jack Doughty, Arthur Durando and Irina Popova, Serge Elnitsky, Bill Everett, Eugenia Fuchs, Boris Gendelev, Svetlana Gulin, Vladimir Gurvich, Bruce and Kathryn Hamilton, Andrey Kneller, Eugeny Koshelev, Edward Leitman, Julian Henry Lowenfeld, Olga Mona, Rupert Moreton, Akbar Muhammad, Ants Oras, Stas and Margaret Porokhnya, Ludmila Purgina, Oleg Roderik, Sergey Roy, Eugeny Sarkisyants, Pavlo Shostak, Dmitry Sivan, Alex Sokolov, Yevgeny Sokolovsky, George Tokarev, Alex Tolkachev, William Toynbee, Mika Tubinshlak, Natalia Tverskova, Alec Vagapov, Tamara Vardomskaya, Daria Verzhbovsky, Eugenia Weinstein, Ilya Yakubovich, Dmitry Yefremov, Anna Zaigraeva, Louis Zellikoff, Irina Zheleznova and anonymous authors.

Russian translation by Niyaz Akhmerov, Vasily Betaki, Samuel Bolotin, Tatiana Chernyshova, Roman Dubrovkin, Venera Dumaeva-Valieva, Sultan Ganiev, Naum Grebnev, Alexander Gribanov, Isidor and Tatiana Gringolts, Mikhail Gutner, Elena Kisterova, Dmitry Lensky, Semyon Lipkin, Konstantin Lipskerov, Mikhail Lozinsky, Samuil Marshak, Ruvim Moran, Akbar Muhammad, Gleb Semyonov, Anatoly Sendyk, Sergey Severtsev, Alla Sharapova, Nikolay Sidorenko, Tatiana Sikorskaya, Valeria Sklyarova, Nonna Slepakova, Sergey Stepanov, Veronica Tushnova, Dmitry Yermolovich, Alexander Zagoskin, Vera Zvyagintseva and anonymous authors.

Compilation, redaction, foreword and commentaries by Akbar Muhammad.

Не сообщить ли Мнѣ вамъ, (о люди,) на кого нисходятъ шайтаны? Нисходятъ они на всякаго погрязшаго въ грѣхахъ лжеца! Они бросаютъ подслушанное (на небѣ прорицателямъ), и большинство ихъ являются лжецами. И поэты—за ними слѣдуютъ заблудшіе. Развѣ ты не видѣлъ, (о Пророкъ,) что они по всѣмъ долинамъ бродятъ и что они говорятъ то, чего не дѣлаютъ?—кромѣ тѣхъ (изъ поэтовъ), которые увѣровали и совершали праведныя дѣянія и поминали Аллаха много, и защищали [своими стихами] (истинную вѣру и Пророка) послѣ того, какъ было посягательство [нападки поэтовъ-многобожниковъ] (на нихъ). И вскорѣ узнаютъ тѣ, кто творилъ зло, куда они вернутся!

Сура «Поэты».

О Владимірѣ Высоцкомъ.

Дай вамъ Богъ повѣрить въ Бога—
Если онъ не Богъ войны.

Владиміръ Высоцкій.

Во имя Аллаха, милостиваго, милосердаго.

Владиміръ Семеновичъ Высоцкій родился и жилъ въ Россіи во времена коммунистическаго эксперимента, и его поэтическое слово было свѣтомъ человѣковъ въ этой многострадальной странѣ. Лишь немногія изъ его пѣсенъ были оффиціально признаны при его жизни, но благодаря нелегальнымъ магнитофоннымъ записямъ и публикаціямъ спѣтое и прочитанное имъ было извѣстно всѣмъ отъ мала до велика. Во тьмѣ строительства общества всеобщаго счастія Владиміръ Высоцкій показывалъ жизнь такою, какая она есть, и его немного хриплый искренній голосъ плѣнялъ сердца людей, и давалъ обманутому народу силы жить, работать и бороться. И не было подобнаго поэта въ прежнія времена—его стихи и пѣсни отражали надежды и мечты, боль и горе всѣхъ живущихъ людей, и его голосъ не оставлялъ равнодушнымъ никого. Онъ былъ любимъ милліонами людей разныхъ національностей, и сегодня, какъ и въ былые дни, его поэзія помогаетъ намъ жить.

Владиміръ Высоцкій оставилъ огромное поэтическое наследіе—болѣе семисотъ стиховъ и пѣсенъ, которые показываютъ жизнь во всей ея полнотѣ, и охватываютъ всю исторію нашего міра, со дня его сотворенія до самаго конца.

Многіе изъ его стиховъ и пѣсенъ перекликаются со стихотвореніями Габдуллы Тукая, и многіе продолжаютъ пророчества Алеѯандра Пушкина и Редьярда Киплинга. Конечно, пророчества Владиміра Высоцкаго нуждаются въ толкованіи, и не всѣ изъ нихъ могутъ быть истолкованы до ихъ исполненія, и представленныя толкованія не исключаютъ толкованій дополнительныхъ; и среди его стиховъ и пѣсенъ есть такіе, которые были написаны о прошломъ, но они также имѣютъ отношеніе къ будущему.

Я полагаю поэзію Владиміра Высоцкаго единымъ цѣлымъ съ ученіемъ Порфѵрія Иванова, миръ ему, черезъ котораго лучшая изъ религій была вновь предложена человѣчеству. Въ странѣ, которую коммунисты хотѣли отвернуть отъ лица Аллаха, великъ Онъ и славенъ, сіи рыцари истины сказали людямъ, что есть дорога къ неземнымъ чудесамъ, и что скоро придетъ человѣкъ, который покажетъ эту дорогу. Это было обѣщано Святымъ Пророкомъ Мухаммадомъ, миръ ему, сказавшемъ: «Передъ Суднымъ днемъ Всевышній Аллахъ пошлетъ людямъ одного изъ моихъ потомковъ для возстановленія справедливости на землѣ. Имя его будетъ такимъ же, какъ и мое имя, а имя отца его будетъ такимъ же, какъ и имя моего отца. Онъ наполнитъ весь міръ, погрязшій до его прихода въ насиліи и варварствѣ, свободою и справедливостію.» (Хадисъ приводится у аль-Тирмизи.)

Я вѣрю, что написанное Владиміромъ Высоцкимъ будетъ переведено на всѣ языки, и міръ вступитъ во владѣніе полученнымъ наслѣдствомъ. Въ сей публикаціи представлены избранные стихи и пѣсни этого замѣчательнаго поэта, нѣкоторыя исполнявшіеся имъ пѣсни другихъ авторовъ и подборка стиховъ и пѣсенъ о немъ, а также, въ примѣчаніяхъ, рядъ созвучныхъ его поэзіи стиховъ и пѣсенъ (нѣсколько стиховъ и пѣсенъ Владиміра Высоцкаго также приведены въ примѣчаніяхъ) на Русскомъ и Англійскомъ языкахъ.

Бо́льшая частъ стиховъ и пѣсенъ на Русскомъ языкѣ, какъ Владиміра Высоцкаго, такъ и другихъ авторовъ, равно какъ и переводовъ на Русскій языкъ, подверглась обработкѣ, такъ какъ въ результатѣ орѳографическихъ реформъ, осуществленныхъ Петромъ I и Совѣтскимъ правительствомъ, Русскій языкъ сталъ ухудшаться съ теченіемъ времени, и почти во всѣ тексты стали вкрадываться ошибки—я привожу ихъ въ томъ видѣ, какой они имѣли бы, по моему мнѣнію, если бы не было необоснованныхъ измѣненій (говоря словами Алеѯандра Пушкина) геральдики Русскаго письма. Многіе переводы пѣсенъ Владиміра Высоцкаго на Англійскій языкъ являются результатомъ совмѣстныхъ усилій, то есть они были сдѣланы другими переводчиками и объединены или обработаны мною.

Акбаръ Мухаммадъ.

Санктъ-Петербургъ, Россія.
2024 г.

Shall I inform you, (O people,) upon whom the Shayatin [devils] descend? They descend upon every lying, sinful person. Who gives ear [to the devils and they pour what they may have heard of the unseen from the angels], and most of them are liars. As for the poets—the erring follow them. Seest thou not that they speak about every subject in their poetry and that they say that which they do not? Except those who believe and do righteous deeds and remember Allah much, and reply back [in poetry] to the unjust poetry [which the pagan poets utter against the Muslims]. And those who do wrong will come to know by what overturning they will be overturned.

Surah "The Poets".

On Vladimir Vysotsky.

May God give you faith in God—
If he's not the God of War.

Vladimir Vysotsky.

In the name of Allah, Most Gracious, Most Merciful.

Vladimir Semyonovich Vysotsky was born and lived in Rossia in the period of the communist experiment, and his poetic word was a light of men in this long-suffering country. Only a few of his songs were recognized officially when he was alive, but due to home-made tape recordings and publications everything sung and recited by him was known to one and all. In the darkness of building the society of total happiness, Vladimir Vysotsky showed life as it really was, and his a bit hoarse sincere voice captivated the people's hearts, and gave the deceived nation the strength to live, work and fight. There was no such poet before him—his poems and songs reflected the dreams and hopes, pain and grief of all living people, and his voice touched anyone who heard it. He was loved by millions of people of various nationalities, and now, as in bygone days, his poetry helps us to live.

Vladimir Vysotsky left a great poetic heritage—more than seven hundred poems and songs, which show life in all its completeness, and embrace all the history of our world—from the day of its creation until the very end.

Many of his poems and songs have much in common with Gabdulla Tukay's poems, and many continue Alexander Pushkin and Rudyard Kipling's prophecies. Of course, the prophecies of Vladimir Vysotsky require interpretation, and not all of them can be interpreted before they are fulfilled, and the presented interpretations exclude not additional interpretations; and there are such poems and songs of him that were written about the past, but they also relate to the future.

I think the poetry of Vladimir Vysotsky to be a single whole with the teaching of Porphyry Ivanov, peace be upon him, through whom the best religion was again offered to mankind. In the country the communists wanted to turn away from the Face of Allah, glorious and exalted is He, these knights of Truth told people that there is a path to unearthly marvels, and that soon will come a man, who will show this path. This was promised by the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him, saying, "Allah will bring out from concealment al-Mahdi from my family and just before the day of Judgment; even if only one day were to remain in the life of the world, and he will spread on this earth justice and equity and will eradicate tyranny and oppression." (Musnad Ahmad Ibn Hanbal, volume 1, page 99.)

I trust that what was written by Vladimir Vysotsky will be translated into all the languages, and the world will take possession of the gotten heritage. This publication presents selected poems and songs of this eminent poet, some songs of other authors performed by him and selections from poems and songs about him, and also, in commentaries, a number of

poems and songs consonant with his poetry (several poems and songs of Vladimir Vysotsky are also given in the commentaries) in the Russian and English languages.

Most of the poems and songs in Russian, both Vladimir Vysotsky and other authors', and of the translations into Russian are altered, because the Russian language, due to the orthographic reforms made by Peter I and the Soviet Government, has started to deteriorate, and mistakes are creeping now in almost all texts—I give them in the form they would have, in my opinion, if there were no unfounded alterations (speaking in Alexander Pushkin's words) of the heraldry of the Russian script. A good many of translations of Vladimir Vysotsky's songs into English are the result of joint efforts, what means that they were made by other translators and combined or adapted by me.

Akbar Muhammad.

Saint Petersburg, Rossia.
2024.

Я дышу, и значитъ—я люблю!
Я люблю, и значитъ—я живу!

Владиміръ Высоцкій.

If I breathe, this fact means that I love!
If I love, this fact means that I live!

Vladimir Vysotsky.

Стихи и пѣсни Владиміра Высоцкаго.

Poems and Songs of Vladimir Vysotsky.

Вцѣпились они въ высоту, какъ въ свое...

They clung to the hill as if it was their own...

ВЫСОТА.

THE HILL.

Набатъ.

Вотъ въ набатъ забили:
или праздникъ, или
Надвигается, какъ встарь,
чума.
Заглушая лѵру,
звонъ идетъ по міру,—
Можетъ быть, сошелъ звонарь
съ ума?

Слѣдомъ за тѣмъ погребальнымъ набатомъ
Страхъ овладѣетъ сестрою и братомъ,
Съежимся мы
подъ ногами чумы,
Путь уступая гробамъ и солдатамъ.

Нѣтъ, звонарь не боленъ:
слышно съ колоколенъ,
Какъ печатаетъ шаги
судьба.
Нынче тлѣютъ угли тамъ,
гдѣ были джунгли;
Грубо топчутъ сапоги
хлѣба.

Выходъ одинъ бѣднякамъ и богатымъ:
Смерть—это самый безстрастный анатомъ.
Всѣ мы равны
передъ ликомъ войны,
Только привычнѣй чуть-чуть Азіатамъ.

Не въ лѣса одѣта
бѣдная планета,
Нѣтъ—огнемъ согрѣта Мать-
Земля!
А когда остынетъ—
станетъ міръ пустыней,
Вновь придется начинать
съ нуля.

The Alarm Bell.

Listen, a bell tolls somewhere:
it says of a high day
Or, perhaps, a misfortune has arrived.
Muffling up the lyre,
it sounds far and wide now,
Has the ringer gone out of his mind?

No, the ringer isn't sick,
from the belfry, hears he
How, with firm step, Fate persistently walks.
'Stead of towns and villages,
there are only cinders,
The jackboots trample on the standing crops.

There are no more forests
warmed the Globe in old days,
Now the fire warms our Mother Earth!
There'll be, when all's burned down,
nothing in a circle,
And again from nothing we'll go forth.

No, it isn't a slumber,
it goes on around us—
The black smoke, burnt out ground and decay.
From above, the ringer
sees the picture clearly—
'Cause of horror, he's turned fully gray.

1973.

Всѣхъ насъ зовутъ зазывалы изъ пекла —
Выпить на праздникѣ пыли и пепла,
Потанцовать съ одноглазымъ цүклопомъ,
Понаблюдать за всемірнымъ потопомъ.

Не во снѣ все это,
это близко гдѣ-то, —
Запахъ тлѣнья, черный дымъ
и гарь.
Звонъ все глуше: видно,
сверху лучше видно —
Сталъ отъ ужаса сѣдымъ
звонарь.

Бей же, звонарь, разбуди полусонныхъ,
Предупреди беззаботныхъ влюбленныхъ,
Что хорошо будетъ въ мірѣ сожженномъ
Лишь мертвецамъ и еще не рожденнымъ!

1973 г.

Пѣсня о новомъ времени.

Какъ призывный набатъ, прозвучали въ ночи тяжело шаги,
Значитъ, время пришло облачаться въ доспѣхи отцовъ.
По обрывистымъ тропамъ протопали лошади, лошади,
Неизвѣстно къ какому концу унося сѣдоковъ.

Нынѣ время иное, но счастіе ты, какъ и встарь, ищи!
И въ погоню летимъ мы за нимъ, убѣгающимъ, вслѣдъ.
Только вотъ въ этой скачкѣ теряемъ мы лучшихъ товарищей,
На скаку не замѣтивъ, что рядомъ товарищей нѣтъ.

И еще будемъ долго огни принимать за пожары мы,
Будетъ долго словѣщимъ казаться намъ скрипъ сапоговъ,
Про войну будутъ дѣтскія игры съ названьями старыми,
И людей будемъ долго дѣлить на своихъ и враговъ.

И когда отгрохочетъ, когда отгоритъ и отплачется,
И когда наши кони устанутъ подъ нами скакать,
И когда наши дѣвушки переодѣнутся въ платьица,—
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять.

Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...

1966 г.

Сыновья уходятъ въ бой.

Сегодня не слышно біенья сердецъ—
Оно для аллей и бесѣдокъ.
Я падаю, грудью хватая свинецъ,
Подумать успѣвъ напослѣдокъ:

«На этотъ разъ мнѣ не вернуться,
«Я ухожу—придетъ другой.»
Мы не успѣли, не успѣли оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходятъ въ бой.

Вотъ кто-то, рѣшивъ: послѣ насъ—хоть потопъ,
Какъ въ пропасть, шагнулъ изъ окопа.
А я для того свой покинулъ окопъ,
Чтобъ не было вовсе потопа.

Сейчасъ глаза мои сомкнутся,
Я крѣпко обнимусь съ землей.
Мы не успѣли, не успѣли оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходятъ въ бой.

Кто смѣнитъ меня, кто въ атаку пойдетъ?
Кто выйдетъ къ завѣтному мосту?
И мнѣ захотѣлось—пусть будетъ вонъ тотъ,
Одѣтый во все не по росту.

Я успѣваю улыбнуться,
Я видѣлъ, кто придетъ за мной.
Мы не успѣли, не успѣли оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходятъ въ бой.

Разрывы глушили біенье сердецъ,
Мое же—мнѣ громко стучало,
Что все же конецъ мой—еще не конецъ:
Конецъ—это чье-то начало.

Сейчасъ глаза мои сомкнутся,
Я ухожу—придетъ другой.

Мы не успѣли, не успѣли оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходятъ въ бой.

1969 г.

Онъ не вернулся изъ боя.

Почему все не такъ? Вродѣ все, какъ всегда:
То же небо — опять голубое,
Тотъ же лѣсъ, тотъ же воздухъ и та же вода,
Только онъ не вернулся изъ боя.
Тотъ же лѣсъ, тотъ же воздухъ и та же вода,
Только онъ не вернулся изъ боя.

Мнѣ теперь не понять, кто же правъ былъ изъ насъ
Въ нашихъ спорахъ безъ сна и покоя.
Мнѣ не стало хватать его только сейчасъ,
Когда онъ не вернулся изъ боя.
Мнѣ не стало хватать его только сейчасъ,
Когда онъ не вернулся изъ боя.

Онъ молчалъ невпопадъ и не въ тактъ подпѣвалъ,
Онъ всегда говорилъ про другое,
Онъ мнѣ спать не давалъ, онъ съ восходомъ вставалъ,
А вчера не вернулся изъ боя.
Онъ мнѣ спать не давалъ, онъ съ восходомъ вставалъ,
А вчера не вернулся изъ боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговоръ,
Вдругъ замѣтилъ я — насъ было двое.
Для меня будто вѣтромъ задуло костеръ,
Когда онъ не вернулся изъ боя.
Для меня будто вѣтромъ задуло костеръ,
Когда онъ не вернулся изъ боя.

Нынче вырвалась, словно изъ плѣна, весна,
Позабывшись, окликнулъ его я:
«Другъ, оставь покурить!» А въ отвѣтъ — тишина, —
Онъ вчера не вернулся изъ боя.
«Другъ, оставь покурить!» А въ отвѣтъ — тишина, —
Онъ вчера не вернулся изъ боя.

Наши павшіе насъ не оставятъ въ бѣдѣ,
Намъ они — навсегда часовые.

He Was Shot in the Fighting.

All goes wrong, although nothing has changed here of late.
Air, the forest, the sky and the lighting—
They're just like they were always, but there's no my mate—
He was yesterday shot in the fighting.
They're just like they were always, but there's no my mate—
He was yesterday shot in the fighting.

Now it's of no account, who was wrong, who was right
In our arguments that went on nightly.
What this lad was for me, I saw but the last night,
When he was shot by them in the fighting.
What this lad was for me, I saw but the last night,
When he was shot by them in the fighting.

He'd be awkwardly silent, he sang out of tune,
And just smiled when I said something biting,
He'd prevent me from sleeping, he sat by the moon,
And was yesterday shot in the fighting.
He'd prevent me from sleeping, he sat by the moon,
And was yesterday shot in the fighting.

I talk not of the emptiness—we knocked about
In all kinds of time—dull and exciting.
It felt as if my fire by the wind was put out,
When he was shot by them in the fighting.
It felt as if my fire by the wind was put out,
When he was shot by them in the fighting.

Spring is here, at long last, royal blue is the sky.
I called out, without thinking, most likely,
"Buddy, leave me the butt!"—but there was no reply,
He was yesterday shot in the fighting.
"Buddy, leave me the butt!"—but there was no reply,
He was yesterday shot in the fighting.

Our dead men haven't passed over, and light up our way,
They'll for ever be our faithful sentinels.

Отражается небо въ лѣсу, какъ въ водѣ,
И деревья стоятъ голубыя.
Отражается небо въ лѣсу, какъ въ водѣ,
И деревья стоятъ голубыя.

На двоихъ намъ землянки хватало вполнѣ,
Время было — одно для обоихъ.
Все теперь — одному, только кажется мнѣ —
Это я не вернулся изъ боя.
Все теперь — одному, только кажется мнѣ —
Это я не вернулся изъ боя.

1969 г.

In the forest, the sky's mirrored as in a lake,
And blue trees stand majestic and gentle.
In the forest, the sky's mirrored as in a lake,
And blue trees stand majestic and gentle.

There was plenty of room for us in the dugout,
Time for us ran coequally and lightly.
Now I own all alone, but I've started to doubt:
Wasn't it me who was shot in the fighting?
Now I own all alone, but I've started to doubt:
Wasn't it me who was shot in the fighting?

1969.

Солдаты группы «Центръ».

Солдатъ всегда здоровъ,
Солдатъ на все готовъ,—
И пыль, какъ изъ ковровъ,
Мы выбиваемъ изъ дорогъ.

И не остановиться,
И не смѣнить ноги,—
Сіяютъ наши лица,
Сверкаютъ сапоги!

По выжженной равнинѣ—
За метромъ метръ—
Идутъ по Украинѣ
Солдаты группы «Центръ».

На «первый-второй» разсчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шагъ впередъ!—и въ Рай.
Первый-второй...
А каждый второй—тоже герой,—
Въ Рай попадетъ вслѣдъ за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

А передъ нами все цвѣтетъ,
За нами все горитъ.
Не надо думать—съ нами тотъ,
Кто все за насъ рѣшитъ.

Веселые—не хмурые—
Вернемся по домамъ,—
Невѣсты бѣлокурыя
Наградой будутъ намъ!

Все впереди, а нынѣ—
За метромъ метръ—

The German Combatants.

The combatants are sound,
Prepared to any risk,
And the long roads, as rugs,
We on our marches beat.

We go without cessation,
We're not able to change foot,
Beam with delight our faces,
And shine our polished boots!

Across the burnt off plain—
Persistently, yard by yard—
Go forward through Ukraine
The German combatants.

Attention, men! By twos, count off!
First, second...
The first, for Paradise set off!
First, second...
The second is a brave man too,
He'll go to Heaven right after you.
First, second,
First, second,
First, second...

All boom and thrive in front of us,
And what we leave are pits.
We have no need to think about,
There's he who's doing it.

We'll come back bright and merry
To our abiding-place,
Where our fine brides with fair hair
Await us with impatience!

It shall be, but today—
Persistently, yard by yard—

Идутъ по Украинѣ
Солдаты группы «Центръ».

На «первый-второй» разсчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шагъ впередъ! — и въ Рай.
Первый-второй...
А каждый второй — тоже герой, —
Въ Рай попадетъ вслѣдъ за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

1965 г.

Go forward through Ukraine
The German combatants.

Attention, men! By twos, count off!
First, second...
The first, for Paradise set off!
First, second...
The second is a brave man too,
He'll go to Heaven right after you.
First, second,
First, second,
First, second...

1965.

Растолкали въ берлогѣ уснувшее зло...

Растолкали въ берлогѣ
уснувшее зло,
И шатунъ обозленный
побрелъ тяжело
По дорогѣ извѣчной
своей на Востокъ —
Какъ положено звѣрю,
свирѣпъ и жестокъ.

Зашагали вы въ новый крестовый походъ,
И крестовъ намалевано вдоволь.
Что вамъ надо въ странѣ, гдѣ никто васъ не ждетъ,
Что отвѣтите будущимъ вдовамъ?

Вы забыли уроки
минувшихъ вѣковъ —
Слишкомъ много, выходитъ,
у васъ дураковъ!
Васъ погонятъ назадъ,
ну а если убьютъ —
Неуютнымъ, солдатъ,
будетъ вѣчный пріютъ.

Эти ваши кресты суть подобіе жалъ,
Все — обманъ, вы пришли безъ эмоцій!
Гробъ Господень не здѣсь — онъ лежитъ, гдѣ лежалъ,
И креста на васъ нѣтъ, крестоносцы.

Такъ послушай, солдатъ!
не ходи убивать —
Будешь кровью богатъ,
будешь локти кусать!
Если выживешь ты —
передъ сонмомъ могилъ
Какъ себя убѣдишь,
что не зря приходилъ?

А твоя молодая красотка-жена
Въ ожиданіи стать можетъ старой,—
Вѣдь пока не отстроится наша страна,
Ты домой не вернешься, пожалуй.

1966—1976 гг.

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!..

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!
Небо ясное, легкіе сны...
Парень лошадь имѣлъ и судьбу свою
Интересную — до войны.

Да, на войнѣ, какъ на войнѣ,
А до войны, какъ до войны, —
Вездѣ, по всей вселенной.
Онъ лихо ѣздилъ на конѣ
Въ концѣ весны, въ концѣ весны —
Послѣдней, довоенной.

Но туманы уже по росѣ плелись,
Градъ прошелъ по полямъ и мечтамъ.
Для того, чтобы тучи разсѣялись,
Парень нуженъ былъ именно тамъ.

Тамъ — на войнѣ, какъ на войнѣ,
А до войны, какъ до войны, —
Вездѣ, по всей вселенной.
Онъ лихо ѣздилъ на конѣ
Въ концѣ весны, въ концѣ весны —
Послѣдней, довоенной.

1969 г.

Throw your blues as a cantaloupe rind!..

Throw your blues as a cantaloupe rind!
There were then a clear sky and real dreams...
Let's remember the heartening time,
Which was there in the last pre-war spring.
There a lad was, who loved his young wife,
Whom he met and got married that spring.

It's so, in war is as in war,
From days of yore the wide world over.
And, too, or war is as or war,
From days of yore the wide world over.

With black clouds, was besmeared the clear sky,
And a hail broke the harvest and dreams.
So the lad had to leave his young wife,
For to go to the battle for peace.
So the lad had to leave his young wife,
For to find out the value of peace.

It's so, in war is as in war,
From days of yore the wide world over.
And, too, or war is as or war,
From days of yore the wide world over.

1969.

Мы вращаемъ Землю.

Отъ границы мы Землю вертѣли назадъ —
Было дѣло сначала.
Но обратно ее закрутилъ нашъ комбатъ,
Оттолкнувшись ногой отъ Урала.
Наконецъ-то намъ дали приказъ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи, —
Но мы помнимъ, какъ солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востокѣ.

Мы не мѣряемъ Землю шагами,
Понапрасну цвѣты теребя,
Мы толкаемъ ее сапогами —
Отъ себя, отъ себя!

И отъ вѣтра съ востока пригнулись стога,
Жмется къ скаламъ отара.
Ось земную мы сдвинули безъ рычага,
Измѣнивъ направленье удара.
Не пугайтесь, когда не на мѣстѣ закатъ, —
Судный день не пришелъ къ намъ пока что.
Это Землю вращаютъ, куда захотятъ,
Наши сменныя роты на маршѣ.

Мы полземъ, бугорки обнимаемъ,
Кочки тискаемъ зло, не любя,
И колѣнями Землю толкаемъ —
Отъ себя, отъ себя!

Здѣсь никто бъ не нашелъ, даже если бъ хотѣлъ,
Руки кверху поднявшихъ.
Всѣмъ живымъ ощутимая польза отъ тѣлъ:
Какъ прикрытье используемъ павшихъ.
Этотъ глупый свинецъ всѣхъ ли сразу найдетъ?
Гдѣ настигнетъ, въ упоръ или съ тыла?
Кто-то тамъ впереди навалился на дотъ —
И Земля на мгновенье застыла.

Все былое я сзади оставилъ,
Мимоходомъ по мертвымъ скорбя,
Шаръ земной мы вращаемъ локтями —
Отъ себя, отъ себя!

Кто-то всталъ въ полный ростъ и отвѣсилъ поклонъ,
Принявъ пулю на вдохѣ, —
Но на западъ, на западъ ползетъ батальонъ,
Чтобы солнце взошло на востокѣ.
Животомъ — по грязи, дышимъ смрадомъ болотъ,
Но глаза закрываемъ на запахъ.
Нынче по небу солнце нормально идетъ,
Потому что мы рвемся на западъ!

Руки, ноги — на мѣстѣ ли, нѣтъ ли?
Какъ на свадьбѣ, росу пригубя,
Землю тянемъ зубами за стебли —
На себя! подъ себя! отъ себя!

1972 г.

Высота.

Вцѣпились они въ высоту, какъ въ свое,
Огнемъ все вокругъ поливая,
А мы взять старались упорно ее,
Друзей безвозвратно теряя.

Ползли къ высотѣ въ огневой полосѣ,
Бѣжали и снова ложились...
Въ тотъ день на неназванной той высотѣ
Для насъ всѣ дороги скрестились.

И крики «ура!» застывали во рту,
Когда мы тамъ пули глотали.
Семь разъ занимали мы ту высоту,
Семъ разъ мы ее оставляли.

Брать снова ее не хотѣлось намъ всѣмъ,
Земля была жженою кашей...
Но мы ее взяли, и взяли совсѣмъ—
Свое взяли, кровное, наше!

1965 г.

Приговоренные къ жизни.

Въ дорогу — живо, или въ гробъ ложись!
Да, выборъ не богатый передъ нами.
Насъ обрекли на медленную жизнь,
Мы къ ней для вѣрности прикованы цѣпями.

А кое-кто повѣрилъ второпяхъ —
Повѣрилъ безъ оглядки, безтолково, —
Но развѣ это жизнь, когда въ цѣпяхъ,
Но развѣ это выборъ, если скованъ?

Коварна намъ оказанная милость —
Какъ ѕелье полоумныхъ ворожихъ:
Смерть отъ своихъ за камнемъ притаилась,
И сзади — тоже смерть, но отъ чужихъ.

Душа застыла, тѣло затекло,
И мы молчимъ, какъ подставныя пѣшки,
А въ лобовое грязное стекло
Глядитъ и скалится позоръ въ кривой усмѣшкѣ.

И если бы оковы разломать —
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Насъ узами цѣпей къ хваленой жизни.

Неужто мы надѣемся на что-то?
А можетъ быть, намъ цѣпь не по зубамъ?
Зачѣмъ стучимся въ Райскія ворота
Костяшками по кованымъ скобамъ?

Намъ предложили выходъ изъ войны,
Но вотъ какую заломили цѣну:
Мы къ долгой жизни приговорены
Черезъ вину, черезъ позоръ, черезъ измѣну!

Не дорого же мы оцѣнены,
Но изъ игры не вышли мы — спокойно!

И въ сторонѣ отъ той, большой войны
Еще возможно умереть достойно.

И рано насъ равнять съ болотной слизью —
Мы гнѣздъ себѣ на гнили не совьемъ.
Мы не умремъ мучительною жизнью —
Мы лучше вѣрной смертью оживемъ!

1973 г.

Пѣсня о концѣ войны.

Сбиваютъ изъ досокъ столы во дворѣ,
Пока не накрыли — стучатъ въ домино.
Дни въ Маѣ длиннѣе ночей въ Декабрѣ,
И тянется время — но все рѣшено.

Уже довоенныя лампы горятъ вполнакала,
Изъ оконъ на плѣнныхъ глядѣла Москва свысока, —
А гдѣ-то солдаты ложатся подъ огненнымъ шкваломъ,
А гдѣ-то развѣдчикамъ надо добыть языка.

Вотъ уже обновляютъ знамена и строятъ колонны,
И булыжникъ на площади чистъ, какъ паркетъ на балу, —
А все же на западъ идутъ, и идутъ, и идутъ батальоны,
И надъ похоронной заходятся бабы въ тылу.

Не выпито всласть родниковой воды,
Не куплено впрокъ обручальныхъ колецъ —
Все смыло потокомъ великой бѣды,
Которой приходитъ конецъ наконецъ.

Со стеколъ содрали кресты изъ полосокъ бумаги,
И окна ночами уже затемнять ни къ чему, —
А гдѣ-нибудь спиртъ раздаютъ передъ боемъ изъ ѳляги:
Онъ все выгоняетъ — и холодъ, и страхъ, и чуму.

Вотъ уже очищаютъ отъ копоти свѣчекъ иконы,
А душа и уста — и молитвы творятъ, и стихи, —
Но съ краснымъ крестомъ все идутъ, и идутъ, и идутъ эшелоны,
А вродѣ по сводкамъ — потери не такъ велики.

Уже зацвѣтаютъ повсюду сады,
И землю прогрѣло, и воду во рвахъ, —
А кто-то получитъ за ратны труды
Подушку изъ свѣжей травы въ головахъ.

Уже не маячатъ надъ городомъ аэростаты,
Замолкли сирены, готовясь побѣду трубить, —

Но ротные все-таки выйти успѣютъ въ комбаты,
Которыхъ пока еще запросто могутъ убить.

Вотъ уже зазвучали трофейные аккордеоны,
Вотъ и клятвы слышны — жить въ согласьи, любви, безъ долговъ, —
И все же на западъ идутъ, и идутъ, и идутъ эшелоны,
А намъ показалось — почти не осталось враговъ...
А намъ показалось — почти не осталось враговъ...
А намъ показалось — почти не осталось враговъ...

1977 г.

Пѣсня о Землѣ.

Кто сказалъ: «Все сгорѣло дотла,
«Больше въ Землю не бросите сѣмя!»?
Кто сказалъ, что Земля умерла?
Нѣтъ! она затаилась на время.

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, какъ не вычерпать моря.
Кто повѣрилъ, что Землю сожгли?
Нѣтъ! она почернѣла отъ горя.

Какъ разрѣзы, траншеи легли,
И воронки, какъ раны, зіяютъ.
Обнаженныя нервы Земли
Неземное страданіе знаютъ.

Она вынесетъ все, переждетъ,
Не записывай Землю въ калѣки!
Кто сказалъ, что Земля не поетъ,
Что она замолчала навѣки?

Нѣтъ! звенитъ она, стоны глуша,
Изо всѣхъ своихъ ранъ, изъ отдушинъ.
Вѣдь Земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу!

Кто повѣрилъ, что Землю сожгли?
Нѣтъ, она затаилась на время...

1969 г.

A Song about the Earth.

Is the Earth, as they say, burnt and dried?
Will a seed, as they say, never sprout?
Has the Earth, as they say, really died?
It's not so! she's just taken a time-out.

Mother Earth shall forever give birth,
Her maternity isn't a fiction.
Don't think that they've burnt off the Earth,
It's not so! she's just blackened from affliction.

Look! like scars, trenches run back and forth,
Bleeding guts deep shell-craters expose...
They've revealed threadbare nerves of the Earth,
Which unearthly unhappiness knows.

But the Earth shall endure any things,
She's not crippled, though she's booted and looted.
Don't think that the Earth no more sings,
That she's quieted down, diluted.

It's not so! listen, she sings as she can
From each wound, and from each air hole.
Mother Earth is the soul of Man,
Boots cannot trample down the soul!

Don't think that they've burnt off the Earth,
It's not so. She's just taken a time-out...

1969.

Охота на кабановъ.

Грязь сегодня еще непролазнѣй,
Дождь такой, словно хлябь прорвало.
Все равно у охотниковъ праздникъ:
Имъ сегодня стрѣлять кабановъ.

Били въ ведра и гнали къ болоту,
Вытирали промокшіе лбы.
Презирали лѣсовъ позолоту,
Поклонялись азарту пальбы.

Вы за страсть къ охотѣ насъ не упрекайте,
Слово доброе да будетъ на устахъ,—
Любимъ мы кабанье мясо въ карбонатѣ,
Обожаемъ кабановъ въ окорокахъ.

Кабановъ не тревожила дума:
Почему и за что́—какъ въ плѣну.
Кабаны убѣгали отъ шума,
Чтобъ навѣкъ обрѣсти тишину.

Вылетали изъ ружей жаканы,
Безъ разбора разя всѣхъ подрядъ...
Будто радостно билъ въ барабаны
Боевой піонерскій отрядъ.

Вы за страсть къ охотѣ насъ не упрекайте,
Слово доброе да будетъ на устахъ,—
Любимъ мы кабанье мясо въ карбонатѣ,
Обожаемъ кабановъ въ окорокахъ.

Шумъ, костеръ, и тушенка изъ банокъ,
И «охотничья» водка—на столъ.
Только ползъ присмирѣвшій подранокъ,
Завороженно глядя на стволъ.

А потомъ спиртъ плескался въ канистрѣ,
Спалъ азартъ, словно выигранъ бой:

Снесъ подранку полчерепа выстрѣлъ —
И рога протрубили отбой.

Вы за страсть къ охотѣ насъ не упрекайте,
Слово доброе да будетъ на устахъ, —
Любимъ мы кабанье мясо въ карбонатѣ,
Обожаемъ кабановъ въ окорокахъ.

Вамъ разскажутъ они про охоту,
Надъ угольями тушу вертя:
«Стосковались мы, видно, по фронту, —
«По атакамъ, да и по смертямъ.

«Это будто мы снова въ пѣхотѣ,
«Будто снова мы ходимъ въ бои...»
Это душу отводятъ въ охотѣ
Уцѣлѣвшіе братья мои.

Вы за страсть къ охотѣ насъ не упрекайте,
Слово доброе да будетъ на устахъ, —
Любимъ мы кабанье мясо въ карбонатѣ,
Обожаемъ кабановъ въ окорокахъ.

1969 г.

Рѣже, меньше ноютъ раны...

Рѣже, меньше ноютъ раны:
Четверть вѣка — срокъ большой, —
Но въ виски, какъ въ барабаны,
Бьется память, гонитъ въ бой...

Москвичи писали письма,
Что Москвы врагу не взять.
Наконецъ разобрались мы,
Что назадъ уже нельзя.

Нашу почту почтальоны
Доставляли черезъ часъ, —
Слишкомъ быстро — лучше бъ годы
Эти письма шли отъ насъ!

Бой, какъ женщину, мы ждали,
Врывшись въ землю и снѣга, —
И виновныхъ не искали,
Кромѣ общаго врага.

И не находили мѣста —
Ну скорѣе, хоть въ штыки! —
Отступавшіе отъ Бреста
И сибирскіе полки.

Ждали часа, ждали мига
Наступленья столько дней! —
Чтобъ потомъ писали въ книгахъ:
«Безпримѣрно по своей...»

По своей громадной вѣрѣ,
По желанью отомстить,
По такимъ своимъ потерямъ,
Что ни вспомнить, ни забыть.

Кто остался съ похоронной —
Прочиталъ: «Вашъ мужъ, нашъ другъ...»

Ну а повезло которымъ —
Кто безъ ногъ, а кто безъ рукъ.

Чѣмъ и какъ, съ какихъ позицій
Оправдаешь тотъ походъ —
Почему мы отъ границы
Шли назадъ, а не впередъ?

Можетъ, было то маневромъ
(Былъ въ исторіи такой), —
Только лучше бъ въ сорокъ первомъ
Намъ не драться подъ Москвой!

...Помогите хоть немного,
Оторвите отъ жены!
Дай вамъ Богъ повѣрить въ Бога —
Если онъ не Богъ войны.

1966 г.

Давно смолкли залпы орудій...

Давно смолкли залпы орудій,
Намъ свѣтитъ лишь солнечный свѣтъ.
На чемъ провѣряются люди,
Если войны уже нѣтъ?

Приходится слышать не рѣдко
Сейчасъ, какъ тогда:
«Ты бы пошелъ съ нимъ въ развѣдку?
«Нѣтъ или да?»

Не ухнетъ уже бронебойный,
Конвертъ не засунутъ подъ дверь,
И кажется — все такъ спокойно,
Негдѣ раскрыться теперь.

Но все-таки слышимъ не рѣдко
Сейчасъ, какъ тогда:
«Ты бы пошелъ съ нимъ въ развѣдку?
«Нѣтъ или да?»

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Бѣда, и опасность, и рискъ.

Поэтому слышимъ не рѣдко
Сейчасъ, какъ тогда:
«Ты бы пошелъ съ нимъ въ развѣдку?
«Нѣтъ или да?»

Въ поляхъ обезврежены мины,
Но мы не на полѣ цвѣтовъ, —
Вы поиски, sвѣзды, глубины
Не сбрасывайте со счетовъ.

Поэтому слышимъ не рѣдко
Сейчасъ, какъ тогда:

«Ты бы пошелъ съ нимъ въ развѣдку?
«Нѣтъ или да?»
«Ты бы пошелъ съ нимъ въ развѣдку?
«Нѣтъ или да?»

1968 г.

Пѣсня о нейтральной полосѣ.

На границѣ съ Турціей или съ Туркестаномъ —
Полоса нейтральная; а справа, гдѣ кусты, —
Наши пограничники съ нашимъ капитаномъ,
А на лѣвой сторонѣ — ихніе посты.

А на нейтральной полосѣ — цвѣты
Необычайной красоты!

Капитанова невѣста жить рѣшила вмѣстѣ —
Прикатила, говоритъ: «Милый!..» — то да се.
Надо жъ хоть букетъ цвѣтовъ подарить невѣстѣ:
Что за свадьба безъ цвѣтовъ! Пьянка, да и все.

А на нейтральной полосѣ — цвѣты
Необычайной красоты!

Къ ихнему начальнику, точно по повѣсткѣ,
Тоже баба прикатила — налетѣла блажь, —
И тоже «милый» говоритъ, только по-Турецки,
Будетъ свадьба, говоритъ, свадьба — и шабашъ!

А на нейтральной полосѣ — цвѣты
Необычайной красоты!

Наши пограничники — храбрые ребята,
Трое вызвались итти, а съ ними капитанъ.
Развѣ жъ знать они могли про то, что Азіаты
Порѣшили въ ту же ночь вдарить по цвѣтамъ!

Вѣдь на нейтральной полосѣ цвѣты —
Необычайной красоты!

Пьянъ отъ запаха цвѣтовъ капитанъ мертвецки,
Ну а ихній капитанъ тоже въ доску пьянъ, —
Повалился онъ въ цвѣты, охнувъ по-Турецки,
И, по-Русски крикнувъ что-то, рухнулъ капитанъ.

A Song about the Neutral Zone.

On the Turkish or, perhaps, Turkestani border,
There's, of course, the neutral zone, and, where bushes grow,
On the right — our captain with his daredevils keep order,
On the left, in front of them — the outsiders' post.

It's known that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

For the captain's fiancée, their separation was soured.
She arrived, said, "Darling..." and put her charm to use.
So the captain had to get at least a bunch of flowers —
What's a marriage with no blooms? Just a chance to booze!

It's known that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

Their commander also had an impromptu visit,
Bang on cue his dearest one upped and came to stay.
"Darling," said she in their tongue, "it's the will of kismet.
We'll be wed and, over that, there's no more to say."

It's known that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

There are 'mongst our border guards only having brave hearts,
With the captain, three of them for the flowers went.
And it turned out that before their counterparts from Asia
Just that atramentous night the same task was set.

Because that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

Rounded by the flowers' scent, felt the captain hammered,
Meanwhile their commander was also drunk as hell.
As he sunk into the blooms, he in Turkish stammered,
And in Russian mumbled his words the captain as he fell.

А на нейтральной полосѣ — цвѣты
Необычайной красоты!

Спитъ капитанъ — и ему снится,
Что открыли границу, какъ ворота въ Кремлѣ...
Ему вѣдь вовсе не нужна была чужая заграница —
Онъ пройти-то хотѣлъ по ничейной землѣ.

Почему же нельзя? Вѣдь земля-то — ничья,
Вѣдь она — нейтральная!

А на нейтральной полосѣ — цвѣты
Необычайной красоты!

1965 г.

It's known that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

The captain sleeps, and in his sleep it's opened
Our frontier with Turkey just like the Kremlin gate...
He had no need and no desire to reach somebody else's homeland,
What he wanted was to walk where it's owned by no state.

And why's this action banned? Lies in nobody's hand
The neutral zone — it's no man's land!

It's known that flowers on the neutral zone
Are of uncommon beauty all.

1965.

Мы летали подъ Богомъ, возлѣ самаго Рая...

Close to God we were flying, near Garden of Eden...

РАЙСКІЙ АЭРОДРОМЪ.

THE HEAVENLY AIRFIELD.

Пѣсня о погибшемъ другѣ.

Николаю Скоморохову и его погибшему другу.

Всю войну подъ завязку
я все къ дому тянулся,
И хотя горячился,
воевалъ дѣлово.
Ну а онъ торопился,
какъ-то разъ не пригнулся,—
И въ войнѣ взадъ-впередъ обернулся,
за два года—одинъ разъ всего.

Не слыхать его пульса
Съ сорокъ третьей весны,
Ну а я окунулся
Въ довоенные сны.

И гляжу я дурѣя,
Но дышу тяжело...
Онъ былъ лучше, добрѣе,
Добрѣе, добрѣе, добрѣе,
Ну а мнѣ—повезло.

Я за пазухой не жилъ,
не пилъ съ Господомъ чая,
Я ни въ тылъ не стремился,
ни судьбѣ подъ подолъ,
Но мнѣ женщины молча
намекали, встрѣчая:
«Если бъ ты тамъ навѣки остался,
можетъ, мой бы обратно пришелъ.»

Для меня не загадка
Ихъ печальный вопросъ—
Мнѣ вѣдь тоже не сладко,
Что у нихъ не сбылось.

Мнѣ отвѣтъ подвернулся:
«Извините, что цѣлъ!

A Song about the Fallen Friend.

To Nikolay Skomorokhov and his fallen friend.

All the war I was longing
for my home and my town,
And though I got excited,
I performed things quite right,
While he was in a hurry,
once he bent not his crown,
And turned backward and forward, and only
for two years he managed to fight.

So his pulse made no sound
From the forty-third spring,
As for me — yes, I've drowned
In the sweet postwar dream.

My desires are whetted,
But my breath often gets stuck...
He was kinder and better,
He was kinder and better,
But it's me who had luck.

I lived not under cover,
nor I asked for the rear,
I was ever aggressive,
never trying to stack;
But I took an allusion,
and sometimes with a sneer,
In the eyes of the widows I met with,
"Perhaps instead of my man thou cam'st back."

Each of them has her story,
And their look is so sad...
Wives, I also feel sorry
That your stars are too bad.

Once I blurted, "Forgive me,
For the fact I'm alive!

«Я случайно вернулся,
«Вернулся, вернулся, вернулся,
«Ну а вашъ — не успѣлъ...»

Онъ кричалъ напослѣдокъ,
въ самолетѣ сгорая:
«Ты живи! ты дотянешь!» —
доносилось сквозь гулъ.
Мы летали подъ Богомъ,
возлѣ самаго Рая, —
Онъ поднялся чуть выше и сѣлъ тамъ,
ну а я — до земли дотянулъ.

Встрѣтилъ парня отмѣнно
Райскій аэродромъ.
Персоналъ, несомнѣнно,
Былъ наслышанъ о немъ.

Онъ уснулъ — не проснулся,
Онъ запѣлъ — не допѣлъ.
Такъ что я вотъ вернулся,
Вернулся, вернулся, вернулся,
Ну а онъ — не сумѣлъ...

Я кругомъ и навѣчно
виноватъ передъ тѣми,
Съ кѣмъ сегодня встрѣчаться
я почелъ бы за честь.
Вмѣсто нихъ мы живыми
до конца долетѣли,
И жестоко насъ мучаетъ совѣсть —
тѣхъ изъ насъ, у кого она есть.

Скупо, точно и ловко
Богъ отмѣрилъ намъ вѣкъ,
Скоростной и недолгій
Какъ предвзлетный разбѣгъ.

Кто на взлетѣ разбился,
Кто взлетѣлъ навсегда...

I returned without thinking,
I returned without thinking,
And your one wasn't in time..."

He cried out in the ending,
when his plane was flame-ridden,
"Live thou on! thou canst make it!"—
through the roaring I heard.
Close to God we were flying,
near Garden of Eden,
He just zoomed a bit higher and sat there,
as for me—I made it to the Earth.

He was met as a great man
On the Heavenly airfield.
There the staff, without question,
Heard a lot about him.

Too far off he proceeded,
Never he'd move astern.
I returned—yes, I did it,
I returned—yes, I did it,
And he failed to return...

I'll for ever be guilty
toward my pals who were downed,
If I presently met them,
I'd be honored with it.
Yes, we were able to finish
this damned war safe and sound,
But we're not able to quieten our conscience—
those of us who had luck to get it.

God austerely and featly
Measured us days to keep,
Which we pass through as fleetly
As a plane the airstrip.

Some for ever ascended,
Some crashed on that airstrip...

Ну а я приземлился,
А я приземлился —
Вотъ какая бѣда.

1975 г.

As for me — yes, I landed,
As for me — yes, I landed,
It's my fortune and grief.

1975.

ДВѢ ПѢСНИ ОБЪ ОДНОМЪ ВОЗДУШНОМЪ БОѢ.

I. Пѣсня летчика.

Ихъ восемь, насъ — двое. Раскладъ передъ боемъ
Не нашъ, но мы будемъ играть.
Сережа, держись! намъ съ раздачей такою
Все жъ банкъ какъ-то нужно сорвать.

Я этотъ небесный квадратъ не покину,
Мнѣ цифры теперь не важны:
Сегодня мой другъ защищаетъ мнѣ спину,
Поэтому шансы равны.

Мнѣ въ хвостъ вышелъ «Хейнкель», но вотъ задымилъ онъ,
Надсадно завыли винты.
Имъ даже не надо крестовъ на могилы,
Сойдутъ и на крыльяхъ кресты!

Я — «первый», я — «первый», — они подъ тобою,
Я вышелъ имъ наперерѣзъ!
Сбей пламя! уйди въ облака, я прикрою!
Въ бою не бываетъ чудесъ.

Нѣтъ, поздно! теперь уповай, человѣче,
Что будетъ удачнымъ прыжокъ.
Ахъ, чортъ! вотъ и мнѣ вышелъ «Мессеръ» навстрѣчу.
Прощай, я приму его въ лобъ!..

Я знаю — ребята сведутъ съ ними счеты...
Но, по облакамъ скользя,
Взлетятъ наши души, какъ два самолета,
Вѣдь имъ разставаться нельзя.

Архангелъ отправитъ насъ въ Райскія кущи,
Но лишь только приметъ насъ Богъ,
Его мы попросимъ: «Пошли, Всемогущій,
«Въ какой-нибудь ангельскій полкъ.»

TWO SONGS ABOUT THE AIR COMBAT.

I. The Song of the Fighter Pilot.

There are eight opponents, and I with my special friend,
It seems that we're through with our stars.
Seryozha, hold on! it's not our game at present,
So we should equate the trump cards.

They'll never force me to abandon the sphere,
Their number doesn't matter to me:
My friend and companion shields me from the rear,
And therefore the chances are even.

A "Messerschmitt" chased me, then started to smoke,
Its screws hacked the air with a bell.
They even need not crosses upon their long homes,
The ones on their wings will go well!

I'm "first", be attentive! two "Heinkels" are o'er thee,
I've started to close their path!
Go into the clouds, beat the fire, I'll preserve thee!
When fighting, don't hope for marvels.

Sergey, thou'rt on fire! set thy hopes for now
Upon thy successful chuting, man.
Oh, damn it! a "Messerschmitt" storms me, and how!
God bless thee, I'm going to ram!..

I know that others will pay for our trouble...
But, having left down the clouds,
Just as two our planes that were flying in couple,
Our souls will advance up and up.

Saint Peter will say that our guerdon awaits us,
But as soon as he shuts the gate,
We'll ask of our Father, "Do us a high favor:
Take us to a battle group of angels."

Еще попрошу я Отца, Духа, Сына,
Чтобъ выполнилъ волю мою:
Пусть вѣчно мой другъ защищаетъ мнѣ спину,
Какъ въ этомъ послѣднемъ бою.

Мы крылья и стрѣлы попросимъ у Бога,
Безъ неба не можетъ вѣдь асъ...
А если въ Раю истребителей много,
Онъ приметъ въ хранители насъ.

Хранить — это дѣло почетное тоже:
Удачу нести на крылѣ
Такимъ же, какими мы были съ Сережей
И въ воздухѣ, и на землѣ.
Такимъ же, какими мы были съ Сережей
И въ воздухѣ, и на землѣ.

II. Пѣсня самолета-истребителя.

Юрію Любимову.

Я — «Якъ», истребитель. Моторъ мой звенитъ.
Небо — моя обитель.
Но тотъ, который во мнѣ сидитъ,
Считаетъ, что онъ — истребитель.

Въ этомъ бою мною «Хейнкель» сбитъ, —
Я сдѣлалъ съ нимъ, что хотѣлъ.
А тотъ, который во мнѣ сидитъ,
Изрядно мнѣ надоѣлъ.

Я въ прошломъ бою навылетъ прошитъ,
Меня механикъ заштопалъ, —
Но тотъ, который во мнѣ сидитъ,
Опять посылаетъ въ штопоръ.

Изъ бомбардировщика бомба несетъ
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизаторъ поетъ:
«Миръ вашему дому!»

And I'll also ask of the Son, Spirit, Father
To give me His merciful sanction
To make my companion the one of all others
For shielding my rear in actions.

We'll ask wings and bows of our Heavenly Father,
An ace sees himself but in heaven...
But if there's no shortage of warrior brothers,
He'll let us be guardians then.

To guard is a heavily honorable service,
We'll carry good luck on our wings
To such ones as were I and my friend Seryozha,
When 'mongst living people were we.
To such ones as were I and my friend Seryozha,
When 'mongst living people were we.

II. The Song of the Fighter Plane.

To Yury Lyubimov.

I'm "Yak" the fighter. I fly with glee,
And heavens make me almighty.
But he, who's sitting inside of me,
Reckons that he is a fighter.

Today I've brought down a "Messerschmitt",
That deal was rather a bore!
But him, who's sitting inside of me,
I cannot bear any more.

Last night mechanics were puzzled to see
A mass of gaps in my skin,
But he, who's sitting inside of me,
Compels me to make a spin.

From out the bomber its load brings
Destruction to the airdrome,
But one can hear as the bomb's fin sings,
"Peace be unto your home!"

Вотъ сзади заходитъ ко мнѣ «Мессершмиттъ».
Уйду — я усталъ отъ ранъ.
А тотъ, который во мнѣ сидитъ,
Способенъ пойти на таранъ.

Что дѣлаетъ онъ, вѣдь сейчасъ будетъ взрывъ!..
Но мнѣ не горѣть на пескѣ —
Запреты и скорости всѣ перекрывъ,
Я выхожу изъ пике.

Я — главный. А сзади... Ну чтобъ я сгорѣлъ!
Гдѣ же онъ, мой ведомый?!
Вотъ онъ задымился, кивнулъ — и запѣлъ:
«Миръ вашему дому!»

И тотъ, который въ моемъ черепкѣ,
Остался одинъ — и влипъ.
Меня въ заблужденье онъ ввелъ, и въ пике —
Прямо изъ мертвой петли.

Онъ рветъ на себя, и нагрузки — вдвойнѣ.
Эхъ, тоже мнѣ летчикъ-асъ!
И снова приходится слушаться мнѣ,
Но это въ послѣдній разъ.

Я больше не буду покорнымъ, клянусь,
Ужъ лучше лежать на землѣ!
Ну что жъ онъ не слышитъ, какъ бѣсится пульсъ:
Бензинъ — моя кровь — на нулѣ!

Терпѣнью машины бываетъ предѣлъ,
И время его истекло.
И тотъ, который во мнѣ сидѣлъ,
Вдругъ ткнулся лицомъ въ стекло.

Убитъ! Наконецъ-то лечу налегкѣ,
Послѣднія силы жгу.
Но что́ это, что́?! я въ глубокомъ пикѣ —
И выйти никакъ не могу!

Two “Heinkels” chase me. I want to flee—
So tired of wounds am I!
But he, who’s sitting inside of me,
Again is going to fight!

He must be crazy, we’ll certainly blow!
Thank heavens I’m still alive—
Having exceeded all limits known,
I’ve gone out of this death dive!

Here I’m the leader. But from the rear...
From now on I’ll be alone:
My wing man smokes and loudly sings,
“Peace be unto your home!”

So he who reckons that he can fight
Has found himself in the soup.
And he’s deceived me—compelled to dive,
When I had to loop the loop.

He jerks the stick, and the load doubles—
How rude is this so-called ace!
Again he brought me a pack of troubles,
And this was the final case.

Henceforth I won’t listen to what he talks,
I’d rather lie on the ground!
But doesn’t he hear as my motor knocks?
My fuel blood is almost up.

The plane’s indulgence has its extreme,
And mine is already passed.
And he, who’s sitting inside of me,
Has stuck his face in the glass.

He’s killed! At long last, I may fly free!
I spare no strength at all!
But what’s this? what? why it’s happed to me?
Why do to the ground I fall?

Досадно, что самъ я не много успѣлъ,
Но пусть повезетъ другому.
Выходитъ, и я напослѣдокъ спѣлъ:
«Миръ вашему дому!»
«Миръ вашему дому!»

1968 г.

How I regret that so little I've done,
Let ye have luck in your roams.
Yet it turned out that I've also sung,
"Peace be unto your home!"
"Peace be unto your home!"

1968.

Я первый смѣрилъ жизнь обратнымъ счетомъ...

Юрію Гагарину.

Я первый смѣрилъ жизнь обратнымъ счетомъ —
Я буду безпристрастенъ и правдивъ:
Сначала кожа выстрѣлила потомъ
И задымилась, поры разрядивъ.

Я затаился, и затихъ, и замѣръ, —
Мнѣ показалось — я вернулся вдругъ
Въ бездушье безвоздушныхъ барокамеръ
И въ замкнутыя петли центрифугъ.

Сейчасъ я стану недвижимъ и грузенъ,
И погруженъ въ молчанье, а пока —
Мѣха готовятъ всѣхъ газетныхъ кузенъ
Раздуть свершенье это на вѣка.

Хлестнула память мнѣ кнутомъ по нервамъ —
Въ ней каждый образъ былъ неповторимъ...
Вотъ мой дублеръ, который могъ быть первымъ,
Который смогъ впервые стать вторымъ.

Пока что на него не тратятъ шрифта,
Запасъ заглавныхъ буквъ — на одного.
Мы съ нимъ вдвоемъ прошли весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся безъ него...

Вотъ тотъ, который прочертилъ орбиту,
Въ лицо его не долженъ знать никто.
Сейчасъ онъ, вѣрно, въ бункерѣ закрытомъ
Бросаетъ горсти мыслей въ рѣшето...

И словно изъ-за дымовой завѣсы
Глядятъ глаза знакомыхъ и родныхъ, —
Они всѣ скоро на страницахъ прессы
Разскажутъ о предчувствіяхъ своихъ.

I measured in a count-down manner...

To Yury Gagarin.

I measured in a count-down manner
My life that day — as no one did before!
My skin with sweat first fired, like a cannon,
And smoke came from every single pore.

I got cold feet — I clearly remember,
I felt myself a frightened, silent stooge.
Was it again a lifeless pressure chamber?
Was it again a spinning centrifuge?

I gained more weight as if becoming fatter,
I made no sound like a speechless one,
Next day the papers out of this matter
Will fan "big deal" for centuries to come.

My memory blew up just like a burster —
The images I saw were sharp and true.
Here's my back-up. He could become the first one,
But he became the first one number two.

For scoops and headlines he's a small potato —
A hero must always be alone!
We came together to the elevator,
But then I went upstairs on my own.

And next I saw the man, so strictly covered,
He was top-secret, few could see his face.
He had discovered all to be discovered
And drew the orbit through the freezing space.

As if emerging from the troubled waters,
Appeared faces of my friends and wife.
Tomorrow they'll talk to the reporters
About their parts in my heroic life!

«Всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ велъ я доброе сосѣдство,
Свидѣтелями призовутъ на судъ,—
Обычное мое, босое дѣтство
Обуютъ и въ скрижали занесутъ...

Чудное слово «пускъ!»—подобье вопля—
Возникло и нависло надо мной,—
Недобро, глухо заворчали сопла
И сплюнули расплавленной слюной.

И вихремъ чувствъ пожаръ души задуло,
И я не смѣлъ—или забылъ—дышать.
Планета напослѣдокъ притянула,
Прижала, не желая отпускать.

Она вцѣпилась удесятеренно,—
Глаза, казалось, вышли изъ орбитъ,
И правый глазъ впервые удивленно
Взглянулъ на лѣвый, вѣкомъ не прикрытъ.

Крикъ замеръ въ горлѣ, словно это кляпъ былъ,
Я росъ изъ кресла, какъ съ вѣтвями пень.
Вотъ сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.

Тамъ, подо мной, сирены голосили,
Не знаю—хороня или храня,
А здѣсь надсадно двигатели взвыли
И изъ объятій вырвали меня.

Приборы на землѣ угомонились,
Вновь чередомъ своимъ пошла весна,
Глаза мои на мѣсто возвратились,
Исчезли перегрузки,—тишина...

Экспериментъ вошелъ въ другую фазу,—
Пульсъ началъ рѣже въ датчики стучать.
Я въ ночь влетѣлъ—минуя вечеръ, сразу,—
И получилъ команду отдыхать.

All those men of whom I was aware
Of this great fuss will start collecting tolls.
My childhood which was hungry, dull and bare
Will be dressed up and written down on scrolls.

And then I heard a word. This word was “Go!”
It sounded that minute like a wail...
I heard the nozzles menacingly blow,
Expectorating burning spit away.

I couldn’t breathe — or, maybe, didn’t dare!
A hurricane of feelings stormed my soul.
The planet seized the rocket in despair
And held it tight and didn’t let it go.

The planet drew us back — me and the rocket,
The pull was awful — one may simply die!
Each eye of mine sprang out of its socket —
Each eye could now look the other eye!

Cries gagged my mouth. Sufferings were cruel.
The spaceship turned into a burning cage...
Then down went, disposed of its fuel,
The first, the most powerful stage.

Below me shrill sirens (maybe angels?)
Began to sing. Was it a praise? A curse?
But now roared, like mad, my mighty engines
And snatched me then from the embracing Earth.

The world sat back — it got some relaxation,
And spring resumed its advent, wide and fast.
My eyes returned to their normal station,
The pain was gone and silence came at last!

Board sensors marked my pulse as calm and even,
The flight continued as a steady sweep.
I flew straight into midnight, skipping evening,
And ground controls ordered me to sleep.

И стало тѣсно голосамъ въ эѳирѣ,
Но Левитанъ ворвался, какъ въ спортзалъ,
И отчеканилъ громко: «Первый въ мірѣ...» —
И про меня хорошее сказалъ.

Я, ощущая словъ своихъ серіозность,
Повѣдалъ какъ я чувствую себя.
Пришла такая приторная легкость,
Что даже затошнило отъ нея.

Шнуръ микрофона словно въ петлю свился,
Стучали въ ребра легкія, звеня.
Я на мгновенье сердцемъ подавился —
Оно застряло въ горлѣ у меня.

Я отдалъ рапортъ грамотно, на совѣсть —
Разборчиво и очень дѣлово.
Я думалъ: вотъ она и невесомость,
Когда не весишь вовсе ничего.

Но я не вѣдалъ въ этотъ часъ полета,
Что тяжесть невесомости милѣй,
Что отъ нея кровавой станетъ рвота,
И кальцій будетъ вымытъ изъ костей...

1972 г.

Then for some time they heard from me no sound,
They felt uneasy—kind of I was dead.
But radio broke silence all around:
“The first man in the history...” it said.

I took my helmet off to ease the tightness,
And said that I had now a nice day.
I suddenly was caught by some sweet lightness,
Which made me dizzy in a certain way.

Some wire noosed my neck right when I spoke,
My lungs against the ribs insanely struck.
Just for a second with my heart I choked—
Inside the throat it suddenly got stuck.

But I informed all those who were waiting,
Who gathered in the underground hall,
About my condition: “I’m weightless,
It’s funny, it’s impossible to fall!”—

And didn’t know, flying like a comet,
Enjoying weightlessness and relishing the day,
That weightlessness calls forth the bloody vomit
And washing the bone calcium away...

1972.

Служеніе стихіямъ не терпитъ суеты...

One serving the Four Elements shouldn't be in a bustle...

СЛУЖЕНІЕ СТИХІЯМЪ.

SERVING THE ELEMENTS.

Гимнъ морю и горамъ.

Заказана погода намъ Удачею самой,
Довольно футовъ намъ подъ киль обѣщано,
И небо подѣлилось съ океаномъ синевой —
Двѣ синевы на горизонтѣ скрещены.

Не правда ли, морской хмельной невиданный просторъ
Сродни горамъ въ безумьи, буйствѣ, кротости:
Сѣдыя гривы волнъ чисты, какъ снѣгъ на пикахъ горъ,
И впадины межъ ними, словно пропасти.

Служеніе стихіямъ не терпитъ суеты,
Къ двумъ полюсамъ ведетъ меридіанъ.
Благословенны Вѣчные хребты,
Благословенъ Великій океанъ!

Намъ самъ Великій случай — братъ, Везеніе — сестра,
На всякій случай въ мѣру мы встревожены.
Намъ повезетъ — желали вѣдь ни пуха ни пера,
Созвѣздья къ намъ прекрасно расположены.

Мы всѣ — впередсмотрящіе, всѣ начали съ азовъ.
А если у кого-то невезеніе, —
Мѣняемъ курсъ, спѣшимъ на *S.O.S.* — какъ и въ горахъ на зовъ
Спѣшатъ, прервавъ къ вершинѣ восхожденіе.

Служеніе стихіямъ не терпитъ суеты,
Къ двумъ полюсамъ ведетъ меридіанъ.
Благословенны Вѣчные хребты,
Благословенъ Великій океанъ!

Потери посчитаемъ мы, когда пройдетъ гроза, —
Не сѣдиной, а солью убѣленные.
Скупая океанская огромная слеза
Умоетъ наши лица просвѣтленныя...

Взята вершина — клотики вонзились въ небеса!
Съ небесъ на землю — только на мгновеніе:

Едва закончивъ рейсъ, мы поднимаемъ паруса —
И снова начинаемъ восхожденіе.

Служеніе стихіямъ не терпитъ суеты,
Къ двумъ полюсамъ ведетъ меридіанъ.
Благословенны Вѣчные хребты,
Благословенъ Великій океанъ!
Благословенны Вѣчные хребты,
Благословенъ Великій океанъ!
Благословенны Вѣчные хребты,
Благословенъ Великій океанъ!

1976 г.

Туманъ.

Сколько чудесъ за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидѣть, ни взять; —
Дважды пытались, но Богъ любитъ троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй какъ заклинанье:
«Не потеряй вѣру въ туманѣ,
«Да и себя не потеряй!»

Было когда-то — тревожили бѣды насъ, —
Многихъ туманъ укрывалъ отъ враговъ.
Нынче, туманъ, не нужна твоя преданность, —
Хватитъ тайгу запирать на засовъ!

Выучи намертво, не забывай
И повторяй какъ заклинанье:
«Не потеряй вѣру въ туманѣ,
«Да и себя не потеряй!»

Тайной покрыто, молчаніемъ сколото —
Заколдовала природа-шаманъ.
Черное золото, бѣлое золото
Сторожъ сѣдой охраняетъ — туманъ.

Только ты выучи, не забывай
И повторяй какъ заклинанье:
«Не потеряй вѣру въ туманѣ,
«Да и себя не потеряй!»

Что же выходитъ — и пробовать нечего,
Передъ туманомъ ничто человѣкъ?
Но отъ тепла, отъ тепла человѣчьяго
Даже туманъ поднимается вверхъ!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй какъ заклинанье:

«Не потеряй вѣру въ туманѣ
«Да и себя не потеряй!»
«Не потеряй!»

1968 г.

Черное золото.

Не sвѣздолетъ насъ держитъ, а забой,
Мы не равны служителямъ конфессій,—
Но мы владѣемъ тоже внѣземной—
И самою земною изъ профессій.

Любой изъ насъ—ну, чѣмъ не чародѣй?
Изъ преисподней на́верхъ уголь мечемъ.
Мы топливо отнимемъ у чертей—
Свои котлы топить имъ будетъ нечѣмъ!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Работаемъ какъ черти, всѣ въ пыли,
Зато нашъ поѣздъ не уйдетъ порожнимъ.
Терзаемъ чрево Матери-Земли,
Чтобъ было бытіе на ней надежнымъ.

Вотъ вагонетки, душу веселя,
Проносятся, какъ въ фильмѣ о погоняхъ.
И шуточку «Даешь странѣ угля!»
Мы чувствуемъ на собственныхъ ладоняхъ.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Воронками изрытыя поля
Не позабудь и оглянись во гнѣвѣ,—
Но насъ, благословенная Земля,
Прости за то, что роемся во чревѣ.

Не бойся заблудиться въ темнотѣ
И захлебнуться пылью—не одинъ ты!
Впередъ и внизъ! Не быть намъ на щитѣ—
Мы сами роемъ эти лабиринты!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

1970 г.

Бѣлое безмолвіе.

Всѣ года и вѣка и эпохи подрядъ
Все стремится къ теплу отъ морозовъ и вьюгъ.
Почему жъ эти птицы на сѣверъ летятъ,
Если птицамъ положено только на югъ?

Слава имъ не нужна и величіе.
Вотъ подъ крыльями кончится ледъ —
И найдутъ они счастіе птичее
Какъ награду за дерзкій полетъ.

Что же намъ не жилось, что же намъ не спалось,
Что́ насъ выгнало въ путь по высокой волнѣ?
Намъ сіянье пока наблюдать не пришлось, —
Это рѣдко бываетъ — сіянья въ цѣнѣ.

Тишина. Только чайки, какъ молніи, —
Пустотой мы ихъ кормимъ изъ рукъ.
Но наградою намъ за безмолвіе
Обязательно будетъ звукъ.

Какъ давно снятся намъ только бѣлые сны —
Всѣ иные оттѣнки снѣга занесли.
Мы ослѣпли, темно отъ такой бѣлизны,
Но прозрѣемъ отъ черной полоски земли.

Наше горло отпуститъ молчаніе,
Наша слабость растаетъ, какъ тѣнь,
И наградой за ночи отчаянья
Будетъ вѣчный полярный день.

Сѣверъ — воля, надежда, — страна безъ границъ,
Снѣгъ безъ грязи, такой же какъ жизнь безъ вранья.
Воронье намъ не выклюетъ глазъ изъ глазницъ,
Потому что не водится здѣсь воронья.

Кто не вѣрилъ въ дурныя пророчества,
Въ снѣгъ не легъ ни на мигъ отдохнуть —

The White Silence.

It's in each and all centuries been thus on this earth
That all things tend to run from the frost and snowstorms.
So wherefore toward the North their way wing these birds,
If the South's the right subject the birds should long for?

They need not any fame, any stateliness.
Soon the ice will be out of sight—
And they'll find there their birds' blessedness
As a prize for this daring flight.

So why we lingered not in a cozy bed,
What compelled us to sail through the vehement ocean?
We've not seen—it's a pity!—the Northern lights yet,
For they give not light often—it's the things of vast cost.

Silence reigns. Only seagulls like lightning streaks,
Pecking hungrily, flash all around.
But we'll get for the silence and trustiness,
As a prize, the so-long dreamed of sound.

Even dreams in the North are in pale, bloodless white,
All the colors are hidden out under the snow.
With this whiteness around, we've long lost our sight,
With the first strip of black we'll recover it, though.

Our throats will become free from wordlessness,
Our weariness will fade away,
And we'll get for the nights of despondency,
As a prize, the perennial day.

There are hope and freedom, and space, and the snow—
Clean white snow with no mud, like a life with no lies...
Our eyes won't be ever pecked out by crows,
For such things in the North can't keep up their life.

He who trusted not in doleful prophecies,
Who lay not in the snow on the way—

Тотъ въ награду за одиночество
Долженъ встрѣтить кого-нибудь!

1972 г.

He'll for certain for the long, utter loneliness,
As a prize, meet somebody — some day!

1972 г.

Моимъ друзьямъ.

Когда я спотыкаюсь на стихахъ,
Когда не до размѣровъ, не до рѵѳмъ,
Тогда друзьямъ пою о морякахъ,
До бѣлыхъ пальцевъ стискивая грифъ,—

Какъ дѣламъ моимъ на сушѣ вопреки,
И назло моимъ заботамъ на землѣ
Вдругъ пришлютъ за мною шлюпку моряки,
И протянутъ кружку рома на веслѣ.

На сушѣ тѣсно... Каждый пѣшеходъ
Опаздываетъ вѣчно и спѣшитъ,
А морѣ — широко, и всякъ плыветъ
Свободно, и подъ винтъ не норовитъ.

Всѣмъ дѣламъ моимъ на сушѣ вопреки,
И назло моимъ заботамъ на землѣ
Вы возьмите меня въ море, моряки,
Я всѣ вахты отстою на кораблѣ!

Извѣстно вамъ: міръ не на трехъ китахъ,
И не на трехъ слонахъ, не на троихъ.
Когда въ чужихъ широтахъ что не такъ,
Вы помните: васъ крѣпко ждутъ въ своихъ.

Всѣмъ дѣламъ моимъ на сушѣ вопреки,
И назло моимъ заботамъ на землѣ
Вы возьмите меня въ море, моряки,
Я всѣ вахты отстою на кораблѣ!

1972 г.

To My Friends.

I haven't discovered what is worthy on the Dry Land—
Here any action is but a striving after wind.
And I'm agreed that everybody is an island—
Then it'll be right to leave the Dry Land for the Sea.

So in despite of all my cares and affairs,
And notwithstanding of the Dry Land's tricks and shifts,
Take up me out to the Sea, O dear sailors—
My hearted dream is to keep watches on a ship!

All those being on the Dry Land love but gold,
The path they walk is lighted up by its dim light.
And there are sailors on the Sea Enormous Scope—
The plucky ones who fight their path in the sunlight.

So in despite of all my cares and affairs,
And notwithstanding of the Dry Land's tricks and shifts,
Take up me out to the Sea, O dear sailors—
My hearted dream is to keep watches on a ship!

Ye know well that two can do what can't do one,
And always get a proper guerdon for their work;
That good and bad which comes to them they part in half—
I will agree on any hard and painful work!

So in despite of all my cares and affairs,
And notwithstanding of the Dry Land's tricks and shifts,
Take up me out to the Sea, O dear sailors—
My hearted dream is to keep watches on a ship!

1972.

Человѣкъ за бортомъ.

Анатолію Гарагулѣ.

Былъ штормъ — канаты рвали кожу съ рукъ,
Вздымались волны въ переплясѣ съ чортомъ,
Пѣлъ вѣтеръ пѣсню грубую, — и вдругъ
Раздался голосъ: «Человѣкъ за бортомъ!»

И сразу — «Полный назадъ! Стопъ машина!
«На воду шлюпку, помочь —
«Вытащить сукина сына
«Или, тамъ, сукину дочь!»

Я пожалѣлъ, что обреченъ шагать
По сушѣ, — значитъ, мнѣ не ждать подмоги —
Никто меня не бросится спасать,
И «Оскаръ» не заплещется въ тревогѣ.

А скажутъ: «Полный впередъ! Вѣтеръ въ спину!
«Будемъ въ порту по часамъ.
«Такъ ему, сукину сыну, —
«Пусть выбирается самъ!»

И мой корабль отъ меня уйдетъ —
На немъ, должно быть, люди выше сортомъ.
Впередсмотрящій смотритъ лишь впередъ —
Не видитъ онъ, что человѣкъ за бортомъ.

Я вижу — мимо суда проплываютъ,
Ждетъ ихъ привѣтливый портъ, —
Мало ли кто выпадаетъ
Съ главной дороги за бортъ!

Пусть въ море меня вынесетъ, а тамъ —
Гуляетъ вѣтеръ вверхъ и внизъ по гаммѣ; —
За мною спуститъ шлюпку капитанъ —
И обрѣту я почву подъ ногами.

Man Overboard.

To Anatoly Garagulya.

The rugged wind with hellish screeches sang—
The storm gave not the seamen any pardon.
The ropes tore the skin on palms and—bang!—
"Man overboard!"—they heard all of a sudden.

And at once—"Full astern! Boat in water!"—
The strict skipper was brief in his speech.
"Rescue that unconcerned bitch's daughter
Or, perhaps, witless son of a bitch!"

Life on the Land is opposite, I guess—
To be alone in any plight I'm bound.
The landsmen won't save me from any mess,
And sirens of alarm won't ever sound.

With no one's aid my woe will lessen,
But, instead, they'll declare they're right.
And I'll hear, "We'll teach you a lesson!
Ye yourself must get rid of your plight!"

My former team will leave me far behind.
I'd want them to become a little better...
Man overboard is what they'll never mind,
For none of them his woe is a question.

They'll rush on, so content, so conceited,
On the way that's so lit and so broad—
It's quite right that the strangers defeated
Are intended to stay overboard!

I wish the storm to sweep me to the Sea—
High waves and winds will greet me on arrival.
There will be sent a boat to rescue me,
And thus I'll get good chances for survival.

Они зацѣпятъ меня за одежду,—
Значитъ, падать одѣтому—плюсъ,—
Въ шлюпочный бортъ, какъ въ надежду,
Мертвою хваткой вцѣплюсь.

Я на борту—курсъ прежній, прежній путь—
Мнѣ тянутъ руки, души, папиросы;—
И я увѣренъ: если что-нибудь—
Мнѣ бросятъ кругъ спасательный матросы.

Правда, качка у нихъ—это норма,
Въ штормы отъ вахтъ не вздохнуть,—
Но человѣку за бортомъ
Здѣсь не дадутъ утонуть!

1969 г.

They'll pull me with a hook by my robe—
Odds for saving your garments increase—
And the boat board, exactly like hope,
With all strength of myself will I seize!

So I'm on board, the ship is on the course.
Folks hand me weeds and hearts of their own.
And if once more I happen to get the worst—
A life-buoy by these seamen will be thrown.

There the storms fall on all year round,
And the seamen keep watches and ward...
But they'll never let someone be drowned
In the case he'll be washed overboard!

1969.

Не бываетъ кораблей безъ названія...

Не бываетъ кораблей безъ названія,
Не бываетъ и людей безъ призванія.
Каждый призванъ что-то дѣлать, что-то совершить,—
Разъ живешь на свѣтѣ бѣломъ—надо кѣмъ-то быть.

1969 г.

You won’t discover nameless ships...

You won’t discover nameless ships,
Nor people who weren’t called.
Each one of us must do the deeds
He came for to the world.

1969.

Этотъ день будетъ первымъ всегда и вездѣ...

Этотъ день будетъ первымъ всегда и вездѣ —
Пробилъ часъ, долгожданный серебряный часъ:
Мы ушли по весенней высокой водѣ,
Обѣщаніемъ помнить и ждать заручась.

Мы пройдемъ по пути мореходовъ безвѣстныхъ и славныхъ,
Проложившихъ намъ курсъ черезъ рифы, туманы и льды, —
Будоража бушпритомъ волну, съ океаномъ на равныхъ —
Лишь въ упряжкѣ вѣтровъ, не терзая винтами воды.

Впереди — чудеса неземныя!
А чтобъ насъ было ждать веселѣй,
Будемъ мы посылать позывные —
Непремѣнную дань кораблей.

Постарѣлъ Новый Свѣтъ, измѣнился и флотъ,
Даже судна рыбацкія нынѣ съ винтомъ.
Многотрубные увальни вышли въ почетъ,
Самый лучшій корабль закованъ въ бетонъ.

Но весь родъ моряковъ, пока будутъ смѣняться колѣна,
Будетъ помнить о тѣхъ, кто ходилъ на накалѣ страстей.
И текла за бортомъ добѣла раскаленная пѣна,
И щадила Фортуна безстрашныхъ своихъ сыновей.

Впереди — чудеса неземныя!
А чтобъ насъ было ждать веселѣй,
Будемъ мы посылать позывные —
Непремѣнную дань кораблей.

Материкъ безъименный не встрѣтимъ вдали,
Островамъ не присвоимъ названій своихъ —
Въ годы давніе всѣ острова нарекли
Именами великихъ людей и святыхъ.

Разобрали открытья — мы ложныхъ иллюзій не строимъ, —
Но стекаетъ вода съ якорей — значитъ, все не бѣда!

Какъ обѣщано намъ, мы въ себѣ эти земли откроемъ,—
И на берегъ сойдемъ—и останемся тамъ навсегда.

Не смыкайте же вѣкъ, смотровые!
Вѣдь однажды расщедрится мгла:
На землѣ нашихъ грезъ въ дни былые
Запалили для насъ ѳакела.

Впереди—чудеса неземныя!
А чтобъ насъ было ждать веселѣй,
Будемъ мы посылать позывные—
Непремѣнную дань кораблей.

1976 г.

Сначала было Слово печали и тоски...

Сначала было Слово печали и тоски,
Рождалась въ мукахъ творчества планета.
Рвались отъ суши въ никуда огромые куски
И островами становились гдѣ-то.

И, странствуя по свѣту безъ ѳрахта и безъ ѳлага
Сквозь милліонолѣтья, эпохи и вѣка,
Мѣнялъ свой обликъ островъ, отшельникъ и бродяга,
Но сохранялъ природу и духъ материка.

Сначала было Слово, ну а потомъ — Слова,
Когда матросы Землю заселяли; —
И ринулись они по сходнямъ вверхъ на острова,
Для красоты назвавъ ихъ кораблями.

Но цѣпко держитъ берегъ — надежнѣй мертвой хватки,
И острова вернутся назадъ навѣрняка.
На нихъ царятъ морскіе, особые порядки,
На нихъ хранятъ законы и честь материка.

Проститъ ли насъ наука за эту параллель,
За вольность въ толкованіи ѳеорій, —
Но если ужъ сначала было слово на Землѣ,
То это, безусловно, слово «море»!

1974 г.

In the beginning was the Word...

In the beginning was the Word,
The Word of bitter grief and pang...
Thereafter was the islands' birth,
And they abandoned the mainland.

They traveled about without freight
Through many thousands of miles and years,
And every island changed its face,
But kept the law and honor of the Earth.

In the beginning was the Word,
The Word of bitter grief and pang...
Thereafter was the sailors' birth,
And they abandoned the mainland.

The shore holds them as sure as safe,
And they'll for certain come back to the Earth:
They keep the rigorous ship-shape,
They keep the law and honor of the Earth.

My stand in science is unheard,
But known to the common people:
In the beginning of this world
There wasn't another word than "sea"!

1974.

Штормитъ весь вечеръ, и пока...

Алеѯандру Галичу.

Штормитъ весь вечеръ, и пока
Заплаты пѣнныя латаютъ
Разорванные швы песка,
Я наблюдаю свысока,
Какъ волны головы ломаютъ.

И я сочувствую слегка
Погибшимъ, — но изъ далека.

Ахъ, нѣтъ спасенья отъ судьбы!
И, предъ кончиной хорошѣя,
По зову боевой трубы
Взлетаютъ волны на дыбы,
Ломаютъ выгнутыя шеи.

И я сочувствую слегка
Погибшимъ имъ, — изъ далека.

А вѣтеръ снова въ гребни бьетъ
И гривы пѣнныя ерошитъ.
Волна барьера не возьметъ,
Ей кто-то ноги подсѣчетъ —
И рухнетъ взмыленная лошадь.

И посочувствуютъ слегка
Погибшей ей, — изъ далека.

Придетъ и мой чередъ вослѣдъ:
Мнѣ дуютъ въ спину, гонятъ къ краю.
Въ душѣ предчувствіе, какъ бредъ,
Что надломлю себѣ хребетъ
И тоже голову сломаю.

Мнѣ посочувствуетъ слегка —
Погибшему, — изъ далека.

This night the sea cannot relax...

To Alexander Galich.

This night the sea cannot relax,
A foam is floating in the air,
And hitting rocks in wild attacks,
The waves are breaking their curved backs,
And, from a high, at this I stare.

I'm sorry for the dead at heart,
But take good care to keep apart.

The waves are furious and upset,
They wail with pain and indignation—
They want to live but die instead,
It's such a shame that they fall dead
When almost reach their destination!

I'm sorry for the dead at heart,
But take good care to keep apart.

The wind again assails and tears
The manes of foam with senseless ardor.
This hurdle the waves will never clear—
A foot will slip, the horse will scream—
And with the white foam she'll be covered.

And some will mourn for her at heart,
But take good care to keep apart.

My turn will follow theirs, I know:
I'm being pushed towards the border.
A presage lacerates my soul—
I'll break my back close to my goal;
There's someone who won't stop at murder.

And some will mourn for me at heart,
But take good care to keep apart.

Такъ многіе сидятъ въ вѣкахъ
На берегахъ и наблюдаютъ
Внимательно и зорко, какъ
Другіе рядомъ на камняхъ
Хребты и головы ломаютъ.

Они сочувствуютъ слегка
Погибшимъ, — но изъ далека.

Но въ сумеркахъ морского дна,
Въ глубинахъ тайныхъ, кашалотьихъ,
Родится и взойдетъ одна
Неимовѣрная волна, —
На берегъ ринется она
И наблюдающихъ поглотитъ.

Я посочувствую слегка
Погибшимъ имъ, — изъ далека.

1973 г.

Thus many people choose to stay
Upon the shore — they just grow older
Intently studying the way
The others struggle in the surf play,
And break their backs and necks on boulders.

They're sorry for the dead at heart,
But take good care to keep apart.

But at the darkish ocean floor,
Where whales inhabit secret hollows,
A monstrous billow will be born —
It'll rise up and o'erspread the shore,
And the observers will be swallowed.

That time I'll mourn for them at heart,
But take good care to keep apart.

1973.

Пиратская.

На суднѣ бунтъ, надъ нами чайки рѣютъ.
Вчера изъ-за дублоновъ золотыхъ
Двухъ негодяевъ вздернули на рею,—
Но надо было вздернуть четверыхъ.

Ловите вѣтеръ всѣми парусами!
Къ чему гадать, любой корабль — врагъ.
Удача — здѣсь, и эту вѣру сами
Мы создали, поднявши черный флагъ.

Катился комъ по кораблю отъ бака,
Забыто все — и честь, и кутежи.
И, подвывая, можетъ быть, отъ страха,
Они достали длинные ножи.

Ловите вѣтеръ всѣми парусами!
Къ чему гадать, любой корабль — врагъ.
Удача — здѣсь, и эту вѣру сами
Мы создали, поднявши черный флагъ.

Вотъ двое въ капитана пальцемъ тычутъ:
Достать его — и имъ не страшенъ чортъ!
Но капитанъ вчерашнюю добычу
При всей командѣ выбросилъ за бортъ.

Ловите вѣтеръ всѣми парусами!
Къ чему гадать, любой корабль — врагъ.
Удача — здѣсь, и эту вѣру сами
Мы создали, поднявши черный флагъ.

Но вотъ волна, подобная надгробью,
Все смыла, съ горла сброшена рука.
Бросайте за бортъ все, что пахнетъ кровью,—
Повѣрьте, что цѣна не высока.

Ловите вѣтеръ всѣми парусами!
Къ чему гадать, любой корабль — врагъ.

A Pirate Song.

A mutiny is on, and gulls cry high above,
Because two scoundrels hang on the yard-arm.
They've gotten a good reward for their foul bluff,
Brought to some gentlemen as offense as harm.

We catch the fair wind with each one of our sails!
A rightful prize is any ship alone.
Good luck is here, and we've made this faith ourselves
By hoisting the black flag with skull and bones.

Full of ill temper, they were moving from the bow—
These gentlemen have forgotten their word.
Some former friends locked one another in death struggle,
And after that long knives began the world.

We catch the fair wind with each one of our sails!
A rightful prize is any ship alone.
Good luck is here, and we've made this faith ourselves
By hoisting the black flag with skull and bones.

Two leaders cry, "It's the right time to take the captain!"
And they fear nor the Devil nor the Lord.
But in the face of all the crew, our gallant captain
Has thrown the last booty overboard!

We catch the fair wind with each one of our sails!
A rightful prize is any ship alone.
Good luck is here, and we've made this faith ourselves
By hoisting the black flag with skull and bones.

Look ye and marvel as the gravestone-like mighty billow
Is washing these troublemakers overboard!
Kill every one of their circle, and believe me
That a true gentleman never breaks his word.

We catch the fair wind with each one of our sails!
A rightful prize is any ship alone.

Удача — здѣсь, и эту вѣру сами
Мы создали, поднявши черный ѳлагъ!

1969 г.

Good luck is here, and we've made this faith ourselves
By hoisting the black flag with skull and bones!

1969.

Корсаръ.

Юрію Любимову.

Четыре года рыскалъ въ морѣ нашъ корсаръ,
Въ бояхъ и штормахъ не поблекло наше знамя.
Бывало, ядра рвали паруса,
Случалось бреши закрывать тѣлами.
За нами гонится эскадра по пятамъ,
И шансовъ нѣтъ избѣгнуть съ нею встрѣчи.
Но, какъ всегда, спокоенъ капитанъ:
«Еще не вечеръ, еще не вечеръ!»

Слышны команды съ головного корабля,
Вотъ лѣвый бортъ его окрасился дымами.
Отвѣтный залпъ не пропадаетъ зря—
Теперь тамъ крики. Вновь удача съ нами!
Изъ худшихъ выбирались передрягъ,
Но съ вѣтромъ худо, и въ трюмѣ течи.
А капитанъ намъ шлетъ привычный знакъ:
Еще не вечеръ, еще не вечеръ!

На насъ направлены сквозь трубы сотни глазъ—
Враги зрятъ насъ отъ дыма slыхъ и сѣрыхъ,
Но имъ узрѣть не доведется насъ
Прикованными къ весламъ на галерахъ!
Неравный бой. Корабль кренится нашъ.
Спасите наши души человѣчьи!
Но крикнулъ капитанъ: «На абордажъ!
«Еще не вечеръ, еще не вечеръ!»

Кто хочетъ жить, кто веселъ и удалъ,
Готовьте ваши руки къ рукопашной!
А крысъ не держимъ мы въ своихъ рядахъ—
Онѣ мѣшаютъ схваткѣ безшабашной!
И крысы думали: «А чѣмъ не шутитъ чортъ?»
И въ воду прыгали, спасаясь отъ картечи.
А мы же съ флагманомъ сходились къ борту бортъ—
Еще не вечеръ, еще не вечеръ!

A Corsair.

To Yury Lyubimov.

For seven years our corsair sailed the seas,
And our banner hasn't lost its colors.
We've learned to fix the clipper sails in storm or breeze,
And plug with our bodies cracks and holes.
We've met a squadron, and it's firmly chasing us.
The sea is calm, we're longing for a blow.
But our captain said to us without fuss,
"It isn't over until it's over!"

The flagship frigate took in sails and made a turn,
Her starboard portholes started spitting fire.
We're gunning back, and our balls have smashed her stern!
We hear shrieks of anguish, loud and dire!
We've been through worse, and our fortune is still in;
But storms are brewing; and we're holed, moreover.
Yet our captain shouts above the hellish din,
"It isn't over until it's over!"

Through mighty telescopes a hundred glaring eyes
Spy how we endure these deadly rallies;
But no one will ever view us in the guise
Of slaves chained up to oars in navy galleys!
They outnumber us, soon our ship may sink.
Could anything save our lives leftover?
But our captain doesn't ever even blink!
"It isn't over until it's over!"

He who is merry, who is brave, who isn't heel,
Prepare your blades and handguns for infighting!
We'll let the rats take leave—it isn't a big deal,
They're but a hindrance in the mortal fighting!
The rats were praying doing jumping overboard,
"God rescue us!"—and came to death quite sober,
While we were nearing the frigate board by board—
It isn't over until it's over!

Лицо въ лицо, ножи въ ножи, глаза въ глаза!
Чтобъ не достаться спрутамъ или крабамъ,
Кто въ ярости, кто въ sлобѣ, кто въ слезахъ,—
Мы покидали тонущій корабль.
Но нѣтъ, имъ не послать его на дно—
Поможетъ океанъ, взваливъ на плечи.
Вѣдь океанъ-то съ нами заодно,
И правъ былъ капитанъ: еще не вечеръ!

Вѣдь океанъ-то съ нами заодно,
И правъ былъ капитанъ: еще не вечеръ!

1968 г.

Knife knifing knife, face facing face, eye eyeing eye!
Lest we be cut with crabs or lobsters' nippers,
Some in a rage, some in a fury, some in cry,
We were departing our sinking clipper.
But our ship! They won't sink her in the end.
She'll carry us to port — we'll be in clover.
The sea will keep her — she is our loyal friend,
And it's quite so that it isn't over!

The sea will keep her — she is our loyal friend,
And it's quite so that it isn't over!

1968.

Прощаніе.

Корабли постоятъ — и ложатся на курсъ,
Но они возвращаются сквозь непогоды.
Не пройдетъ и полгода — и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.
Не пройдетъ и полгода — и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются всѣ, кромѣ лучшихъ друзей,
И рветъ душу мою плачъ ихъ преданныхъ женщинъ...
Возвращаются всѣ, кромѣ тѣхъ, кто нужнѣй, —
Я не вѣрю судьбѣ,
я не вѣрю судьбѣ, а себѣ — еще меньше.
Возвращаются всѣ, кромѣ тѣхъ, кто нужнѣй, —
Я не вѣрю судьбѣ,
я не вѣрю судьбѣ, а себѣ — еще меньше.

Но мнѣ хочется вѣрить, что будетъ не такъ,
Что сжигать корабли скоро выйдетъ изъ моды.
Я, конечно, вернусь — весь въ друзьяхъ и въ мечтахъ,
Я, конечно, спою,
я, конечно, спою — не пройдетъ и полгода.
Я, конечно, вернусь — весь въ друзьяхъ и въ мечтахъ,
Я, конечно, спою,
я, конечно, спою — не пройдетъ и полгода.

1966 г.

A Farewell.

Having stayed for a while, ships put out to sea;
Afterward they return even through heavy storms.
My beloved, don't thou cry, nothing will happen to me—
In about six months, I'll as ever return.
My beloved, don't thou cry, nothing will happen to me—
In about six months, I'll as ever return.

But won't ever return those gotten my full trust—
They were thy, O Sea, true and honorable sailors.
At some times, I get dreams of what was in the past,
And I'm sailing again with my very old fellows.
At some times, I get dreams of what was in the past,
And I'm sailing again with my very old fellows.

Yet I want to believe there will come such a time,
When the burning of ships isn't life's necessary patt'rn.
I'll for certain return, there's no reason for thy cry,
It's much better to smile at thy single-hearted capt'n.
I'll for certain return, there's no reason for thy cry,
It's much better to smile at thy single-hearted capt'n.

1966.

Штормъ.

Мы говоримъ не «штормы», а «шторма» —
Слова морскія коротки и смачны.
«Вѣтра» — не «вѣтры» — сводятъ насъ съ ума,
Изъ палубъ выкорчевывая мачты.

Мы знаемъ всѣ полезныя примѣты
И чтимъ чутье компасовъ и носовъ.
Упругія, тугія мышцы вѣтра
Натягиваютъ кожу парусовъ.

На чашѣ звѣздныхъ — подлинныхъ — Вѣсовъ
Сѣдой Нептунъ судьбу рѣшаетъ нашу,
И стая Псовъ, голодныхъ Гончихъ Псовъ,
Надсадно воя, гонитъ насъ на Чашу.

Мы — призракъ легендарнаго корвета,
Качаемся въ созвѣздіи Вѣсовъ.
И словно заострились струи вѣтра —
И вспарываютъ кожу парусовъ.

По курсу — тѣнь другого корабля,
Въ шторма любые ходъ онъ не мѣняетъ.
Глядите — вонъ болтается петля,
Она уже давно безъ жертвъ скучаетъ!

Съ нимъ Провидѣнье не шутило шутокъ:
Лишь вѣчный штиль — перерванъ ходъ часовъ.
Попутный вѣтеръ словно бѣсъ попуталъ,
Онъ больше не находитъ парусовъ.

Намъ кажется, мы слышимъ чей-то зовъ —
Таинственные четкіе сигналы...
Не жажда славы, гонокъ и призовъ
Бросаетъ насъ на гребни и на скалы.

Мы здѣсь узнали, что́ не знали сроду, —
Глазами, ртомъ и кожей пьемъ просторъ!..

The Storm.

The world of seamen differs in the root,
And here's a pair of words which make the difference:
Thus, for example, "to lay" means not "to put",
And with "a yard" we never measure distance.

We have a knowledge, not a superstition,
Give credence to scent, hear what the compass says.
The muscled wind delights us with its mission—
It strains the linen skin of our sails.

The shining Stars guide us through storms and fogs,
And Father Neptune watches our sailing.
Sometimes the pack of hungry Hunting Dogs
Pursues and tries to fright us, madly wailing.

Yes, we're the phantom of a mythic clipper,
We balance in the cup of starry Scales.
The wind, once friendly, turned into a ripper,
And rips the linen skin of our sails!

We see ahead another far-heard one,
Which sails even if the wind is intervening.
Look at the dangling noose on her yard-arm,
A needful piece of this ship's running rigging!

It was a wrong affair to tempt the Deity:
Who can resist, when Father calls a halt?
Whatever they launch out is false and wasted,
No wind will ever bring them to a port.

Just now we're getting enigmatic calls,
A flavor of the former times they're having...
It's not the thirst for epic fame on scrolls,
That forces us to sail when seas are heavy.

We go here through a miraculous emotion—
Drink this blue space with our eyes and skin!..

Кто въ океанѣ видитъ только воду,
Тотъ на землѣ не замѣчаетъ горъ.

Пой, ураганъ, свои намъ пѣсни въ уши,
Подъ черепъ проникай и въ мысли лѣзь,
Лей, звѣздный дождь, вселяя въ наши души
Землей и моремъ вѣчную болѣзнь!
Землей и моремъ вѣчную болѣзнь!
Землей и моремъ вѣчную болѣзнь!
Землей и моремъ вѣчную болѣзнь!

1976 г.

The one, who sees just water in the Ocean,
When being on the Land, sights not the hills.

Sing, hurricane, thy stormy songs of ire,
Grip our brains with thy tenacious hand—
In our hearts, thy melodies inspire
Love of the Heavens, the Ocean and the Land!
Love of the Heavens, the Ocean and the Land!
Love of the Heavens, the Ocean and the Land!
Love of the Heavens, the Ocean and the Land!

1976.

Становись морякомъ.

Вы въ огнѣ да и въ морѣ вовѣки не сыщете брода,—
Мы не ждали его—не за легкой добычей пошли.
Провожая закатъ, мы живемъ ожиданьемъ восхода
И, влюбленные въ море, живемъ ожиданьемъ земли.

Помнишь дѣтскіе сны о походахъ Великой Армады,
Абордажи, бои, паруса—и подъ ложечкой комъ?..
Все сбылось: «Становись! становись!» раздаются команды,—
Это требуетъ море—скорѣй становись морякомъ!
Все сбылось: «Становись! становись!» раздаются команды,—
Это требуетъ море—скорѣй становись морякомъ!

Наверху, впереди—слѣе вѣтры, багровѣе зори,—
Только—сверху виднѣй, впереди же—исходъ и земля.
Вы матросскія робы, кровавыя ваши мозоли
Не забудьте, ребята, однажды надѣвъ кителя!

По сигналу «Пошелъ!» встрепенулись продрогшія реи,
Горизонтъ опрокинулся, мачты упали ничкомъ.
Становись, становись, становись человѣкомъ скорѣе,—
Это значитъ на морѣ—скорѣй становись морякомъ!
Становись, становись, становись человѣкомъ скорѣе,—
Это значитъ на морѣ—скорѣй становись морякомъ!

Поднимаемся къ небу по вантамъ, какъ будто по вѣхамъ,—
Тамъ и вѣтеръ живѣй—онъ кричитъ, а не шепчетъ тайкомъ:
«Становись, становись, становись, становись человѣкомъ!»—
Это значитъ на морѣ—скорѣй становись морякомъ!

Чтобъ призваніемъ вашимъ васъ близкіе не попрекали,
Не грубѣйте душой, благодарными будьте судьбѣ.
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками,
Становясь шкиперами—храните матроса въ себѣ!
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками,
Становясь шкиперами—храните матроса въ себѣ!

1976 г.

При всякой погодѣ...

При всякой погодѣ —
Разъ надо, такъ надо —
Мы въ море уходимъ
Не на день, не на два.

А на сушѣ — ромашка и клеверъ,
А на сушѣ поля залило.
Но и птицы летятъ на сѣверъ
Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всегда тепло.

Не заходимъ мы въ порты —
Разъ надо, такъ надо, —
Не увидишь Босфоръ ты,
Не увидишь Канаду.

Волны бьютъ и качаютъ нашъ сейнеръ,
И подчасъ безъ земли тяжело, —
Но и птицы летятъ на сѣверъ
Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всегда тепло.

По дому скучаешь?
Не надо, не надо, —
Зачѣмъ уплываешь
Не на день, не на два!

Вѣдь на сушѣ — ромашка и клеверъ,
Вѣдь на сушѣ поля залило.
Но и птицы летятъ на сѣверъ
Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всегда тепло.
Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всегда тепло.

1966 г.

Спасите наши души!

Уходимъ подъ воду
Въ нейтральной водѣ.
Мы можемъ по году
Не знать про погоду.
А если накроютъ —
Сирены завоютъ
О нашей бѣдѣ.

Спасите наши души!
Мы бредимъ отъ удушья.
Спасите наши души!
Спѣшите къ намъ!
Услышьте насъ на сушѣ —
Мы заперты въ ловушкѣ,
И напряженность души
Сжигаетъ намъ...

И рвутся аорты,
Но наверхъ не смѣть!
Тамъ слѣва по борту,
Тамъ справа по борту,
Тамъ прямо по ходу
Мѣшаетъ проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредимъ отъ удушья.
Спасите наши души!
Спѣшите къ намъ!
Услышьте насъ на сушѣ —
Мы заперты въ ловушкѣ,
И напряженность души
Сжигаетъ намъ...

Но здѣсь мы на волѣ —
Вѣдь это нашъ міръ!
Безумны мы, что ли —
Всплывать въ минномъ полѣ?!

We put out to ocean...

We put out to ocean,
Having not hoisted sails,
And in our strong boat,
In the deep we're quite safe.
But if we get exposed—
May occur such a case,
Sirens will stir up souls,
Mourning for our fate.

Save our dying souls!
We drow in our lasts.
Save our dying souls!
Make haste to us!
Rid us of our sorrows—
We're locked up in the gulf,
And strain holds our souls
And cuts in halves...

Here's the recycled air,
Stale in rain or in shine.
Here are nor nights nor days, and
Calm has kept through all time.
All has kept but the air,
Which has gotten dead with time...
Thus we're bound to spare,
Not dear now, our life.

Save our dying souls!
We drow in our lasts.
Save our dying souls!
Make haste to us!
Rid us of our sorrows—
We're locked up in the gulf,
And strain holds our souls
And cuts in halves...

In the dead air rave we,
But aren't able to go dry—

«Отставить сомнѣнья!
«Я принялъ рѣшенье,»
Сказалъ командиръ.

Спасите наши души!
Мы бредимъ отъ удушья.
Спасите наши души!
Спѣшите къ намъ!
Услышьте насъ на сушѣ —
Мы заперты въ ловушкѣ,
И напряженность души
Сжигаетъ намъ...

Всплывемъ на разсвѣтѣ —
Приказъ есть приказъ.
Погибнемъ во цвѣтѣ
За миръ на планетѣ.
Нашъ путь не отмѣченъ...
Дышать больше нечѣмъ...
Молитесь о насъ.

Спасите наши души!
Мы бредимъ отъ удушья.
Спасите наши души!
Спѣшите къ намъ!
Услышьте насъ на сушѣ —
Мы заперты въ ловушкѣ,
И напряженность души
Сжигаетъ намъ...

Вотъ вышли наверхъ мы,
На воздухъ и свѣтъ.
Ходъ полный на верфи,
Натянуты нервы.
Конецъ всѣмъ печалямъ,
Концамъ и началамъ —
Мы рвемся къ причаламъ,
Хоть шансовъ и нѣтъ!..

There the fire awaits us
From the left side and right...
For the fresh air crave we,
And blaspheme our life,
'Cause the horned mines await us
As ahead as behind...

Save our dying souls!
We drow in our lasts.
Save our dying souls!
Make haste to us!
Rid us of our sorrows —
We're locked up in the gulf,
And strain holds our souls
And cuts in halves...

We'll come up in the morning,
Our captain has said.
Well, then we'll go to glory,
What means we'll go to death.
We must die in the morning
At the very best age,
To protect our honor
And the planet aflame.

Save our dying souls!
We drow in our lasts.
Save our dying souls!
Make haste to us!
Rid us of our sorrows —
We're locked up in the gulf,
And strain holds our souls
And cuts in halves...

We go up to the surface,
And the enemy waits.
Dears, abandon your hopes,
Soon we'll face our death.
We go up to the morning,
Our children and wives —

Спасите наши души
Отъ гибели грядущей!
Спасите наши души!
Спѣшите къ намъ!
Услышьте насъ на сушѣ—
Мы заперты въ ловушкѣ,
И напряженность души
Сжигаетъ намъ...

Спасите наши души!
Спасите наши души!
Спасите наши души!
Спасите наши души!
Спасите наши души...

1967 г.

And we rush to the morning
Through the fire and mines!..

Save our dying souls!
We drow in our lasts.
Save our dying souls!
Make haste to us!
Rid us of our sorrows—
We're locked up in the gulf,
And strain holds our souls
And cuts in halves...

Save our dying souls!
Save our dying souls!
Save our dying souls!
Save our dying souls!
Save our dying souls...

1967.

Баллада о брошенномъ кораблѣ.

Капитана въ тотъ день называли на ты,
Боцманъ съ юнгой сравнялись въ талантахъ.
Распрямляя хребты и срывая бинты,
Бѣсновались матросы на вантахъ.

Двери нашихъ мозговъ
Посрывало съ петель
Въ миражи береговъ,
Въ покрывала земель,

Этихъ обѣтованныхъ, желанныхъ —
И Колумбовыхъ, и Магелланныхъ.

Только мнѣ береговъ
Не видать и земель —
Съ хода въ девять узловъ
Сѣлъ по горло на мель.
А у всѣхъ молодцовъ —
Благородная цѣль,
И въ концѣ-то концовъ,
Я вѣдь самъ сѣлъ на мель.

И ушли корабли — мои братья, мой флотъ,
Кто чувствительнѣй — брызги сглотнули.
Безъ меня продолжался великій походъ,
На меня жъ парусами махнули.

И погоду, и случай
Безбожно кляня,
Мои пасынки кучей
Бросали меня.

Вотъ со шлюпокъ два залпа — и ладно! —
Отъ Колумба и отъ Магеллана.

Я пью пѣну — волна
Не доходитъ до рта.

A Ballad of the Abandoned Ship.

On that day each one said to the captain “Hey, man!”,
The ship’s boy was a match for the skipper.
Disengaging their hands and removing the bands,
On the shrouds my sailors were skipping.

We went crazy in order
To see visions of our tracts—
We reached phantoms of shores and
Saw the blankets of lands,

Those lands we set our hopes on and reckon—
Of Columbus, and of Magellan.

But it seems that I won’t
See those lands and those shores—
At the speed of nine knots
I did strand ’mongst the rocks.
While our brave lads are bound
To the glorious aim...
Yes, for running aground
It’s but me who’re to blame.

And they left me behind, all my brothers, my fleet;
Those who sensitive—swallowed a tear.
Her great cruise the Armada just had to complete,
And no ship had the freedom to veer.

Cursing bad luck, the weather,
The treacherous sea,
All my shipmates together
Sailed on out of me.

They saluted me twice or they set out—
From Columbus, and from Magellan.

I drink foam when hot—
Water’s way goes too low,

И отъ палубъ до дна
Обнажились борта.
А бока мои грязны —
Таи не таи, —
Такъ любуйтесь на язвы
И раны мои!

Рана возлѣ ребра — это слѣдъ отъ ядра,
Вотъ рубцы отъ тарана, и даже
Видны шрамы отъ крючьевъ — какой-то пиратъ
Прицѣпился ко мнѣ въ абордажѣ.

Киль — какъ старый неровный
Гитаровый грифъ:
Это брюхо вспоролъ мнѣ
Коралловый рифъ.

Задыхаюсь, гнію — такъ бываетъ:
И просоленное загниваетъ.

Вѣтры кровь мою пьютъ
И сквозь щели снуютъ
Прямо съ бака на ютъ, —
Меня вѣтры добьютъ:
Я подъ ними стою
Отъ утра до утра, —
Гвозди въ душу мою
Забиваютъ ветра.

И гулякой шальнымъ все швыряютъ вверхъ дномъ
Эти вѣтры — незваные гости.
Захлебнуться бы имъ въ моихъ трюмахъ виномъ
Или съ мели сорвать меня въ ѕлости!

Я увѣровалъ въ это,
Какъ загнанный ѕвѣрь,
Но не ѕлобные вѣтры
Нужны мнѣ теперь.

And my starboard and port
Are off water and glow.
Both they're dirty, of course,
And my decks are unclean;
All my wounds, all my sores
Can be easily seen.

Here's a cannonball furrow, quite close to the frame;
Here are scars left by ramming and fire;
One can see where I was in preceding days maimed
By a sea-rover's honed grappling irons.

Look, my keel is uneven,
As if gnawed by huge teeth—
It's my belly was cleaved
Long ago by a reef.

I'm decaying, forlorn and forgotten—
Even well-salted things may become rotten.

And my blood with the winds
Through big crannies does flight,
They give me pain and kinks,
I'm quite but at first sight,
Being open to the winds
Nights and days, nights and days...
Into my soul these winds
With no ruth hammer nails.

They behave like the rakes, evil, cheeky and bold,
And mess everything up, play the goat;
Wish they'd choke with the wine keeping deep in my hold,
Or, rampaging, would set me afloat.

Of this chance I'm convinced—
What a desperate creed!
No, it's not evil winds
What at present I need.

Мои мачты — какъ дряблыя руки,
Паруса — словно груди старухи.

Будетъ чудо восьмое —
И добрый прибой
Мое тѣло омоетъ
Живою водой.
Моря Божья роса
Съ меня сниметъ табу,
Вздуетъ мнѣ паруса,
Будто жилы на лбу.

Догоню я своихъ, догоню и прощу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пущу:
Я вѣдь зла не держу на команду.

Только, кажется, нѣтъ
Больше мѣста въ строю.
Плохо шутишь, корветъ,
Потѣснись — раскрою!
Какъ же такъ — я вашъ братъ,
Я ушелъ отъ бѣды.
Полѣвѣе, фрегатъ,
Всѣмъ намъ хватитъ воды!

До чего жъ вы дошли:
Значитъ, что́ — мнѣ уйти?!
Если былъ на мели —
Дальше нѣту пути?!
Разомкните ряды,
Все же мы — корабли, —
Всѣмъ намъ хватитъ воды,
Всѣмъ намъ хватитъ земли, —

Этой обѣтованной, желанной —
И Колумбовой, и Магелланной!

1971 г.

My sails droop like the breasts of old slatterns,
And my masts look like creaky, thin battens.

I'm to bide for my time—
The eighth wonder will come,
And a merciful tide
Will wash off all the scum,
God's dew will strip the spell
For all time of myself,
And will readily swell
As in old days my sails.

I'll rush after my fleet, catch them and—I'll forgive
The Armada that badly remembers;
I don't hold them a grudge, I'll be glad to receive
Back aboard all my former crew members.

But they don't want to let
Me inside their dense ranks.
Shut thy mouth, corvette,
Don't sting me with thy pranks!
I'm thy twin, dostn't thou see?
I've escaped from the blight.
Bro, we aren't short of sea,
Take a little to the right!

Won't ye lend me a hand?
Do ye mean I must go?
If I was on the strand—
Then I'm out of the row?!
Let me be at my ease—
Aren't we ships, aren't we pals?
Bros, we aren't short of seas,
And we aren't short of lands!

Those lands we set our hopes on and reckon—
Of Columbus, and of Magellan.

1971.

Аборигены почему-то съѣли Кука...

Аборигены почему-то съѣли Кука,
А почему — отвѣта нѣтъ, молчитъ наука.
Мнѣ представляется совсѣмъ простая штука:
Хотѣли кушать — и съѣли Кука.

Есть варіантъ, что ихній вождь, большая бука,
Считалъ, что очень вкусный кокъ на суднѣ Кука.
Ошибка вышла, — вотъ о чемъ молчитъ наука:
Хотѣли кока, а съѣли Кука.

Конечно, не было подвоха тамъ, ни трюка —
Пришли не прошены, открыли дверь безъ стука, —
Пустили въ дѣйствіе дубинку изъ бамбука —
Тюкъ! — прямо въ темя — и нѣту Кука.

Но есть, однако же, еще предположенье,
Что Кука съѣли изъ большого уваженья, —
Что всѣхъ науськивалъ колдунъ, хитрецъ и злюка:
«Ату, ребята! хватайте Кука!

«Кто уплететъ его безъ соли и безъ лука,
«Тотъ сильнымъ, смѣлымъ, добрымъ будетъ — вродѣ Кука!..»
Кому-то подъ руку попался каменюка —
Метнулъ, гадюка, — и нѣту Кука.

Ломаемъ головы вѣками — просто мука:
Зачѣмъ и какъ аборигены съѣли Кука?
По вкусу ль Кукъ былъ имъ? Опять молчитъ наука.
Такъ ли, иначе, — но съѣли Кука.

Ну а теперь они заламываютъ руки,
Ломаютъ копья и выбрасываютъ луки,
Въ огонь отправили дубинки изъ бамбука —
Переживаютъ, что съѣли Кука.

1971 г.

Прощаніе съ горами.

Въ суету городовъ и въ потоки машинъ
Возвращаемся мы — просто некуда дѣться!
Мы спускаемся внизъ съ покоренныхъ вершинъ,
Оставляя въ горахъ,
оставляя въ горахъ свое сердце.

Такъ оставьте ненужные споры!
Я себѣ уже все доказалъ —
Лучше горъ могутъ быть только горы,
На которыхъ еще не бывалъ.
На которыхъ еще не бывалъ.

Кто захочетъ въ бѣдѣ оставаться одинъ?
Кто захочетъ уйти, зову сердца не внемля?
Но спускаемся мы съ покоренныхъ вершинъ, —
Что же дѣлать, и боги
спускались на землю.

Такъ оставьте ненужные споры!
Я себѣ уже все доказалъ —
Лучше горъ могутъ быть только горы,
На которыхъ еще не бывалъ.
На которыхъ еще не бывалъ.

Сколько словъ и надеждъ, сколько пѣсенъ и темъ
Горы будятъ у насъ — и зовутъ насъ остаться!
Но спускаемся мы — кто на годъ, кто совсѣмъ, —
Потому что всегда,
потому что всегда мы должны возвращаться.

Такъ оставьте ненужные споры!
Я себѣ уже все доказалъ —
Лучше горъ могутъ быть только горы,
На которыхъ никто не бывалъ.
На которыхъ никто не бывалъ.

1966 г.

A Farewell to the Mountains.

To the bustle of towns and the noise of thronged streets
We return — after all, we have no other options!
We descend to the plain from the won mountain peaks,
Having left there our hearts, overwhelmed with emotions.

There's no reason nor use to be doubting!
I've proven it to myself many times —
But one thing is more excellent than mountains,
It's the mountains ye haven't as yet climbed.
It's the mountains ye haven't as yet climbed.

But who'd want to be left all alone in a mix?
But who'd want to resist his innate inclination?
Yet we have to descend from the won mountain peaks,
And they say even gods would descend on occasion.

There's no reason nor use to be doubting!
I've proven it to myself many times —
But one thing is more excellent than mountains,
It's the mountains ye haven't as yet climbed.
It's the mountains ye haven't as yet climbed.

Many beautiful dreams, many songs, words of love,
Mountains rouse in us, and call us to remain here.
But we have to return, for a year or for life —
We descend to the plain, seized forever with craving.

There's no reason nor use to be doubting!
I've proven it to myself many times —
But one thing is more excellent than mountains,
It's the mountains one hasn't ever climbed.
It's the mountains one hasn't ever climbed.

1966.

Вершина.

Здѣсь вамъ не равнина — здѣсь климатъ иной.
Идутъ лавины одна за одной,
И здѣсь за камнепадомъ реветъ камнепадъ.
И можно свернуть, обрывъ обогнуть, —
Но мы выбираемъ трудный путь,
Опасный, какъ военная тропа.
И можно свернуть, обрывъ обогнуть, —
Но мы выбираемъ трудный путь,
Опасный, какъ военная тропа.

Кто здѣсь не бывалъ, кто не рисковалъ —
Тотъ самъ себя не испыталъ,
Пусть даже внизу онъ звѣзды хваталъ съ небесъ.
Внизу не встрѣтишь, какъ ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли такихъ красотъ и чудесъ.
Внизу не встрѣтишь, какъ ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли такихъ красотъ и чудесъ.

Нѣтъ алыхъ розъ и траурныхъ лентъ,
И не похожъ на монументъ
Тотъ камень, что покой тебѣ подарилъ.
Какъ Вѣчнымъ огнемъ, сверкаетъ днемъ
Вершина изумруднымъ льдомъ,
Которую ты такъ и не покорилъ.
Какъ Вѣчнымъ огнемъ, сверкаетъ днемъ
Вершина изумруднымъ льдомъ,
Которую ты такъ и не покорилъ.

И пусть говорятъ — да, пусть говорятъ!
Но нѣтъ — никто не гибнетъ зря,
Такъ — лучше, чѣмъ отъ водки и отъ простудъ.
Другіе придутъ, смѣнивъ уютъ
На рискъ и непомѣрный трудъ, —
Пройдутъ тобой не пройденный маршрутъ.
Другіе придутъ, смѣнивъ уютъ
На рискъ и непомѣрный трудъ, —

In the Mountains.

The mountains differ a lot from the plain—
There avalanches thunder again and again,
And rockfalls roar and fill your soul with awe...
We might turn away from the steep in dismay,
But we single out an arduous way,
Which is as risky as the path of war.
We might turn away from the steep in dismay,
But we single out an arduous way,
Which is as risky as the path of war.

The mountain crests offer you a strong test,
When jeopardies give you no moment to rest,
While downworld virtues aren't considered here.
There on the champaign ye have no chance to meet
This magical beauty—a tenth part of it!—
Which going up ye get the luck to see.
There on the champaign ye have no chance to meet
This magical beauty—a tenth part of it!—
Which going up ye get the luck to see.

They say with disdain that we all are insane,
And that our lot is to perish in vain,
But it's much better than from chills or rum.
The others will come, having left ease and calm,
Afraid of no toil and no menace of harm,
To make it to the top if ye succumb.
The others will come, having left ease and calm,
Afraid of no toil and no menace of harm,
To make it to the top if ye succumb.

Around the stone that will bring to you peace,
One will find no ribbons nor funeral wreaths,
And on its top he sees no cross nor star.
There in the blue high with the emerald light
Sparkles under the sun the far peak ye aspire,
The peak ye've failed to conquer so far.
There in the blue high with the emerald light
Sparkles under the sun the far peak ye aspire,

Пройдутъ тобой не пройденный маршрутъ.

Отвѣсные стѣны — а ну, не зѣвай!
Ты здѣсь на везеніе не уповай.
Въ горахъ не надежны ни камень, ни ледъ, ни скала.
Надѣемся только на крѣпость рукъ,
На руки друга и вбитый крюкъ,
И молимся, чтобы страховка не подвела.
Надѣемся только на крѣпость рукъ,
На руки друга и вбитый крюкъ,
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубимъ ступени. Ни шагу назадъ!
И отъ напряженья колѣни дрожатъ,
И сердце готово къ вершинѣ бѣжать изъ груди.
Весь міръ на ладони — ты счастливъ и нѣмъ,
И только немного завидуешь тѣмъ,
Которымъ дойти до вершины еще предстоитъ.
Весь міръ на ладони — ты счастливъ и нѣмъ,
И только немного завидуешь тѣмъ,
Которымъ дойти до вершины еще предстоитъ.

1966 г.

The peak ye've failed to conquer so far.

On vertical ice ye may easy get stuck,
Watch out and never ye count on luck!
There are no cliffs nor crags to put your trust.
Rely on the help from your intimate friend,
And pray that the pitons your livings depend,
Inside the rock, were held up rather fast.
Rely on the help from your intimate friend,
And pray that the pitons your livings depend,
Inside the rock, were held up rather fast.

We're chipping the steps — there's no way to retreat!
The heart's running wild in a feverish beat,
It's ready to mount the mountain, so to speak.
The world is beneath you — ye're silent and glad,
And only slightly ye envy the lad,
Who's going the first time to make it himself to the peak.
The world is beneath you — ye're silent and glad,
And only slightly ye envy the lad,
Who's going the first time to make it himself to the peak.

1966.

Среда.

Ну вотъ, исчезла дрожь въ рукахъ,
Теперь — наверхъ!
Ну вотъ, сорвался въ пропасть страхъ
Навѣкъ, навѣкъ.
Для остановки нѣтъ причинъ —
Иду, скользя...
И въ мірѣ нѣтъ такихъ вершинъ,
Что взять нельзя!

Среди нехоженыхъ путей
Одинъ путь — мой,
Среди невзятыхъ рубежей
Одинъ — за мной!
А имена тѣхъ, кто здѣсь легъ,
Снѣга таятъ...
Среди непройденныхъ дорогъ
Одна — моя!

Здѣсь голубымъ сіяньемъ льдовъ
Весь склонъ облитъ,
И тайну чьихъ-нибудь слѣдовъ
Гранитъ хранитъ...
И я гляжу въ свою мечту
Поверхъ головъ
И свято вѣрю въ чистоту
Снѣговъ и словъ!

И пусть пройдетъ немалый срокъ —
Мнѣ не забыть,
Что здѣсь сомнѣнія я смогъ
Въ себѣ убить.
Въ тотъ день шептала мнѣ вода:
«Удачъ — всегда!..»
А день... какой былъ день тогда?
Ахъ да — Среда!..

1969 г.

A Day.

Well, now my hands shake not at all,
So I'll move on!
Into the precipice for all
My fears have gone.
I have no reason for a halt
Nor for a break,
There are no tops in the whole world
That I can't take!

One of the honorary lots
Is only mine,
One of the very high world's tops
I'll reach with time.
I'm treading in the steps of Men
That here fought,
To bring this pathway to its end
Is what I want.

All my offenses and mistakes
I've left behind—
I'm filling in a new blank page
Of my new life.
Above eagles' aeries and cloud herds
My top is seen,
And I believe that snows and words
Are always clean!

And let the years pass away—
Until I die,
I will advance toward my aim
In rain or shine.
That day the water breathed to me,
"Wish thee the best!.."
It was, when this occurred to be,
A Wednesday, yes...

1969.

Въ наше время бывало и такъ...

In our time, it also went this way...

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ.

A BALLAD OF TIME.

Баллада о времени.

Замокъ временемъ срытъ и укутанъ, укрытъ
Въ нѣжный пледъ изъ зеленыхъ побѣговъ.
Но развяжетъ языкъ молчаливый гранитъ,
И холодное прошлое заговоритъ
О походахъ, бояхъ и побѣдахъ.

Время подвиги эти не стерло:
Оторвать отъ него верхній пластъ
Или взять его крѣпко за горло,
И оно свои тайны отдастъ.

Упадутъ сто замковъ и спадутъ сто оковъ,
И сойдутъ сто потовъ съ цѣлой груды вѣковъ,
И польются легенды изъ сотенъ стиховъ
Про турниры, осады, про вольныхъ стрѣлковъ.

Ты къ знакомымъ мелодіямъ ухо готовь
И гляди понимающимъ окомъ,
Потому что любовь — это вѣчно любовь,
Даже въ будущемъ вашемъ далекомъ.

Звонко лопалась сталь подъ напоромъ меча,
Тетива отъ натуги дымилась,
Смерть на копьяхъ сидѣла, утробно урча,
Въ грязь валились враги, о пощадѣ крича,
Побѣдившимъ сдаваясь на милость.

Но не всѣ, оставаясь живыми,
Въ добротѣ сохраняли сердца,
Защитивъ свое доброе имя
Отъ завѣдомой лжи подлеца.

Хорошо, если знаешь, откуда стрѣла,
И рука на копье какъ влитая легла;
Плохо, если накинулись изъ-за угла,
Или если вдругъ конь закусилъ удила.

A Ballad of Time.

Time has brought down the castle and covered with grass,
Where the walls stood, grow nettles and thistles.
But the granite's tranquility won't always last,
One fine day these old, cold stones will talk of the past—
Of old triumphs, campaigns and collisions.

Time hasn't tombed these deeds under the thistle:
If we rip away its upper crust,
Or take it by the throat a little,
It'll uncover its lore of the past.

Scores of padlocks will fall, scores of chains will be shed,
And a great deal of ages will break out, all in sweat,
And keen legends of hundreds of verses will flow,
About tournaments, sieges and dauntless free shots.

These old times will to thee be familiar enow,
And their melodies will sound sublime,
For the reason that love will forever be love,
Even in your remote future time.

Steel would crack with a clank, at the slash of the sword,
And the bow-string would fume under tension,
Death would settle on lances, and bawl, sitting squat,
Foes, appealing for quarter, would fall on the spot,
And yield to their defeaters' discretion.

But not all who avoided destruction
Had retained former sweetness of souls,
Having saved their good names from abduction
By unscrupulous thieves of all sorts.

It feels fine to be rocked by the horse's smooth gait,
When thy hand wields the lance's consolatory weight;
It feels fine when thou know'st where the arrow comes from,
And it's ill when thy foe lies in wait for thy soul.

Какъ у васъ тамъ съ мерзавцами? Бьютъ? Подѣломъ!
Вѣдьмы васъ не пугаютъ шабашемъ?
Но не правда ли, зло называется сломъ
Даже тамъ, въ добромъ будущемъ вашемъ?

И во вѣки вѣковъ, и во всѣ времена
Трусъ, предатель, подлецъ презираемъ.
Врагъ есть врагъ, и извѣчно удѣлъ нашъ — война,
И одна лишь свобода всегда намъ нужна,
И всегда на нее уповаемъ.

Время эти понятья не стерло,
Нужно только поднять верхній пластъ,
И дымящейся кровью изъ горла
Чувства вѣчныя хлынутъ на насъ.

Нынѣ, присно, во вѣки вѣковъ, старина,
И цѣна есть цѣна, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другомъ надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древнихъ беремъ,
Саги, сказки изъ прошлаго тащимъ,
Потому что добро остается добромъ
Въ прошломъ, будущемъ и настоящемъ!

1975 г.

What about the mean creatures, how hard is their fate?
Are the witches as usual spitfire?
Don't disaster and evil remain just the same
Even there, in your kind future time?

At all times, in all different parts of the world,
People scorn scoundrels, cowards and traitors.
Foe is foe, and to fight with is our only work,
And but freedom is what we have need and long for,
And we always set hopes on the better.

Time will never abolish these notions,
If we rip away its upper crust,
Like hot fuming blood, ageless emotions,
Heavenly feelings will sweep down on us.

All's as it was before and will be, my dear friend—
There are prices to pay, there are errors to mend.
It feels fine if no one takes from thee false offense,
If thou fight'st close together with thy steadfast friend.

Plainness, purity come from the ancients to us,
From the past, we take legends and tales,
For the good at all times is the good—in the past
And in future, as well as at present!

1975.

Пѣсня объ обиженномъ Времени.

Приподнимемъ чуточку за краешекъ
Эту старую тяжелую кулису:
Вотъ какое Время было раньше —
Такое ровное, — взгляни, дружище!

Но плохо за часами наблюдали
счастливые,
И нарочно Время замедляли
трусливые,
Торопили Время, понукали
крикливые,
Безъ причины Время убивали
лѣнивые.

И колеса Времени
Стачивались въ треніи, —
Все на свѣтѣ портится отъ тренія.
И тогда обидѣлось Время —
И застыли маятники Времени.

И двѣнадцать въ полночь не пробило,
Въ полдень тоже ничего не измѣнилось, —
Вотъ какое Время наступило —
Такое нервное, — взгляни, дружище!

И на часы испуганно взглянули
счастливые,
Жалобные пѣсни затянули
трусливые,
Рты свои огромные заткнули
болтливые,
Хоромъ зазѣвали и заснули
лѣнивые.

Смажь колеса Времени
Для его лѣченія, —
Очень больно Времени отъ тренія.

Обижать не слѣдуетъ Время,—
Плохо и тоскливо жить безъ Времени.

1973 г.

Хотимъ побольше лѣтъ урвать...

Хотимъ побольше лѣтъ урвать,
Чтобъ наслаждаться и страдать,
Чтобы не слышать и нѣмѣть,
Чтобы вбирать и отдавать,
Чтобы имѣть и не имѣть,
Чтобъ помнить или забывать.

1974 г.

We’ve gotten but a twinkling...

We’ve gotten but a twinkling
For being dumb and not hearing,
For enjoying and suffering,
For absorbing and giving,
For having and not having,
For retaining and forgiving.

1974.

Если бѣгать въ ногу съ вѣкомъ...

Если бѣгать въ ногу съ вѣкомъ
И науки постигать,—
Стать возможно человѣкомъ,
А возможно и не стать!

Если не оставишь слѣдъ ты,
Не успѣешь ничего,—
Можно дѣлать гробъ съ глазетомъ,
Ну а можно—безъ него.

1960 г.

There’s no reason in making time...

There’s no reason in making time,
To all that’s modern, close thy eye—
It’ll never help thee to become
A man of worth, my dear son.

1960.

Часы тихонько тикаютъ...

Часы тихонько тикаютъ,
Сюсюкаютъ: сю-сю...
Кто — втихаря хихикаетъ,
А кто — уже вовсю!

1980 г.

The clock is ticking quietly...

The clock is ticking quietly,
It says, “Tick-tock, tick-tock...”
Some people giggle silently,
Some — at their voices’ tops.

1980.

Въ наше время.

Ростутъ года, а вмѣстѣ съ ними — бремя,
Когда не тѣмъ ты дышишь и живешь...
Мы часто говоримъ: «Вотъ въ наше время!..»
На нынѣшнюю глядя молодежь.

Въ наше время все было не такъ —
По другимъ мы дорогамъ ходили.
Въ наше время все было не такъ —
Мы другія слова говорили...
Въ наше время все было не такъ.

Да, молодость, конечно, не безгрѣшна,
И намъ частенько говорили такъ,
Но мы прошли сквозь смерть и адъ кромѣшный
И принесли знамена на Рейхстагъ.

Въ наше время бывало и такъ —
Мы по тѣмъ же дорогамъ ходили.
Въ наше время бывало и такъ —
Мы всѣ тѣ же слова говорили...
Въ наше время бывало и такъ.

Я говорю, и думаю, и знаю,
Что молодость, безпечная сейчасъ,
Конечно, будетъ на переднемъ краѣ
Въ жестокій часъ, въ другой жестокій часъ.

Въ наше время бывало и такъ —
Мы по тѣмъ же дорогамъ ходили.
Въ наше время бывало и такъ —
Мы всѣ тѣ же слова говорили...
Въ наше время бывало и такъ.

За наше время намъ не нужно нимбовъ,
И памятниковъ, и красивыхъ словъ.
Намъ наши дѣти говорятъ спасибо,
И такъ же чтили мы своихъ отцовъ.

In Our Time.

The weight of years becomes a heavy cargo,
When one listens not to what his conscience says...
We often think, when look at our youngsters,
“In our time, it went another way!..”

In our time, it often went this way—
We used to pick for walking other roads.
In our time, it often went this way—
We used to use for speaking other words...
In our time, it often went this way.

Of course, no one is sinless ’mongst the youngsters,
We’ve also heard such words when we were young,
But we’ve gone through fire, water and pitch darkness
And hoisted our colors o’er Reichstag.

In our time, it sometimes went this way—
It happed so that we picked just the same roads.
In our time, it sometimes went this way—
It happed so that we used just the same words...
In our time, it sometimes went this way.

I say, and think, and know beyond doubt,
That youngsters, who’re light-hearted at this time,
Will be in the first line in their hour,
When comes to be another brutal time.

In our time, it also went this way—
We sometimes picked exactly the same roads.
In our time, it also went this way—
We sometimes used exactly the same words...
In our time, it also went this way.

For our time, we have no need of sweeteners,
Nor wish we rich headstones on our graves.
We’re treated with respect by our children,
And our fathers got from us the same.

Въ наше время — держать только такъ!
По одной мы дорогѣ шагаемъ.
Въ наше время — держать только такъ!
Объ одномъ мы и томъ же мечтаемъ.
Въ наше время — держать только такъ!

1966 г.

In our time, we have to keep it up!
We've picked to walk the one and only road.
In our time, we have to keep it up!
The same is what gives rise to our souls.
In our time, we have to keep it up!

1966.

Только въ грезы нельзя насовсѣмъ убѣжать...

But one can't live forever in his make-believe...

БАЛЛАДА О БОРЬБѢ.

A BALLAD OF FIGHTING.

Темнота.

Темнота впереди — подожди!
Тамъ — стѣною закаты багровые,
Встрѣчный вѣтеръ, косые дожди
И дороги, дороги неровныя.

Тамъ — чужія слова,
Тамъ — дурная молва,
Тамъ ненужныя встрѣчи случаются,
Тамъ сгорѣла, пожухла трава
И слѣды не читаются —
Въ темнотѣ.

Тамъ провѣрка на прочность — бои,
И туманы, и вѣтры съ прибоями.
Сердце путаетъ рvтмы свои
И стучитъ съ перебоями.

Тамъ — чужія слова,
Тамъ — дурная молва,
Тамъ ненужныя встрѣчи случаются,
Тамъ сгорѣла, пожухла трава
И слѣды не читаются —
Въ темнотѣ.

Тамъ и звуки и краски — не тѣ,
Только мнѣ выбирать не приходится —
Очень нуженъ я тамъ, въ темнотѣ, —
Ничего, распогодится!

Тамъ — чужія слова,
Тамъ — дурная молва,
Тамъ ненужныя встрѣчи случаются,
Тамъ сгорѣла, пожухла трава
И слѣды не читаются —
Въ темнотѣ.

1969 г.

The Dark.

Think thou well, there's the dark on thy way!
Look, the sunset is heavily reddening.
There are contrary winds and slant rains,
There all courses look threatening.

There the language is brute
And the gossip is rude,
There encounters are hardly advisable
In the land where the grass has burnt down to the root
And footprints aren't cognizable—
In the dark.

Combats test the people's steadfastness there,
'Midst the mist and ungovernable tempests.
Hearts often stumble, abruptly ensnared
In obscure, uncontrollable tempos.

There the language is brute
And the gossip is rude,
There encounters are hardly advisable
In the land where the grass has burnt down to the root
And footprints aren't cognizable—
In the dark.

There as sounds as colors are stark,
But to choose something else is impossible.
They're awaiting my aid in the dark!
While there's life, all is possible.

There the language is brute
And the gossip is rude,
There encounters are hardly advisable
In the land where the grass has burnt down to the root
And footprints aren't cognizable—
In the dark.

1969.

Славный полкъ.

Облобызавъ штандарта пыльный шелкъ
И выплюнувъ отъ ярости протезы,
Полковникъ звалъ: «Впередъ, мой славный полкъ!
«Презрѣйте смерть, мои головорѣзы!»

Своимъ штандартомъ искренне горды,
Вдохновлены напутственною рѣчью,—
Расталкивая спины и зады,
Одни стремились въ первые ряды—
И первыми ложились подъ картечью.

Хитрецъ и тотъ, который не былъ смѣлъ,
Не пожелавъ платить такую цѣну,
Ползли назадъ;—и былъ такихъ удѣлъ
Быть взятыми своими на прицѣлъ,
И отъ ихъ рукъ погибнуть за измѣну.

Сегодня каждый третій—безъ сапогъ,
Но послѣ битвы заживутъ, какъ крезы.
Прекрасный полкъ, надежный, вѣрный полкъ,
Отборные въ полку головорѣзы!

А третьи—и средь битвы и бѣды
Старались сохранить и грудь, и спину,
Не выходя ни въ первые ряды,
Ни въ задніе,—и, какъ изъ-за ѣды,
Дрались за золотую середину.

Они напишутъ толстые труды
И будутъ храбро биться на картинѣ—
Тѣ, что не вышли въ первые ряды,
Но не были и сзади—и горды
Тѣмъ будутъ, что ютились въ серединѣ.

Уже трубачъ израненный умолкъ,
Не слышно мѣди—только звонъ желѣза.
Ахъ, славный полкъ, надежный, вѣрный полкъ,
Отборные въ полку головорѣзы!

The Famous Regiment.

The colonel kissed the colors' honored silk,
And, having spat up in a rage his dentures,
Called his brave men, "My sons, ye're born to win!
Heap scorn on death, my cutthroats, ye can venture!"

And, being highly of their colors proud,
Inspired by that speech full of deep passion,
Some fighters cut their way right to the front,
They pushed away the others as they cut,
And fell down from the grapeshot in succession.

The cunning ones and those ones who weren't brave,
To pay this price, didn't see a cogent reason,
And in the rear decided to escape,
But in the backs they were by their friends strafed
For the dishonorable and shameful treason.

Let now a third of fighters have no boots,
Soon such a destiny will be for others.
The famous regiment, unshaken and true,
There are but the preeminent, crack cutthroats!

The other ones, when being 'midst the worst,
About the fronts and backs of theirs were careful—
They had no wish to be as 'mongst the firsts
As 'mongst the lasts, and, just as those who thirst
For water strive, for the gold mean they wrestled.

There will be works by them about this time,
And on the gilt-framed pictures will meet death they,
Those ones who never were in the first lines
Or in the lasts, those who will take a pride
That in the mean they nobly vegetated.

Has stopped to blow the trumpeter for aye,
'Cept for the iron's, there are heard no sounds now.
The famous regiment, unfalse and stable,
There are but the preeminent, crack cutthroats!

Такимъ штандарта честь не запятнать,
Дышалъ полковникъ весело и ровно.
А третьихъ — даже можно оправдать,
Вѣдь если кто-то долженъ смерть принять,
То кто-то — жить продолжить, безусловно.

Но нѣтъ sвѣзды тусклѣе, чѣмъ у нихъ, —
Увѣренно дотянутъ до кончины,
Впередъ пустивъ отчаянныхъ и sлыхъ,
Послѣдній рядъ оставивъ для другихъ,
Умѣренные люди середины.

Затоптанъ въ грязь штандарта славный шелкъ,
Раздавлены полковничьи протезы...
Ахъ, славный полкъ!.. Да былъ ли славный полкъ,
Въ которомъ были сплошь головорѣзы?

1971 г.

No, by such fighters could be never stained
The honor of the colors, and it smoothened
The colonel's breath. As for the ones who stayed
In the gold mean, they're not so much to blame—
If some should die, than some, of course, should pull through.

But no one's star is dimmer than their one,
Beyond all doubt, they'll pay the debt of nature
On their soft beds—those ones who stayed behind
The daredevils, but not in the last lines—
The gold mean's wise and reasonable fellows.

Lies in the mud the colors, honored silk,
The colonel's dentures by the hoofs are crushed up...
The famous regiment!.. But did this one exist,
The regiment where each one was a cutthroat?

1971.

Баллада о книжныхъ дѣтяхъ.

Средь оплывшихъ свѣчей и вечернихъ молитвъ,
Средь военныхъ трофеевъ и мирныхъ костровъ
Жили книжныя дѣти и жаждали битвъ,
Изнывая отъ мелкихъ своихъ катастрофъ.

Дѣтямъ вѣчно досаденъ
Ихъ возрастъ и бытъ—
И дрались мы до ссадинъ,
До смертныхъ обидъ.
Но одежды латали
Намъ матери въ срокъ,
Мы же книги глотали,
Пьянѣя отъ строкъ.

Липли волосы намъ на вспотѣвшіе лбы,
И сосало подъ ложечкой сладко отъ фразъ,
И кружилъ наши головы запахъ борьбы,
Со страницъ пожелтѣвшихъ слетая на насъ.

И пытались постичь
Мы, не знавшіе войнъ,
За воинственный кличъ
Принимавшіе вой,—
Тайну слова «приказъ»,
Назначенье границъ,
Смыслъ атаки и лязгъ
Боевыхъ колесницъ.

Изъ кипящихъ котловъ прежнихъ боенъ и смутъ
Получали мы пищу для душъ и умовъ.
Мы на роли предателей, трусовъ, іудъ
Въ дѣтскихъ играхъ своихъ назначали враговъ.

И злодѣя слѣдамъ
Не давали остыть,
И прекраснѣйшихъ дамъ
Обѣщали любить;

A Ballad of the Children of Books.

In the world of burnt candles and obligatory prayers,
In the world of war trophies and peaceful bonfires,
There lived children of books, thirsting for war affairs,
Counting their real existence too boring and trite.

At all times children feel
A disgust with their age,
And in our fights we spilled
Hidden hurt and dark rage.
But our mothers repaired
Those patched-up rags of ours,
While we lived in the air
Of the books we devoured.

In the night, our foreheads suddenly glisten with sweat,
It looked like we were endlessly falling through space,
As the rumble of great battles wheeled around our little heads,
When we sailed through the sea of the old days' suspense.

And we tried to perceive,
Knowing nothing of wars,
What an ambush could give,
What a chariot was,
Why frontiers were set,
What it means to obey,
When an order ye get
And there's nothing to say.

In the cauldrons of former distempers and wars,
There was plenty of food for our young souls and brains.
For performing the parts of betrayers, dastards, rogues,
We appointed our foes in our childish war games.

We were brave and see through
Any villainous ploys,
We assured to stay true
To fair maids of our choice,

И, друзей успокоивъ
И ближнихъ любя,
Мы на роли героевъ
Вводили себя.

Только въ грезы нельзя насовсѣмъ убѣжать:
Краткій вѣкъ у забавъ — столько боли вокругъ!
Постарайся ладони у мертвыхъ разжать
И оружье принять изъ натруженныхъ рукъ.

Испытай, завладѣвъ
Еще теплымъ мечемъ
И доспѣхи надѣвъ, —
Что́ почемъ, что́ почемъ!
Разберись, кто ты — трусъ
Иль избранникъ судьбы,
По душѣ ль тебѣ вкусъ
Настоящей борьбы.

И когда рядомъ рухнетъ израненный другъ
И надъ первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты безъ кожи останешься вдругъ
Отъ того, что убили его — не тебя, —

Ты поймешь, что узналъ,
Отличилъ, отыскалъ
По оскалу забралъ —
Это смерти оскалъ! —
Ложь и зло, — погляди,
Какъ ихъ лица грубы,
И всегда позади —
Воронье и гробы!

Если, путь прорубая отцовскимъ мечемъ,
Ты соленыя слезы на усъ намоталъ,
Если въ жаркомъ бою испыталъ что́ почемъ, —
Значитъ, нужныя книги ты въ дѣтствѣ читалъ!

Если жъ ты ни гроша
Бѣдняку не подалъ,

We soothed pains in the hearts
Of our kin and our friends,
And the positive parts
We reserved for ourselves.

But one can't live forever in his make-believe,
Games are over quite soon for the world's full of pain.
So ye have to begin in real earnest to live
And take over the arms from the arms of the slain.

Having gotten someone's sword
And his armor, ye'll go
To discover this world,
See what's high and what's low.
Prove yourself — what are ye,
A poltroon or a knight?
Come to find out what means
To take part in the fight!

When your old friend fall down, shedding blood on the plain,
When ye wail over this irreplaceable loss,
When ye feel as if scalped, since your buddy was slain
'Stead of you — and this will be forever your cross —

It'll be clear that now ye've
Comprehended and sensed
By the foes visors' grin —
It's a sneer of Death! —
Lie and Evil — look ye,
How their faces are coarse,
And their road always leads
But to coffins and crows!

If, when cutting your way with your father's old sword,
To gulp down tears and sweat on and on ye'd proceed,
If the battles ye took part ye got as a reward —
Then the right books ye read in your childhood — ye did!

If ye never ate meat,
Sitting at the field fire,

Если, руки сложа,
Свысока наблюдалъ
И въ борьбу не вступилъ
Съ подлецомъ, съ палачемъ,—
Значитъ, въ жизни ты былъ
Ни при чемъ, ни при чемъ!

1975 г.

If ye stayed in your seat,
Taking part in no strife,
If your hand ever helped
No one person in need—
Then your life ye misspent,
Spoiled and squandered—ye did!

1975.

Продѣлавъ брешь въ затишьи...

Продѣлавъ брешь въ затишьи,
Весна идетъ въ штыки,
И высунули крыши
Изъ снѣга языки.

Голодная до драки,
Оскалилась весна,
Какъ съ языка собаки,
Стекаетъ съ крышъ слюна.

Весеннія арміи жаждутъ успѣха,
Все ясно, и стрѣлы на картѣ прямы,
И воины въ легкихъ небесныхъ доспѣхахъ
Врубаются въ бѣлыя рати зимы.

Но рано веселиться:
Зима еще сильна
И занятыхъ позицій
Не отдаетъ она.

Тайкомъ подъ бѣлымъ флагомъ
Сбираются войска,—
И ударяетъ съ фланга
Морозъ исподтишка.

И битва идетъ съ переменнымъ успѣхомъ:
Гдѣ свѣтъ и ручьи, гдѣ поземка и мгла,
И воины въ легкихъ небесныхъ доспѣхахъ
Потери несутъ и бѣгутъ изъ котла.

Морозу удирать бы—
А онъ впадаетъ въ ражъ:
Играетъ съ вьюгой свадьбу—
Не свадьбу, а шабашъ.

Окно скрипитъ фрамугой—
То вѣтеръ перебралъ,

Но онъ напрасно съ вьюгой
Побѣду пировалъ.

Пусть въ зимнемъ тылу говорятъ объ успѣхахъ,
И наглыя сводки приходятъ изъ тьмы,
Но воины въ легкихъ небесныхъ доспѣхахъ
Врубаются клиньями въ царство зимы.

Откуда что берется —
Сжимается безъ словъ
Рука тепла и солнца
На горлѣ холодовъ.

Не совершиться чуду:
Снѣгъ виденъ лишь въ тылахъ,
Войска зимы повсюду
Бросаютъ бѣлый флагъ.

И дальше на сѣверъ идетъ наступленье,
Запѣла вода, пробуждаясь отъ сна.
Весна неизбѣжна — ну, какъ обновленье,
И необходима, какъ просто весна.

Кто сладко жилъ въ морозы,
Тотъ ждетъ и точитъ зубъ,
И проливаетъ слезы
Изъ водосточныхъ трубъ.

Но только грошъ имъ, нищимъ,
Въ базарный день цѣна —
На эту землю свыше
Ниспослана весна.

Два слова войскам: несмотря на успѣхи,
Не прячьте въ чуланъ или старый комодъ
Небесные легкіе ваши доспѣхи —
Они пригодятся еще черезъ годъ.

1972 г.

Баллада о ненависти.

Торопись — тощій грифъ надъ страною кружитъ!
Лѣсъ — обитель твою — по веснѣ навѣсти.
Слышишь — гулко земля подъ ногами дрожитъ?
Видишь — плотный туманъ надъ полями лежитъ?
Это росы вскипаютъ отъ ненависти!

Ненависть
въ почкахъ набухшихъ томится,
Ненависть
въ насъ затаенно бурлитъ,
Ненависть
потомъ сквозь кожу сочится,
Головы наши палитъ!

Погляди — что́ за рыжія пятна въ рѣкѣ?
Sло рѣшило порядокъ въ странѣ навести.
И меча рукоять холодѣетъ въ рукѣ,
И отчаянье бьется, какъ птица, въ искѣ,
И заходится сердце отъ ненависти!

Ненависть
юнымъ уродуетъ лица,
Ненависть
просится изъ береговъ,
Ненависть
жаждетъ и хочетъ напиться
Черною кровью враговъ!

Да, насъ ненависть въ плѣнъ захватила сейчасъ,
Но не sлоба насъ будетъ изъ плѣна вести.
Не слѣпая, не черная ненависть въ насъ —
Свѣжій вѣтеръ намъ высушитъ слезы у глазъ
Справедливой и подлинной ненависти!

Ненависть —
пей, переполнена чаша!
Ненависть
требуетъ выхода, ждетъ.

Но благородная
ненависть наша
Рядомъ съ любовью живетъ!

1975 г.

Восточная притча.

Полководецъ съ шеею короткой
Долженъ быть въ любыя времена —
Чтобы грудь была отъ подбородка,
Отъ затылка чтобы шла спина.

На короткой незамѣтной шеѣ
Головѣ удобнѣе сидѣть —
И душить значительно труднѣе,
И арканомъ не за что задѣть.

А они вытягиваютъ шеи
И встаютъ на кончики носковъ —
Чтобъ увидѣть дальное вѣрнѣе,
Нужно бросить взглядъ поверхъ головъ.

Все, теперь ты — темная лошадка,
Даже если видѣлъ свѣтъ въ дали, —
Поза — неустойчива и шатка,
И открыта шея для петли.

И любая подлая ехидна
Сосчитаетъ позвонки на ней, —
Дальше видно, но — не дальновидно
Жить съ открытой шеей межъ людей.

Но они вытягиваютъ шеи
И встаютъ на кончики носковъ —
Чтобъ увидѣть дальное вѣрнѣе,
Нужно бросить взглядъ поверхъ головъ.

Голову задравъ, плюешь въ колодецъ —
Самъ себя готовишь на убой.
Кстати, настоящій полководецъ
Землю топчетъ полною стопой.

Въ Азіи приучены къ засадѣ —
Допустить не долженъ полубогъ,

An Eastern Parable.

Through all times — preceding, next and present —
Short and strong should be the necks of folks —
Almost from the chins should go the chests and
Should begin the backs right from the noddles.

On the neck that hardly can be spotted,
Comfortably and easy sits the noddle,
For it's hard to put the fingers on it,
And the lasso can't be surely thrown.

> But they crane their necks to make them longer,
> Stand on tiptoe, stretch themselves with force.
> If one wants to see what's further onward,
> He should cast a glance o'er the folks' tops.

Be aware that thou'rt a dark horse now,
Even if thou'st seen a light ahead,
For the cause that insecure's thy posture,
And open's for the lasso thy slight neck.

So a wicked jackal full of spite is
Free to sit and count up thy neck's bones.
Far's thy sight, but one won't call far-sighted
Living with the open neck 'midst the folks.

> But they crane their necks to make them longer,
> Stand on tiptoe, stretch themselves with force.
> If one wants to see what's further onward,
> He should cast a glance o'er the folks' tops.

Raising thy noddle high and spitting round thee
Bring about thy doom with thy own hand.
By the way, the genuine commander
Slaps down his foot flat upon the land.

Every one in Asia's used to ambush,
So a demigod won't let them creep

Чтобъ его подкравшіеся сзади
Съ перваго удара сбили съ ногъ.

А они вытягиваютъ шеи
И встаютъ на кончики носковъ —
Чтобъ увидѣть дальное вѣрнѣе,
Нужно бросить взглядъ поверхъ головъ.

Чуть отпустятъ нервы, какъ уздечка,
Больше не держа и не храня, —
Подъ ноги пойдетъ тебѣ подсѣчка
И на шею ляжетъ пятерня.

Можно, правда, голову тоскливо
Спрятать въ плечи и не рисковать, —
Только это очень некрасиво —
Втянутою голову держать.

И они вытягиваютъ шеи
И встаютъ на кончики носковъ —
Чтобъ увидѣть дальное вѣрнѣе,
Нужно бросить взглядъ поверхъ головъ.

Вотъ какую притчу о Востокѣ
Разсказалъ мнѣ старый аксакалъ.
«Даже сказки здѣсь — и тѣ жестоки,»
Думалъ я, — и шею измѣрялъ.

1973 г.

After him till they give him a grand push,
Hard enow to knock him off his feet.

> But they crane their necks to make them longer,
> Stand on tiptoe, stretch themselves with force.
> If one wants to see what's further onward,
> He should cast a glance o'er the folks' tops.

He who's gave his nerves even a little slack's like
One who's dropped the reins and lost control—
Surely he'll be tackled up from the back by
Them who want to take his neck and hold.

Thou couldst prefer to take no chances,
Hunching up thy shoulders round thy chin,
But hope not to get admiring glances,
If thy noddle's so miserably pinned.

> And they crane their necks to make them longer,
> Stand on tiptoe, stretch themselves with force.
> If one wants to see what's further onward,
> He should cast a glance o'er the folks' tops.

Being in the East, I've heard this story
From a native man, gray-haired and wise.
"Oh, my God! here even folk tales are gory,"
Thought I, and checked out my neck for size.

1973.

Черногорцы.

Водой наполненныя горсти
Ко рту спѣшили поднести —
Впрокъ пили воду Черногорцы
И жили впрокъ — до тридцати.

А умирать почетно было
Средь пуль и матовыхъ клинковъ,
И уносить съ собой въ могилу
Двухъ-трехъ враговъ, двухъ-трехъ враговъ.

Пока заряды не кончались,
Стрѣляли съ сѣделъ, и съ колѣнъ, —
И въ плѣнъ живыми не сдавались,
Ихъ никогда не брали въ плѣнъ.

А имъ прожить хотѣлось до ста,
А лучше бъ даже — вѣкъ съ лихвой, —
Въ краю, гдѣ горъ и неба вдосталь,
И моря тоже — съ головой:

Шесть сотенъ тысячъ равныхъ порцій
Воды живой въ одной горсти...
Но проживали Черногорцы
Свой долгій вѣкъ — до тридцати.

Ихъ жены надѣвали трауръ,
И заливали очаги,
И молча лили слезы въ травы,
Чтобъ не услышали враги.

Мужей водою поминали,
И прятали дѣтей въ горахъ,
А тѣ ихъ послѣ оставляли
Уже съ оружіемъ въ рукахъ.

Чернѣли женщины отъ горя,
Была безрадостна земля,

И тяжело дышали горы,
Отмщенья жаждою горя.

И пять вѣковъ небесной кары
Месть длилась сына за отца,—
Пылали горные пожары
И Черногорскія сердца.

Цари смѣнялись, царедворцы,
Но смерть въ бою—всегда въ чести,—
Не уважали Черногорцы
Прожившихъ больше тридцати.

1974.

Баллада о вольныхъ стрѣлкахъ.

Если рыщутъ за твоею
Непокорной головой,
Чтобъ петлей худую шею
Сдѣлать болѣе худой,
То въ Шервудскій лѣсъ, пріятель,
Ты бѣги, не пропадешь —
Если недоброжелатель
Продалъ просто ни за грошъ.

Бѣдняки и бѣдолаги,
Что презрѣли жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги —
Изъ столицы и съ окраинъ,
Какъ одинъ, сюда бѣгутъ,
Потому что здѣсь хозяинъ —
Славный парень Робинъ Гудъ!

Здѣсь съ полслова понимаютъ,
Не боятся острыхъ словъ,
Здѣсь съ почетомъ принимаютъ
Оторви-сорви-головъ.
И скрываются до срока
Даже рыцари въ лѣсахъ:
Кто безъ страха и упрека —
Тотъ всегда не при деньгахъ!

Знаютъ всѣ оленьи тропы,
Словно линіи руки,
Въ прошломъ — слуги и холопы,
Нынѣ — вольные стрѣлки.
Здѣсь того, кто все теряетъ,
Защитятъ и сберегутъ:
По лѣсной странѣ гуляетъ
Славный парень Робинъ Гудъ!

И живутъ да поживаютъ
Всѣмъ запретамъ вопреки,

A Ballad of the Free Archers.

If it happed that ye've sold out,
And the noose is what ye'd get,
Ye can get rid of the gallows
In the wood—ye won't regret.
It's the safest, no doubt,
Place for you without haws,
Where'll forever be bummed out
Greedy lords with their laws!

Yeomen, running from oppression,
Who despise all risks and threats,
And poor servants whose possessions
Are but their o'erdue debts,
Also vagabonds and rascals
Run and hide inside this wood,
Where the master is a handsome
Good old fellow—Robin Hood!

They'll trust you without vow,
Though rows hap, of course,
And they never throw out
Outcasts and outlaws.
Even knights hide out sometime
In this wood of pine and oak—
Men above fault and disquiet
At all times are going broke!

All deer trails to them are known
As the lines of their palms.
They're archers all, although
In the past were slaves and bums.
Serfs and losers by these archers
Will be saved and understood.
No one is fair as much as
He who walks with Robin Hood!

Merry men, they live and cope
In the face of all taboos,

И ничуть не унываютъ
Эти вольные стрѣлки.
Спятъ, укрывшись звѣзднымъ небомъ,
Мохъ подъ ребра подложивъ.
Имъ, какой бы холодъ не былъ,—
Живъ—и славно, если живъ!

Но вздыхаютъ отъ разлуки,—
Гдѣ-то домъ и клокъ земли,—
Да поглаживаютъ луки,
Чтобъ въ бою не подвели.
И стрѣлковъ не сыщешь лучшихъ!..
Что же завтра? Гдѣ ихъ ждутъ?
Скажетъ первый въ мірѣ лучникъ—
Славный парень Робинъ Гудъ!

1975 г.

Never losing heart and hope,
These free archers in the woods.
They often sleep on moss or feather,
Use for blankets starry skies;
No matter what the weather—
Still alive, and that is nice!

Feeling homesick and low?
Cheer up, man, it'll all be right!
Don't forget to fit your bow—
Must be perfect in a fight!
There are no their peers,
No shooters are so good...
Where'll they have the next appearance
With the fellow Robin Hood?

1975.

Если гдѣ-то въ глухой неспокойной ночи...

Если гдѣ-то въ глухой неспокойной ночи
Ты споткнулся и ходишь по краю —
Не таись, не молчи, до меня докричи —
Я твой голосъ услышу, узнаю.

Если съ пулей въ груди ты лежишь въ спѣлой ржи,
Потерпи: я спѣшу — и усталости ноги не чуютъ.
Мы вернемся туда, гдѣ и воздухъ, и травы врачуютъ, —
Только ты не умри, только кровь удержи!

Если конь подъ тобой, ты домчи, доскачи —
Конь дорогу отыщетъ буланый
Въ тѣ края, гдѣ всегда бьютъ живые ключи, —
И они исцѣлятъ твои раны.

Если трудно идешь — по камнямъ да грязи,
Или, путая слѣдъ, ты уходишь протокой студеной, —
Пропыленный, обвѣтренный, дымный, огнемъ опаленный —
Хоть какой — доберись, добреди, доползи!

Здѣсь такой чистоты изъ-подъ снѣга ручьи —
Не найдешь, не придумаешь краше!
Здѣсь цвѣты, и кусты, и деревья — ничьи,
Стоитъ намъ захотѣть — будутъ наши.

Гдѣ же ты — взаперти или въ долгомъ пути?
На какихъ ты сейчасъ перепутіяхъ и перекресткахъ?
Можетъ быть, ты усталъ, пріунылъ, заблудился въ трехъ соснахъ —
И не можешь обратно дорогу найти?

1974 г.

If thou’st found thyself in a strange land...

If thou’st found thyself in a strange land at night,
If thou sit’st on a barrel of powder—
Hold not back, keep not silent, call me with all might—
I will hear thee, my dear, holler louder.

Perhaps, thou li’st in a field with a ball in thy chest—
Know, I’m running to thee, treading lightly, and thou shouldst have patience.
We’ll go back where the grass and the air are salubrious and gracious,
Only pass not away, hold thou on, do thy best!

If thou’rt riding a horse, thou’lt get home, spreading wings—
Thy good stallion should bring thee around.
He’ll take thee to the places with life-giving springs,
And they’ll patch up thy wounds, make thee sound.

If thou’rt dragging thy feet, plodding, trudging all day,
Getting stuck in the mud, scrambling, treading on stones or in water,
Singed in flame, weather-beaten, lamentable, threadbare or wanted—
On all fours or on twos, but get home anyway!

Springing from the ice sheet, here so clean are the streams—
Splendid ones of the purest water.
Here the trees and the flowers are nobody’s things,
We’ll make them our own if we want to.

Now where art thou—hast locked up or taken a long roam?
What conjunctions and what intersections of paths art thou facing?
Art thou tired, hast gone off the track, find’st thy problems depressing?
Canst not thou really find the way back to thy home?

1974.

О фатальныхъ датахъ и цифрахъ.

Моимъ друзьямъ—поэтамъ.

Кто кончилъ жизнь трагически, тотъ истинный поэтъ,
А если въ точный срокъ,—такъ въ полной мѣрѣ.
На цифрѣ двадцать шесть одинъ шагнулъ подъ пистолетъ,
Другой въ петлѣ былъ найденъ въ «Англетерѣ».

А въ тридцать три Христу,—онъ былъ поэтъ, онъ говорилъ:
«Да не убій!»—убьешь, вездѣ найду, молъ,—
Къ кресту прибили руки, чтобъ чего не сотворилъ,
Чтобъ не писалъ и ни о чемъ не думалъ.

Съ меня при цифрѣ тридцать семь въ моментъ слетаетъ хмель.
Вотъ и сейчасъ какъ холодомъ подуло:
Подъ эту цифру Пушкинъ подгадалъ себѣ дуэль,
И Маяковскій грудью легъ на дуло.

Задержимся на цифрѣ тридцать семь! Стоитъ ребромъ
Вопросъ неустранимый: или—или!
На этомъ рубежѣ легли и Байронъ, и Рембо,
А нынѣшніе какъ-то проскочили.

Дуэль не состоялась или перенесена,
А въ тридцать три распяли, но не сильно.
А въ тридцать семь—не кровь, да что́ тамъ кровь!—и сѣдина
Испачкала виски не такъ обильно.

«Слабы стрѣляться?» Въ пятки, молъ, давно ушла душа!
Терпѣнье, ψνхопаты и кликуши!
Поэты ходятъ пятками по лезвею ножа
И рѣжутъ въ кровь свои босыя души.

Жалѣю васъ, приверженцы фатальныхъ датъ и цифръ,
Томитесь, какъ наложницы въ гаремѣ.
Срокъ жизни увеличился, и, можетъ быть, концы
Поэтовъ отодвинулись на время.

On Fatal Dates and Figures.

To my friends poets.

It's known that a true poet meets a tragic culmination,
And also it's important when it falls out.
At twenty-six, his end one in a pistol duel faced,
Another — in a noose in that darned hostel.

When Christ was thirty-three — he was a poet, and he said,
"Don't kill!" — if not, he'll find thee everywhere —
They nailed him to the cross in order to suppress the threat
Of his great teaching and immense affairs.

When I think over thirty-seven, I sober up right off,
And now again it gives me lots of troubles,
Because just at this number, Pushkin get the deadly shot,
And Mayakovsky with a shot was done for.

Let's stay for a short while at thirty-seven. So yes or no? —
This question should be necessarily answered.
On this so bloody point, we lost as Byron as Rimbaud,
But modern poets often found ways to pass it.

The duel was delayed awhile, or one might never fought,
At thirty-three they crucified him slightly.
At thirty-seven, his tears were sometimes shed, 'stead of blood hot,
His hair then turned gray, but only lightly.

"You've gotten, O poets, frightened," they scoff, "and can no longer fight?"
Have patience, all you neurasthenic creatures!
The poets walk with bare feet on the steel blade of life
And cut their bare souls till they get bleeding.

I pity you, supporters and adherents of fatal dates,
You're just like concubines in harems longing.
Our life expectancy has grown considerably of late,
And, maybe, now the poets will last longer.

Поэта шея — вѣрная приманка для петли,
А грудь — мишень для стрѣлъ, но не спѣшите —
Ушедшіе не датами безсмертье обрѣли,
Такъ что живыхъ не слишкомъ торопите.

1971 г.

Of course, the poet's neck is simply destined for the noose,
His chest is the right mark for bolts and bullets.
But dates and immortality are subjects which are loose,
So let the poets live, don't you be fumed at.

1971.

ПѢВЕЦЪ У МИКРОФОНА.

I. Пѣвецъ у микрофона.

Я весь въ свѣту, доступенъ всѣмъ глазамъ,
Я приступилъ къ обычной процедурѣ —
Я къ микрофону всталъ, какъ къ образамъ...
Нѣтъ-нѣтъ, сегодня — точно къ амбразурѣ.

И микрофону я не по нутру —
Да, голосъ мой любому опостылетъ.
Увѣренъ, если гдѣ-то я совру,
Онъ ложь мою безжалостно усилитъ.

Бьютъ лучи отъ рампы мнѣ подъ ребра,
Свѣтятъ фонари въ лицо недобро,
И слѣпятъ съ боковъ прожектора,
И — жара!.. жара!.. жара!

Сегодня я особенно хриплю,
Но измѣнить тональность не рискую, —
Вѣдь если я душою покривлю,
Онъ ни за что не выправитъ кривую.

Мелодіи мои попроще гаммъ,
Но лишь сбиваюсь съ искренняго тона,
Мне сразу больно хлещетъ по щекамъ
Недвижимая тѣнь отъ микрофона.

Бьютъ лучи отъ рампы мнѣ подъ ребра,
Свѣтятъ фонари въ лицо недобро,
И слѣпятъ съ боковъ прожектора,
И — жара!.. жара!.. жара!

На шеѣ гибкой этотъ микрофонъ
Своей smѣиной головою вертитъ.
Лишь только замолчу, ужалитъ онъ —
Я долженъ пѣть до одури, до смерти.

A SINGER AT THE MICROPHONE.

I. A Singer at the Microphone.

I'm on the stage — this open to all eyes space,
To start to sing on it myself I'm bracing.
The microphone is an icon that I face...
But no, now it's an evil one that I'm facing.

This one and I — we hardly get along,
But lots of people dislike my voice, no wonder.
And if it happen that I somewhere go wrong,
It'll mercilessly amplify my blunder.

The footlights beat me fiercely from below,
And right above me, the evil lanterns glow.
The spotlights blind me — I'm in a tight spot,
And it's so hot!.. so hot!.. so hot!

This microphone is exact like hell,
It gives heed even when I'm mistaken slightly.
It doesn't care that this evening I'm unwell,
I ever have to sing the notes rightly.

My melodies are simpler than the scales,
But when I get out from the truthful tone,
I instantly get smart slaps in my face
From the thin shadow of the microphone.

The footlights beat me fiercely from below,
And right above me, the evil lanterns glow.
The spotlights blind me — I'm in a tight spot,
And it's so hot!.. so hot!.. so hot!

Its snake-like head turns to the left and right,
Its pliant neck before my mouth tenses,
And if I stop, it won't reflect and bite —
I have to sing until I lose my senses.

Не шевелись, не двигайся, не смѣй!
Я видѣлъ жало, ты — smѣя, я знаю!
И я сегодня — заклинатель smѣй,
Я не пою — я кобру заклинаю.

Бьютъ лучи отъ рампы мнѣ подъ ребра,
Свѣтятъ фонари въ лицо недобро,
И слѣпятъ съ боковъ прожектора,
И — жара!.. жара!.. жара!

Опять не будетъ этому конца!
Что́ есть мой микрофонъ — кто мнѣ отвѣтитъ?
Теперь онъ — какъ лампада у лица,
Но я не святъ, и микрофонъ не свѣтитъ.

Прожорливъ онъ, и съ жадностью птенца
Онъ изо рта выхватываетъ звуки.
Онъ въ лобъ мнѣ влепитъ девять граммъ свинца,
Рукъ не поднять — гитара вяжетъ руки.

Бьютъ лучи отъ рампы мнѣ подъ ребра,
Свѣтятъ фонари въ лицо недобро,
И слѣпятъ съ боковъ прожектора,
И — жара!.. жара!.. жара!

II. Пѣсня микрофона.

Я оглохъ отъ ударовъ ладоней,
Я ослѣпъ отъ улыбокъ пѣвицъ,
Сколько лѣтъ я страдалъ отъ cvмфоній,
Потакалъ подражателямъ птицъ!

Сквозь меня, многократно просѣясь,
Чистый звукъ въ ваши души летѣлъ.
Стопъ! вотъ тотъ, на кого я надѣюсь,
Для кого я все муки стерпѣлъ.

Сколько лѣтъ въ меня шептали про луну,
Кто-то весело оралъ про тишину,

Swear that I saw the microphone's sting,
It's a slick snake, its moves are so alarming!
I have to sing, but no, now I don't sing,
There's on the stage a cobra whom I'm charming.

The footlights beat me fiercely from below,
And right above me, the evil lanterns glow.
The spotlights blind me—I'm in a tight spot,
And it's so hot!.. so hot!.. so hot!

It seems that there's no end of this disgrace!
To what can I the microphone liken?
Now it's an icon-lamp before my face,
But I'm no saint, and therefore it doesn't light me.

An ever-starving nestling is this one,
It snatches every sound of mine, a bully.
But no, the microphone is a gun,
One day I'll for sure catch from it a bullet.

The footlights beat me fiercely from below,
And right above me, the evil lanterns glow.
The spotlights blind me—I'm in a tight spot,
And it's so hot!.. so hot!.. so hot!

II. The Microphone's Song.

I went blind from the pleasant smiles of songsters,
I went deaf from a non-stopping clap,
I'm worn-out from the musical monsters—
Each of them chews the same fatuous crap!

Sifted through my long-suffering body,
Pure sound flew straight into your ears.
Stop! at last there's a guy who's not shoddy,
It's for him I was tortured for years.

I heard hundreds of deep sighs about the moon,
I heard hundreds of light descants out of tune,

На пилѣ одинъ игралъ — мозгъ выпиливалъ,
А я усиливалъ, усиливалъ, усиливалъ!..

На низахъ его голосъ утробенъ,
На верхахъ онъ подобенъ ножу.
Онъ покажетъ, на что онъ способенъ,
Но и я кое-что покажу.

Онъ поетъ задыхаясь, съ натугой,
Онъ усталъ, какъ солдатъ на плацу.
Я тянусь своей шеей упругой
Къ золотому отъ пота лицу.

Сколько лѣтъ въ меня шептали про луну,
Кто-то весело оралъ про тишину,
На пилѣ одинъ игралъ — мозгъ выпиливалъ,
А я усиливалъ, усиливалъ, усиливалъ!..

Только вдругъ... Человѣче, опомнись!
Что́ поешь? Отдохни — ты усталъ!
Это патока, сладкая помѣсь!
Залъ, скажи, чтобы онъ пересталъ!

Къ сожалѣнью, чудесъ не бываетъ,
Я шатаюсь, я еле стою...
Онъ смертельную горечь вливаетъ
Въ микрофонную глотку мою.

Сколько лѣтъ въ меня шептали про луну,
Кто-то весело оралъ про тишину,
На пилѣ одинъ игралъ — мозгъ выпиливалъ,
А я усиливалъ, усиливалъ, усиливалъ!..

Въ чемъ угодно меня обвините,
Только противъ себя не пойдешь.
По профессіи я — усилитель,
Я страдалъ, но усиливалъ ложь.

Застоналъ я — динамики взвыли,
Онъ сдавилъ мое горло рукой.

One big-shot would play the saw — I nearly died,
Yet I carried out my duty — amplified.

In the lower keys, his voice is hollow,
In the upper, it's sharp as a knife.
But he'll show his distinction as a songster,
And I'll also show something of mine.

Now he's singing, he took off the coat,
He's perspiring, he's truly all wet,
And I stretch out my microphone throat
To his face gotten golden from sweat.

I heard hundreds of deep sighs about the moon,
I heard hundreds of light descants out of tune,
One big-shot would play the saw — I nearly died,
Yet I carried out my duty — amplified.

But his song has become very candied...
Man, recover! ye're wasting your chance!
Ye must be more courageous, more candid!
People, tell him to shut up at once!

He continues with this goddamned litter,
And I'm tottering, I nearly fall.
But this syrup, emetic and bitter,
He still pours into my tired soul.

I heard hundreds of deep sighs about the moon,
I heard hundreds of light descants out of tune,
One big-shot would play the saw — I nearly died,
Yet I carried out my duty — amplified.

You may blame me for being too patient,
But one's nature one cannot disguise.
Amplifying is my occupation,
So I suffered, but amplified lies.

Then I groaned, and the loudspeakers hollered,
But he twisted my neck, and I quaked.

Отвернули меня, умертвили,
Замѣнили меня на другой.

Тотъ, другой,—онъ все стерпитъ и приметъ.
Онъ навинченъ на шею мою...
Часто насъ замѣняютъ другими,
Чтобы мы не мѣшали вранью.

Мы въ чехлѣ очень тѣсно лежали:
Я, штативъ и другой микрофонъ,
И они мнѣ, смѣясь, разсказали,
Какъ онъ радъ былъ, что я замѣненъ.

1971 г.

They unscrewed me—I was deftly knocked off,
And replaced with some lousy old fake.

This new mike will accept all with patience,
With the false notes he'll meekly comply—
Thus they always replace with replacements
Those who're able to impede them to lie.

We were covered up, several hours after,
In our old dusty traveling case,
And the other mike told me with laughter,
"He was happy that ye'd been replaced."

1971.

Оловянные солдатики.

Аркадію Высоцкому.

Будутъ и стихи, и маѳематика,
Почести, долги, неравный бой...
Нынче жъ оловянные солдатики
Здѣсь, на старой картѣ, встали въ строй.

Лучше бы ужъ онъ держалъ въ казармѣ ихъ,
Только — на войнѣ какъ на войнѣ —
Падаютъ бойцы въ обѣихъ арміяхъ,
Поровну на каждой сторонѣ.

Можетъ быть — пробѣлы въ воспитаніи
И въ образованьи слабина, —
И не можетъ выиграть кампанію
Та или другая сторона.

Совѣсти проблемы окаянныя —
Какъ передъ собой не согрѣшить?
Тутъ и тамъ — солдаты оловянные, —
Какъ рѣшить, кто долженъ побѣдить?

И не можетъ ни одна стратегія
Подойти обѣимъ сторонамъ...
Вотъ сдалась нейтральная Норвегія
Ордамъ оловянныхъ Егѵптянъ.

Лѣвою рукою Скандинавія
Лишена престижа своего, —
Но рука рѣшительная правая
Въ мигъ возстановила статусъ-кво.

Гдѣ вы, легкомысленные геніи,
Или вамъ являться недосугъ?
Гдѣ вы, проигравшіе сраженія
Просто, не испытывая мукъ?

Или вы, несущіе въ вѣнцѣ зарю
Битвъ, побѣдъ, тріумфовъ и могилъ,—
Гдѣ вы, уподобленные Цезарю,
Что пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ?

Сколько бъ ни предпринимали арміи
Контратакъ, прорывовъ и бросковъ,—
Все равно на каждомъ полушаріи—
Поровну игрушечныхъ бойцовъ.

Мучается полководецъ маленькій—
Непосильной ношей отягченъ
Вышедшій въ громадные начальники
Шестилѣтній мой Наполеонъ.

Чтобы прекратить его мученія,
Ровно половину тѣхъ солдатъ
Я покрасилъ синимъ—шутка генія,
Утромъ вижу—синіе лежатъ.

Я горжусь успѣхами такими, но
Мысль одна съ техъ поръ меня гнететъ:
Почему пожертвовалъ онъ именно
Синими, а не наоборотъ?..

1969 г.

Вооруженъ и очень опасенъ.

Запоминайте:
Примѣты — это ерунда,
Не бойтесь чернаго кота,
Но сплюнуть трижды никогда
Не забывайте!

И не дрожите!
Молитесь Богу, и тогда
Не будетъ страха въ день Суда,
Но вотъ отъ пули, господа,
Не убѣжите!

Кто тамъ крадется вдоль стѣны —
Всегда въ тѣни и со спины?
Его шаги едва слышны —
Остерегитесь!
Онъ вралъ, что истина въ винѣ,
Кто довѣрялъ ему вполнѣ,
Уже упалъ съ ножомъ въ спинѣ —
Поберегитесь!

За маской не узнать лица,
Въ глазахъ — по девять граммъ свинца,
Разсчетъ его точенъ и ясенъ.
Онъ не полѣзетъ на рожонъ,
Онъ до зубовъ вооруженъ
И очень, очень опасенъ!

Не довѣряйте
Ему ни тайнъ своихъ, ни сновъ,
Не говорите лишнихъ словъ —
Подъ пули зря своихъ головъ
Не подставляйте!

Гниль и болото
Произвели его на свѣтъ;
Неважно, правъ ты или нѣтъ —

Онъ въ ходъ пускаетъ пистолетъ
Съ полъ-оборота.

Онъ жаденъ, золъ, хитеръ, трусливъ,
Когда онъ пьянъ, тогда слезливъ,
Цvниченъ онъ и не брезгливъ:
«Когда и — сколько?»
Въ его досье — и я, и ты.
Онъ дѣйствуетъ безъ суеты,
Зрачки его черны, пусты,
Какъ дуло кольта.

За маской не узнать лица,
Въ глазахъ — по девять граммъ свинца,
Разсчетъ его точенъ и ясенъ.
Онъ не полѣзетъ на рожонъ,
Онъ до зубовъ вооруженъ
И очень, очень опасенъ!

1976 г.

Пѣсня конченаго человѣка.

Истома ящерицей ползаетъ въ костяхъ,
И сердце съ трезвой головой не на ножахъ,
И не захватываетъ духъ на скоростяхъ,
Не холодѣетъ кровь на виражахъ.

И не прихватываетъ горло отъ любви,
И нервы больше не внатяжку, — хочешь — рви, —
Провисли нервы, какъ веревки отъ бѣлья,
Не важно, кто одержитъ верхъ, — онъ или я.

Я на конѣ,
а толкни,
я — съ коня.
Только *не*,
только *ни*
у меня.

Не пью воды — чтобъ стыли зубы — ключевой,
И никого и ничего не тороплю.
Мой лукъ валяется со сгнившей тетивой,
И на растопку стрѣлы я щеплю.

Не напрягаюсь и не рвусь, а какъ-то такъ...
Не вдохновляетъ ѳактъ наличія атакъ.
Сорвиголовъ не принимаю и корю,
Про оставляющихъ покой не говорю.

Я на конѣ,
а толкни,
я — съ коня.
Только *не*,
только *ни*
у меня.

И не хочу ни выяснять, ни измѣнять,
И ни вязать, и ни развязывать узлы.
Углы тупые можно и не огибать,
Вѣдь послѣ острыхъ — это не углы.

Свободный ли, тугой ли поясъ — мнѣ-то что́!
Я пули въ лобъ не удостоюсь — не за что́.
Я весь прозрачный, какъ оконное стекло,
И непримѣтный, какъ льняное полотно.

Я на конѣ,
а толкни,
я — съ коня.
Только *не*,
только *ни*
у меня.

Не ноютъ раны, да и шрамы не болятъ —
На нихъ наложены стерильные бинты.
И не волнуютъ, не свербятъ, не теребятъ
Ни мысли, ни вопросы, ни мечты.

Любая нѣжность душу не разбередитъ,
Не убѣдитъ никто и не разубѣдитъ.
А такъ какъ чужды всякой всячинѣ мозги,
То ни предчувствія не жмутъ, ни сапоги.

Я на конѣ,
а толкни,
я — съ коня.
Только *не*,
только *ни*
у меня.

Ни философскій камень больше не ищу,
Ни корень жизни — вѣдь нашли уже женьшень.
Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу,
И не надѣюсь поразить мишень.

Усталъ бороться съ притяженіемъ Земли:
Лежу — такъ больше разстоянье до петли.
И сердце дергается словно не во мнѣ, —
Пора туда, гдѣ только *ни* и только *не*.

Я на конѣ,
а толкни,
я — съ коня.
Только *не*,
только *ни*
у меня.

1971 г.

Пѣсня про первые ряды.

Была пора — я рвался въ первый рядъ,
Но было то отъ недопониманья.
Теперь же я всегда сажусь назадъ,
Тамъ, впереди, какъ въ спину автоматъ —
Тяжелый взглядъ, недоброе дыханье.

Можетъ, сзади и не такъ красиво,
Но намного шире кругозоръ,
Больше и разбѣгъ, и перспектива,
И еще — надежность и обзоръ.

Стволы глазищъ, числомъ до десяти —
Какъ дула на мишень, но на живую —
Затылокъ тамъ отъ взглядовъ не спасти,
И сзади такъ удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

Можетъ, сзади и не такъ красиво,
Но намного шире кругозоръ,
Больше и разбѣгъ, и перспектива,
И еще — надежность и обзоръ.

Мнѣ вреденъ первый рядъ, и говорятъ,
Что я отъ сновъ о немъ въ ненастьѣ ною.
Я выбралъ, гдѣ темнѣй — послѣдній рядъ,
Отсюда нѣтъ уже пути назадъ
И за спиной стоитъ стѣна стѣною.

Можетъ, сзади и не такъ красиво,
Но намного шире кругозоръ,
Больше и разбѣгъ, и перспектива,
И еще — надежность и обзоръ.

Пусть Ніагары утекутъ воды,
Пусть въ пухъ и прахъ засалится перина —
До сѣдины, до длинной бороды
Не рвись, пріятель, въ первые ряды,
Не долго блещетъ прима-балерина.

Можетъ, сзади и не такъ красиво,
Но намного шире кругозоръ,
Больше и разбѣгъ, и перспектива,
И еще — надежность и обзоръ.

Надежно сзади, но бываютъ дни,
Когда я выйти собираюсь червой.
Не стоитъ вѣчно пребывать въ тѣни —
Съ послѣднимъ рядомъ долго не тяни,
А постепенно пробивайся въ первый.

Можетъ, сзади и не такъ красиво,
Но намного шире кругозоръ,
Больше и разбѣгъ, и перспектива,
И еще — надежность и обзоръ.

1970.

Мистерія хиппи.

Мы рвемъ — и не найти концовъ.
Не выдастъ Богъ, не съѣстъ свинья.
Мы — сыновья своихъ отцовъ,
Но блудные мы сыновья.

Приспичило и припекло —
Мы не вернемся, видитъ Богъ,
Ни государству подъ крыло,
Ни подъ покровъ, ни на порогъ.

Вранье —
ваше вѣчное усердіе!
Вранье —
ваше честное житье!
Гнилье —
ваше сердце и предсердіе!
Наслѣдство — къ чорту: все, что ваше, — не мое!

Напрочь сброшена обуза,
Узы мы свели на нуль:
Нѣтъ у мамы карапуза,
Нѣтъ ни колледжа, ни вуза,
Нѣту крошекъ у папуль.

Довольно выпущено пуль
И сброшено довольно бомбъ
Руками добренькихъ папуль,
Учившихъ жизни безъ грѣховъ,

Межъ дѣломъ тискающихъ краль
И словоблудящихъ въ судахъ, —
Мы вашу скотскую мораль
Съ ногъ отряхнули, словно прахъ!

Долой
ваши пѣсни, ваши повѣсти!
Долой
вашъ алтарь и аналой!

The Mystery of Hippies.

We've left our homes for good and all.
God's on our side, man won't harm us.
We're sons of yours, our dads and moms,
But we're unruly, prodigal sons.

On your old track, we've done our stint,
It makes no sense to wait for us—
We won't come back under your wings,
Nor sorry be about the past.

A lie is
your eternal warmth!
A lie is
your uncurved life course!
Corrupted
are your hearts and souls!
We lack for no one thing of yours!

Don't tell us of good and bad,
All the bonds have been torn off:
Now a mom hasn't her fat lad,
Nor has his little one a dad,
There are no your state and law.

How many townships have been trashed,
How many lives have been broken off
With the assist of yours, our dads,
Who taught us not to break God's words,

While, at odd moments, ye groped girls
And, at the trials, did your jousts—
Your rotten morality and codes
We've shaken from off our feet as dust!

God damn
your compositions and films!
God damn
the things ye immolate!

Долой
угрызенья вашей совѣсти!
Всѣ ваши сказки богомерзкія — долой!

Выжимайте деньги въ ражѣ,
Только — стряпайте безъ насъ
Ваши купли и продажи:
Намъ отвратны ваши даже
Умиленье и экстазъ!

Среди заросшихъ пустырей
Нашъ домъ безъ стѣнъ, безъ крыши кровъ.
Мы — какъ изгои средь людей,
Пришельцы изъ другихъ міровъ.

Ужъ лучше мерзнуть, голодать,
Безъ покаянья умереть,
Чѣмъ вашимъ воздухомъ дышать,
Богатствомъ вашимъ богатѣть.

Плевать
на всѣ ваши обѣщанія!
Кромсать
все, что ваше, проклинать!
Узнать
путь нашъ послѣ отрицанія,
И внукамъ внуковъ, всѣмъ колѣнамъ передать!

Прорицатели, гадалки
Напророчили бедламъ.
Ну а мы — уже на свалкѣ,
Въ колесо Прогресса палки
Ставимъ съ горемъ пополамъ.

Такъ иди же къ намъ, пріятель,
Не надѣйся на потомъ!
Сбрось извѣчное проклятье,
Здѣсь своихъ найдешь ты братьевъ!

God damn
what on your conscience is!
All your god-awful tales we hate!

Squeeze out money in a rage,
But without us ye're obliged
To perform your buys and sales:
Know that we feel a distaste
Even when ye take a delight!

Our home stands 'mongst the o'ergrown grounds,
The sky's its roof, the trees are walls.
'Mongst people, we're said to be outcasts,
Strange aliens from the other worlds.

We'll rather go with lack of food,
Without confession, draw the last breath,
Than breathe in the same air with you,
Collect what ye count to be wealth.

Get lost
with your red-letter days!
Get lost
with your auspicious marks!
We ought
to find unbeaten ways
For our posterity and us!

The soothsayers and foreseers
Said that we'll come to a pickle.
Well, in the junkyard we've lived,
And with all our knack of it
Put a spoke in Progress' wheel.

So, friend, lay for us thy course,
Don't pin hopes on later on!
Cast off the eternal curse,
Thou'lt find here thy own bros,

Нѣтъ? Такъ мы къ тебѣ придемъ!

1973 г.

We'll take thee with heart and soul!

1973.

Чистая правда со временемъ восторжествуетъ...

Sometime neat Truth will distinctly be in the ascendant...

МОЙ ГАМЛЕТЪ.

MY HAMLET.

Дурацкій сонъ.

Дурацкій сонъ, какъ кистенемъ,
Избилъ нещадно.
Невнятно выглядѣлъ я въ немъ
И неприглядно.
Во снѣ я лгалъ и предавалъ,
И льстилъ легко я...
А я и не подозрѣвалъ
Въ себѣ такое.
Еще сжималъ я кулаки
И билъ съ натугой,
Но мягкой кистію руки,
А не упругой.

Тускнѣло сновидѣнье, но
Опять являлось,
Смыкались вѣки, и оно
Возобновлялось.
Я не шагалъ, а семенилъ
На ровномъ брусѣ,—
Ни разу ногу не смѣнилъ,
Трусѝлъ и тру́силъ.
Я передъ сильнымъ лебезилъ,
Предъ слобнымъ гнулся.
И самъ себѣ я мерзокъ былъ,
Но не проснулся.

Да это бредъ—я свой же стонъ
Слыхалъ сквозь дрему!
Но это мнѣ приснился сонъ,
А не другому.
Очнулся я и разобралъ
Обрывокъ стона,
И съ болью вѣки разодралъ,
Но облегченно.
И сонъ повисъ на потолкѣ
И распластался.
Сонъ въ руку ли? И вотъ въ рукѣ
Вопросъ остался.

The Silly Dream.

The silly dream lambasted me
With a big truncheon.
I seemed in it quite vague to be,
And quite unsightly.
While sleeping, I betrayed and lied,
And ofttimes bowed...
I never had a thought that I
Could fall so low!
I hammered foes with my fists,
And did it madly,
But it was just a kind of twist,
My hands were flabby.

Confused and muzzy, from the dream
I would arouse,
But then my eyes would grow dim,
And I would drowse.
I walked not fast, but dragged my feet
On the beaten road,
And I thought not of leaving it,
To find my own.
I truckled and crouched to the strong,
Stooped to the wayward.
I knew that all I did was wrong,
But lingered waking.

It's rubbish! half asleep, I heard
My own murmur.
But it was me, in fact, who've gotten
This dream, not someone.
When I came round, I discerned
My murmur's meaning.
I opened my eyes, and though it hurt,
It was relieving.
The dream dissolved—and yet it seems
To be still goading:
It, maybe, wasn't a usual dream,
But a foreboding.

Я вымылъ руки — онъ въ спинѣ
Холодной дрожью.
Что́ было правдою во снѣ,
Что́ было ложью?
Быть можетъ, сонъ былъ посланъ мнѣ
Какъ упрежденье,
Но если было мнѣ во снѣ
Ясновидѣнье?
Сонъ — отраженье мыслей дня?
Нѣтъ, быть не можетъ!
Но вспоминаю — и меня
Всего корежитъ.

И если скажутъ: «Онъ вполнѣ
«Все зналъ и вѣдалъ!» —
Мнѣ будетъ мерзко, какъ во снѣ,
Въ которомъ предалъ.
Иль не окажется во мнѣ
Шагнуть къ костру силъ —
Мнѣ будетъ стыдно, какъ во снѣ,
Въ которомъ струсилъ.
Иль мнѣ предложатъ въ унисонъ
Пѣть, что есть духу —
Знать буду тоже, что мой сонъ
Былъ таки въ руку.

1971 г.

It gives me shakes as I ought to
Take a decision:
What was untrue and what was true
In this strange vision.
It's great if it was just a sign,
A timely omen,
But what if in this dream of mine
I was clairvoyant?
Can what I dreamed tonight reflect
My thoughts? I doubt it!
But when I come to recollect,
I get dumbfounded.

And if it turns out that they judge,
"He knew all fully!"—
I'll feel disgust just as that night
When I deluded.
Or, it'll be proved that death in fire—
Beyond my power—
I'll be ashamed just as that night
When I was coward.
Or, I'll be told, "Sing on the beam—
You'll be in clover!"—
It'll also show that my strange dream
Was a real forecast.

1971.

Мой Гамлетъ.

Я только малость объясню въ стихѣ:
На все я не имѣю полномочій.
Я былъ зачатъ, какъ нужно, во грѣхѣ —
Въ поту и въ нервахъ первой брачной ночи.

Я зналъ, что, оторвавшись отъ земли,
Чѣмъ выше мы, тѣмъ жестче и суровѣй.
Я шелъ спокойно прямо въ короли
И велъ себя наслѣднымъ принцемъ крови.

Я зналъ — все будетъ такъ, какъ я хочу,
Я не бывалъ въ накладѣ и въ уронѣ.
Мои друзья по школѣ и мечу
Служили мнѣ, какъ ихъ отцы — коронѣ.

Не думалъ я надъ тѣмъ, что́ говорю,
И съ легкостью слова бросалъ на вѣтеръ.
Мнѣ вѣрили и такъ, какъ главарю,
Всѣ высокопоставленныя дѣти.

Пугались насъ ночные сторожа,
Какъ оспою, болѣло время нами.
Свой краткій сонъ я у костра вкушалъ
И слую лошадь мучилъ стременами.

Я зналъ — мнѣ будетъ сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мнѣ рокъ съ рожденья выжегъ.
И я пьянѣлъ среди чеканныхъ сбруй,
Былъ терпѣливъ къ насилью словъ и книжекъ.

Я улыбаться могъ однимъ лишь ртомъ,
А тайный взглядъ, когда онъ золъ и горекъ,
Умѣлъ скрывать, воспитанный шутомъ.
Шутъ мертвъ теперь. Аминь! бѣдняга Іорикъ!

Но отказался я отъ дѣлежа
Наградъ, добычи, славы, привилегій:

My Hamlet.

Just a few things I'm going to explain,
To tell you more I'd want to be empowered...
I was conceived in tenseness and in pain
That sinful night that follows the espousals.

I knew that as we rise above the earth
We learn the heartlessness that there's inherent.
I neared the throne knowing of my worth,
With all the hubris of an heir clear-cut.

The world was mine! I never faced a fall,
And I was never querulous nor down.
My friends and playmates served me one and all
Just like their fathers served the Danish crown.

I never cared much for what I said,
And effortlessly squandered my avowals.
All noble kids believed me all the same,
Assenting to my primacy of power.

At nights the watchmen feared our reckless band,
Time was diseased with us as if with smallpox.
I slept on skins, used as a fork my hand,
And disciplined self-willed and wicked horses.

I knew that one fine day I'd hear, "Be king!" —
Since birth, I felt a mark on my brow burning.
The tourneys made me drunk like heady drink,
And I endured the irksome books and learning.

I smiled, but did it only with my lips,
No one could tell if I was glad or sorry.
The jester taught me, and I took his tips.
Alas, he's now dead. Amen! poor Yorick!

But I rejected, when I came of age
The life of pleasure, endless fun and routs:

Вдругъ стало жаль мнѣ мертваго пажа,
Я объѣзжалъ зеленые побѣги.

Я позабылъ охотничій азартъ,
Возненавидѣлъ и борзыхъ, и гончихъ,
Я отъ подранка гналъ коня назадъ
И плетью билъ загонщиковъ и ловчихъ.

Я видѣлъ — наши игры съ каждымъ днемъ
Все больше походили на безчинства.
Въ проточныхъ водахъ по ночамъ, тайкомъ,
Я отмывался отъ дневного свинства.

Я прозрѣвалъ, глупѣя съ каждымъ днемъ,
Я прозѣвалъ домашнія интриги.
Не нравился мнѣ вѣкъ, и люди въ немъ
Не нравились. И я зарылся въ книги.

Мой мозгъ, до знаній жадный, какъ паукъ,
Все постигалъ: недвижность и движенье,
Но толку нѣтъ отъ мыслей и наукъ,
Когда повсюду имъ опроверженье.

Съ друзьями перетерлась связи нить,
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился надъ словами «быть — не быть»,
Какъ надъ неразрѣшимою дилеммой.

Но вѣчно, вѣчно плещетъ море бѣдъ,
Въ него мы стрѣлы мечемъ — въ сито просо,
Отсѣивая призрачный отвѣтъ
Отъ вычурнаго этого вопроса.

Зовъ предковъ слыша сквозь притихшій гулъ,
Пошелъ на зовъ — сомнѣнья крались съ тыла,
Грузъ тяжкихъ думъ наверхъ меня тянулъ,
А крылья плоти внизъ влекли, въ могилу.

Въ непрочный сплавъ меня спаяли дни —
Едва застывъ, онъ началъ расползаться.

I pitied on a sudden a murdered page,
Since then I never tramped on fragile sprouts.

I could enjoy no longer hunters' feasts,
And was disgusted at grayhounds and beagles,
I turned my horse away from wounded beasts
And mercilessly whipped painstaking beaters.

I saw that what we played began to look
Like playing disarray with the poor nation,
And late at night, in secret, in a brook
I tried to wash off daily dissipation.

The more I saw — the sillier I got,
I overlooked my relatives intriguing.
I didn't like the century and, of course,
All of its men, and I submerged in reading.

My brain required knowledge more and more,
Perceiving all: both progress and stagnation.
But what's the use in science and in thoughts
If everywhere you see their refutation?

I tore the tread with playmates and was free,
It seemed that Ariadne's was a false plan.
I racked my brain — to be or not to be —
As if this simple dilemma was unsolvable.

Our arrows hit the everlasting sea
Of troubles, disillusionments and slavery.
Like millet in a sieve, we try to sift
A chancy answer from this mannered question.

My father called me through the dying hum,
And I went forth, pursued by creeping doubts.
A heavy load of musings tugged me up,
While carnal wings lugged pitilessly down.

Days smelted me into the alloy that
Soon after cooling was disintegrated,

Я пролилъ кровь, какъ всѣ, и, какъ они,
Я не сумѣлъ отъ мести отказаться.

А мой подъемъ предъ смертью — есть провалъ.
Офелія! я тлѣнья не пріемлю.
Но я себя убійствомъ уравнялъ
Съ убитымъ, и я вслѣдъ за нимъ легъ въ землю.

Я всей душой насилье презиралъ,
Ни въ грошъ не ставилъ Датскую корону,
Но въ ихъ глазахъ — я властвовать желалъ,
Расправился съ соперникомъ по трону.

Но геніальный всплескъ похожъ на бредъ,
Въ рожденьи смерть проглядываетъ косо.
А мы все ставимъ каверзный отвѣтъ
И не находимъ нужнаго вопроса.

1972 г.

For I spilled blood like others — tit for tat! —
I dived into revenge and into hatred.

My last success was, in the end, my fall.
Ophelia! decay I cannot bear!
But killing made me equal to them all
With whom a common grave I'd later share.

I'm Hamlet! I despised the rule of force,
I didn't care for the Danish throne,
But all around me were sure, of course,
That I destroyed my rival to reign alone.

A genius often looks like one who raves,
Right after birth, death starts its quick progression.
But we again a tricky answer raise
And fail to find a veritable question!

1972.

Притча о Правдѣ и Лжи.

Булату Окуджавѣ.

Нѣжная Правда въ красивыхъ одеждахъ ходила,
Принарядившись для сирыхъ, блаженныхъ, калѣкъ.
Грубая Ложь эту Правду къ себѣ заманила —
Молъ, оставайся-ка ты у меня на ночлегъ.

И легковѣрная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во снѣ.
Хитрая Ложь на себя одѣяло стянула,
Въ Правду впилась и осталась довольна вполнѣ.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью, —
Баба какъ баба, и что ея ради радѣть?
Разницы нѣтъ никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздѣть.

Выплела ловко изъ косъ золотистыя ленты
И прихватила одежды, примѣривъ на глазъ.
Деньги взяла, и часы, и еще документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вонъ подалась.

Только къ утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядѣвъ съ головой:
Кто-то уже, раздобывъ гдѣ-то черную сажу,
Вымазалъ чистую Правду, а такъ — ничего.

Правда смѣялась, когда въ нее камни бросали:
«Ложь это все, и на Лжи одѣянье мое!..»
Двое блаженныхъ калѣкъ протоколъ составляли
И обзывали дурными словами ее.

Стервой ругали ее, и похуже, чѣмъ стервой,
Мазали глиной, спустили двороваго пса...
«Духу чтобъ не было, — на километръ сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

A Parable of Truth and Lie.

To Bulat Okudzhava.

Delicate Truth took a walk in a lovely apparel,
Having spruced up to delight the poor invalids' sight.
Coarse Lie decided to get this Truth over a barrel,
And asked her, "Why stay ye not at my place for the night?"

Thus with a heart full of trust Truth quite happily dozed off,
Blew little bubbles and smiled to herself as she dreamt.
Treacherous Lie slyly crept up and snatched her bedclothes off,
Dug into Truth and became of that fully content.

Then she got up and pulled her a wry bulldog's face rudely,
"She's just a woman, so why should she make someone care?"
One won't see difference between Truth and Lie, absolutely,
With the proviso, of course, that they both will be bare.

Next she pulled out the ribbons of gold of her hair,
And grabbed her clothes and shoes, having taken measures by sight;
Picked up her documents, money and watch, lying there,
Spat on the floor, cursed incautious Truth and took to flight.

Truth in the morning woke up, and her losses discovered,
And felt amused as she looked at herself in the light:
By someone's hand with black soot her clean body was covered
With many streaks, but the rest — more or less — looked all right.

Facing with stones, Truth but proudly laughed at the crowd,
"It's all a lie, and it's Lie who wears my lovely dress!"
Two blissful invalids wrote a report calling loud
Her by bad names and admonishing her for the mess.

She was called wicked and even much worse than just wicked,
Set by a mongrel, and plastered all over with mud...
And their decision ran, "She must be kicked out, evicted!
We must in twenty-four hours get rid of this slut!"

Тотъ протоколъ заключался обидной тирадой,
Въ коей взвалили на Правду чужія дѣла,—
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама пропилась, проспалась догола.

Впрочемъ, легко уживаться съ завѣдомой Ложью,
Правда колола глаза и намаялись съ ней.
Бродитъ теперь, неподкупная, по бездорожью,
Изъ-за своей наготы избѣгая людей.

Нѣкто, бываетъ, какъ будто за Правду воюетъ,
Только вотъ правды въ сужденьяхъ его — ни на грошъ:
Чистая Правда, молъ, нѣкогда восторжествуетъ,
Сдѣлавъ для этого то же, что явная Ложь.

Такъ что, друзья, у чужихъ оставаться не надо,
Вѣдь неизвѣстно, къ кому на ночлегъ попадешь.
Могутъ раздѣть — увѣряю васъ, что это правда!
Глядь, а штаны твои носитъ коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотритъ коварная Ложь.
Глядь, а конемъ твоимъ правитъ коварная Ложь.

1977 г.

That long report was fulfilled with the scornful conclusion
(And, by the way, they blamed Truth for some crimes they hadn't solved),
"This creature calls herself 'Truth' for the sake of confusion,
Since she's a drunk who lay rough till her clothes have dissolved."

Bowing to Lie has been easy from old times till now,
Nothing hurts like Truth, she makes all and sundry annoyed.
So uncorrupted Truth has since then roamed the rough ground,
Meeting with folks, through her bareness, she tries to avoid.

Sometimes it happens strives for Truth certain fellow pigheaded,
While there's nothing of Truth in the words of that guy,
"One day neat Truth will distinctly be in the ascendant,
If plays the dirty tricks that were played by blatant Lie."

So stay ye not for the night at the place that's another's,
Be always sure of your host and miss not warning signs.
One can be picked clean — I swear it's the purest truth, brothers!
Look — it's your hat on the head of perfidious Lie.
Look — it's your watch on the hand of perfidious Lie.
Look — it's your horse in the coach of perfidious Lie.

1977.

Лежитъ камень въ степи.

Артуру Макарову.

Лежитъ камень въ степи,
А подъ него вода течетъ,
А на камнѣ написано слово:
«Кто направо пойдетъ —
«Ничего не найдетъ,
«А кто прямо пойдетъ —
«Никуда не придетъ,
«Кто налѣво пойдетъ —
«Ничего не пойметъ
«И ни за грошъ пропадетъ.»

Передъ камнемъ стоятъ
Безъ коней и безъ мечей
И рѣшаютъ: итти или не надо.
Былъ одинъ изъ нихъ золъ —
Онъ направо пошелъ,
Въ одиночку пошелъ, —
Ничего не нашелъ —
Ни усадебъ, ни селъ, —
И обратно пришелъ.

Прямо нѣту пути —
Никуда не прійти,
Но одинъ не повѣрилъ въ заклятья
И, подобравши подолъ,
Напрямую пошелъ, —
Сколько онъ ни бродилъ —
Никуда не добрелъ, —
Онъ вернулся и пилъ,
Онъ обратно пришелъ.

Ну а третій — былъ дуракъ,
Ничего не зналъ и такъ,
И пошелъ безъ опаски налѣво.
Долго ль, коротко ль шагалъ —
И совсѣмъ не страдалъ,

Пилъ, гулялъ и отдыхалъ,
Ничего не понималъ,
Никогда не уставалъ,—
Такъ всю жизнь и прошагалъ—
И не сгинулъ, и не пропалъ.

1962 г.

Двадцать четыре часа — всѣ сутки...

Двадцать четыре часа — всѣ сутки, —
Если кривить душой, —
Будетъ тебѣ непріятно и жутко
Вмѣстѣ съ самимъ собой.

Въ общемъ, не трудно творить чудеса —
Люди, попробуйте сами
Сдѣлать двадцать четыре часа
Пріятными, хорошими, нескучными часами.
Я желаю, чтобъ ваши двадцать четыре часа
Были именно чудесами!

1960 г.

Around the clock — day and night...

Around the clock — day and night —
If not to respect the morality —
It will be for thee very frightful
To be in thy own society.

It is not too hard to work miracles,
Just give it a try, O my dears —
Do make every twenty-four hours
The pleasant and non-tiresome hours.
I wish that your twenty-four hours
Will be in reality wondrous!

1960.

Не впадай ни въ тоску, ни въ азартъ...

Не впадай ни въ тоску, ни въ азартъ ты
Даже въ самой невинной игрѣ,
Прячь отъ взгляда противника карты
И до срока не сбрось козырей.

Отключи посторонніе звуки
И слѣди, чтобъ не пряталъ глаза,
Чтобъ держалъ онъ на скатерти руки
И не смогъ передернуть туза.

Никогда не тянись за деньгами.
Если жъ ты, проигравши, поникъ—
Какъ у Пушкина въ «Пиковой дамѣ»,
Ты останешься съ дамою пикъ.

Если жъ ты у судьбы не въ любимцахъ,
Сбрось очки и закончи на томъ.
Крикни: «Карты на столъ, проходимцы!»
И уйди съ отрѣшеннымъ лицомъ.

1975 г.

И вкусы, и запросы мои странны...

И вкусы, и запросы мои странны,
Я экзотиченъ, мягко говоря:
Могу одновременно грызть стаканы
И Шиллера читать безъ словаря.
Во мнѣ два «я» — два полюса планеты,
Два разныхъ человѣка, два врага:
Когда одинъ стремится на балеты —
Другой стремится прямо на бѣга.

Я лишняго и въ мысляхъ не позволю,
Когда живу отъ перваго лица,
Но часто вырывается на волю
Второе «я» въ обличьи подлеца.
И я борюсь, давлю въ себѣ мерзавца —
О, участь безпокойная моя! —
Боюсь ошибки: можетъ оказаться,
Что я давлю не то второе «я».

Когда въ душѣ я раскрываю гранки
На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ искренность сама,
Тогда мнѣ въ долгъ даютъ оффиціантки
И на такси катаютъ задарма.
Но вотъ забыты напрочь идеалы,
Но вотъ я грубъ, непримиримъ и золъ,
Но вотъ сижу я и жую бокалы,
Забросивъ книгу Шиллера подъ столъ.

...А судъ идетъ, весь залъ мнѣ смотритъ въ спину.
Вы, прокуроръ, вы, гражданинъ судья,
Повѣрьте мнѣ: не я разбилъ витрину,
А подлое мое второе «я».
И я прошу васъ: строго не судите —
Лишь дайте срокъ, но не давайте срокъ! —
Я буду посѣщать суды какъ зритель
И въ тюрьмы заходить на огонекъ.

Я больше не намѣренъ бить витрины
И лица гражданъ — такъ и запиши!

I'm an exotic man, to put it mildly...

I'm an exotic man, to put it mildly,
My tastes and wants are reckoned strange by folks:
I can simultaneously nibble glasses wildly
And read, in the original, Plato's works.
There are two "Selves", two counter poles inside me,
Two absolutely different men, two foes:
When one is eager to attend the library,
Right to the tavern, the other wants to course.

I take not any liberties, when aiming
To be myself, then I go the whole hog,
But frequently my other "Self" delays me
To be an angel, and appears a rogue.
And I resist, oppress this rogue's intrusion.
My God! I've spent my days in great distress—
It may befall (I'm so scared of confusion)
That it's my actual "Self" what I oppress.

When in my soul I open up the facets
In places where I'm candid all along,
I go by taxi paying but in assets,
And waitresses feed me just for a song.
But suddenly all my ideals go to grass, as
I'm fretful, angry, rude and such a bore!
I sit like mad and masticate the glasses,
While Plato's works are scattered on the floor.

...The hearing's on. I stand and speak austerely
(Appealing to the jury, I show tact),
"It wasn't me who'd smashed that glass case, believe me,
It was my other wicked 'Self', in fact.
Please be you not too strict to me, you'd better
Give me a time, but not a prison time—
I'll visit the court-rooms as a spectator,
The jury will be the best friends of mine.

"I won't smash cases any more, distinctly,
Nor beat my neighbors—write it in your scroll!

Я возсоединю двѣ половины
Моей больной раздвоенной души!
Искореню, похороню, зарою,
Очищусь — ничего не скрою я!
Мнѣ чуждо это «я» мое второе,
Нѣтъ, это не мое второе «я»!
Мнѣ чуждо это «я» мое второе,
Нѣтъ, это не мое второе «я»!

1969 г.

I'll reunite the halves of my soul sickly
Into a fine and beauteous single whole.
I'll root it out, lay in the grave and quench it,
I want to open to all men my soul!
My other 'Self' is alien to my nature,
No, now it's not my other 'Self', at all."
"My other 'Self' is alien to my nature,
No, now it's not my other 'Self', at all."

1969.

Разскажи, дорогой...

Разскажи, дорогой, что́ случилось съ тобой?
Разскажи, дорогой, не таясь!
Можетъ, все потерялъ, проигралъ, прошвырялъ?
Можетъ, ангелъ-хранитель не спасъ?
Или просто усталъ, или поздно стрѣлялъ?
Или спуталъ, бѣдняга, гдѣ верхъ и гдѣ низъ?
Въ Рай хотѣлъ? Это — верхъ. Ахъ, чудакъ-человѣкъ!
Что́ подѣлать теперь? Улыбнись!

Сколько славныхъ парней, загоняя коней,
Рвутся въ міръ, гдѣ не знаютъ ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудакъ, ты собрался туда?
Что́ съ тобой, дорогой, — разскажи!

Можетъ быть, дорогой, ты скакалъ за судьбой,
Умолялъ: «Подожди! оглянись!»
Оглянулась она — и стара, и страшна, —
Наплевать на нее — улыбнись!
А бѣду, чортъ возьми, ты запей, задыми —
И попробуй потомъ снова сесть на коня!
Хоть на мигъ, на чуть-чуть ты ее позабудь, —
Обними, если хочешь, меня!

Сколько славныхъ парней, загоняя коней,
Рвутся въ міръ, гдѣ не знаютъ ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудакъ, ты собрался туда?
Что́ съ тобой, дорогой, — разскажи!

Притомился — прилягъ, вся земля — для бродягъ.
Цѣлый вѣкъ у тебя впереди.
А прервется твой вѣкъ — тамъ, въ землѣ, человѣкъ
Потѣснится — давай, заходи!
Отдохни, не спѣши! сбрось всю тяжесть съ души —
За удачею лучше итти налегкѣ.
Все богатство души нынче стоитъ гроши —
Меньше глины и грязи въ рѣкѣ.

Сколько славныхъ парней, загоняя коней,
Рвутся въ міръ, гдѣ ни sлобы, ни лжи, — лишь покой.
Если, милый чудакъ, доберешься туда —
Не забудь обо мнѣ, дорогой!

1976 г.

Снайперъ.

А ну-ка, пей-ка,
кому не лѣнь!
Вамъ жизнь — копейка,
а мнѣ — мишень.
Который въ ѳетрахъ,
давай на споръ:
Я — со ста метровъ,
а ты — въ упоръ.

Не та раскладка,
но я — не трусъ.
Мнѣ — такъ десятка,
ему же — тузъ...
Въ меня вѣдь самъ ты
стрѣлялъ въ упоръ, —
Но я же — снайперъ,
а ты — таперъ.

Везенья нѣтъ здѣсь,
я въ дѣлѣ — богъ!
Девятка — въ сердце,
десятка — въ лобъ...
И черной точкой
на бѣлый листъ
Легла та ночка
на мою жизнь.

1965 г.

А рядомъ случаи летаютъ, словно пули...

And all around, our chances fly nearby, like bullets...

СЛУЧАИ.

CHANCES.

Случаи.

Мы всѣ живемъ какъ будто, но
Не будоражатъ насъ давно
Ни паровозные свистки,
Ни пароходные гудки.
Иные — тѣ, кому дано, —
Стремятся въ глубь — и видятъ дно, —
Но — какъ навозные жуки
И мелководные мальки...

А рядомъ случаи летаютъ, словно пули, —
Шальные, запоздалые, слѣпые, на излетъ, —
Одни подъ нихъ подставиться рискнули —
И сразу: кто — въ могилъ, кто — въ почетъ.

А мы — такъ не замѣтили
И просто увернулись, —
Нарочно, по примѣтъ ли —
На правую споткнулись.

Средь суеты и кутерьмы —
Ахъ, какъ давно мы не прямы! —
То гнемся бить поклоны впрокъ,
А то — завязывать шнурокъ...
Стремимся въ даль проникнуть мы, —
Но наши свѣтлые умы
Все размѣщаютъ между строкъ —
У нихъ разсчетъ на долгій срокъ...

А рядомъ случаи летаютъ, словно пули, —
Шальные, запоздалые, слѣпые, на излетъ, —
Одни подъ нихъ подставиться рискнули —
И сразу: кто — въ могилъ, кто — въ почетъ.

А мы — такъ не замѣтили
И просто увернулись, —
Нарочно, по примѣтъ ли —
На правую споткнулись.

Chances.

We all seem to be living, but
It's been a long time since our hearts
Were stirred by distant hoots or wails
Of disappearing ships or trains.
Some who can get out of the rut,
Go deep and see the seabed, but
This action is no more than child's play,
So let the fry play while they may...

And all around, our chances fly nearby, like bullets—
Stray, spent, belated, blind, some really knockouts.
Some took the risk, disclosed themselves—and duly
Reaped the reward: some—coffins, others—honors.

But we just looked aside
And let them pass ourselves,
And, mindful of the signs,
Tried not to make false steps.

In this hullabaloo and fuss
How long we've not been upright ones!
Our trunks are constantly inclined—
To make a bow, to tow the line...
We want to know what waits for us,
But all our reasonable ones
Lay their accounts with a long time
By putting things between the lines...

And all around, our chances fly nearby, like bullets—
Stray, spent, belated, blind, some really knockouts.
Some took the risk, disclosed themselves—and duly
Reaped the reward: some—coffins, others—honors.

But we just looked aside
And let them pass ourselves,
And, mindful of the signs,
Tried not to make false steps.

Стремимся мы подняться въ высь —
Вѣдь думы наши поднялись, —
И тамъ парятъ онѣ, легки,
Свободны, вѣчны, высоки.
И такъ намъ захотѣлось въ высь,
Что мы вчера перепились —
И горькимъ думамъ вопреки
Мы ѣли сладкіе куски...

А рядомъ случаи летаютъ, словно пули, —
Шальные, запоздалые, слѣпые, на излетъ, —
Одни подъ нихъ подставиться рискнули —
И сразу: кто — въ могилъ, кто — въ почетъ.

А мы — такъ не замѣтили
И просто увернулись, —
Нарочно, по примѣтъ ли —
На правую споткнулись.

Открытымъ взломомъ, безъ ключа,
Навзрыдъ объ ужасахъ крича,
Мы вскрыть хотимъ подвалъ чумной —
Рискуя даже головой.
И трезво, а не сгоряча
Мы рубимъ прошлое съ плеча, —
Но бьемъ разслабленной рукой,
Холодной, дряблой — никакой.

Пріятно сбросить гору съ плечъ —
И все на Божій судъ извлечь,
И руку выпростать, дрожа,
И показать — въ ней нѣтъ ножа, —
Не опасаясь, что картечь
И безоружныхъ будетъ сѣчь.
Но насъ, желѣзныхъ, точитъ ржа —
И ѱvхологія ужа...

А рядомъ случаи летаютъ, словно пули, —
Шальные, запоздалые, слѣпые, на излетъ, —

We seek a way to rise sky high,
Our thoughts can do it, they soar high—
So light and pure, they there reign,
Without a blemish or restraint.
It was so great our wish for sky
That yesterday we got quite high—
Despite all bitterness and strain,
We ate and drank time and again...

And all around, our chances fly nearby, like bullets—
Stray, spent, belated, blind, some really knockouts.
Some took the risk, disclosed themselves—and duly
Reaped the reward: some—coffins, others—honors.

But we just looked aside
And let them pass ourselves,
And, mindful of the signs,
Tried not to make false steps.

By horrors shaken us to the core,
We'd like to batter down the door
Of basements filled with customs dead,
Though we may put at risk the head.
And soberly, without furor,
We hit the past all stained with gore—
But with the hand inert as lead,
And weak with unforgotten dread.

It'd be so nice to free our minds,
And shed it all before God's eyes,
And show the empty hand, so they
Could see we aren't armed for a fray,
Without the apprehension to die
When shrapnel flesh at random slice.
But, made of iron, we decay,
Our minds is the snake's thinking prey...

And all around, our chances fly nearby, like bullets—
Stray, spent, belated, blind, some really knockouts.

Одни подъ нихъ подставиться рискнули—
И сразу: кто—въ могилѣ, кто—въ почетѣ.

А мы—такъ не замѣтили
И просто увернулись,—
Нарочно, по примѣтѣ ли—
На правую споткнулись.

1974 г.

Some took the risk, disclosed themselves—and duly
Reaped the reward: some—coffins, others—honors.

But we just looked aside
And let them pass ourselves,
And, mindful of the signs,
Tried not to make false steps.

1974.

Наведите, наведите...

Наведите, наведите
Коль не мостъ, то хоть мостки,
И безъ страха приходите
На вино и шашлыки.

И гитару приносите,
Подтянувъ на ней колки,
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки.

И когда сообразите:
Всѣ пути приводятъ въ Римъ —
Вотъ тогда и приходите,
Вотъ тогда поговоримъ.

Ножъ забросьте, камень выньте
Изъ-за пазухи своей
И перебросьте, перекиньте
Вы хоть жердь черезъ ручей.

За посѣвъ ли, за покосъ ли
Надо взяться, поспѣшать,
Вы жъ иначе сами послѣ
Локти будете кусать.

Сами будете не рады,
Утромъ вставши: вотъ те разъ! —
Всѣ мосты черезъ преграды
Переброшены безъ насъ.

Такъ наведите, наведите
Коль не мостъ, то хоть мостки,
И не забудьте — затупите
Ваши острые клыки!

1972 г.

Make a bridge on the occasion...

Make a bridge on the occasion,
Or at least throw a footbridge,
And without hesitation
Come to my kebab and drinks.

Your guitar should't be forgotten,
We'll make up a sumptuous feast,
And, which also is important,
Blunt your cutting canine teeth.

When ye get to the idea
That all roads lead men to Rome,
Ye'll be certainly welcome here,
And my home will be your home.

It's essential to come to be free
From the sling hidden in your rags,
And across one of the streams ye
Throw at lest a pair of planks.

Ye had better set about
Mowing, sowing right away,
If ye miss the boat, look out! —
Once ye'll meet a luckless day.

In a morning, ye'll discover
This and cry, "Oh, that's done it!
There are bridges across the obstacles,
And I have no part in it!.."

So make ye a standard crossing,
Or a tunnel, underneath,
And, which also is important,
Blunt your cutting canine teeth!

1972.

Въ холода, въ холода...

Въ холода, въ холода,
Отъ насиженныхъ мѣстъ
Насъ другіе зовутъ города, —
Будь то Минскъ, будь то Брестъ.
Въ холода, въ холода...

Неспроста, неспроста
Отъ родныхъ тополей
Насъ суровыя манятъ мѣста, —
Будто тамъ веселѣй.
Неспроста, неспроста...

Какъ насъ дома ни грѣй,
Не хватаетъ всегда
Новыхъ встрѣчъ намъ и новыхъ друзей, —
Будто съ нами бѣда,
Будто съ ними — теплѣй...

Какъ бы не было намъ
Хорошо иногда,
Возвращаемся мы по домамъ.
Гдѣ же наша звѣзда?
Можетъ — здѣсь, можетъ — тамъ...
Гдѣ же наша звѣзда?
Можетъ — здѣсь, можетъ — тамъ...
Гдѣ же наша звѣзда?
Можетъ — здѣсь, можетъ — тамъ...
Гдѣ же наша звѣзда?
Можетъ — здѣсь, можетъ — тамъ...
Гдѣ же наша звѣзда?
Можетъ — здѣсь, можетъ — тамъ...

1965 г.

For the cold we may...

For the cold we may
Feel a traveling zest—
Other cities attract us away—
Start to Vitebsk or Brest
From our old haunts we may...

There must be a cause
Why we hanker to run
To the cold from household chores—
Kind of there's more fun—
There must be a cause...

Homes warm us and yet
We might here remain,
We seek after new friends to be met—
Kind of they heal the pain
We in solitude get...

Though the visits we pay
Make us happy, we are
To return on our usual way.
Where's our lucky star—
Here or far away?
Where's our lucky star—
Here or far away?
Where's our lucky star—
Here or far away?
Where's our lucky star—
Here or far away?
Where's our lucky star—
Here or far away?

1965.

Спасибо, что живой.

Подумаешь — съ женой не очень ладно,
Подумаешь — неважно съ головой,
Подумаешь — ограбили въ парадномъ, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Ну что жъ такого — мучаетъ саркома,
Ну что жъ такого — начался запой,
Ну что жъ такого — выгнали изъ дома, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Пускай — партнеръ по покеру далъ дуба,
Пускай — приснился ночью домовой,
Пускай — сосѣди выбили два зуба, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Да ладно, — ну уснулъ вчера въ опилкахъ,
Да ладно, — въ челюсть врѣзали ногой,
Да ладно, — потащили на носилкахъ, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Да, правда — тотъ, кто хочетъ, тотъ и можетъ,
Да, правда — самъ виновенъ, Богъ со мной!..
Все — правда! но одно меня тревожитъ:
Кому сказать спасибо, что — живой?
Все — правда! но одно меня тревожитъ:
Кому сказать спасибо, что — живой?

1969 г.

Be Thankful.

Don't care if thou'rt a nail and not a hammer,
Don't care if thy career took a dive,
Don't care if thou'rt a haunter of the slammer—
Be thankful for the fact that thou'rt alive!

So what if thy card partner kicked the bucket?
So what if thy true love told thee a lie?
So what if they deceived thee like a sucker?
Be thankful for the fact that thou'rt alive!

Don't worry if thou'rt tortured by sarcoma,
Don't worry if thou stirredst up a beehive,
Don't worry if thou fell'st into a coma—
Be thankful for the fact that thou'rt alive!

It's nothing if thou stayedst o'er in the sawdust,
It's nothing if but troubles boom and thrive,
It's nothing if thou'rt said to be the broadest—
Be thankful for the fact that thou'rt alive!

It's true that I should answer for my blunders,
It's true that I myself choose where to drive!..
Of course, it's true! but my griped soul wonders:
Who's he whom should I thank that I'm alive?
Of course, it's true! but my griped soul wonders:
Who's he whom should I thank that I'm alive?

1969.

Все относительно.

О вкусахъ не спорятъ: есть тысяча мнѣній —
Я этотъ законъ на себѣ испыталъ, —
И также Эйнштейнъ, общепризнанный геній,
Весьма относительно все понималъ.

Одѣнусь по модѣ, какъ требуетъ вѣкъ, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человѣкъ!»
А я — тотъ же самый.

Вотъ ужъ дѣйствительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Набедренный поясъ изъ шкуры пантеры —
О да, неприлично, согласенъ, ей-ей!
Но такъ одѣвались всѣ до нашей эры,
А имъ, внѣ сомнѣнія, было виднѣй.

Одѣнусь, какъ требовалъ каменный вѣкъ, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человѣкъ!»
А я — тотъ же самый.

Вотъ ужъ дѣйствительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Одѣнусь, какъ рыцарь во время турнира, —
Знакомые врядъ ли узнаютъ меня, —
И крикну, какъ Ричардъ изъ драмы Шекспира:
«Коня мнѣ! Полцарства даю за коня!»

Но вотъ усмѣхнется и скажетъ сквозь смѣхъ
Цѣнитель упрямый:
«Да это же просто другой человѣкъ!»
А я — тотъ же самый.

Вотъ ужъ дѣйствительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Вотъ трость, канотье — я изъ нэпа, — похоже?
Не надо овацій — къ чему лишній шумъ?
Вы снова меня не узнали? Ну что же,
Теперь я одѣну послѣдній костюмъ.

Долой канотье, вмѣсто тросточки — стекъ, —
И шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человѣкъ!»
А я — тотъ же самый.

Будьте же бдительны:
Все относительно, —
Все-все, все!

1966 г.

Досадно мнѣ, что слово «честь» забыто...

It's a disgrace that honor is forgotten...

Я НЕ ЛЮБЛЮ.

WHAT I HATE.

Я не люблю.

Я не люблю фатальнаго исхода,
Отъ жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселыхъ пѣсенъ не пою.

Я не люблю холоднаго цynизма,
Въ восторженность не вѣрю, и еще —
Когда чужой мои читаетъ письма,
Заглядывая мнѣ черезъ плечо.

Я не люблю, когда — наполовину,
Когда въ чужой вступаютъ разговоръ.
Я не люблю, когда стрѣляютъ въ спину,
Я также противъ выстрѣловъ въ упоръ.

Я ненавижу сплетни въ видѣ версій,
Червей сомнѣнья, почестей иглу,
Когда все время — только противъ шерсти,
Когда желѣзомъ водятъ по стеклу.

Я не люблю увѣренности сытой,
Когда проходитъ стороной гроза.
Досадно мнѣ, что слово «честь» забыто
И что въ чести навѣты за глаза.

Когда я вижу сломанныя крылья,
То раздраженъ бываю неспроста:
Я не люблю насилье и безсилье;
Вотъ только жаль распятаго Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мнѣ, когда невинныхъ бьютъ.
Я не люблю, когда мнѣ лѣзутъ въ душу,
Тѣмъ болѣе — когда въ нее плюютъ.

Я не люблю манежи и арены:
Тамъ милліонъ мѣняютъ по рублю.

What I Hate.

I hate the fatal end with any reason,
Life never makes me tired, faint or blue.
I count to be unlucky any season
When I sing not my merry songs to you.

I hate the people who're cynical and cold,
Use caution when someone shows too much glee.
I hate it when a stranger is so bold,
That reads my letters peeping over me.

It vexes me when things are half-completed,
Or when for others' acts I feel some shame.
To shoot in the foe's back is mean and bitter,
To shoot the foe point-blank is just the same.

It's strange to me when people for gossips care,
Or with no reason kick up a big fuss.
I hate it when I'm stroked against the hair,
Or when I hear how iron crushes glass.

To spend the time in vanity is rotten,
I'd rather choose to rush on with no brakes.
It's a disgrace that honor is forgotten,
And seers end their livings at the stakes.

Broken wings make upon me a faint impression,
And call me not too obdurate and hard:
I hate them both, depression and aggression;
But Jesus' crucifixion breaks my heart.

I hate myself when I become so cold,
That I can watch how innocents are hit.
I hate it when they climb into my soul,
And hate it when they try to sully it.

I hate it when true arts are turned to vending,
When Mother Nature's riches dissipate.

Пусть впереди большія перемѣны —
Я это никогда не полюблю!

1969 г.

And though there great changes are impending,
I'll never fall in love with what I hate!

1969.

Гитара.

Одинъ музыкантъ объяснилъ мнѣ пространно,
Что будто гитара свой вѣкъ отжила.
Замѣнятъ гитару электроорганомъ,
Пилу вѣдь смѣнила электропила...

Но гитара опять не хочетъ молчать —
Поетъ ночами лунными,
Какъ въ юность мою, своими семью
Серебряными струнами!..

Я слышалъ вчера — кто-то пѣлъ на бульварѣ,
Былъ голосъ увѣренъ, былъ голосъ красивъ.
Но мнѣ показалось — устала гитара
Звенѣть подъ его залихватскій мотивъ.

И все же опять не хочетъ молчать —
Поетъ ночами лунными,
Какъ въ юность мою, своими семью
Серебряными струнами!..

Электроорганъ мнѣ, конечно, не пара,
Другіе появятся съ пѣсней другой.
Но кажется мнѣ — не уйдемъ мы съ гитарой
Въ заслуженный и нежеланный покой.

Гитара опять не хочетъ молчать —
Поетъ ночами лунными,
Какъ въ юность мою, своими семью
Серебряными струнами!..

1966 г.

Пѣсня о старомъ домѣ.

Стоялъ тотъ домъ, всѣмъ жителямъ знакомый,
Его еще Наполеонъ засталъ.
Но вотъ его назначили для слома,
Жильцы давно уѣхали изъ дома,
Но домъ пока стоялъ.

Холодно, холодно, холодно въ домѣ...

Парадное давно не открывалось,
Всѣ окна были выбиты уже,
И штукатурка всюду осыпалась,—
Но что-то въ этомъ домѣ оставалось
На третьемъ этажѣ.

Ахало, охало, ухало въ домѣ...

И звуки тѣ дѣтей всегда пугали,
Всѣ обходили домъ тотъ стороной.
Объединясь съ сосѣдними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники тихо.

Они стоятъ и недоумѣваютъ,
Назадъ спѣшатъ, дыханье затая—
Вдругъ тамъ Наполеона духъ витаетъ!
А можетъ, это просто слуховая
Галлюцинація?..

Боязно, боязно, боязно дворникамъ.

Но, наконецъ, приказъ о домѣ вышелъ,
И вотъ рабочій—тотъ, что домъ ломалъ—
Ударилъ съ маху гирею по крышѣ...
А послѣ клялся въ томъ, что онъ услышалъ,
Какъ кто-то застоналъ

A Song of the Old House.

There stood a house known to the citizens all round,
Which maybe was by the Little Corporal seen.
That ancient house was plotted to be torn down,
It was abandoned by its dwellers former,
But it was standing still.

It was cold in the deserted house...

For many months, was closed the heavy front door,
All windows were already smashed by boors,
And the old stucco was all over crumbled up,
But something still resided in this house doomed,
Somewhere on the third floor.

There were heard profound sighs in the house...

And children often lamented to their mothers,
They were afraid of something that was in.
Once, being by those unexplainable sounds puzzled,
And having armed themselves with spades and stump spuds,
Together entered in

Silently some yardmen, minding out.

They stand inside, look round and get not conscious,
Then hurry back so daunted and afraid—
What if there soars the spirit of the Corporal!
Or, maybe, what they've heard in this house was but
A sound hallucination?..

They went out to save themselves from harm.

About the house, at last the order was given—
Arrived a worker, and it was torn down.
With a great weight, he started striking blows it...
And later he narrated that he heard clear
As someone groaned and soughed

Жалобно, жалобно, жалобно въ домѣ.

...Отъ страха дѣти больше не трясутся—
Нѣтъ дома, что два вѣка простоялъ.
И скоро здѣсь по плану реконструкцій
Въ высь этажей десятки вознесутся—
Бетонъ, стекло, металлъ...

Весело, здорово, красочно будетъ...

1966 г.

Sadly and distressfully in the house.

...At this time, children trouble not their mothers,
For there's no more the old two centuries house.
And soon, along the plan of reconstructions,
A new fine house will draw its stories upwards—
Concrete, and metal, and glass...

This fine house will please the citizens' eyes...

1966.

А люди все роптали и роптали...

А люди все роптали и роптали,
Вѣдь люди справедливости хотятъ:
«Мы въ очереди первыми стояли,
«А бывшіе въ концѣ уже ѣдятъ!»

Имъ объяснили, чтобы не ругаться:
«Пожалуйста, уйдите, дорогіе!
«Тѣ, кто ѣдятъ — вѣдь это иностранцы,
«А вы, узнать позвольте, кто такіе?»

Но люди все роптали и роптали,
Вѣдь люди справедливости хотятъ:
«Мы въ очереди первыми стояли,
«А бывшіе въ концѣ уже ѣдятъ!»

Имъ снова объяснилъ администраторъ:
«Пожалуйста, уйдите, дорогіе!
«Тѣ, кто ѣдятъ — вѣдь это делегаты,
«А вы, прошу прощенья, кто такіе?»

Но люди все роптали и роптали,
Вѣдь люди справедливости хотятъ:
«Мы въ очереди первыми стояли,
«А бывшіе въ концѣ уже ѣдятъ...»

1966 г.

And people continued to complain...

And people continued to complain and whine,
They thought that justice should be made observed,
“While we with patience were standing in the line,
Those who came after us were served before!”

They were expounded with the motives purest,
“Make not noise, dears, let’s avoid confusion.
Those served before you—it’s the foreign tourists,
And, let us know, who on earth are you?”

But people continued to complain and whine,
They thought that justice should be made observed,
“While we with patience were standing in the line,
Those who came after us were served before!”

The manager, again, was very tender,
“Be tactful, dears, think the subject through.
Those served before you—it’s the council members,
And, let us know, who on earth are you?”

But people continued to complain and whine,
They thought that justice should be made observed,
“While we with patience were standing in the line,
Those who came after us were served before...”

1966.

Вотъ главный входъ, но только вотъ...

Вотъ главный входъ, но только вотъ
Упрашивать — не будетъ толку.
Вхожу я черезъ черный ходъ,
А выходить стараюсь въ окна.

Не вгоняю я въ гробъ никого,
Но вчера меня, тепленькаго, —
Хоть бывалъ много хуже я, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнувъ въ пьяное мурло
И обвязавъ лицо портьерой,
Я вышелъ прямо сквозь стекло
Въ объятья къ милиціонеру.

И меня — окровавленнаго,
Всенародно прославленнаго,
Прямъ какъ былъ я въ амбиціи,
Довели до милиціи.

И, кулаками покаравъ
И попинавъ меня ногами,
Мнѣ присудили крупный штрафъ
За то, что я нахулиганилъ.

А потомъ — перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчики
Дали спать на диванчикѣ.

Проснулся я — еще темно,
Успѣлъ поспать и отдохнуть я.
Я всталъ и, какъ всегда, — въ окно,
А на окнѣ — стальные прутья.

И меня — патентованнаго,
Ко всему подготовленнаго —

Эти прутья печальные
Ввергли въ бездну отчаянья.

А рано утромъ — вѣрь не вѣрь —
Я всталъ, отъ слабости шатаясь, —
И вышелъ въ дверь. Я вышелъ въ дверь!..
Съ тѣхъ поръ въ себѣ я сомнѣваюсь.

Въ мірѣ — тишь и безвѣтріе,
Чистота и сѵмметрія.
На душѣ моей — тягостно,
И живу я безрадостно.

1966 г.

Нараспашку при любой погодѣ...

Нараспашку при любой погодѣ
Я иду по лужамъ, по росѣ...
Даже конь мой иноходью ходитъ,
Это значитъ — иначе, чѣмъ всѣ.

Мой кумиръ — на рынкѣ зазывала,
Продающій свой товаръ вразвѣсъ.
Изъ меня не выйдетъ запѣвала —
Я пою съ мелодіей вразрѣзъ.

Я шагалъ въ строю всегда не въ ногу,
Былъ не разъ обруганъ старшиной.
Шагъ мой ускорялся понемногу,
И весь строй сбивался вслѣдъ за мной.

Знаю, мнѣ когда-то будетъ лихо,
Мнѣ бъ заранѣе — могильную плиту.
На табличкѣ «Говорите тихо!»
Ни за что я «тихо» не прочту.

«Говорите тихо!» — какъ хотите,
Я второго слова не терплю,
Я читаю только «говорите»
И, конечно, громко говорю.

Пусть для встрѣчъ, изъ темноты и свѣта,
Люди часто выбираютъ темноту, —
Мы съ любимой не глядимъ на это
И гуляемъ только на свѣту.

Не кури, когда не разрѣшаютъ,
Закури, когда невмоготу!
Не дури, когда не принимаютъ
Наготу твою и нѣмоту!

1970 г.

Rain or shine, unbuttoned is my coat...

Rain or shine, unbuttoned is my coat,
Through the slush, wet snow and puddles I paddle.
At an easy pace goes my true horse,
There's no other horse with such an amble.

He who ever gives me a delight
Is the barker selling stuffs by weight.
I can't be a singer in the choir,
Yield to orders of the eighty-eight.

Being in the line, I'd broken formation,
And my sergeant cursed me many times.
Bit by bit, did I increase my pace,
And all men watched me and did likewise.

To become like other people I'm coached,
Once I'll fall in onerous times, no doubt.
In the slogan, "Speak in a low voice!"
Never shall I sense the second part.

"Speak in a low voice!" — some can do it,
But I can't bear the catchword "low voice",
When I hear this call, I sense but "speak",
And I speak aloud and clear, of course.

As a rule, the lovers stroll about
When the sun is down, in the moonlight.
For my love and me, this fact doesn't count,
We prefer to stroll in the daylight.

When thou hastn't permission to it, don't smoke,
But if thou canst bear no more, do it!
Don't thou bluster if no one adopts
Thy simplicity and loss of speech!

1970.

Мой финишъ—горизонтъ, а это—край земли.

My target's the horizon, the border of the earth.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРІЯ.

A ROAD STORY.

Чужая колея.

Самъ виноватъ — и слезы лью,
и охаю —
Попалъ въ чужую колею
глубокую.
Я цѣли намѣчалъ свои
на выборъ самъ,
А вотъ теперь изъ колеи
не выбраться.

Крутые скользкіе края
Имѣетъ эта колея.

Я кляну проложившихъ ее,
Скоро лопнетъ терпѣнье мое,
И склоняю, какъ школьникъ плохой:
Колею, въ колеѣ, съ колеей...

Но почему неймется мнѣ?
Нахальный я!
Условья, въ общемъ, въ колеѣ
нормальные.
Никто не стукнетъ, не притретъ —
не жалуйся.
Желаешь двигаться впередъ?
Пожалуйста.

Отказа нѣтъ въ ѣдѣ-питьѣ
Въ уютной этой колеѣ,

И я живо себя убѣдилъ —
Не одинъ я въ нее угодилъ.
Такъ держать! колесо въ колесѣ!
И доѣду туда, куда всѣ.

Вотъ кто-то крикнулъ самъ не свой:
«А ну, пусти!»
И началъ спорить съ колеей
по глупости.

Someone Else's Rut.

But I'm to blame for my bad lot,
I groan and weep—
In someone else's rut I got,
it's long and deep.
I made my plan, I set my goal
deliberately,
And now I have no choice at all—
no liberty.

The verges of this well-trodden rut
Are steep and slippery with mud.

I curse those who discovered this rut,
My forbearance will soon give out,
And I say o'er and o'er like a nut,
"To a rut, in a rut, with a rut..."

But what's the reason to count this drive
unbearable?
I can't declare that such a life
is terrible.
No one will caught thy car or hit,
so don't complain.
Thou even mayst increase thy speed
along thy lane.

There's no denial in chow and sup,
While going forth within this rut.

And I quickly put trust in my luck—
All around me also got stuck.
Carry on, chum, a wheel in a wheel!
And thou'lt get right where all ever will.

Here someone gave a loud shout,
"Make way, ye there!"
And started struggling with the rut,
a crazy bear.

Онъ въ спорѣ сжегъ запасъ до дна
тепла души,
И полетѣли клапана
и вкладыши.

Но покорежилъ онъ края,
И ширѣ стала колея.

Вдругъ его обрывается слѣдъ —
Чудака оттащили въ кюветъ,
Чтобъ не могъ онъ намъ, заднимъ, мѣшать
По чужой колеѣ проѣзжать.

Вотъ и ко мнѣ пришла бѣда —
стартеръ заѣлъ.
Теперь ужъ это не ѣзда,
а ерзанье.
И надо бъ выйти, подтолкнуть,
да прыти нѣтъ —
Авось подъѣдетъ кто-нибудь —
и вытянетъ...

Напрасно жду подмоги я, —
Чужая это колея.

Разплеваться бы глиной и ржой
Съ колеей этой самой чужой, —
Тѣмъ, что я ее самъ углубилъ,
Я у заднихъ надежду убилъ.

Прошибъ меня холодный потъ
до косточки,
И я прошелся чуть впередъ
по досточкѣ.
Гляжу — размыли край ручьи
весенніе,
Тамъ выѣздъ есть изъ колеи —
спасеніе!

He simply wasted in this struggle
his soul's warmth,
So his worn-out valves busted up—
and what there was.

When struggling, he crumpled the rut verges—
Now it's more wider than it was.

But his track was abruptly cut short—
They dragged this crazy bear off the road,
For no one has the right to obstruct
The hard traffic in this good old rut.

I faced my turn—the battery drained,
and plugs can't spark.
My peace went off and came vexation—
the car got stuck.
I ought to push it to the end,
but I can't do—
Perhaps, behind me, there's a friend
who'll pull me through...

But in the help I can't put trust,
Because it's someone else's rut.

How I wish to spit with mud and clay
In this rut that's not mine anyway!
Now it's deeper because of my drive,
And I'm blamed by all driving behind.

I felt myself break out in sweat
up to the bones,
And then I walked a bit ahead
along a board.
I saw that vernal flows cleared
my way, I gasped...
The way out of the rut appeared—
I'm saved, at last!

Я грязью изъ-подъ шинъ плюю
Въ чужую эту колею.

Эй вы, задніе! дѣлай, какъ я.
Это значитъ — не надо за мной.
Колея эта — только моя,
Выбирайтесь своей колеей!
Выбирайтесь своей колеей!
Выбирайтесь своей колеей!

1972 г.

The tires spin and spit out mud—
To hell with someone else's rut!

Hey, back there! make your way just like me—
That's, don't go the pathway I'm on.
This new rut appertains but to me,
Get ye out by a rut of your own!
Get ye out by a rut of your own!
Get ye out by a rut of your own!

1972.

Дорожная исторія.

Я вышелъ ростомъ и лицомъ —
спасибо матери съ отцомъ.
Съ людьми въ ладу былъ, и долги всегда прощалъ.
Спины не гнулъ — прямымъ ходилъ,
и въ усъ не дулъ, и жилъ какъ жилъ,
И головѣ своей руками помогалъ.

Жизнь повидалъ и вотъ домой
пришелъ съ годами за спиной,
Висятъ года на мнѣ — ни бросить, ни продать.
Но на начальника попалъ,
который бойко вербовалъ,
И за Уралъ машины сталъ перегонять.

Дорога, а въ дорогѣ — «Мазъ»,
который по уши увязъ.
Въ кабинѣ — тьма, напарникъ третій часъ молчитъ.
Хоть бы кричалъ, ажъ зло беретъ:
назадъ — пятьсотъ, впередъ — пятьсотъ, —
А онъ зубами «танецъ съ саблями» стучитъ.

Мы оба знали про маршрутъ,
что этотъ «Мазъ» на стройкѣ ждутъ,
А наше дѣло — сѣсть, поѣхать. Ночь, полночь...
И надо жъ такъ! — подъ Новый годъ! —
назадъ — пятьсотъ, впередъ — пятьсотъ!
Сигналимъ зря — пурга, и некому помочь.

«Глуши моторъ,» онъ говоритъ,
«пусть этотъ „Мазъ“ огнемъ горитъ!»
Молъ, видишь самъ — здѣсь больше нечего ловить.
Куда ни глянь, вездѣ пятьсотъ,
и къ ночи точно занесетъ,
Такъ заровняетъ, что не надо хоронить.

Я отвѣчаю: «Не канючь!»
А онъ хватается за ключъ
И волкомъ смотритъ, онъ вообще бываетъ крутъ.

A Road Story.

I've grown up a handsome lad—
thanks to my Mom and to my Dad—
And got along with different people well, indeed.
I never bent my mighty back,
and never meant to cheat or stack,
And both my hands did help my head in what I did.

My life was full of jabs and kicks—
I was imprisoned, then beat the bricks,
And wandered o'er the whole country back and forth.
I thought I'd never get a job,
but met up a recruiter snob,
And now I'm driving heavy trucks up to the North.

The road is muddy and the truck
has sunk to axles and gotten stuck.
We can but wait, my mate for long is keeping mum.
I wish he'd rather bark or bray—
three hundred miles on either way,
But he's just clattering his teeth, my driving chum.

We both knew well about the road,
and how they waited for this load,
So we set off despite the risks—such is our trade.
The year's ending is today—
three hundred miles on either way,
And the snowstorm has cut us out from any aid.

He suddenly bursts out with a yell,
"Switch off this bloody truck to hell!
By sitting here we really go to the doom!
Three hundred miles on either way—
thou'rt crazy if thou want'st to stay,
Soon the snowstorm will turn this truck into a tomb!"

I say to him, "Thou mak'st me retch,"
but in return he grabs a wrench,
And stares at me, his face is like a deadly mask.

И понялъ я — кругомъ пятьсотъ,
и кто кого переживетъ,
Тотъ и докажетъ, кто былъ правъ, когда припрутъ.

Онъ былъ мнѣ больше, чѣмъ родня —
онъ ѣлъ съ ладони у меня,
А тутъ глядитъ въ глаза — и холодно спинѣ.
Вѣдь если масть ему пойдетъ —
никто уже не вспомянетъ, —
Пусть и безъ словъ — кто я ему и кто онъ мнѣ.

Но онъ ушелъ куда-то вбокъ.
Я отпустилъ, а самъ прилегъ,
Мнѣ снился сонъ про нашъ веселый наворотъ:
Что будто вновь кругомъ пятьсотъ,
ищу я выходъ изъ воротъ,
Но нѣтъ его, есть только входъ, и то — не тотъ.

Конецъ простой: пришелъ тягачъ,
и тамъ былъ тросъ, и тамъ былъ врачъ,
И «Мазъ» попалъ куда положено ему.
И онъ пришелъ — трясется весь...
А тамъ — опять далекій рейсъ, —
Я зла не помню — я опять его возьму.
И онъ пришелъ — трясется весь...
А тамъ — опять далекій рейсъ, —
Я зла не помню — я опять его возьму.

1972 г.

Three hundred miles on either way,
and he, who'll be successful to stay,
Prove out his innocence to coppers when they ask.

He was my brother, and e'en more—
I used to hand-feed him before,
And now his eye is as malign as it could be.
If he can get the lucky stripe,
no one will e'er call to mind
The circumstance that what he's gotten he owes to me.

But he set forward to the dark.
I wished him all the best of luck,
Then fell asleep and dreamed about our merry feast:
Three hundred miles on either way,
and there's a labyrinth where I stray—
I seek the exit and can't find, it doesn't exist!

The end was simple—through the snow
rolled up a tractor with a tow,
And with a doctor—so the truck has reached its goal.
My mate returned, and he looked whipped...
Well, soon there'll be another trip—
I don't hold grudges, we're companions after all.
My mate returned, and he looked whipped...
Well, soon there'll be another trip—
I don't hold grudges, we're companions after all.

1972.

Пѣсня автомобилиста.

Отбросивъ прочь свой деревянный посохъ,
И передъ новымъ посидѣвъ путемъ,
Я всталъ — и сѣлъ въ «погибель на колесахъ»,
Презрѣвъ передвиженіе пѣшкомъ.

Я въ міръ вкатился, чуждый намъ по духу,
Всѣ правила движенія поправъ.
Орудовцы мнѣ робко жали руку,
Вручая двѣ квитанціи на штрафъ.

Я не предполагалъ играть съ судьбою,
Не думалъ также спиртъ въ огонь подлить,
Я просто этой быстрою ѣздою
Намѣревался жизнь себѣ продлить.

Подошвами своихъ спортивныхъ чешекъ
Топталъ я прежде тропы и полы —
И былъ неуязвимъ я для насмѣшекъ,
И былъ недосягаемъ для хулы.

Теперь въ другіе вышелъ я разряды
И безъ меня кружится та кадриль —
Я ѣду и ловлю косые взгляды
И на меня, и на автомобиль.

Прервавъ общенье и рукопожатья,
Отворотилась прочь моя среда; —
Но кончилось глухое непріятье
И началась открытая вражда.

Я во вражду включился постепенно,
Я утромъ зрѣлъ плоды ночныхъ атакъ:
Морскимъ узломъ завязана антенна, —
То былъ намекъ: съ тобою будетъ такъ!

Прокравшись огородами, полями,
Вонзали шило въ шины, какъ кинжалъ.

Я жъ отбивался цѣлый день рублями,
И не сдавался, и въ бояхъ мужалъ.

Безлунными ночами я не рѣдко
Противника въ засадѣ поджидалъ,—
Но у него работала развѣдка—
Въ мою засаду онъ не попадалъ.

И вотъ, какъ «языка», безшумно сняли
Передній мостъ и унесли во тьму.
Передній мостъ! Казалось бы—детали,
Но безъ него и задній ни къ чему.

Я доставалъ мосты, рули, колеса,—
Не за глаза красивые—за мзду.
И понялъ я: не одолѣть колосса,
Назадъ—пока машина на ходу!

Назадъ, къ обыкновеннымъ пешеходамъ!
Пусти назадъ, о, отворись, Сезамъ!
Назадъ въ метро, къ подземнымъ переходамъ,
Разгонъ, руль влѣво и—по тормозамъ!

...Возстану я изъ праха, вновь обыденъ,
И улыбнусь, отряхивая пыль:
Теперь народомъ я не ненавидимъ
За то, что у меня автомобиль!

1971 г.

Горизонтъ.

Чтобъ не было слѣдовъ, повсюду подмели.
Ругайте же меня послѣдними словами:
Мой финишъ — горизонтъ, а это — край земли.
Кто за меня? Мы выиграемъ съ вами!
Условія пари одобрили не всѣ,
И руки разбивали неохотно.
Условье таково, чтобъ ѣхать по шоссе,
И только по шоссе — безповоротно.

Наматываю мили на карданъ
И ѣду параллельно проводамъ,
Но то и дѣло тѣнь передъ моторомъ:
То черный котъ, то кто-то въ чемъ-то черномъ.

Я знаю, мнѣ не разъ въ колеса палки ткнутъ,
Догадываюсь, въ чемъ и какъ меня обманутъ.
Я знаю, гдѣ мой бѣгъ съ ухмылкой пресѣкутъ
И гдѣ канатъ, а то и тросъ натянутъ.
Но стрѣлки я топлю — на этихъ скоростяхъ
Песчинка обрѣтаетъ силу пули —
И я сжимаю руль до судорогъ въ кистяхъ —
Успѣть, пока болты не затянули!

Наматываю мили на карданъ
И ѣду вертикально къ проводамъ.
Завинчиваютъ гайки, — побыстрѣе! —
Не то канатъ натянутъ тамъ, гдѣ шея.

И плавится асфальтъ, протекторы кипятъ,
Подъ ложечкой сосетъ отъ близости развязки.
Я голой грудью рву натянутый канатъ —
Я живъ! снимите черныя повязки!
Кто вынудилъ меня на жесткое пари,
Нечистоплотны въ спорѣ и въ разсчетахъ.
Азартъ меня пьянитъ, но, что́ ни говори,
Я торможу на скользкихъ поворотахъ.

Наматываю мили на карданъ
Hасло канатамъ, тросамъ, проводамъ —
Вы только проигравшихъ урезоньте,
Когда я появлюсь на горизонтѣ!

Мой финишъ, горизонтъ, по-прежнему далекъ,
Я ленту не порвалъ, но я покончилъ съ тросомъ,
Канатъ не пересекъ мой шейный позвонокъ,
Но изъ кустовъ стрѣляютъ по колесамъ.
Меня вѣдь не рубли на гонку завели —
Меня просили: «Мигъ не проворонь ты:
«Узнай, а есть предѣлъ тамъ, на краю земли,
«И можно ли раздвинуть горизонты?»

Наматываю мили на карданъ
И пулю въ скатъ влепить себѣ не дамъ.
Но тормоза отказываютъ. Кода!
Я горизонтъ промахиваю съ хода.

1971 г.

Объ аваріи.

Ѣдешь ли въ поѣздѣ, въ автомобилѣ,
Или гуляешь, хлебнувши винца —
При современномъ машинномъ обильи
Трудно по жизни пройти до конца.
Вотъ вамъ аварія: въ Замоскворечьи
Трое везли хоронить одного, —
Всѣ, и шоферъ, получили увѣчья, —
А съ мертвецомъ не стряслось ничего.
Всѣ, и шоферъ, получили увѣчья, —
А съ мертвецомъ не стряслось ничего.

Бабы по найму рыдали сквозь зубы,
Дьяконъ — и тотъ верхней ноты не бралъ,
Громко фальшивили мѣдныя трубы, —
Только лежащій въ гробу не совралъ.
Бывшій начальникъ — и тайный разбойникъ —
Въ лобъ лобызалъ и брезгливо плевалъ,
Всѣ приложились, — а скромный покойникъ
Такъ никого и не поцѣловалъ.
Всѣ приложились, — а скромный покойникъ
Такъ никого и не поцѣловалъ.

Но грянулъ громъ — ничего не попишешь,
Можно ль Природу рѣчами пронять? —
Всѣ побѣжали сейчасъ же подъ крыши, —
Только покойникъ не сталъ убѣгать.
Что́ ему дождь — отъ него не убудетъ, —
Вотъ у живущихъ — закалка не та.
Ну, а покойники, бывшіе люди —
Смѣлые люди и намъ не чета.
Ну, а покойники, бывшіе люди —
Смѣлые люди и намъ не чета.

Рокъ неизмѣнно насъ опережаетъ:
Каждый имѣетъ отмѣтку на лбу; —
А ничего тебѣ не угрожаетъ,
Только когда ты въ дубовомъ гробу.

About a Car Crash.

Maybe, you're crossing a road, safe and sound,
And there appears a car from the bend...
With all these carriers driving around
Lots of us don't reach our natural end.
Friday a hearse badly crashed on our highway,
Three fellows rode to bury their mate—
All were disfigured, and also a driver,
Only that lad in his coffer escaped.
All were disfigured, and also a driver,
Only that lad in his coffer escaped.

Women sobbed hard through clenched teeth to earn money,
Trumpets of brass were uncandid and dry,
Also the deacon's high notes went funny—
Only that lad in his coffer didn't lie.
His former boss, a notorious joker,
Kissed him despite his aversion and spurn,
All did the same, though that lad in his coffer
Wasn't kind to give even a kiss in return.
All did the same, though that lad in his coffer
Wasn't kind to give even a kiss in return.

It started raining—all went helter-skelter,
What can do mortals against Nature's will?
All rushed away to discover a shelter,
Only that lad in his coffer stayed still.
Wet weather doesn't bother him any longer,
There's no cold he's likely to catch—
I must admit that dead men are much stronger
Than living ones, and we can't be their match!
I must admit that dead men are much stronger
Than living ones, and we can't be their match!

Being alive, you should live in a hurry,
Rumors and gossips in all quarters fly,
But they can't give you a moment of worry
When in a coffer of oak you lie.

Можно въ отдѣльный, а можно и въ общій —
Мёртвыхъ квартирный вопросъ не берётъ; —
Вотъ молодецъ этотъ самый усопшій:
Вовсе не требуетъ лишнихъ хлопотъ.
Вотъ молодецъ этотъ самый усопшій:
Вовсе не требуетъ лишнихъ хлопотъ.

Въ царствѣ тѣней, въ этомъ обществѣ строгомъ,
Нѣтъ какъ опасностей, такъ и тревогъ, —
Такъ ужъ устроено Господомъ Богомъ:
Тѣ, кто въ гробу, спасены отъ всего.
Слышу упрёкъ: «Онъ покойниковъ славитъ!»
Нѣтъ, я въ обидѣ на нашу судьбу:
Всѣхъ насъ когда-нибудь кто-то задавитъ, —
За исключеніемъ тѣхъ, кто въ гробу.
Всѣхъ насъ когда-нибудь кто-то задавитъ, —
За исключеніемъ тѣхъ, кто въ гробу.

1970 г.

It's not important if it's personal or common —
Dead men aren't troubled o'er housing like us.
He's an obliging and pleasant man, our goner —
Nothing can force him to kick up a fuss.
He's an obliging and pleasant man, our goner —
Nothing can force him to kick up a fuss.

Hades is silent and also profound,
There's no mess, no dirt, no sludge;
While we, like crazy, wayfare around,
Those who lie in their coffers don't budge.
"He praises death!" someone angrily hisses.
No, it's with our cruel fate I'm upset:
We any time can be crushed into pieces,
Barring the men who already are dead.
We any time can be crushed into pieces,
Barring the men who already are dead.

1970..

Все ерунда, кромѣ суда самаго страшнаго.

One really can dare in our foe's care—but till the Last Judgment Day.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКСЪ.

THE CRIMINAL CODE.

Парня спасемъ...

Парня спасемъ,
Парня — въ дѣтдомъ
На воспитаніе!
Даромъ учить,
Даромъ поить,
Даромъ питаніе!

Жизнь — какъ вода,
Велъ я всегда
Жизнь безшабашную.
Все ерунда,
Кромѣ суда
Самаго страшнаго.
Все ерунда,
Кромѣ суда
Самаго страшнаго.

Все вамъ дадутъ,
Все вамъ споютъ —
Будьте прилежными!
А за окладъ
Ласки дарятъ
Самыя нѣжныя.

Велъ я всегда
Жизнь безъ труда —
Жизнь безшабашную.
Все ерунда,
Кромѣ суда
Самаго страшнаго.
Все ерунда,
Кромѣ суда
Самаго страшнаго.

1964 г.

We'll save the lost guy...

We'll save the lost guy,
Adapt him to life,
Protect him from durance!
We'll give him a chance
With studying grants
And also insurance!

As life flows through time,
Grows up that lost guy—
A dare-devil kind, they say.
One really can dare
In our foe's care—
But till the Last Judgment Day.
One really can dare
In our foe's care—
But till the Last Judgment Day.

There you'll get it all,
Wear, feed and even songs,
Just do what they want you!
Them who're under age,
They give for their wages
What Mom and Dad ought to.

It's me that lost guy,
I lead a fast life—
A dare-devil kind, they say.
One really can dare
In our foe's care—
But till the Last Judgment Day.
One really can dare
In our foe's care—
But till the Last Judgment Day.

1964.

Алеха.

Намъ вчера прислали
изъ рукъ вонъ плохую вѣсть:
Мы вчера узнали,
что Алеха вышелъ весь.
Какъ же такъ! вѣдь наново
онъ только началъ жить,
Собирался съ Клавою
онъ свадьбу закатитъ...

Не видать дѣвахѣ
этотъ свадебный кутежъ,
Потому какъ въ дракѣ
налетѣлъ женихъ на ножъ,
И теперь — все плохо,
хоть и много разъ уже
Получалъ Алеха
дырки въ плоти и въ душѣ.

Для того ль онъ душу,
какъ рубаху, залаталъ,
Чтобъ его бездушная
сыскала сволота!
Было бъ все, какъ прежде —
мы бъ теперь на свадьбу шли, —
Но съ ножомъ подъ сердцемъ
на зарѣ его нашли.

Что жъ, поубивается
дѣвчонка, пореветъ,
Чуть посомнѣвается —
и слезы оботретъ,
А потомъ безъ вздоха
отопретъ любому дверь...
Ничего, Алеха, —
все равно тебѣ теперь!

Мы его схоронимъ скромно,
толку нѣтъ рыдать.
Некуда о немъ и похо-
ронную послать,
Потому какъ мы не знаемъ,
гдѣ у Лехи домъ...
Можетъ быть, и насъ такая
встрѣтитъ смерть потомъ.

Что жъ, поубивается
дѣвчонка, пореветъ,
Чуть посомнѣвается —
и слезы оботретъ,
А потомъ безъ вздоха
отопретъ любому дверь, —
Богъ проститъ, а Леха...
Все равно ему теперь...

1964 г.

На возрастъ юный мой ты не смотри...

На возрастъ юный мой ты не смотри,
Не надо къ молодымъ годамъ цѣпляться:
Христа продалъ Іуда въ тридцать три,
Ну а меня продали въ восемнадцать.
Христа продалъ Іуда въ тридцать три,
Ну а меня продали въ восемнадцать.

Христосъ, однако, все же вѣрить могъ
Одиннадцати правильнымъ ребятамъ;
А я сижу и мучаюсь весь срокъ:
Ну кто же изъ друзей меня упряталъ?
А я сижу и мучаюсь весь срокъ:
Ну кто же изъ друзей меня упряталъ?

1965 г.

Don’t be mistaken with my young age...

Don’t be mistaken with my young age,
In such a case the years are unimportant:
The Christ was sold at his middle age,
And I was a teenager only.
The Christ was sold at his middle age,
And I was a teenager only.

Let us compare his fate with mine:
He had eleven apostles to confide in;
And I reflect here day and night:
Which one of my old chums confined me?
And I reflect here day and night:
Which one of my old chums confined me?

1965.

Неужто здѣсь сошелся клиномъ свѣтъ...

Неужто здѣсь сошелся клиномъ свѣтъ,
Вѣрнѣй, клинкомъ ошибочнымъ возмездья?
А было мнѣ неполныхъ двадцать лѣтъ,
Когда меня зарѣзали въ подъѣздѣ.

Онъ скалился открыто, не хитро —
Онъ дѣлалъ видъ, что не намѣренъ драться, —
И правою рукою сталъ прощаться,
А лѣвой — ножъ всадилъ мнѣ подъ ребро,
Да и не вынулъ, чтобъ не замараться...

Да будетъ выть-то! ты не виновата:
Обманутъ я улыбкой и «добромъ».
Метнулся въ подворотню лучъ заката
И спрятался за мусорнымъ ведромъ.

1971 г.

I never thought to do him a bad turn...

I never thought to do him a bad turn,
And it occurred because of a mistake:
My age was only seventeen years old,
When that odd bird knifed me in the gateway.

Like a good friend, he grinned without a trick,
As if he had no disposition to fight,
And gave me his right hand for shaking it,
Whereas in his left one, there was a knife.

There's no thy fault, and so don't thou wail,
He cheated me with his kind look and grin.
I see a ray which came to the gateway
And cloaked itself behind the slop waste-bin...

1971.

Обо мнѣ невѣста будетъ плакать честно...

Обо мнѣ невѣста будетъ плакать честно,
Отдадутъ ребята всѣ мои долги,
Пѣть теперь я буду грустныя лишь пѣсни,
И желать не будутъ лиха мнѣ враги.
Пѣть теперь я буду грустныя лишь пѣсни,
И желать не будутъ лиха мнѣ враги.

Не увижу долго я хорошихъ книжекъ,
И моя гитара — безъ струны,
И нельзя мнѣ выше, и нельзя мнѣ ниже,
И нельзя мнѣ солнца, и нельзя луны.
И нельзя мнѣ выше, и нельзя мнѣ ниже,
И нельзя мнѣ солнца, и нельзя луны.

Мнѣ нельзя на волю — не имѣю права, —
Можно лишь отъ двери до стѣны,
Мнѣ нельзя налѣво, мнѣ нельзя направо,
Можно только неба кусокъ, можно только сны.
Мнѣ нельзя налѣво, мнѣ нельзя направо,
Можно только неба кусокъ, можно только сны.

Сны про то, какъ выйду, какъ запоры снимутъ,
Какъ мою гитару отдадутъ,
Кто меня тамъ встрѣтитъ, какъ меня обнимутъ
И какія пѣсни мнѣ споютъ.
Кто меня тамъ встрѣтитъ, какъ меня обнимутъ
И какія пѣсни мнѣ споютъ.

1963 г.

My beloved will mourn for my ill fortune...

My beloved will fairly mourn for my ill fortune,
My comates will settle up my affairs and debts,
All the wants I had 'mongst others will be portioned,
And, perhaps, my foes will toast my luck and health.
All the wants I had 'mongst others will be portioned,
And, perhaps, my foes will toast my luck and health.

I can get no longer sheets and pens to write with,
My guitar is broken, it's out of tune.
I cannot go leftward, I cannot go rightward,
I don't see the sun now, and don't see the moon.
I cannot go leftward, I cannot go rightward,
I don't see the sun now, and don't see the moon.

I cannot go outside — I've been disempowered,
I go from the door and to the wall,
I cannot go upward, I cannot go downward,
I see but a sliver of sky, sometimes dreams — that's all.
I cannot go upward, I cannot go downward,
I see but a sliver of sky, sometimes dreams — that's all.

Dreams about how, someday, I'll regain my freedom,
How again will my guitar sound clear.
Whom shall I be met by, how shall I be greeted,
And what kind of singing shall I get to hear?
Whom shall I be met by, how shall I be greeted,
And what kind of singing shall I get to hear?

1963.

Серебряныя струны.

У меня гитара есть — разступитесь, стѣны!
Вѣкъ свободы не видать изъ-за злой фортуны!
Перерѣжьте горло мнѣ, перерѣжьте вены —
Только не порвите серебряныя струны!
Перерѣжьте горло мнѣ, перерѣжьте вены —
Только не порвите серебряныя струны!

Я зароюсь въ землю, сгину въ одночасье —
Кто бы заступился за мой возрастъ юный!
Влѣзли ко мнѣ въ душу, рвутъ ее на части —
Только бъ не порвали серебряныя струны!
Влѣзли ко мнѣ въ душу, рвутъ ее на части —
Только бъ не порвали серебряныя струны!

Но гитару унесли, съ нею — и свободу, —
Упирался я, кричалъ: «Сволочи, паскуды!
«Вы втопчите меня въ грязь, бросьте меня въ воду —
«Только не порвите серебряныя струны!»
«Вы втопчите меня въ грязь, бросьте меня въ воду —
«Только не порвите серебряныя струны!»

Что́ же это, братцы? не видать мнѣ, что ли,
Ни денечковъ свѣтлыхъ, ни ночей безлунныхъ?!
Загубили душу мнѣ, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряныя струны...
Загубили душу мнѣ, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряныя струны...

1962 г.

The Silver Strings.

As I carry my guitar — walls, do separate!
I'm among the living ones while it sobs and sings.
Take all what ye wish and want, cut my throat and veins,
But, I beg, don't rip ye my cherished silver strings!
Take all what ye wish and want, cut my throat and veins,
But, I beg, don't rip ye my cherished silver strings!

My guitar is taken by them, and all's out of order.
I refused and fought against those damned bastard things.
I cried, "Throw me in the mire, drown me in the water,
But, I beg, don't rip ye my cherished silver strings!"
I cried, "Throw me in the mire, drown me in the water,
But, I beg, don't rip ye my cherished silver strings!"

Let me dig into the soil and die there, perhaps...
Would you shield a tortured youth underneath your wings?
They've gotten to my weary soul, tear it into scraps,
And I beg, "Don't rip ye my cherished silver strings!"
They've gotten to my weary soul, tear it into scraps,
And I beg, "Don't rip ye my cherished silver strings!"

What is this, my brothers? Am I really destined
Not to see the cloudless sky, sing and meet daysprings?!
They've abridged me just of all, left my soul in festers,
And now ripped completely my cherished silver strings...
They've abridged me just of all, left my soul in festers,
And now ripped completely my cherished silver strings...

1962.

Эй, шоферъ...

«Эй, шоферъ, вези въ Бутырскій хуторъ,
Гдѣ тюрьма,—да поскорѣе мчи!»
— Ты, товарищъ, опоздалъ, ты на два года перепуталъ—
Разобрали ту тюрьму на кирпичи.
— Ты, товарищъ, опоздалъ, ты на два года перепуталъ—
Разобрали ту тюрьму на кирпичи.

«Жаль, а я сегодня спозаранку
По роднымъ рѣшилъ проѣхаться мѣстамъ...
Ну да ладно, что жъ, шоферъ,—тогда вези меня въ Таганку,—
Погляжу, вѣдь я бывалъ и тамъ.»
«Ну да ладно, что жъ, шоферъ,—тогда вези меня въ Таганку,—
Погляжу, вѣдь я бывалъ и тамъ.»

— Разломали старую Таганку,—
Подчистую, всю, ко всѣмъ чертямъ!
«Что жъ, шоферъ, давай назадъ, крути-верти свою баранку,—
Такъ, ни съ чѣмъ, поѣдемъ по домамъ.
«Что жъ, шоферъ, давай назадъ, крути-верти свою баранку,—
Такъ, ни съ чѣмъ, поѣдемъ по домамъ.

«Или нѣтъ, давай сперва закуримъ,
Или лучше—выпьемъ поскорѣй!
Пьемъ за то, чтобъ не осталось по Россіи больше тюремъ,
Чтобъ не стало по Россіи лагерей!»
«Пьемъ за то, чтобъ не осталось по Россіи больше тюремъ,
Чтобъ не стало по Россіи лагерей!»

1963 г.

Hey, chauffeur...

“Hey, chauffeur, drive to Butyrka Settlement,
Where the prison is, and be quick in it!”
“It’s too late for seeing it: for the whole year, ye’ve been mistaken, friend,
They’ve dismantled Butyrka Prison for bricks.”
“It’s too late for seeing it: for the whole year, ye’ve been mistaken, friend,
They’ve dismantled Butyrka Prison for bricks.”

“Oh, it’s sad, I’ve gotten a thought this morning
To inspect the favorite haunts of mine...
Well, there’s nothing to be done, then to Taganka Prison we’re going,
There I’ve also spent a lot of time.”
“Well, there’s nothing to be done, then to Taganka Prison we’re going,
There I’ve also spent a lot of time.”

“It’s again late: there’s no more that prison now,
To the ground, Taganka has been razed.”
“Well, chauffeur, then turn your car, we’re going back as that’s how things are,
As there are no traces of those days.
“Well, chauffeur, then turn your car, we’re going back as that’s how things are,
As there are no traces of those days.

“But, chauffeur, let’s have a smoke before it
Or, take in one of the good old taverns.
So we’re drinking to the time, when there are no more prisons in Rossia,
When our land has no more labor camps!”
“So we’re drinking to the time, when there are no more prisons in Rossia,
When our land has no more labor camps!”

1963.

А счетчикъ щелкаетъ.

Твердилъ онъ намъ:
«Моя она!»
«Да ты смѣешься, другъ, да ты смѣешься!
Уйди, пацанъ, —
ты очень пьянъ,
А то нарвешься, другъ, гляди, нарвешься!»

А онъ кричалъ: «Теперь мнѣ все одно!
Садись въ такси — поѣхали кататься!
Пусть счетчикъ щелкаетъ, вѣдь лишь потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться.»
«Пусть счетчикъ щелкаетъ, вѣдь лишь потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться.»

Не жалко мнѣ
такихъ парней.
«Ты отъ грѣха уйди!» твержу я снова.
А онъ — ко мнѣ,
и все — о ней...
«А ну, ни слова, гадъ, гляди, ни слова!»

Ударила въ виски мнѣ кровь съ виномъ —
И, такъ же продолжая улыбаться,
Ему сказалъ я тихо: «Но потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться.»
Ему сказалъ я тихо: «Но потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться.»

Къ слезамъ я глухъ
и къ просьбамъ глухъ —
Въ охоту драка мнѣ, охъ, какъ въ охоту!
И хочешь, другъ,
не хочешь, другъ, —
Плати по счету, другъ, плати по счету!..

А жизнь мелькаетъ, какъ въ нѣмомъ кино, —
Мнѣ хорошо, мнѣ хочется смѣяться.

The Meter's Ticking.

He said to us, "She verily is mine!"
"It's but a joke, friend, it's but a joke!
Come thou away — thou'rt utterly in wine.
It's not thy business, boy, walk not this road!"

But he quits not, "I've really won today!
Let's catch a cab, it's time to take a roam!
The meter's ticking, but it's all the same,
We'll have to pay but when the roam's over."
"The meter's ticking, but it's all the same,
We'll have to pay but when the roam's over."

I take no pity on such queer birds,
Yet try to keep him being almost sober.
But he again talks big about her...
"Thou shouldst not say, friend, even a word over!"

My blood and wine start boiling in my veins,
And with a smile like I had heretofore,
I softly say to him, "It's all the same,
But thou shalt pay, friend, when the roam's over!"
I softly say to him, "It's all the same,
But thou shalt pay, friend, when the roam's over!"

Nor words nor tears can touch me tonight —
I want to fight, and I've been really strengthened!
"It's not the moment to discuss my right —
Thou hast to pay for that, and thou shalt pay, friend!.."

Life drives me forth, and I enjoy the way.
I'm feeling good, I want to laugh and joke.
The meter's ticking, but it's all the same,
We'll have to pay but when the roam's over...
The meter's ticking, but it's all the same,
We'll have to pay but when the roam's over...

1964.

А счетчикъ — щелкъ да щелкъ, но лишь потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться...
А счетчикъ — щелкъ да щелкъ, но лишь потомъ, —
Въ концѣ пути, — придется разсчитаться...

1964 г.

Тотъ, кто раньше съ нею былъ.

Въ тотъ вечеръ я не пилъ, не пѣлъ —
Я на нее вовсю глядѣлъ,
Какъ смотрятъ дѣти, какъ смотрятъ дѣти.
Но тотъ, кто раньше съ нею былъ,
Сказалъ мнѣ, чтобъ я уходилъ,
Сказалъ мнѣ, чтобъ я уходилъ,
Что мнѣ не свѣтитъ.
Но тотъ, кто раньше съ нею былъ,
Сказалъ мнѣ, чтобъ я уходилъ,
Сказалъ мнѣ, чтобъ я уходилъ,
Что мнѣ не свѣтитъ.

И тотъ, кто раньше съ нею былъ, —
Онъ мнѣ грубилъ, онъ мнѣ грозилъ.
А я запомнилъ — я былъ не пьяный.
Когда жъ я уходить рѣшилъ,
Она сказала: «Не спѣши!»
Она сказала: «Не спѣши,
«Вѣдь слишкомъ рано!»
Когда жъ я уходить рѣшилъ,
Она сказала: «Не спѣши!»
Она сказала: «Не спѣши,
«Вѣдь слишкомъ рано!»

Но тотъ, кто раньше съ нею былъ,
Про это дѣло не забылъ,
И въ ту же осень, и въ ту же осень
Иду съ дружкомъ, гляжу — стоятъ,
Они стояли молча въ рядъ,
Они стояли молча въ рядъ —
Ихъ было восемь.
Иду съ дружкомъ, гляжу — стоятъ,
Они стояли молча въ рядъ,
Они стояли молча въ рядъ —
Ихъ было восемь.

Со мною — ножъ, рѣшилъ я: что жъ,
Меня такъ просто не возьмешь,

He, Who Was with Her Before.

I neither drank nor sang that night—
I looked at her with all my might,
As children stare, as children stare.
But he, who was with her before,
Declared to me that I should go,
Declared to me that I should go,
That my prayer's bare.
But he, who was with her before,
Declared to me that I should go,
Declared to me that I should go,
That my prayer's bare.

And he, who was with her before,
Was rude to me, he wrangled and swore.
I can recall it—I was all sober.
When I made up my mind to quit,
She said to me, "Please, wait a bit."
She said to me, "Please, wait a bit,
The night's not over."
When I made up my mind to quit,
She said to me, "Please, wait a bit."
She said to me, "Please, wait a bit,
The night's not over."

But he, who was with her before,
Waylaid me later in the fall—
The lane was narrow, eight strangers blocked it.
My friend and I were only two
When they emerged out of the blue,
When they emerged out of the blue—
Hands in the pockets!
My friend and I were only two
When they emerged out of the blue,
When they emerged out of the blue—
Hands in the pockets!

Upon my life! I've gotten a knife,
It's gonna be a deadly strife!

Держитесь, гады! держитесь, гады!
Къ чему задаромъ пропадать?
Ударилъ первымъ я тогда,
Ударилъ первымъ я тогда —
Такъ было надо.
Къ чему задаромъ пропадать?
Ударилъ первымъ я тогда,
Ударилъ первымъ я тогда —
Такъ было надо.

Но тотъ, кто раньше съ нею былъ, —
Онъ эту кашу заварилъ
Вполнѣ серіозно, вполнѣ серіозно.
Одинъ изъ нихъ на мнѣ повисъ,
Валюха крикнулъ: «Берегись!»
Валюха крикнулъ: «Берегись!» —
Но было поздно.
Одинъ изъ нихъ на мнѣ повисъ,
Валюха крикнулъ: «Берегись!»
Валюха крикнулъ: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бѣдъ — одинъ отвѣтъ.
Въ тюрьмѣ есть тоже лазаретъ —
Я тамъ валялся, я тамъ валялся,
Врачъ рѣзалъ вдоль и поперекъ,
Онъ мнѣ сказалъ: «Держись, братокъ!»
Онъ мнѣ сказалъ: «Держись, братокъ!» —
И я держался.
Врачъ рѣзалъ вдоль и поперекъ,
Онъ мнѣ сказалъ: «Держись, братокъ!»
Онъ мнѣ сказалъ: «Держись, братокъ!» —
И я держался.

Разлука мигомъ пронеслась.
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, какъ водится, простилъ,
Того жъ, кто раньше съ нею былъ,
Того, кто раньше съ нею былъ, —

Hold on, ye bastards! hold on, ye bastards!
Why should I perish all in vain?
So I struck first and then again,
So I struck first and then again—
Had to be faster!
Why should I perish all in vain?
So I struck first and then again,
So I struck first and then again—
Had to be faster!

But he, who was with her before,
Resented ending in our draw.
He really meant it, he really meant it!
Somebody clubbed me. Shrieked my mate,
"Look backward!"—but it was too late.
He warned me when it was too late—
In blood I weltered.
Somebody clubbed me. Shrieked my mate,
"Look backward!"—but it was too late.
He warned me when it was too late—
In blood I weltered.

Stay on thy trail and never wail—
There is a hospital in jail,
There I was lying, there I was lying.
Those strangers cut me left and right,
The surgeon said, "Bro, try to fight!"
The surgeon said, "Bro, try to fight!"
And I was trying.
Those strangers cut me left and right,
The surgeon said, "Bro, try to fight!"
The surgeon said, "Bro, try to fight!"
And I was trying.

And all alone, I served my term—
She waited not for my return,
But I forgave her. My pardon's given.
Her treason hurts not me anymore,
But he, who was with her before,
But he, who was with her before,

Не извиняю.
Ее, конечно, я простилъ,
Того жъ, кто раньше съ нею былъ,
Того, кто раньше съ нею былъ,—
Я повстрѣчаю!

1962 г.

Can't be forgiven!
Her treason hurts not me anymore,
But him, who was with her before,
But him, who was with her before,
I'll meet up even!

1962.

Аппелляція.

Передо мной любой факиръ — всего лишь карликъ,
Одинъ изъ многихъ скомороховъ и шутовъ.
Устройте мнѣ командировку въ Монте-Карло,
Я потревожу иноземныхъ шулеровъ!

Напрасно будутъ соблазнять меня красотки,
Лишь на рулетку собираюсь я взглянуть:
Мнѣ банкометы чисто вылижутъ подметки,
И я немедленно пущусь въ обратный путь.

Играть я буду и на красныхъ, и на черныхъ,
И въ Монте-Карло я облажу всѣ углы.
Все, что останется у нихъ въ домахъ игорныхъ —
Ихъ пресловутые зеленые столы.

Я возвращусь оттуда, всласть попивъ коктейлей,
Тамъ въ каждомъ барѣ непремѣнно есть джазъ-бандъ...
Я возвращусь оттуда съ чемоданомъ денегъ —
И все до цента сдамъ во Внѣш.Эконом.Банкъ!

Я не шучу, и мнѣ теперь не до ухарства,
Вѣдь мѣра высшая буквально на носу.
Позвольте только, и родному государству
Я гарантированно пользу принесу!

1964 г.

An Appeal.

There's no fakir on Earth who could be my companion,
Before myself, the best of them shouldn't sit;
Please, send me on a business trip to Monte Carlo,
I'll show them what really means to cheat!

The o'erseas liberties or beauties aren't my goals,
Blackjack and keno — that's my job and fun.
Casino dealers, licking diligently my soles,
Will cry for mercy — but I'll hit and run!

My bets on red, my bets on black will all be winners —
It's sleight of hand and you shouldn't call it "theft";
And in the end in every one of their casinos
But greatly praised green tables will be left.

There I'll enjoy the beach, so colorful and sunny,
I'll drink good wine — they know what to serve.
I will return with several trunks jammed with their money,
And hand it to our national reserve.

It's not a joke, it's a real proposition,
To death I'm sentenced, but please change my fate:
Replace my verdict with this foreign expedition —
I will be useful to our dear State!

1964.

Я въ дѣлѣ.

Я въ дѣлѣ, и со мною ножъ —
И въ этотъ мигъ меня не трожь!
А послѣ — я всегда иду въ кабакъ.
И кто бы что ни говорилъ,
Я самъ добылъ — и самъ пропилъ,
И дальше буду дѣлать точно такъ.
И кто бы что ни говорилъ,
Я самъ добылъ — и самъ пропилъ,
И дальше буду дѣлать точно такъ.

Ко мнѣ подходитъ человѣкъ
И говоритъ: «Въ нашъ трудный вѣкъ
«Такихъ, какъ ты, хочу уничтожать!»
А я парнишку «накололъ» —
Не толковалъ, а «запоролъ», —
И дальше буду такъ же поступать.
А я парнишку «накололъ» —
Не толковалъ, а «запоролъ», —
И дальше буду такъ же поступать.

А хочешь мирно говорить —
Садись за столъ и будемъ пить,
Мы все съ тобой обсудимъ и рѣшимъ.
Но если ты такой, какъ онъ —
У насъ для всѣхъ одинъ законъ,
И дальше онъ останется такимъ.
Но если ты такой, какъ онъ —
У насъ для всѣхъ одинъ законъ,
И дальше онъ останется такимъ.

1961 г.

I'm on the Job.

I'm on the job and with a knife,
And don't thou touch me at this time!
Then I as ever go to a mess.
It makes no difference what they say,
All what I've gained I drink away,
And I'll forever walk this way, my friends.
It makes no difference what they say,
All what I've gained I drink away,
And I'll forever walk this way, my friends.

A man comes up to me and says,
"Our life's too arduous nowadays—
The scums like thee must spend their time in cells."
I never talk with such odd birds,
And did him in without words,
And I'll forever do the same, my friends.
I never talk with such odd birds,
And did him in without words,
And I'll forever do the same, my friends.

If thou'rt just curious what I think—
Thou'rt welcome, friend, let's have a drink,
And any problem we'll take up and fix.
But if thou'rt on that odd bird's path—
The law applies to all of us,
And it'll forever stay just as it is.
But if thou'rt on that odd bird's path—
The law applies to all of us,
And it'll forever stay just as it is.

1961.

Шулера.

У насъ вчера съ позавчера
шла спокойная игра —
Козырей въ колодѣ каждому хватало.
И сходились мы на томъ,
что, оставшись при своемъ,
Расходились, — а потомъ все шло съ начала.

А вотъ явились къ намъ они, сказали: «Здрасьте!»
Мы ихъ не ждали, а они уже пришли...
А въ колодѣ какъ-никакъ четыре масти,
Но къ нимъ уходятъ всѣ тузы и короли!

И пошла у насъ съ утра
неудачная игра, —
Не мѣшайте и не хлопайте дверями!
И шерстятъ они насъ въ пухъ:
имъ успѣхъ, а намъ испугъ, —
Но тузы побиты будутъ козырями!

А вотъ явились къ намъ они, сказали: «Здрасьте!»
Мы ихъ не ждали, а они уже пришли...
А въ колодѣ какъ-никакъ четыре масти,
И имъ достались всѣ тузы и короли!

Шла неравная игра —
одолѣли шулера.
Карта валитъ имъ, а намъ — пойду покличу!
Зубы щелкаютъ у нихъ —
видно, каждый хочетъ въ мигъ
Кончить дѣло и начать дѣлить добычу.

А вотъ явились къ намъ они, сказали: «Здрасьте!»
Мы ихъ не ждали, а они уже пришли...
А въ колодѣ какъ-никакъ четыре масти,
И имъ достались всѣ тузы и короли!

The Card-Sharpers.

Yesterday we played a game
gone on from the previous day,
With the right amount of trumps, as all regarded.
No one could call our game bad—
each one got just what he'd had—
We were pleased, and then again our playing started.

But on a sudden they appeared and said, "Good day!"
We waited not for them—in spite of that they've come...
And though there are different cards of the four suits to play,
They snatch all of the kings and aces in each round!

From the very morn we've played
an unfavorable game—
The right way to play till now isn't discovered!
So they beat us being glad,
their good fortune makes us sad,
But the aces by the trumps are always covered!

So on a sudden they appeared and said, "Good day!"
We waited not for them—in spite of that they've come...
And though there are different cards of the four suits to play,
They snatch all of the kings and aces in each round!

The unequal game we play—
all our coins may be taken.
While their cards are good, we're left to weep for chances.
With a chatter of their teeth,
they make haste to finish with
All the game, and revel in the gained advances.

So on a sudden they appeared and said, "Good day!"
We waited not for them—in spite of that they've come...
And though there are different cards of the four suits to play,
They snatch all of the kings and aces in each round!

Только зря они шустры —
не сейчасъ конецъ игры!
Жаль, что вечеръ на дворѣ такой безлунный.
Не видна тропа подчасъ,
какъ Фортуна противъ насъ, —
Но ничего — мы посчитаемся съ Фортуной!

И вотъ явились къ намъ они, сказали: «Здрасьте!»
Мы ихъ не ждали, а они уже пришли...
Но въ колодѣ все равно четыре масти,
И намъ достанутся тузы и короли!
И намъ достанутся тузы и короли!

1967 г.

But our guests make haste in vain—
there will be another game!
It's a pity that the night is dark and rainy.
But let Fortune laughs at us,
and we can't descry the path,
We'll for certain settle accounts with this lady!

So on a sudden they appeared and said, "Good day!"
We waited not for them—in spite of that they've come...
But from the present different cards of the four suits to play,
We'll get all of the kings and aces in this round!
We'll get all of the kings and aces in this round!

1967.

Уголовный кодексъ.

Не увлекутъ насъ книжныя интриги,
Про все мы знаемъ, что ты намъ ни дашь.
Я признаю единственную книгу,
И это кодексъ Уголовный нашъ.

Его, когда мнѣ по ночамъ не спится,
Или съ похмелья нѣтъ на мнѣ лица,
Я открываю на любой страницѣ,
И каждый разъ читаю до конца.

Я не давалъ товарищамъ совѣты,
Но знаю я — разбой у нихъ въ чести.
Вотъ только что я прочиталъ про это:
Не ниже трехъ, не выше десяти.

Вы вдумайтесь въ простыя эти строки —
Что́ намъ романы всѣхъ временъ и странъ!
Въ нихъ есть бараки, длинные, какъ сроки,
Скандалы, драки, карты и обманъ...

Сто лѣтъ бы мнѣ не видѣть этихъ строчекъ!
За каждой вижу чью-нибудь судьбу.
Я радуюсь, когда статья — не очень:
Вѣдь все же повезетъ кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда свою доводится читать,
И кровь въ виски такъ ломится, стучится,
Какъ ломятся, когда приходятъ брать.
И кровь въ виски такъ ломится, стучится,
Какъ ломятся, когда приходятъ брать.

1964 г.

The Criminal Code.

Films touch not us, nor do it any prose,
We know just all and everything we've seen.
The only worthy book is, I suppose,
The Book of Code. Criminal, I mean.

When through a binge my head is to explode,
Or from impatience I go around the bend,
At any page I open the Code,
And keep on reading till the very end.

I've always left my friends a wide discretion,
But they prefer to rob, I know my men!
That's what the Code says for this transgression:
At least three years, and no more than ten.

Just think about these lines, so plain and clear,
They tell us more than any author writes!
Behind these lines there is a world of fear,
Of cold barracks, cards and bloody fights...

With broken fates these simple lines are breathing,
And I'd so want to have with them no truck!
I'm very glad when articles are easy —
Some fellows will receive a piece of luck!

But on my one, I go out of my temper...
Like a scared bird, my heart throbs in my breast,
And my hot blood bangs madly in my temple,
Like the police when coming to arrest.
And my hot blood bangs madly in my temple,
Like the police when coming to arrest.

1964.

Пѣсня сыщика.

Натъ Пинкертонъ — вотъ съ дѣтства мой кумиръ,
Сравниться съ нимъ теперь никто не можетъ.
Но онъ имѣлъ такой преступный міръ,
Что мнѣ не спится, потому какъ зависть гложетъ.

Аппаратъ и наметанный глазъ —
И работа идетъ эффективно.
Только я столько знаю про васъ,
Что порой мнѣ работать противно.

Не скрыться вамъ, вѣдь для меня секретовъ нѣтъ.
Мой методъ простъ: брать всѣхъ подъ подозрѣнье.
Любой преступникъ оставляетъ слѣдъ
И возвращается на мѣсто преступленья.

Аппаратъ и наметанный глазъ —
И работа идетъ эффективно.
Только я столько знаю про васъ,
Что порой мнѣ работать противно.

У детективовъ хмурый видъ и мрачный нравъ,
Характеръ нашъ достоинъ укоризны, —
Вѣдь мы встрѣчаемся съ попраньемъ правъ,
Проходимъ темной стороною нашей жизни.

Другіе празднуютъ всѣмъ горестямъ назло,
Гуляютъ всласть по Январю и Маю, —
Я жъ не сижу за праздничнымъ столомъ,
Хожу кругомъ и въ окна наблюдаю.

Аппаратъ и наметанный глазъ —
И работа идетъ эффективно.
Только я столько знаю про васъ,
Что порой мнѣ работать противно.

Нашъ міръ — ѳеатръ, какъ говорилъ Шекспиръ.
Я вижу лишь характерныя роли:

The Detective's Song.

Nat Pinkerton's a sleuth no one can beat,
Since my teen days he's been my biggest idol.
But with this fact I'm bound to admit
That his bad guys were too naive and idle.

I've gotten excellent ears and eyes,
And no one can escape my incursion.
But I know so much of you, guys,
That I often feel disgust and aversion.

Suspecting everything is the position I base,
Which I received through practicing and learning.
Each one of criminals steadfastly leaves a trace
And to the scene of crime he later is returning.

I've gotten excellent ears and eyes,
And no one can escape my incursion.
But I know so much of you, guys,
That I often feel disgust and aversion.

Detectives have unpleasant, gloomy looks,
Their characters aren't lovely and appealing,
Because with gangsters, murderers and crooks,
With liars and mischiefs we're only dealing.

When there's a feast and lots of people are drunk,
When everybody laughs and sings and dances,
It's not for me—I rummage in the junk
And look in windows and through slots in fences.

I've gotten excellent ears and eyes,
And no one can escape my incursion.
But I know so much of you, guys,
That I often feel disgust and aversion.

Shakespeare said that our world's a stage,
And what I see are just characteristic roles:

Тотъ — негодяй, тотъ — жуликъ, тотъ — вампиръ.
И все. Какъ Пушкинъ бы сказалъ, не болѣ.

Но имя есть — въ иную явь пароль,
Не вѣрь, что детективы нелюдимы:
Она играетъ голубую роль —
Мнѣ голубая роль — необходима.

Аппаратъ и наметанный глазъ —
И работа идетъ эффективно.
Только я столько знаю про васъ,
Что порой мнѣ работать противно!

1968 г.

These ones are scamps, and those ones are knaves.
That's really all. What more, as Pushkin's saying goes?

But there's a name I cherish in my heart,
The pretty name which gives me light and hope:
She's acting out a constructive part,
Not letting me become a misanthrope.

> I've gotten excellent ears and eyes,
> And no one can escape my incursion.
> But I know so much of you, guys,
> That I often feel disgust and aversion!

1968.

Слушай сказку, сынокъ, вмѣсто всѣхъ новостей...

Sonny, listen to a tale, which wasn't ever in print...

МЫ ПРОШЛИ.

WE HAVE GONE.

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

I. Охота на волковъ.

Рвусь изъ силъ и изъ всѣхъ сухожилій,
Но сегодня опять, какъ вчера:
Обложили меня, обложили,
Гонятъ весело на нумера.

Изъ-за елей хлопочутъ двустволки,
Тамъ охотники прячутся въ тѣнь.
На снѣгу кувыркаются волки,
Волкъ для нихъ — это просто мишень.

Идетъ охота на волковъ, идетъ охота —
На сѣрыхъ хищниковъ, матерыхъ и щенковъ.
Кричатъ загонщики, и лаютъ псы до рвоты,
Кровь на снѣгу и пятна красныя флажковъ.

Не на равныхъ играютъ съ волками
Егеря, но не дрогнетъ рука!
Оградивъ намъ свободу флажками,
Бьютъ увѣренно, навѣрняка.

Волкъ не можетъ нарушить традицій:
Видно, въ дѣтствѣ — слѣпые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

И вотъ — охота на волковъ, идетъ охота —
На сѣрыхъ хищниковъ, матерыхъ и щенковъ.
Кричатъ загонщики, и лаютъ псы до рвоты,
Кровь на снѣгу и пятна красныя флажковъ.

Наши ноги и челюсти быстры,
Почему же, вожакъ, дай отвѣтъ,
Мы затравленно мчимся на выстрѣлъ
И не пробуемъ — черезъ запретъ?

HUNTING FOR WOLVES.

I. Hunting for Wolves.

All-out efforts are tearing my tendons,
But today looks just like yesterday—
I'm again absolutely hemmed in,
Being brought by the beaters to bay.

From behind pines, the barrels are rumbling,
There the hunters unflappably hide.
On the level, we're writhing and tumbling,
Now each wolf is a target alive.

> They're hunting wolves! the hunt is in full swing now!
> Both old and young gray beasts are being mown.
> The dogs are barking and the people are screaming,
> Red flags around and red spots on the snow.

One won't say that the hunters play fair,
Our extension is flagged from each flank.
But the hunters don't mind this affair,
With a firm hand, they shoot us point blank.

It's the law, wolves mustn't break with tradition—
Being cubs, unenlightened and small,
With the sucked milk, we sucked in addition
That we mustn't cross the flags line at all.

> They're hunting wolves! the hunt is in full swing now!
> Both old and young gray beasts are being mown.
> The dogs are barking and the people are screaming,
> Red flags around and red spots on the snow.

People aren't stronger than wolves, nor they're faster—
Leader, give me the answer then, why
Being baited, we moved toward the gun fire,
And to jump the flags line never try?

Волкъ не можетъ, не долженъ иначе,
Вотъ кончается время мое:
Тотъ, которому я предназначенъ,
Улыбнулся и поднялъ ружье.

Идетъ охота на волковъ, идетъ охота—
На сѣрыхъ хищниковъ, матерыхъ и щенковъ.
Кричатъ загонщики, и лаютъ псы до рвоты,
Кровь на снѣгу и пятна красныя флажковъ.

Я изъ повиновенія вышелъ—
За флажки, жажда жизни сильнѣй!
Только сзади я радостно слышалъ
Удивленные крики людей.

Рвусь изъ силъ и изъ всѣхъ сухожилій,
Но сегодня—не такъ, какъ вчера:
Обложили меня, обложили—
Но остались ни съ чѣмъ егеря!

Идетъ охота на волковъ, идетъ охота—
На сѣрыхъ хищниковъ, матерыхъ и щенковъ.
Кричатъ загонщики, и лаютъ псы до рвоты,
Кровь на снѣгу и пятна красныя флажковъ.

II. Охота съ вертолетовъ.

Михаилу Шемякину.

Словно бритва, разсвѣтъ полоснулъ по глазамъ,
Отворились курки, какъ волшебный Сезамъ,
Появились стрѣлки, на поминѣ легки,
И взлетѣли стрекозы съ протухшей рѣки,
И потѣха пошла—въ двѣ руки, въ двѣ руки!

Мы легли на животъ и убрали клыки.
Даже тотъ, даже тотъ, кто нырялъ подъ флажки,
Чуялъ волчія ямы подушками лапъ;
Тотъ, кого даже пуля догнать не могла бъ,—
Тоже въ страхѣ взопрѣлъ, и прилегъ, и ослабъ.

It's the law, and we must carry out it.
So my time very soon will be done.
And the hunter, who's presently my master,
Grining sanguinely, rases his gun.

They're hunting wolves! the hunt is in full swing now!
Both old and young gray beasts are being mown.
The dogs are barking and the people are screaming,
Red flags around and red spots on the snow.

I got rid of obedience and fear—
Jumped the flags, life is more than their lies!
And behind me I was glad to hear
Pealing shouts of disarray and surprise!

All-out efforts are tearing my tendons,
But today doesn't look like yesterday—
I again was entirely hemmed in,
But wasn't brought by the beaters to bay!

They're hunting wolves! the hunt is in full swing now!
Both old and young gray beasts are being mown.
The dogs are barking and the people are screaming,
Red flags around and red spots on the snow.

II. Hunting from Helicopters.

To Mikhail Shemyakin.

Like a razor, the daybreak slashed over the eyes,
From the rotten mere, took off the steel dragonflies,
As if talked of, the gunners presented themselves,
And the gun shutters opened by devilish spells,
And the merriment started—full-swing, at full pelt!

We lay down on our abdomens and hid our fangs.
Even those, even those who dove under the flags,
Who perceived the wolf holes with the pads of the paws,
Who couldn't be overtaken even by the gun balls—
Also lay, bathed in sweat, in a tractable pose.

Чтобы жизнь улыбалась волкамъ — не слыхалъ:
Зря мы любимъ ее, однолюбы.
Вотъ у смерти — красивый широкій оскалъ
И здоровые, крѣпкіе зубы.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу —
Псамъ еще не намылены холки!
Но на татуированномъ кровью снѣгу
Наша роспись: мы больше не волки!

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобравъ,
Къ небесамъ удивленныя морды задравъ:
Или съ неба возмездье на насъ пролилось,
Или свѣта конецъ — и въ мозгахъ перекось, —
Только били насъ въ ростъ изъ желѣзныхъ стрекозъ.

Кровью вымокли мы подъ свинцовымъ дождемъ —
И смирились, рѣшивъ: все равно не уйдемъ!
Животами горячими плавили снѣгъ.
Эту бойню затѣялъ не Богъ — человѣкъ:
Улетающихъ — влетъ, убѣгающихъ — вбѣгъ...

Свора псовъ, ты за стаей моей не вяжись,
Въ равной сварѣ — за нами удача.
Волки мы — хороша наша волчая жизнь!
Вы собаки — и смерть вамъ собачья!

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы въ корнѣ пресѣчь кривотолки.
Но на татуированномъ кровью снѣгу
Наша роспись: мы больше не волки!

Къ лѣсу — тамъ хоть немногихъ изъ васъ сберегу!
Къ лѣсу, волки, — труднѣе убить на бѣгу!
Уносите же ноги, спасайте щенковъ!
Я мечусь на глазахъ полупьяныхъ стрѣлковъ
И скликаю заблудшія души волковъ.

Тѣ, кто живъ, затаились на томъ берегу.
Что могу я одинъ? Ничего не могу!

I've not heard of life's smiling upon our wolf kin,
So our fondness for her is quite senseless.
On the contrary, death has a broad and pleasant grin,
And her teeth are all stalwart and healthy.

So let's smile our disdainful wolf grin at the foes,
Now the dogs will again see who're stronger!
But inscribed as a scarlet tattoo on the snow
Is our signature: we're wolves no longer!

Thus we crawled — as the dogs' ones, were tucked in our tails,
And our muzzles to the sky were surprisedly upraised:
Whether God's retribution was spilt onto us,
Or it was the world's ending, or we lost our nuts —
But we were beaten on end, and meant nothing our guts.

We got soaked through in blood in the rainstorm of lead —
With no chance for escaping, we no longer fled.
Our hot abdomens melted the snow, not the sun.
People, teached by the foe, made of our killing fun:
Those who flew died in flight, those who run — on the run...

With our wolf pack, ye dog pack don't ever get mix,
If the mix-up is equal — we'll knock you.
Look, we're wolves — how remarkable our living is!
And ye're dogs — ye should die as the dogs do!

So let's smile our disdainful wolf grin at the foes,
Cutting short any rumours that wrong us.
But inscribed as a scarlet tattoo on the snow
Is our signature: we're wolves no longer!

To the woods — I may rescue a few of you still!
To the woods, wolves! when running, it's harder to kill!
Save the puppies! I'm thrashing around, easy prey
For the gunners in liquor, who're eager to slay,
As I try to assemble the wolves' souls gone astray!..

The survivors are over the stream, lying low.
Being of my own power, what can I perform?

Отказали глаза, притупилось чутье...
Гдѣ вы, волки, былое лѣсное sвѣрье,
Гдѣ же ты, желтоглазое племя мое?!

...Я живу, но теперь окружаютъ меня
Sвѣри, волчьихъ не знавшіе кличей.
Это псы, отдаленная наша родня,
Мы ихъ раньше считали добычей.

Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу,
Обнажаю гнилые осколки.
А на татуированномъ кровью снѣгу
Таетъ роспись: мы больше не волки!
Таетъ роспись: мы больше не волки!
Таетъ роспись: мы больше не волки!

III. Прошла пора вступленій и прелюдій...

Прошла пора вступленій и прелюдій,
Все хорошо — не вру, безъ дураковъ:
Меня къ себѣ зовутъ большіе люди,
Чтобъ я имъ пѣлъ «Охоту на волковъ».

Быть можетъ, запись слышалъ изъ оконъ,
Иль дѣти перестали слышать папу —
Какъ знать, — но приобрѣлъ магнитофонъ
Однажды имярекъ изъ аппарата.

И, предаваясь будничной бесѣдѣ
Въ кругу семьи, гдѣ свѣтъ торшера тусклъ,
Онъ тихо, чтобъ не слышали сосѣди,
Включилъ его, нажавъ на кнопку «пускъ».

И вотъ, не разобравъ послѣднихъ словъ, —
Прескверный дубль достали на работѣ, —
Услышалъ онъ «Охоту на волковъ»
И кое-что еще на оборотѣ.

И все прослушавъ до послѣдней ноты,
И разозлясь, что словъ послѣднихъ нѣтъ,

As my sight as my nose are becoming no-good...
Wolves, where are ye who used to inhabit the woods?
Yellow-eyed kith and kin, just where are ye, my wolves?!

...I live on, but the beasts that surround me at present
Have no sentiment what our wolf call is.
These are dogs—our long-distance, forbidding relations,
Being our rightful prey in the old days.

And I smile our disdainful wolf grin at the foes,
Bare the stubs 'stead of teeth that are long gone.
But, inscribed as a scarlet tattoo on the snow,
Fades our signature: we're wolves no longer!
Fades our signature: we're wolves no longer!
Fades our signature: we're wolves no longer!

III. As for today, I've passed initial phases...

As for today, I've passed initial phases,
I'm really fine and never lose my wool:
Big people call me up to their places
So that I'd sing how men are hunting wolves.

Perhaps, he heard a matter at thirdhand,
Or, maybe, there was his children's order,
I don't know—but, at any hand,
Some party boss once bought a tape-recorder.

And in a home, private atmosphere,
Relaxing after an eventful day,
Not loud, so that others wouldn't hear,
He turned it on by pressing the button "Play".

The tape he'd gotten was bad and made him sore,
But through the noise he heard the hissing sound
Of my "Wolf Hunting" and, besides, some more
Of those songs he reckoned underground.

The tape annoyed him with the awful grunting,
But as the message he somehow caught,

Онъ поднялъ трубку: «Автора „Охоты“
«Ко мнѣ пришлите завтра въ кабинетъ!»

Я не хлебнулъ для храбрости винца,—
И, подавляя частую икоту,
Съ порога—отъ начала до конца—
Я прооралъ ту самую «Охоту».

Его просили дѣти, безусловно,
Чтобы была улыбка на лицѣ,—
Но онъ меня прослушалъ благосклонно
И даже аплодировалъ въ концѣ.

И объ стаканъ бутылкою звеня,
Которую извлекъ изъ книжной полки,
Онъ выпалилъ: «Да это жъ—про меня,
«И про всѣхъ насъ—какіе, къ чорту, волки!»

Ну все—теперь, конечно, что-то будетъ,
Вѣдь каждый день по нѣсколько звонковъ:
Меня къ себѣ зовутъ большіе люди,
Чтобъ я имъ пѣлъ «Охоту на волковъ».

1968—1978 гг.

He called his aide, “The author of ‘Wolf Hunting’
Tomorrow to my office must be brought!”

For bravery no glass of wine I drank,
Though clammy fear in my guts was swelling,
And as the door was shut behind my back,
About wolves, like mad, I started yelling.

The boss was neither merciless nor vicious,
His children must have asked him to be warm.
He smiled and looked auspicious and propitious
And even clapped when my debut was o’er.

And, having offered me a brimful glass,
He said omitting mandatory “cheers!”,
“To hell with wolves! it’s all about us,
About our life and our fears!”

Like an assiduous shire horse in traces,
I work for changes, my phone never cools:
Big people call me up to their places
So that I’d sing how men are hunting wolves.

1968—1978.

ПОБѢГЪ НА РЫВОКЪ.

I. Слушай сказку, сынокъ...

Слушай сказку, сынокъ,
Вмѣсто всѣхъ новостей —
Про тревожный звонокъ
И нежданныхъ гостей,

Про побѣгъ на рывокъ
И тиски западни...
Слушай сказку, сынокъ,
Да смотри не усни.

Можетъ, что-то не стоитъ
Теперь ворошить,
Но, бываетъ, заноетъ
И станетъ душить...

Эта сказка — старье,
Что старье бередить!
Такъ что если уснешь —
Я не стану будить.

Познакомься же съ батей —
Онъ знаетъ людей.
Видѣлъ много онъ всякаго
Въ жизни своей.

II. Побѣгъ на рывокъ.

Дорогому моему другу Вадиму Туманову.

Былъ побѣгъ на рывокъ —
Наглый, глупый, дневной.
Вологодскаго — съ ногъ
И — впередъ головой.

И запрыгали двое,
Въ тактъ сопя на бѣгу,

THE ESCAPE.

I. Sonny, listen to a tale...

Sonny, listen to a tale,
Which wasn't ever in print—
It's about a big bale
Brought on by guests unbidden,

It's about an escape
And a trap's deadly grip...
Sonny, listen to a tale,
And don't thou fall asleep.

And there's also some stuff
I have no wish to rake,
But it troubles me sometimes,
Falls on and suffocates.

Yet at night, there's no reason
To re-open those old deeds...
It'll be better for thee
To see thy happy dreams.

It's, dear sonny, thy old man—
He knows what is what.
He saw various contexts,
And knew lots of folks.

1977.

На виду у конвоя
Да по поясъ въ снѣгу.

Положенъ строй въ порядкѣ образцовомъ,
И взвыла «Дружба» — старая пила,
И осѣнили знаменьемъ свинцовымъ
Съ очухавшихся вышекъ три ствола.

Всѣ лежали плашмя,
Въ снѣгъ уткнули носы,
А за нами двумя —
Бѣсноватые псы.

Девять граммовъ горячіе,
Какъ вамъ тѣсно въ стволахъ!
Мы на мушкахъ корячились,
Словно какъ на колахъ.

Намъ добѣжать бы до рѣки, до цѣли,
Но свыше, съ вышекъ, все предрѣшено.
Тамъ у стрѣлковъ мы дергались въ прицѣлѣ —
Умора просто, до чего смѣшно.

Вотъ бы мнѣ посмотрѣть,
Съ кѣмъ отправился въ путь,
Съ кѣмъ рискнулъ помереть,
Съ кѣмъ затѣялъ рискнуть...

Гдѣ-то видѣлись, будто.
Чуть очухался я,
Прохрипѣлъ: «Какъ зовутъ-то?
«И какая статья?»

Но поздно, зачеркнули его пули
Крестомъ — въ затылокъ, поясъ, два плеча.
А я бѣжалъ и думалъ: «Добѣгу ли?» —
И даже не замѣтилъ сгоряча.

Я къ нему, чудаку, —
Почему, молъ, отсталъ?

Ну, а онъ — на боку
И мозги распласталъ.

Пробрало! — тѣлогрѣйка
Ажъ просохла на мнѣ.
Лихо бьетъ трехлинейка,
Прямо какъ на войнѣ.

Какъ за грудки, держался я за камни,
Когда собаки близко — не бѣги.
Псы покропили землю языками
И разбрелись, слизавъ его мозги.

Приподнялся и я,
Бѣлый свѣтъ стервеня,
И гляжу — «кумовья»
Поджидаютъ меня.

Пнули трупъ: «Сдохъ, скотина,
«Нѣту проку съ него.
«За поимку — полтина,
«А за смерть — ничего.»

И мы прошли гуськомъ передъ бригадой,
Потомъ — за вахту, отряхнувши снѣгъ.
Они обратно въ зону — за наградой,
А я — за новымъ срокомъ за побѣгъ.

Я сначала грубилъ,
А потомъ пересталъ.
Цѣлый взводъ меня билъ —
Ажъ два раза усталъ.

Зря пугаютъ тѣмъ свѣтомъ,
Тутъ — съ дубьемъ, тамъ — съ кнутомъ.
Врѣжутъ тамъ — я на этомъ,
Врѣжутъ здѣсь — я на томъ.

А въ промежуткахъ — тишина и снѣги,
Токуютъ глухари, да бродитъ лось...

И снова вижу я себя въ побѣгѣ —
Какъ будто убѣжать намъ удалось.

Мы ушли вдоль рѣки, —
Онъ былъ тоже не слабъ, —
Тамъ людямъ — не съ руки,
А собакамъ — не съ лапъ.

Вотъ и сказкѣ конецъ,
Sвѣрь бѣжалъ на ловца.
Снесъ, какъ срѣзалъ, свинецъ
Бѣглецу полъ-лица.

...Все взято въ трубы, перекрыты краны,
Ночами только воютъ и скулятъ.
Намъ надо, надо сыпать соль на раны,
Чтобъ лучше помнить — пусть онѣ болятъ.
Намъ надо, надо сыпать соль на раны,
Чтобъ лучше помнить — пусть онѣ болятъ.

1977 г.

Все идетъ здѣсь такъ...

Все идетъ здѣсь такъ,
какъ оно шло всегда:
Если смѣнишь тактъ —
закатаютъ тебя,
Если украдешь —
тоже сядешь тогда,
Если вскроешь ложь —
разстрѣляютъ тебя.

Думалъ я, что теперь не увижу я скоро
Лагерей, лагерей,
Но попалъ въ этотъ пыльный расплывчатый городъ
Безъ людей, безъ людей.

Бродятъ толпы людей, на людей не похожихъ,
Равнодушныхъ, слѣпыхъ.
Я заглядывалъ въ черныя лица прохожихъ —
Ни своихъ, ни чужихъ.

Все идетъ здѣсь такъ,
какъ оно шло всегда:
Если смѣнишь тактъ —
закатаютъ тебя,
Если украдешь —
тоже сядешь тогда,
Если вскроешь ложь —
разстрѣляютъ тебя.

Такъ зачѣмъ же я клялъ свою горькую долю?
Видно, зря, видно, зря!
Такъ зачѣмъ я такъ долго стремился на волю
Въ лагеряхъ, въ лагеряхъ?

Бродятъ толпы людей, на людей не похожихъ,
Равнодушныхъ, слѣпыхъ.
Я заглядывалъ въ черныя лица прохожихъ —
Ни своихъ, ни чужихъ.

Each and every thing...

Each and every thing
goes in its trodden trail:
Speak of what ye think—
and they'll send you to jail,
Thieve—and also ye'll
spend your time being locked,
Know a dangerous field—
and one day ye'll be shot.

I believed in a short while the labor camps must be
Out of sight, out of sight,
But it turned out I came to this town blurred and dusty
With no life, with no life.

Crowds of people walk here but no person seems human,
Every look's blank and dim.
I looked at the black faces appeared in the gloom and
Saw nor strangers nor kin.

Each and every thing
goes in its trodden trail:
Speak of what ye think—
and they'll send you to jail,
Thieve—and also ye'll
spend your time being locked,
Know a dangerous field—
and one day ye'll be shot.

So why said I rude words to my star for its keenness?
What a sham, what a sham!
So why yearned I for so many years for deliverance
In the camp, in the camp?

Crowds of people walk here but no person seems human,
Every look's blank and dim.
I looked at the black faces appeared in the gloom and
Saw nor strangers nor kin.

Все идетъ здѣсь такъ,
какъ оно шло всегда:
Если смѣнишь тактъ —
закатаютъ тебя,
Если украдешь —
тоже сядешь тогда,
Если вскроешь ложь —
разстрѣляютъ тебя.

1964 г.

Each and every thing
goes in its trodden trail:
Speak of what ye think—
and they'll send you to jail,
Thieve—and also ye'll
spend your time being locked,
Know a dangerous field—
and one day ye'll be shot.

1964.

Летѣла жизнь.

Я самъ съ Ростова, я вообще подкидышъ,
Я могъ бы быть съ какихъ угодно мѣстъ.
И если ты, мой Богъ, меня не выдашь,
Тогда моя свинья меня не съѣстъ.

Живу вездѣ, сейчасъ, къ примѣру, въ Тулѣ,
Живу и не считаю ни потерь, ни барышей.
Изъ дѣтства помню дѣтскій домъ въ аулѣ
Въ республикѣ Чечено-Ингушей.

Они намъ дѣтскихъ душъ не загубили,
Дѣлили съ нами пищу и судьбу.
Летѣла жизнь въ плохомъ автомобилѣ
И вылетала съ выхлопомъ въ трубу.

Я самъ не зналъ, въ кого я воспитаюсь,
Любилъ друзей, гостей и анашу.
Теперь же, чуть чего — за ножъ хватаюсь,
Котораго, по счастью, не ношу.

Какъ сбитый кустъ я по вѣтру волокся,
Питался при дорогѣ, помня зло, но и добро.
Я хорошо усвоилъ чувство локтя,
Который мнѣ совали подъ ребро.

Бывалъ я тамъ, гдѣ и другие были,
Одну на всѣхъ дѣлили мы судьбу.
Летѣла жизнь въ плохомъ автомобилѣ
И вылетала съ выхлопомъ въ трубу.

Насъ закаляли въ климатѣ морозномъ,
Въ водѣ и хлѣбѣ нѣтъ отказа тамъ.
Такъ что Чечены, жившіе при Грозномъ,
Перебрались съ Кавказа въ Казахстанъ.

А тамъ Сибирь — лафа для брадобреевъ,
Скопленіе народовъ и нестриженыхъ «бичей»,

Гдѣ мѣсто есть для «зэковъ», для Евреевъ
И недоистребленныхъ басмачей.

Въ Анадырѣ что́ надо мы намыли,
Намъ тамъ ломы ломали на горбу.
Летѣла жизнь въ плохомъ автомобилѣ
И вылетала съ выхлопомъ въ трубу.

Мы пили все, включая политуру, —
И лакъ, и клей, стараясь не взболтнуть.
Мы спиртомъ обманули пулю-дуру,
И умныхъ тоже вышло обмануть!

Пью водку подъ орѣхи для потѣхи,
Коньякъ подъ пловъ съ Узбеками, по-ихнему — пилавъ.
Въ Норильскѣ, напримѣръ, въ горячемъ цехѣ
Мы пробовали пить стальной расплавъ.

Мы дыры въ деснахъ золотомъ забили,
Состарюсь — выну, денегъ наскребу.
Летѣла жизнь въ плохомъ автомобилѣ
И вылетала съ выхлопомъ въ трубу.

Какія пѣсни пѣли мы въ аулѣ!
Какъ прыгали по скаламъ нагишомъ!
Пока меня съ пути на завернули,
Писался я Чечено-Ингушомъ.

Однимъ досталась рана ножевая,
Другимъ — дѣла другія, ну а третьимъ — третья треть...
Сибирь, Сибирь — держава бичевая,
Гдѣ есть гдѣ жить и есть гдѣ помереть.

Я былъ кудрявъ, но кудри истребили —
Семь пядей изъ-за лысины во лбу.
Летѣла жизнь въ плохомъ автомобилѣ
И вылетала съ выхлопомъ въ трубу.

Воспоминанья только лишь затрону,
Всегда одно: «На помощь! караулъ!..»

Вотъ бьютъ Чеченовъ Волжскіе Тевтоны,
А мѣсто битвы — городъ Барнаулъ.

Когда дошло почти до самосуда,
Я всталъ горой за горцевъ, чье-то горло теребя, —
Тѣ и другіе были не отсюда,
Но воевали, словно у себя.

А тѣ, кто насъ на подвиги подбили,
Давно лежатъ и корчатся въ гробу.
Ихъ хоронить везли въ автомобилѣ,
Однажды они вылетятъ въ трубу!
Однажды они вылетятъ въ трубу!
Однажды они вылетятъ въ трубу!

1978 г.

Мы прошли.

Вадиму Туманову.

Насъ въ дѣтствѣ часто матери пугали,
Что плачетъ, молъ, Сибирь по васъ, грозили намъ рукой,—
Хотя онѣ, конечно, не желали
Своимъ сыночкамъ участи такой.

А мы пошли за такъ на четвертакъ, лишь ради Бога—
Въ обходъ и напроломъ, и просто пылью по лучу...
Къ какимъ порогамъ приведетъ дорога,
Въ какую пропасть напослѣдокъ прокричу?

Мы Сѣверъ свой отыщемъ безъ компаса—
Угрозы матерей мы зазубрили какъ завѣтъ.
И вѣтеръ дулъ, съ костей сдувая мясо
И радуя прохладою скелетъ.

Мольбы и стоны здѣсь не выживаютъ,
Хватаетъ и уноситъ ихъ поземка и метель.
Слова и слезы на лету смерзаютъ,
Лишь брань и пули настигаютъ цѣль.

И мы пошли за такъ на четвертакъ, лишь ради Бога—
Въ обходъ и напроломъ, и просто пылью по лучу...
Къ какимъ порогамъ приведетъ дорога,
Въ какую пропасть напослѣдокъ прокричу?

Про все писать—не выдержитъ бумага,
Все въ прошломъ, ну а прошлое—былье и трынъ-трава.
Не разъ намъ кости перемыла драга,—
Въ насъ, значитъ, было золото, братва!

Но чуденъ звонъ души моей помина,
Съ нимъ бѣлый день бѣлѣй, и ночь чернѣй, и суше снѣгъ,—
И мерзлота надежнѣй формалина
Мой трупъ нетлѣннымъ сохранитъ навѣкъ.

А мы пошли за такъ на четвертакъ, лишь ради Бога —
Въ обходъ и напроломъ, и просто пылью по лучу...
Къ какимъ порогамъ приведетъ дорога,
Въ какую пропасть напослѣдокъ прокричу?

Я на воспоминанія не падокъ,
Но если занесла судьба — гляди и не тужи:
Мы здѣсь подохли — вонъ онъ, тотъ распадокъ, —
Насъ выгребли бульдозеровъ ножи.

Здѣсь мы прошли за такъ на четвертакъ, лишь ради Бога —
Въ обходъ и напроломъ, и просто пылью по лучу.
Къ такимъ порогамъ привела дорога...
Въ какую жъ пропасть напослѣдокъ прокричу?

1977 г.

Нъмъ, ребята, все не такъ! Все не такъ, ребята...

All is wrong beneath the moon, wrong and quite appalling!

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ.

MY GYPSY SONG.

Гололедъ.

Гололедъ на Землѣ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ гололедъ.
Будто нѣтъ ни весны, ни лѣта —
Въ саванъ бѣлый одѣта планета —
Люди, падая, бьются объ ледъ.

Гололедъ на Землѣ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ гололедъ.
Гололедъ, гололедъ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ, цѣлый годъ.

Даже если всю Землю — въ облетъ,
Не касаясь планеты ногами, —
Не одинъ, такъ другой упадетъ
На поверхность, а тамъ — гололедъ! —
И затопчутъ его сапогами.

Гололедъ на Землѣ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ гололедъ.
Гололедъ, гололедъ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ, цѣлый годъ.

Только — ледъ, словно зеркало, ледъ,
Но на дѣтскій катокъ не похоже, —
Можетъ — звѣрь не упавши пройдетъ...
Гололедъ! — и двуногій встаетъ
На четыре конечности тоже.

Гололедъ на Землѣ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ гололедъ.
Гололедъ, гололедъ, гололедъ —
Цѣлый годъ напролетъ, цѣлый годъ.

1966 г.

All Is Iced.

Our Globe is all covered with ice—
All year long she is covered with ice—
As if there is no spring and no summer.
So slippery is the Globe's garment,
People often fall and hit on the ice.

All is iced on the Globe, all is iced—
All year long all is covered with ice.
All is iced, all is iced, all is iced—
All year long all is covered with ice.

One may fly all around the Globe,
Even without contact with the ground—
Anyway he is sure to drop
On a slippery level or slope—
To be crushed underfoot he is bound.

All is iced on the Globe, all is iced—
All year long all is covered with ice.
All is iced, all is iced, all is iced—
All year long all is covered with ice.

There is nothing but ice like sheet glass,
But it's not like a kids' rink for skating.
Perhaps a beast will be able to pass...
All is iced! and a two-legged one must
Sink on all his four limbs—no escaping.

All is iced on the Globe, all is iced—
All year long all is covered with ice.
All is iced, all is iced, all is iced—
All year long all is covered with ice.

1966.

Парусъ.

А у дельфина
взрѣзано брюхо винтомъ.
Выстрѣла въ спину
не ожидаетъ никто.
На батареѣ
нѣту снарядовъ уже.
Надо быстрѣе
на виражѣ!

Парусъ! порвали парусъ!
Каюсь, каюсь, каюсь!

Даже въ дозорѣ
можешь не встрѣтить врага.
Это не горе,
если болитъ нога.
Петли дверныя
многимъ скрыпятъ, многимъ поютъ:
«Кто вы такіе?
васъ здѣсь не ждутъ!»

Но парусъ! порвали парусъ!
Каюсь, каюсь, каюсь!

Многія лѣта
всѣмъ, кто поетъ во снѣ!
Всѣ части свѣта
могутъ лежать на днѣ,
Всѣ континенты
могутъ горѣть въ огнѣ,
Только все это
не по мнѣ!

Но парусъ! порвали парусъ!
Каюсь, каюсь, каюсь!

1966 г.

The Sail.

The screw has dissected
a seal with a whack.
The shot isn't expected
if comes from the back.
The battery gunners
have no shell reserve.
The powerful runners
are fast on a curve.

But the sail!
the sail
is rent!
I repent,
repent,
repent!

Who craves for a battle
may find no one foe.
It really doesn't matter
if aches your little toe.
To many of hopers,
the door-hinges sing,
"Ye've had no good purpose,
and aren't welcome in!"

But the sail!
the sail
is rent!
I repent,
repent,
repent!

My praises to those
who sing in their sleeps.
All parts of the globe
may lie under seas,

All high and low grounds
may burst into fire,
But I do announce,
"It'll never be mine!"

But the sail!
the sail
is rent!
I repent,
repent,
repent!

1966.

Моя Цыганская.

Въ сонъ мнѣ — желтые огни,
И хриплю во снѣ я:
«Повремени, повремени —
«Утро мудренѣе!»
Но и утромъ все не такъ,
Нѣтъ того веселья:
Или куришь натощакъ,
Или пьешь съ похмелья.

Въ кабакѣ — зеленый штофъ,
Бѣлыя салфетки —
Рай для нищихъ и шутовъ,
Мнѣ жъ — какъ птицѣ въ клѣткѣ.
Въ церкви — хладъ и полумракъ,
Дьяки курятъ ладанъ...
Нѣтъ, и въ церкви все не такъ,
Все не такъ, какъ надо!

Я — на гору впопыхахъ,
Можетъ, тамъ что́ вышло, —
На горѣ стоитъ ольха,
Подъ горою — вишня.
Былъ бы склонъ увитъ плющомъ —
Все бъ была отрада, —
Или что-нибудь еще...
Все не такъ, какъ надо!

Я — по полю вдоль рѣки:
Свѣта — тьма, нѣтъ Бога!
Въ чистомъ полѣ — васильки,
Дальная дорога.
Вдоль дороги — лѣсъ густой
Съ бабами-ягами,
А въ концѣ дороги той —
Плаха съ топорами.

Гдѣ-то кони пляшутъ въ тактъ,
Нехотя и плавно.

My Gypsy Song.

When I sleep, a yellow light
Blinds me and I'm groaning,
"Get away, dark painful night!
Come, clear sunny morning!"
But the morning is an ill,
Wrong and boring comer:
I just smoke or drink some swill
On an empty stomach.

Jerks and bums in cheap saloons
Feast for no reason—
It's a paradise for goons,
But for me—a prison.
In the church I hear sweet songs,
There even gold looks shabby...
Well, the church is also wrong,
It's not such as must be!

Wheezing, up the hill I lurch,
Being tired and harried—
On the top I see a birch,
And below—a cherry.
Wish the hill were ivy-twined,
Then I'd be in clover;
Wish another joy I'd find—
But it's wrong all over!

I keep running on and on
Through the field with daisies—
There's a light while God is gone,
And the road that mazes.
It goes forward through the wood
Full of witches lurking
To the end where's nothing good
But a hangman smirking.

Somewhere steeds in a slow mode
Dance without desire.

Вдоль дороги все не такъ,
А въ концѣ — подавно.
И ни церковь, ни кабакъ —
Ничего не свято!
Нѣтъ, ребята, все не такъ!
Все не такъ, ребята...
Все не такъ, ребята...

1967 г.

All is wrong along the road,
And the end is dire.
Nor the church nor the saloon—
None of things is holy!
All is wrong beneath the moon,
Wrong and quite appalling!
Wrong and quite appalling!

1967.

Больно за поэзію.

Отхрипѣли въ агоніи оды,
Пораженныя въ горло клинкомъ;
Сокрушенныя камнемъ рапсоды
Отзвенѣли разбитымъ стекломъ.

Путь окончивъ свой жизненный съ честью,
И поэмы низверглись въ бою.
Отгнусавила лѵрика пѣсню,
Лебединую пѣсню свою.

Какъ деревья безъ жизненныхъ соковъ
На корняхъ своихъ мертвыхъ стоятъ,
Такъ поэзія только на строкахъ
И стоитъ, а стихи не звучатъ.

Чтобы Муза хоть что-то мычала,
Ее гѵмны принудили пѣть.
Отласкала она, отзвучала,
И ужъ больше не будетъ звенѣть.

1960 г.

Разстрѣлъ горнаго эха.

Въ тиши перевала, гдѣ скалы вѣтрамъ не помѣха,
помѣха,
На кручахъ такихъ, на какія никто не проникъ,
никто не проникъ,
Жило-поживало веселое горное,
горное эхо,
Оно отзывалось на крикъ — человѣческий крикъ.

Когда одиночество комомъ подкатитъ подъ горло,
подъ горло,
И сдавленный стонъ еле слышно въ обрывъ упадетъ,
въ обрывъ упадетъ,
Крикъ этотъ о помощи эхо подхватитъ,
подхватитъ проворно
И безъ промедленья его до своихъ донесетъ.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и selья,
и selья,
Чтобъ не былъ услышанъ никѣмъ громкій топотъ и храпъ,
топотъ и храпъ,
Пришли умертвить, обеззвучить живое,
живое ущелье —
И эхо связали, и въ ротъ ему всунули кляпъ.

Всю ночь продолжалась кровавая slая потѣха,
потѣха,
И эхо топтали — но звука никто не слыхалъ,
никто не слыхалъ.
Къ утру разстрѣляли притихшее горное,
горное эхо —
И брызнули слезы, какъ камни, изъ раненыхъ скалъ...
И брызнули слезы, какъ камни, изъ раненыхъ скалъ...
И брызнули слезы, какъ камни, изъ раненыхъ скалъ...

1974 г.

The Execution of the Mountain Echo.

Close to the dry stars, where the daredevils seek for their Mecca,
their Mecca,
And where icy winds blow and jagged peaks puncture the sky,
puncture the sky,
There once lived a jubilant-spirited mountain,
mountain echo,
Which used to respond to a cry, desperate human cry.

When solitude swells in your throat and cuts off the air,
the air,
And your lips let out a moan that no one can hear,
no one can hear,
This shout for help the kind echo will pick up,
will pick up with care,
Preserve, amplify and deliver it right to your peers.

Were they beasts or men, who that evening cropped out around,
around,
And strove to damp down their footfall and odious snort,
odious snort?
Intending to silence for good the live canyons,
live canyons, they bound
The echo and stopped up its mouth before it was shot.

All night long, went on their festivity, brutal and violent,
and violent,
They trampled on the echo till saw it was fatally broken,
fatally broken.
When rose the sun, they shot down it, exhausted,
exhausted and silent,
And from the hurt mountains, tears spurted out like rocks...
And from the hurt mountains, tears spurted out like rocks...
And from the hurt mountains, tears spurted out like rocks...

1974.

Въ портъ не заходятъ пароходы...

Въ портъ не заходятъ пароходы,
Во льду вся гавань, какъ въ стеклѣ.
По всей планетѣ нѣтъ погоды:
Похолодало на землѣ.

Выпалъ снѣгъ на экваторѣ —
Голымъ неграмъ бѣда!
Въ жилахъ, какъ въ радіаторѣ,
Стынетъ кровь, не вода.

Въ Стамбулѣ яростно ругался
Ровесникъ Ноя, самъ не свой.
Не вспомнилъ онъ, какъ ни старался,
Такого холода весной.

А на югѣ Италіи
Вьюжно, какъ никогда,
И закованы таліи
Въ кандалы изо льда.

Кричатъ на паперти кликуши:
Молъ, подѣломъ и холодъ вамъ!
Обледенѣли ваши души, —
Всѣ перемерзнете къ чертямъ!

И въ душѣ моей муторно,
Какъ отъ барскихъ щедротъ:
Что-то тамъ перепутано,
Что-то наоборотъ...

1969 г.

У кого на душѣ только тихая грусть...

У кого на душѣ
только тихая грусть,
Изъ папье-маше
это легкій грузъ.

Знаете,
можетъ быть, правы тѣ,
Кто усмѣхается,
кто недовѣрчиво такъ усмѣхается:
Свадьбами
дѣлъ не поправите,—
Что-то испортилось,
что-то ушло, и шитье расползается.

1970 г.

If there's but a sadness in your soul...

If there's but
a sadness in your soul,
It's just a light,
untroublesome cardboard load.

It's now been made clear,
that they're completely right,
Those personages who grin,
who so skeptically and darkly grin:
Espousals and feasts
won't straighten out the line—
Some thing has disappeared,
and our sewing tears at the seams.

1970.

Мнѣ, можетъ, крикнуть хочется, какъ встарь...

Мнѣ, можетъ, крикнуть хочется, какъ встарь:
«Привѣтъ тебѣ, надежа-государь!»
Да только руку некому лобзать.
Теперь такой ужъ не услышишь крикъ —
Ушли въ исторію государи,
На коихъ можно было уповать.

1975 г.

Perhaps I want to cry forgotten words...

Perhaps I want to cry forgotten words,
"Hail unto thee, our kind and glorious King!"
But there are no kings throughout the earth,
The royal houses have become extinct.

1975.

Мнѣ въ душу ступитъ кто-то посторонній...

Мнѣ въ душу ступитъ кто-то посторонній,
А можетъ, даже плюнетъ, — что́ ему?!
На то и существуетъ посторонній
На противоположномъ берегу.

Онъ, посторонній, — онъ по-ту-сторонній —
По ту, другую сторону отъ насъ...
Ахъ, если бы онъ былъ потусторонній,
Тогда бъ я былъ спокойнѣе въ сто разъ.

1970 г.

An outsider will step in my soul...

An outsider will step in my soul,
And he also may spit in it.
Such foul tricks are the only goal,
For which that outsider exists.

He's a one of the verso world,
A character who's out of ours.
But if he were a one of the world that's beyond,
It'd be much more calmer for others.

1970.

Мосты сгорѣли, углубились броды...

Мосты сгорѣли, углубились броды,
И тѣсно — видимъ только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь одинъ — туда, куда толпа.

И парами коней, привыкшихъ къ цугу,
Наглядно доказавъ, какъ тѣсенъ міръ,
Толпа идетъ по замкнутому кругу —
И кругъ великъ, и сбитъ оріентиръ.

Течетъ подъ дождь попавшая палитра,
Врываются галопы въ полонезъ,
Нѣтъ запаховъ, цвѣтовъ, тоновъ и рѵтмовъ,
И кислородъ изъ воздуха исчезъ.

Ничье безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прерветъ.
Не есть ли это — вѣчное движенье,
Тотъ самый безконечный путь впередъ?

1972 г.

The fords are deep, the bridges have burnt down...

The fords are deep, the bridges have burnt down,
The ins and outs are reliably close.
There only skulls are visible around,
The only way is where the crowd goes.

Just like a horse revolving the millstone,
Distinctly proving that the world is small—
Not in a spiral—in a circle moves the crowd,
Without any bearing at all.

Caught in the rain, a palette spreads about,
And gallops muffle up a polonaise;
Smells, flowers, tones and rhythms have faded out,
And oxygen has vanished in the haze.

There nobody gets an inspiration
To make a turn to any other way.
But is this everlasting circulation
The thing that's called perpetual headway?

1972.

Грусть моя, тоска моя.

(Варіаціи на Цыганскія темы.)

Шелъ я, брелъ я, наступалъ то съ пятки, то съ носка,—
Чувствую—дышу и хорошѣю.
Вдругъ тоска смѣиная, зеленая тоска,
Изловчась, мнѣ прыгнула на шею.

Я ее и знать не зналъ, мѣняя города,—
А она мнѣ шепчетъ: «Какъ ждала я!..»
Какъ теперь? Куда теперь? Зачѣмъ, да и когда
Я связался съ нею, не желая?

Одному идти—куда ни шло, еще могу,—
Самъ себѣ судья, хозяинъ-баринъ—
Становлюсь я вмѣсто коренного подъ дугу,—
Съ виду простъ, а изнутри—коваренъ.

Я не клевещу,—подобно вредному клещу,
Впившись самъ въ себя, трясу за плечи,—
Самъ себя бичую я и самъ себя тащу,—
Такъ что—никакихъ противорѣчій.

Спасъ бы кто—я бъ ввелъ его въ души моей алтарь,
Дань платилъ любую бы до гроба.
Грусть моя, тоска моя, чахоточная тварь,
До чего жъ живучая хвороба!

Поутру не пикнетъ, какъ паршивку ни бичуй,
Ночью—бацъ!—со мной на боковую.
Съ кѣмъ-нибудь другимъ хотя бы ночь переночуй,—
Обѣщаю, что не приревную!

1980 г.

Цыганская пѣсня.

Камнемъ грусть виситъ на мнѣ, въ омутъ меня тянетъ.
Отчего любое слово больно нынче ранитъ?
Просто гдѣ-то рядомъ встали таборомъ Цыгане
И тревожатъ душу вечерами.

И, какъ струны, поютъ тополя.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
И звенитъ, какъ гитара, земля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Утоплю тоску въ рѣкѣ, украду хоть ночь я —
Тамъ въ степи костры горятъ и пламя меня манитъ.
Душу и рубаху — эхъ! — растерзаю въ клочья,
Только пособите мнѣ, Цыгане!

Прогуляю я все до рубля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Пусть поетъ мнѣ Цыганка, шаля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Все уснувшее во мнѣ струны вновь разбудятъ,
Все поросшее быльемъ — расцвѣтетъ цвѣтами!
Люди добрые поймутъ, а злые — пусть осудятъ, —
Я, Цыгане, жить останусь съ вами!

Ты меня не дождешься, петля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Лейся, пѣсня, какъ дождь на поля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

1968 г.

A Gypsy Song.

Like a stone, hangs on my neck that melancholy damned.
Why does any word today so badly hurt and grieve me?
It because of somewhere here the Gypsies made their camp,
And they trouble my heart and soul each evening.

And the poplars sing just like the strings.
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!
And just like the guitar, the earth rings.
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!

I'll sink down my melancholy, steal at least a night—
There are campfires in the field that give me lucid signals.
I'll rend what impedes me and throw fragments into fire,
Only be ye, Gypsies, my assistants!

And let I drink away all my things!
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!
How I love when a blithe Gypsy sings!
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!

All what sleeps in me will be again roused with the strings,
Where all's covered with the weeds, there will be flowers wreathing!
It doesn't matter that I'll be condemned by pious things,
I've decided not to leave you, Gypsies!

Thou noose shaltn't reach me in the sticks!
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!
Ring, my song, 'midst the forests and fields!
Tinka-tinka, tinka, tinka-tinks!

1968.

И былое исчезло отчаянье...

And went out all the sadness that formerly was there...

ПОСЛАННИКЪ.

THE MESSENGER.

Посланникъ.

Изъ-за горъ, я не знаю гдѣ горы тѣ,
Онъ пріѣхалъ на бѣломъ верблюдѣ.
Онъ ходилъ въ задыхавшемся городѣ,
И его тамъ замѣтили люди.

И людскую толпу безталанную
Съ ея жизнью безпечной и зыбкой
Поразилъ онъ спокойною, странною,
Никому не понятной улыбкой.

Будто бы ему знанье завѣтное
Было дадено Господомъ Богомъ;
Будто онъ, все отринувъ суетное,
Видѣть могъ, что́ другіе не могутъ.

И взбѣсило толпу ресторанную
Съ ея жизнью и прочной, и зыбкой
То, что онъ улыбался имъ странною
И такой не понятной улыбкой.

И герои всѣ были развѣнчаны,
Оказались грѣшны ихъ дѣянья,
Красотой своей гордыя женщины
Позабыли свои притязанья.

И взмолилась толпа безталанная,
Чтобъ помогъ онъ ихъ страждущимъ душамъ,
Чтобъ сказалъ имъ, что́ самое главное,
И открылъ имъ, что́ каждому нужно.

И былое исчезло отчаянье,
На мѣста свои все встало снова:
Онъ открылъ имъ дорогу къ мечтаньямъ ихъ,
Возвративъ три потерянныхъ слова.

1961 г.

The Messenger.

From behind distant hills, I know not where are those hills,
On a one-humped white camel he came to the world.
He was walking across the metropolis smoke-filled,
And the people were observing the man of the world.

And the gray crowd of ordinary, commonplace fellows,
Whose simple life was carefree, rippled and burdened with no purse,
Were surprised that his face shone with tranquil contentment,
And that his cryptic smile could be guessed by no person.

As if he knew a thing keeping in a great secret,
Which was known to no one save the Glorious Lord;
As if he with the vision of the bright light was treated,
Of the light each and every of mortals longs for.

And the spruce crowd of weighty, self-satisfied fellows,
Whose high life was substantial, rippled and burdened with big purse,
Were enraged that his face shone with tranquil contentment,
And that his cryptic smile could be guessed by no person.

And it happened that the prominent heroes were humbled,
It turned out that the deeds they performed were unright,
And it happened that the beautiful women discovered,
That not all the demands they put forward were right.

And the gray crowd of ordinary, commonplace fellows,
Who're often reckoned to be rather rough by big persons,
Asked this man of the world to be not harsh but gentle,
And tell them which things are most important for folks.

And went out all the sadness that formerly was there,
All and sundry began going their ways again:
He told them three fine words which they had long forgotten,
And to what they dreamed of, there was opened the straight way.

1961.

Мореплаватель-одиночка.

Вотъ послалъ Господь родителямъ сыночка —
Видно, очень Онъ тогда осерчалъ.
«Мореплаватель родился, одиночка!»
Старый боцманъ на крестинахъ ворчалъ.
Не по году онъ мужалъ — по денечку,
И уже изъ колыбели дерзалъ:
Къ мореплаванью готовясь въ одиночку,
Изъ пеленокъ паруса вырѣзалъ.

Волновались мать съ отцомъ о сыночкѣ,
Словно взрослому, внушали ему,
Что желанье это, стать одиночкой,
Приведетъ его однажды въ тюрьму.
«Не остаться вѣчно свѣтлымъ денечку,»
Имъ младенецъ излагалъ дѣлово,
«Входишь въ камеру, простите, одиночку,
«А она тебѣ — совсѣмъ ничего!»

...Прямо по носу — глядите! — то ли бочка,
То ли яхта, то ли плотъ, то ли — нѣтъ:
Мореплаватель, простите, одиночка
Посылаетъ намъ мудреный привѣтъ!
Ой, ребята, не къ добру проволочка!
Сплюньте трижды всѣ, кто на кораблѣ:
Мореплаватель на морѣ одиночка —
Вродѣ чернаго кота на землѣ!

Изъ ѣды онъ не возьметъ ни кусочка —
Слава Богу, если заговоритъ!
Мореплаватель, глядите, одиночка
Важно держится, хотя и не бритъ.
Парусиновые брюки, двѣ сорочки —
Весь безхитростный его гардеробъ.
Мореплаватели эти, одиночки
Много двигаться должны — или гробъ!

«Вы откуда — отвѣчайте намъ, и точка, —
«Не могли же вы свалиться съ небесъ!

«Мы читали, что какой-то одиночка
«Въ треугольникѣ Бермудскомъ исчезъ...»
«Это утка, это бредъ — все до строчки! —
«И простите, если рѣзокъ и грубъ, —
«Мореплаватели знаютъ одиночки:
«Онъ совсѣмъ не треугольникъ, а кубъ!

«Были бѣдствія — посуда на кусочки!
«Била Бетси-ураганъ все подрядъ, —
«Мореплаватели нынче, одиночки,
«Изъ летающихъ тарелокъ ѣдятъ!..»
Вотъ добавилъ онъ въ планктонъ кипяточку...
Какъ орудуетъ: хоть малъ, да удалъ!
Глядь — и ѣстъ деликатесъ въ одиночку, —
А изъ насъ такихъ никто не ѣдалъ.

И повѣдалъ онъ, что пьетъ по глоточку,
Чтобъ и каплѣ не пропасть въ бородѣ, —
Мореплаватель, простите, въ одиночку
Философію развелъ на водѣ.
«Не искуственную ли оболочку
«Вы вокругъ себя, нашъ другъ, возвели? —
«Мореплаванье, простите, въ одиночку
«Жизни въ обществѣ людей предпочли.»

Онъ отвѣтилъ: «Вы попали прямо въ точку!
«Жаль, на сушѣ не пожать вамъ руки:
«Въ морѣ плавая подолгу въ одиночку,
«Я по людямъ заскучалъ, моряки!»
Ахъ, побольше бъ намъ немного юморочку! —
Поскучнѣли, отрѣшась отъ земли, —
Мореплавателя, брата-одиночку,
Мы тогда бы какъ смогли развлекли!

Мы, услыша что-нибудь, сразу — въ строчку,
Мы, завидя что-нибудь, — въ негативъ!
Мореплавателя сняли, одиночку,
Въ фотографію его превративъ.
Такъ поменьше имъ преградъ и отсрочекъ,
И задоринъ на пути, и сучковъ!

Жаль, что рѣдко мы встрѣчаемъ одиночекъ —
Не похожихъ на другихъ чудаковъ!
Жаль, что рѣдко мы встрѣчаемъ одиночекъ —
Славныхъ малыхъ и такихъ чудаковъ!
Славныхъ малыхъ и такихъ чудаковъ!
Славныхъ малыхъ и такихъ чудаковъ!

1976 г.

Я изъ дѣла ушелъ.

Я изъ дѣла ушелъ, изъ такого хорошаго дѣла!
Ничего не унесъ — отвалился въ чемъ мать родила, —
Не затѣмъ, что приспичило мнѣ, — просто время приспѣло,
Изъ-за синей горы понагнало другія дѣла.

Мы многое изъ книжекъ узнаемъ,
А истины передаютъ изустно:
«Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ своемъ,
«Да и въ другихъ отечествахъ — не густо...»

Я не предалъ друзей, безъ меня даже выигралъ кто-то,
Лишь подвелъ одного — ненадолго, — сочтемся потомъ.
Я изъ дѣла исчезъ, не оставилъ ни крови, ни пота, —
А оно безъ меня покатилось своимъ чередомъ.

Незамѣнимыхъ нѣтъ — и пропоемъ
Заупокой ушедшимъ, какъ ни грустно:
«Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ своемъ,
«Да и въ другихъ отечествахъ — не густо...»

Растащили меня, но я счастливъ, что львиную долю
Получили лишь тѣ, кому я бъ ее отдалъ и такъ.
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю,
Поднимаюсь по лѣстницѣ и прохожу на чердакъ.

Пророковъ нѣтъ — не сыщешь днемъ съ огнемъ, —
Ушли Адамъ, Мухаммадъ, Заратустра...
Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ своемъ,
Да и въ другихъ отечествахъ — не густо...

А внизу говорятъ — отъ добра ли, отъ зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушелъ, — безъ него стало дѣло вѣрнѣй!»
Паутину въ углу съ образовъ я ногтями сдираю,
Тороплюсь — потому что за домомъ сѣдлаютъ коней.

Открылся ликъ — я всталъ къ нему лицомъ,
И онъ повѣдалъ мнѣ свѣтло и грустно:

I Abandoned My Deal.

I abandoned my deal, though the business was quite advantageous;
Having taken no one thing, I left it of my own free will—
Not because I'm a freak, but because from the blue mountain ranges,
I received with the wind a new call for a new urgent deal.

From books, a mass of things we understand,
But what's topmost is orally declared,
"There are no prophets in one's own land,
But prophets overseas are just as rare."

They at once grabbed my things, but I'm glad that the full lion's share
Was received by the ones, who'd have gotten it from me anyway.
Now I'm walking along, up the creaking, precipitous stairs,
To the derelict cockloft, where they very rarely stray.

There are no prophets for to come to hand;
In days of yore, they vanished in the air.
There are no prophets in one's own land,
But prophets overseas are just as rare.

Downstairs they say—with benevolence or malice, I know not,
"It's so good he's away, we're quite fed up with his frantic deeds!"
While I scrape a cobweb from the icons I've gotten in the cockloft,
I must hurry because in the backyard my comrades saddle steeds.

In front of Jesus' shining face I stand,
He says to me about his despair,
"There are no prophets in thy own land,
But prophets overseas are just as rare."

I jump onto my steed, our bodies are perfectly merging,
But I feel we'll collapse—such a gallop may certainly kill.
I abandoned my deal—this new call from the ranges is urging
Me away from the past, now I'm facing a new urgent deal.

I gallop, grinding stalks of rye with sand,
And through the crunch it sounds, I can swear,

«Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ твоемъ,
«Но и въ другихъ отечествахъ — не густо...»

Я влетаю въ сѣдло, я вростаю въ коня — тѣло въ тѣло, —
Конь падетъ подо мной — я уже закусилъ удила!
Я изъ дѣла ушелъ, изъ такого хорошаго дѣла:
Изъ-за синей горы понагнало другія дѣла.

Скачу, хрустятъ колосья подъ конемъ,
Но ясно различаю изъ-за хруста:
«Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ своемъ,
«Но и въ другихъ отечествахъ — не густо.»

1973 г.

"There are no prophets in one's own land,
But prophets overseas are just as rare."

1973.

Тюменская нефть.

Одинъ чудакъ изъ партіи геологовъ
Сказалъ мнѣ, выливъ грязь изъ сапога:
«Послалъ же Богъ на головы намъ олуховъ!
«Откуда нефть, когда кругомъ тайга?

«И деньги — въ прорву, — лучше бы на тыщи тѣ
«Построить ресторанъ на берегу.
«Вы ничего въ Тюмени не отыщете.
«Въ болото вы вгоняете деньгу!»

И шлю депеши въ центръ изъ Тюмени я:
Дѣла идутъ, все болѣ-менѣе.
Мнѣ отвѣчаютъ, что у нихъ сложилось мнѣніе,
Что меньше «болѣе» у насъ, а больше «менѣе».

А мой рюкзакъ
Пустой на треть.
«А съ нефтью какъ?»
«Да будетъ нефть!»

Давно прошли открытій эпидеміи,
И съ лихорадкой поисковъ — борьба.
И дали заключенье въ Академіи:
Въ Тюмени съ нефтью — полная труба!

Нѣтъ Бога нефти здѣсь — перекочую я,
Разъ Бога нѣтъ — не будетъ короля.
Но только вотъ нутромъ и носомъ чую я,
Что подо мной не мертвая земля.

И шлю депеши въ центръ изъ Тюмени я:
Дѣла идутъ, все болѣ-менѣе.
Мнѣ не повѣрили, и оставалось мнѣніе,
Что меньше «болѣе» у насъ, а больше «менѣе».

Пустой рюкзакъ,
Исчезла снѣдь.

«А съ нефтью какъ?»
«Да будетъ нефть!»

И нефть пошла! Мы, по болотамъ рыская,
Не на полъ-литра выиграли споръ.
Тюмень, Сибирь, земля хантымансійская
Сквозила нефтью изъ открытыхъ поръ.

Морякъ, съ которымъ столько переругано,—
Не помню ужъ, съ какого корабля,—
Все перепуталъ и кричалъ испуганно:
«Земля! глядите, братики, земля!»

И шлю депеши въ центръ изъ Тюмени я:
Дѣла идутъ, все болѣ-менѣе,
Что прочь сомнѣнія, что есть мѣсторожденіе,
Что больше «болѣе» у насъ и меньше «менѣе».

Но поданъ знакъ:
«Бурите здѣсь!»
«А съ нефтью какъ?»
«Да будетъ нефть!»

И билъ фонтанъ и разсыпался искрами,
При свѣтѣ ихъ я Бога увидалъ:
По поясъ голый, онъ съ двумя канистрами
Холодный душъ изъ нефти принималъ.

И ожила земля, и помню ночью я
На той землѣ танцующихъ людей.
Я счастливъ, что превысивъ полномочія,
Мы взяли рискъ—и вскрыли вены ей.

И шлю депеши въ центръ изъ Тюмени я:
Дѣла идутъ, все болѣ-менѣе,
Что прочь сомнѣнія, что есть мѣсторожденіе,
Что больше «болѣе» у насъ, а меньше «менѣе».

Такъ я узналъ—
Богъ нефти есть,

И онъ сказалъ:
«Да будетъ нефть!»

Депешами не простучался въ двери я,
А вотъ канистры въ цѣль попали, въ цвѣтъ:
Одну привезъ подъ двери недовѣрія,
Другую внесъ въ высокій кабинетъ.

Я доложилъ про смѣну положенія:
Отрекся самъ владыка тьмы и тли.
Вчера я лично принялъ отреченіе
И вышелъ въ нефтяные короли!

1972 г.

О ПРОРОКАХЪ.

I. Пѣсня о провидицѣ Кассандрѣ.

Долго Троя въ положеніи осадномъ
Оставалась неприступною твердыней,
Но Троянцы не повѣрили Кассандрѣ —
Троя, можетъ быть, стояла бъ и понынѣ.

Не зная отдыха, пророчила дѣвица,
Такъ ясно видѣвшая Трою павшей въ прахъ,
Забывъ о томъ, что и провидицъ, и провидцевъ
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.

И въ ночь, когда изъ чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, какъ и положено, крылата,
Надъ избиваемой безумною толпою
Носились крики: «Это вѣдьма виновата!»

Не зная отдыха, пророчила дѣвица,
Такъ ясно видѣвшая Трою павшей въ прахъ,
Забывъ о томъ, что и провидицъ, и провидцевъ
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.

И въ эту ночь, и въ эту кровь, и въ эту смуту,
Когда сбылись всѣ предсказанія на славу,
Толпа ждала лишь подходящую минуту,
Чтобъ учинить свою привычную расправу.

Не зная отдыха, пророчила дѣвица,
Такъ ясно видѣвшая Трою павшей въ прахъ,
Забывъ о томъ, что и провидицъ, и провидцевъ
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.

Конецъ простой — хоть не обычный, но досадный:
Какой-то Грекъ нашелъ Кассандрину обитель,

ABOUT THE PROPHETS.

I. A Song about the Seeress Cassandra.

Besieged by Greeks, so many months Troy couldn't be taken,
And it was said to be an unassailable town.
But had the Trojans listened to Cassandra's statement,
Then, maybe, Troy wouldn't have collapsed and fallen down.

> Without stopping cried Cassandra, mad and raucous,
> "I clearly see that soon in ruins will Troy quake!"
> Despite the fact that people loathe those who forecast,
> And at all times they've met their ending at the stake.
> And at all times they've met their ending at the stake.

That night when hidden in the steed's womb death flew out,
And Troy was captured by this ruthless, cruel master,
Somebody cried among the terror-stricken crowd,
"None but the sorceress has invited this disaster!"

> Without stopping cried Cassandra, mad and raucous,
> "I clearly see that soon in ruins will Troy quake!"
> Despite the fact that people loathe those who forecast,
> And at all times they've met their ending at the stake.
> And at all times they've met their ending at the stake.

That night of massacre, when all was in disorder,
When all the prophecies came true and blood was chilling,
The mob was ready to commit its usual murder,
As mobs think not too long before they get to killing.

> Without stopping cried Cassandra, mad and raucous,
> "I clearly see that soon in ruins will Troy quake!"
> Despite the fact that people loathe those who forecast,
> And at all times they've met their ending at the stake.
> And at all times they've met their ending at the stake.

Cassandra's portion wasn't appalling, you may sneer—
One of the Greeks happed to discover her abode,

И сталъ использовать провидицу Кассандру
Такъ, какъ используетъ рабыню повелитель.

Не зная отдыха, пророчила дѣвица,
Такъ ясно видѣвшая Трою павшей въ прахъ,
Забывъ о томъ, что и провидицъ, и провидцевъ
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.
Во всѣ вѣка сжигали люди на кострахъ.

II. Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Щита прибивать на ворота,
Какъ вдругъ возникаетъ предъ нимъ человѣкъ:
Дозволь, молъ, повѣдать чего-то.

И молвитъ ему ни съ того ни съ сего,
Что приметъ онъ смерть отъ коня своего.

Ну, только собрался итти онъ на вы —
Отмщать неразумнымъ Хазарамъ,
Какъ вдругъ появились сѣдые волхвы:
Прислушайся, молъ, княже къ старымъ.

И тоже гласятъ ни съ того ни съ сего,
Что приметъ онъ смерть отъ коня своего.

«Да кто вы такіе, откуда взялись?!» —
Дружина волхвовъ обступила.
«Сидѣли по норамъ бы, коль напились, —
«Торопитесь, что ли, въ могилу?

«Пошто говорить ни съ того ни съ сего,
«Что приметъ онъ смерть отъ коня своего?»

Ну, въ общемъ, они не сносили головъ —
Шутить не могите съ князьями!
Дружинники въ землю втоптали волхвовъ
Своими гнѣдыми конями:

And started using her at once not as a seer,
But as a woman in a very common mode.

> Without stopping cried Cassandra, mad and raucous,
> “I clearly see that soon in ruins will Troy quake!”
> Despite the fact that people loathe those who forecast,
> And at all times they’ve met their ending at the stake.
> And at all times they’ve met their ending at the stake.

1967.

Рекли, молъ, они ни съ того ни съ сего,
Что приметъ онъ смерть отъ коня своего!

А вѣщій Олегъ свою линію гнулъ,
Ничьимъ не внимая совѣтамъ.
Онъ только однажды волхвовъ помянулъ,
Презрительно хмыкнувъ при этомъ:

«Вѣщали они ни съ того ни съ сего,
«Что смерть я приму отъ коня своего!

«А вотъ онъ, мой конь,—на вѣка опочилъ,
«Одинъ только черепъ остался!..»
Олегъ преспокойно стопу возложилъ—
И тутъ же на мѣстѣ скончался:

Змію потревожило дѣйство его—
И принялъ онъ смерть отъ коня своего.

Такъ каждый волхвовъ покарать норовитъ,
А нѣтъ бы—послушать ихъ, правда?
Олегъ бы послушалъ—еще бъ одинъ щитъ
Прибить смогъ къ вратамъ Цареграда.

Ему жъ возвѣстили съ того и съ сего,
Что приметъ онъ смерть отъ коня своего!

1967 г.

Онъ обиды зачерпнулъ полныя пригоршни...

In offense he walked knee-deep, sometimes was submerged he...

ЖИЛЪ-БЫЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

THERE WAS ONCE A MAN.

Разбойничья.

Какъ во смутной волости
Лютой, злой губерніи
Выпадали молодцу
Все шипы да терніи.

Онъ обиды зачерпнулъ, зачерпнулъ
Полныя пригоршни,
Ну, а горя, что хлебнулъ,—
Не бываетъ горше.

Пей отраву, хоть залейся!
Благо, денегъ не берутъ.
Сколь веревочка ни вейся,
Все равно совьешься въ кнутъ!
Все равно совьешься въ кнутъ!

Гонитъ неудачниковъ
По міру съ котомкою.
Жизнь течетъ межъ пальчиковъ
Паутинкой тонкою.

А которыхъ повело, повлекло
По лихой дорогѣ—
Тѣхъ вѣтрами сволокло
Прямикомъ въ остроги.

Тамъ на милость не надѣйся,
А смоги перетерпѣть!
Сколь веревочка ни вейся,
Все равно совьешься въ плеть!
Все равно совьешься въ плеть!

Ахъ, лихая сторона,
Сколь въ тебѣ ни рыскаю,
Лобнымъ мѣстомъ ты красна
Да веревкой склизкою...

A Robber Song.

In the darkest corner of
Evil dark lands, out in the sticks,
Once a plucky fellow roved,
And he got but thorns and kicks.

In offense he walked knee-deep, yeah, knee-deep,
Sometimes was submerged he,
And his endless, cruel grief
Can be called unearthly.

Drink until it makes thee bloated
Even if thou'rt out of cash!
It doesn't matter how the rope twists,
It will twist into a lash!
It will twist into a lash!

Through the wide world grim fate drives
Hapless ones to beg for bread.
And between their fingers life
Slips just like the spider's thread.

As for those who chose to walk, chose to walk
For evil luck on highways—
They were driven by the winds cold
Straight into the dark jails.

There's no mercy here, it's hopeless—
Clench thy teeth and get a grip!
It doesn't matter how the rope twists,
It will twist into a whip!
It will twist into a whip!

What a wild, what a troubled land,
I was scouring here for long—
But thy scaffolds make thee grand,
And thy slippery strong rope...

А повешеннымъ самъ дьяволъ-сатана
Голы пятки лижетъ.
Эхъ, досада, мать честна! —
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смѣйся —
Слезъ-то нынче не простятъ.
Сколь веревочка ни вейся,
Все равно укоротятъ!
Все равно укоротятъ!

Ночью думы муторнѣй.
Плотники не мѣшкаютъ.
Не успѣть къ заутренѣ —
Больно рано вешаютъ.

Ты объ этомъ не жалѣй, не жалѣй, —
Что́ тебѣ отсрочка!
А на веревочкѣ твоей
Нѣтъ ни узелочка.

Лучше лягъ да обогрѣйся —
Я, молъ, казни не просплю...
Сколь веревочка ни вейся,
А совьешься ты въ петлю!
А совьешься ты въ петлю!

1975 г.

Satan takes in his own hands those who're hanged,
Their bare heels he's licking.
There's no even an earthly chance,
And folks call this living!

Laugh, don't weep and quit thy groaning—
There's no pardon to those who cry.
It doesn't matter how the rope twists,
Once it will be cut to size!
Once it will be cut to size!

Thoughts are bitter when comes night,
But the carpenters don't hang round.
There folks don't have their last rites—
At too early hours they're downed.

There's no sense for thee in thinking of this—
What's good in the slow motion?
And the rope that waits for thee
Surely has no knots on.

Better lie down where it's warmest—
It's the proper time to snooze...
It doesn't matter how the rope twists,
It will twist into a noose!
It will twist into a noose!

1975.

Райскія яблоки.

Я умру, говорятъ,
мы когда-то всегда умираемъ.
Съѣзжу на дармовыхъ,
если въ спину сподобятъ ножомъ,—
Убіенныхъ щадятъ,
отпѣваютъ и балуютъ Раемъ...
Не скажу про живыхъ,
а покойниковъ мы бережемъ.

Въ грязь ударю лицомъ,
завалюсь покрасивѣе набокъ—
И ударитъ душа
на ворованныхъ клячахъ въ галопъ.
Вотъ и дѣло съ концомъ:
въ Райскихъ кущахъ покушаю яблокъ,
Подойду, не спѣша,—
вдругъ апостолъ меня повернетъ?

...Чуръ меня самого!
Наважденье, знакомое что-то:
Неродящій пустырь
и сплошное ничто—безпредѣлъ.
И среди ничего
возвышались литыя ворота,
И этапъ-богатырь—
тысячъ пять—на колѣнкахъ сидѣлъ.

Какъ ржанетъ коренникъ—
я смирилъ его ласковымъ словомъ,
Да репей изъ мочалъ
еле выдралъ и гриву заплелъ.
Сѣдовласый старикъ
слишкомъ долго возился съ засовомъ—
И кряхтѣлъ, и ворчалъ,
и не смогъ отворить—и ушелъ.

Paradise Apples.

Once I'll certainly die, each of us reaches this destination,
And I'd rather be stabbed, than die peacefully in my own bed.
People pity the killed, pay them tribute and promise salvation...
Not those who're still alive — those who're dead are our caring object.

I'll fall down in the mud in good cinema style when it happens,
And the horses I stole will start rushing with my soul on.
There's the end to it all, soon I'll test seedless Paradise apples,
As they might turn me back, I'll come to being quiet and slow.

...Whoa, horses! What's this? What I see here no one will call Eden:
Just a vast barren land, it's a kingdom of "Nothing & Nix".
O'er this land dominates a huge cast-iron gate painted leaden,
And in front of this gate lots of dumb fellows stand on their knees.

How my wild thill-horse shied! But I patted him, and cleaned his fetlocks,
And I plaited his mane, and solved that it was no use to neigh.
A gray-haired old man strove exceedingly long 'gainst the gate lock —
He kept grumbling o'er it, and gave up this, and hobbled away.

And those folks at the gate neither groaned nor uttered a sound,
Only squatted at once, as their knees went numb through kneeling there.
Dogs left prints on the sand — oh, my God, it's a prison compound!
It can't be Paradise, though the Crucified soars in the air.

I stand under a charm — other prisons should envy this great one!
The bread smell spreading off holds more strongly than shackles and chains.
For the meantime, I'm safe, but too much godsent ozone I've taken,
So that I'm nearly choked, and can't curse as it gives me chest pains.

Having rolled up the sleeves, went to us the two ones in green vestments.
With the cry "strike the rail!" several vagrants dissolved in the mist.
Brothers, it's a nice place — with so nice mellow chiming they've met us!
But kept jingling the keys — it's to our souls they fitted keys.

I ask not for too much, it's of no use to me goods and chattels,
All I need is some friends and a wife who will weep o'er my grave,

Тотъ огромный этапъ
не издалъ ни единаго стона,
Лишь на корточки вдругъ
съ онѣмѣвшихъ колѣнъ пересѣлъ.
Вонъ слѣды песьихъ лапъ —
да не Рай это вовсе, а зона!
Все вернулось на кругъ,
и Распятый надъ кругомъ висѣлъ.

Мы съ конями глядимъ —
вотъ ужъ истинно зона всѣмъ зонамъ!
Хлѣбный духъ изъ воротъ —
такъ надежнѣй, чѣмъ руки вязать.
Я пока невредимъ,
но и я нахлебался озономъ,
Лѣпоты полонъ ротъ,
и ругательство трудно сказать.

Засучивъ рукава,
къ намъ направились двое въ зеленомъ.
Съ крикомъ «въ рельсу стучи!»
растворились въ туманѣ бичи.
Здѣсь малина, братва,
рельса плачетъ малиновымъ звономъ!
Но звенѣли ключи —
это къ намъ подбирали ключи.

Всѣмъ намъ блага подай,
да и много ли требовалъ я благъ?
Чтобъ пришли кореша,
да жена чтобы пала на гробъ.
Ну а я ужъ тогда
наберу имъ безсѣмячныхъ яблокъ, —
Пусть сады сторожатъ
и стрѣляютъ безъ промаха въ лобъ.

Херувимы кружатъ,
ангелъ окаетъ съ вышки — занятно!
Да не взыщетъ Христосъ —
рву плоды ледяные съ деревъ.

And for them I'll, of course, gather those seedless Paradise apples,
Though the gardens are watched, and they'll certainly shoot me away.

Cherubs fly high above, in the tower keeps watch a thick angel.
Hoping for Jesus' grace, into my shirt the apples I slip.
How I glad of the shot! My fast horses got me off this blest place,
Take the apples I've brought from my troubling and breathtaking trip.

I'll be dead once again — we die for the next time if it's needful.
Due to my lucky star, I've been shot and died not in my bed.
So that's how the things are — those who're shot here are sent off for Eden,
And the ones who're shot there are sent back to forestall any fret.

I'll fall down in the mud in good cinema style when it happens;
Having taken some oats, I'll trot up the old familiar track.
On the precipice's brink, a shirt full of the Paradise apples
I'll bear thee, my beloved, hoping for thy dear one's coming back.
On the precipice's brink, a shirt full of the Paradise apples
I'll bear thee, my beloved, hoping for thy dear one's coming back.

1978.

Какъ я выстрѣлу радъ —
ускакалъ я на Землю обратно,
Вотъ и яблокъ привезъ,
ихъ за пазухой тѣломъ согрѣвъ.

Я вторично умру —
если надо, мы вновь умираемъ.
Удалось, Богъ ты мой, —
я не самъ, вы мнѣ — пулю въ животъ.
Такъ сложилось въ міру —
всѣхъ застрѣленныхъ балуютъ Раемъ,
А оттуда землей —
береженаго Богъ бережетъ.

Въ грязь ударю лицомъ,
завалюсь послѣ выстрѣла набокъ;
Захвативши овсу,
погоню, закусивъ удила.
Вдоль обрыва, съ кнутомъ,
по-надъ пропастью, пазуху яблокъ
Я тебѣ привезу —
ты меня и изъ Рая ждала.
Вдоль обрыва, съ кнутомъ,
по-надъ пропастью, пазуху яблокъ
Я тебѣ привезу —
ты меня и изъ Рая ждала.

1978 г.

Свои обиды каждый человѣкъ...

Свои обиды каждый человѣкъ —
Проходитъ время — и забываетъ.
А моя печаль — какъ вѣчный снѣгъ:
Не таетъ, не таетъ.

Не таетъ она и лѣтомъ
Въ полуденный зной,
И знаю я: печаль-тоску мнѣ эту
Вѣкъ носить съ собой.

1966 г.

Thank Thee, O Good Lord, for Thy grace...

Thank Thee, O Good Lord, for Thy grace,
That with time we forget any woe.
But what troubles me doesn't melt,
As if it's the perpetual snow.

It doesn't melt even in summer,
When I burn with the heat...
And I know well that this trouble
Will be ever with me.

1966.

Жилъ-былъ человѣкъ...

Жилъ-былъ человѣкъ, который очень много видѣлъ
И бывалъ Богъ знаетъ гдѣ и съ кѣмъ,
Все умѣлъ, все зналъ, и даже мухи не обидѣлъ,
Даже женщинъ, хоть имѣлъ гаремъ.

1972 г.

There was once a man...

There was once a man of the world,
Who was able to do any work.
He was wise, never hurt he a fly,
Nor a woman, though he had four wives.

1972.

Не жду удачъ, о прошломъ не грущу...

Не жду удачъ, о прошломъ не грущу,
Я и внутри спокоенъ, и снаружи.
Не попаду въ просакъ, не сяду въ лужу,
Вездѣ и всюду выходъ отыщу!

1969 г.

I perceive neither anger nor blue...

I perceive neither anger nor blue,
And I'm calm as inside as outside.
Be aware you that I'll find for sure
A way out of all possible tights.

1969.

Купола въ Россіи кроютъ чистымъ золотомъ...

In Rossia, cupolas are with pure gold covered...

ПѢСНЯ О РОССІИ.

A SONG OF ROSSIA.

Въ куски...

Въ куски
Разлетѣлася корона,
Больше нѣтъ страны и трона,
Всѣ священные каноны —
Нынѣ хламъ!

И мы —
Словно загнанные въ норы,
Словно пойманные воры,
Въ нашихъ жилахъ — кровь съ позоромъ
Пополамъ.

И намъ
Сразу трудно разобраться
Съ кѣмъ порвать и съ кѣмъ остаться,
Кто за насъ, кого бояться.
Гдѣ нашь путь, куда податься — не понять!
Гдѣ духъ?
Гдѣ честь?
Гдѣ стыдъ?
Гдѣ свои, а гдѣ чужіе,
Какъ до этого дожили,
Неужели не спасемъ Россію Мать?!

Позоръ —
Если жизнь тебѣ дороже
Чести, иль сомнѣнье гложетъ —
Можешъ ты или не можешъ
Убивать!

Пойдемъ —
И по-волчьи, и по-бычьи,
И — какъ коршунъ на добычу,
Только — вороновъ покличемъ
Пировать.

Эй, вы!
Гдѣ былая ваша твердость?

The crown...

The crown
Is broken into many pieces,
There's no more the usual sequence—
The old way and even religion
Now are damned!

And we—
Being gotten into a scandal—
Just like bears closed in their caverns,
Just like burglars caught red-handed—
Have to stand!

For us,
It's so difficult to sort out
What to keep and what to cross out,
Who're agreeable, who're opposed.
From this mess, where should we go out? We can't tell!
Where's spirit?
Where's honor?
Where's guilt?
Where are friends and where are strangers,
How could we neglect this danger,
Can we really cast our land and go to hell?!

And shame—
Upon those who choose safe living
'Stead of fighting for fair being,
And who count that always killing
Is a sin!

We'll go—
As a wolf runs for the deerlet,
As an eagle swoops for the cygnet,
But before—kites should be whistled
For their meal.

Hey you!
Where's the strength that lit your faces?

Гдѣ былая ваша гордость?
Съ краю быть сегодня — подлость!
Пистолетъ сжимаетъ твердая рука.
Конецъ!
Всему
Конецъ!
Все разбилось, поломалось,
И одно лишь намъ осталось —
Кровь пока течетъ по жиламъ — бить врага!

1965 г.

Where's the pride with which you gazed round?
Doing nothing will disgrace you!
Grip revolvers firmly in your hands and go!
The end!
The end
To all!
What isn't broken seems to be brittle,
And we're left with just a little—
Till our very death, to fight against the foe!

1965.

Деревянные костюмы.

Мы чаще веселы бываемъ, чѣмъ угрюмы,
Но если надо выбирать и выборъ труденъ —
Мы выбираемъ деревянные костюмы, —
Люди! люди!

Намъ будутъ долго предлагать не прогадать:
«Ахъ!» скажутъ, «что вы, вы еще не жили!
«Вамъ надо только-только начинать!..» —
Ну а потомъ предложатъ: или — или.

Или пляжи, вернисажи или даже
Пароходы, въ нихъ наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи —
Или просто деревянные костюмы.

И будутъ веселы они или угрюмы,
И будутъ въ роли злыхъ шутовъ иль добрыхъ судей, —
Но намъ предложатъ деревянные костюмы, —
Люди! люди!

Намъ даже могутъ предложить и закурить:
«Ахъ!» вспомнятъ, «вы вѣдь долго не курили!
«Да вы еще не начинали жить!..» —
Ну а потомъ предложатъ: или — или.

Дымъ папиросы навѣваетъ что-то, —
Одна затяжка — веселѣе думы.
Курить охота, какъ курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

Они намъ скажутъ: «Все отъ васъ зависитъ только —
«Предъ вами жизнь счастливая на блюдѣ...»
Но мы откажемся — и будутъ бить жестоко, —
Люди! люди...

1967 г.

The Wooden Clothing.

We're more often jovial than filled with hate and loathing,
But if we have to make a choice not for the feeble,
We're bound to favor to be clad in wooden clothing,
People! people!

They'll try to press us not to miss out on a thing:
"Come on," they'll say, "you're still so much in store now.
You've only reached the point where life begins!.."
And after that they'll say, "It's either-or now."

Either beaches, feasts and seeing different places,
And even ships filled up with goods to overflowing,
Coaches, horses, private views, days at the races—
Or just simply to be clad in wooden clothing.

And they'll be jovial or filled with hate and loathing,
They'll represent kind judges or jesters steeped in evil,
But they'll propose us to be clad in wooden clothing,
People! people!

They may be even kind to propose us cigarets:
"Come on," they'll say, "you certainly need to smoke now.
But you haven't even begun your living yet!.."
And after that they'll say, "It's either-or now."

Just one inhaling makes existence brighter,
So perfect thoughts come to the brain when smoking.
We need to light up, how we need to light up!
But what we'll choose is to be clad in wooden clothing.

And they'll say so kind words, "Now all depends on your choice—
There's on the silver plate a life that's long and gleeful..."
But we'll refuse it—and they'll put us to the torture,
People! people...

1967.

Баллада о прошломъ.

Часъ зачатья я помню не точно,
Значитъ, память моя — однобока, —
Но зачатъ я былъ ночью, порочно,
И явился на свѣтъ не до срока.

Я рождался не въ мукахъ, не въ slобѣ, —
Девять мѣсяцевъ — это не лѣтъ...
Первый срокъ отбывалъ я въ утробѣ —
Ничего тамъ хорошаго нѣтъ.

Спасибо вамъ, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдругъ мои родители
Зачать меня задумали —

Въ тѣ времена нелегкія,
Теперь — почти былинныя,
Когда въ края далекіе
Брели этапы длинные.

Ихъ брали въ ночь зачатія, —
Бывало, что и ранѣе, —
А вотъ живетъ же братія —
Моя честна компанія!

Ходу, думушки рѣзвыя, ходу,
Слово нужно мнѣ, вѣрное слово!
Въ первый разъ получилъ я свободу
По указу отъ тридцать восьмого.

Знать бы мнѣ, кто такъ долго мурыжилъ,
За какіе грѣхи я страдалъ!..
Но родился, и жилъ я, и выжилъ, —
Домъ на Первой Мѣщанской стоялъ.

Тамъ даже не за стѣночкою —
За перегородочкой

Сосѣдушка съ сосѣдочкою
Баловались водочкой.

Всѣ жили вровень, скромно такъ:
Изъ корридора длиннаго
Шли двери въ двадцать комнатокъ
И въ кухню вѣчно дымную.

Тамъ на зубъ зубъ не попадалъ,
Не грѣла тѣлогрѣечка,
Тамъ я доподлинно узналъ,
Почемъ она, копеечка.

...Не боялась сирены сосѣдка,
И привыкла къ ней мать понемногу.
И плевалъ я — здоровый трехлѣтка —
На воздушную эту тревогу!

Да не все то, что сверху, отъ Бога, —
И народъ «зажигалки» тушилъ; —
И какъ малая ѳронту подмога —
Мой песокъ и дырявый кувшинъ.

И било солнце въ три луча,
Сквозь дыры крышъ просѣяно,
На Евдокимъ Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: «Какъ сыновья?»
«Да безъ вести пропавшіе!
Эхъ, Гиська, мы одна семья —
Вы тоже пострадавшіе!

«Вы тоже — пострадавшіе,
А значитъ — обрусѣвшіе:
Мои — безъ вѣсти павшіе,
Твои — безвинно сѣвшіе.»

...Я ушелъ отъ пеленокъ и сосокъ,
Поживалъ — не забытъ, не заброшенъ.

Не дразнили меня: «Недоносокъ,»
Такъ какъ былъ я нормально доношенъ.

Маскировку пытался срывать я:
Плѣнныхъ гонятъ, — чего жъ мы дрожимъ?
Возвращались отцы наши, братья
По домамъ — иногда по чужимъ...

У тети Зины кофточка
Съ драконами да ѕмѣями —
То у Попова Вовчика
Отецъ пришелъ съ трофеями.

Трофейная Японія,
Трофейная Германія —
Пришла страна Лимонія,
Сплошная чемоданія.

Взялъ у отца на станціи
Погоны, словно цацки, я.
А изъ эвакуаціи
Толпой валили штатскіе.

Осмотрѣлись они, отдышались,
Похмелились — потомъ протрезвѣли.
И отплакали тѣ, что дождались,
Недождавшіеся — отревѣли.

Сталъ метро рыть отецъ Витькинъ съ Генкой, —
Мы спросили: «Зачѣмъ?» — Онъ въ отвѣтъ:
«Корридоры кончаются стѣнкой,
А тоннели — выводятъ на свѣтъ!»

Пророчество папашино
Не слушалъ Витька съ корешемъ —
Изъ корридора нашего
Въ тюремный корридоръ ушелъ.

Да онъ всегда былъ спорщикомъ,
Припрутъ къ стѣнѣ — откажется.

Прошелъ онъ корридорчикомъ
И кончилъ «стѣнкой», кажется.

Но у отцовъ — свои умы,
А что же насъ касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Всѣ — отъ насъ до почти годовалыхъ —
«Толковищу» вели до «кровянки».
А въ подвалахъ и полуподвалахъ
Ребятишкамъ хотѣлось подъ танки.

Не досталось имъ даже по пулѣ, —
Въ «ремеслухѣ» — живи да тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Изъ напильниковъ дѣлать ножи.

Они воткнутся въ легкія,
Отъ никотина черныя,
По рукоятки легкія
Трехцвѣтныя наборныя...

Вели дѣла обмѣнныя
Сопливые острожники —
На стройкѣ Нѣмцы плѣнные
На хлѣбъ мѣняли ножики.

Сперва играли въ «фантики»,
Въ «пристѣнокъ» съ крохоборами, —
И вотъ ушли романтики
Изъ подворотенъ ворами.

...Спекулянтка была нумеръ першій
Пересвѣтова тетя Маруся —
Шла она прямо въ милліонерши,
Ни сосѣдей, ни Бога не труся.

У Маруси за стѣнкой говѣли,
А она втихомолку пила...

И упала она — возлѣ двери:
Некрасиво такъ, зло умерла.

Нажива — что наркотика,
Не сдюжила и эта вотъ
Пронырливая тетенька
Маруся Пересвѣтова.

И было все обыденно:
Заглянетъ кто — разстроится.
Особенно обидѣло
Богатство — метростроевца.

Онъ домъ ломалъ, а намъ сказалъ:
«У васъ носы не вытерты.
А я, за что́ я воевалъ?»
Потомъ пошли эпитеты...

...Было время — и были подвалы,
Было дѣло — и цѣны снижали.
И текли куда надо каналы,
И въ концѣ куда надо впадали.

Дѣти бывшихъ старшинъ да маіоровъ
До ледовыхъ широтъ поднялись,
Потому что изъ тѣхъ корридоровъ
Имъ казалось сподручнѣе — внизъ.

1975 г.

Всеблагій Богъ! прошу, не допусти...

Завершено Акбаромъ Мухаммадомъ.

Всеблагій Богъ! прошу, не допусти,
Чтобъ узнали языки иные,
Что изо всѣхъ извѣстныхъ ностальгій,
Всѣхъ сильнѣе тоска по Россіи.

1973 г.

There is no more beautiful country...

Completed by Akbar Muhammad.

There is no more beautiful country,
And may the nations never come to know
That among all existing nostalgias,
The one for noble Rossia is the strongest.

1973.

ПѢСНЯ О РОССІИ.

I. Пѣсня о Россіи.

Михаилу Шемякину.

Какъ засмотрится мнѣ нынче, какъ задышится?
Воздухъ крутъ передъ грозою, крутъ да вязокъ.
Что споется мнѣ сегодня, что услышится?
Птицы разныя поютъ — да всѣ изъ сказокъ.

Слѣва Сѵрины радостно скалятся,
Веселятъ, зазываютъ изъ гнѣздъ,
А напротивъ тоскуетъ-печалится,
Травитъ душу чудной Алконостъ.

Словно семь завѣтныхъ струнъ
Зазвенѣли въ свой чередъ —
Это вѣщій Гамаюнъ
Надежду подаетъ!

Въ синемъ небѣ, колокольнями проколотомъ,
Мѣдный колоколъ, звонкій колоколъ
То ль возрадовался, то ли осерчалъ...
Купола въ Россіи кроютъ чистымъ золотомъ,
Чтобы чаще Господь замѣчалъ.

Я стою, какъ передъ вѣчною загадкою,
Предъ великою да сказочной страною —
И соленою, и горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Конь мой вязнетъ ажъ по стремена,
Но везетъ меня сонной державою,
Что однажды воспрянетъ отъ сна.

Словно семь богатыхъ лунъ
Озарили небосводъ —

A SONG OF ROSSIA.

I. A Song of Rossia.

To Mikhail Shemyakin.

What'll my breathing, what'll my looking bring to me today?
Dense and viscous is the air before storm rains.
What'll I hear, what'll be revealed to me to sing, to say?
Here sing birds from fairy tales, foretelling changes.

From the left the gladsome Sirin joyfully smiles at me—
Tries to trap a living soul in her host,
While another fairy bird is quite in front of me—
It's the dismal, strange, uncanny Alkonost.

Suddenly came to heart a tune
Of the seven sacred strings—
It's the wise bird Gamayun
Puts her confidence in me!

In the blue sky, pierced by countless bell-towers,
Sound copper bells, declaring bliss or hell.
In Rossia, cupolas are with pure gold covered,
With the hope that in God's Eyes they'll look well.

Here I'm standing, having faced an everlasting riddle,
Looking o'er the great and mythic clime,
All admiring of this salty-bitter-sour-sweet
Azure land of pure wellsprings and rye.

My true steed through the thick mud is lumbering,
He just sinks in that mud stirrup-deep,
But bears me through the great power slumbering,
Which is going to rise from her sleep.

As if seven wealthy moons
Came to high, and far I see—
It's the wise bird Gamayun
Puts her confidence in me!

То мнѣ вѣщій Гамаюнъ
Надежду подаетъ!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Всю истертую перекатами,—
Гдѣ лоскутъ уже до крови истончалъ,—
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще Господь замѣчалъ.

II. Пѣсня о Волгѣ.

Какъ по Волгѣ-матушкѣ, по рѣкѣ-кормилицѣ
Шли и шли съ товарами струги да ладьи...
И не надорвалася, и не притомилася—
Ноша не тяжелая, корабли свои.

По теченью слѣдуя,
Прохожу пороги я
И гляжу на лѣвые
Берега пологіе.
Тамъ камышъ шевелится,
По вѣтру склоняется,
Слѣва—берегъ стелется,
Справа—подымается.

Волга пѣсни слышала хлеще, чѣмъ «Дубинушка»,
Въ ней вода исхлестана пулями враговъ.
И плыла по матушкѣ наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пѣною возлѣ береговъ.

Долго въ воды прѣсныя
Лили слезы строгія
Берега отвѣсные,
Берега пологіе—
Плакали, измызганы
Острыми подковами,
Но теперь зализаны
Эти раны волнами.

And my battered, scorned, abused, bruised, weary soul—
Where her flesh appears through her threadbare fell—
Will be pieced by me with patches of pure gold,
With the hope that in God's Eyes she'll look well.

1975.

Жизнь пришла кипучая въ города старинные,
Въ коихъ неприступные на холмахъ кремли —
Словно пробудилися молодцы былинные
И, неисчислимые, встали изъ земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянутъ баржи съ Каспія,
Тянутъ — надрываются,
Тянутъ — не оглянутся,
И на версты многія
За крутыми тянутся
Берега пологіе.

1973—1975 гг.

Закручена жизнь, какъ жгуты изъ джута...

Life with the strong rope was tied...

ЗАКРУЧЕНА ЖИЗНЬ.

LIFE IS TWISTED.

Я вамъ разскажу про то, что будетъ...

Я вамъ разскажу про то, что будетъ,
Вамъ такія пріоткрою дали...
Пусть меня историки осудятъ
За непониманіе спирали.

Знаю, на свои вернутся круги
Ураганы поздно или рано,
И, какъ сыромятныя подпруги,
Льды затянутъ брюхо океану.

Упадутъ огромной силы токи
И покажутъ счетчики нули,
И информативные потоки
Не найдутъ привычной колеи.

И тогда не орды Чингисхановъ —
Не желѣза звонъ и конскій топотъ, —
Милліарды выпитыхъ стакановъ
Эту землю грѣшную затопятъ...

Черные, лиловые, цвѣтные
Сны придутъ и тяжко смежатъ вѣки, —
Вотъ тогда вы, добрые и злые,
Станете счастливыми навѣки.

Не скажу когда, но знаю, будетъ
Это или такъ или иначе.
Если плачутъ сѣверные люди,
Значитъ, скоро южные заплачутъ;

Если были сплетни и навѣты,
Значитъ, будутъ паводки и вьюги.
Дуютъ, дуютъ сѣверные вѣтры,
Превращаясь въ южные на югѣ...

1976 г.

I'll tell you what will happen, friends...

I'll tell you what will happen, friends,
In the unknown stretch of ages,
Despite the fact that learned men
Will disapprove my exhortation.

Once it'll transpire on the Earth,
That storms will take their normal courses.
Then ices, like raw leather girths,
Will tighten the bellies of the oceans.

Will fall the currents of great strength,
Electric meters will show naughts,
And will detect their usual ways
Nor cash nor information flows.

And then not bellicose arms —
Not thud of hoofs and powder smoke —
But billions of the glasses drunk
Will drown this poor sinful Globe...

Black, violet, or color dreams
Will come, your troubles will be ended —
That is, ye all, benign and grim,
Will be entirely contented.

No one will like as it'll befall,
But it'll befall without doubt.
If there is crying in the North,
Then wait for crying in the South;

If there are gossips and outrages,
It means that will be squalls and droughts.
The Northern winds blow at their rate,
And they come back but through the South...

1976.

Закручена жизнь, какъ жгуты изъ джута...

Закручена жизнь, какъ жгуты изъ джута,
Завинчена ржавою гайкой,
Пожаромъ сожженная жизнь прожита,
Избита жестокой нагайкой.

Въ шуршаньи шелковъ шелестѣла она,
Шикарнымъ шалманомъ шумѣла...
Смѣнила шуршанье шелковъ тишина—
Покой въ одѣяніи бѣломъ.

1960 г.

Life with the strong rope was tied...

Life with the strong rope was tied,
And twisted just like the jute's wisp,
Through fire and water passed life,
Dead beaten with the pitiless whip.

Life walked in the rich rustling silk,
Made noise in the sumptuous messes...
Then calm took the place of all this,
And came to be rest in white dresses.

1960.

Ублажаю ли душу романсомъ...

Ублажаю ли душу романсомъ
Или грустно пою про тюрьму—
Нѣкто рядомъ звучитъ диссонансомъ,
И сей нѣкто мешаетъ всему.

1975 г.

When I please my soul with songs...

When I please my soul with songs
Or just finger silver strings,
There is someone who discords,
And I know who he is.

1975.

Дайте собакамъ мяса.

Дайте собакамъ мяса —
Можетъ, онѣ подерутся.
Дайте похмельнымъ кваса —
Авось они перебьются.

Чтобъ не жирѣть воронамъ —
Ставьте побольше пугалъ.
А чтобъ любить — влюбленнымъ
Дайте укромный уголъ.

Въ землю бросайте зерна —
Къ сроку появятся всходы.
Ладно, я буду покорнымъ —
Дайте же мнѣ свободу!

Псамъ мясные ошметки
Дали, — а псы не подрались.
Дали пьяницамъ водки, —
А они отказались.

Люди воронъ пугаютъ, —
А воронье не боится.
Пары соединяютъ, —
А имъ бы разъединиться.

Лили на землю воду —
Нѣту колосьевъ, — чудо!
Мнѣ вчера дали свободу —
Что я съ ней дѣлать буду?

1965 г.

Give the starved dogs ends or bones...

Give the starved dogs ends or bones,
Perhaps it'll inaugurate fighting.
Give the tosspots beverage cold,
Perhaps their affliction will be lighter.

So that you can't hear the crow,
Scare away the black ravens.
And for to let feeling grow,
Spare the lovers calm havens.

For to receive a rich harvest,
Water the soil after seeding...
Well, I won't break any bounds,
Only return you me freedom!

There the dogs got meat bones,
But — a surprise! — no fight followed.
To the tosspots, was proposed
Rum, but no droplet is swallowed.

Orderly the ravens are scared,
But they don't care a farthing.
All of the lovers are paired,
But they deliberate on parting.

Water was poured — what a riddle! —
No sprouts emerge somehow...
Yesterday I was given freedom —
What shall I do with it now?..

1965.

Оплавляются свѣчи...

Оплавляются свѣчи
На старинный паркетъ,
И стекаетъ на плечи
Серебро съ эполетъ.
Какъ въ агоніи бродитъ
Золотое вино...
Все былое уходитъ, уходитъ, уходитъ, уходитъ,
Что́ придетъ — все равно.

И въ предсмертномъ томленьи
Озираясь назадъ,
Убѣгаютъ олени,
Нарываясь на залпъ.
Кто-то дуло наводитъ
На невинную грудь...
Пусть былое уходитъ, уходитъ, уходитъ, уходитъ,
Пусть придетъ что-нибудь.

Кто-то злой и умѣлый,
Веселясь, наугадъ
Мечетъ острыя стрѣлы
Въ воспаленный закатъ.
Слышно въ бурѣ мелодій
Повтореніе нотъ...
Пусть былое уходитъ, уходитъ, уходитъ, уходитъ,
Пусть придетъ что́ придетъ.

1972 г.

Candles trickle and drown...

Candles trickle and drown
The parquet ancient floor,
On the shoulders, flows down
The epaulets' silver ore.
Golden wine effervesces
In the goblet and view...
All the past goes away with, the past goes away with,
Frees the room for a new.

Having felt sheer boredom
From the death's ruthless eye,
Scared stags bound forward
Toward the hunters' true fire.
At a person who's blameless,
Someone lays the gun tube...
All the past goes away with, the past goes away with,
At the door, stands a new.

Someone gloating and narrow,
With the evil joy, aims
Razor-sharp poisonous arrows
At the sunset's red flame.
In the melodies' tempest,
Threadbare notes renew...
All the past goes away with, the past goes away with,
On its place, goes a new.

1972.

О знакахъ зодіака.

Неправда, надъ нами не бездна, не мракъ —
Каталогъ наградъ и возмездій.
Любуемся мы на ночной зодіакъ,
На вѣчное танго созвѣздій.
Глядимъ, запрокинули головы вверхъ,
Въ безмолвіе, въ тайну и въ вѣчность:
Тамъ трассы судебъ и мгновенный нашъ вѣкъ
Отмѣчены въ видѣ невидимыхъ вѣхъ,
Что могутъ хранить и беречь насъ.

Горячій нектаръ въ холода Февралей —
Какъ сладкій елей вмѣсто грога:
Льетъ звѣздную воду чудакъ Водолей
Въ бездонную пасть Козерога.
Вселенскій потокъ и извилистъ, и крутъ,
Окрашенъ то ртутью, то кровью, —
Но, вырвавшись Мартовской мглою изъ путъ,
Могучія Рыбы на нерестъ плывутъ
По Млечнымъ протокамъ къ верховью.

Декабрьскій Стрѣлецъ отстрѣлялся вконецъ,
Онъ мается, копья ломая, —
И можетъ безъ страха рѣзвиться Телецъ
На свѣтлыхъ урочищахъ Мая.
Изъ Августа изголодавшійся Левъ
Глядитъ на Овена въ Апрѣлѣ.
Въ Іюнь къ Близнецамъ свои руки воздѣвъ,
Качаются дѣвы созвѣздія Дѣвъ, —
Вѣсы у нихъ просто качели.

Лучи свѣтовые пробились сквозь мракъ,
Какъ нить Аріадны конкретны, —
Вѣдь и Скорпіонъ, и таинственный Ракъ
Полезны бываютъ и вредны.
На свой зодіакъ человѣкъ не ропталъ —
Да звѣздамъ страшна ли опала! —
Онъ эти созвѣздія съ неба досталъ,

Потомъ въ драгоцѣнный оправилъ металлъ,
И тайна доступною стала.

1973 г.

Сорокъ девять дней.

(Сокращенное изданіе.)

Все началось случайно. Люди оказались наединѣ съ бушующимъ океаномъ...

Волна на волну набѣгала,
Великій шумѣлъ океанъ.
Зиганшинъ стоялъ у штурвала
И глазъ ни на мигъ не смыкалъ.

На сушѣ онъ воинъ заправскій,
И штурманъ заправскій онъ тутъ.
Крючковскій, Ѳедотовъ, Поплавскій
Подъ палубой пѣсни поютъ.

Суровъ же ты, климатъ Охотскій,—
Уже третій день ураганъ.
Смѣнилъ командира Крючковскій,
Онъ вахту Ѳедотову сдалъ.

Наконецъ ураганъ закончился. Продолжается плаваніе по безбрежному пустынному океану. Запасы пищи неумолимо сокращаются...

Горючее вышло до капли,
Такъ мало—что́ ѣсть и что́ пить,—
И принялъ рѣшенье Зиганшинъ
Дневной раціонъ сократить.

Дальше слѣдуетъ много дней умѣреннаго, затѣмъ скуднаго и, наконецъ, совсѣмъ скуднаго питанія. Но люди бодры, добры и другъ на друга не обижаются...

Доѣдена банка консервовъ
И супъ безъ зажарки, пустой.
Все меньше здоровья и нервовъ,
Все больше стремленье домой.

Послѣдніе клубни картошки
Безъ соли пришлось доѣдать.
А вскорости съѣли гармошку,
И не на чѣмъ стало играть.

Суровѣй, ужаснѣй лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги,—
И принялъ Зиганшинъ рѣшенье,
Что ѣсть имъ пора сапоги...

Голодъ становится невыносимымъ. Культурно-массовая работа не ведется по причинѣ отсутствія музыкальныхъ инструментовъ. Люди ослабли, но смотрятъ прямо и доброжелательно. Опять разыгрался штормъ...

Сердца продолжали работу,
Но сталъ очень рѣдкимъ ихъ стукъ.
Безмѣрно ослабшій Ѳедотовъ
Глодалъ предпослѣдній каблукъ.

Лежали всѣ четверо въ лежку,
Ни лодки, ни крошки вокругъ.
Ѳедотовъ не смогъ козью ножку
Скрутить изъ-за слабости рукъ.

Ѣсть нечего, пить нечего, курить нечего, но люди снова бодры, у нихъ открылось второе дыханіе. Потомъ открылось третіе дыханіе, за нимъ — четвертое... Мысли о ѣдѣ приходятъ все чаще, мысли о не ѣдѣ — все рѣже. Но все время — мысли о домѣ, о родномъ подраздѣленіи.

Зиганшинъ крѣпился, держался,
Бодрилъ, самъ былъ блѣдный, какъ тѣнь,—
Когда жъ рѣчь сказать онъ собрался,
Сказалъ лишь на слѣдующій день.

«Друзья!..» Черезъ часъ: «Дорогіе!..»
«Ребята! — Еще черезъ часъ. —
Вѣдь насъ не сломила стихія,
Такъ голодъ осилитъ ли насъ?

«Забудемъ про пищу — чего тамъ! —
И вспомнимъ всѣхъ нашихъ ребятъ...»
«Узнать бы, — сталъ бредить Ѳедотовъ, —
Что́ въ части сегодня ѣдятъ.»

И вдругъ — не миражъ ли, не мѵѳъ ли? —
Какое-то судно идетъ.
Къ биноклю всѣ сразу приникли,
А съ судна летѣлъ вертолетъ...

Далѣе все извѣстно изъ газетъ: люди здоровы, ѣдятъ, пьютъ, отдыхаютъ и ѳотографируются вмѣстѣ.

Окончены всѣ переплеты,
Вновь служатъ — что́, взялъ, океанъ? —
Поплавскій, Крючковскій, Ѳедотовъ
И съ ними Зиганшинъ Асханъ!

1960 г.

Пѣсня о нотахъ.

Я изучилъ всѣ ноты отъ и до,
И если спросятъ, то отвѣчу прямо,
Что начинаютъ гаммы съ ноты До
И ею же заканчиваютъ гаммы.

Пляшутъ ноты врозь и съ толкомъ,
Ждутъ До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля и Си, пока
Разбросаетъ ихъ по полкамъ
Чья-то дерзкая рука.

Извѣстно музыкальной дѣтворѣ —
Я впасть въ тенденціозность не рискую, —
Что занимаетъ мѣсто нота Ре
Размѣромъ въ тактъ и часть его восьмую.

Мелодію какую ни возьми —
Неравенствомъ отъ звуковъ такъ и пышетъ:
Какая-нибудь нота — скажемъ, Ми, —
Звучитъ сильнѣй сестры октавой выше.

Пляшутъ ноты врозь и съ толкомъ,
Ждутъ До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля и Си, пока
Разбросаетъ ихъ по полкамъ
Чья-то дерзкая рука.

Выходитъ — все у нотъ, какъ у людей, —
И парадоѯъ имѣется — да вотъ онъ:
Бываетъ, нота Фа звучитъ сильнѣй,
Чѣмъ высокопоставленная нота.

Вдругъ затесался между нотъ бемоль,
И въ тотъ же мигъ, какъ влѣзъ онъ безпардонно,
Внушавшая довѣрье нота Соль
Себѣ же измѣняетъ на полтона.

Пляшутъ ноты врозь и съ толкомъ,
Ждутъ До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля и Си, пока

Разбросаетъ ихъ по полкамъ
Чья-то дерзкая рука.

Сѣлъ композиторъ, жажду утоля,
И грубымъ знакомъ музыку прорѣзалъ,—
И нѣжная, какъ бархатъ, нота Ля
Вдругъ повышаетъ тонъ до Ля-діеза.

Не обойтись никакъ безъ ноты Си—
Вѣдь безъ нея нѣтъ ни игры, ни пѣнья.
Возносится надъ всѣми нота Си
И съ высоты взираетъ положенья.

Пляшутъ ноты врозь и съ толкомъ,
Ждутъ До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля и Си, пока
Разбросаетъ ихъ по полкамъ
Чья-то дерзкая рука.

Нѣтъ смысла затѣвать о нотахъ споръ:
Есть и у нихъ тузы и секретарши,—
Такъ, для примѣра, въ Си-бемоль миноръ
Звучатъ прекрасно траурные марши.

А кромѣ честныхъ подневольныхъ нотъ,
Еще бываютъ ноты-паразиты.
Кто ихъ сыграетъ, кто ихъ пропоетъ?
Но съ нами—Богъ, а съ ними—композиторъ!

Пляшутъ ноты врозь и съ толкомъ,
Ждутъ До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля и Си, пока
Разбросаетъ ихъ по полкамъ
Чья-то дерзкая рука.

1969 г.

Баллада о банѣ.

Благодать или благословенье
Ниспошли на подручныхъ Твоихъ—
Дай намъ, Богъ, совершить омовенье,
Окунаясь въ святая святыхъ!

Всѣ пороки, грѣхи и печали,
Равнодушье, согласье и споръ—
Паръ, который вотъ только наддали,
Вышибаетъ, какъ пули, изъ поръ.

Все, что мучитъ тебя,—испарится
И поднимется вверхъ, къ небесамъ,—
Ты жъ, очистившись, долженъ спуститься—
Паръ съ грѣхами расправится самъ.

Не стремись прежде времени къ душу,
Не равняй съ очищеньемъ мытье,—
Нужно выпороть вѣникомъ душу,
Нужно выпарить смрадъ изъ нее.

Исцѣленьемъ отъ язвъ и уродства
Будетъ душъ изъ живительныхъ водъ,—
Это—словно возвратъ первородства,
Или нѣтъ—осушенье болотъ.

Здѣсь нѣтъ голыхъ—стѣсняться не надо,
Что кривая рука да нога.
Здѣсь—подобіе Райскаго сада,—
Пропускъ тѣмъ, кто раздетъ донага.

И, въ предбанникѣ сбросивши вещи,
Всю одѣтость свою позабудь—
Одинаково вѣничекъ хлещетъ,
Такъ что зря не выпячивай грудь!

Всѣ равны здѣсь единымъ богатствомъ,
Всѣ легко переносятъ жару,—

Здѣсь свободу и равенство съ братствомъ
Ощущаешь въ кромѣшномъ пару.

Загоняй поколѣнья въ парную
И крещенье принять убѣди,—
Лей на насъ свою воду святую—
И отъ варварства освободи!

Благодать или благословенье
Ниспошли на подручныхъ Твоихъ—
Дай намъ, Богъ, совершить омовенье,
Окунаясь въ святая святыхъ!

1971 г.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА.

I. Послѣдній жуликъ.

Здравствуйте,
Наши добрые зрители,
Наши строгіе критики!
Вы увидите фильмъ про послѣдняго самаго жулика.

Этого
Въ жизни, можетъ, и не было,
Ну а какъ будетъ въ будущемъ —
Это сложный вопросъ и не просто рѣшить его.

Этотъ фильмъ
Не считайте рѣшеніемъ:
Все въ немъ — шутка и вымыселъ, —

Это,
Это просто игра,
Вотъ такая игра.

Жулики —
Это люди не честные, —
Они дѣлаютъ пакости,
И за это ихъ держатъ въ домахъ, называемыхъ тюрьмами.

Тюрьмы —
Это крѣпкія зданія,
Окна, двери — съ рѣшетками, —
На нихъ лучше снаружи смотрѣть, лучше только смотрѣть на нихъ.

Этотъ фильмъ —
Не напутствіе юношамъ,
И, тѣмъ болѣе, дѣвушкамъ, —

Это,
Это просто игра,
Вотъ такая игра.

LIFE IS BEAUTIFUL.

I. The Last Cheater.

Health to you,
Our favorable viewers,
Our rigorous critics!
Now you'll see a film of the last of the cheaters.

This occasion,
Perhaps, hasn't taken place ever,
And how it'll be later—
That's really the question which demands much to solve it.

What you'll see,
Don't count a decision:
Each thing there's a fiction,

This is
No more than a game,
Now we'll play a game.

Those strange people,
Who're known as the cheaters,
They perpetrate hoaxes,
And on that account spend their time in the prisons.

These are
Too strongly built buildings
With barred doors and windows,
It's good but to watch them, no more than to watch them.

And this film,
Don't count a direction
To our lads and lasses,

This is
No more than a game,
Now we'll play a game.

Жулики
Иногда намъ встрѣчаются,—
Правда, рѣже значительно,
Чѣмъ когда-то давно при царѣ, или, скажемъ, въ Америкѣ.

Трудно намъ—
Мы въ такомъ положеніи!
Вѣдь послѣдняго жулика
Не встрѣчалъ до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ еще.

Помните,
Наши добрые зрители,
Этотъ фильмъ—эксцентрическій,—

Значитъ,
Это только игра.
Начинаемъ, пора!

II. Финальная пѣсня.

Вотъ что́:
Жизнь прекрасна, товарищи,
И она удивительна,
И она коротка—это самое-самое главное.

Этого
Въ фильмѣ прямо не сказано—
Можетъ, вы не замѣтили
И рѣшили, что не было самаго-самаго главнаго.

Можетъ быть,
Въ самомъ дѣлѣ и не было—
Было только желаніе,

Значитъ,
Значитъ, это для васъ
Будетъ въ слѣдующій разъ.

И вотъ что́:
Человѣкъ человѣку есть

Those strange people,
Who're known as the cheaters,
They can be met sometimes,
But it happens more rarely than it was in old times.

Understand us,
We've faced a hard problem,
Because no one person
Till now has been met with the last of the cheaters.

Don't forget,
Our favorable viewers,
This film is eccentric,

Therefore,
It's really a game.
And let's start this game!

II. The Final Song.

So here's what:
Life's beautiful, comrades,
It's striking and marvelous,
And it's very short — that's the most significant thing.

In the film,
This wasn't stated openly —
You might haven't gotten sight of
And think that the most significant thing wasn't shown there.

Maybe,
It really wasn't shown there —
There was but a striving,

Therefore,
It'll be shown to you
At some other time.

And here's what:
One shouldn't count another

Другъ, товарищъ и братъ у насъ.
Другъ, товарищъ и братъ — это самое-самое главное.

Трудъ насъ
Долженъ облагораживать,
Только трудъ изъ насъ дѣлаетъ
Настоящихъ людей — это самое-самое главное.

Правда вотъ,
Въ фильмѣ этого не было —
Было только желаніе,

Значитъ,
Значитъ, это для васъ
Будетъ въ слѣдующій разъ.

Міръ нашъ —
Колыбель человѣчества,
Но не вѣкъ находиться намъ
Въ колыбели своей — Ціолковскій сказалъ еще.

Скоро
Даже sвѣзды далекія
Человѣчество сдѣлаетъ
Достояньемъ своимъ — это самое-самое главное.

Этого
Въ фильмѣ прямо не сказано —
Было только желаніе,

Значитъ,
Значитъ, это для васъ
Будетъ въ слѣдующій разъ.

1966 г.

Unknown, men are brothers,
Companions and friends — that's the most significant thing.

Labor should
Ennoble and raise us,
But labor can make us
The genuine men — that's the most significant thing.

Frankly,
This matter wasn't shown there —
There was but a striving,

Therefore,
It'll be shown to you
At some other time.

Our Earth is
The cradle of mankind,
But not ever shall we
Stay in, long ago Tsiolkovsky said that.

Very soon
Even those stars which now we
With our scopes can't make out
Will be our own ones — that's the most significant thing.

Really,
This wasn't stated openly —
There was but a striving,

Therefore,
It'll be shown to you
At some other time.

1966.

Пѣсенка о переселеніи душъ.

Тѣ вѣруютъ Мухаммаду, а эти — Іисусу,
Другіе — вовсе никому назло всему и всѣмъ...
А вотъ еще религія: придумали Индусы,
Что мы, отдавъ концы, не умираемъ насовсѣмъ.

Стремилась въ высь душа твоя —
Родишься вновь съ мечтою.
Но если жилъ ты, какъ свинья,
Останешься свиньею.

Пусть косо смотрятъ на тебя, привыкни къ укоризнѣ.
Досадно — что жъ, родишься вновь на колкости гораздъ.
А если ты увидишь смерть врага при этой жизни —
Въ другой тебѣ дарованъ будетъ вѣрный зоркій глазъ.

Живи себѣ нормальненько,
Есть поводъ веселиться:
Вѣдь, можетъ быть, въ начальника
Душа твоя вселится.

Какія ситуаціи! просторъ воображенью:
Былъ гордымъ и почтеннымъ, а родился дуракомъ!
А если мало радуетъ такое положенье —
Возрадуйся тому уже, что ты не сталъ скотомъ.

Ужъ лучше сразу въ дѣло, чѣмъ
Копить свои обиды:
Вѣдь если будешь мелоченъ —
Докатишься до гниды!

Пускай живешь ты дворникомъ, родишься вновь прорабомъ,
А послѣ изъ прораба до министра доростешь.
Но если ты жестокъ и черствъ, родишься баобабомъ, —
И будешь баобабомъ жить, покуда не помрешь!

Досадно попугаемъ жить,
Гадюкой съ длиннымъ вѣкомъ...

A Song about the Transmigration of Souls.

Some people trust Muhammad, and some — Jesus for salvation,
And there are also such types who treat these ones with spite,
While there is Hindus' idea of souls transmigration,
Which says that we don't die for good, and I believe it's right.

If for the high thy soul strives,
Thou'lt get thy dreams again.
But if thou'st lived a porker's life,
A porker thou'lt remain.

If people look at thee askance, it's not the cause for crying —
When coming back, thou'lt get a tongue as sharp as a steak knife.
But if it happens that in this life thou'lt see thy foe dying —
Thou'lt get a pair of keen eyes in thy forthcoming life.

Enjoy thy life and don't be cross,
Don't gripe about thy fate —
Directly into a big boss
Thy soul may migrate.

Don't worry if thou'rt but a hand, thou'lt be reborn a foreman,
With time thou'lt be a minister — it's really not a joke!
But if thou dostn't behave thyself — it's an unlucky omen! —
Then for some hundred years next, thou'lt stand there as an oak!

Get rid of venom, be deadpan,
Don't imitate and fox —
We ought to live our earthly span
As normal decent folks.

So who is who and who was what? We'll never get an answer.
The have-nots will possess the Earth, perceive what it implies!
There is a chance that this black cat was formerly a rascal,
And that nice chap was a kind dog, who won his golden prize.

To my delight I give free vent,
I'm like a saint, indeed...

Не лучше ли при жизни быть
Приличнымъ человѣкомъ?!

Такъ кто есть кто, такъ кто былъ кѣмъ? — мы никогда не знаемъ.
Кто былъ никѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ, — задумайся о томъ!
Быть можетъ, тотъ облѣзлый котъ былъ раньше негодяемъ,
А этотъ милый человѣкъ былъ раньше добрымъ псомъ.

Я отъ восторга прыгаю,
Я обхожу искусы —
Хорошую религію
Придумали Индусы!

1969 г.

These clever Hindus did invent
A comfortable creed!

1969.

Москва – Одесса.

Въ который разъ лечу Москва – Одесса.
Опять не выпускаютъ самолетъ.
А вотъ прошла вся въ синемъ стюардесса, какъ принцесса,
Надежная, какъ весь Гражданскій флотъ.

Надъ Мурманскомъ — ни тучъ, ни облаковъ,
И хоть сейчасъ лети до Ашхабада.
Открыты Кіевъ, Харьковъ, Кишиневъ,
И Львовъ открытъ, но мнѣ туда не надо.

Сказали мнѣ: «Сегодня не надѣйся,
Не стоитъ уповать на небеса!..»
И вотъ опять даютъ задержку рейса на Одессу —
Теперь обледенѣла полоса.

А въ Петроградѣ съ крыши потекло,
И что мнѣ не летѣть до Петрограда?
Въ Тбилиси — тамъ все ясно, тамъ тепло,
Тамъ чай растетъ, но мнѣ туда не надо.

Я слышу: Ростовчане вылетаютъ,
А мнѣ въ Одессу надо позарѣзъ, —
Но надо мнѣ туда, куда меня не принимаютъ,
И потому откладываютъ рейсъ.

Мнѣ надо, гдѣ сугробы намело,
Гдѣ завтра ожидаютъ снѣгопада.
А гдѣ-нибудь все ясно и свѣтло,
Тамъ хорошо, но мнѣ туда не надо!

Отсюда не пускаютъ, а туда не принимаютъ —
Несправедливо, грустно мнѣ, но вотъ
Насъ на посадку скучно стюардесса приглашаетъ,
Похожая на весь Гражданскій флотъ.

Открыли самый дальній закутокъ,
Въ который не заманятъ и награды.

Открытъ закрытый портъ Владивостокъ,
Парижъ открытъ, но мнѣ туда не надо.

Взлетимъ мы — распогодится, и всѣ запреты снимутъ.
Напрягся лайнеръ, слышенъ визгъ турбинъ...
Но я уже не вѣрю ни во что — меня не примутъ,
У нихъ найдется множество причинъ.

Мнѣ надо, гдѣ метели и туманъ,
Гдѣ завтра ожидаютъ снѣгопада.
Открыли Лондонъ, Дели, Магаданъ,
Открыли все, но мнѣ туда не надо!

Я правъ — хоть плачь, хоть смѣйся, но опять задержка рейса,
И насъ обратно къ прошлому ведетъ
Вся стройная, какъ «Ту», та стюардесса-миссъ Одесса,
Прекрасная, какъ весь Гражданскій ѳлотъ.

Опять даютъ задержку до восьми,
И граждане покорно засыпаютъ.
Мнѣ это надоѣло, чортъ возьми,
И я лечу туда, гдѣ принимаютъ!
Мнѣ это надоѣло, чортъ возьми,
И я лечу туда, гдѣ принимаютъ!

1967 г.

Мажорный свѣтофоръ...

Мажорный свѣтофоръ, трехцвѣтье, тріо,
Палитро-палитура цвѣто-нотъ.
Но гдѣ же онъ, мой «голубой періодъ»?
Мой «голубой періодъ» не придетъ!

Представьте, черный цвѣтъ не видимъ глазу,
Все то, что мы считаемъ чернымъ, — сѣро.
Мы черноты не видѣли ни разу —
Лишь сѣрость пробиваетъ атмосферу.

И ультрафіолетъ, и инфракрасный —
Ну, словомъ, все, что черезчуръ — не видно, —
Они, какъ правосудье, безпристрастны,
Въ нихъ всѣ равны, прозрачны, стекловидны.

И только красный, желтый цвѣтъ — безспорны,
Зеленый — тоже: зелень въ хлорофиллѣ, —
Поэтому трехцвѣтны свѣтофоры
Для всѣхъ — кто пѣшъ и кто въ автомобилѣ.

Три этихъ цвѣта — въ каждомъ организмѣ,
Присутствуютъ, какъ яркій отпечатокъ, —
Есть, правда, отклоненье въ дальтонизмѣ,
Но дальтонизмъ — порокъ и недостатокъ.

Трехцвѣтны музы — но какъ будто сѣры,
А «инфра-ультра» — какъ всегда, въ загонѣ, —
Гуляютъ на свободѣ полумѣры,
И «ψеvдо» тоже ходятъ безконвойны.

Все въ трехъ цвѣтахъ нашло отображенье —
Лишь изрѣдка мѣняется порядокъ.
Три цвѣта избавляютъ отъ броженья —
Незыблемы, какъ три ряда трехрядокъ.

1972 г.

Самое красивое...

Самое красивое,
Самое желанное,
Самое счастливое,
Самое нежданное.

Начало 1960-хъ гг.

It’s the most wonderful...

It’s the most wonderful
And the most lucky,
It’s the most pleasurable
And the most sudden.

The early 1960’s.

Какъ честныхъ угадать навѣрняка мнѣ?

How to discern fair people with precision?

ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ МНОГО СТОРОНЪ.

OUR LIFE HAS LOTS OF EDGES.

Есть всегда и столъ, и кровъ...

Есть всегда и столъ, и кровъ
Въ этомъ лучшемъ изъ міровъ,
Также много топоровъ
Въ этомъ лучшемъ изъ міровъ,
И достаточно шнуровъ
Въ этомъ лучшемъ изъ міровъ,
Только мало доноровъ,
Медсестеръ и докторовъ.

1976 г.

One can easy get the works...

One can easy get the works
In the best of all the worlds:
There are too many lords
In the best of all the worlds,
There are a mass of swords
In the best of all the worlds,
There's no lack of cords
In the best of all the worlds...
There's nothing good for folks
In the best of all the worlds.

1976.

На маскарадѣ.

Смѣюсь навзрыдъ, какъ у кривыхъ зеркалъ,
Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носовъ и до ушей оскалъ —
Какъ на Венеціанскомъ карнавалѣ!

Вокругъ меня смыкается кольцо,
Меня хватаютъ, вовлекаютъ въ пляску.
Такъ-такъ, мое нормальное лицо
Всѣ, вѣроятно, приняли за маску.

Всѣ въ маскахъ, въ парикахъ — всѣ какъ одинъ,
Кто — сказоченъ, а кто — литературенъ...
Сосѣдъ мой слѣва — грустный арлекинъ,
Другой — палачъ, а каждый третій — дурень.

Я въ хороводъ вступаю, хохоча,
Но все-таки мнѣ не спокойно съ ними:
А вдругъ кому-то маска палача
Понравится — и онъ ее не сниметъ?

Вдругъ арлекинъ навѣки загруститъ,
Любуясь самъ своимъ лицомъ печальнымъ;
Что́, если дурень свой дурацкій видъ
Такъ и забудетъ на лицѣ нормальномъ?!

Что дѣлать мнѣ — бѣжать, да поскорѣй?
А можетъ, дальше съ ними веселиться?..
Надѣюсь я — подъ масками sвѣрей
У многихъ человѣческія лица.

Петарды, конфетти... Но все не такъ!
И маски на меня глядятъ съ укоромъ,
Они кричатъ, что я опять — не въ тактъ,
Что наступаю на ноги партнерамъ.

Смѣются sлыя маски надо мной,
Веселыя — тѣ начинаютъ sлиться.

At the Masquerade.

I want to be awakened with all my soul,
And laugh and weep as near distorting mirrors:
As during the Venetian fancy-ball,
Here all perform the parts of different heroes.

They come on me — bright costumes trimmed with lace,
I'm pulled inside, I'm being pinched and shaken.
Well, now I see — my normal human face
By all of them just for a mask was taken.

Each one came from folklore or from a book,
Their wigs and masks are fulvous, golden, ruby...
Here's Harlequin, who has a grievous look,
The next one's Hangman, while the other's Booby.

I join their merry dance and laugh, although,
I'm not convinced that it's the right endeavor:
Say, one may like the mask of Hangman so
That he'll decide to keep this mask forever;

Say, Harlequin will be forever grave,
Enjoying his abnormal wistful image;
Or, the dull look this Booby simulates
Will stay forever on his normal visage...

Should I escape from this deceptive feast?
Or should enjoy myself with these strange creatures?
I stay in hopes that many masks of beasts
Conceal not beasts, but people's handsome features.

It seems that for this dance, I can't be fit,
The masks look upon me with objurgation.
They cry that I've incessantly missed the beat,
That hitting partners' foot isn't a good action.

The spiteful masks make fun of such a sloth,
The jolly ones become severe and vicious.

За масками, какъ будто за стѣной,
Они свои людскія прячутъ лица.

За музами гоняюсь по пятамъ,
Но ни одну не попрошу открыться:
Вдругъ маски будутъ сброшены, а тамъ —
Все тѣ же полумаски-полулица?

Я въ тайну масокъ все-таки проникъ,
Увѣренъ я, что мой анализъ точенъ,
Что маски равнодушья у иныхъ —
Защита отъ заслуженныхъ пощечинъ.

Но если былъ безъ маски подлецомъ —
Носи ее. А вы... у васъ все ясно!
Зачѣмъ скрываться подъ чужимъ лицомъ,
Когда свое воистину прекрасно?

Какъ добраго лица не прозѣвать,
Какъ честныхъ угадать навѣрняка мнѣ?
Они рѣшили маски надѣвать,
Чтобъ въ нихъ бросать не стали люди камни.
Они рѣшили маски надѣвать,
Чтобъ въ нихъ бросать не стали люди камни.

1971 г.

Behind the masks, as if behind the wall,
They hide their human unaffected visage.

The modest muses, here and there I chase,
But frankly speaking, I have no intentions
To ask someone to show her pretty face —
There might be masks behind the masks, not faces.

I've sunk into the mystery of masks,
And here's my openhearted explanation:
The mask of coldness wearing by someones
Protect them from their mean deeds' compensation.

Yes, if without the mask one was a knave,
It's good to wear it. But your case is facing:
Why have you taken somebody else's shape,
While your own one is evidently graceful?

How not to miss a generous, kind face,
How to discern fair people with precision?
They wear the masks not through a paltry case —
In order to protect themselves from jeers.
They wear the masks not through a paltry case —
In order to protect themselves from jeers.

1971.

Въ нашей жизни много сторонъ...

Въ нашей жизни много сторонъ:
На Луну снарядъ летитъ,
А машина «черный воронъ»
У милиціи стоитъ.

Академикъ на досугѣ
Про Ибнъ Сину пишетъ стихъ,
А въ подъѣздѣ три пьянчуги
Пьютъ полъ-литра на троихъ.

Трое на трое бродяги
Бьютъ другъ друга въ глазъ, въ животъ,
А во М.Х.А.Т.-ѣ при аншлагѣ
Пьеса новая идетъ...

1960 г.

Our life has lots of edges...

Our life has lots of edges:
Goes the rocket through the space,
While nearby the police station,
Stands an auto for inmates.

In his spare time, the scholar
On Ibn Sina writes a rhyme,
While three topers in the store
Drink a bottle of red wine.

On the junkyard, several vagrants
Fight with no strong reason and bawl,
While a new play in the playhouse
Goes with no free seats at all...

1960.

Я хочу въ герцога или въ принцы...

Я хочу въ герцога или въ принцы,
А кругомъ — нищета!
Не капризъ это вовсе, не принципъ,
А всей жизни мечта.

1972 г.

I lead my life in abject beggary...

I lead my life in abject beggary,
And want to be a duke or even a prince.
Someone may say that it's my vagary,
But it's my wholehearted dream.

1972.

Пока въ ванной комнатѣ съ кафелемъ...

Пока въ ванной комнатѣ съ кафелемъ
Вы моетесь, нѣжитесь, грѣетесь,—
Въ холодѣ самъ себѣ скальпелемъ
Онъ вырѣзаетъ аппендиксъ.

Онъ слышитъ движеніе каждое
И видитъ, какъ прыгаетъ сердце.
Эхъ, жаль, не придется вамъ, граждане,
Въ зеркало такъ посмотрѣться!

До цѣли все ближе и ближе.
Онъ блѣдѣнъ совсѣмъ не для виду!
Охъ, легче отрѣзать по грыже
Всѣмъ, кто покорялъ Антарктиду.

Вы водку сейчасъ потребляете
Большими-большими глотками,—
А онъ себя шьетъ — понимаете? —
Большими-большими стежками.

Герой онъ! Теперь же смекайте-ка:
Нигдѣ не умѣютъ такъ больше,—
И что́ намъ Антарктика съ Арктикой,
И что́ намъ Албанія съ Польшей!
И что́ намъ Антарктика съ Арктикой,
И что́ намъ Албанія съ Польшей!

1961 г.

Могъ бы быть я при тещѣ, при тестѣ...

Могъ бы быть я при тещѣ, при тестѣ,
Только ихъ и въ живыхъ уже нѣтъ.
А Парижъ? Что́ Парижъ! Онъ на мѣстѣ.
Онъ уже восхваленъ и воспѣтъ.
Онъ стоитъ какъ стоялъ, онъ и будетъ стоять,
Если только опять не начнутъ шутковать —
Ибо шутка въ себѣ часто много таитъ!
А пока что Парижъ какъ стоялъ, такъ стоитъ.
Не волнуйтесь — пока онъ стоитъ.

1980 г.

With my parents-in-law now I could be...

With my parents-in-law now I could be,
But they've both gone to their last home.
As for Paris, it's there where it should be,
Just the same as we knew it before.

And the same it'll for ever remain
If they play not a joke on again—
'Cause there may be dishonest intentions!
But so far there are no even little changes.

1980.

Холера.

Нѣтъ въ магазинахъ никакой ѣды —
Всѣ экономятъ вынужденно деньги:
Холера коситъ стройные ряды, —
Но люди вновь смыкаются въ шеренги.

Закрытъ Кавказъ, горитъ Аэрофлотъ,
И въ Астрахани лихо жгутъ арбузы,
Но отъ станка рабочій не уйдетъ,
И не ослабнутъ единенья узы.
Но отъ станка рабочій не уйдетъ,
И не ослабнутъ единенья узы.

Убытки терпитъ цѣлая страна,
Но вѣра есть — все зиждется на вѣрѣ! —
Объявлена народная война
Одной несчастной, бѣдненькой холерѣ.
Объявлена народная война
Одной несчастной, бѣдненькой холерѣ.

На трудовую вахту всталъ народъ
Для битвы съ новоявленною порчей.
No pasarán! Холера не пройдетъ!
Холерѣ — нѣтъ! И все, и балъ оконченъ!

Я погадалъ вчера на даму трефъ,
Она была въ гаданіи холерой.
И понялъ я: холера — это блефъ,
Она теперь мнѣ кажется химерой.

Во мнѣ теперь прибавилось ума,
Себя я ощущаю Гулливеромъ.
Вѣдь понялъ я: холера — не чума,
У каждаго изъ насъ своя холера!
Вѣдь понялъ я: холера — не чума,
У каждаго изъ насъ своя холера!

Увѣренъ я: холерѣ скоро тлѣть.
А ну-ка, залпъ изъ тысячи орудій!

Впередъ! Холерой могутъ заболѣть
Холерики — несдержанные люди.
Впередъ! Холерой могутъ заболѣть
Холерики — несдержанные люди.

1970 г.

Нынче очень сложный вѣкъ...

Нынче очень сложный вѣкъ.
Вотъ — прохожій... Кто же онъ?
Можетъ, просто человѣкъ,
Ну а можетъ быть, шпіонъ!

1966 г.

Oh, how trying is our time!..

Oh, how trying is our time!..
Who's that one? Be thou all eyes.
It may happen that he's a spy,
But perhaps he's a good guy.

1966.

Нѣтъ прохода, и давно...

Нѣтъ прохода, и давно,
Въ мірѣ отъ нахаловъ,—
Мразь и сѣрость пьютъ вино
Изъ чужихъ бокаловъ.

1971 г.

There’s no way for a long time...

There’s no way for a long time
Owing to the jackanapeses,
Scum and Dullness wine and dine
On the honest people’s places.

1971.

Не могу отвлечься, ни забыться...

Не могу отвлечься, ни забыться:
Стихъ пришелъ и замыселъ высокъ.
Не мѣшайте, дайте углубиться,
Дайте отрѣшиться на часокъ!

1975 г.

I can’t seek the oblivion of sleep...

I can’t seek the oblivion of sleep:
A verse has come and my conception is high.
Disturb me not, let me be going deep,
Let me be lost in thinking for a while!

1975.

Нынче мнѣ не до улыбокъ...

Нынче мнѣ не до улыбокъ,
Я не веселый бреду,
Слишкомъ ужъ много ошибокъ
Сдѣлано въ этомъ году.

И что ни шагъ — то оплошность,
Словно въ острогъ заключенъ...
Крупнопанельная пошлость
Смотритъ съ обѣихъ сторонъ.

1967 г.

Now without grinning...

Now without grinning
I make my going on,
This unlucky year
A lot has happened wrong.

Each my step is errant,
As though I'm confined...
The large-panel aberrance
Beholds me from both sides.

1967.

О Китайской проблемѣ.

Разныхъ немало народовъ и расъ —
Божья богата палитра,
Воздуху каждый вдыхаетъ за разъ
Два съ половиною литра.

Если такъ дальше, не надо и бѣдъ —
Скоро конецъ нашей эры:
Эти Китайцы за нѣсколько лѣтъ
Землю лишатъ атмосферы.

Сонъ мнѣ тутъ снился три ночи подрядъ,
Даже бояться сталъ спать я:
Будто я — въ домъ, а въ гостиной сидятъ
Наши Китайскіе братья.

И что раздѣлился нашъ маленькій шаръ
На три неравныя части:
Насъ — милліардъ, ихъ — милліардъ,
А остальные — Китайцы.

И что подаютъ мнѣ какой-то листокъ:
На, молъ, подписывай, ну же!
Очень намъ нуженъ вашъ Дальній Востокъ,
Просто ужасно онъ нуженъ!

...Я не за Мальтуса — странный былъ онъ,
Тоже мнѣ — выдумалъ штуку!
Но вспоминаю я часто тотъ сонъ, —
Охъ, не случился бъ онъ въ руку!
Но вспоминаю я часто тотъ сонъ, —
Охъ, не случился бъ онъ въ руку!

1965 г.

Смѣхъ, веселье, радость...

Смѣхъ, веселье, радость —
У него все было,
Но, однако, жадность
Парня погубила.

Онъ имѣть и то, и се
Почиталъ за малость.
Ну, такъ и пропало все,
Хоть бы что́ осталось!

1965 г.

He'd gotten whatever wanted...

He'd gotten whatever wanted—
Enjoyment, laugh and fun,
But, as the saying goes,
God hates a greedy one.

It was enough for him
To get nor this nor that,
And all has disappeared,
There's nothing in his hand.

1965.

Не грусти!

Можетъ, денегъ тебѣ не хватаетъ,
Отъ болѣзни на нѣтъ ты сошелъ...
Не грусти, другъ! Статистика знаетъ,
Что на кругъ у насъ все хорошо.

1960 г.

Don’t Be Sad!

If it’s happed that thou feel’st like hell,
Or art tired with thy joyless life,
Don’t be sad! Statistics knows well
That on average everything is fine.

1960.

Эврика! Ура!..

Эврика! Ура! Извѣстно въ точности,
Что нашъ родъ идетъ отъ Марсіанъ.
Правда, это — Дарвину пощечина:
Онъ предпочиталъ имъ обезьянъ.

По ѳеоріи его выходило,
Что прямой нашъ прародитель — горилла!

Въ школѣ по программамъ обязательнымъ
Я схватилъ за Дарвина пять «паръ»,
Хохоталъ въ лицо преподавателямъ,
И ходить стѣснялся въ зоопаркъ.

Взаперти тамъ, безъ одежды и мыла,
Жилъ прямой нашъ прародитель — горилла.

Право, люди всѣ обыкновенные,
Но меня преслѣдовалъ дурманъ:
Присмотрѣвшись, въ каждомъ непремѣнно я
Находилъ черты отъ обезьянъ.

Въ фасъ ли, въ профиль посмотрѣть — выходило,
Что прямой нашъ прародитель — горилла!

Мнѣ сосѣдка Лидія Исаковна,
Съ дворникомъ крутившая романъ,
Говорила: «Всѣ мы одинаковы —
«Всѣ произошли отъ обезьянъ!»

Представлять ей очень радостно было,
Что у всѣхъ насъ прародитель — горилла!

Мстила мнѣ за что-то эта склочница:
Выключала свѣтъ, ломала кранъ...
Я сказалъ ей: «Если вамъ такъ хочется,
«Думайте, что всѣ — отъ обезьянъ.»

Правда, взглянешь на нее — выходило,
Что прямой нашъ прародитель — горилла!

1971 г.

Цунами.

Пословица звучитъ витіевато:
Не восхищайся прошлогоднимъ небомъ,—
Не возвращайся—гдѣ былъ рай когда-то,
И брось дурить—иди туда, гдѣ не былъ!

Тамъ что творитъ одна природа съ нами!
Туда добраться трудно и молвѣ.
Тамъ каждый встрѣчный—что ему цунами!—
Со штормами въ душѣ и въ головѣ!

Покой здѣсь, правда, ни за что не купишь—
Но ты вернешься, говорятъ ребята,
Наперекоръ пословицѣ поступишь—
Придешь туда, гдѣ встрѣтилъ насъ когда-то!

Здѣсь что творитъ одна природа съ нами!
Сюда добраться трудно и молвѣ.
Здѣсь иногда рождаются цунами
И рушатъ все въ душѣ и въ головѣ!

На морѣ штиль, но въ мірѣ нѣтъ покоя—
Локаторъ ищетъ цѣль за облаками.
Тревога—если что-нибудь такое—
Или сигналъ: вниманіе—цунами!

Я нынче поднимаю тостъ съ друзьями!
Цунами—равнодушная волна.
Бываютъ бѣды пострашнѣй цунами
И—радости сильнѣе, чѣмъ она!
И—радости сильнѣе, чѣмъ она!

1969 г.

Забытый солдатъ.

Нѣтъ въ домѣ божницы въ переднемъ углу:
Навѣрно, они Молоканѣ.
Лежитъ мешковина у нихъ на полу,
Затоптанная каблуками.

Кровати да столъ — вотъ и весь ихъ уютъ,
И двѣ золотушныя дочки...
Я словно попалъ въ инвалидный пріютъ,
Прохожій въ крахмальной сорочкѣ.

Мнѣ дали вино — далеко не Кагоръ,
За рубль два здоровыхъ кувшина.
Я далъ полтора — и почелъ, что укоръ
Въ глазахъ старика безпричиненъ.

«Желаю удачи!» сказалъ я ему.
«Какая тамъ, парень, удача!»
Мы выпили съ нимъ, посидѣли въ дыму,
И началъ онъ сразу, и началъ...

«А что,» говоритъ, «мнѣ дала эта власть
За зубы мои и за ноги?
А дѣлъ — безъ конца, — напиваюсь я всласть
И рою культями дороги.

Эхъ, были бы ноги — я бъ больше успѣлъ,
Обилъ бы я больше пороговъ...
Да толку вотъ только,» старикъ просипѣлъ,
«Я думаю, было бъ не много.»

«Что надобно, дѣдъ?» я спросилъ старика.
«А надобно самую малость:
Чтобъ пусть не Ц.К., но хотя бы Ч.К.
Судьбою интересовалась...»

1966 г.

Письмо въ «Очевидное — невѣроятное».

Дорогая передача!
Во Субботу, чуть не плача,
Вся Канатчикова дача
Къ телевизору рвалась.
Должно было намъ помыться,
Уколоться и забыться, —
Но безумная больница
У экрана собралась.

Говорилъ, ломая руки,
Краснобай и баламутъ
Про безсиліе науки
Передъ тайною Бермудъ.
Всѣ мозги разбилъ на части,
Всѣ извилины заплелъ,
И Канатчиковы власти
Колютъ намъ второй уколъ.

Уважаемый редакторъ!
Можетъ, лучше — про реакторъ,
Про любимый лунный тракторъ?
Вѣдь нельзя жъ, годъ напролетъ,
Молъ, тарелки прилетаютъ,
И кого-то похищаютъ,
Или до смерти пугаютъ,
Или истязаютъ скотъ.

Мы кое въ чемъ поднаторѣли, —
Мы тарелки бьемъ весь годъ,
Мы на нихъ уже собаку съѣли,
Если поваръ намъ не вретъ.
А медикаментовъ груды —
Мы — мимо рта, кто не дуракъ.
Вотъ это жизнь! И вдругъ — Бермуды.
Вотъ те разъ, нельзя же такъ!

Мы не сдѣлали скандала, —
Намъ вождя недоставало.

Настоящихъ буйныхъ мало —
Вотъ и нѣту вожаковъ.
Но на происки и бредни
Сѣти есть у насъ и бредни,
И не испортятъ намъ обѣдни
Злые происки враговъ!

Это ихъ худые черти
Бермутятъ воду во пруду,
Это все придумалъ Черчилль
Въ восемнадцатомъ году.
Мы про взрывы, про пожары
Сочиняли ноту Т.А.С.С.,
Тутъ примчались санитары,
И зафиксировали насъ.

Тотъ, кто былъ чрезмѣрно боекъ,
Былъ къ своей привязанъ койкѣ; —
Извивался параноикъ,
Какъ вѣдьмакъ на шабашѣ:
«Развяжите полотенцы,
«Иновѣры, изувѣрцы,
«Намъ бермуторно на сердцѣ
И бермутно на душѣ!»

Сорокъ душъ посмѣнно воютъ,
Раскалились добѣла.
Вотъ какъ сильно безпокоятъ
Треугольныя дѣла!
Всѣ почти съ ума свихнулись,
Даже кто безуменъ былъ,
И тогда главврачъ Маргулисъ
Телевизоръ запретилъ.

Вонъ онъ, змѣй, въ окнѣ маячитъ,
За спиною штепсель прячетъ.
Подалъ знакъ — кому-то, значитъ,
Фельдшеръ вырветъ провода.
И намъ осталось уколоться
И упасть на дно колодца,

И тамъ пропасть на днѣ колодца,
Какъ въ Бермудахъ, навсегда.

Ну, а завтра спросятъ дѣти,
Навѣщая насъ съ утра:
«Папы, что сказали эти
«Кандидаты въ доктора?»
Мы откроемъ нашимъ чадамъ
Правду, — имъ не все равно:
Удивительное — рядомъ,
Но оно запрещено!

А вонъ дантистъ-надомникъ Рудикъ,
У него пріемникъ «Grundig»,
Онъ его ночами крутитъ,
Ловитъ, контра, Ф.Р.Г.
Онъ тамъ былъ купцомъ по шмуткамъ
И подвинулся разсудкомъ,
А къ намъ попалъ въ волненьи жуткомъ,
И съ нумерочкомъ на ногѣ.

Онъ прибѣжалъ, взволнованъ крайне,
И сообщеньемъ насъ потрясъ,
Будто нашъ научный лайнеръ
Въ треугольникѣ погрязъ.
Сгинулъ, топливо истративъ,
Весь распался на куски,
Но двухъ безумныхъ нашихъ братьевъ
Подобрали рыбаки.

Тѣ, что были въ катаклѵзмѣ,
Пребываютъ въ пессимизмѣ; —
Ихъ вчера въ стеклянной призмѣ
Къ намъ въ больницу привезли.
И одинъ изъ нихъ, механикъ,
Разсказалъ, сбѣжавъ отъ нянекъ,
Что Бермудскій многогранникъ —
Незакрытый пупъ Земли.

«Что тамъ было, какъ ты спасся?» —
Каждый лѣзъ и приставалъ.
Но механикъ только трясся
И «чинарики» стрѣлялъ.
Онъ то плакалъ, то смѣялся,
То щетинился, какъ ежъ.
Онъ надъ нами издевался.
Ну, сумасшедшій, что возьмешь!

Взвился бывшій алкоголикъ,
Матерщинникъ и крамольникъ:
«Надо выпить треугольникъ!
«На троихъ его, даешь!»
Разошелся, такъ и сыплетъ:
«Треугольникъ будетъ выпитъ,
«Будь онъ — параллелепипедъ,
«Будь онъ кругъ, будь онъ что хошь!»

Больно бьютъ по нашимъ душамъ
«Голоса» за тыщи миль.
Мы зря Америку не глушимъ,
Ой, зря не давимъ «Исраиль»:
Всей своей враждебной сутью
Подрываютъ и вредятъ —
Кормятъ, поятъ насъ бермутью
Про таинственный квадратъ!

Лектора изъ передачи
(Тѣ, что такъ или иначе
Говорятъ про неудачи
И нервируютъ народъ)!
Насъ берите, обреченныхъ, —
Треугольникъ васъ, ученыхъ,
Превратитъ въ умалишенныхъ,
Ну, а насъ — наоборотъ.

Пусть безумная идея, —
Не рѣшайте сгоряча!
Отвѣчайте намъ скорѣе
Черезъ доку-главврача.

Съ уваженьемъ. Дата, подпись.
Отвѣчайте намъ, а то,
Если вы не отзоветесь,—
Мы напишемъ въ «Спортлото».

1977 г.

Я тутъ подвигъ совершилъ...

Я тутъ подвигъ совершилъ —
Возгоранье потушилъ,
Про меня въ газетѣ напечатали; —
И Японскій репортеръ —
Мой вчерашній визитеръ —
Обѣщалъ мнѣ кучу всякой всячины.

«Мы, — грилъ, — организмъ вашъ весь
«Изучимъ до іотъ,
«Башъ на башъ скопируемъ
«Наслѣдственный вашъ кодъ.»

Нѣтъ, ни за какія іены
Я не продамъ свои гены,
Ни за какія хоромы
Не уступлю хромосомы!

Онъ мнѣ «Сони» предлагалъ,
Джіу-джитсою стращалъ,
Діапозитивы мнѣ прокручивалъ.
Думалъ, что проломитъ брешь
Чайный домикъ, полный гейшъ —
Ничего не выдумалъ онъ лучшаго!

Досидѣлъ до ужина —
Бросало его въ потъ.
«Очень, — грилъ, — онъ нуженъ намъ,
«Наслѣдственный вашъ кодъ.»

Нѣтъ, ни за какія іены
Я не продамъ свои гены,
Ни за какія хоромы
Не уступлю хромосомы!

Хоть Японецъ желтолицъ —
У него шикарный «блицъ»:
«Дай своихъ хоть снимкомъ я порадую!»

Грю я: «Нѣтъ,» — вѣдь вдругъ онъ вретъ, —
Вонъ, съ газеты пусть беретъ —
Тамъ я схожій съ ихнею микадою.

Я спросилъ его въ упоръ:
«А ну-ка, — грю, — отвѣть:
«Кодъ мой нуженъ, репортеръ,
«Не для забавы вѣдь?»

Нѣтъ, ни за какія іены
Я не продамъ свои гены,
Ни за какія хоромы
Не уступлю хромосомы!

Тутъ рѣшилъ онъ не юлить
И всю правду мнѣ открыть,
Разговоръ пошелъ безъ накомарниковъ:
«Кодъ вашъ очень нуженъ намъ —
«Будемъ мы учить по вамъ
«Всѣхъ у насъ въ Японіи пожарниковъ.»

Эхъ, неопытный народъ,
Да гдѣ до нашихъ вамъ!
Не надѣйтесь, я свой кодъ
Не вамъ — своимъ отдамъ!

Нѣтъ, ни за какія іены
Я не продамъ свои гены,
Ни за какія хоромы
Не уступлю хромосомы!

1967 г.

Въ королевствѣ, гдѣ всегда было ладно...

In a kingdom, where all was neat and quiet...

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ.

IN A FARAWAY KINGDOM.

У профессіональныхъ игроковъ...

У профессіональныхъ игроковъ
Любая масть ложится передъ червой,
Такъ вѣкъ двадцатый средь другихъ вѣковъ
Обычнымъ станетъ, встрѣтивъ двадцать первый.

Я думаю, ученые наврали,
Проколъ у нихъ въ ѳеоріи, прорѣзъ:
Развитіе идетъ не по спирали,
А вкривь и вкось, вразрѣзъ, напереръѣзъ!

1978 г.

When play cards the professional players...

When play cards the professional players,
In front of hearts lies down any suit.
Just so our vaunted twentieth century,
In the next one, will be in a bad use.

There happened an error in life science,
The learned men declared a big lie—
Expansion doesn't go in a spiral,
It does in contravention and despite!

1978.

Пѣсня о королевскомъ стрѣлкѣ.

Въ королевствѣ, гдѣ всегда было ладно,—
Не случалось ни потоповъ, ни бурь,—
Появился дикій sвѣрь огромадный—
То ли буйволъ, то ли вепрь, то ли туръ.

Самъ король болѣлъ подагрой и астмой,
Только кашлемъ сильный страхъ наводилъ;
А тѣмъ временемъ sвѣрюга ужасный
Коихъ ѣлъ, а коихъ въ лѣсъ волочилъ.

И король велѣлъ издать два декрета:
Sвѣря надо одолѣть наконецъ!
А кто отважится и сдѣлаетъ это—
Тотъ принцессу поведетъ подъ вѣнецъ.

А въ отчаявшемся томъ королевствѣ—
Какъ войдешь, такъ сразу наискосокъ—
Жилъ съ разбойниками въ добромъ сосѣдствѣ
Бывшій лучшій королевскій стрѣлокъ.

На полу лежали люди и шкуры,
Пѣли пѣсни, пили меды—и тутъ
Протрубили во дворѣ трубадуры,
Хвать стрѣлка—и во дворецъ волокутъ.

И король ему прокашлялъ: «Не буду
«Я читать тебѣ морали, юнецъ!
«Но если сможешь побѣдить чуду-юду,
«То принцессу поведешь подъ вѣнецъ.»

А стрѣлокъ: «Да это что за награда?!
«Мнѣ бы—выставить портвейна бадью!
«А принцессу мнѣ и даромъ не надо,
«Чуду-юду я и такъ побѣдю!»

А король: «Возьмешь принцессу, и точка!
«А не то тебя разъ-два—и въ тюрьму!

A Song about the King's Shooter.

In a kingdom, where all was neat and quiet,
Where had never been deluges, droughts or shocks,
Once appeared a wild boar, very giant,
Who was, maybe, a big wolf or an ox.

At that time, His Kingship suffered from quinsy,
People scattered when he coughed or just sneezed.
In the meantime, that wild beast, dread and beastly,
Dragged away and ate whomever he pleased.

So His Kingship promptly passed a decision:
That foul monster must be stripped of his life!
And the one, who'll carry out this mission,
In reward take our fair daughter to wife.

In that kingdom, which was close to distraction—
As you enter, there's a short walk sideways—
Lived a fellow in debauch and inaction—
Once the king's best shooter, now in disgrace.

Merry fellows lay on skins on the ground,
They drank port-wine and played cards, sang and talked,
When the king's guard read the order aloud,
And the shooter was dragged straight to the court.

There His Kingship coughed to him, "Listen, youngster!
We determined to restore thee to life.
Save the kingdom from this awful disaster,
And We'll give thee our fair daughter to wife."

Said the shooter, "No offense to your daughter,
I'd prefer a cask of port-wine instead.
Keep the princess as she is, I want not her,
I'll for free get you that foul monster's head."

Said His Kingship, "Thou'rt too sassy and choosy,
But the princess isn't the thing to debate!

«Это все же королевская дочка!..»
А стрѣлокъ: «Ну хоть убей — не возьму!»

И пока онъ съ королемъ препирался,
Съѣлъ уже почти всѣхъ женщинъ и куръ
И у самаго дворца отирался
Этотъ самый то ли вепрь, то ли туръ.

Уступилъ король — портвейнъ онъ отспорилъ,
Чуду-юду уложилъ — и убѣгъ...
Вотъ такъ принцессу съ королемъ опозорилъ
Бывшій лучшій королевскій стрѣлокъ.

1966 г.

She's a daughter of a king, not some floozy!.."
And the shooter said, "She won't be my mate!"

While these two debated even to shout,
Almost all hens and young women were lost,
And nearby the palace door loafed about
That wild boar or, maybe, wolf or just ox.

In the end, the shooter got what he ought to,
Shot the monster and escaped from that place...
Thus he put to shame the king and his daughter—
Once the king's best shooter, now in disgrace.

1966.

СВАДЕБНАЯ.

I. Скоморохи на ярмаркѣ.

Эй, народъ честной, незадачливый!
Эй, вы, купчики да служивый людъ!
Живо къ городу поворачивай —
Зря ли въ колоколъ съ колокольни бьютъ!

Все ряды уже съ утра
позахвачены —
Уйма всякаго добра,
всякой всячины:
Тамъ точильные круги
точатъ лясы,
Тамъ лихіе сапоги-
самоплясы.

Тагарга-матагарга,
Во столицѣ ярмарка —
Сказочно-реальная,
Цвѣтомузыкальная!

Богачи и голь перекатная,
Покупатели всѣ, однако, вы.
И хоть ярмарка не безплатная,
Разъ въ году вы всѣ одинаковы!

За ѣдою въ закрома
спозараночка
Скатерть сбѣгаетъ сама —
самобраночка.
Кто не хочет ѣсть и пить,
тѣмъ — изнанка,
Тѣхъ начнетъ сама бранить
самобранка.

Тагарга-матагарга,
Вотъ какая ярмарка!

A WEDDING SONG.

VI. Glory to the Soldier!

Yesterday we wished good fortune
To our good old fellow, soldier.
And he's made us lucky people—
Sent away that sassy whistler!

Now goes Nightingale
In the forest, on his way!
From poor life—to the king's circle!
Glory, glory to the soldier!

All the best to thee for ever,
Our brave soldier, good old fellow!
Through long years, we'll pass down
How thou'st kept the Crown!

Now goes Nightingale
In the forest, on his way!
From poor life—to the king's circle!
Glory, glory to the soldier!

1974.

Праздничная, вольная,
Бѣлохлѣбосольная!

Вона шапочки-невидимочки,
Кто наденетъ ихъ — станетъ бариномъ.
Леденцы во рту, словно льдиночки,
И Жаръ-птица есть въ видѣ жареномъ!

Прилетѣли годъ назадъ
Гуси-Лебеди,
А теперь они лежатъ
на столѣ, гляди!
Эй, слѣзайте съ облучка,
добры люди,
Да изъ Бѣлаго Бычка
Ѣшьте студень!

Тагарга-матагарга,
Всѣмъ богата ярмарка!
Вонъ орехи рядышкомъ
Съ изумруднымъ ядрышкомъ!

Скоморохи здѣсь — всѣ хорошіе,
Скачутъ-прыгаютъ черезъ палочку.
Прибауточки скоморошія,
Смѣхъ и грѣхъ отъ нихъ — всѣ вповалочку!

По традиціи, какъ встарь,
вплавь да волокомъ
Привезли Царь-самоваръ,
какъ Царь-колоколъ.
Скороварный самоваръ,
онъ — на торфѣ,
Вамъ на выборъ сваритъ варъ
или кофе.

Тагарга-матагарга,
Удалая ярмарка —
Съ плясунами рѣзвыми,
Большей частью трезвыми!

Вотъ Балда пришелъ, подрядиться чтобъ:
Безъ работы онъ киснетъ-квасится.
Тутъ какъ тутъ и Попъ — толоконный лобъ,
На щелчки теперь онъ не зарится!

Разновѣсые вѣсы —
проторгуешься!
Въ скороходики-часы —
не обуешься!
Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи да пурги —
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
Что за чудо-ярмарка,
Звонкая, несонная,
Нетрадиціонная!

Вонъ Емелюшка Щуку мнетъ въ рукѣ:
Разъ не слушалась — быть ей варевомъ.
Черноморъ Кота продаетъ въ мешкѣ —
Слишкомъ много Котъ разговаривалъ.

Говорилъ онъ безъ тычка,
безъ задорины —
Всѣ мы сказками слегка
объегорены.
Не скупись, не стой, народъ,
за цѣною:
Продается съ цѣпью Котъ
золотою!

Тагарга-матагарга,
Упоенье — ярмарка,
Общее, повальное,
Эмоціональное!

Будетъ смѣхомъ-то рвать животики!
Кто отважится, разохотится

Да на коврикѣ-самолетикѣ
Хоть немножечко, да прокотится?!

Разрѣшите сдѣлать вамъ
примѣчаніе:
Никакихъ воздушныхъ ямъ
и качанія.
Ковролетчики вчера
ночь не спали —
Пыль изъ этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
Удалася ярмарка!
Тагарга-матагарга,
Хорошо бы — надолго!

Здѣсь рѣка течетъ — вся молочная,
Берега надъ ней — сплошь кисельные.
Мы вобьемъ во дно сваи прочныя,
Запрудимъ ее — дѣло дѣльное!

Запрудили мы рѣку —
это плохо ли?
На кисельномъ берегу
пляжъ отгрохали.
Но купаться намъ пока
нету смысла,
Какъ рѣка у насъ взяла
да прокисла!

Тагарга-матагарга,
Не въ обидѣ ярмарка —
Хоть залейся нашею
Кислой простоквашею!

Мы бѣду-напасть подожжемъ огнемъ,
Распрямимъ хребты втрое сложеннымъ,
Меду хмельного до краевъ нальемъ
Всѣмъ скучающимъ да скукоженнымъ!

Много тыщъ имѣетъ кто —
тратьте тыщи тѣ:
Даже то — не знаю что —
здѣсь отыщете!
Коль на ярмарку пришли,
такъ гуляйте,
Неразмѣнные рубли
размѣняйте!

Тагарга-матагарга,
Для веселыхъ ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай!

II. Серенада Соловья-разбойника.

Выходи, я тебѣ посвищу серенаду!
Кто тебѣ серенаду еще посвиститъ?
Сутки кряду могу — до упаду, —
Если Муза меня посѣтитъ.

Я пока еще только шутю и шалю —
Я пока на себя не похожъ:
Я обиду терплю, но когда я вспылю —
Я дворецъ подпилю, подпалю, развалю,
Если ты на балконъ не придешь!

Ты отвѣчай мнѣ прямо-откровенно —
Разбойничую душу не трави!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушай серенаду о любви!

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна дѣвица жила въ полуподвалѣ,
Я бъ тогда на корточки
Присѣдалъ у форточки, —
Мы бы до утра съ ней ворковали!

Во лѣсныхъ кладовыхъ моихъ — уйма товара,
Два уютныхъ дупла, не найти лучше нихъ...

Чѣмъ же я тебѣ, Груша, не пара,
Чѣмъ плохой для тебя я женихъ?

Такъ тебя я люблю, что ночами не сплю,
Сохну съ горя у всѣхъ на виду.
Вонъ и голосъ сорвалъ — и хриплю, и сиплю.
Охъ, я дровъ нарублю — я себя погублю, —
Но тебя украду, уведу!

Я жениховъ твоихъ — черезъ колѣно!
Я папѣ твоему попорчу кровь!
О выйди, выйди, выйди, Аграфена, —
О не губи разбойничью любовь!

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна дѣвица жила въ полуподвалѣ,
Я бъ тогда на корточки
Присѣдалъ у форточки, —
Мы бы до утра съ ней ворковали!

Такъ давай, Аграфенушка, свадьбу назначимъ, —
Я — нечистая сила, но съ чистой душой:
Къ красотѣ не нужна мнѣ придача —
Признаю я лишь честный разбой.

Я и трелью зальюсь, и подарокъ куплю,
Нечисть всю приведу на поклонъ;
Я тебя пропою, я тебя прокормлю,
Никогда тебя, Фенечка, не разлюблю, —
Только выйди теперь на балконъ!

Отвѣть всерiозъ, прошу проникновенно,
А что захочешь — только назови...
Такъ выйди же скорѣе, Аграфена, —
Не дай погаснуть пламенной любви!

Во темячкѣ моемъ да во височкѣ —
Одна мечта: что выйдетъ красота, —
Привстану я на цыпочки-мысочки
И поцѣлую въ сахарны уста!

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна дѣвица жила въ полуподвалѣ,
Я бъ тогда на корточки
Присѣдалъ у форточки,—
Мы бы до утра съ ней ворковали!

III. Царскій указъ.

Если въ сей нелегкій часъ
спустимъ рукава,
Соловей освищетъ насъ
и пойдетъ молва:
Дескать, силой государь
оскудѣлъ,
Мало, видно, этотъ царь
каши ѣлъ.

Кто же сможетъ унять шайку-лейку,
Кто на подвиги ратны гораздъ?
Царь тому дорогую шубейку
Отъ щедротъ своихъ царскихъ отдастъ!

Торопись указъ зачесть,
изданный не зря:
Кто заступится за честь
батюшки-царя,
Кто разбойника уйметъ,
Соловья,
Къ государю попадетъ
въ сыновья!

Кто оружьемъ побьетъ образину
Иль проучитъ его кулакомъ,
Тотъ отъ царства возьметъ половину,
Ну а дочку—такъ всю цѣликомъ!

IV. Дуэтъ кассира и казначея.

— Когда пуста казна,
Тогда страна бѣдна,

И если грянетъ война,
То будетъ совсѣмъ бѣда.

Но если казна полна,
То можетъ лопнуть она,—
А если лопнетъ казна,
То будетъ намъ грошъ цѣна.

Ну, а наша профессія—
Изнутри и извнѣ
Сохранять равновесіе
Въ этой самой казнѣ.

Мы—дружки закадычные,
Любимъ «хвать и похвать»,—
Сядемъ въ карты играть:
— Только, чуръ,—на наличныя!
— Только, чуръ,—мухлевать!

— Вотъ я—смотритель кассъ,
Я вродѣ—кассоглазъ,
Хотя за мной-то какъ разъ
И нуженъ бы глазъ да глазъ.

— А я забылъ, кто я.
Звукъ злата все звончѣй.
Казна—извѣстно чья?
А я—такъ казначей?!

— Мы долги полной платою
Отдаемъ цѣликомъ,
Подгребаемъ лопатою
И горстями гребемъ.

Насъ понять захотите ли,
Двухъ друзей-горемыкъ?—
Не хотимъ мы тюрьмы:
Мы же не расхитители—
Уравнители мы.

V. Походная.

Ну чѣмъ же мы, солдаты, виноваты,
Что наши пушки не зачехлены?
Пока ершиться будутъ супостаты,
Не обойтись безъ драки и войны.

Я бы пушки и мортиры
Никогда не заряжалъ,
Не ходилъ бы даже въ тиры —
Дѣтямъ сказки я бъ читалъ.

Но вотъ какъ разъ
пришелъ приказъ
Итти на усмиреніе,
и я пою,
Какъ и всегда,
что горе — не бѣда, —
Но тяжело въ ученіи,
да и въ бою.

Раззудись, плечо, если нашихъ бьютъ!
Сбитыхъ, сваленныхъ — оттаскивай!
Я предъ боемъ — тихъ, я въ атакѣ — лютъ,
Ну, а послѣ боя — ласковый!

VI. Слава солдату!

Желали мы вчера
солдатику
Ни пуха ни пера,
касатику.
И онъ не сплоховалъ
нисколечко —
Обратно въ лѣсъ прогналъ
разбойничка!

Отъ нашего жилья
спровадилъ Соловья —

Надъ нами супостатъ
не властвуетъ!
Изъ бѣднаго житья—
да въ царскіе зятья!
Да здравствуетъ солдатъ!
Да здравствуетъ!

Всеобщее ура
солдатику!
Ни пуха ни пера
касатику!
Геройскій совершилъ
поступочекъ!
Корону защитилъ,
заступничекъ!

Отъ нашего жилья
спровадилъ Соловья—
Надъ нами супостатъ
не властвуетъ!
Изъ бѣднаго житья—
да въ царскіе зятья!
Да здравствуетъ солдатъ!
Да здравствуетъ!

VII. Свадебная.

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь,
Звонкій колоколъ раскочегаривай!
Ты очнись, встрепенись, гармонистъ,
Переливами щедро одаривай!

Мы бѣду навѣкъ спровадили,
Въ грудь ей вбили колъ осиновый.
Переборъ сегодня свадебный,
Звонъ надъ городомъ—малиновый.

Эй, гармошечка, дразни,
Не спѣши, подманивай!

Главный колоколъ, звони,
Маленькій — подзванивай!

Крикуны, пѣвуны, плясуны!
Оглашенные, неугомонные!
Нынче пиръ, буйный пиръ на весь міръ!
Всѣ — желанные, всѣ — приглашенные!

Какъ на ярмарочной площади
Вы веселіе обрящете,
Тамъ и горло прополощете,
Тамъ споете да попляшете!

Не серчай, а получай
Чашу полновѣсную!
Подходи да привѣчай
Жениха съ невѣстою!

Топочи, хлопочи, хохочи!
Хороводы води развеселые!
По бокамъ, по угламъ — къ старикамъ —
Разойдись, недоеные, квелые!

Поздравляй, да съ пониманіемъ,
За застольною бесѣдою —
Со счастливымъ сочетаніемъ
Да съ великою побѣдою!

Наша свадьба — не конецъ
Дѣльцу пустяковому:
Дѣлу доброму вѣнецъ,
Да начало новому!

1974 г.

Пѣсня Гогера-Могера.

Прохода нѣтъ отъ этихъ начитанныхъ болвановъ:
Куда ни плюнь — доценту на шляпу попадешь!
Позвать бы пару опытныхъ шамановъ-ветерановъ
И напустить на умниковъ падежъ!

Что́ за дѣла?! Не въ модѣ благородство,
И вмѣсто насъ — нормальныхъ, отъ сохи, —
Теперь осуществляютъ руководство
Тѣ, что умѣютъ сочинять стихи.

Смотря на власть, то плачу я, то ржу:
Неужто эта власть хоть что-то дастъ намъ?
Довѣрьте мнѣ — я поруковожу
Запутавшимся нашимъ государствомъ.

Кошмарный сонъ я видѣлъ: что безъ научныхъ знаній
Не соблазнишь красотокъ — ни дѣвочекъ, ни дамъ!
Но я и пары ломаныхъ юаней —
будь я проклятъ! —
За эти иксы-игреки не дамъ.

Недавно мы съ однимъ изъ умныхъ вышли,
И точки всѣ разставили надъ «і», —
Такъ у него былъ полонъ ротъ кровищи,
И интеграловъ — полныя штаны.

Съ такими — далеко ли до бѣды?!
Вѣдь изъ-за нихъ мы съ вами чахнемъ въ смогѣ.
Отдайте мнѣ ослабшія бразды —
Я натяну, не будь я Гогеръ-Могеръ!

И онъ намъ будетъ нуженъ — придушенный очкарикъ:
Такое намъ сварганитъ — врагамъ наступитъ крахъ!
Пингъ-понгъ одинъ придумалъ: хрупкій шарикъ —
Орѣшекъ крѣпкій въ опытныхъ рукахъ!

Искоренимъ любыя искривленья
Путемъ повальной чистки и мытья!

А перевоспитанье, исправленье
Безъ нашихъ твердыхъ рукъ — галиматья.

Я такъ рѣшилъ: онъ мой — текущій вѣкъ,
Хоть рѣжьте меня, ѣшьте и вяжите!
Я — Гогеръ-Могеръ, вольный человѣкъ,
И вы меня, ребята, поддержите!

Не надо намъ прироста — намъ нужно уменьшенье,
Намъ перенаселенье — что гиря на горбѣ.
Все это зло идетъ отъ женя-шеня —
Ядреный корень, знаю по себѣ.

Свеземъ на свалку тонны лишнихъ знаній,
Метлой — по деревнямъ и городамъ!
За тридцать штукъ серебряныхъ юаней —
будь я проклятъ! —
Я Ньютона съ Конфуціемъ продамъ.

Я тоже не вахлакъ, не дурачекъ —
Цитаты знаю я отъ всѣхъ напастей.
Могу устроить вамъ такой скачекъ,
Какъ только доберусь до высшей власти!
И я устрою вамъ такой скачекъ,
Когда я доберусь до высшей власти!

1978 г.

Про Сережку Ѳомина.

Я былъ такимъ, какъ вся дворовая шпана:
Мы пили водку, пѣли пѣсни ночью.
И не любили мы Сережку Ѳомина,
Какъ былъ онъ и въ хмелю сосредоточенъ.
И не любили мы Сережку Ѳомина,
Какъ былъ онъ и въ хмелю сосредоточенъ.

Сидѣли какъ-то у Сережки Ѳомина, —
Мы у него справляли наши встрѣчи, —
И тутъ сказалъ, что нынче грянула война,
Намъ Молотовъ въ своей извѣстной рѣчи.
И тутъ сказалъ, что нынче грянула война,
Намъ Молотовъ въ своей извѣстной рѣчи.

Въ военкоматѣ мнѣ сказали: «Старина,
Тебѣ броню далъ твой заводъ „Компрессоръ“!»
Я отказался, а Сережку Ѳомина
Спасъ отъ войны отецъ его, профессоръ.
Я отказался, а Сережку Ѳомина
Спасъ отъ войны отецъ его, профессоръ.

Кровь лить я счастливъ за тебя, моя страна,
Однако временами негодую:
Вѣдь кровь я лью и за Сережку Ѳомина,
Тогда какъ онъ и въ усъ себѣ не дуетъ.
Вѣдь кровь я лью и за Сережку Ѳомина,
Тогда какъ онъ и въ усъ себѣ не дуетъ.

Навѣрно, смотритъ по Субботнимъ вечерамъ
Онъ хронику про насъ передъ сеансомъ, —
Къ намъ бы на фронтъ сейчасъ Сережку Ѳомина,
Чтобъ тоже онъ повоевалъ съ Германцемъ!
Къ намъ бы на фронтъ сейчасъ Сережку Ѳомина,
Чтобъ тоже онъ повоевалъ съ Германцемъ!

Но все кончается, и кончилась война,
Съ плечъ сбросили мы словно тонны груза.

И вотъ встрѣчаю я Сережку Ѳомина,
А онъ — Герой Совѣтскаго Союза...
И вотъ встрѣчаю я Сережку Ѳомина,
А онъ — Герой Совѣтскаго Союза...

1964 г.

Лукоморья больше нѣтъ.

Лукоморья больше нѣтъ,
отъ дубовъ простылъ и слѣдъ.
Дубъ годится на паркетъ —
такъ вѣдь нѣтъ:
Здоровенные жлобы
изъ далекой стороны
Порубили всѣ дубы
на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

Распрекрасно жить въ домахъ,
что на курьиныхъ ногахъ,
Но явился всѣмъ на страхъ
Вертопрахъ.
Добрый молодецъ онъ былъ:
бабку Вѣдьму подпоилъ,
Ратный подвигъ совершилъ —
домъ спалилъ.

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

Тридцать три богатыря
порѣшили, что зазря
Берегли они царя
и моря —
Каждый взялъ себѣ надѣлъ,
куръ завелъ и въ немъ засѣлъ,
Охраняя свой удѣлъ
не у дѣлъ.

Обломавъ зеленый дубъ,
дядька ихній сдѣлалъ срубъ,
Обзавелся уймой слугъ,
съ ними грубъ.
И клянетъ все день-деньской
бывшій дядька ихъ морской,
Промѣнявъ путь бранный свой
на покой.

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

Здѣсь и вправду ходитъ Котъ, —
какъ направо — пѣснь поетъ,
Какъ налѣво — анекдотъ
выдаетъ.
Но, ученый сукинъ сынъ,
цѣпь златую заложилъ
И всю выручку пропилъ,
прокутилъ.

Какъ-то разъ за Божій даръ
получилъ онъ гонораръ:
Въ Лукоморьѣ перегаръ
на гектаръ!
Но хватилъ его ударъ, —
чтобъ уйти отъ Божьихъ каръ,
Котъ диктуетъ про Татаръ
мемуаръ.

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

А Русалка — вотъ дѣла! —
честь не долго берегла

И однажды, какъ смогла,
родила.
Тридцать три же мужика
не желаютъ знать сынка:
Пусть считается пока
сынъ полка.

Какъ-то разъ одинъ колдунъ —
врунъ, болтунъ и хохотунъ —
Предложилъ ей, какъ вѣдунъ
женскихъ струнъ:
Молъ, Русалка, все пойму
и съ дитемъ тебя возьму —
И пошла она къ нему,
какъ въ тюрьму.

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

Бородатый Черноморъ,
Лукоморскій первый воръ —
Отопретъ любой запоръ,
охъ, хитеръ!
Ловко пользуется, тать,
тѣмъ, что можетъ онъ летать:
Зазѣваешься — онъ хвать! —
и тикать.

А коверный самолетъ
сданъ въ музей въ запрошлый годъ —
Любознательный народъ
такъ и претъ!
Безъ опаски старый хрычъ
бабъ воруетъ, хнычь не хнычь,
Кто-нибудь ему накличь
параличъ!

Ты уймись, уймись, тоска
у меня въ груди!
Это только присказка,
сказка — впереди.

Нѣту мочи, нѣту силъ...
Лѣшій какъ-то не допилъ —
Лѣшачиху свою билъ
и вопилъ:
«Дай мнѣ рупь, а то прибью, —
это жъ я кормлю семью!
А не дашь — твою родню
прогоню!»

«Я ли ягодъ не носилъ?»
снова Лѣшій голосилъ.
«А коры по скольку килъ
приносилъ!
«Надрывался — издаля,
ублажаль, какъ могъ, тебя, —
Но не цѣнишь ты меня —
ахъ ты, тля!»

Нѣтъ невиданныхъ sвѣрей,
дичи всякой, ей-же-ей:
Понаѣхало за ней
егерей...
Такъ что, значитъ, не секретъ:
Лукоморья больше нѣтъ.
Все, о чемъ писалъ поэтъ,
это бредъ.

Ты уймись, уймись, тоска,
душу мнѣ не рань!
Разъ ужъ это присказка,
значитъ, сказка — дрянь!

1967 г.

Схлынули вешнія воды...

Схлынули вешнія воды,
Высохло все, накалилось.
Вышли на площадь уроды —
Солнце за тучами скрылось.

А уродъ-то сидитъ на уродѣ
И уродомъ другимъ погоняетъ,
И эти дѣла — при народѣ,
Коль скоро онъ не возражаетъ.

1966 г.

Spring waters went away...

Spring waters went away,
And when the land dried out,
The frights came to the square —
And to the sky came clouds.

A fright sits on a fright
And drives it with another freak,
But lots of people like
These ugly monsters' deeds.

1966.

Гимнъ школѣ.

Изъ класса въ классъ мы вверхъ пойдемъ, какъ по ступенямъ,
И горизонты будетъ ширить каждый классъ.
А первымъ долгомъ мы, конечно же, отмѣнимъ
Все то, что будетъ отвлекать отъ дѣла насъ.

Воздвигни намъ школу, строитель! —
Для душъ нашихъ дѣтскихъ теплицу, парникъ, —
Гдѣ въ чемъ-нибудь даже учитель
Рости будетъ, какъ ученикъ.

Да здравствуетъ новая школа!
Учитель уронитъ, а ты подними!
Всѣ ученики этой школы
Огромными станутъ людьми.

Мы въ школѣ будемъ грызть гранитъ науки дерзко,
Мы все забытое напрасно воскресимъ,
Мы сѣрость выбѣлимъ и выскоблимъ до блеска,
Все тѣневое перекроемъ свѣтовымъ.

Воздвигни намъ школу, строитель! —
Для душъ нашихъ дѣтскихъ теплицу, парникъ, —
Гдѣ въ чемъ-нибудь даже учитель
Рости будетъ, какъ ученикъ.

Да здравствуетъ новая школа!
Учитель уронитъ, а ты подними!
Всѣ ученики этой школы
Огромными станутъ людьми.

1980 г.

A Hymn to School.

From class to class, we'll go up as if on stairs,
And the horizons will be broaden by every class.
First and foremost, there will be abrogated
All of the articles which can discourage us.

Set up a new school for us, builder! —
A hotbed, a hothouse for our souls —
The place where even our teachers
Somehow in something will grow.

Let our school ever keep lively!
Be courteous, pick up what thy teacher will drop!
The pupils, who here will study,
Will certainly come out on top.

We'll grind away at our books with firm insistence,
We'll resurrect all what is causelessly given up,
All what is gray, we'll scrape and whash till it is brilliant,
All what is shaded, we'll uncover and light up.

Set up a new school for us, builder! —
A hotbed, a hothouse for our souls —
The place where even our teachers
Somehow in something will grow.

Let our school ever keep lively!
Be courteous, pick up what thy teacher will drop!
The pupils, who here will study,
Will certainly come out on top.

1980.

Въ одной державѣ...

Въ одной державѣ съ населеньемъ...
Но это, впрочемъ, все равно,—
Другихъ державъ съ опереженьемъ,
Лишь къ тѣмъ имѣлось уваженье,
Кто былъ способенъ пить вино.

Царь въ той державѣ былъ безъ лоску—
Небритъ, небреженъ, какъ и мы;
Стрѣльнетъ, коль надо, папироску,—
Ну, словомъ, свой былъ просто въ доску,—
И этимъ бередилъ умы.

Онъ былъ племянникомъ при дядѣ;
Предъ тѣмъ, какъ selье сталъ онъ пить,
Порвалъ гнилую жизни нить—
Въ могилу дядю свелъ. Но пить
Нашъ царь не смѣлъ при дядѣ-гадѣ.

Когда иные чужеземцы,
Инако мыслящіе намъ
(Кто—исповѣдуя Исламъ,
А кто—по глупости, какъ Нѣмцы),
Къ намъ пріѣзжали по дѣламъ
(Съ грѣхомъ, конечно, пополамъ
Потомъ обратно уѣзжали),
Ихъ поражалъ не шумъ, не гамъ
И не броженье по столамъ,
А то, что царь нашъ—сущій хамъ,
И что его не уважали.

И у него, конечно, дочка
Уже на выданьи была.
Хорошая—въ нефритѣ почка,
Такъ какъ съ рожденія пила.

А царь старался, бѣдолага,
Добыть ей пьяницу въ мужья:

Онъ пьянство почиталъ за благо,—
Нѣжнѣй отцовъ не знаю я.

Бутылку принесетъ, бывало:
«Дочурка! на, хоть ты хлебни!»
А та кричитъ: «Съ утра—ни-ни!»—
Она съ утра не принимала,
Или комедію ломала,—
А что ломать, когда одни!

«Пей, вербочка моя, ракитка,
«Наслѣдная прямая дочь!
«Да знала бъ ты, какая пытка—
«Съ народомъ вмѣстѣ пить не мочь!

«Мнѣ бъ зятя—даже не на зависть,—
«Найди мнѣ зятюшку, найди!—
«Пусть онъ, какъ тотъ трусливый заяцъ,
«Не похмеляется, мерзавецъ,
«Пусть пьетъ съ полудня. Выходи!

«Пойми мои отцовы муки,
«Вѣдь убиваюсь я не зря,
«Что эти трезвыя гадюки
«Всегда—тайкомъ и втихаря!

«Я нажилъ все, я нажилъ грыжу,
«Неся мой грузъ, мое дитя.
«Охъ, если я тебя увижу
«Съ однимъ изъ этихъ!—такъ обижу!..
«Убью, быть можетъ, не хотя!—
«Во какъ я трезвыхъ ненавижу!»

Какъ утро—вся держава въ банѣ,—
Отпарка шла безъ выходныхъ.
Любилъ нашъ царь всю пьянь на пьяни,
Всѣхъ нашихъ доблестныхъ ханыгъ.

Боялся трезвыхъ, какъ проказы:
Какъ встрѣтитъ, такъ бѣжитъ отъ нихъ.

Онъ втайнѣ издавалъ указы —
Всѣ въ пользу бѣдныхъ и хмельныхъ.

На стѣнахъ лозунги висѣли —
По центру, а не гдѣ-нибудь:
«Виватъ загулы и веселье!
«Долой скучающую нудь!»

Сугубо и давно не пьющихъ
Сажалъ въ тюрьму или въ острогъ;
Особо — принципы имущихъ.
Самъ, въ силу власти, пить не могъ.

А трезвые сбирали силы,
Пока мы пили натощакъ, —
Но наши вѣрные кутилы
Намъ доносили — гдѣ и какъ.

На митингъ противъ перегара
Сберутся, — мы ихъ хвать въ кольцо —
И ну гурьбой дышать въ лицо,
А то — брандспойтъ, а въ немъ водяра!

Какъ хулиганили, орали,
Не произнесть въ оригиналѣ —
Ну, трезвая шпана — кошмаръ! —
Но мы ихъ все же разогнали
И отстояли перегаръ.

А въ это время трезвь сплотилась
Вокругъ кого-то одного, —
Уже отважились на вылазъ —
Секретно, тихо, дѣлово.

И шли они не на банкеты,
А на работу, — имъ на страхъ
У входа пьяные пикеты
Едва держались на ногахъ.

А вечерами — по два, по три
Уже рѣшались выползать:
Тверезые — и нагло смотрятъ...
Царю былъ очень нуженъ зять!

Явился зять, какъ по заказу —
Ну, я скажу вамъ, — о-го-го!
Онъ эту трезвую заразу
Сталъ истреблять вездѣ и сразу,
А при дворѣ — первѣй всего.

Ура! ихъ силы рѣзко таютъ,
Ужъ къ главарю мы тянемъ нить.
Кто бритъ — того патруль хватаетъ,
Чтобъ принудительно лѣчить.

Сначала — доза алкоголя,
Не приносящая вреда.
Сопротивленье — ерунда:
Пять сутокъ — и сломалась воля, —
Самъ медсестричку кличетъ: «Оля!..» —
Отнынѣ нашъ онъ навсегда.

Да онъ изъ ангеловъ же сущихъ!
Кто жъ онъ, зятекъ? Ба! вотъ те на!
Онъ — это самъ глава непьющихъ,
Узнать рѣшившій вкусъ вина!

1977 г.

Позвольте, значитъ, доложить...

Позвольте, значитъ, доложить,
Господинъ генералъ:
Того, кто долженъ насъ кормить,
Слѣдъ простылъ, чортъ побралъ!

Потери наши велики,
Господинъ генералъ,
Казармы наши далеки,
Господинъ генералъ.

Солдаты — мамины сынки,
Ихъ на штурмъ не поднять.
Такъ что, выходитъ, не съ руки —
Отступать-наступать.

1976 г.

I’ve prepared a report...

I’ve prepared a report,
Dear Mr. General:
Our sutler is a dog,
Dear Mr. General.

Our enemy is strong,
Dear Mr. General,
Our barracks are far off,
Dear Mr. General.

Our soldiers are too shy,
They won’t rush to the attack.
So we can’t go on to fight,
What we can is to go back.

1976.

Когда всѣ закончились вѣхи...

Когда всѣ закончились вѣхи, волненье
Объяло ученыхъ немалую рать.
Послѣднее было ученыхъ рѣшенье
Военнымъ верховную власть передать.

1957 г.

When whatsoever possible was reached...

When whatsoever possible was reached,
And great excitement gripped the learned men,
They brought about their last decision—
To transfer power to the martial men.

1957.

Маршъ антиподовъ.

Когда провалишься сквозь землю отъ стыда
Иль поклянешься: «Провалиться мнѣ на мѣстѣ!»
Безъ всякихъ трудностей ты попадешь сюда,
А мы ужъ встрѣтимъ по закону, честь по чести.

Мы — антиподы, мы здѣсь живемъ!
У насъ тутъ антикоординаты.
Стоимъ на пяткахъ твердо мы и на своемъ, —
Кто не на пяткахъ, тѣ — антипяты!

Но почему-то, прилетая впопыхахъ,
На головахъ стоятъ разини и растяпы,
И даже пробуютъ ходить на головахъ
Антиребята, антимамы, антипапы...

Мы — антиподы, мы здѣсь живемъ!
У насъ тутъ антикоординаты.
Стоимъ на пяткахъ твердо мы и на своемъ, —
Кто не на пяткахъ, тѣ — антипяты!

1973 г.

Королевское шествіе.

Мы браво и плотно сомкнули ряды,
Какъ пули въ обоймѣ, какъ карты въ колодѣ.
Король среди насъ — мы горды,
Мы шествуемъ бодро при нашемъ народѣ!

Падайте лицами внизъ, внизъ!
Вамъ это право дано.
Предъ Королемъ падайте ницъ
Въ слякоть и грязь — все равно!

Нѣтъ-нѣтъ, у народа не трудная роль:
Отдать долгъ почтенья — отнюдь не проблема.
За все отвѣчаетъ Король,
А коль не Король, то тогда — Королева!

Падайте лицами внизъ, внизъ!
Вамъ это право дано.
Предъ Королемъ падайте ницъ
Въ слякоть и грязь — все равно!

1973 г.

The King's Procession.

We're tight, bold and brave in our mighty formation,
As balls in the charger, as mates in the box.
Our glorious king is 'mongst us! Salutation
To him and his court as we march through the hordes!

When meeting the king, ye must bow!
To show your ardor and rapture,
It's better to fall on the ground,
Wet snow or mud—no matter!

It'd be so unthankful to say that it's painful!
To prostrate yourself isn't the duty that's large.
The king is responsible for fortune and failing,
And if not the king, there's the queen in the charge!

When meeting the king, ye must bow!
To show your ardor and rapture,
It's better to fall on the ground,
Wet snow or mud—no matter!

1973.

Живучій парень.

Живетъ живучій парень Барри,
Не вылѣзая изъ сѣдла,
По горло онъ богатъ долгами,
Но, если спросишь, какъ дѣла,—

Поглаживая пистолетъ,
Сквозь зубы процедитъ небрежно:
«Пока еще законовъ нѣтъ,
«И только на него надежда!»

Онъ крученъ-верченъ, битъ о камни,
Но все въ порядкѣ съ головой.
Вѣдь онъ—живучій парень Барри:
Глотокъ воды—и вновь живой!

Онъ, если нападутъ на слѣдъ,
Коня по гривѣ треплетъ нѣжно:
«Погоня, братъ. Законовъ нѣтъ—
«И только на тебя надежда!»

Вашъ домъ горитъ—черно отъ гари,
И тщетны вопли къ небесамъ:
При чемъ тутъ Богъ? Зовите Барри,
Который счеты сводитъ самъ.

Сухимъ выходитъ онъ изъ бѣдъ,
Хоть не всегда суха одежда.
Пока въ законахъ проку нѣтъ—
У всѣхъ лишь на него надежда!

Онъ на расправу скоръ съ врагами,
А другу—словно талисманъ.
Таковъ живучій парень Барри—
Полна душа и пустъ карманъ!

Онъ вовремя найдетъ отвѣтъ,
Коль свару заведетъ невѣжда:

The Gutsy Fellow.

There lives a gutsy fellow, Barry,
He's in the saddle day and night,
He's gotten lots of debts to carry,
But when he's asked, "Are you all right?"

He hardly moves his solid jaws,
To grunt, "By far I'm safe and sound.
Because we live without laws,
But on my six-shooter I count!"

His life hasn't been serene and mellow,
But nonetheless he's in the pink.
This Barry is a gutsy fellow—
To stay alive, he needs a drink.

He stroke with fondness his true horse,
When his pursuers are about,
"We're being chased. There are no laws,
And but on thee, bro, I can count!"

You've been attacked, your ranch is harried—
Don't cry about this to Heaven.
The better thing's to turn to Barry,
He'll settle with the evil men.

In various traps he often was,
But none has seen him crushed or downed.
Since nonexistent are the laws,
But on this fellow folks can count!

For all his foes he's tough and scary,
For all his friends his record's clean.
That's what he's like—this gutsy Barry,
Whose soul's great, whose purse is lean.

He'll cut a wrangle with no pause,
To check a boor he's always bound,

«Пока въ странѣ законовъ нѣтъ,
«То только на себя надежда!»

1976 г.

"Till our country has the laws,
But on himself one has to count!"

1976.

Два громилы.

Какъ въ селѣ Большія Вилы,
Гдѣ еще сгорѣлъ сарай,
Жили-были два громилы
Огромадной буйной силы —
Братья Провъ и Николай.

Николай, что понахальнѣй,
По ошибкѣ лѣсъ скосилъ,
Ну а Провъ въ опочивальни
Рушилъ стѣны — и входилъ.

Какъ братья не вяжутъ лыка,
Пьютъ отваръ изъ чаги —
Всѣ отъ мала до велика
Прячутся въ оврагѣ.

Въ общемъ, лопнуло терпѣнье —
Вѣдь добро — свое, не чье:
Начинать вооруженье
И итти на усмиренье
Порѣшило мужичье.

Николай, что понахальнѣй,
Въ тотъ моментъ быка ломалъ,
Ну а Провъ въ какой-то спальнѣ
Съ маху стѣну прошибалъ.

«Эй, братанъ, гляди — ватага
«Съ кольями, да слышь ли,
«Что-то нынче изъ оврага
«Рановато вышли!»

Неудобно сразу драться —
Нашъ мужикъ такъ не привыкъ —
Стали прежде задираться:
«Для чего, скажите, братцы,
«Нуженъ вамъ безрогій быкъ?»

Николаю это странно:
«Если жалко вамъ быка —
«Съ удовольствіемъ съ братаномъ
«Можемъ вамъ намять бока!»

Гдѣ-то въ полѣ замеръ заяцъ,
Постоялъ — и ходу...
Провъ ломается, мерзавецъ,
Сотворивши шкоду:

«Ну-ка, кто попробуй вылѣзь —
«Въ мигъ раздѣлаюсь съ врагомъ!»
Мужики перекрестились —
Всѣй ватагой навалились:
Кто — багромъ, кто — батогомъ.

Николай, печась о братѣ,
Первый натискъ отражалъ,
Ну а Провъ укрылся въ хатѣ
И оттуда хохоталъ.

Отъ могучего напора
Развалилась хата.
Провъ оттяпалъ ползабора
Для спасенья брата.

«Хватитъ, братъ, обороняться!
«Пропадать такъ пропадать!
«Коля, нечего стѣсняться,
«Колья начали ломаться —
«Надо, Коля, нападать!»

По мужьямъ да по ребятамъ
Будутъ бабы слезы лить...
Но рѣшили оба брата
Съ наступленьемъ погодить.

«Гляди въ оба, братень,
«Со спины заходятъ!»

«Можетъ, оборотень?»
«Не похоже вродѣ!»

Дѣло въ томъ, что къ намъ въ селенье
Напросился на ночлегъ —
И остался до Успенья,
А потомъ — на поселенье
Никчемушный человѣкъ.

И сейчасъ вотъ изъ-за крика
Ни одинъ не услыхалъ:
Этотъ самый горемыка
Что-то братьямъ приказалъ.

Кровь уже лилась ручьями —
Такъ о чемъ же рѣчь-то?
«Бей братьевъ!» Но вдругъ съ братьями
Сотворилось нѣчто:

Братьевъ какъ бы подкосило,
Стали братья отступать,
Будто въ мигъ лишились силы...
Мужичье ихъ попросило
Больше бѣдъ не сотворять.

Долго думали-гадали,
Что́ блаженный имъ сказалъ, —
Какъ затылковъ ни чесали —
Ни одинъ не угадалъ.

И рѣшили: онъ заклятьемъ
Обладаетъ, видно...
Ну а онъ сказалъ лишь: «Братья,
«Какъ же вамъ не стыдно!»

1970 г.

Пѣсня про крохей.

Король, что тыщу лѣтъ назадъ
въ странѣ той правилъ,
Предпочиталъ всему азартъ
игры безъ правилъ —
Играть заставилъ онъ
живущихъ тамъ людей,
Большихъ и малыхъ, въ пот-
рясающій крохей.

Названье возникло
отъ слова «кроши»,
А также другихъ словъ —
«кряхти» и «круши».
Девизъ очень простъ былъ:
«Круши, не жалѣй!»
Теперь ихъ потомки
играютъ въ крохей.

1973 г.

Странная сказка.

Въ Тридевятомъ государствѣ
(Трижды девять — двадцать семь)
Все держалось на коварствѣ,
И въ немъ не было проблемъ.

Посчитавъ, что войне не бывать,
Сталъ король втихаря попивать.
Разругался съ королевой,
Дочь оставилъ старой дѣвой,
А наслѣдникъ пошелъ воровать.

Въ Тридесятомъ королевствѣ
(Трижды десять — тридцать, что ль?)
Въ добромъ дружескомъ сосѣдствѣ
Жилъ еще одинъ король.

Было тихо и мирно все тамъ,
Хоть король былъ отъявленный хамъ.
Онъ прогналъ министровъ съ креселъ,
Несогласныхъ всѣхъ повесилъ —
И скучалъ по великимъ дѣламъ.

Въ Триодиннадцатомъ царствѣ
(Нумеръ царства — тридцать три)
Царь держался на лѣкарствѣ,
Такъ какъ желчью исходилъ.

Былъ онъ милитаристъ и вандалъ,
Двухъ сосѣдей своихъ задиралъ.
Посылалъ имъ по Субботамъ
Оскорбительныя ноты —
Шелъ на международный скандалъ.

Въ Тридцать третьемъ царь сказился:
Не хватаетъ, молъ, земли!
На сосѣдей покусился —
И взъярились короли.

An Unusual Fable.

There, reigning o'er his nation,
Lived a king once on a time.
Treason, fraud and degradation
Were the kernel of his style.

Royal troops had no fightings, no drills,
Since the king was often greasing his gills.
With the queen he made a row,
Kicked his daughter's bridegrooms out,
While his son got pick-pocketing skills.

As it goes in the fable
(Fables always say what's true),
There lived his friend and neighbor
In his kingdom number two.

All his subjects were humble and meek,
Since the king had and held too much cheek.
Full of ardor and ambition,
He destroyed his opposition,
And longed for doing something unique.

Next to these two kings of honor,
Always ready for a brawl,
There lived another monarch,
Who was really brimmed with gall.

He was brutal, that son of a gun,
Caused offense to his neighbors for fun.
He would send them dirty letters,
Interfere with their matters,
Loved grave scandals and did ask for a one.

Craving land that brute decided,
For this gain, the war to wage.
His aggression was one-sided—
And his neighbors were enraged.

«Обуздать его, смять!» — только, глядь —
Нечѣмъ въ Двадцать седьмомъ воевать,
А въ Тридцатомъ полководцы
Всѣ утоплены въ колодцѣ,
И вассалы возстать норовятъ...

1969 г.

They got ready to go to war,
But the first king had no arms in store,
And the captains of the second
Made the kingdom's soil too fecund,
As the vassals were faithful no more...

1969.

Странныя скачки.

Эй вы, синегубые!
Эй, холодноносые!
Эй вы, стукозубые
И дыбоволосые!
Эй, мурашкокожаные,
Мерзляки, мерзлячки,
Мокрые, скукоженные,—
Начинаемъ скачки!

Эй, ухнемъ!
Эй, охнемъ!
Все рухнетъ—
Зато просохнемъ!

Все закоченѣлые,
Слабые и хилые,—
Ну, какъ угорѣлые,
Побѣжали, милые!
Полуобмороженная
Пестрая компанія,
Выполняй положенное
Самосогрѣваніе!

Эй, ухнемъ!
Эй, охнемъ!
Все рухнетъ—
Зато просохнемъ!

Выйдутъ все въ передніе—
Задніе и средніе,
Также предпоследніе
Перейдутъ въ передніе!
Всѣмъ передвигающимся,
Даже на карачкахъ,
Но вовсю старающимся
Призъ положенъ въ скачкахъ!

Эй, ухнемъ!
Эй, охнемъ!
Все рухнетъ —
Зато просохнемъ!

Вамъ не надо будетъ шубъ,
Робинъ Гуси съ Эдами,
Коль придете къ финишу
Съ крупными побѣдами!
Мчимся, какъ укушенные,
Весело, согласно,
И стоимъ, просушенные, —
До чего прекрасно!

Ухъ, встали!
Устали!
А впрокъ ли?
Зато просохли!

1973 г.

Лягушата.

Не зря лягушата сидятъ —
Посажены домъ сторожить.
А главный вопросъ лягушатъ:
«Впустить — не впустить?»

А если рискнуть, а если впустить,
То выпустить ли обратно?
Вопросъ посложнѣй, чѣмъ «быть — иль не быть»,
Рѣшаютъ лягушата.

Волнуются, спорятъ съ утра,
А слышится только «ква-ква».
Вопросъ этотъ важный рѣшатъ
Мудрѣйшіе изъ лягушатъ.

1973 г.

The Young Frogs.

Not with no purpose, the young frogs
Have been put there — to guard the house.
The weighty question they're to solve
Is, "To let in or keep ones out?"

> And if they venture to let in,
> Should they let someone out?
> Their question's a lot more uphill
> Than which Shakespeare asked.

They've argued from the early morn,
And what's heard there are only croaks.
This weighty question will be solved
By the most wise of the young frogs.

1973.

На краю края земли, гдѣ небо ясное...

At the world's end, where the sky is free of clouds...

СКАЗКА О ЛѢСНЫХЪ ЖИТЕЛЯХЪ.

A TALE ABOUT THE WOOD DWELLERS.

Какъ тутъ быть — у кого бы спросить...

Какъ тутъ быть — у кого бы спросить.
Ну, рѣшили присѣсть, закусить —
Червячка заморить, табачка покурить,
Поострить, пошустрить, подурить.

Разногласья сразу въ группѣ,
Хоть и водка на столѣ:
Кто — кричитъ, кто — ѣздитъ въ ступѣ,
Кто — летаетъ на метлѣ...

1969 г.

What to do? None of them had a thought...

What to do? None of them had a thought,
And as always they started to dine,
Play and trick, laugh and joke, in short,
They resolved to take pleasure of life.

Though there was wine on the table,
They soon had a fiery talk:
Which thing is more proper for lady—
To fly on a broom or a fork?

1969.

Мимо бабъ я пройти не могу...

Мимо бабъ я пройти не могу.
Вотъ вамъ сказка про Бабу-Ягу:
Про ея ремесло, про ея помело —
Что́ было и чего не было.

Какъ прохожихъ варитъ въ супѣ,
Большей частью молодыхъ,
Какъ секретно ѣздитъ въ ступѣ,
Ловко путая слѣды...

1969 г.

I pass dames neither silently nor easy...

I pass dames neither silently nor easy,
And here's a tale about the Old Vixen—
About her twig besom and snide tricks,
About what didn't happen and what did.

She lures up passers in deep water—
Her favored ones are young females;
She stilly drives her hellish mortar,
And skillfully covers up the trails...

1969.

Сказка о несчастныхъ лѣсныхъ жителяхъ.

На краю края земли, гдѣ небо ясное
Переходитъ незамѣтно за кордонъ,
На горѣ стояло зданіе ужасное,
Походившее на то, гдѣ штабъ О.О.Н.

Въ этомъ зданіи царица
Въ заточеніи жила —
Въ красно убранной свѣтлицѣ
Жизнь печальную вела.

И Кащей Безсмертный грубое животное
Это зданіе поставилъ охранять,
Но по-своему несчастное и кроткое,
Можетъ, было то животное — какъ знать!

Отъ большой тоски по мамѣ
Безпрестанно былъ въ слезахъ
Этотъ звѣрь съ семью главами,
О пятнадцати глазахъ.

Самъ Кащей (онъ могъ бы раньше — врукопашную)
Отъ любви къ царицѣ высохъ и увялъ, —
И сталъ по-своему несчастнымъ старикашкою,
Ну, а звѣрь его къ царицѣ не пускалъ.

Звѣря онъ пиналъ ногами:
«Пропусти, я трепещу!»
Тотъ въ отвѣтъ: «Сначала къ мамѣ
«Отпусти, тогда пущу!»

Добрый молодецъ Иванъ рѣшилъ попасть туда:
Молъ, видали мы Кащеевъ, такъ-растакъ!
Онъ, какъ гдѣ случалось что, такъ сразу — шасть туда,
Онъ по-своему несчастный былъ дуракъ.

То ли выпь захохотала,
То ли филинъ заикалъ...

A Tale about the Ill-Fated Wood Dwellers.

At the world's end, where the sky is free of clouds,
Where it viewlessly gets over the cordon,
On the hill, stood a magnificent firm house,
Borne a likeness to the Palace of U.N.O.

Many lights there glowed and glared,
Were all round pomps and shines;
But one queen, who looked so fair,
In this house was confined.

And Koshchey the Deathless set to guard the entrance
A thick-bodied and uncultivated beast,
But in his own way ill-fated, kind and gracious,
Maybe, was that not attractive looking beast.

With his mother he was sundered,
And therefore he always shed
Bitter tears from every one of
His twelve eyes of his seven heads.

That Koshchey, who was in old times stout and doughty,
Grew consumed of his deep love to the fine queen.
He in his own way ill-fated was, fond dotard,
But the guardsbeast didn't allow him to come in.

When Koshchey kicked him and summoned,
"Let me pass, look how I shake!"
Said the beast, "At first to mummy
Let me go, then pass the gate!"

Once Ivan, a fine young man, went to this house,
Having said, "I'll see what thing is that lost soul!"
In each case, he wished to know the ins and outs,
Yes, in his own way ill-fated was this dolt.

Either crows began to croak,
Or an ass began to bawl...

На душѣ тоскливо стало
У Ивана-дурака.

И начался его подвиги напрасные,
Съ бабъ-ягами никчемушная борьба —
Тоже вѣдь она по-своему несчастная,
Эта самая лѣсная голытьба.

Сколькихъ ведьмочекъ пришибнулъ!
Двухъ молоденькихъ, въ соку, —
Какъ увидѣлъ утромъ — всхлипнулъ:
Жалко стало, дураку!

Но, однако же, приблизился, дремотное
Состоянье превозмогъ свое Иванъ.
Въ уголку лежало бѣдное животное,
Всѣ главы свои склонившее въ фонтанъ.

Тутъ Иванъ къ нему сигаетъ,
Рубитъ головы спѣша,
И къ Кащею подступаетъ,
Кладенцомъ своимъ маша.

И грозитъ онъ старику двухтыщелѣтнему:
Я, молъ, бороду-то мигомъ обстригу!
Такъ умри же, сгинь, Кащей! А тотъ въ отвѣтъ ему:
«Я бы — радъ, но я безсмертный — не могу!»

Но Иванъ себя не помнитъ:
«Ахъ ты, гнусный фабрикантъ!
«Вонъ настроилъ сколько комнатъ!
«Дѣвку спряталъ, интриганъ!

«Я закончу дѣло, взявши обязательство!..»
И отъ этихъ-то неслыханныхъ рѣчей
Умеръ самъ Кащей, безъ всякаго вмѣшательства, —
Онъ неграмотный, отсталый былъ Кащей.

А Иванъ, отъ гнѣва красный,
Пнулъ Кащея, плюнулъ въ полъ —

On a sudden, felt heart-broken
That brave man, Ivan the Dolt.

From this moment, he began his needless war 'gainst
Hags and witches with no pity, to the death.
But in their own way ill-fated also were they,
Poor wood women spending life in great distress.

How he hunted for those witches!
Two condemned ones were so young...
Having caught it, he even screeched,
And shed tears he as they sunk.

Having wiped his eyes, Ivan discerned before him
A big house and pronouncedly came in.
In a hallway, there a poor beast saw his soft dreams,
Being utterly worn-out from the heat.

To the beast Ivan is running,
Chops his heads off in great haste,
Thereon to Koshchey he's coming,
Brandishing his magic blade.

Threatens he this ancient man aged twenty hundred,
"I'll at once make thy long beard as sparse as short!
Get thee gone, Koshchey!" And that poor person answers,
"I'd be glad, but I'm immortal, I cannot!"

But Ivan doesn't curb his passion,
"Break off filling life with gloom!
There's the queen in thy grand mansion,
Tell me quickly where's her room!"

"I've taken duty to have finished this affair!"
Gave his cry Ivan, and of these words, so fey,
Faced his death Koshchey the Deathless with no care,
He was backward and unlettered, that Koshchey.

Yet Ivan didn't stop to rate him,
Kicked Koshchey, spat on the floor...

И къ по-своему несчастной
Бѣдной узницѣ взошелъ.

1967 г.

Thus, in her own way ill-fated,
Was the queen freed by that dolt.

1967.

Пѣсня-сказка про нечисть.

Въ заповѣдныхъ и дремучихъ,
Страшныхъ Муромскихъ лѣсахъ
Всяка нечисть бродитъ тучей
И въ проѣзжихъ сѣетъ страхъ.

Воетъ воемъ, что твои
упокойники;
Если есть тамъ соловьи —
то разбойники.

Страшно, ажъ жуть!

Въ заколдованныхъ болотахъ
Тамъ кикиморы живутъ, —
Защекочутъ до икоты
И на дно уволокутъ.

Будь ты конный, будь ты пѣшій —
заграбастаютъ,
А ужъ по лѣсу — такъ лѣшіе
и шастаютъ!

Страшно, ажъ жуть!

А мужикъ, купецъ иль воинъ —
Попадалъ въ дремучій лѣсъ
Заблудившись, съ перепою,
Или сдуру въ чащу лѣзъ.

По причинѣ попадали,
безъ причины ли, —
Всѣхъ ихъ только и видали,
словно сгинули.

Страшно, ажъ жуть!

И однажды къ нимъ изъ лѣсу,
Что за моремъ — говорятъ,

Тамъ такіе ѕлые бѣсы —
Чуть другъ друга не ѣдятъ,

Чтобъ творить имъ совмѣстное
ѕло потомъ,
Подѣлиться пріѣхали
опытомъ.

Страшно, ажъ жуть!

Соловей-разбойникъ главный
Имъ устроилъ буйный пиръ,
А отъ нихъ былъ Ѕмѣй трехглавый
И слуга его — Вампиръ.

Пили ѕелье въ черепахъ,
ѣли бульники,
Танцовали на гробахъ,
богохульники!

Страшно, ажъ жуть!

Ѕмѣй Горынычъ взмылъ на древо,
Ну раскачивать его:
«Выводи, Разбойникъ, дѣвокъ —
Пусть покажутъ кой-чего!

«Пусть намъ лѣшіе попляшутъ,
попоютъ!
«А не то узнаешь нашихъ —
всѣхъ сгною!»

Страшно, ажъ жуть!

Всѣ взревѣли, какъ медвѣди:
«Натерпѣлись — столько лѣтъ!
«Вѣдьмы мы али не вѣдьмы,
Патріотки али нѣтъ?!

«Налилъ бѣльма, ишь ты, клещъ,
отоварился!
«А еще на нашихъ женщинъ
позарился!»

Страшно, ажъ жуть!

Соловей-разбойникъ тоже
Былъ не только лыкомъ шитъ,
Гикнулъ, свистнулъ, крикнулъ: «Рожа,
Гадъ, заморскій паразитъ!

«Убирайся безъ бою,
уматывай
«И Вампира съ собою
прихватывай!»

Страшно, ажъ жуть!

...Нынче лишь сѣдые люди
Помнятъ прежнія дѣла:
Билась нечисть груди въ груди
И другъ друга извела.

Прекратилося навѣкъ
безобразіе —
Ходитъ въ лѣсъ человѣкъ
безбоязненно.

И не страшно ничуть!

1966 г.

Куплеты нечистой силы.

«Я — Баба-Яга, вотъ и вся недолга,
Я ѣзжу въ немазаной ступѣ.
Я къ Русскому духу не очень строга:
Люблю его... свареннымъ въ супѣ.

«Мнѣ надоѣло по лѣсу гонять,
Селье я переварила...
Охъ, часто стала теперь измѣнять
Наша нечистая сила!»

«Добрый день! добрый день! Я — дакъ Оборотень, —
Неловко вчерась обернулся:
Хотѣлъ превратиться въ дырявый плетень,
Да вотъ посередкѣ запнулся.

«Кто я сейчасъ — самому не понять, —
Экъ меня, братцы, скривило!..
Охъ, часто стала теперь измѣнять
Наша нечистая сила!»

«Я — старый больной озорной Водяной,
Но мнѣ надоѣла квартира.
Лежу подъ корягой, простуженный, злой,
А въ омутѣ — мокро и сыро.

«Вижу намедни — утопленикъ. Хвать!
А онъ меня — пяткой по рылу!..
Охъ, перестали совсѣмъ уважать
Нашу нечистую силу!»

«Такія дѣла: Лѣшачиха со зла,
Лишивъ меня лѣшевелюры,
Вчера изъ дупла на морозъ прогнала —
Опять у нея шуры-муры.

«Со свѣту стали совсѣмъ изживать,
Простъ-таки гонятъ въ могилу...

Охъ, перестали совсѣмъ уважать
Нашу нечистую силу!»

«Русалкѣ легко: я хвостомъ-плавникомъ
Коснусь холодкомъ подъ сердечко...
Но вотъ съ современнымъ утопленикомъ
Теперь то и дѣло осѣчка.

«Какъ-то утопленикъ сталъ возражать —
Охъ, наглоталась я илу!..
Ахъ, перестали совсѣмъ уважать
Нашу нечистую силу!»

«А я — Домовой, я домашній, я — свой, —
А въ домъ не могу я явиться —
Съ утра и до ночи стоитъ дома вой:
Недавно вселилась пѣвица.

«Тише просилъ выть — взялась оскорблять:
Рожа твоя, молъ, постыла...
Да, часто стала намъ всѣмъ измѣнять
Наша нечистая сила!»

1974 г.

Выходъ въ городъ.

Отъ скучныхъ шабашей смертельно уставши,
Двѣ вѣдьмы идутъ и бесѣду ведутъ:
«Такъ что же, братъ Вѣдьма?» — «Пойти посмотрѣть бы,
«Какъ въ городѣ наши живутъ.

«Какъ все измѣнилось! Совсѣмъ обнажилось
«Уже и подножіе Лысой горы.
«И молодцы вродѣ давно не заходятъ—
«Остались одни упыри...»

Спросилъ у нихъ Лѣшій: «Вы камо грядеши?»
«Да въ городъ собрались—у насъ вѣдь тоска!..»
«Ахъ, глупыя бабы! да взяли хотя бы
«Съ собою меня, старика.»

Ругая другъ дружку, взошли на опушку,—
Навстрѣчу попался имъ врагъ Вурдалакъ.
Онъ скверно ругался, но къ нимъ привязался,
Кричалъ, будто знаетъ что́ какъ.

Тѣ къ Лѣшему: какъ онъ? «Возьмемъ Вурдалака!
«Но кровь не сосать и приличья блюсти!»
Тотъ малость покрякалъ, клыки свои спряталъ—
Красавчикомъ сталъ, хоть крести.

Освоились быстро—подъ видомъ туристовъ
Поѣли-попили въ кафѣ «Грандъ Отель».
Но Лѣшій поганилъ своими ногами,
И ихъ попросили оттель.

Пока Лѣшій брился, упырь испарился,
И Лѣшій довѣрчивость проклялъ свою.
А вѣдьмы пошлялись, и тоже смотались,
Освоившись въ этомъ Раю.

И навѣрняка вѣдь прельстили бѣга вѣдьмъ:
Вѣдь много орутъ, и азартъ на бѣгахъ.

И тамъ проиграли ни много ни мало —
Три тысячи въ новыхъ деньгахъ.

Намокшій, поблекшій, насупился Лѣшій,
Но вспомнилъ, что здѣсь его другъ Домовой.
Онъ началъ стучаться: «Гдѣ другъ, домочадцы?»
А тѣ отвѣчаютъ: «Запой.»

Пока вѣдьмы ныли, что все просадили,
Пока Лѣшій пилъ-надирался въ кафѣ, —
У первой же вдовушки выпивши кровушку,
Спалъ Вурдалакъ на софѣ.

...Забывши про вѣдьмъ, мы по лѣсу ѣдемъ,
И лѣсъ передъ нами — въ волшебной красѣ.
Но, сдѣлавши ставки, ворожатъ въ азартѣ намъ
Вѣдьмы въ кустахъ у шоссе.

1967 г.

Вижу я, что здоровіе таетъ...

It turned out that my health disappeared...

ЗЕЛЕНЫЙ SMIЙ.

THE DEMON DRINK.

Пѣсня-сказка про джинна.

У вина достоинства, говорятъ, цѣлебныя —
Я рѣшилъ попробовать — бутылку взялъ, открылъ.
Вдругъ оттуда вылѣзло что-то непотребное:
Можетъ быть, зеленый змій, а можетъ — крокодилъ.

А оно — зеленое, пахучее, противное —
Прыгало по комнатѣ, ходило ходуномъ.
А потомъ послышалось пѣнье заунывное,
И видѣнье оказалось грубымъ мужикомъ.

Если бъ было у меня времени достаточно —
Я бы дворниковъ позвалъ съ метлами, а тутъ
Вспомнилъ дѣтскій детективъ — «Старика Хоттабыча» —
И спросилъ: «Товарищъ Ибнъ, какъ тебя зовутъ?»

«Ты, братъ, хитрость,» говорю, «брось свою іудину —
«Прямо, значитъ, отвѣчай, кто тебя послалъ,
«Кто загналъ тебя сюда, въ винную посудину,
«Отъ кого скрывался ты и чего скрывалъ?»

Тутъ мужикъ поклоны бьетъ, отвѣчаетъ вѣжливо:
«Я не воръ, я не шпіонъ, я несчастный духъ.
«За спасеніе мое — захотите ежли вы —
«Я побью за васъ любого, можно даже двухъ!»

Я подумалъ: разъ онъ джиннъ, то онъ можетъ многое, —
Такъ чего жъ онъ не сказалъ: «Братъ, озолочу!»
«Это предложеніе,» говорю, «убогое,
«Морды будемъ послѣ бить — я вина хочу!

«И желаю чудеса по такому случаю:
«Возведи дворецъ къ утру — ты на то и бѣсъ!»
А онъ мнѣ: «Мы такимъ дѣламъ вовсе не обучены, —
«Кромѣ мордобитія нѣтъ у насъ чудесъ!»

«Врешь!» кричу. «Шалишь!» кричу. Но и духъ — въ амбицію, —
Стукнулъ разъ — спеціалистъ! — видно по нему.

Я, конечно, побѣжалъ, позвонилъ въ милицію.
«Убиваютъ,» говорю, «прямо на дому!»

Вотъ они подъѣхали, показали аспиду! —
Супротивъ милиціи — онъ ничего не смогъ.
Завели болѣзному бѣлы руки за спину,
Вывели и кинули въ черный воронокъ.

...Можетъ статься, что въ тюрьмѣ онъ понынѣ мается —
Чѣмъ въ бутылкѣ, лучше ужъ въ Бутыркѣ посидѣть!
Ну, а можетъ, онъ теперь боксомъ занимается, —
Если будетъ выступать — я пойду смотрѣть!

1967 г.

Какъ въ старинной Русской сказкѣ...

Какъ въ старинной Русской сказкѣ — дай Богъ памяти! —
Тотъ колдунъ, что другихъ былъ добрѣе,
Говорилъ: «Ты спать ложись, Иванушка,
Утро вечера мудренѣе.»

Какъ однажды ночью бывшій добрый молодецъ,
Проводивъ красну дѣвицу къ мужу,
Загрустилъ, но вспомнилъ: утро скоро вѣдь,
Ну, а утромъ — не бываетъ хуже.

Какъ отпѣтые разбойники и недруги,
Колдуны и волшебники злые
Стали зелiе варить, и сталъ весь свѣтъ другимъ,
Утро съ вечеромъ перемѣнились.

Ой, какъ стали засыпать подъ утро дѣвицы
Послѣ буйна веселія съ зельемъ,
Ну, а вечеромъ — куда ты денешься! —
Снова зелье пить — на похмелье.

И рѣшили, что тѣ сказочники древнiе
Поступали и зло и негоже.
Ну, а правда — вотъ: тѣмъ, кто пьетъ зелiе, —
Утро съ вечеромъ — одно и то же.

1962 г.

Путешествіе въ прошлое.

Ой, гдѣ былъ я вчера — не найду, хоть убей,
Только помню, что стѣны съ обоями.
Помню, Клавка была, и подруга при ней,
Цѣловался на кухнѣ съ обоими.

А какъ утромъ я всталъ —
стали мнѣ сообщать,
Что хозяйку ругалъ,
всѣхъ хотѣлъ застращать,
И что голымъ скакалъ,
и что пѣсни оралъ,
А отецъ, заявлялъ,
у меня — генералъ!

А потомъ рвалъ рубаху и билъ себя въ грудь,
Говорилъ, будто всѣ меня продали,
И гостямъ, говорятъ, не давалъ продохнуть —
Донималъ ихъ простыми аккордами.

А потомъ кончилъ пить,
потому что усталъ,
Сталъ безжалостно бить
благородный хрусталь,
Лилъ на стѣны вино,
а кофейный сервизъ,
Растворивши окно,
взялъ и выбросилъ внизъ.

И никто мнѣ не могъ даже слова сказать,
Но потомъ потихоньку оправились —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
И въ концѣ уже всѣ позабавились.

Кто плевалъ мнѣ въ лицо,
а кто водку лилъ въ ротъ,
А какой-то танцоръ
билъ ногами въ животъ....

A Travel to the Past.

Oh, that house where I was — I wouldn't find it again,
I recall just wallpaper with flowers.
I recall Kate was there with her friend, Ann or Jane —
Both of them I would kiss in the shower.

In the morning they said,
when I stirred into life,
That I threatened the guests
and abused the host's wife,
That I skipped like a deer,
shrieking songs, wild and queer,
And my dad, I revealed,
had been ranked brigadier!

Then I rended my shirt, hit myself in the breast,
Shouting, "All of you traitors have cheated me!"
And all company hadn't even a moment to rest,
As I played all the same chords repeatedly.

After seven highballs,
I abstained for a while,
But, instead, on the walls
started pouring red wine.
I got hold of a stick —
crystal glasses I smashed,
Then a line of tea things
I threw out in the trash.

They were frightened at first, keeping mum, but at last
It was clearly beyond their bearing —
They all piled upon me, with the cord tied my arms,
And became after that very daring.

Some just spat in my eyes,
some poured booze down my throat,
And one smart dancing guy
leaped on me like a goat...

Молодая жъ вдова,
вѣрность мужу храня,—
Вѣдь живемъ однова,—
пожалѣла меня.

И блѣднѣлъ я на кухнѣ разбитымъ лицомъ,
Дѣлалъ видъ, что пошелъ на попятную.
«Развяжите!» кричалъ, «да и дѣло съ концомъ!»
Развязали — но вилки попрятали.

Тутъ вообще началось —
не опишешь въ словахъ,
И откуда взялось
столько силы въ рукахъ?
Я, какъ раненый звѣрь,
напослѣдокъ чудилъ:
Выбилъ окна и дверь
и балконъ уронилъ.

Ой, гдѣ былъ я вчера — не найду днемъ съ огнемъ,
Только помню, что стѣны съ обоями...
Все разбито лицо — сплошь побои на немъ,
Ну куда же я выйду съ побоями?

Если правда оно,
ну, хотя бы на треть,—
Остается одно:
только лечь помереть...
Хорошо, что вдова
все смогла пережить,
Пожалѣла меня —
и взяла къ себѣ жить.

1967 г.

But then suddenly came
a young widow there,
She stopped that bloody game
and released me from tear.

So they left me alone, bleeding there on the floor,
And I wheezed out, “You people, I’ll cut this trick!
“Let me go, do believe me that I’ll drink no more!”
They’d believed me, but hid all the cutlery.

Words aren’t able to describe
how it all kicked off then,
Wonder where did I find
so much bodily strength!
Like a hunted down boar,
for my final farewell,
I smashed windows and doors
and the balcony fell.

Oh, I wouldn’t find that house where we had quite a bust,
I recall just wallpaper with flowers...
In the mirror I looked at my face with disgust—
All it was with extravasations covered!

If they said something true,
and that monster was I—
Out of shame, out of rue
I’d to have lain and died...
But the widow smiled
and forgave my disgrace.
She’s a kind thing, and I’ve
lived since then at her place.

1967.

Я былъ слесаремъ-универсаломъ...

Я былъ слесаремъ-универсаломъ,
Я получки на вѣтеръ кидалъ.
А на кругъ получалъ я немало —
Вмѣстѣ съ преміей въ каждый кварталъ.

Вѣдь чтобъ пить, — понимаете сами, —
Долженъ что-то имѣть человѣкъ.
Ну, и кромѣ невѣсты въ Рязани,
У меня двѣ дѣвчонки въ Москвѣ.

Шлю посылки и письма въ Рязань я,
А дѣвчонкамъ — себя и вино.
Каждый вечеръ — одно наказанье,
И всю ночь — истязанье одно.

Вижу я, что здоровіе таетъ,
Что ни день — на работѣ скандалъ,
И получки уже не хватаетъ —
Вмѣстѣ съ преміей въ каждый кварталъ.

Появились морщины на рожѣ,
И сказалъ я дѣвчонкамъ въ сердцахъ:
«Къ чорту васъ — мнѣ здоровье дороже,
Пусть другой васъ содержитъ дуракъ!»

И насколько же стало мнѣ лучше,
Я и тѣломъ, и духомъ воспрялъ:
Сталъ одинъ пропивать я получку —
Вмѣстѣ съ преміей въ каждый кварталъ!

1964 г.

Such a plumber you haven't seen for ages...

Such a plumber you haven't seen for ages,
Money burnt in my pocket like hell,
As I got very good monthly wages
And a quarterly bonus as well.

If a person's able to drink like a beau,
He assuredly earns lots of wealth.
And besides my true love left at home,
Here, in Moscow, I had two girlfriends.

To my love, I sent letters and presents,
Those girls got champagne and myself.
Every evening I spent like a penance,
Then till morning I suffered like hell.

It turned out that my health disappeared,
And at work I wasn't able to excel,
That my physical end quickly neared,
With the end of my welfare as well.

There were rings round my eyes and deep wrinkles.
"Farewell, girls!" they heard from myself.
"Find another lad, wealthy and simple,
No one thing is more precious than health!"

My decision was so advantageous!
One can see that I really feel swell—
I alone drink away monthly wages
And a quarterly bonus as well!

1964.

Сколько лѣтъ, охъ, сколько лѣтъ...

Сколько лѣтъ, охъ, сколько лѣтъ
Все одно и то же:
Денегъ нѣтъ, и женщинъ нѣтъ,
Да и быть не можетъ.

Сколько лѣтъ я воровалъ,
Сколько лѣтъ старался!
Мнѣ скопить бы капиталъ,
Ну а я спивался.

Нѣтъ ни хаты, ни плетня,
Какъ и рожи съ кожей.
Нѣтъ и друга у меня,
Да и быть не можетъ.

Сколько лѣтъ я воровалъ,
Сколько лѣтъ старался!
Мнѣ скопить бы капиталъ,
Ну а я спивался.

Только водка на троихъ,
Только пика съ червой —
Комомъ всѣ блины мои,
А не только первый!

1962 г.

For lots of lucky years...

For lots of lucky years
None of things has shifted:
I haven't been 'mongst the rich,
Deals with girls are similar.

For years I've practiced theft,
And I haven't been lazy—
I should have garnered wealth,
But I've drunk like crazy.

Sometimes I'm a poor thing,
Longing for a penny.
I've gotten nor friends nor inn,
And I can't get any.

For years I've practiced theft,
And I haven't been lazy—
I should have garnered wealth,
But I've drunk like crazy.

I've kept on right along
Carding and hard drinking.
All I've performed is wrong,
Wrong from the beginning!

1962.

Въ заповѣдникѣ—вотъ въ какомъ, забылъ...

In a national reserve—I've forgotten its name...

ЗАПОВѢДНИКЪ.

THE NATURE RESERVE.

Что случилось въ Африкѣ.

Въ желтой жаркой Африкѣ,
Въ ея центральной части,
Какъ-то разъ внѣ графика
Случилося несчастье.
Слонъ сказалъ: «Пришла пора,
«Навѣрное, потопу!..»
Въ общемъ, такъ: одинъ Жирафъ
Влюбился въ Антилопу.

Поднялся галдежъ и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнулъ изъ вѣтвей:
«Жирафъ большой — ему виднѣй!»

«Плохи чѣмъ рога ея?»
Кричалъ Жирафъ любовно.
«Нынче въ нашей фаунѣ
«Равны всѣ поголовно!
«Если ей моя родня
«Окажется не рада —
«Пусть пеняютъ на меня,
«Но я уйду изъ стада!»

Поднялся галдежъ и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнулъ изъ вѣтвей:
«Жирафъ большой — ему виднѣй!»

Папѣ Антилопьему
Зачѣмъ такого сына?
Онъ ворчитъ: «Что въ лобъ ему,
«Что по лбу — все едино!»
И Жирафъ-отецъ брюзжитъ:
«Видали остолопа?!»
И ушли къ Бизонамъ жить
Съ Жирафомъ Антилопа.

In a yellow hot land...

In a yellow hot land
Called African savanna,
Something happened, quite unplanned—
Cropped up a wicked manner.
Said old Lion o'er that stuff,
"There soon a flood will flow!"
By and large, there fell in love
Giraffe with Antelope.

The beasts began to neigh and bray,
And only Parrot, old and gray,
Declared wisely from his nest,
"Giraffe is big—his view is best!"

"But what's bad in her nice horns?"
Gave that Giraffe a shout.
"We're for love and pleasure born,
Forefathers' norms are out!
If my kin speak ill of her,
Snub her for no reason—
Then I'll leave my native herd,
And don't ye call it treason!"

The beasts began to neigh and bray,
And only Parrot, old and gray,
Declared wisely from his nest,
"Giraffe is big—his view is best!"

Antelope's dad resents
O'er his prospective sonny,
"What his muzzle represents
Is comical and funny!
Never ever will receive
My compliment that dope!"
And to zebras went to live
Giraffe with Antelope.

Поднялся галдежъ и лай,
И только старый Попугай
Громко крикнулъ изъ вѣтвей:
«Жирафъ большой — ему виднѣй!»

Въ желтой жаркой Африкѣ
Ужъ нѣтъ былыхъ идѵллій —
День и ночь Жирафиха
Тамъ слезы льетъ обильно.
Только горю не помочь,
Вѣдь больше нѣтъ закона,
И Жирафихина дочь
Теперь жена Бизона.

Былъ Жирафъ кругомъ не правъ,
Но только хуже, чѣмъ Жирафъ,
Сдѣлалъ тотъ, кто изъ вѣтвей
Кричалъ Жирафу, молъ, виднѣй!

1968 г.

The beasts began to neigh and bray,
And only Parrot, old and gray,
Declared wisely from his nest,
"Giraffe is big — his view is best!"

So the yellow hot land
Is no longer placid —
Mom Giraffe and her old man
Lament with tears of acid.
But there's nothing they can do,
The law is gone already:
Their young daughter, hoof in hoof,
With Bull is going steady.

Giraffe was wrong, but who's to blame?
There's no doubt of his name —
That one declared from his nest,
"Giraffe is big — his view is best!"

1968.

Баллада о короткомъ счастьѣ.

Трубятъ рога: «Скорѣй, скорѣй!» —
И копошится свита.
Душа у ловчихъ безъ затѣй,
Изъ жилъ воловьихъ свита.
Ну и забава у людей —
Убить двухъ бѣлыхъ лебедей!
И стрѣлы въ высь помчались...
У лучниковъ наметанъ глазъ, —
А эти лебеди какъ разъ
Сегодня повстрѣчались.

Она жила подъ солнцемъ — тамъ,
Гдѣ синихъ sвѣздъ безъ счета,
Гдѣ быть подъ силу лебедямъ
Высокаго полета.
Ты воспари — крыла раскинь —
Въ густую трепетную синь,
Скользи по Божьимъ склонамъ —
Въ такую высь, куда и впредь
Возможно будетъ долетѣть
Лишь ангеламъ и стонамъ.

Но онъ и тамъ ее настигъ,
Былъ счастья мигъ единый —
Вѣдь оказался этотъ мигъ
Ихъ пѣсней лебединой!
Крылатымъ ангеламъ сродни,
Къ землѣ направились они —
Опасная повадка!
Изъ-за кустовъ и изъ-за стѣнъ
Споконъ вѣковъ слѣдятъ за тѣмъ,
Чтобъ счастье было кратко.

Вотъ отираютъ потъ со лба
Виновники паденья.
Сбылась послѣдняя мольба:
«Остановись, мгновенье!»
Звучалъ насмѣшкой этотъ стихъ

Надъ лебединой пѣсней ихъ —
Счастливцевъ одночасья.
Они упали внизъ вдвоемъ,
Такъ и оставшись на седьмомъ —
На высшемъ — небѣ счастья.

1975 г.

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать...

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать,
Всѣ наши страхи причинны.
Очень собаки намъ стали мѣшать —
Эти бездомныя псины.
Бредъ, говорите... Не надо спѣшить,
Вы не услышите бредней.
Ясно вѣдь, что на надежной цѣпи
Песъ несравненно безвреднѣй.

И согласиться должны были бъ всѣ,
Что это вовсе не басни:
Если хорошій ошейникъ на псѣ —
Это и псу безопаснѣй.
Вы, напримѣръ, какъ хозяинъ земли,
Мчите въ Великія Луки, —
А подъ колеса снуютъ кобели
И попадаются суки.

Ихъ на дорогѣ размазавши въ слизь,
Что вы за чушь создадите?
Такъ вы поддержите сюрреализмъ,
Милый товарищъ водитель.
Дрожь проберетъ отъ такого пятна!
Дворниковъ слѣдомъ когорты
Будутъ весь день соскребать съ полотна
Мрачные тѣ натюрморты.

Пса безъ намордника чуть раздразни,
Онъ сразу челюстью лязгнетъ, —
И завершатся тогда ваши дни
Въ приступѣ водобоязни!
Не наберутся и тоненькихъ свѣчъ
За упокой наши дьяки...
Все же намордникъ — прекрасная вещь,
Ежели онъ на собакѣ!

Мы и собаки — легли на вѣсы!
Всѣмъ намъ спокойствія нѣту,

Если бездомные шалые псы
Бродятъ свободно по свѣту.
Но кругозоръ крайне узокъ у васъ,
Если васъ циркъ не плѣняетъ:
Пляшутъ собачки подъ музыку вальсъ —
Прямо слеза прошибаетъ!

Эти ступаютъ, вселяя испугъ,
Страшныя пасти раззявивъ, —
Будто у нихъ даже больше заслугъ,
Нежели чѣмъ у хозяевъ.
Тѣхъ же собакъ не заманишь во дворъ —
Имъ отдохнуть бы, поспать бы, —
Стыдъ просто имъ и семейный позоръ —
Эти собачія свадьбы.

Или — на выставкѣ псы, напримѣръ,
Даже хватаютъ медали, —
Пусть не за выучку — за экстерьеръ,
Но награждаютъ — бѣда ли?
Ну а хозяева славно живутъ,
Не получая получку, —
Слышалъ, огромныя деньги гребутъ —
Я извиняюсь — за случку.

Значитъ, къ чему это я говорю,
Что мнѣ, сѣдому, неймется?
Очень я, граждане, благодарю
Всѣхъ, что рѣшили бороться!
Какъ ни смотрите — хоть эдакъ, хоть такъ,
Смѣйтеся вы или плачьте,
Но у людей въ окруженьи собакъ
Жизнь, прямо скажемъ, собачья.

Вонъ, притаившись въ дневные часы,
Изъ подворотенъ укромныхъ
Лаютъ въ свое удовольствіе псы —
Не приручить ихъ, никчемныхъ.
Надо съ бездомностью этой кончать,
Съ неприрученностью — тоже.

Слава же собаколовамъ! Качать!..
Боже! прости меня, Боже!

1972 г.

У домашнихъ и хищныхъ звѣрей...

У домашнихъ и хищныхъ звѣрей
Есть человѣчій видъ и запахъ,
А каждый день ходить на заднихъ лапахъ —
Это тяжкая участь людей.

Сегодня зрители, сегодня зрители
Не желаютъ больше видѣть укротителей.
А если хочется вамъ укрощать —
Въ сыскъ поступайте, — тамъ благодать!

У приличныхъ и скромныхъ людей
Есть человѣчій видъ и запахъ,
А каждый день ходить на заднихъ лапахъ —
Это тяжкая участь звѣрей.

Сегодня жители, сегодня жители
Не желаютъ больше видѣть укротителей.
А если хочется вамъ укрощать —
Въ циркъ поступайте, — тамъ благодать!

1966 г.

The gentle animals and predatory beasts...

The gentle animals and predatory beasts
Have the appearance and smell of human creatures.
But as for walking every day on the hind feet—
It's the cruel fate the intellectual beings meet with.

The audience today, the audience today
Doesn't wish to see the tamers' skillfulness any more.
And if you have the indispensableness to tame—
Work with the criminals to heal your running sore.

Not a great number of conventional and modest people
Have the appearance and smell of human creatures.
But as for walking every day on the hind feet—
It's the cruel fate the unintelligent beings meet with.

The populace today, the populace today
Doesn't wish to see the tamers' skillfulness any more.
And if you have the indispensableness to tame—
Work with the animals to heal your running sore.

1966.

Пѣсня-басня про Козла отпущенія.

Въ заповѣдникѣ — вотъ въ какомъ, забылъ —
Жилъ да былъ Козелъ — роги длинные.
Хоть съ волками жилъ — не по-волчьи вылъ,
Блеялъ пѣсенки все козлиныя.
И пощипывалъ онъ травку, и нагуливалъ бока,
Не слыхали отъ него худого слова.
Толку было съ него, правда, какъ съ козла молока,
Но вреда, однако, тоже никакого.
Жилъ на выпасѣ, возлѣ озерка,
Не вторгаясь въ чужія владѣнія,
Но замѣтили скромнаго Козлика
И избрали въ козлы отпущенія.

Напримѣръ, Медвѣдь — баламутъ и плутъ —
Обхамитъ кого-нибудь по-медвѣжьему —
Вразъ Козла найдутъ, приведутъ и бьютъ:
По рогамъ ему и промежъ ему...
Не противился онъ, сѣренькій, насилію со зломъ,
А сносилъ побои весело и гордо.
Самъ Медвѣдь сказалъ: «Робяты, я горжусь Козломъ —
«Героическая личность — козья морда!»
Берегли Козла какъ наслѣдника,
Вышло даже въ лѣсу запрещеніе
Съ территоріи заповѣдника
Отпускать Козла отпущенія.

А Козелъ себѣ все скакалъ козломъ,
Но пошаливать онъ сталъ втихомолочку:
Какъ-то бороду завязалъ узломъ,
Изъ кустовъ назвалъ Волка сволочью.
А когда очередное отпущенье получалъ —
Все за то, что волки лишку откусили, —
Онъ, какъ будто бы случайно, по-медвѣжьи зарычалъ,
Но вниманія тогда не обратили.
Пока хищники межъ собой дрались,
Въ заповѣдникѣ зрѣло мнѣніе,
Что дороже всѣхъ медвѣдей и лисъ —
Дорогой Козелъ отпущенія.

Услыхалъ Козелъ — да и сталъ таковъ.
«Эй вы, бурые!» кричитъ, «эй вы, пегіе!
«Отниму у васъ раціонъ волковъ
«И медвѣжія привилегіи!
«Покажу вамъ „козью морду“ настоящую въ лѣсу,
«Распишу туда-сюда по трафарету!
«Всѣхъ на роги намотаю и по кочкамъ разнесу,
«И ославлю васъ вездѣ по бѣлу свѣту!
«Не одинъ изъ васъ будетъ землю жрать,
«Всѣ подохнете безъ прощенія!
«Отпускать грѣхи кому — это мнѣ рѣшать,
«Это я — Козелъ отпущенія!»

Въ заповѣдникѣ — вотъ въ какомъ, забылъ,
Жизнь ведетъ Козелъ не по-прежнему:
Онъ съ волками жилъ — и по-волчьи взвылъ,
И рычатъ онъ сталъ по-медвѣжьему.
А козлятушки-ребятки засучили рукава
И пошли шерстить волчишекъ въ пухъ и въ клочья.
А чего теперь стѣсняться, если ихъ глава
Отъ лѣсного Льва имѣетъ полномочья!
Ощутилъ онъ вдругъ остроту роговъ,
И почувствовалъ вдохновеніе —
Росомахъ и лисъ, медвѣдей, волковъ
Превратилъ въ козловъ отпущенія.

1973 г.

Пѣсня про бѣлаго слона.

Жили-были въ Индіи съ древней старины
Въ дикихъ джунгляхъ дикіе сѣрые слоны.
Они слонялись въ джунгляхъ безъ маршрута,
Одинъ изъ нихъ былъ бѣлымъ почему-то.

Добрымъ глазомъ, тихимъ нравомъ отличался онъ,
И умомъ, и мастью благородной.
Средь своихъ собратьевъ сѣрыхъ бѣлый слонъ
Былъ, конечно, бѣлою вороной.

И владыка Индіи нѣкогда прислалъ,
Отъ души величія, мнѣ того слона.
«Зачѣмъ мнѣ слонъ?» спросилъ я иновѣрца.
Отвѣтъ былъ: «У слона большое сердце.»

Слонъ мнѣ сдѣлалъ реверансъ, а я ему — поклонъ,
Рѣчь моя была сердечной, тихой,
Потому что этотъ самый бѣлый слонъ
Былъ къ тому же бѣлою слонихой.

Я прекрасно выглядѣлъ, сидя на слонѣ;
Ѣздилъ я по Индіи, сказочной странѣ.
Ахъ, гдѣ мы только вмѣстѣ не скитались!
И въ тѣснотѣ отлично уживались.

Если распѣвали мы, всѣ женщины кругомъ
Отъ восторга прямо замирали...
Надо вамъ сказать, что этотъ бѣлый слонъ
Былъ необычайно музыкаленъ.

Гангъ на картѣ видѣли вы навѣрняка —
Такъ зовется въ Индіи главная рѣка.
Мой слонъ и я питались сокомъ манго,
И какъ-то потерялись въ дебряхъ Ганга.

Позабылъ, ища его, я про ѣду и сонъ,
Истрепалъ и нервы, и здоровье...

A Song about the White Elephant.

Far away in India, since the ancient times,
There were wild gray elephants of tremendous size.
They rambled about in all directions without path,
And there was 'mongst these elephants a white one.

It was known for its discernment, noble birth and breed,
Had a friendly look and gentle spirit.
It was, due to its white color, a rare bird indeed
In the herd of its but swarthy kindred.

And the king of India—how could I expect?—
Gave me this white elephant just out of respect.
"I see no profit of this beast," I told him.
"A heart of gold is owned by it," returned he.

Then it made to me a curtsy, and I made a bow,
My address to it was soft, not vicious;
It turned out this elephant was actually a cow,
Or, in other words, a female specious.

Sitting on my beast friend, I looked as fine as grand;
I'd enjoy perceiving the Indian fairyland.
We'd roam here and there and everywhere,
And every inconvenience we'd share.

When it happed so that we sang our serenades of love,
Ladies round and round became like crazy...
I should say this elephant was talented enow,
And his music gift was just amazing.

On a map, I'm sure, you've seen India, haven't you?
So you know there are in it many rivers, too.
My elephant and I would feed on mangoes,
And somehow we were lost around the Ganges.

I was dashing near the river restlessly, on end
Having undermined my flesh and spirit...

А потомъ сказали мнѣ: «Твой бѣлый слонъ
«Встрѣтилъ стадо бѣлое слоновье.»

Долго былъ въ обидѣ я, только вновь прислалъ
Мнѣ владыка Индіи бѣлаго слона —
Но въ видѣ украшенія для трости —
Былъ вырѣзанъ онъ изъ слоновой кости.

Говорятъ, что семь слоновъ имѣть — хорошій тонъ,
На шкафу, какъ средство отъ напастей...
Пусть гуляетъ лучше въ бѣломъ стадѣ бѣлый слонъ,
Пусть онъ лучше не приноситъ счастья!
Пусть гуляетъ лучше въ бѣломъ стадѣ бѣлый слонъ,
Пусть онъ лучше не приноситъ счастья!

1972 г.

Later on they told me, “Mister, your white elephant
Has met with a herd of its white kindred.”

I was angry and upset for some time, but then
I received an elephant from the king again—
But as a knob for cane in all its finery—
A nice white elephant—but made of ivory.

Holding seven such elephants, as people say, is good,
It protects the holder from misfortune...
I would rather have my beast friend walking in the wood,
I wish it to bring to no one fortune!
I would rather have my beast friend walking in the wood,
I wish it to bring to no one fortune!

1972.

Пѣсенка про мангустовъ.

«Smѣи, smѣи кругомъ — будь имъ пусто!»
Человѣкъ въ изступленьи кричалъ —
И позвалъ на подмогу мангуста,
Чтобы, значитъ, мангустъ выручалъ.

И мангусты взялись за работу,
Не щадя ни себя, ни родныхъ, —
Выходили они на охоту
Безъ отгуловъ и безъ выходныхъ.

И въ пустыняхъ, въ степяхъ и въ пампасахъ
Получили наказъ патрули:
Игнорировать smѣй безопасныхъ
И сводить ядовитыхъ съ земли.

Приготовьтесь — сейчасъ будетъ грустно:
Человѣкъ появился тайкомъ —
И поставилъ силки на мангуста,
Объявивъ его вреднымъ svѣркомъ.

Онъ наутро пришелъ — съ нимъ собака —
И мангуста упряталъ въ мѣшокъ, —
А мангустъ отбивался и плакалъ,
И кричалъ: «Я — полезный svѣрекъ!»

Но svѣрьковъ въ переломахъ и ранахъ
Все швыряли въ мѣшокъ, какъ грибы, —
Одурѣвшихъ отъ боли въ капканахъ,
Ну и отъ поворота судьбы.

И гадали они: въ чемъ же дѣло,
Почему ихъ несутъ на убой?
И сказалъ имъ мангустъ престарелый
Съ перебитой передней ногой:

«Козы въ Бельгіи съѣли капусту,
«Воробьи — рисъ въ Китаѣ съ полей,

A Song about the Mongooses.

"Down with snakes! they're indeed right and left there!"
The poor people gave a desperate cry.
And they called the mongooses to help them,
"Our small brothers, these snakes have to die!"

And they instantly got into gear,
Thinking not of their feelings at all.
The mongooses didn't want even to hear
Of vacations till reaching the goal.

And the people sent them to all directions,
Having ordered patrols and convoys,
That the harmless snakes should be neglected,
And the poisonous ones should be destroyed.

Are you ready? The helpers were downed,
There were set for them springes by the people,
Who declared, "They've brought us into trouble,
These mongooses are mischievous fiends."

And next morning the people there appeared,
For to take the poor things from the springes,
Which opposed and asked not to wring them,
Shrieking that they were true and didn't cheat.

Yet they all in the mat-bags were thrown,
Badly wounded, without a debate,
Dizzied from the great grievance and throes,
And, of course, from the turn of their fate.

They were guessing why extermination
Is their fee, what's unright in their gest?
And they got the complete explanation
From an old one, who quietly said,

"Once in India, goats ate all cabbage,
And Chinese sparrows swallowed all rice,

«А въ Австраліи злые мангусты
«Истребили полезнѣйшихъ змѣй.

«Вотъ за это имъ вышла награда
«Отъ разсчетливыхъ этихъ людей,—
«Видно, люди не могутъ безъ яда,
«Ну и значитъ—не могутъ безъ змѣй.»

И снова змѣи кругомъ. «Будь имъ пусто!»
Человѣкъ въ изступленьи кричалъ—
И позвалъ на подмогу мангуста,
Чтобы, значитъ, мангустъ выручалъ...

1971 г.

But the killers of snakes are most savage,
Cause these snakes are so useful and nice.

“So we’re now receiving our bonus,
Due to our dedication we’ll die.
These prudent people need the snakes to be poisonous,
Thinking that but with poison they’ll survive.”

“Down with snakes! they’re again right and left there!”
The poor people gave a desperate cry.
And they called the mongooses to help them,
“Our small brothers, these snakes have to die!..”

1971.

Гербарій.

Лихіе пролетаріи,
Закушавъ водку килечкой,
Спѣшатъ въ свои подполія
Налаживать борьбу.
А я лежу въ гербаріи,
Къ доскѣ пришпиленъ шпилечкой,
И пальцами до боли я
По дереву скребу.

Корячусь я на гвоздикѣ,
Но не мѣняю позы.
Кругомъ жуки-навозники
И мелкія стрекозы,
По дѣтству мнѣ знакомые —
Ловилъ я ихъ, копалъ,
Давилъ, — но въ насекомыя
Я самъ теперь попалъ.

Подъ всѣми экспонатами —
Эмалевыя планочки,
Все строго по-научному —
Указанъ классъ и видъ...
Я съ этими ребятами
Сидѣлъ въ стеклянной баночкѣ,
Дрались мы — это къ лучшему:
Узналъ, кто ядовитъ.

Я представляю мысленно
Себя въ большой постелѣ,
Но подо мной написано:
«Невиданный доселѣ.»
Я гомо былъ читающій,
Я сапіенсомъ былъ!
Мой классъ — млекопитающій,
А видъ уже забылъ...

Въ лицо ль мнѣ дуло, въ спину ли,
Въ бушлатѣ былъ иль въ робѣ я —

Стремился, кровью крашеный,
Какъ звали, къ шалашу.
И — на тебѣ! — задвинули
Въ наглядныя пособія —
Я, злой и ошарашенный,
На досточкѣ вишу.

Оформленъ, какъ на выданье,
Стыжусь, какъ ученица, —
Жужжатъ шмели солидные,
Что надо подчиниться,
А бабочки хихикаютъ,
Кто — вслухъ, кто — про себя,
Сороконожки хмыкаютъ
И куколки язвятъ...

Ко мнѣ съ опаской движутся
Мои собратья прежніе —
Двуногіе, разумные, —
Два пишутъ — три въ умѣ.
Они пропишутъ vжицу —
Глаза у нихъ не нѣжные, —
Одинъ брезгливо ткнулъ въ меня
И вывелъ резюме:

«Итакъ, съ нимъ не налажены
«Контакты, и не ждемъ ихъ, —
«Вотъ потому онъ, граждане,
«Теперь у насекомыхъ.
«Мышленье въ немъ не развито,
«Съ нимъ были лишь „чепе“,
«А здѣсь онъ можетъ развѣ что
«Вертѣться на пупѣ.»

Берутъ они не круто ли?!
Вѣдь я не найденъ во полѣ!
Ошибка это глупая —
Увидится изъянъ, —
Накажутъ тѣхъ, что спутали,
Прикажутъ, чтобъ откнопили,

И попаду въ подгруппу я
Хотя бы обезьянъ.

Нѣтъ, не ошибка — акція
Свершилась надо мною,
Чтобъ началъ пресмыкаться я
Внизъ пузомъ, вверхъ спиною.
Вотъ и лежу, расхристанный,
Разыгранный вничью,
Намеренно причисленный
Къ ползучему жучью.

А можетъ, все провертится
И какъ-то устаканится...
Въ концѣ концовъ, вѣдь досточка —
Не плаха, говорятъ, —
Все слюбится да стерпится,
Мнѣ даже стали нравиться
Молоденькая осочка
И коконъ-шелкопрядъ.

Да, мнѣ пріятно съ осами —
Онѣ не хамовиты —
Фигуристыя особи
Со скромнымъ аппетитомъ.
И, кстати, вдругъ изъ коконовъ
Родится что-нибудь
Такое, что и съ локономъ,
И что имѣетъ грудь...

Червякъ со мной не кланится,
А оводы со слепнями
Питаютъ отвращеніе
Къ навозной голытьбѣ.
Чванливыя созданьица
Довольствуются сплетнями,
А мнѣ нужны общенія
Съ подобными себѣ!

Пригрѣлъ сверчка-дистрофика —
Блоха сболтнула, гнида, —
И глядь, два тертыхъ клопика
Изъ третьяго подвида.
Сверчокъ полузадушенный
Вполсилы свиристѣлъ,
Но за покой нарушенный
На два гвоздочка сѣлъ.

Паукъ на мозгъ мой зарится,
Клопы кишатъ — нѣтъ роздыха,
Невестой хороводится
Красавица оса...
Пусть что-нибудь заварится,
А тамъ — хоть на три гвоздика,
А съ трехъ гвоздей, какъ водится, —
Дорога въ небеса.

Въ мозгу моемъ нахмуренномъ
Страхъ льется по морщинамъ:
Мнѣ будетъ шершень шуриномъ —
А что́ мнѣ будетъ сыномъ?..
Я не желаю, право же,
Чтобъ трутнемъ былъ мой тесть!
Пора уже, пора уже
Напрячься и воскресть!

Когда въ живыхъ насъ тыкали
Булавочками колкими,
Махали пчелы крыльями,
Пищали муравьи.
Мы вмѣстѣ горе мыкали,
Всѣ проткнуты иголками...
Такъ вспомнимъ же, кѣмъ были мы,
Товарищи мои!

Заносчивый не много я,
Но — въ горлѣ горечь комомъ:
Поймите, я, двуногое,
Попало къ насекомым!

Но кто спасетъ насъ, выручитъ,
Кто сниметъ насъ съ доски?!
За мною — прочь со шпилечекъ,
Сограждане жуки!

И, какъ всегда въ исторіи,
Мы разомъ спины выгнули, —
Хоть осы и гундосили,
Но кто силенъ, тотъ правъ!
Мы съ нашей территоріи
Клоповъ сначала выгнали,
И паучишекъ сбросили
За старый книжный шкафъ.

Скандалъ потомъ уляжется,
Зато у насъ — всѣ дома,
И поживаютъ, кажется,
Совсѣмъ не насекомо.
А я же тѣшусь ванночкой,
И не держу обидъ, —
Жаль, надъ моею планочкой
Другой уже прибитъ...
Другой уже прибитъ...
Другой уже прибитъ...

1976.

Чайка.

Рѣетъ
надъ темно-синей волной
непримѣтная стайка.
Грустно,
но у меня въ этой стайкѣ
попутчиковъ нѣтъ.
Низко
лечу отдѣльно отъ всѣхъ,
одинокая чайка,
И скользитъ подо мной
Спутникъ преданный мой —
бѣлый мой силуэтъ.

Но слабѣетъ, слабѣетъ крыло,
Я снижаюсь все ниже и ниже,
Я уже отраженья не вижу —
Море тиною заволокло.

Неужели никто не придетъ,
Чтобы рядомъ летѣть съ бѣлой птицей?
Неужели никто не рѣшится —
Неужели никто не спасетъ?

Силы
оставятъ тѣло мое —
и въ соленую пыль я
Брошу
свой обезсиленный
и изстрадавшійся трупъ.
Крылья —
уже надъ самой водой,
мои бѣдныя крылья!
Вѣтеръ яростный, злой
Лишь играетъ со мной,
безпощаденъ и грубъ.

Неужели никто не придетъ,
Чтобы рядомъ летѣть съ бѣлой птицей?

Неужели никто не рѣшится —
Неужели никто не спасетъ?

Бьется сердце подъ лѣвымъ плечомъ,
Я спускаюсь все ниже и ниже,
Но уже я Спасителя вижу —
Это ангелъ съ завѣтнымъ ключемъ.

Вѣтеръ!
скрипачъ безумный, пропой,
на прощанье сыграй намъ!
Скоро
погаснетъ солнце —
и спутникъ мой станетъ незримъ.
Чайка
влетитъ въ пучину навѣкъ —
къ неразгаданнымъ тайнамъ,
Я въ себѣ растворюсь,
Я навѣки сольюсь
съ силуэтомъ своимъ.

Но слабѣетъ, слабѣетъ крыло,
Я снижаюсь все ниже и ниже,
Я уже отраженья не вижу —
Море тиною заволокло.

Бьется сердце подъ лѣвымъ плечомъ,
Я спускаюсь все ниже и ниже,
Но уже я Спасителя вижу —
Это ангелъ съ завѣтнымъ ключемъ.

1973 г.

Заповѣдникъ.

Бѣгаютъ по лѣсу стаи звѣрей —
Не за добычей, не на водопой:
Денно и нощно они егерей
Ищутъ веселой толпой.
Звѣри, забывъ вѣковѣчные страхи,
Съ твердою вѣрой, что все по плечу,
Шкуры рванувъ на груди, какъ рубахи,
Падаютъ навзничь — стрѣляй не хочу!

Охъ, сколько ихъ въ кущахъ,
Сколько ихъ въ чащахъ —
Ревомъ ревущихъ,
Рыкомъ рычащихъ,
Сколько бѣгущихъ,
Столько лежащихъ —
Въ дебряхъ и кущахъ,
Въ рощахъ и чащахъ!

Рыбы пошли косякомъ противъ волнъ —
Весла не тонутъ, иди по нимъ вбродъ!
Столько желающихъ прямо на столъ,
Сразу на блюдо — и въ ротъ!
Рыба не мясо — она хладнокровнѣй —
Въ сѣть норовитъ, на крючекъ, въ невода:
Рыба погрѣться желаетъ въ жаровнѣ —
Море по жабры, вода не вода!

Сколько ихъ въ кущахъ,
Столько ихъ въ чащахъ —
Скопомъ плывущихъ,
Кишмя кишащихъ,
Другъ друга жрущихъ,
Хищныхъ и тощихъ —
Въ дебряхъ и кущахъ,
Въ чащахъ и въ рощахъ!

Птица на дробь устремляетъ полетъ —
Птица на выдумки стала хитра:

Чтобы имъ яблоки вшили въ животъ,
Гуси не ѣли съ утра.
Сильная птица сама на охотѣ
Хилымъ собратьямъ кричитъ: «Сторонись!» —
Жизнь прекращаетъ въ зенитѣ, на взлетѣ,
Даже безъ выстрѣла падая внизъ.

Сколько ихъ въ кущахъ,
Столько ихъ въ чащахъ —
Выстрѣла ждущихъ,
Въ силки летящихъ,
Сколько плывущихъ,
Столько парящихъ —
Въ дебряхъ и кущахъ,
Въ рощахъ и чащахъ!

Шубы не хочетъ пушнина носить —
Такъ и стремится въ капканъ и въ загонъ,
Чтобы людей пріодѣть, утеплить,
Рвется изъ кожи вонъ.
Въ ваши силки — призадумайтесь, люди! —
Ломятся sвѣри въ прекрасныхъ мѣхахъ —
Это же тысячи сотенъ въ валютѣ,
Тысячи тысячей въ нашихъ деньгахъ.

Сколько ихъ въ кущахъ,
Столько ихъ въ чащахъ —
Дань отдающихъ,
Даромъ дарящихъ,
Шкуръ настоящихъ,
Нѣжныхъ и прочныхъ —
Въ дебряхъ и чащахъ,
Въ кущахъ и въ рощахъ!
Въ сумрачныхъ чащахъ,
Дебряхъ и кущахъ
Сколько рычащихъ,
Столько ревущихъ,
Сколько пасущихся,
Столько кишащихъ,

Яйца несущихъ
И живородящихъ,
Сѣрыхъ, обычныхъ,
И въ перьяхъ нарядныхъ,
Сколько ихъ, хищныхъ
И травоядныхъ,
Шерстью линяющихъ,
Шкуру мѣняющихъ,
Блеющихъ, лающихъ,
Млекопитающихъ,
Сколько летящихъ,
Бѣгущихъ, ползущихъ,
Сколько непьющихъ
Въ рощахъ и кущахъ
И некурящихъ
Въ дебряхъ и чащахъ,
И пресмыкающихся,
И парящихъ,
И подчиненныхъ,
И руководящихъ,
Вѣщихъ и вящихъ,
Врущихъ и рвущихъ —
Въ рощахъ и чащахъ,
Въ дебряхъ и кущахъ!

Шкуры не порчены, рыба — живьемъ,
Мясо безъ дроби — зубовъ не сломать.
Ловко, продуманно, просто, съ умомъ,
Мирно — не надо стрѣлять!
Каждому егерю — бѣлый передникъ!
Въ руки — табличку: «Не бей! не губи!»
Все это вмѣстѣ зовутъ — заповѣдникъ,
Заповѣдь только одна: не убій!

Но сколько въ рощахъ,
Дебряхъ и кущахъ —
И сторожащихъ,
И стерегущихъ,
И загоняющихъ,
Въ мѣру азартныхъ,

Плохо стрѣляющихъ
И предъинфарктныхъ,
Травящихъ, лающихъ,
Конныхъ и пѣшихъ,
И отдыхающихъ
Съ внѣшностью лѣшихъ,
Сколько ихъ, знающихъ
И искушенныхъ,
Не попадающихъ
Въ цѣль, разозленныхъ,
Сколько дрожащихъ,
Портящихъ шкуры,
Сколько ловящихъ
На самодуры,
Сколько ихъ, язвенныхъ,
Столько всеядныхъ,
Сѣтью повязанныхъ
И кровожадныхъ,
Полныхъ и тучныхъ,
Тощихъ, ледащихъ —
Въ дебряхъ и кущахъ,
Въ рощахъ и чащахъ!

1972 г.

Въ тайгу...

Въ тайгу —
На саняхъ, на развалюхахъ,
Въ соболяхъ или въ треухахъ —
И богатый, и солидный, и убогій

Бѣгутъ —
Въ неизвѣданныя чащи, —
Кто-то рѣже, кто-то чаще —
Въ волчьи логова, въ медвѣжія берлоги.

Стоятъ,
Какъ усталые боксеры,
Вѣковые гренадеры
Въ два обхвата, въ три обхвата и поболѣ.

И я
Воздухъ ѣмъ — жую, глотаю —
Да я только здѣсь бываю
За рѣшеткой изъ деревьевъ — но на волѣ!

1970 г.

To the wood...

To the wood—
On the sledges and on the sleighs,
In the coats and in the sables—
As the rich as the unlucky men

Run out—to
The mysterious wood's brake,
Every now and again—
To the wolfs and to the bears' dens.

There abide,
Looking like the tired braves,
Venerable giant mates
In two girths and even in several ones.

And there I
Chew and swallow the air—
Yes, I'm only at this place—
Though behind the bars of trees—at large!

1970.

Но что-то кони мнѣ попались привередливые...

But my horses are so wayward, can't do anything with it...

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ.

THE WAYWARD HORSES.

Мы вѣрные, испытанные кони...

Мы вѣрные, испытанные кони,
Побѣдоносцы ѣздили на насъ,
И не одинъ великій богомазъ
Намъ золотилъ копыта на иконѣ.

И рыцарь-песъ, и рыцарь благородный
Хребты намъ гнули тяжестію латъ.
Одинъ изъ нашихъ, самый сумасбродный,
Однажды ввезъ Калигулу въ сенатъ.

1972 г.

We’re horses, tried in battles for centuries...

We’re horses, tried in battles for centuries,
We carried noble defeaters,
And our portraits were depicted
By very famous icon-painters.

How many officers and soldiers
Gave us their care and affection!
And once Caligula was brought forth
By one of us, the most senseless.

1972.

Кони привередливые.

Вдоль обрыва, по-надъ пропастью, по самому я краю
Вороныхъ своихъ безъ устали стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мнѣ мало — вѣтеръ пью, туманъ глотаю, —
Съ роковымъ восторгомъ чую: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнѣе, кони, чуть помедленнѣе!
Не указчики вамъ кнутъ и плеть!
Но что-то кони мнѣ попались привередливые —
И дожить не успѣлъ, и допѣть не успѣть.

Я коней напою,
я куплетъ допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

Сгину я — меня пушинкой ураганъ смететъ съ ладони,
И коней моихъ горячихъ поведутъ по снѣгу утромъ...
Вы на шагъ неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь къ послѣднему пріюту!

Чуть помедленнѣе, кони, чуть помедленнѣе!
Не указчики вамъ кнутъ и плеть!
Но что-то кони мнѣ попались привередливые —
И дожить не успѣлъ, и допѣть не успѣть.

Я коней напою,
я куплетъ допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

Мы успѣли: въ гости къ Богу не бываетъ опозданій.
Но развѣ ангелы поютъ такими злыми голосами?!
Или это колокольчикъ весь зашелся отъ рыданій,
Или я кричу конямъ, чтобъ не несли такъ быстро сани?!

Чуть помедленнѣе, кони, чуть помедленнѣе!
Умоляю васъ вскачь не летѣть!

The Wayward Horses.

There's a precipice beside me, on the brink of it I'm driving
In a sleigh pulled by proud horses, and I force them whipping, lashing...
Gasping, drink the mist and currents — hard against the wind I'm striving,
And perceive with morbid pleasure that to my sure death I'm dashing!

Do slow down a little, my horses, do slow down ye just a bit!
Don't ye listen to the taut whip, I beg you, don't!
But my horses are so wayward, can't do anything with it —
There's no time as for a life as for a song.

I'll let my horses drink,
I'll stop to drive and sing.
At least for a brief wink,
I'll tarry on the brink...

When I perish, like a feather off the hand the wind will blow me,
And my horses will drag on me in a dreary and cold morning...
Make your pace as slow as possible, my proud horses, walk ye slowly,
To my last resort don't hurry, please, prolong the final journey!

Do slow down a little, my horses, do slow down ye just a bit!
Don't ye listen to the taut whip, I beg you, don't!
But my horses are so wayward, can't do anything with it —
There's no time as for a life as for a song.

I'll let my horses drink,
I'll stop to drive and sing.
At least for a brief wink,
I'll tarry on the brink...

We're in time: when calls the Most High, it's impossible to be lated.
But the voices sounding round me can't be angels', they're full of hatred!
Maybe, it's the frantic sobbing of the sleigh bell agitated,
Or my yelling at the horses is so strange and animated?

Do slow down a little, my horses, do slow down ye just a bit!
Don't ye fly at your full speed, I beg you, don't!

Но что-то кони мнѣ попались привередливые —
Коль дожить не успѣлъ, такъ хоть дайте допѣть!

Я коней напою,
я куплетъ допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...

1972 г.

But my horses are so wayward, nothing can be done with it—
I have time nor for a life nor for a song.

I'll let my horses drink,
I'll stop to drive and sing.
At least for a brief wink,
I'll tarry on the brink...

1972.

ОЧИ ЧЕРНЫЯ.

I. Погоня.

Во хмелю слегка
Лѣсомъ правилъ я.
Не усталъ пока—
Пѣлъ за здравіе.
А умѣлъ я пѣть
Пѣсни вздорныя:
«Какъ любилъ я васъ,
«Очи черныя...»

То плелись, то неслись, то трусили рысцой,
И болотную слизь конь швырялъ мнѣ въ лицо.
Только я проглочу вмѣстѣ съ грязью слюну,
Штофу горло скручу—и опять затяну:

«Очи черныя!
«Какъ любилъ я васъ...»
Но прикончилъ я
То, что впрокъ припасъ.
Головой тряхнулъ,
Чтобъ слетѣла блажь,
И вокругъ взглянулъ—
И присвистнулъ ажъ!

Лѣсъ стѣной впереди—не пускаетъ стѣна,
Кони прядутъ ушами, назадъ подаютъ.
Гдѣ просвѣтъ, гдѣ прогалъ—не видать ни рожна!
Колютъ иглы меня, до костей достаютъ.

Коренной ты мой,
Выручай же, братъ!
Ты куда, родной,
Почему назадъ?
Дождь, какъ ядъ съ вѣтвей,
Недобромъ пропахъ,
Пристяжной моей
Волкъ нырнулъ подъ пахъ.

Вотъ же пьяный дуракъ, вотъ же налилъ глаза!
Вѣдь погибель пришла, а бѣжать — не сумѣть.
Изъ колоды моей утащили туза,
Да такого туза, безъ котораго — смерть!

Я ору волкамъ:
«Побери васъ прахъ!»
А коней пока
Подгоняетъ страхъ.
Шевелю кнутомъ —
Бью крученые
И ору при томъ:
«Очи черныя!..»

Храпъ, да топотъ, да лязгъ, да лихой переплясъ —
Бубенцы плясовую играютъ съ дуги.
Ахъ вы, кони мои, погублю же я васъ, —
Выносите, друзья, выносите, враги!

Отъ погони той
Вовсѣ хмель изсякъ,
Взяли кряжъ крутой
Не замѣтилъ какъ.
Въ хлопьяхъ пѣны мы,
Струи въ кряжъ лились —
Отдышались, отхрипѣли
Да откашлялись.

Я лошадкамъ забитымъ, что не подвели,
Поклонился въ копыта до самой земли,
Сбросилъ съ воза манатки, повелъ въ поводу...
Спаси Богъ васъ, лошадки, что цѣлымъ иду!

II. Старый домъ.

Что за домъ притихъ,
Погруженъ во мракъ,
На семи лихихъ
Продувныхъ вѣтрахъ,

Всѣми окнами
Обратясь въ оврагъ,
А воротами —
На проѣзжій трактъ?

Охъ, усталъ я, усталъ — а лошадокъ распрягъ.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого — только тѣнь промелькнула въ сѣняхъ,
Да стервятникъ спустился и сузилъ круги.

Въ домъ заходишь какъ
Все равно въ кабакъ,
А народишко —
Каждый третій — врагъ.
Воротятъ скулу —
Гость непрошеный!
Образа въ углу —
И тѣ перекошены.

И затѣялся смутный, чудной разговоръ,
Кто-то пѣсню стоналъ да гармошку терзалъ,
И припадочный малый, придурокъ и воръ,
Мнѣ тайкомъ изъ-подъ скатерти ножъ показалъ.

«Кто отвѣтитъ мнѣ —
«Что за домъ такой,
«Почему во тьмѣ,
«Какъ баракъ чумной?
«Свѣтъ лампадъ погасъ,
«Воздухъ вылился...
«Али жить у васъ
«Разучилися?

«Двери настежь у васъ, а душа взаперти.
«Кто хозяиномъ здѣсь? Напоилъ бы виномъ!»
А въ отвѣтъ мнѣ: «Видать, былъ ты долго въ пути
«И людей позабылъ — мы давно такъ живемъ.

«Траву кушаемъ,
«Вѣкъ — на щавелѣ,

«Скисли душами,
«Опрыщавѣли,
«Да еще виномъ
«Много тѣшились,
«Разоряли домъ,
«Дрались, вѣшались.»

«Я коней заморилъ, отъ волковъ ускакалъ.
«Укажите мнѣ край, гдѣ свѣтло отъ лампадъ,
«Укажите мнѣ мѣсто, какое искалъ,
«Гдѣ поютъ, а не стонутъ, гдѣ полъ не покатъ.»

«О такихъ домахъ
«Не слыхали мы,
«Долго жить впотьмахъ
«Привыкали мы.
«Испокону мы —
«Въ slѣ да шепотѣ,
«Подъ иконами
«Въ черной копоти.»

И изъ смрада, гдѣ косо висятъ образа,
Я, башку очертя, шелъ, свободный отъ путъ,
Куда ноги несли да глядѣли глаза,
Гдѣ не странные люди какъ люди живутъ.

Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня — не докинула.
Можетъ, спѣлъ про васъ неумѣло я,
Очи черныя, скатерть бѣлая!

1974 г.

Красота: среди бѣгущихъ первыхъ нѣтъ и отстающихъ...

How it's good when a beginner can be sure he'll be the winner...

КТО ЗА ЧѢМЪ БѢЖИТЪ.

WHO FOR WHAT RUNS.

Вратарь.

Льву Яшину.

Да, сегодня я въ ударѣ, не иначе —
Надрываются въ восторгѣ москвичи, —
Я спокойно прерываю передачи
И вытаскиваю мертвые мячи.

Вотъ судья противнику пенальти назначаетъ —
Репортеры тучею кишатъ у тѣхъ воротъ.
Лишь одинъ упрямо за моей спиной скучаетъ —
Онъ сегодня славно отдохнетъ!

Извиняюсь,
вотъ мнѣ бьютъ головой...
Я касаюсь —
подаютъ угловой.
Бьетъ десятый — дѣло въ томъ,
Что своимъ «сухимъ листомъ»
Размочить онъ можетъ счетъ нулевой.

Мячъ въ моихъ рукахъ — съ ума трибуны сходятъ, —
Хоть десятый его ловко завернулъ.
У меня давно такіе не проходятъ!
Только сзади кто-то тихо вдругъ вздохнулъ.

Обернулся — слышу голосъ изъ-за фотокамеръ:
«Извини, но ты мнѣ, парень, снимокъ запоролъ.
«Что́ тебѣ — ну лишній разъ потрогать мячъ руками, —
«Ну, а я бы снялъ красивый голъ.»

Я хотѣлъ его послать —
не пришлось:
Еле-еле мячъ достать
удалось.
Но едва успѣлъ привстать,
Слышу снова: «Вотъ, опять!
«Все бъ ловить тебѣ, хватать — не далъ снять!»

«Я, товарищъ дорогой, все понимаю,
«Но культурно васъ прошу: пойдите прочь!
«Да, вамъ лучше, если хуже я играю,
«Но повѣрьте — я не въ силахъ вамъ помочь.»

Вотъ летитъ девятый нумеръ съ пушечнымъ ударомъ —
Репортеръ бормочетъ: «Слушай, дай ему забить!
«Я бы всю семью твою всю жизнь снималъ задаромъ...»
Чуть не плачетъ парень. Какъ мнѣ быть?!

«Это все-таки ѳутболъ,»
говорю,
«Ножъ по сердцу — каждый голъ
вратарю.»
«Я жъ тебѣ, какъ вратарю,
«Лучшій снимокъ подарю, —
«Пропусти — а я отблагодарю!»

Гнусь, какъ вѣтка, отъ напора репортера,
Неувѣренно иду на перехватъ.
Попрошу-ка потихонечку партнеровъ,
Чтобъ они ему разбили аппаратъ.

Ну, а онъ все ноетъ: «Это жъ, другъ, безчеловѣчно —
«Ты, конечно, можешь взять, но только, извини, —
«Это лишь моментъ, а ѳотографія — навѣчно.
«А ну, не шевелись, потяни!»

Пятый нумеръ въ двадцать два —
знаменитъ,
Не бѣжитъ онъ, а едва
семенитъ.
Въ правый уголъ мячъ, звеня, —
Значитъ, въ лѣвый отъ меня, —
Залетаетъ и нахально лежитъ.

Въ этомъ таймѣ мы играли противъ вѣтра,
Такъ что я не могъ подѣлать ничего...
Снимокъ дома у меня — два на три метра —
Какъ свидѣтельство позора моего.

Проклинаю мигъ, когда фотографу потрафилъ,
Вѣдь теперь я думаю, когда беру мячи:
Сколько жъ мной испорчено прекрасныхъ фотографій! —
Стыдъ меня терзаетъ, хоть кричи.

Искуситель-змѣй, палачъ,
какъ мнѣ жить?
Такъ и тянетъ каждый мячъ
пропустить.
Я весь матчъ борюсь съ собой —
Видно, жребій мой такой...
Такъ, спокойно! — подаютъ угловой.

1971 г.

Пѣсня про праваго инсайда.

Мячъ затаился въ стриженой травѣ,
Секунда паузы на полѣ и въ эфирѣ...
Они играютъ по сѵстемѣ «дубль-вэ»,
Мы жъ уповаемъ на «четыре-два-четыре».

Охъ, инсайдъ! для него — что футболъ, что балетъ,
И всегда онъ играетъ по правому краю —
Справедливости въ мірѣ, извѣстно, что нѣтъ,
Потому я всегда только слѣва играю.

Мячъ затаился въ стриженой травѣ,
Секунда паузы на полѣ и въ эфирѣ...
Они играютъ по сѵстемѣ «дубль-вэ»,
Мы жъ уповаемъ на «четыре-два-четыре».

Вотъ инсайдъ голъ забилъ, получивъ точный пасъ,
Я хочу на его оказаться дорогѣ.
Не могу — меня тренеръ поставилъ въ запасъ,
А ему сходятъ съ рукъ перебитыя ноги.

Мячъ затаился въ стриженой травѣ,
Секунда паузы на полѣ и въ эфирѣ...
Они играютъ по сѵстемѣ «дубль-вэ»,
Мы жъ уповаемъ на «четыре-два-четыре».

Ничего, я немножечко повременю, —
Пусть меня не заявятъ на первенство міра —
Догоню, я сегодня его догоню, —
И пусть мнѣ не дадутъ отъ команды квартиру.

Мячъ затаился въ стриженой травѣ,
Секунда паузы на полѣ и въ эфирѣ...
Они играютъ по сѵстемѣ «дубль-вэ»,
Мы жъ уповаемъ на «четыре-два-четыре».

Такъ что я послѣ матча его подожду,
И тогда побесѣдуемъ съ нимъ безъ судьи мы.

Пропаду, чуетъ сердце мое — попаду
Со скамьи запасныхъ на скамью подсудимыхъ.

Мячъ затаился въ стриженой травѣ,
Секунда паузы на полѣ и въ эфирѣ...
Они играютъ по сvстемѣ «дубль-вэ»,
Мы жъ уповаемъ на «четыре-два-четыре».

1967 г.

Пѣсня штангиста.

Василію Алеѣееву.

Какъ спортъ — поднятье тяжестей не ново
Въ исторіи народовъ и державъ:
Вы помните, какъ нѣкій Грекъ другого
Поднялъ и бросилъ, чуть попридержавъ?

Какъ шею жертвы, круглый грифъ сжимаю,
Овaціи услышу или свистъ?
Я будто бы Антея поднимаю,
Какъ первый въ древней Греціи штангистъ.

Не отмѣченъ граціей мустанга,
Скованъ я, въ движеніяхъ не скоръ.
Штанга, перегруженная штанга —
Вѣчный мой соперникъ и партнеръ.

Такую неподъемную громаду
Врагу не пожелаю своему —
Я подхожу къ тяжелому снаряду
Съ тяжелымъ чувствомъ: вдругъ не подниму?!

Мы оба съ нимъ какъ будто изъ металла,
Да только онъ — дѣйствительно металлъ.
Но какъ же долго шелъ я къ пьедесталу,
Ажъ вмятины въ помостѣ протопталъ!

Не отмѣченъ граціей мустанга,
Скованъ я, въ движеніяхъ не скоръ.
Штанга, перегруженная штанга —
Вѣчный мой соперникъ и партнеръ.

Поверженъ врагъ на землю — какъ красиво! —
И крикъ «весъ взятъ!» у многихъ на слуху.
«Весъ взятъ!» — прекрасно, но не справедливо:
Вѣдь я внизу, а штанга наверху.

The Weightlifter's Song.

To Vasily Alekseyev.

Weightlifting's not a recent innovation.
Recall how, once, a Greek of some renown
Picked his opponent up, in desperation,
And held him for a while, then tossed him down.

Applause will come — for me or for another?
As if the victim's neck, I grip the bar.
I lift off my Antaeus from his mother
Just like that first athletic superstar.

> Not having grace, I'm really hard as marble,
> And all my movements are constrained and slow.
> The heavy barbell, the o'erloaded barbell
> Forever is my partner and my foe.

I think my task to be too uninviting,
To wish it to someone. There's not much hope!
As I approach this heavy mass, I'm fighting
A heavy feeling: what if I can't cope?

Both it and I look like we're made of metal,
Though only it is metal to the core.
And on my lengthy way to the gold medal,
I made the deep indentions in the floor.

> Not having grace, I'm really hard as marble,
> And all my movements are constrained and slow.
> The heavy barbell, the o'erloaded barbell
> Forever is my partner and my foe.

It looks impressive when you knock your foe down.
But in my sport, it's not so cut and dried.
Here's what's unfair about this final showdown:
I'm down below — the barbell is up high.

Такой тріумфъ подобенъ пораженью,
А смыслъ побѣды до смѣшного простъ:
Все дѣло въ томъ, чтобъ, завершивъ движенье,
Съ размаху штангу бросить на помостъ.

Не отмѣченъ граціей мустанга,
Скованъ я, въ движеніяхъ не скоръ.
Штанга, перегруженная штанга —
Вѣчный мой соперникъ и партнеръ.

Онъ вверхъ ползетъ, чѣмъ выше, тѣмъ безвольнѣй,
Но отдаетъ мнѣ за вершкомъ вершокъ.
И со своей высокой колокольни
Мнѣ зритель крикнулъ: «Брось ее, братокъ!»

Еще одно послѣднее мгновенье —
И брошенъ наземь мой желѣзный богъ!
Я выполнялъ обычное движенье
Съ короткимъ slымъ названіемъ «рывокъ».

1971 г.

That sort of win is like a loss, I reckon.
But victory is very simply found:
I must hold on for several painful seconds,
Then slam the barbell down onto the ground.

> Not having grace, I'm really hard as marble,
> And all my movements are constrained and slow.
> The heavy barbell, the o'erloaded barbell
> Forever is my partner and my foe.

Still, it creeps upwards, slowly losing power,
My muscles are near bursting as they swell.
And from their seats, as if from lofty towers,
Spectators scream, "Just drop it, what the hell!"

I ascertain the judges' satisfaction;
My iron god goes down—I've done my work!
I was performing the habitual action,
That's called in my profession the "clean and jerk".

1971.

Пѣсня прыгуна въ длину.

Что случилось, почему кричатъ?
Почему мой тренеръ завопилъ?
Просто — восемь сорокъ результатъ, —
Правда, за черту я заступилъ.

Охъ, придется мнѣ до дна ее испить —
Чашу съ ядомъ вмѣсто кубка я беру, —
Стоитъ только мнѣ черту переступить —
Превращаюсь въ человѣка-кенгуру.

Что случилось, почему кричатъ?
Почему соперникъ завопилъ?
Просто — ровно восемь шестьдесятъ, —
Правда, за черту я заступилъ.

Что же дѣлать мнѣ, какъ быть, кого винить —
Если мнѣ черта совсѣмъ не по нутру?
Видно, негру мнѣ придется уступить
Этотъ титулъ человѣка-кенгуру.

Что случилось, почему кричатъ?
Стадіонъ въ единствѣ завопилъ...
Восемь девяносто, говорятъ, —
Правда, за черту я заступилъ.

Посовѣтуйте, друзья, ну какъ мнѣ быть?
Такъ и есть, что негръ титулъ мой забралъ.
Если бъ ту черту да взять и отмѣнить —
Я бъ Америку догналъ и перегналъ!

Что случилось, почему молчатъ?
Комментаторъ даже пріунылъ.
Восемь пять — который разъ подрядъ, —
Значитъ — за черту не заступилъ.

1971 г.

The Long-Jumper's Song.

What is it? Why do fans cry so loud?
What did rouse my coach to shout, "Good Lord!"?
It's 'cause of eight-forty's my result,
But I overstepped the take-off board.

How near was my long-wished-for reward,
But 'stead of the well-earned laurels — bitter rue...
When I overstep the take-off board,
I become a human-kangaroo.

What is it? Why do fans cry so loud?
What did rouse my rival to make a roar?
It's 'cause of eight-sixty's my result,
But I overstepped the take-off board.

It's nobody's fault, I must confess,
I can't bear boards and borders — yes, it's true.
The black man will win today, I guess,
He'll be called a human-kangaroo.

What is it? Why do fans cry so loud?
All and sundry cheered in accord...
For this once, eight-ninety's my result,
But I overstepped the take-off board.

What to do, O people, who can say?
The black man does hold my title, it's occurred...
If that board is set aside one day,
I'll defeat America for sure!

What is it? Fans seem to be asleep,
Commentators' look are sad and bored.
Now eight-seven — that's how long I leap
When I take off right before the board.

1971.

Пѣсня прыгуна въ высоту.

Разбѣгъ, толчекъ... И стыдно подыматься,
Во рту опилки, слезы изъ-подъ вѣкъ:
На рубежѣ контрольномъ два двѣнадцать
Мнѣ планка преградила путь наверхъ.

Я признаюсь вамъ, какъ на духу:
Такова вся спортивная жизнь!
Лишь мгновеніе ты наверху —
И стремительно падаешь внизъ.

Но съѣмъ плоды запретные съ древа я,
И за хвостъ подергаю славу я,
Вѣдь у всѣхъ толчковая — лѣвая,
А у меня толчковая — правая!

Разбѣгъ, толчекъ... Свидѣтели паденья
Свистятъ и тянутъ за ноги ко дну.
И тренеръ мнѣ сказалъ безъ сожалѣнья:
«Да ты же, парень, прыгаешь въ длину!

«У тебя растяженье въ паху,
«Прыгать съ правой — дурацкій капризъ!
«Не удержишься ты наверху —
«Ты стремительно катишься внизъ.»

Но, дыша спокойно, безъ гнѣва я
Объяснилъ толково: вѣдь главное,
Что у всѣхъ толчковая — лѣвая,
А у меня толчковая — правая!

Разбѣгъ, толчекъ... Мнѣ не догнать Канадца,
Онъ мнѣ въ лицо смѣется на лету!
Я снова планку сбилъ на два двѣнадцать,
И тренеръ мнѣ сказалъ напрямоту,

Что меня онъ утопитъ въ пруду,
Неповадно чтобъ было другимъ,

Если вразъ, въ сей же часъ не сойду
Я съ неправильной правой ноги.

Да я лучше выпью зелье съ отравою,
Но себѣ я хуже не сдѣлаю,
И свою неправую правую
Я не смѣню на правую лѣвую!

Трибуны дружно начали смѣяться,
Но пылъ мой отъ насмѣшекъ не ослабъ.
Разбѣгъ, толчекъ, полетъ — и два двѣнадцать
Теперь уже мой пройденный этапъ.

Пусть болитъ моя травма въ паху,
Пусть допрыгался до хромоты —
Но я все-таки былъ наверху —
И меня не спихнуть съ высоты.

Такъ что съѣлъ плоды запретные съ древа я,
И поймалъ за хвостъ нынче славу я —
Пусть у всѣхъ толчковая — лѣвая,
Но моя толчковая — правая!

1970 г.

Пѣсня сентиментальнаго боксера.

Ударъ, ударъ, еще ударъ,
опять ударъ — и вотъ
Борисъ Буткеевъ (Краснодаръ)
проводитъ апперкотъ.
Вотъ онъ прижалъ меня въ углу,
вотъ я едва ушелъ,
Вотъ апперкотъ — я на полу,
и мнѣ нехорошо...

И думалъ Буткеевъ, мнѣ челюсть кроша:
«И жить хорошо, и жизнь хороша!»

При счетѣ семь я все лежу,
рыдаютъ землячки...
Встаю, ныряю, ухожу,
и мнѣ идутъ очки.
Но не считайте, что къ концу
я силы берегу, —
Бить человѣка по лицу
я съ дѣтства не могу.

Но думалъ Буткеевъ, мнѣ ребра круша:
«И жить хорошо, и жизнь хороша!»

Въ трибунахъ свистъ, въ трибунахъ вой:
«Ату его, онъ трусъ!»
Буткеевъ лѣзетъ въ ближній бой,
а я къ канатамъ жмусь.
Но онъ пролѣзъ, какъ онъ козакъ,
упрямые они!
И я сказалъ ему: «Чудакъ!
усталъ вѣдь — отдохни!»

Но онъ не услышалъ, онъ думалъ, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

The Sentimental Boxer's Song.

A bang, a bang, once more a bang,
and then a bang again...
It's Victor Gruzdev hits the bag—
alas, it's me today.
I'm hoping to survive this round,
I'm praying for the bell.
An uppercut, I'm on the ground,
and I'm not feeling well...

And while my keen rival
was hitting my nose,
He thought that his life's like
the one of a rose.

The ref says, "Nine!"—I'm half alive,
but on my feet again.
I dodge, I leap, I block, I dive—
and thus even points I gain.
I don't conserve my strength, by plan,
for rushing to a charge—
I just can't hit my fellow man,
I just don't think it's right.

But while my keen rival
was stomping my toes,
He thought that his life's like
the one of a rose.

My fellow townsmen howl and cry,
I'm near to down their hopes.
My rival strives for a close fight,
while I attempt to dodge.
As he's a Cossack, he'll get it,
they're really hard to shake.
I told him, "Friend, why'd ye not sit?
ye're tired, take a break!"

А онъ все бьетъ, здоровый чортъ,
я вижу — быть бѣдѣ...
Вѣдь боксъ — не драка, это спортъ
отважныхъ и т. д.!
Вотъ онъ ударилъ — разъ, два, три —
и самъ лишился силъ...
Мнѣ руку поднялъ рефери,
которой я не билъ.

Лежалъ онъ и думалъ, что жизнь хороша,
Когда не стремится къ насилью душа.

1966 г.

But he didn't find out as
he breathed our close
And thought that his life's like
the one of a rose.

He keeps on hitting with a snort,
the curtain soon must fall...
Don't call this murder—it's the sport
of strong men and so on!
He's reached complete exhaustion, and—
collapses with a sigh...
The ref did lift up my right hand,
which hadn't hurt even a fly.

He lay there and thought that
the life of a rose
Belongs to the person,
who doesn't strive for force.

1966.

Кто за чѣмъ бѣжитъ.

На дистанціи четверка первачей —
Каждый думаетъ, что онъ-то побойчѣй,
Каждый думаетъ, что меньше всѣхъ усталъ,
Каждый хочетъ на высокій пьедесталъ.

Кто займетъ его, кто кровью горячѣй?
Всѣ наслушались напутственныхъ речей,
Съѣли всѣ примѣрно поровну харчей,
Но судья не зафиксируетъ ничьей.

А борьба на всемъ пути —
Въ общемъ, равная почти.

«Эй, разскажите, какъ идутъ,
«Бога ради, а?»
«Не мѣшайте, телевидѣніе тутъ
«Вмѣстѣ съ радіо.

«Да нѣтъ особыхъ новостей —
«Все ровнехонько.
«Но зато накалъ страстей —
«О-го-го какой!»

Нумеръ первый — рветъ подметки какъ герой,
Какъ подъ гору катитъ, хочетъ подъ горой
Онъ въ побѣдномъ ореолѣ и въ пылу
Твердой поступью приблизиться къ котлу.

А почему высокихъ мыслей не имѣлъ,
Да потому что въ дѣтствѣ мало каши ѣлъ.
Ага, голодалъ онъ въ этомъ дѣтствѣ, не дерзалъ, —
Онъ вонъ успѣвалъ переодѣться — и въ спортзалъ.

Ну что жъ, идеи намъ близки —
Первымъ лучшіе куски,

А вторымъ — чего ужъ тутъ,
Онъ все вывѣрилъ —

Въ утѣшеніе дадутъ
Кости съ ливеромъ.

Нумеръ два — далекъ отъ плотскихъ тѣхъ утѣхъ, —
Онъ изъ сытыхъ, онъ изъ этихъ, онъ изъ тѣхъ.
Онъ надѣется на славу, на успѣхъ —
И ужъ ноги задираетъ выше всѣхъ.

Охъ, наклонъ на виражѣ! — бетонъ у щекъ.
Краше некуда уже, а онъ еще...
Онъ стратегъ, а также тактикъ, словомъ — спецъ, —
У него сила, воля плюсъ характеръ — молодецъ!

Онъ четокъ, собранъ, напряженъ
И не лѣзетъ на рожонъ, —

Этотъ будетъ выступать
На Салоникахъ,
И дѣтишекъ поучать
Въ кинохроникахъ,

И соперничать съ Пеле
Въ закаленности,
И являть примѣръ цѣле-
Устремленности.

Нумеръ третій — убѣленъ и умудренъ,
Онъ всегда второй, надежный эшелонъ.
Вѣроятно, кто-то въ первомъ заболѣлъ,
Ну а можетъ, его тренеръ пожалѣлъ.

И назойливо въ ушахъ звенитъ струна:
У тебя послѣдній шансъ, эхъ, старина!
Онъ въ азартѣ, — какъ мальчишка, какъ шпана, —
Нуженъ спуртъ — иначе крышка и хана!

Переходитъ сразу онъ
Въ задній старенькій вагонъ,

Гдѣ былыя имена —
Предъинфарктныя,
Гдѣ мѣстамъ одна цѣна —
Всѣ плацкартныя.

А четвертый, тотъ, что крайній, боковой, —
Такъ бѣжитъ — ни для чего, ни для кого:
То приблизится — молъ, пятки оттопчу,
То отстанетъ, постоитъ — молъ, такъ хочу.

Не проглотитъ первый лакомый кусокъ,
Не надѣть второму лавровый вѣнокъ,
Ну а третьему ползти
На запасные пути.

«Нѣтъ, товарищи, сколько все-таки сѵстемъ
«Въ бѣгѣ нынѣшнемъ! —
«Онъ вдругъ взялъ да сбавилъ темпъ
«Передъ финишемъ.

«Майку сбросилъ — вотъ те на! —
«Не противно ли?
«Товарищи, поведенье бѣгуна —
«Не спортивное.»

На дистанціи четверка первачей,
Sлыхъ и добрыхъ, безкорыстныхъ и рвачей.
Кто изъ нихъ что исповѣдуетъ, кто чей?
...Отдѣляются лопатки отъ плечей —
И летитъ, летитъ четверка первачей!

1974 г.

Че-чет-ка.

Все, что тривіально,
И все, что банально,
Что равно- и прямо-
Пропорціонально,—
Все это корежитъ
Чечетка, калѣчитъ,
Намъ нервы тревожитъ
Четъ-нечетъ, четъ-нечетъ!

Въ забитыя уши
Врывается четко,
Въ сонливыя души—
Лихая чечетка.
Въ чечеточный спринтъ
Не беремъ тѣхъ, кто сытъ, мы!
Четъ-нечетъ, четъ-нечетъ—
Ломаются рvтмы!

Брэкъ:
барабанъ, тамтамъ, трещотка,—
Гдѣ
полагается—тамъ чечетка.
Бракъ
не встрѣчается, темпъ рветъ и мечетъ.
Брэкъ!..
Четъ-нечетъ!
Жжетъ
намъ подошвы, потолокъ трепещетъ!
Четъ!..
Нечетъ!

Эй, кто тамъ грозитъ мнѣ?
Эй, кто мнѣ перечитъ,
Въ замедленномъ рvтмѣ
О чемъ-то лепечетъ?!
Сейчасъ перестанетъ—
Его въ мигъ излѣчитъ

Рѵтмическій танецъ —
Четъ-нечетъ, четъ-нечетъ!

Кровь гонитъ по жиламъ
Не крѣпкая водка —
Всѣхъ заворожила
Шальная чечетка.
Замолкни, гитара, —
Мурашки до жути!
На четъ — два удара —
И чѣмъ четъ не шутитъ!

Брэкъ:
барабанъ, тамтамъ, трещотка, —
Гдѣ
полагается — тамъ чечетка.
Бракъ
не встрѣчается, темпъ рветъ и мечетъ.
Брэкъ!..
Четъ-нечетъ!
Жжетъ
намъ подошвы, потолокъ трепещетъ!
Четъ!..
Нечетъ!

Вступайте, кто можетъ!
А кто обезножитъ,
Утѣшьтесь — вашъ часъ
Въ рѵтмѣ правильномъ прожитъ!
Подъ брэкъ, человѣче,
Расправятся плечи,
И сонъ обезпечитъ
Четъ-нечетъ, четъ-нечетъ!

Измѣнятся ваши
Осанка, походка, —
Нужны всѣмъ и каждому
Брэкъ и чечетка!
Не противъ кадрили
Мы проголосуемъ, —

А въ пику могилѣ
Чечетку станцуемъ!

Брэкъ:
барабанъ, тамтамъ, трещотка,—
Гдѣ
полагается—тамъ чечетка.
Бракъ
не встрѣчается, темпъ рветъ и мечетъ.
Брэкъ!..
Четъ-нечетъ!
Жжетъ
намъ подошвы, потолокъ трепещетъ!
Четъ!..
Нечетъ!

1973 г.

Утренняя гvмнастика.

Хватитъ спать, съ кровати слѣзьте —
начинаемъ бѣгъ на мѣстѣ.
Въ выигрышѣ даже начинающій!
Красота: среди бѣгущихъ
первыхъ нѣтъ и отстающихъ,
Бѣгъ на мѣстѣ — общеприми-
ряющій!
Красота: среди бѣгущихъ
первыхъ нѣтъ и отстающихъ,
Бѣгъ на мѣстѣ — общеприми-
ряющій!

Вдохъ глубокій, руки шире,
не спѣшите, три-четыре!
Бодрость духа, грація и пластика!
Общеукрѣпляющая,
утромъ пробуждающая —
Если живъ пока еще — гvм-
настика!
Общеукрѣпляющая,
утромъ пробуждающая —
Если живъ пока еще — гvм-
настика!

Если вы въ своей квартирѣ,
лягте на полъ, три-четыре!
Выполняйте правильно движенія!
Прочь вліянія извнѣ,
привыкайте къ новизнѣ,
Вдохъ глубокій до изне-
моженія!
Прочь вліянія извнѣ,
привыкайте къ новизнѣ,
Вдохъ глубокій до изне-
моженія!

Очень выросъ въ цѣломъ мірѣ
гриппа вирусъ, три-четыре!

The Morning Exercise.

Don't sleep, comrades, do awake —
let's start running on the place.
Look, all runners are as even as on the start!
How it's good when a beginner
can be sure he'll be the winner,
Stationary running sets at ease the
soul and heart!
How it's good when a beginner
can be sure he'll be the winner,
Stationary running sets at ease the
soul and heart!

Breathe in deeply, arms — out more,
don't move quickly — three and four!
Grace and pliability are emphasized!
All around conditioning,
the revival quickening —
If ye're as yet fidgeting —
the exercise!
All around conditioning,
the revival quickening —
If ye're as yet fidgeting —
the exercise!

If ye're doing it at home,
do lie down, friends — three and four!
Go correctly through each single motion!
Lose the tensity ye feel,
get accustomed to the drill,
Breathe in very deeply till
exhaustion!
Lose the tensity ye feel,
get accustomed to the drill,
Breathe in very deeply till
exhaustion!

Tears all people throughout the world
influenza — three and four!

Ширится, ростетъ заболѣваніе.
Если хилый — сразу въ гробъ!
Сохранить здоровье чтобъ,
Применяйте, люди, об-
тираніе!
Если хилый — сразу въ гробъ!
Сохранить здоровье чтобъ,
Применяйте, люди, об-
тираніе!

И пока вы не устали —
сели-встали, сели-встали.
Не страшны вамъ Арктика съ Антарктикой!
Водку, кофе, сигареты,
отъ безсонницы таблетки
Вамъ замѣнитъ спортомъ профи-
лактика!
Водку, кофе, сигареты,
отъ безсонницы таблетки
Вамъ замѣнитъ спортомъ профи-
лактика!

Разговаривать не надо, —
присѣдайте до упада,
Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вамъ неймется —
окунайтесь гдѣ придется,
Водными займитесь проце-
дурами!
Если очень вамъ неймется —
окунайтесь гдѣ придется,
Водными займитесь проце-
дурами!
Если очень вамъ неймется —
окунайтесь гдѣ придется,
Водными займитесь проце-
дурами!
Если очень вамъ неймется —
окунайтесь гдѣ придется,

The disease is gradually thriving.
Those who're weak will meet their death!
If ye wish to keep good health,
With cold water rub yourself
or, shower ye!
Those who're weak will meet their death!
If ye wish to keep good health,
With cold water rub yourself
or, shower ye!

If ye've spent not all your force—
stand and squat, friends, stand and squat.
Don't fear the Antarctic or the Arctic!
'Stead of coffee, strong tea, cognac,
pills averting all-night turning,
May ye use the active prophy-
lactic!
'Stead of coffee, strong tea, cognac,
pills averting all-night turning,
May ye use the active prophy-
lactic!

All the talking should be stopped—
keep on squatting till ye drop,
And don't be depressed or sullen creatures!
If ye cannot hold your ardor,
set yourself to something harder—
In the ice hole, start the drilled pro-
cedures!
If ye cannot hold your ardor,
set yourself to something harder—
In the ice hole, start the drilled pro-
cedures!
If ye cannot hold your ardor,
set yourself to something harder—
In the ice hole, start the drilled pro-
cedures!
If ye cannot hold your ardor,
set yourself to something harder—

Водными займитесь проце-
дурами!

1968 г.

In the ice hole, start the drilled pro-
cedures!

1968.

Канатоходецъ.

Онъ не вышелъ ни званьемъ, ни ростомъ.
Не за славу, не за плату,
На свой необычный манеръ
Онъ по жизни шагалъ надъ помостомъ
По канату, по канату,
Натянутому, какъ нервъ.

Посмотрите — вѣдь онъ
безъ страховки идетъ.
Тонкій шнуръ подъ ногой —
упадетъ, пропадетъ!
Чуть сильнѣе наклонъ —
и его не спасти...
Но зачѣмъ-то ему очень нужно пройти
четыре четверти пути.

«Онъ дойдетъ, онъ дойдетъ!» увѣряли
Трехъ медвѣдицъ изъ Малайи
Морскіе ученые львы.
Но упрямо и зло повторяли
Попугаи, попугаи:
«Ему не сносить головы!»

Посмотрите — вѣдь онъ
безъ страховки идетъ.
Тонкій шнуръ подъ ногой —
упадетъ, пропадетъ!
Чуть сильнѣе наклонъ —
и его не спасти...
Каждый вечеръ зачѣмъ-то онъ долженъ пройти
четыре четверти пути.

И лучи его съ шага сбивали
И кололи, словно лавры,
Труба же гремѣла, какъ двѣ.
Крики «браво!» его оглушали,
А литавры, а литавры
Били будто бы въ головѣ!

The Tightrope Walker.

He didn't ever for rank or for height hope.
Not for fame and not for payment,
In his own odd way, with some verve,
Through his life, he was walking the tightrope—
Not the pavement, not the pavement—
The tightrope strained just as a nerve.

Look! he's facing a fall—
on the cord he's again!
Not protected at all,
is he sane or insane?
Just a very little swerve—
and he'll be dead at once...
But there must be a reason why he needs to pass
All these four shaky quarters of the path.

"Don't ye worry, he many times did it,"
To she-bears from Malaya,
Sea kind learned lions said hot.
But without cessation repeated
Parrots hateful, parrots hateful,
"He'll certainly fall down and be lost!"

Look! he's facing a fall—
on the cord he's again!
Not protected at all,
is he sane or insane?
Just a very little swerve—
and he'll be dead at once...
There should be a real reason why he needs to pass
All these four shaky quarters of the path.

O'er the spotlights he tripped on his bouts,
Rays were prickly, sharp and nimble,
The trumpet was going insane.
He was deafened by whistles and shouts,
And the cymbals, and the cymbals
Were hammering into his brain!

Посмотрите — вѣдь онъ
безъ страховки идетъ.
Тонкій шнуръ подъ ногой —
упадетъ, пропадетъ!
Чуть сильнѣе наклонъ —
и его не спасти...
Но зачѣмъ-то ему очень нужно пройти —
уже три четверти пути.

«Ахъ какъ жутко, какъ смѣло, какъ мило!
«Бой со смертью, три минуты!» —
Раскрывъ въ ожиданіи рты,
Изъ партера глядѣли уныло
Лилипуты, лилипуты —
Казалось ему съ высоты.

Посмотрите — вѣдь онъ
безъ страховки идетъ.
Тонкій шнуръ подъ ногой —
упадетъ, пропадетъ!
Чуть сильнѣе наклонъ —
и его не спасти...
Но спокойно — ему остается пройти
всего двѣ четверти пути!

Онъ смѣялся надъ славою бренной,
Но хотѣлъ быть только первымъ —
Такого попробуй угробь!
Не по проволокѣ надъ ареной,
Онъ по нервамъ — нашимъ нервамъ —
Шелъ подъ барабанную дробь!

Посмотрите — вотъ онъ
безъ страховки идетъ.
Тонкій шнуръ подъ ногой —
упадетъ, пропадетъ!
Чуть сильнѣе наклонъ —
и его не спасти...

Look! he's facing a fall—
on the cord he's again!
Not protected at all,
is he sane or insane?
Just a very little swerve—
and he'll be dead at once...
But be quiet, since now what he's bound to pass
Are but three shaky quarters of the path.

"Oh, how awful, how daring, how lovely!
Fighting death—with no illusion!"—
They opened wide their mouths and eyes.
From the stalls they looked up at him glumly—
"Lilliputians, Lilliputians,"
He thought looking down on those guys.

Look! he's facing a fall—
on the cord he's again!
Not protected at all,
is he sane or insane?
Just a very little swerve—
and he'll be dead at once...
But keep silence, by now what he's bound to pass
Are but two shaky quarters of the path.

He mocked at fleeting fame, but aspired
To be first, with all his might strove,
And feared no blows and no bumps.
It was our bare nerves put in fire,
Not the tightrope, not the tightrope,
Where he was whipped up by the drums!

Look! he's facing a fall—
on the cord he's again!
Not protected at all,
is he sane or insane?
Just a very little swerve—
and he'll be dead at once...

Но теперь остается не много пройти —
не больше четверти пути.

1972 г.

But don't worry, by now he's just bound to pass
The final shaky quarter of the path.

1972.

Не знаю, какъ другіе, а я вѣрю, вѣрю въ друзей!

I judge not others, but I most sincerely believe in friends!

ПѢСНЯ О ДРУЖБѢ.

A SONG ABOUT FRIENDSHIP.

Нѣтъ друга, но смогу ли...

Нѣтъ друга, но смогу ли
не вспоминать его,—
Онъ спасъ меня отъ пули
и много отъ чего.
И если станетъ плохо
съ душой иль съ головой,
То онъ въ мгновенье ока
окажется со мной.

И гдѣ бы онъ ни былъ,
куда бъ не уѣхалъ,—
Какъ прежде, въ бою, и
въ огнѣ, и въ дыму,—
Я знаю, что онъ мнѣ
желаетъ успѣха,
Я тоже успѣха
желаю ему.

1971 г.

Что сегодня мнѣ суды и засѣданья...

Что сегодня мнѣ суды и засѣданья —
Мчусь галопомъ, закусивши удила:
У меня пріѣхалъ другъ изъ Магадана —
Такъ какія же тутъ могутъ быть дѣла!

Онъ привезъ мнѣ про Колымскую столицу
небылицы, —
Охъ, чего-то поразскажетъ онъ подъ водку
мнѣ въ охотку! —
Можетъ, даже прослезится
долгожданная дѣвица —
Комомъ въ горлѣ ей разсказы про Чукотку.

Не начну сегодня новаго романа,
Плюнь въ лицо отъ злости — только вытрусь я:
У меня не каждый день изъ Магадана
Пріѣзжаютъ мои лучшіе друзья.

Спроситъ онъ меня, конечно, какъ ребятки, —
все въ порядкѣ? —
И предложитъ рюмку водки безъ опаски —
я въ завязкѣ.
А потомъ споемъ на пару —
ну конечно, дай гитару! —
«Двѣ гитары», или нѣтъ — двѣ новыхъ сказки.

Не уйду — пускай рѣшитъ, что прогадала, —
Ну и что же, что она его ждала:
У меня пріѣхалъ другъ изъ Магадана —
Попрошу не намекать, — что за дѣла!

Онъ пріѣхалъ не на день — онъ все успѣетъ, —
онъ умѣетъ! —
У него на двадцать дней командировка —
правда, ловко?
Онъ посмотритъ всѣ хоккеи —
поболѣетъ, похудѣетъ, —
У него къ большому старту подготовка.

Онъ стиховъ привезъ небось — два чемодана, —
Хорошо, что есть кому его встрѣчать!
У меня пріѣхалъ другъ изъ Магадана, —
Хорошо, что есть откуда пріѣзжать!

1966 г.

Пѣсня о дружбѣ.

Валерію Абрамову.

Вотъ и разошлись пути-дороги вдругъ:
Одинъ — на сѣверъ, другой — на западъ.
Грустно мнѣ, когда уходитъ другъ
Внезапно, внезапно.

Коль другъ ушелъ — невелика потеря
Для многихъ людей.
Богь ихъ разсудитъ, я же крѣпко вѣрю,
Вѣрю въ друзей!

Наступило время неудачъ,
Слѣды и души заноситъ вьюга.
Все изъ рукъ вонъ плохо, плачь не плачь —
Нѣтъ друга, нѣтъ друга.

Коль другъ ушелъ — невелика потеря
Для многихъ людей.
Богь ихъ разсудитъ, я же крѣпко вѣрю,
Вѣрю въ друзей!

А когда вернется другъ назадъ
И скажетъ: «Ссора была ошибкой...» —
Бросимъ на минувшее мы взглядъ
Съ улыбкой, съ улыбкой.

Молъ, другъ ушелъ — невелика потеря
Для многихъ людей.
Богь ихъ разсудитъ, я же крѣпко вѣрю,
Вѣрю въ друзей!

Вотъ и разошлись пути-дороги вдругъ:
Одинъ — на сѣверъ, другой — на западъ.
Грустно мнѣ, когда уходитъ другъ
Внезапно, внезапно.

A Song about Friendship.

To Valery Abramov.

It happed so that our ways-roads are laid apart:
One took the eastern road, the other — southern.
It's so sad to see how friends depart...
It's sudden, so sudden.

> For those who're gone, some people, really,
> Care not a pence.
> I judge not others, but I most sincerely
> Believe in friends!

It's a time when I'm left on my own,
The blizzard drifts the people's souls and traces.
Everything goes wrong, no use to moan —
No friend, no complacence.

> For those who're gone, some people, really,
> Care not a pence.
> I judge not others, but I most sincerely
> Believe in friends!

When some day my friend comes back and says,
"It was our error, let's forget the bygones..." —
We'll both look at these unlucky days
And smile, smile in silence.

> Yes, for those who're gone, some people, really,
> Care not a pence.
> I judge not others, but I most sincerely
> Believe in friends!

It happed so that our ways-roads are laid apart:
One took the eastern road, the other — southern.
It's so sad to see how friends depart...
It's sudden, so sudden.

Коль другъ ушелъ — невелика потеря
Для многихъ людей.
Богь ихъ разсудитъ, я же крѣпко вѣрю,
Вѣрю въ друзей!

1968 г.

For those who're gone, some people, really,
Care not a pence.
I judge not others, but I most sincerely
Believe in friends!

1968.

Пѣсня о другѣ.

Если въ жизни
случилось такъ,
Что сталъ ближнимъ
не другъ, не врагъ,
И никакъ ты не разберешь,
Плохъ онъ или хорошъ,—
Парня въ горы тяни—
рискни!
Не бросай одного
его:
Будетъ въ связкѣ одной
съ тобой,
И поймешь, кто такой.

Если парень въ горахъ—
не ахъ,
Если сразу раскисъ:
«Мнѣ бъ—внизъ...»
Шагъ ступилъ на ледникъ—
и сникъ,
Оступился—и въ крикъ,—
Значитъ, рядомъ съ тобой—
чужой,
Ты его не брани—
гони:
Вверхъ такихъ не берутъ
и тутъ
Про такихъ не поютъ.

Если жъ онъ не скулилъ,
не нылъ,
Пусть онъ хмуръ былъ и золъ,
но шелъ,
А когда ты свисалъ,
сползалъ,
Онъ стоналъ, но держалъ,

A Song about a Friend.

If ye've found someone new
near you,
And what hides in his chest
can't guess,
If it's hard to decide
at once
Good or bad is this one—
Take a risk—walk uphill
with him,
Think him from the word go
a bro:
Let one rope join you both
henceforth,
And ye'll know his real worth.

If the hills make him feel
quite ill,
If he can only fail
and wail,
Having stumbled on the ice,
he cries,
And his fortitude dies—
Then this one can't be near—
it's clear,
Send him on the straight way
away:
Such a one shouldn't be brought
along,
Nor deserves he a song.

But if he neither howled
nor growled,
Let at times he was tough
and rough,
Yet when ye worked down on
the stones,
He looked wan, but held on,

Если шелъ онъ съ тобой,
какъ въ бой,
На вершинѣ стоялъ хмельной,—
Значитъ, какъ на себя самого,
Положись на него!
Если шелъ онъ съ тобой,
какъ въ бой,
На вершинѣ стоялъ хмельной,—
Значитъ, какъ на себя самого,
Положись на него!

1966 г.

If he fought to break through
with you
To the top which is shining blue—
Then ye can altogether rely
Upon your friend nearby!
If he fought to break through
with you
To the top which is shining blue—
Then ye can altogether rely
Upon your friend nearby!

1966.

Согласись же, родная, на рай въ шалашъ...

Art thou ready for Eden with me in a hut...

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ.

A BALLAD OF LOVE.

Пѣсня Марьюшки.

Какъ смогла не броситься, Марьюшка, въ рѣку ты,
Какъ же не замолкла-то навсегда ты?
Вѣдь забрали милаго въ рекруты, въ рекруты,
Вѣдь ушелъ твой суженый во солдаты...

Я слезами горькими горницу вымою
И на годы долгіе дверь закрою.
Наклонюсь надъ озеромъ ивою, ивою —
Высмотрю, какъ въ зеркалѣ, — что́ съ тобою.

Травушка-муравушка сочная, мятная
Безъ тебя ломается, вѣтры дуютъ...
Долюшка солдатская — ратная, ратная:
Что, какъ пули грудь твою не минуютъ?

Тропочку глубокую протопчу по полю
И вѣнокъ свой свадебный впрокъ совью.
Длинну косу дѣвичью — до полу, до полу —
Сберегу для милаго съ просѣдью.

Вотъ возьмутъ кольцо мое съ бѣлаго блюдица,
Хороводъ завертится — грустно въ немъ.
Пусть мое гаданіе сбудется, сбудется:
Пусть вернется суженый вешнимъ днемъ!

Пой, какъ прежде, весело, идучи къ дому, ты,
Тихимъ словомъ ласковымъ утѣшай.
А житье невѣстино — омуты, омуты...
Дожидаетъ Марьюшка — поспѣшай!

1974 г.

Мы васъ ждемъ.

Такъ случилось — мужчины ушли,
Побросали посѣвы до срока.
Вотъ ихъ больше не видно изъ оконъ —
Растворились въ дорожной пыли.

Вытекаютъ изъ колоса зерна —
Эти слезы несжатыхъ полей.
И холодные вѣтры проворно
Потекли изъ щелей.

Мы васъ ждемъ — торопите коней!
Въ добрый часъ, въ добрый часъ, въ добрый часъ!
Пусть попутные вѣтры не бьютъ, а ласкаютъ вамъ спины.
А потомъ возвращайтесь скорѣй,
Ивы плачутъ по васъ,
И безъ вашихъ улыбокъ блѣднѣютъ и сохнутъ рябины.

Мы въ высокихъ живемъ теремахъ,
Входа нѣтъ никому въ эти зданья —
Одиночество и ожиданье
Вмѣсто васъ поселились въ домахъ.

Потеряла и свѣжесть, и прелесть
Бѣлизна ненадѣтыхъ рубахъ,
Да и старыя пѣсни пріѣлись
И навязли въ зубахъ.

Мы васъ ждемъ — торопите коней!
Въ добрый часъ, въ добрый часъ, въ добрый часъ!
Пусть попутные вѣтры не бьютъ, а ласкаютъ вамъ спины.
А потомъ возвращайтесь скорѣй,
Ивы плачутъ по васъ,
И безъ вашихъ улыбокъ блѣднѣютъ и сохнутъ рябины.

Все единою болью болитъ,
И звучитъ съ каждымъ днемъ безпрестаннѣй
Вѣковѣчный надрывъ причитаній
Отголоскомъ старинныхъ молитвъ.

Мы васъ встрѣтимъ и пѣшихъ, и конныхъ,
Утомленныхъ, не цѣлыхъ — любыхъ, —
Только бъ не пустота похоронныхъ,
Не предчувствіе ихъ!

Мы васъ ждемъ — торопите коней!
Въ добрый часъ, въ добрый часъ, въ добрый часъ!
Пусть попутные вѣтры не бьютъ, а ласкаютъ вамъ спины.
А потомъ возвращайтесь скорѣй,
Ивы плачутъ по васъ,
И безъ вашихъ улыбокъ блѣднѣютъ и сохнутъ рябины.

1972 г.

Бѣлый вальсъ.

Какой былъ балъ! накалъ движенья, звука, нервовъ,
Сердца стучали на три счета вмѣсто двухъ,
Къ тому же дамы приглашали кавалеровъ
На бѣлый вальсъ, традиціонный — и захватывало духъ.

Ты самъ, хотя танцуешь съ горемъ пополамъ,
Давно рѣшился пригласить ее одну, —
Но вѣчно надо отлучаться по дѣламъ —
Спѣшить на помощь, собираться на войну.

И вотъ все ближе, все реальнѣй становясь,
Она, къ которой подойти намѣревался,
Идетъ сама, чтобъ пригласить тебя на вальсъ, —
И кровь въ виски твои стучится въ ритмѣ вальса.

Былъ внѣшнѣ спокоенъ ты въ вихорѣ бала,
Но тѣнь съ головою тебя выдавала —
Металась, ломалась, дрожала она
въ зыбкомъ свѣтѣ свѣчей.
И бережно держа, и бѣшено кружа,
Ты могъ бы провести ее по лезвею ножа —
Но стоялъ ты и ждалъ, не дыша, —
самъ не свой, и ничей.

Если пѣть безъ души —
вылетаетъ изъ устъ бѣлый звукъ.
Если строки ритмичны безъ рѵѳмы,
тогда говорятъ: бѣлый стихъ.
Если всѣ цвѣта радуги снова сложить —
будетъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ.
Если всѣ въ мірѣ вальсы сольются въ одинъ —
будетъ вальсъ, бѣлый вальсъ!

Былъ бѣлый вальсъ — конецъ сомнѣньямъ маловѣровъ
И завершенье юныхъ сновъ, забавъ, утѣхъ; —
Въ тотъ вечеръ дамы приглашали кавалеровъ —
Не потому совсѣмъ, что мало было храбрости у тѣхъ.

Возвращено на время бала званье дамъ,
И очаровываетъ вальсъ, какъ въ старину.
Партнерамъ скоро отлучаться по дѣламъ —
Спѣшить на помощь, собираться на войну.

Бѣлѣе снѣга, бѣлый вальсъ, кружись, кружись,
Чтобъ снѣгопадъ подольше не прервался!
Она пришла, чтобъ пригласить тебя на жизнь, —
И ты былъ бѣлъ — блѣднѣе стѣнъ, бѣлѣе вальса.

Былъ внѣшнѣ спокоенъ ты въ вихорѣ бала,
Но тѣнь съ головою тебя выдавала —
Металась, ломалась, дрожала она
въ зыбкомъ свѣтѣ свѣчей.
И бережно держа, и бѣшено кружа,
Ты могъ бы провести ее по лезвею ножа —
Но стоялъ ты и ждалъ, не дыша, —
самъ не свой, и ничей.

Если пѣть безъ души —
вылетаетъ изъ устъ бѣлый звукъ.
Если строки ритмичны безъ рѵѳмы,
тогда говорятъ: бѣлый стихъ.
Если всѣ цвѣта радуги снова сложить —
будетъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ.
Если всѣ въ мірѣ вальсы сольются въ одинъ —
будетъ вальсъ, бѣлый вальсъ!

Гдѣ бъ ни былъ балъ — въ лицеѣ, въ Домѣ оффицеровъ,
Въ дворцовой залѣ, въ школѣ — какъ тебѣ везло! —
Въ Россіи дамы приглашали кавалеровъ
Во всѣ вѣка на бѣлый вальсъ, и было все бѣлымъ-бѣло.

Потупя взоры, не смотря по сторонамъ,
Черезъ отчаянье, молчанье, тишину
Спѣшили женщины притти на помощь къ намъ —
Ихъ бальный залъ величиной во всю страну.

Куда бъ ни бросило тебя, гдѣ бъ ни исчезъ,
Припомни этотъ бѣлый залъ — и улыбнешься.

Вѣкъ будутъ ждать тебя и съ моря, и съ небесъ
И пригласятъ на бѣлый вальсъ, когда вернешься.

Былъ внѣшнѣ спокоенъ ты въ вихорѣ бала,
Но тѣнь съ головою тебя выдавала —
Металась, ломалась, дрожала она
въ зыбкомъ свѣтѣ свѣчей.
И бережно держа, и бѣшено кружа,
Ты могъ бы провести ее по лезвею ножа —
Но стоялъ ты и ждалъ, не дыша, —
самъ не свой, и ничей.

Если пѣть безъ души —
вылетаетъ изъ устъ бѣлый звукъ.
Если строки ритмичны безъ рѵѳмы,
тогда говорятъ: бѣлый стихъ.
Если всѣ цвѣта радуги снова сложить —
будетъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ.
Если всѣ въ мірѣ вальсы сольются въ одинъ —
будетъ вальсъ, бѣлый вальсъ!

1978 г.

Величальная отцу.

Ахъ, не стойте въ гордынѣ,
Подходите къ крыльцу,
Ну а вы, молодые,
Поклонитесь отцу!

Онъ сердитый да строгій:
Какъ сподлобья взглянетъ...
Такъ вы падайте въ ноги —
Можетъ, онъ отойдетъ.

Вамъ отцу поклониться —
Вовсе трудъ не большой, —
Онъ лицомъ просвѣтлится,
Помягчаетъ душой.

Вы съ того начинайте,
И потомъ до конца
Во всѣ дни привѣчайте
Дорогого отца!

1974 г.

The Glorification of Father.

Go you all to our banquet,
Show your reverence now!
As for you, newly marrieds—
Come to father and bow.

His look may be so bitter,
When he knits his eyebrows...
But you fall at his feet then,
To bring him back to calmness.

It's not too heavy labor,
To give father a bow—
And his eyes won't be spare,
He'll assist you and love you.

So start your happy living
With the very deep bow,
And each day of your being
Show father great love you!

1974.

Баллада о Любви.

Когда вода Всемірнаго потопа
Вернулась вновь въ границы береговъ,
Изъ пѣны уходящаго потока
На сушу тихо выбралась Любовь —
И растворилась въ воздухѣ до срока,
А срока было — сорокъ сороковъ...

И чудаки — еще такіе есть! —
Вдыхаютъ полной грудью эту смѣсь,
И ни наградъ не ждутъ, ни наказанья,
И, думая, что дышатъ просто такъ,
Они внезапно попадаютъ въ тактъ
Такого же неровнаго дыханья.

Я поля влюбленнымъ постелю —
Пусть поютъ во снѣ и наяву!..
Я дышу, и значитъ — я люблю!
Я люблю, и значитъ — я живу!

И много будетъ странствій и скитаній:
Страна Любви — великая страна!
И съ рыцарей своихъ въ дни испытаній
Все строже станетъ спрашивать она,
Потребуетъ разлукъ и разстояній,
Лишитъ покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцевъ не поворотить,
Они уже согласны заплатить
Любую цѣну — жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтобъ сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую межъ ними протянули.

Я поля влюбленнымъ постелю —
Пусть поютъ во снѣ и наяву!..
Я дышу, и значитъ — я люблю!
Я люблю, и значитъ — я живу!

A Ballad of Love.

When waters of the Great Flood reacquired
Their calm outside the limits of the land,
Out of the foaming trace, unseen and quiet,
Came Love and made her way upon the sand—
To vanish in the air she was required—
Until the day she'd be in great demand...

Even presently, such oddballs still appear,
Who breathe in this rich mixture with no fear,
Awaiting neither prize nor castigation,
And thinking not for anything sublime,
But suddenly they begin to breathe in time
With just the same uneven respiration.

Verdant meadows, boundless skies above—
Such a gift to lovers would I give!..
If I breathe, this fact means that I love!
If I love, this fact means that I live!

And there'll be lots of travels, barriers, stops—
Love is the greatest land 'mongst all the lands.
Her knights will undergo severe probes,
And some of them will make their final stands,
Or stick in swamps of errors and vain hopes,
While each one neither rest nor sleep demands...

These knights of Love cannot be turned around,
To pay high charges they're already bound,
And any cost, even life, will be accepted—
Just to preserve, just not to let untie
The magic thread invisible to eye,
With which they're so fatefully connected.

Verdant meadows, boundless skies above—
Such a gift to lovers would I give!..
If I breathe, this fact means that I love!
If I love, this fact means that I live!

Но многихъ захлебнувшихся любовью
Не докричишься — сколько ни зови, —
Имъ счетъ ведутъ молва и пустословье,
Но этотъ счетъ замѣшенъ на крови.
А мы поставимъ свѣчи въ изголовьѣ
Погибшихъ отъ невиданной любви...

Ихъ голосамъ дано сливаться въ тактъ,
И душамъ ихъ дано бродить въ цвѣтахъ,
И вѣчностью дышать въ одно дыханье,
И встрѣтиться со вздохомъ на устахъ
На хрупкихъ переправахъ и мостахъ,
На узкихъ перекресткахъ міорозданья.

Свѣжій вѣтеръ избранныхъ пьянилъ,
Съ ногъ сбивалъ, изъ мертвыхъ воскрешалъ,
Потому что если не любилъ —
Значитъ, и не жилъ, и не дышалъ!

1975 г.

How many of the knights of Love have choked
On love, and hear not calls, even very loud!
They figure in malicious idle talk,
While what they did is written down with blood,
And we'll light candles for the hearts that broke,
That loved not wisely, and were too well loved...

Their souls wander 'midst fine flowers, their song
Fly up to Heaven in heavenly unison,
They breathe eternity in every inhalation,
And with a sigh for bygone golden dreams,
They meet on bridges over timeless streams,
On narrow crossroads of the Lord's creation.

The fresh wind cheered them like heady mead,
Knocked them down, and raised from the deceased.
None but Love can make existence complete,
He, who's never loved, hasn't lived and breathed!

1975.

Колыбельная.

За тобою еще нѣтъ
Пройденныхъ дорогъ,
Трудныхъ дѣлъ, тяжелыхъ лѣтъ
И большихъ тревогъ.

Колыбельной заглушенъ
Посторонній гулъ.
Пусть тебѣ приснится сонъ,
Что весь міръ уснулъ.

Міръ — внизу, и ты надъ нимъ
Въ сладкомъ снѣ паришь.
Вотъ Москва, вотъ древній Римъ,
Вотъ ночной Парижъ.

Слышишь ты, какъ въ унисонъ
Ангелы поютъ.
Правда, это — только сонъ,
Но во снѣ ростутъ.

Можетъ быть — все можетъ быть —
Много лѣтъ пройдетъ,
И ты сможешь повторить
Свой ночной полетъ.

Надъ землею полетишь
Выше крышъ и кронъ...
А пока ты спи, малышъ,
И смотри свой сонъ.
А пока ты спи, малышъ,
И смотри свой сонъ.

1963—1973 гг.

A Lullaby.

Hush-a-bye, my baby,
The night is on the Earth,
And have slept already
Trees, flowers, beasts and birds.

All day long till evening
My baby wants to play.
It's the time for sleeping,
Await another day.

I wish thee to see
A sweet and wondrous dream:
The immense blue sea,
Where walk but waves and winds.

Thou hast two wings,
And fly'st about with birds—
O'er the wide blue seas,
And o'er all our Earth.

On the seventh heaven,
White angels praise the Lord;
And thou sing'st with them
Their wonder-working songs.

With long years, maybe,
Will come to be all this...
Fall asleep, my baby,
To see thy fairy dreams.
Fall asleep, my baby,
To see thy fairy dreams.

1963.

Лvрическая.

Маринѣ Влади.

Здѣсь лапы у елей дрожатъ на вѣсу,
Здѣсь птицы щебечутъ тревожно.
Живешь въ заколдованномъ дикомъ лѣсу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнутъ бѣльемъ на вѣтру,
Пусть дождемъ опадаютъ сирени, —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворецъ, гдѣ играютъ свирѣли.

Твой міръ колдунами на тысячи лѣтъ
Укрытъ отъ меня и отъ свѣта,
И думаешь ты — мѣста лучшаго нѣтъ,
Чѣмъ лѣсъ заколдованный этотъ.

Пусть на листьяхъ не будетъ росы поутру,
Пусть луна будетъ съ тучами въ ссорѣ, —
Все равно я отсюда тебя заберу
Въ свѣтлый теремъ съ балкономъ на море.

Въ какой день недѣли, въ которомъ часу
Ты выйдешь ко мнѣ осторожно,
Когда я тебя на рукахъ унесу
Туда, гдѣ найти невозможно?

Украду, если кража тебѣ по душѣ,
Я всѣ тропы въ лѣсу этомъ знаю.
Согласись же, родная, на рай въ шалашѣ,
Если теремъ окажется занятъ.
Согласись же, родная, на рай въ шалашѣ,
Если теремъ окажется занятъ.

1970 г.

A Lyrical Song.

To Marina Vladi.

Here spruce-branches shiver, suspended in sleep,
Here birdsong is anxious and quaking.
Thou liv'st in a forest enchanted and deep,
And hast no dream of escaping.

Let the ash-berry tree set the forest ablaze,
Let the creepers embrace thee like lovers—
All the same, I will take thee away from this place
To a palace of music and flowers.

Thy world by the wizards for ages is cursed,
It's covered from me and the sunlight.
And thou think'st that it's the best place in the Earth,
This forest, forbidding and silent.

Let the Moon quarrel with clouds and one can't see her face,
Let the air drip its magical potion—
All the same, I will take thee away from this place
To a tower overlooking the Ocean.

When finally I break the unbreakable charms,
And thou com'st to me out of hiding,
I will carry thee far away in my arms
To some place where they'll never find thee.

I will steal thee if theft is what pleases thy heart,
Every path in this forest I've taken.
Art thou ready for Eden with me in a hut,
If the tower and the palace aren't vacant?
Art thou ready for Eden with me in a hut,
If the tower and the palace aren't vacant?

1970.

Домъ хрустальный.

Маринѣ.

Буду я богатъ, какъ царь Морской —
Крикни только мнѣ: «Лови блесну!» —
Безъ остатка міръ подводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Домъ хрустальный на горѣ для нее,
Самъ, какъ песъ, такъ бы и росъ въ цѣпи.
Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!
Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!

Буду бѣденъ я, какъ перстъ, одинъ,
Въ сторонѣ отъ добраго пути —
Вѣдь поможешь Ты мнѣ, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Домъ хрустальный на горѣ для нее,
Самъ, какъ песъ, такъ бы и росъ въ цѣпи.
Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!
Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!

Не сравню я никакую съ тобой,
Хоть топи меня, разстрѣливай.
Посмотри, какъ я любуюсь тобой, —
Какъ Мадонной Рафаэлевой!

Домъ хрустальный на горѣ для нее,
Самъ, какъ песъ, такъ бы и росъ въ цѣпи.
Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!

Родники мои серебряные,
Золотыя мои розсыпи!

1967 г.

Жили-были на морѣ...

Жили-были на морѣ,
Это значитъ — плавали,
Курсъ держали правильный, слушались руля,
Заходили въ гавани —
Слѣва ли, справа ли —
Два красивыхъ лайнера, судна, корабля:

Бѣлоснѣжнотѣлая,
Словно лебедь бѣлая,
Въ сказочно-классическомъ планѣ, —
И другой — онъ въ тропики
Плавалъ въ черномъ смокингѣ —
Лордъ — трансатлантическій лайнеръ.

Ахъ, если бъ ему въ голову пришло,
Что въ каждый портъ уже давно влюбленно
Спѣшитъ къ нему подъ черное крыло
Стремительная бѣлая мадонна!

Слезы льетъ горючія
Въ цѣнное горючее
И всегда надѣется въ тайнѣ,
Что, быть можетъ, въ Африку
Не уйдетъ по графику
Этотъ недогадливый лайнеръ.

Ахъ, если бъ ему въ голову взбрело,
Что въ каждый портъ уже давно влюбленно
Прійти къ нему подъ черное крыло
Опаздываетъ бѣлая мадонна!

Кораблямъ и поздняя
Не къ лицу коррозія,
Не къ лицу морщины вдоль бѣлоснѣжныхъ крылъ,
И подтеки синіе
Возлѣ ватерлініи,
И когда на смокингѣ лѣвый бортъ подгнилъ.

Горевалъ безъ памяти
Въ докѣ, въ тихой заводи,
Золъ и раздосадованъ крайнѣ,
Ржавый и взъерошенный
И командой брошенный,
Въ гордомъ одиночествѣ лайнеръ.

А ей невѣроятно повезло:
Подъ танго музыкальнаго салона
Пришла къ нему подъ черное крыло,
И встала рядомъ бѣлая мадонна.
И встала рядомъ бѣлая мадонна.
И встала рядомъ бѣлая мадонна.

1974 г.

Реальнѣй сновидѣнія и бреда...

Завершено Акбаромъ Мухаммадомъ.

Реальнѣй сновидѣнія и бреда,
Чуднѣе старой сказки для дѣтей —
Красивая восточная легенда
Про озеро на сопкѣ и про омутъ въ сто локтей.

И кто нырнетъ въ холодный этотъ омутъ,
Насобираетъ ракушекъ, приклеенныхъ ко дну,
Того болѣзнь и заговоръ не тронутъ,
А кто потонетъ — обрѣтетъ покой и тишину.

Эхъ, сапоги-то стоптаны, походкой косолапою
Протопаю по тропочкѣ до каменныхъ гольцовъ,
Со дна кружки блестящіе я соскоблю, сцарапаю —
Тебѣ на серьги, милая, а хошь — и на кольцо!

Я отъ земного низкаго поклона
Не откажусь, хотя спины не гнулъ.
Родился я въ рубашкѣ — изъ нейлона, —
На шелковую, тоненькую я не потянулъ.

Искуственное нынче намъ не вновѣ, —
Ношу — не берегу ее, не прячу въ тайникахъ, —
Ее легко отстирывать отъ крови,
Не рвется — хоть отъ ворота рвани ее — никакъ!

Я на гольцы вскарабкаюсь, на сопку тихой сапою,
Всмотрюсь во дно озерное при отблескѣ зарницъ:
Со глубины я ракушки, подкравшись, ловко сцапаю —
Тебѣ на ожереліе, какія у царицъ!

Пылю по суху, топаю по жижѣ, —
Я иногда спускаюсь по ножу...
Мнѣ говорятъ, что я качусь все ниже,
А я — хоть и внизу, а все же уровень держу!

Жизнь впереди — одинъ отрѣзокъ прожитъ,
Я вхожъ куда угодно — въ терема и въ закрома:

Рожденъ въ рубашкѣ — Богъ тебѣ поможетъ, —
Коль повезетъ, Татарскій — всемогущій Богъ Алла.

Дѣла мои любезныя, я васъ накрою шляпою —
Я доберусь, долѣзу до заоблачныхъ границъ, —
Не взять волшебныхъ ракушекъ — звѣзду съ небесъ сцарапаю,
Алмазную да крупную — какія у царицъ!

Нанесъ бы звѣздъ я въ золоченомъ блюдѣ,
Чтобъ вѣкъ при нихъ могли вы скоротать, —
Да вотъ бѣда — отвѣтственные люди
Сказали: «Звѣзды съ неба не хватать!»

Ныряльщики за ракушками — тонутъ.
Но кто въ рубашкѣ — что́ тому тюрьма или сума:
Я брошусь головою въ синій омутъ —
Меня вѣдь не оставитъ милосердый Богъ Алла.

И мы еще, душа моя, по сказочнымъ Муравіямъ
Прокатимся, пусть праздновать враги повременятъ.
Мы въ галечку прибрежную, въ дорожки съ чистымъ гравіемъ
Вобьемъ монету звонкую, затопчемъ — и назадъ.

А помнишь ли, голубушка, въ денечки наши лѣтніе
Бросалъ я въ морѣ денежку — просила ты сама?
И такъ же, вѣрно, въ озеро тѣ ракушки завѣтныя
Когда-то въ дни далекіе бросалъ самъ Богъ Алла...
И такъ же, вѣрно, въ озеро тѣ ракушки завѣтныя
Когда-то въ дни далекіе бросалъ самъ Богъ Алла...

1977 г.

Дорога, дорога — счета нѣтъ шагамъ...

Дорога, дорога — счета нѣтъ шагамъ,
И не знаешь, гдѣ конецъ пути.
По дорогѣ мы идемъ по разнымъ сторонамъ
И не можемъ ее перейти.

Улыбнись мнѣ хоть какъ-нибудь взглядомъ,
Улыбнись — я напротивъ, я рядомъ.
Побѣгу на красный свѣтъ, — оштрафуютъ — не бѣда, —
Только ты подскажи мнѣ — когда.

Улыбка, улыбка — для кого она?
Вѣдь какъ я, ее никто не ждетъ.
Я замеръ и глаза закрылъ, открылъ — но ты одна,
А я опять прозѣвалъ переходъ.

Улыбнись мнѣ хоть какъ-нибудь взглядомъ,
Улыбнись — я напротивъ, я рядомъ.
Побѣгу на красный свѣтъ, — оштрафуютъ — не бѣда, —
Только ты подскажи мнѣ — когда.

Шагаю, шагаю — кто мнѣ запретитъ, —
И шагами измѣряю путь.
За тобой готовъ до безконечности итти —
Только ты не сверни куда-нибудь.

Улыбнись мнѣ хоть какъ-нибудь взглядомъ,
Улыбнись — я напротивъ, я рядомъ.
Путь нашъ дологъ, но вѣдь онъ все же кончится, боюсь, —
Перейди, если я не рѣшусь.

1963—1966 гг.

Красивыхъ любятъ, можетъ быть, прилежнѣй...

Красивыхъ любятъ, можетъ быть, прилежнѣй,
Въ веселыхъ же влюбляются быстрѣй...
А молчаливыхъ любятъ много рѣже,
Зато ужъ если любятъ, то сильнѣй.

Не кричи нѣжныхъ словъ, не кричи,
До поры подержи ихъ въ неволѣ.
Пусть кричатъ пароходы въ ночи,
Ну а ты промолчи, помолчи:
Поспѣшишь — и ищи вѣтра въ полѣ.

Она читаетъ грустные романы —
Ну пусть сравнитъ, и ты довѣрься ей.
Вѣдь появились черные тюльпаны,
Чтобы казались бѣлые бѣлѣй.

Не кричи нѣжныхъ словъ, не кричи,
До поры подержи ихъ въ неволѣ.
Пусть поэты кричатъ и грачи,
Ну а ты промолчи, помолчи:
Поспѣшишь — и ищи вѣтра въ полѣ.

Слова бѣгутъ, имъ тѣсно — ну и что же!
Ты никогда не бойся опоздать.
Ихъ много — словъ, но все же, если можешь,
Скажи, когда не сможешь не сказать.

Но не кричи этихъ словъ, не кричи,
До поры подержи ихъ въ неволѣ.
Пусть кричатъ пароходы въ ночи —
Замолчи, промолчи, помолчи:
Поспѣшишь — и ищи вѣтра въ полѣ.

1968 г.

Люди говорили морю: «До свиданья...»

Люди говорили морю: «До свиданья,»
Чтобъ пріѣхать вновь они могли;
Въ воду мѣдь бросали, загадавъ желанья,—
Я жъ бросалъ тяжелые рубли.

Можетъ быть, примѣтамъ вѣрить и не нужно,—
Но не жаль ихъ—я вѣдь не Гобсекъ.
Ну а вдругъ найдетъ ихъ совершенно чуждый
По міровоззрѣнью человѣкъ?

Онъ нырнетъ, отыщетъ, радоваться будетъ,
Удивляться нѣсколько минутъ,—
Послѣ слиться будетъ: «Вотъ вѣдь,» скажетъ, «люди!
«Видно, денегъ—куры не клюютъ.»

Будетъ долго мыслить головою бычьей:
«Пятаки—понятно—это мѣдь.
«А сорить рублями кто жъ завелъ обычай?
«Вотъ бы на паршивца поглядѣть!»

Что жъ, гляди, товарищъ! на, гляди, любуйся!
Только не дождешься, чтобъ сказалъ—
Что́ я здѣсь оставилъ, какъ хочу вернуться,
И, конечно, что́ я загадалъ!

1962 г.

Дальній Востокъ.

Долго же шелъ ты, въ конвертѣ листокъ,—
Вышли послѣдніе сроки!
Но потому онъ и Дальній Востокъ,
Что—далеко на востокѣ...

Ждешь съ нетерпѣньемъ отвѣтъ ты—
Вѣсточку въ нѣсколько словъ...
Мы здѣсь встрѣчаемъ разсвѣты
Раньше на восемь часовъ.

Здѣсь до утра пароходы ревутъ
Средь океанской шумихи—
Не потому его Тихимъ зовутъ,
Что онъ дѣйствительно тихій.

Ждешь съ нетерпѣньемъ отвѣтъ ты—
Вѣсточку въ нѣсколько словъ...
Мы здѣсь встрѣчаемъ разсвѣты
Раньше на восемь часовъ.

Ты не пугайся разсказовъ о томъ,
Будто здѣсь самый край свѣта,—
Сзади еще Сахалинъ, а потомъ—
Круглая наша планета.

Ждешь съ нетерпѣньемъ отвѣтъ ты—
Вѣсточку въ нѣсколько словъ...
Мы здѣсь встрѣчаемъ разсвѣты
Раньше на восемь часовъ.

Что говорить—здѣсь, конечно, не рай,
Но невмоготу переписка,—
Знаешь что, милая, ты пріѣзжай:
Дальній Востокъ—это близко!

Скоро получишь отвѣтъ ты—
Вѣсточку въ нѣсколько словъ.

Вмѣстѣ бъ встрѣчать намъ разсвѣты
Раньше на восемь часовъ!

1969 г.

Я тебя одѣну въ панъ и въ бархатъ...

I'll buy you any fancy gowns, and hats, and roses...

ГОРОДСКОЙ РОМАНСЪ.

A SAD LOVE SONG.

Катерина.

Катерина, Катя, Катерина!
Все въ тебѣ, ну все въ тебѣ по мнѣ!
Ты — какъ елка: стоишь рупь съ полтиной,
Нарядить — поднимешься въ цѣнѣ.

Я тебя одѣну въ панъ и въ бархатъ,
Въ пухъ и въ прахъ, во что́ захочешь, вотъ, —
Будешь ты не хуже, чѣмъ Тамарка,
Что лишилъ я жизни въ прошлый годъ.

Ты не бойся, Катя, Катерина, —
Наша жизнь какъ рѣчка потечетъ!
Будетъ все: наряды, жемчугъ, вина...
И я рѣжу бабъ не каждый годъ.

Катерина, хватитъ сомнѣваться, —
Разорву рубаху на груди!
Вотъ имъ всѣмъ! Поѣхали кататься!
Панихида будетъ впереди...

1965 г.

Catherine.

Give me a glance! My heart is broken, dear Catherine—
By your light step, your laughter, and your eyes.
Ye're so beautiful, what's yours is pretty everything—
But costly dresses would increase your price.

I'll buy you any fancy gowns, and hats, and roses,
And real gems, and everything ye want!
I promise you that ye'll look better than Dolores,
Whom I did in, and who was so hot...

Believe me, Catherine, and like an o'erfilled river
Our joyful life will flow forth and forth.
At any price I'll make you happy, O my dear,
And not each year I do in my girls.

My dear Catherine, give up ye any doubt—
An honest heart is throbbing in my chest.
Let's take a sledge, it's the right time for riding out!
Let's go, baby! Later ye'll be dead...

1965.

Городской романсъ.

Я однажды гулялъ по столицѣ — и
Двухъ прохожихъ случайно зашибъ,
И, попавши за это въ милицію,
Я увидѣлъ ее — и погибъ.

Неизвѣстно, что тамъ она дѣлала, —
Можетъ, паспортъ пришла получать.
Молодая, красивая, бѣлая...
Я рѣшилъ слѣдъ ея не терять.

Шелъ за ней — и запомнилъ парадное.
Что сказать ей? — вѣдь я хулиганъ...
Выпилъ я — и позвалъ ненаглядную
Въ привокзальный одинъ ресторанъ.

Ну а ей улыбались прохожіе,
Мнѣ хотѣлось кричать «караулъ!» —
Одному человѣку по рожѣ я
Далъ за то, что онъ ей подморгнулъ.

Я икрою ей булки намазывалъ,
На оркестръ пролилъ дождь изъ рублей, —
Я жъ такія ей пѣсни заказывалъ!
А въ концѣ заказалъ «Журавлей».

Обѣщанья я ей до утра давалъ,
Клялся въ чувствахъ своихъ вновь и вновь.
«Я жъ пять дней никого не обкрадывалъ,
«Моя съ перваго взгляда любовь!»

Говорилъ я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакалъ въ кашне.
А она мнѣ сказала: «Я вѣрю вамъ —
«И отдамся по сходной цѣнѣ.»

Я ударилъ ее, птицу бѣлую, —
Закипѣла горячая кровь:

A Sad Love Song.

One fine day I walked in the fresh air,
And hurt two queer fellows by chance.
The policemen took me to the station,
Where I saw her... and broke down at once.

I knew not why on earth she was there,
Perhaps for getting her passport renewed.
She was beautiful, lovely and fair...
So my will was to start in pursuit.

To her house, I followed behind her,
She wouldn't talk to a bully, I thought.
Took a glass — and got bold to invite her
To the nearest restaurant. Why not?

As we walked men gave smiles at my pair,
So my mind was in full on the blink!
I just punched a fellow who dared
To give her, as some broad, a wink.

She considered the caviar delicious,
And, as I saved on her no expense,
I often asked for smash hits of musicians,
And the last ordered one was "The Cranes".

I made promises, showing my feeling,
Swore devotion for her the whole night.
"Since I met up you, I haven't been stealing,
"O my goddess, my love at first sight."

I proclaimed that my life had been ruined,
Blew my nose and wiped tears from my eyes,
And she said, "My dear one, I'm yours truly,
"You'll take me at a reasonable price."

I slapped her in the face in despair,
I was boiling like crazy inside —

Понялъ я, что въ милиціи дѣлала
Моя съ перваго взгляда любовь...

1963 г.

I realized why she really was there,
At the station, my love at first sight...

1963.

ДВА РОМАНСА.

I. Она была чиста, какъ снѣгъ зимой...

Она была чиста, какъ снѣгъ зимой,
Среди безсмертныхъ жить имѣла право.
Но вотъ мнѣ руки жжетъ ея письмо —
Я узнаю мучительную правду.

Она искусно пряталась за маской,
Надѣтою разсчетливо на часъ...
Да, въ этотъ разъ я потерпѣлъ фіаско, —
Надѣюсь, это былъ послѣдній разъ.
Да, въ этотъ разъ я потерпѣлъ фіаско, —
Надѣюсь, это былъ послѣдній разъ.

Ну что жъ, я оставляю позади,
Подъ этимъ сѣрымъ неприглядным небомъ,
Дурманъ фіалокъ, наготу гвоздикъ
И слезы вперемешку съ талымъ снѣгомъ.

Не вѣдать мнѣ страданій и агоній,
Мнѣ встрѣчный вѣтеръ слезы оботретъ,
Моихъ коней обида не нагонитъ,
Моихъ слѣдовъ метель не замететъ.
Моихъ коней обида не нагонитъ,
Моихъ слѣдовъ метель не замететъ.

II. Было такъ — я любилъ и страдалъ...

Было такъ — я любилъ и страдалъ.
Было такъ — я о ней лишь мечталъ.
Я ее видѣлъ тайно во снѣ
Амазонкой на бѣломъ конѣ.

Что́ мнѣ была вся мудрость скучныхъ книгъ,
Когда къ слѣдамъ ея губами могъ припасть я!
Что́ съ вами было, королева грезъ моихъ?
Что́ съ вами стало, мое призрачное счастье?

TWO LOVE SONGS.

I. She was so beautiful, so stately and so grand...

She was so beautiful, so stately and so grand,
And cleaner than the freshly fallen snow.
But her last letter burns my heart and hand—
A lamentable truth I've gotten to know.

I've never doubted her devotion nor asked her,
And seen her love was just a mask she wore...
Today I've faced a thorough fiasco,
I hope it won't happen anymore.
Today I've faced a thorough fiasco,
I hope it won't happen anymore.

The pallid sky above me idly shrinks,
I rid myself of tokens of my woe—
Of dazing daisies, whithered naked pinks,
And tears, mingled with the melting snow.

I'll leave behind distress and devastation,
The wind will wipe my tears if I weep.
My horses tear faster than frustration,
My tracks the snowstorm will never sweep.
My horses tear faster than frustration,
My tracks the snowstorm will never sweep.

II. She was both my bliss and my pain...

She was both my bliss and my pain,
And she filled every cell of my brain.
I would see her, when I was asleep,
As an Amazon, riding a steed.

What could the wisdom of the tiresome books mean
As I would wish to kiss her traces on the ground!
What have you lived through, my unearthly, magic queen?
What are you now and to where are you bound?

Наши души купались въ веснѣ,
Наши головы были въ огнѣ.
Всѣ потери съ ней были легки,
И казалось — не будетъ тоски.

Ну а теперь — хоть саванъ ей готовь,
Смѣюсь сквозь слезы я и плачу безъ причины.
Ей вѣчнымъ холодомъ и льдомъ сковало кровь
Отъ страха жить и отъ предчувствія кончины.

Понялъ я — больше пѣсенъ не пѣть,
Понялъ я — больше сновъ не смотрѣть.
Дни тянулись съ ней нитями лжи,
Съ ней я видѣлъ одни миражи.

Я жгу остатки праздничныхъ одеждъ,
Я струны рву, освобождаясь отъ дурмана —
Мнѣ не служить рабомъ у призрачныхъ надеждъ,
Не поклоняться больше идоламъ обмана.
Мнѣ не служить рабомъ у призрачныхъ надеждъ,
Не поклоняться больше идоламъ обмана.

1968—1969 гг.

Our souls were bathing in spring,
Our heads due to fizz used to spin.
When with her, I wasn't fretted nor grieved,
In misfortune, I've never believed.

She now looks as if she feels her near end,
It's so outlandish that it makes me laugh through tears.
In her opinion, a misfortune does impend,
Her blood is cold and to live she simply fears.

I can't notice good songs left to sing,
I can't notice good dreams left to see.
Bluff and falseness are her entourage,
She's not more than a pretty mirage.

I burn to ashes every trust she ever gave,
I tear costumes of a festive misconception.
I'll no longer be a ghostly hopes slave,
I'll no longer pray to idols of deception.
I'll no longer be a ghostly hopes slave,
I'll no longer pray to idols of deception.

1968—1969.

Баллада о цвѣтахъ.

Въ томленьи одинокомъ,
Въ тѣни, не на виду, —
Подъ неусыпнымъ окомъ
Цвѣла она въ саду.

Мама́ — всегда съ друзьями,
Папа́ отъ нихъ сбѣжалъ,
Зато Каштанъ вѣтвями
Отъ взглядовъ укрывалъ.

И хоть склонялся низко
Каштанъ надъ головой,
Но Роза-гѵмназистка
Увидѣла *его*.

Нарциссъ — цвѣтокъ воспѣтый,
Не счесть о немъ балладъ,
И многихъ розъ до этой
Вдыхалъ онъ ароматъ.

И былъ онъ донжуаномъ
Изысканныхъ манеръ.
Мама́ его — грандъ-дама,
Папа́ — милліонеръ.

Онъ въ дѣтствѣ былъ опрысканъ,
Шелъ запаха дурманъ,
И Роза-гѵмназистка
Вступила съ нимъ въ романъ.

И вотъ, исчадье ада,
Нарциссъ тотъ, ловеласъ,
«Иди ко мнѣ изъ сада!»
Сказалъ ей какъ-то разъ.

Ей такъ еще не пѣлось,
Какъ крылья обрѣла, —

A Ballad of the Flowers.

No reason to ask for pardon,
When singing of the best—
She blossomed in a garden,
Secluded from the rest.

Her Mom was always absent,
Her Dad abandoned them,
But Chestnut with his branches
Hid her from glances well.

No matter how close
Was her devoted guard,
It happened that our Rose
Saw *him* and fell in love.

Narcissus was a flower
Sang of in lots of songs,
And many nice girls-flowers
Gave him their scents before.

He looked so cute and heady,
So ravishing and boon.
His Mom was a great lady,
His Dad was a tycoon.

He was sprayed in his childhood
And spread a real balm,
So Rose had the mind that
This wanton is the one.

Due to his wicked substance,
Narcissus told her once,
“Come out of the garden,
Ye are my life and love!”

No thing on earth is better
Than bursting forth like flame.

Сказала «Ахъ!», зардѣлась —
И вещи собрала.

И всѣми лепестками
Въ мигъ завладѣлъ нахалъ.
Мама́ была съ друзьями,
Каштанъ — не удержалъ.

Искала Роза счастья
И не видала, какъ
Сохъ отъ любви и страсти
Почти что зрѣлый Макъ.

И думала едва ли,
Какъ душенъ пошлый свѣтъ:
Всѣ лепестки опали,
И Розы больше нѣтъ...

1968 г.

She ran as from a ghetto,
And who of them was blamed?

And all her ardent petals
Were captured by that devil.
Her Mom was with her fellows,
By Chestnut she wasn't held.

She looked for her good fortune
And missed the lucky chance
To get a trusty portion—
There Poppy pined from love.

And didn't think how close
And trite the high life is:
There's no more our Rose—
Her petals don't exist...

1968.

Она на дворъ — онъ со двора...

Она на дворъ — онъ со двора, —
Такая ужъ любовь у нихъ.
А онъ работаетъ съ утра,
Всегда съ утра работаетъ.

Ее и знать никто не зналъ,
А онъ считалъ пропащею,
И онъ томился и страдалъ
Идеею навязчивой.

Ея отецъ полковникомъ
Былъ, а его — пожарникомъ, —
Онъ, въ общемъ, ей не ровня былъ,
Но велъ себя охальникомъ.

Романъ случился просто такъ,
Романъ такъ странно начался:
Онъ предложилъ ей четвертакъ —
Она давай артачиться...

А черный дымъ все шелъ и шелъ,
А черный дымъ взвивался вверхъ...
И такъ имъ было хорошо —
Любить ее онъ клялся вѣкъ.

А клены длинные росли —
Равнялись съ колокольнями, —
А люди шли, а люди шли
Путями шли окольными...

Какія странныя дѣла
У насъ въ Россіи лѣпятся!
А какъ она ему сдалась,
Разскажутъ — не повѣрится...

Онъ послѣ дѣла темнаго,
Онъ послѣ дѣла крупнаго

Искалъ мѣста укромныя,
Искалъ мѣста уютныя.

И если бъ наша власть была,
Простая и понятная,
То счастіе бъ она нашла,—
Но жизнь была—проклятая...

1965 г.

Придержи свое мнѣніе: я глава—вѣдь мужчина я!

Man's the boss and the principal, wife's obedient and cordial!

СЕМЕЙНЫЯ ДѢЛА.

FAMILY AFFAIRS.

Семья въ каменномъ вѣкѣ.

А ну, отдай мой каменный топоръ!
И шкуръ моихъ набедренныхъ не тронь!
Молчи, не вижу я тебя въ упоръ —
Сиди, вонъ, и поддерживай огонь!

Выгадывать не смѣй на мелочахъ,
Не опошляй семейный нашъ укладъ!
Не убрана пещера и очагъ —
Разбаловалась ты въ матриархатъ!

Придержи свое мнѣніе:
Я глава — вѣдь мужчина я!
Соблюдай отношенія
Первобытно-общинныя.

Тамъ мамонта убьютъ — поднимутъ вой,
Начнутъ добычу поровну дѣлить...
Я не могу весь вѣкъ сидѣть съ тобой —
Мнѣ надо хоть кого-нибудь убить!

Старѣйшины сейчасъ придутъ ко мнѣ,
Смотри еще — не выйди голой къ нимъ!
Въ вѣкъ каменный — и не имѣть камней!
Мнѣ стыдно передъ племенемъ моимъ!

Пять бы женъ мнѣ — навѣрное,
Разобрался бы съ вами я!
Но дѣла мои — скверныя,
Потому — моногамія.

А все твоя проклятая родня!
Мой дядя, что достался кабану,
Зналъ родъ вашъ и предупреждалъ меня:
Нельзя изъ людоѣдовъ брать жену!

Не ссорь меня съ общиной — это ложь,
Что будто къ тебѣ кто-то пристаетъ,

A Family in the Stone Age.

Thou, silly, give me back my stone ax!
Don't hide the skins that I put on my thighs!
Stop talking, my poor head already cracks!
Sit still and add some wood — the fire dies!

Thy pettiness impairs my soul and heart,
It gives our life a very boring touch!
The cave's a mess and soot's all o'er the hearth —
This matriarchy pampered thee too much!

Man's the boss and the principal,
Wife's obedient and cordial!
Thou must stick to this principle,
Keep in mind — we're primordial.

My tribesmen killed a mammoth in the pit,
They must be now sharing the prey...
Forever by thy side I cannot sit —
I need to kill somebody every day!

Today I'm waiting for the tribal sage,
Don't meet him naked, dress the way wives should!
It's a great shame that in the Stone Age,
I've gotten no stones, genuine and good!

Several wives — that's for what I long,
Then ye'd know your place probably!
But at present I'm not so strong,
So I live in monogamy.

Thou'rt all to blame! My uncle alerted me —
He who went for a lion and was lost,
"Those cannibals are come of the Devil's kin —
Their wives are stiff and try to rule the roast!"

Stop setting me against my own tribe,
No one harassed thee, drop thy stupid lies!

Не клевещи на нашу молодежь,
Она надежда наша и оплотъ!

Придержи свое мнѣніе:
Я глава — вѣдь мужчина я!
Соблюдай отношенія
Первобытно-общинныя.

Ну что глядишь — тебя пока не бьютъ!
Отдай топоръ — добромъ тебя прошу!
И шкуры гдѣ? Вѣдь люди засмѣютъ!..
До трехъ считаю, послѣ — укушу!

1969 г.

Don't vilify our youth, don't even try,
But in the youth our happy future lies!

Man's the boss and the principal,
Wife's obedient and cordial!
Thou must stick to this principle,
Keep in mind—we're primordial.

Stop whimpering, so far I was polite!
Where are the skins? Look, people will laugh at me!..
Give back my ax—I ask of thee, my wife,
Or I will bite thee when I count to three!

1969.

Семейныя дѣла въ Древнемъ Римѣ.

Какъ-то вечеромъ патриціи
Собрались мужской компаніей,
И бесѣды повели они,
Разведя нектаръ Тосканіи.

Не общаться же тверезыми!
Маркъ-патрицій не мытарился —
Пилъ нектаръ большими дозами
И ужасно нанектарился.

И подъ древнею колонною
Онъ исторгъ изъ устъ проклятія:
«Со своею я матроною
«Разойдусь, навѣрно, братія!

«Она спуталась съ поэтами,
«Помѣшалась на ѳеатрахъ —
«Такъ и шастаетъ съ билетами
«На пріѣзжихъ гладіаторовъ!

«Я, кричитъ, отъ безкультурія
«Скоро стану истеричкою, —
«Въ общемъ, злобствуетъ какъ фурія,
«Поощряема сестричкою!

«Только цыкаютъ и шикаютъ...
«Охъ, налейте снова мнѣ двойныхъ!
«Мнѣ жъ рабы въ лицо хихикаютъ,
«На войну бы мнѣ, да нѣтъ войны!

«Я нарушу всѣ традиціи —
«Мнѣ не справиться съ обѣими, —
«Опускаюсь я, патриціи,
«Дую горькую съ плебеями!

«Я ей домъ оставлю въ Персіи —
«Пусть беретъ сестру-мегерочку, —

«И на отцовскіе сестерціи
«Заведу себѣ гетерочку.

«У гетеръ хотя все явственнѣй,
«Все жъ онѣ не обезумѣли.
«Хоть съ гетерою безнравственнѣй,
«Ея родственники умерли!

«Такъ сумѣю исцѣлиться я,
«Изъ запоя скоро выйду я!..»
И пошли домой патриціи,
Марку пьяному завидуя.

1969 г.

Про любовь въ средніе вѣка.

Сто саракининъ я убилъ въ угоду ей —
Прекрасной дамѣ посвятилъ я сто смертей.
Но нашъ король — лукавый сиръ —
затѣялъ рыцарскій турниръ, —
Я ненавижу всѣхъ извѣстныхъ королей!
Но нашъ король — лукавый сиръ —
затѣялъ рыцарскій турниръ, —
Я ненавижу всѣхъ извѣстныхъ королей!

Вотъ мой соперникъ — рыцарь Круглаго Стола, —
Чужую грудь мнѣ подъ копье король послалъ.
Но въ сердце нѣжное ея
мое копье направилъ я, —
Мнѣ наплевать на королевскія дѣла!
Но въ сердце нѣжное ея
мое копье направилъ я, —
Мнѣ наплевать на королевскія дѣла!

Гербъ на груди его — тамъ плаха и петля,
Но будетъ дырка тамъ, какъ въ днищѣ корабля.
Онъ — самый первый фаворитъ,
къ нему король благоволитъ, —
Но мнѣ сегодня наплевать на короля!
Онъ — самый первый фаворитъ,
къ нему король благоволитъ, —
Но мнѣ сегодня наплевать на короля!

Король сказалъ: «Онъ съ вами справится шаля!»
И пошутилъ: «Пусть будетъ пухомъ вамъ земля!»
Я буду пищей для червей —
тогда онъ женится на ней, —
Проститъ мнѣ Богъ — я презираю короля!
Я буду пищей для червей —
тогда онъ женится на ней, —
Проститъ мнѣ Богъ — я презираю короля!

Вотъ поданъ знакъ — другъ друга взглядомъ пепеля,
Коней мы гонимъ, задыхаясь и пыля.

About Love in the Middle Ages.

I killed a hundred Saracens to glorify my dame—
A hundred ones lost their lives in her blessed name.
But our crafty liege the king
started a tournament for me.
I hate all known kings—that's not the game!
But our crafty liege the king
started a tournament for me.
I hate all known kings—that's not the game!

My stern opponent is a Round Table knight,
His Kingship hopes that he'll o'ercome me with his might.
My armor shines, I grip my lance,
she casts at me a loving glance—
Today I'll laugh o'er that nonstarter's right!
My armor shines, I grip my lance,
she casts at me a loving glance—
Today I'll laugh o'er that nonstarter's right!

His coat of arms displays the block and gallows pole—
There with my lance I'm gonna make a round hole.
As he's in favor with the king,
one day he ought to pay this thing.
I don't care for the king alone!
As he's in favor with the king,
one day he ought to pay this thing.
I don't care for the king alone!

His Kingship said, "To beat you won't hard for him!"
"Repose in peace, brave knight," he added with a grin.
I ought to sink into the grave
in order that he wed my dame—
Forgive me, God, but I despise the king!
I ought to sink into the grave
in order that he wed my dame—
Forgive me, God, but I despise the king!

The sign is given, and we're rushing for to meet—
The beaten earth is quaking under our steeds.

Забрало поднято — изволь!
Ахъ, какъ волнуется король!..
Но мнѣ, ей-Богу, наплевать на короля!
Забрало поднято — изволь!
Ахъ, какъ волнуется король!..
Но мнѣ, ей-Богу, наплевать на короля!

Теперь все кончено — пусть отдохнутъ поля.
Вотъ хлещетъ кровь его на стебли ковыля.
Король отъ бѣшенства дрожитъ,
но мнѣ она принадлежитъ —
Мнѣ такъ сегодня наплевать на короля!
Король отъ бѣшенства дрожитъ,
но мнѣ она принадлежитъ —
Мнѣ такъ сегодня наплевать на короля!

...Нѣтъ, въ замкѣ счастливо мы не зажили съ ней —
Король въ походъ послалъ на сотни долгихъ дней.
Не ждетъ меня мой идеалъ,
вѣдь онъ — король, а я — вассалъ, —
И рано, видимо, плевать на королей!
Не ждетъ меня мой идеалъ,
вѣдь онъ — король, а я — вассалъ, —
И рано, видимо, плевать на королей!

1969 г.

Beyond all doubt, it'll be—
my goddess will belong to me.
Today I don't think about the kings!
Beyond all doubt, it'll be—
my goddess will belong to me.
Today I don't think about the kings!

That's quite alright—my stubborn foe has a rest.
He was a trustworthy king's friend—true even to death.
His Kingship has become enraged,
but my success can't be unmade.
It doesn't matter what lies in his chest!
His Kingship has become enraged,
but my success can't be unmade.
It doesn't matter what lies in his chest!

...But there was no happy end with wedding rings:
The king again sent me to take the field o'erseas.
I couldn't find a way to fight
because of he was in his right—
It seems we ought to care for the kings!
I couldn't find a way to fight
because of he was in his right—
It seems we ought to care for the kings!

1969.

Про любовь въ эпоху Возрожденія.

Можетъ быть, кварту бьянкелло
Нѣкій художникъ отъ бѣдъ
Выпилъ — и тутъ восхотѣлъ онъ
Холстъ натянуть на мольбертъ.

Дѣло стоитъ за немногимъ —
Нужно натуры живой, —
Глядь — сѵмпатичныя ноги
Съ гордой идутъ головой.

Онъ подбѣгаетъ къ Венерѣ:
«Знаешь ли, что́ говорятъ?
«Данте-то нашъ, Алигьери,
«Къ милой своей шасталъ въ адъ!

«Ада съ тобой намъ не надо —
«Холодно въ царствѣ тѣней...
«Кличутъ меня Леонардо.
«Такъ раздѣвайся скорѣй!

«Я тебя даже нагую
«Дѣйствіемъ не оскорблю —
«Ну дай я тебя нарисую
«Или изъ глины слѣплю!»

Но отвѣчала сестричка:
«Какъ тебѣ не ай-яй-яй!
«Честная я католичка —
«И несогласная я!

«Вотъ испохабились нынче —
«Такъ и таскаютъ въ постель!
«Ишь, Леонардо да Винчи —
«Тоже какой Рафаэль!

«Я не желаю безъ чувства —
«Не соглашуся ни въ жизнь!

About Love in the Renaissance Epoch.

Once a dispirited painter
Cured himself with a pint,
After he started to crave for
Leaving in ages some new print.

Seeking a model, he spotted
Something that was quite drop-dead—
Long legs, which proudly trotted,
Topped with a beautiful head.

He rushed up straight to this Venus,
"Listen, to visit his wife,
Dante walked down to sinners,
Dwelling in Permanent Fire!

"There's in Devil Home too much ardor,
Let's be far off that hot way...
Darling, my name's Leonardo,
Will ye undress right away?

"Don't be afraid, I won't touch you,
Only pure thoughts in my head—
Maybe, I'll sculpture your statue,
Or I can paint you instead."

"None of your tricks! Drop your dodging!"
She answered him with contempt.
"I'm a true Catholic virgin,
And I reject your attempt!

"Presently men are too filthy,
Lustful and horny as well.
Ye, Leonardo da Vinci,
Don't try to be Rafael!

"If there's no love, I'll say 'no'
Even if ye're gonna burst!

«Да мало ль что ты — для искуства,
«Сперва давай-ка женись!

«Послѣ раздѣнемся въ спальной,
«Какъ у людей повелось...
«Да мало ль что ты — геніальный!
«Мы не глупѣе, небось!»

«Что жъ, у меня — вдохновенье,
«Можно сказать, что экстазъ!»
Крикнулъ художникъ въ волненьи...
Свадьбу сыграли на разъ.

...Женщину съ самаго низа
Встрѣтилъ я разъ въ темнотѣ, —
Это была Мона Лиза —
Въ точности какъ на холстѣ.

Бывшимъ подругамъ въ Сорренто
Хвасталась эта smѣя:
«Ловко я интеллигента
«Заполучила въ мужья!..»

Онъ рисовалъ больше года —
Весь этотъ длительный срокъ
Все улыбалась Джоконда:
Молъ, дурачекъ, дурачекъ!

...Въ пѣснѣ разгадка дается
Тайны улыбки той — въ ней
Женское племя смѣется
Надъ простодушьемъ мужей!

1969 г.

Yes, art is sacred, I know,
But ye must marry me first!

"Then I'll undress for you, artist,
Marriage will make this act true...
Maybe, ye're really the smartest,
But what to do I dig too!"

"Woe's me! I'll lose inspiration!"
Cried out the painter. "I may
Miss the divine revelation!"
And they got married that day...

When I was visiting Pisa,
Whom did I suddenly meet?
It was, of course, Mona Lisa,
Who radiated conceit.

Bragging to several old spinsters,
Gleaming with triumph, she said,
"Thou must sometimes be a trickster,
If thou intend'st to be wed!"

More than a year the painter
Toiled on Gioconda's sealed glance...
She chuckled gently and faintly,
Thinking, "I've captured thee, dunce!"

...This canzonet gives an answer
Those who think of her smile —
It's Womankind quietly laughs at
Our, as they think, lack of mind!

1969.

Вы учтите: я раньше былъ стоикомъ...

Вы учтите: я раньше былъ стоикомъ,
Кроссы бѣгалъ я сvстематически.
А теперь же я сталъ параноикомъ,
И морально ослабъ, и фvзически.

Сталъ подверженъ я всякимъ шатаніямъ —
И въ фvзическомъ смыслѣ, и въ нравственномъ,
Не стремлюсь больше къ новымъ познаніямъ,
Приходить стали часто друзья съ виномъ.

Никогда я на жизнь не сѣтовалъ:
Какъ приказъ на работѣ — такъ премія.
Но связался съ гражданкою этою,
Обманувшей меня безъ зазрѣнія...

Я женился съ завидной поспѣшностью,
Какъ когда-то на бабушкѣ — дѣдушка.
Оказалось со всей достовѣрностью,
Что она была вовсе не дѣвушка.

Я былъ жалокъ, какъ нищій на паперти —
Вѣдь она похвалялась невинностью!
Въ загсѣ я увидалъ въ ея паспортѣ
Два замужества вмѣстѣ съ судимостью.

Я мужей ей простилъ — охъ, наивный я,
А она меня — чарами-путами:
Молъ, судимость была за невинныя
Операціи съ овоще-фруктами.

Какъ мнѣ только хватило терпѣнія,
Когда мать ея — подлая женщина —
Поселилась къ намъ безъ приглашенія,
И сказала: «Такъ было обѣщано!»

Онѣ съ мамой отдѣльно обѣдаютъ,
Имъ, навѣрное, очень удобно тутъ,

И теперь эти женщины требуютъ
Раздѣлить мою мебель и комнату...

Уповаю я, что справедливое
Будетъ принято вами рѣшеніе.
Я не вспыльчивъ, не склоненъ къ насилію,
Но готовъ совершить преступленіе!

1967 г.

Ну о чемъ съ тобою говорить?..

Ну о чемъ съ тобою говорить?
Ты несешь сплошную ахинею!
Лучше я пойду къ ребятамъ пить —
У ребятъ есть мысли поважнѣе.

У ребятъ серіозный разговоръ —
Напримѣръ, о томъ, кто пьетъ сильнѣе,
У ребятъ широкій кругозоръ —
Отъ ларька до нашей бакалеи.

Разговоръ у насъ и прямъ, и грубъ —
Двѣ проблемы мы рѣшаемъ глоткой:
Гдѣ достать недостающій рупь
И кому потомъ бѣжать за водкой.

Ты даешь мнѣ утромъ хлѣбный квасъ —
Что́ тебѣ придумать въ оправданьѣ?
Интеллекты разные у насъ,
Повышай свое образованье!

1964 г.

It’s no use to talk to thee!..

It’s no use to talk to thee! I think
What thou say’st is but a rambling chatter.
So I’ll better go to have a drink,
And discuss with boys a serious matter.

They have vital questions to decide,
For example: “Who’s the most hard drinker?”
And their range of interests is wide —
From our stand to where they sell hard liquors.

We debate two quite important points,
As we hold a heated conversation:
One is how to get the missing coins,
And the other — who will fetch libation.

Thou giv’st me bread kvass instead of wine —
I’m not able to justify thy vision...
Thy horizon is different from mine,
Thou shouldst polish up thy erudition!

1964.

Возвращаюсь я съ работы...

Завершено Акбаромъ Мухаммадомъ.

Возвращаюсь я съ работы —
Боже праведный, спаси! —
Зрю, въ окно порхаетъ кто-то,
Не сказавши и прости.

Я супругу вопрошаю:
«Что за ѳруктъ?»
А она мнѣ отвѣчаетъ:
«Это духъ.»

Охъ, я встрѣчу того духа —
Охъ, отмѣчу его въ ухо!
Хоть онъ кровь и голубая,
Хоть и бѣлая онъ кость, —
Отхожу его и знаю —
Не осердится Господь.

Машка — вредная натура —
Такъ и лѣзетъ на скандалъ, —
Разобидѣлася, дура:
Молъ, молитвѣ помѣшалъ!

Думалъ я не дѣлать драмы,
Сталъ шутить...
А она: «Онъ мой наставникъ
«На пути.»

Я тогда цѣжу сквозь зубы,
Но уже, конечно, грубо:
«Хоть онъ возрастомъ и древній —
«А годовъ ему тыщъ шесть, —
«У него въ любой деревнѣ
«Двѣ-три бабы точно есть!»

Я — къ супругѣ съ предложеньемъ, —
Я на выдумки мастакъ!

«Какъ наступитъ Воскресенье,
«Мы съ тобой поступимъ такъ:

«Я потопаю подъ утро —
«Молъ, пошелъ, —
«А ты прими его какъ будто,
«Хорошо?

«Ты закрой его въ гостиной —
«И запой, — тутъ я съ дубиной!
«Проучу его отмѣнно,
«И ты будешь спасена, —
«Потому что, несомнѣнно,
«Твой наставникъ — сатана!»

...Вотъ влетаю съ крикомъ, съ древомъ, —
Охъ, устрою мордобой!
Машка плачетъ. «Машка, гдѣ онъ?»
«Улетѣлъ учитель мой...»

«Какъ же это, прямъ не знаю,
«Какъ успѣлъ?»
«Да вотъ такъ вотъ,» отвѣчаетъ,
«Улетѣлъ.

«Онъ ѱаломъ мнѣ прочиталъ,
«И въ молитвѣ наставлялъ...»
«Такъ шутить съ законнымъ мужемъ?
«Ахъ ты, скверная жена!..»
Я взмахнулъ своимъ оружьемъ...
Смѣйся, смѣйся, сатана!

1967 г.

Діалогъ у телевизора.

«Ой, Вань, гляди, какіе клоуны!
Рты — до ушей, вотъ смѣхота...
Ой, до чего, Вань, размалеваны, —
Прямъ послѣ драки гопота!
А тотъ похожъ, — ты только глянь, —
На деверя — такая жъ пьянь.
Ну нѣтъ, ты глянь, нѣтъ-нѣтъ, ты глянь,
Вѣдь правда, Вань?»

— Ты, Зина, лучше вспомни шурина,
Здѣсь ни при чемъ моя родня!
Сама намазана, прокурена —
Гляди, дождешься у меня!
А чѣмъ болтать, давай-ка, Зинъ,
Въ антрактъ сгоняемъ въ магазинъ.
Что́, не пойдешь? Ну, я — одинъ.
Подвинься, Зинъ!

«Ой, Вань, смотри, какіе карлики!
Въ джерси одѣты, не въ шевьетъ...
На нашей пятой швейной фабрикѣ
Такое врядъ ли кто пошьетъ!
А у тебя, ей-Богу, Вань,
Ну всѣ друзья — такая рвань,
И пьютъ всегда въ такую рань
Такую дрянь!»

— Мои друзья хоть не въ болоніи,
Зато не тащутъ изъ семьи,
А гадость пьютъ изъ экономіи,
Хоть поутру — да на свои!
А у тебя самой-то, Зинъ,
Пріятель былъ съ завода шинъ,
Такъ онъ вообще хлебалъ бензинъ,
Ты вспомни, Зинъ!

«Ой, Вань, гляди-кось, попугайчики!
Нѣтъ, я, ей-Богу, закричу!

А это кто, въ короткой маечкѣ?
Я, Вань, такую же хочу.
Въ концѣ квартала — правда, Вань, —
Ты мнѣ такую же сваргань.
Ну что „отстань“, опять „отстань“, —
Обидно, Вань!»

— Ты, Зина, лучше помолчала бы, —
Пропала премія въ кварталъ!
Кто мнѣ писалъ на службу жалобы?
Не ты?! Да я же ихъ читалъ!
Къ тому жъ такія майки, Зинъ,
Подходятъ лишь для балеринъ.
Да и шитья пойдетъ аршинъ, —
Гдѣ деньги, Зинъ?

«Ой, Вань, умру отъ акробатиковъ!
Смотри, какъ вертится, нахалъ!
Завцеха нашъ, товарищъ Сатиковъ,
Недавно въ клубѣ такъ скакалъ.
А ты придешь домой, Иванъ,
Поешь — и сразу на диванъ,
Иль, вонъ, кричишь, когда не пьянъ...
Ты что́, Иванъ?»

— Ты, Зинъ, на грубость нарываешься,
Все, Зинъ, обидѣть норовишь.
Тутъ за день такъ накувыркаешься,
Придешь домой — тамъ ты сидишь.
Ну и меня, конечно, Зинъ,
Все время тянетъ въ магазинъ,
А тамъ — друзья... Вѣдь я же, Зинъ,
Не пью одинъ!

1973 г.

Не отдавайте въ физики дѣтей...

Don't send your little one to the physics college...

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ.

DEAR FELLOWS SCIENTISTS.

Маршъ студентовъ-ѳизиковъ.

Тропы еще въ антиміръ не протоптаны,
И, какъ на фронтѣ, держись ты!
Бомбардируемъ мы ядра протонами,
Значитъ, мы — антиллеристы.

Намъ тайны нераскрытыя раскрыть пора, —
Лежатъ безъ пользы тайны, какъ въ копилкѣ.
Мы тайны эти съ корнемъ вырвемъ у ядра,
На волю пустимъ джинна изъ бутылки!

Тѣсно сплотились коварные атомы, —
Ну-ка, попробуй прорвись ты!
«Живо по конямъ!» — и мчимся за квантами,
Значитъ, мы — кванталеристы.

Намъ тайны нераскрытыя раскрыть пора, —
Лежатъ безъ пользы тайны, какъ въ копилкѣ.
Мы тайны эти съ корнемъ вырвемъ у ядра,
На волю пустимъ джинна изъ бутылки!

Пусть не поймаешь нейтрино за бороду
И не посадишь въ пробирку, —
Но съ его норовомъ сладимъ мы все равно,
Взявъ его крѣпко за шкирку!

Намъ тайны нераскрытыя раскрыть пора, —
Лежатъ безъ пользы тайны, какъ въ копилкѣ.
Мы тайны эти съ корнемъ вырвемъ у ядра,
На волю пустимъ джинна изъ бутылки!

Жидкія, твердыя, газообразныя —
Просто, понятно, вольготно!
Съ этой же плазмой дойдешь до маразма, — и
Это довольно почетно.

Намъ тайны нераскрытыя раскрыть пора, —
Лежатъ безъ пользы тайны, какъ въ копилкѣ.

Мы тайны эти съ корнемъ вырвемъ у ядра,
На волю пустимъ джинна изъ бутылки!

Молодо — зелено! Древность — въ исторію,
Въ скучныхъ архивахъ пылиться!
Всю абсолютно изучимъ ѳеорію
Элементарныхъ частицъ мы!

Намъ тайны нераскрытыя раскрыть пора, —
Лежатъ безъ пользы тайны, какъ въ копилкѣ.
Мы тайны эти скоро вырвемъ у ядра,
На волю пустимъ джинна изъ бутылки!

1964 г.

Маршъ космическихъ негодяевъ.

Сильно захотѣвъ того, все жъ вы насъ не поймете:
Въ космосѣ страшнѣй, чѣмъ даже въ Дантовскомъ аду.
По пространству-времени мы мчимъ на sвѣздолетѣ,
Сбросивъ притяженія узду!

Отъ Земли до Беты — восемь дёнъ,
Ну а до планеты Vψилонъ —
Не считаемъ мы, чтобъ не сойти съ ума.
Вѣчность и тоска — охъ, влипли какъ!
Наизусть читаемъ Киплинга,
А кругомъ — космическая тьма.

На Землѣ читали въ фантастическихъ романахъ
Про возможность встрѣчи съ иноземнымъ существомъ; —
Но какъ мы забыли о завѣтахъ, Богомъ данныхъ,
Намъ всѣ встрѣчи съ ближнимъ нипочемъ!

Отъ Земли до Беты — восемь дёнъ,
Ну а до планеты Vψилонъ —
Не считаемъ мы, чтобъ не сойти съ ума.
Вѣчность и тоска — не шутки намъ!
Наизусть читаемъ Пушкина,
А кругомъ — космическая тьма.

Намъ прививки сдѣланы отъ слезъ и грезъ дешевыхъ,
Отъ дурныхъ болѣзней и отъ яда разныхъ ѕмѣй.
Не боимся въ космосѣ мы взрывовъ sвѣздъ сверхновыхъ,
На Землѣ бывало веселѣй!

Отъ Земли до Беты — восемь дёнъ,
Ну а до планеты Vψилонъ —
Не считаемъ мы, чтобъ не сойти съ ума.
Вѣчность и тоска — охъ, влипли какъ!
Наизусть читаемъ Киплинга,
А кругомъ — космическая тьма.

Прежняго Земного не увидимъ небосклона,
Если вѣрить розсказнямъ ученыхъ чудаковъ, —

Вѣдь, когда вернемся мы, согласно ихъ законамъ
На Землѣ пройдетъ семьсотъ вѣковъ!

Такъ что есть смѣяться отчего:
Намъ бояться будетъ нечего —
На Землѣ не будетъ тюремъ, ни дворцовъ.
На Бога уповали, бѣднаго,
Но теперь мы знаемъ: нѣтъ Его,
И во вѣки не было вѣковъ!

1966 г.

Товарищи ученые!..

Товарищи ученые, доценты съ кандидатами,
Замучились вы съ иксами, запутались въ нуляхъ.
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забывъ, что разлагается картофель на поляхъ.

Изъ гнили да изъ плѣсени бальзамъ извлечь пытаетесь
И корни извлекаете по десять разъ на дню.
Охъ, вы тамъ добалуетесь, охъ, вы доизвлекаетесь,
Пока сгніетъ отъ плѣсени картофель на корню!

Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
Съ лопатами проявите здѣсь свой патріотизмъ.
А вы же всѣмъ кагаломъ тамъ набросились на опухоль,
Собакъ ножами рѣжете, а это — бандитизмъ.

Товарищи ученые! кончайте поножовщину,
Бросайте ваши опыты, гидритъ и ангидритъ!
Садитесь-ка въ автобусы, ѣзжайте къ намъ въ Тамбовщину,
А гамма-излученіе денекъ повременитъ.

Вамъ день у насъ покажется и каторжнымъ, и адовымъ —
Сырой картофель въ грядкахъ у ученыхъ не въ чести, —
Зато работу сможете вы сдѣлать здѣсь наглядную
И пользу ощутимую народу принести.

Къ намъ можно даже съ семьями, съ друзьями и знакомыми,
Мы славно здѣсь размѣстимся, и скажете потомъ,
Что Богъ, молъ, съ ними, съ генами, Богъ съ ними, съ хромосомами,
Мы славно поработали и славно отдохнемъ!

Накроемъ столъ скатеркою — валяйте, ѣшьте пальцами!
Хоть вы тамъ создаете синтетическій бѣлокъ, —
Но онъ такой невкусный — мы же васъ накормимъ яйцами,
Дадимъ съ собой картофелю — хоть сумку, хоть мѣшокъ.

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоцѣнные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слезъ!

Вѣдь лягутъ въ землю общую остатки наши бренные,
Землѣ — ей все едино: апатиты и навозъ.

Такъ пріѣзжайте, милые, рядами и колоннами.
Хоть вы всѣ есте хѵмики, и нѣтъ на васъ креста,
Но вы жъ вѣдь тамъ задохнетесь за сѵнхрофазотронами,
А здѣсь мѣста отличныя, воздушныя мѣста!

Товарищи ученые, не сомнѣвайтесь, милые:
Коль что у васъ не сладится, ну, тамъ, не тотъ эффектъ, —
Мы мигомъ къ вамъ заявимся съ лопатами и съ вилами,
Денечекъ покумекаемъ — и выправимъ дефектъ.

1972 г.

Лекція о состояніи современной науки.

Не отдавайте въ фѵзики дѣтей,
Изъ нихъ уже не выростутъ Эйнштейны.
Сейчасъ сплошные кризисы идей:
Ученые на рѣдкость безъидейны.

У маѳематиковъ есть, правда, сдвигъ,
Но онъ у васъ не вызоветъ улыбокъ.
Вѣдь этотъ сдвигъ — въ изслѣдованьи игръ,
Былъ передъ нимъ — по линіи ошибокъ.

Маѳематики все головы ломаютъ,
какъ бы счесть грѣхи,
Кѵбернетики машины заставляютъ
сочинять стихи,
А біологи искуственный мечтаютъ
выростить бѣлокъ,
А филологи все время выясняютъ,
кто такой былъ Блокъ...

Считалъ неоспоримымъ Пѵѳагоръ,
Что здравой быть обязана идея,
А нынѣ почитаемый Нильсъ Боръ
Сказалъ, что чѣмъ безумнѣй, тѣмъ вѣрнѣе.

Нѣтъ, Боръ, ты отъ отвѣта не уйдешь!
Зачѣмъ ученымъ было называться?
Сбивается съ дороги молодежь
Подъ дѣйствіемъ такихъ ассоціацій!

Маѳематики все головы ломаютъ,
какъ бы счесть грѣхи,
Кѵбернетики машины заставляютъ
сочинять стихи,
А біологи искуственный мечтаютъ
выростить бѣлокъ,
А филологи все время выясняютъ,
кто такой былъ Блокъ...

A Lecture on the State of Modern Science.

Don't send your little ones to the physics college,
New Newtons won't appear any more.
There's happed a slump in all the fields of knowledge:
The scientists haven't ideas at all.

The mathematicians have progress, frankly saying,
But it's unable to give rise to your smile.
This progress bears to the tests of games, and
They've made some progress in the errors line.

The mathematicians think only of computing
aberrations and wrongs,
The cyberneticists force the computers
to compose verse,
While the biologists attempt to grow
the test-tube protein,
And the philologists assay to know
what Blok's parables mean...

Pythagoras was sure that any problem
Could be with logic theory made plain,
While so respected presently Niels Bohr said
That a true theory should be insane.

Thou, Bohr, one day shall answer for thy business!
Why hast thou called a scientist thyself?
So many youngsters lose the road listening
To those who's made leaders of themselves!

The mathematicians think only of computing
aberrations and wrongs,
The cyberneticists force the computers
to compose verse,
While the biologists attempt to grow
the test-tube protein,
And the philologists assay to know
what Blok's parables mean...

Мы всѣ въ себѣ наслѣдственность несемъ,
И намъ обидно — до какихъ же поръ-то
Тьмы темъ безцѣнныхъ нашихъ хромосомъ
Безъ пользы будутъ погибать въ ретортахъ?

Біологовъ въ печаль повергнулъ рокъ,
Ихъ Итальянцы сильно обскакали:
У нихъ еще не вырощенъ бѣлокъ,
А тѣ уже плодъ пѣстуютъ въ стаканѣ.

Маѳематики все головы ломаютъ,
какъ бы счесть грѣхи,
Кѵбернетики машины заставляютъ
сочинять стихи,
А біологи искуственный мечтаютъ
вырастить бѣлокъ,
А ф҃илологи все время выясняютъ,
кто такой былъ Блокъ...

1967 г.

Heredity's been owned by us since childhood,
And we feel hurt, that our chromosomes,
These precious, wondrous creatures, with no count,
Decease, to no good purpose, in retorts.

At present the biologists are mournful,
They're outgalloped by the German ones:
While they can't grow the protein till now,
Their rivals nurse the fetus in a glass.

The mathematicians think only of computing
aberrations and wrongs,
The cyberneticists force the computers
to compose verse,
While the biologists attempt to grow
the test-tube protein,
And the philologists assay to know
what Blok's parables mean...

1967.

Рѣшилъ я — и, значитъ, кому-то быть битымъ.

As there's a decision, some ones will be battered.

ПѢСНЯ ОБЪ АНТИСЕМИТАХЪ.

A SONG ABOUT THE ANTI-SEMITES.

Онъ былъ хирургомъ...

Онъ былъ хирургомъ, даже нейро,
Хоть онъ *ученія* не зналъ,
На съѣздѣ въ Ріо-де-Жанейро
Онъ какъ луна межъ звѣздъ сіялъ.

Тѣхъ, кому уже жить не свѣтило,
Исцѣлялъ онъ рукою своей.
Жаль, что родъ свой вело то свѣтило
Отъ не принятыхъ міромъ людей.

Онъ вдохновлялъ всѣхъ такъ бороться
Чтобъ за прорывомъ шелъ скачекъ,
Онъ одному первопроходцу
Поставилъ новый мозжечекъ.

Тѣхъ, кому уже жить не свѣтило,
Исцѣлялъ онъ рукою своей.
Жаль, что родъ свой вело то свѣтило
Отъ не принятыхъ міромъ людей.

1967 г.

That neurosurgeon was fantastic...

That neurosurgeon was fantastic,
He operated like a dream!
Excuse me being too sarcastic—
The rest were runts, compared to him!

> Lots of people he saved from a dirge and
> Let them live, being normal, anew.
> But that marvellous, miracle surgeon,
> I'm embarrassed to say, was a Jew!

He pushed ahead the neuroscience,
And treating patients spared no pains;
In all the medical alliance
No one but he could transplant brains.

> Lots of people he saved from a dirge and
> Let them live, being normal, anew.
> But that marvellous, miracle surgeon,
> I'm embarrassed to say, was a Jew!

1967.

Нашъ киль скользитъ по Дону ли, по Шпреѣ...

Нашъ киль скользитъ по Дону ли, по Шпреѣ,
По Темзѣ ли, по Сенѣ рѣжетъ киль...
Куда, куда вы, милые Евреи,
Неужто къ Іордану въ «Исраиль»?

Презрѣвъ укладъ привычный
и вѣрный вашъ кусокъ,
И — о! — комиссіонныхъ вашихъ кралей,
Стремитесь въ дрязгъ пучину,
въ мизерный уголокъ,
Въ раздутый до величія «Исраиль»!

Мѣняете вы Русскіе просторы,
Лихую безнадежность нашихъ миль,
Поддавшись Голды Меиръ уговорамъ,
На этотъ нееврейскій «Исраиль»?!

1972 г.

Пѣсня объ антисемитахъ.

Чѣмъ воромъ считаться,
а то и бандитомъ,
Не лучше ль податься
мнѣ въ антисемиты?
На ихъ сторонѣ,
хоть и нѣту законовъ,—
Поддержка и эн-
тузіазмъ милліоновъ.
На ихъ сторонѣ,
хоть и нѣту законовъ,—
Поддержка и эн-
тузіазмъ милліоновъ.

Рѣшилъ я—и, значитъ,
кому-то быть битымъ,
Но надо жъ узнать, кто
такіе Семиты.
Вѣдь если Семиты—
приличные люди,
Тогда изъ-за нихъ мнѣ
чего-нибудь будетъ!
Вѣдь если Семиты—
приличные люди,
Тогда изъ-за нихъ мнѣ
чего-нибудь будетъ!

Но корешъ мой махомъ
разсѣялъ сомнѣнья:
Семиты, сказалъ онъ,
всего лишь Евреи.
Да это жъ такое
везеніе, братцы,—
Теперь я спокоенъ,
чего мнѣ бояться!
Да это жъ такое
везеніе, братцы,—
Теперь я спокоенъ,
чего мнѣ бояться!

A Song about the Anti-Semites.

To go on the highway,
no strong reason see I,
Therefore I've decided
to join anti-Semites.
Though under the law,
they're inveterate villains,
They've gotten the support
of fanatical millions.
Though under the law,
they're inveterate villains,
They've gotten the support
of fanatical millions.

As there's a decision,
some ones will be battered.
But who're those Semites?
I must know the matter.
They're, perhaps, individuals
quite decent and fair,
To strike at such people,
of course, I won't dare.
They're, perhaps, individuals
quite decent and fair,
To strike at such people,
of course, I won't dare.

But my crony quickly
dispelled my suspicions:
He said those people
are merely Hebrews.
I'm happy, my bros,
it's so rare and dear,
I worry no more,
since there's nothing to fear!
I'm happy, my bros,
it's so rare and dear,
I worry no more,
since there's nothing to fear!

Я долго крѣпился,
вѣдь благоговѣйно
Всегда относился
къ Альберту Эйнштейну.
Народъ мнѣ проститъ,
но спрошу я невольно:
Куда отнести
мнѣ Абрама Линкольна?
Народъ мнѣ проститъ,
но спрошу я невольно:
Куда отнести
мнѣ Абрама Линкольна?

Средь нихъ пострадавшій
отъ Сталина Каплеръ,
И столь уважае-
мый мной Чарли Чаплинъ,
Барухъ де Спиноза,
и жертвы фашизма,
И даже осново-
положникъ Марксизма.
Барухъ де Спиноза,
и жертвы фашизма,
И даже осново-
положникъ Марксизма.

Однако мнѣ корешъ
сказалъ послѣ дѣльца,
Что пьютъ они кровь Хрис-
тіанскихъ младенцевъ;
И какъ-то въ пивной
мнѣ ребята сказали,
Что очень давно
они Бога распяли!
И какъ-то въ пивной
мнѣ ребята сказали,
Что очень давно
они Бога распяли!

Initially, I held back
my heart aspiration
Through Albert Einstein, who
belonged to this nation.
You'll, maybe, forgive me,
but I have to ask you
Of Abraham Lincoln:
should he be unmasked too?
You'll, maybe, forgive me,
but I have to ask you
Of Abraham Lincoln:
should he be unmasked too?

There's 'mongst them, respecting
the fair sex Kapler,
And also my favor-
ite clown Charlie Chaplin,
Baruch de Spinoza,
and sufferers from Nazism,
And even the orig-
inator of Marxism.
Baruch de Spinoza,
and sufferers from Nazism,
And even the orig-
inator of Marxism.

But my crony, after
a fortunate business,
Said they suck the blood of
the Christian infants;
And once in a pub,
my companions informed me,
That in the old time,
by the Hebrews was God killed!
And once in a pub,
my companions informed me,
That in the old time,
by the Hebrews was God killed!

Имъ кровушки надо —
они по запаркѣ
Замучили, гады,
слона въ зоопаркѣ!
Украли, я знаю,
они у народа
Весь хлѣбъ урожая
минувшаго года.
Украли, я знаю,
они у народа
Весь хлѣбъ урожая
минувшаго года.

По Курской, Казанской
желѣзнымъ дорогамъ
Жируютъ на дачахъ,
подобныхъ чертогамъ...
На все я готовъ —
на разбой и насилье,
И бью я жидовъ,
и спасаю Россію!
На все я готовъ —
на разбой и насилье,
И бью я жидовъ,
и спасаю Россію!

1964 г.

They always need blood,
all of them are vampires,
Last month in the park,
they did in several bisons!
And I know these dogs' sons
steal bread from the nation,
In order to cause dis-
array and starvation.
And I know these dogs' sons
steal bread from the nation,
In order to cause dis-
array and starvation.

They grab what they want to,
and win all the tosses,
They've built grand abodes
and live there like bosses...
I'm ready for pound-
ing, robbing and squashing,
And I kick these kikes, and
save my dear Rossia!
I'm ready for pound-
ing, robbing and squashing,
And I kick these kikes, and
save my dear Rossia!

1964.

Мишка Шифманъ.

Мишка Шифманъ башковитъ,
У него — предвидѣнье.
«Что́ мы видимъ,» говоритъ,
«Кромѣ телевидѣнья?
«Смотримъ конкурсъ въ Сопотѣ
«И глотаемъ пыль,
«А кого ни попадя
«Пускаютъ въ Исраиль.»

Мишка также сообщилъ
По дорогѣ въ Мневники:
«Голду Меиръ я словилъ
«Въ радіопріемникѣ.»
И такое разсказалъ,
До того красиво! —
Я чуть было не попалъ
Въ лапы Тель-Авива.

Я сперва-то былъ не пьянъ,
Возразилъ два раза я.
Говорю: «Моше Даянъ —
«Стерва одноглазая.
«Агрессивный, бестія,
«Чистый фараонъ!
«Ну, а гдѣ агрессія,
«Быть мнѣ — не резонъ.»

Мишка тутъ же впалъ въ экстазъ
Послѣ водки выпитой,
Говоритъ: «Они же насъ
«Выгнали съ Егѵпета!
«Оскорбленія простить
«Не могу такого —
«Я позоръ желаю смыть
«Съ Рождества Христова!»

Мишка взялъ меня за грудь:
«Мнѣ нужна компанія!

«Мы жъ съ тобой не какъ-нибудь —
«Здравствуй, до свиданія.
«Побредемъ, паломники,
«Чувства придавивъ...
«Что́ намъ эти Мневники?
«Ѣдемъ въ Тель-Авивъ!»

Я сказалъ: «Я вотъ онъ весь!
«Ты же спасъ меня въ порту!
«Но одна загвоздка есть:
«Я вѣдь Россъ по паспорту.
«Россы только лишь въ роднѣ,
«Прадѣдъ мой — Самаринъ.
«Если кто и влѣзъ ко мнѣ,
«Такъ и тотъ — Татаринъ.»

Мишку Шифмана не трожь,
Съ Мишкой — прочь сомнѣнія!
У него — Евреи сплошь
Въ каждомъ поколѣніи.
Дѣдъ, параличемъ разбитъ, —
Бывшій врачъ-вредитель...
А у меня — антисемитъ
На антисемитѣ.

Мишка мой кричитъ: «Къ чертямъ!
«Не могу безъ манны я!
«Ѣдемъ, Коля, море тамъ
«Исраилеванное!..»
Видя Мишкину тоску —
А онъ въ тоскѣ опасный, —
Я еще хлебнулъ кваску
И сказалъ: «Согласный.»

...Хвостъ огромный въ кабинетъ
Изъ людей, пожалуй, ста.
Мишкѣ тамъ сказали «нѣтъ»,
Ну, а мнѣ — «пожалуйста».
Онъ кричалъ: «Ошибка тутъ!
«Это я — Еврей!»

А ему: «Не шибко тутъ,
«Выйди изъ дверей...»

Мишку мучаетъ вопросъ:
Кто здѣсь врагъ таинственный?
А отвѣтъ ужасно простъ,
И отвѣтъ единственный.
Я въ порядкѣ, тьфу-тьфу-тьфу,—
Мишка пьетъ проклятую,—
Говоритъ, что за графу
Не пустили пятую...

1972 г.

Кто-то высмотрѣлъ плодъ, что неспѣлъ...

Someone spotted a fruit that was green...

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТЪ.

THE INTERRUPTED FLIGHT.

Я бодрствую, но вѣщій сонъ мнѣ снится...

Я бодрствую, но вѣщій сонъ мнѣ снится.
Пилюли пью — надѣюсь, что усну.
Не привыкать глотать мнѣ горькую слюну —
Организациіи, инстанціи и лица
Мнѣ объявили явную войну
За то, что я нарушилъ тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтобъ доказать — я въ колесѣ не спица,
За то, что мнѣ неймется и не спится,
За то, что крутитъ въ передачахъ заграница
То, что я пѣлъ когда-то въ старину,
Считая своимъ долгомъ извиниться:
«Мы сами, безъ согласья...» — Ну и ну!
За что еще? быть можетъ, за жену —
Что, молъ, не могъ на нашей подданной жениться,
Что, молъ, упрямо лѣзу въ капстрану
И очень не хочу итти ко дну,
Что пѣсню написалъ, и не одну,
Про то, какъ мы когда-то били Фрица,
Про рядового, что на дзотъ валится,
А самъ — ни сномъ ни духомъ про войну.
Кричатъ, что я у нихъ укралъ луну
И что-нибудь еще украсть не премину.
И небылицу догоняетъ небылица.
Не спится мнѣ... Ну, какъ же мнѣ не спиться?!
Нѣтъ! не сопьюсь! я руку протяну
И завѣщаніе крестомъ перечеркну,
И самъ я не забуду осѣниться,
И пѣсню напишу, и не одну,
И въ пѣснѣ я кого-то прокляну,
Но въ поясъ не забуду поклониться
Всѣмъ тѣмъ, кто написалъ, чтобъ я не смѣлъ ложиться!
Пусть чаша горькая — я ихъ не обману.

1973 г.

Though I'm awake, I dream prophetic verses...

Though I'm awake, I dream prophetic verses.
I want to sleep and swallow pills galore.
They're bitter, but no more than taken before:
Organizations, institutions, persons—
They've all declared on me a total war
For my disturbing peace and quiet, and
For my hoarse singing filling this whole land;
For their unskilfulness to keep me down,
For my not plain repute and wide renown;
For my old prison songs that have come flitting
On certain shortwave stations of abroad,
With notices attached—I think, quite fitting—
"Unauthorized by the author..." Oh, my God!
What else? It may well be my foreign wife—
'Mongst our maids, I had to seek after a bride.
How did I dare to walk an alien way of life?
And, after all, why do I'm still alive?
They hate me for my songs about the years
When we with might and main subdued the Fritzes,
For songs about fierce battles, dogfights and blitzes,
One never fought, nor been anywhere near.
They cry out that I've pinched the moon, and will
Find something else again, as valuable, to steal.
So dirty lies keep chasing one another.
With all these blots, I'll soon be blotto, brothers!
But no, I won't seek consolation in wine—I will
Tear up or just cross off my testament and will,
And cross myself—my God, protect me from their evil!—
And go on writing songs, with all my heart and skill—
And in these songs, of course, there will be those
Whom I'll condemn, and those to whom I'll homage show.
Thank all you, who've impelled me not to come to terms,
I swear to do my best to justify your hopes!

1973.

Мнѣ судьба — до послѣдней черты, до креста...

Мнѣ судьба — до послѣдней черты, до креста
Спорить до хрипоты, — а за ней — нѣмота, —
Убѣждать и доказывать съ пѣной у рта,
Что не то это вовсе, не тотъ и не та,
Что лабазники врутъ про ошибки Христа,
Что пока еще въ грунтъ не влежалась плита!
Враждовали князья — жизнь была еще та:
Маята безконечная и нищета.
Но сбиралъ уже земли Иванъ Калита,
И крѣпчала съ годами залѣсовъ Орда.
Sло Петровыхъ дѣяній и бунтовъ тщета,
Съ Пугачевымъ война, и опять — нищета.
Пусть не вразъ, пусть сперва не дойдетъ ни черта,
Повторю даже въ образѣ sлого шута,
Что рѣшенія нѣтъ, если тема не та,
Суета всѣхъ суетъ — все равно суета.

Только чашу испить — не успѣть на бѣгу,
Даже просто разлить я ее не смогу,
Или выплеснуть въ наглую рожу врагу —
Не ломаюсь, не лгу — все равно не могу!
На вертящемся гладкомъ и скользкомъ кругу
Равновѣсье держу, изгибаюсь въ дугу!
Что же съ чашею дѣлать? Разбить — не могу!
Потерплю — и достойнаго подстерегу,
Передамъ — и не буду держаться въ кругу:
Въ непроглядную тьму, въ безпросвѣтную згу,
Другу передовѣривши чашу, сбѣгу!
Смогъ ли онъ ее выпить — узнать не смогу.
Я съ сошедшими съ круга пасусь на лугу,
Я о чашѣ невыпитой здѣсь — ни гу-гу,
Никому не скажу, при себѣ сберегу,
А узнаютъ — затопчутъ меня на лугу.

Что есть мочи я, братцы, за васъ хлопочу!
Можетъ, кто-то однажды поставитъ свѣчу
Мнѣ за голый мой нервъ, на которомъ кричу,
И веселый манеръ, на которомъ шучу.

It's my fate — to the finishing line, to the cross...

It's my fate — to the finishing line, to the cross,
To continue debating and shout myself hoarse,
To asseverate and prove till I froth at the mouth,
That all things there are wrong — silly words, crooked paths,
That the shopkeepers slander about Christ's mistakes,
That the wailing still echoes at numerous wakes!
Princes quarreled with each other for many long years,
And in poorness and suffering folks were to exist.
But Ivan Kalita started founding a state,
And the Horde of Zaleses collected it's strength.
Then there were Peter's evil deeds and riots in vain,
Yemelyan Pugachev's war, and poorness again.
Let ye can't understand what I tell you at once,
I'll reiterate even if I have to play an evil clown,
That ye'll find no solution till the subject is changed,
That the vanities of all the epochs are same.

But I verily can't drain the cup on the run,
Even if I spill a part, it can't either be done,
And I can't throw the cup in an enemy's face —
I'm not lying or bragging, I simply confess!
On the slippery disk, swiftly turning, I reel,
And for keeping my balance, I writhe like an eel!
Should I smash into pieces the cup? But I can't!
For a worthier man I'll unweariedly hunt:
I'll hand over the cup and go out from the disk,
I'll be free from solicitude when I'm released!
I'll hide out in the darkness, the fog and the snow,
Maybe he'll drain the cup, only I'll never know.
Now I graze in the meadow amongst my old chums,
I hint not at the cup left undrained — I keep mum,
Nor I murmur about 'stead of saving my breath,
If I don't, it may happen that they'll trample me to death.

I, in every way possible, trouble over you, pals!
Maybe, some of you later will light for me candles —
For the naked nerves' sting as I descant and choke,
And the jovial way as I wisecrack and joke.

Даже если предложатъ златую парчу
Или выбрать дадутъ то, что я захочу —
На ослабленномъ нервѣ я не зазвучу,
Я его подтяну, подновлю, подвинчу!
Лучше все, что собралъ, я дотла прокучу,
Все, что въ мукахъ кропалъ, — разорву, растопчу,
Лучше голову пѣснѣ своей откручу,
Но не буду скользить словно пыль по лучу!
Если все-таки чашу испить мнѣ судьба,
Если пѣсня моя не чрезмѣрно груба,
Если я докажу, даже съ пѣной у рта, —
Я умру и скажу, что не все — суета!

1978 г.

If it happens that I'm threatened with all kinds of woe,
If it happens that I'm promised rewards, I'll say no!
I shan't give any sound if my nerves turn out loose,
If it's so, I'll at once tighten the requisite screws!
And I'll rather carouse, romp, raise all hell and fight,
And I'll rather tear up all what I scrawled at nights,
And I rather shan't descant till I pass away,
Than I act like the dust sliding on the sunray!
If it turn out that I drain the cup after all,
If it turn out that right are my sometimes harsh songs,
If I prove — even with froth at the mouth, I shall say,
"All isn't vanity!" — after my passing away.

1978.

И снизу ледъ, и сверху — маюсь между...

И снизу ледъ, и сверху — маюсь между.
Такъ что же проломить мнѣ — верхъ иль низъ?
Конечно, верхъ, и не терять надежду,
А тамъ — за дѣло, въ ожиданьи визъ.

Ледъ надо мною, надломись и тресни!
Я весь въ поту, какъ пахарь отъ сохи.
Вернусь къ тебѣ, какъ корабли изъ пѣсни,
Все помня, даже старые стихи.

Мнѣ меньше полувѣка — сорокъ съ лишнимъ,
Двѣнадцать лѣтъ тобою я хранимъ.
Мнѣ есть что спѣть предъ Господомъ Всевышнимъ,
Мнѣ есть чѣмъ обѣлить себя предъ Нимъ.

1980 г.

There's only ice above me and below...

There's only ice above me and below.
What will I break — the bottom or the top?
Forget thy fears, I'll go up with the hope
On our meeting, and my further job.

Ice of the top, get a breakdown and crack!
I sweat for like a tiller in the season.
To thee, my love, I'll certainly be back,
Just as I wrote of in that old sea song.

My age is young — I've crossed my forties slightly.
Thank the Lord God and thee that I'm alive.
I've gotten what to sing to the Almighty,
I've gotten what will justify my life.

1980.

Упрямо я стремлюсь ко дну...

Упрямо я стремлюсь ко дну,
Дыханье рвется, давитъ уши.
Зачѣмъ иду на глубину —
Чѣмъ было плохо мнѣ на сушѣ?

Тамъ, на землѣ — и столъ, и домъ,
Тамъ я и пѣлъ, и надрывался.
Я плавалъ все же — хоть съ трудомъ,
Но на поверхности держался.

Линяютъ страсти подъ луной
Въ обыденной воздушной жижѣ,
А я вплываю въ міръ иной,
Тѣмъ невозвратнѣе, чѣмъ ниже.

Дышу я непривычно ртомъ,
Попавъ въ таинственную среду.
Я опускаюсь напроломъ,
И быстро — въ пику Архимеду.

Я потерялъ оріентиръ,
Но вспомнилъ сказки, сны и мѵѳы:
Я открываю новый міръ,
Пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
Въ нихъ многорыбно, но не шумно:
Нѣма подводная среда,
И многоцвѣтна, и разумна.

Гдѣ ты, чудовищная мгла,
Которой матери стращаютъ?
Свѣтло, хотя ни факела,
Ни солнце мглу не освѣщаютъ.

Все геніальное и не-
Допонятое — всплескъ и шалость —

Спаслось и скрылось въ глубинѣ,—
Все, что гналось и запрещалось.

Дай Богъ, я все же дотону—
Не дамъ имъ долго залежаться!—
И я вгребаюсь въ глубину,
И все труднѣе погружаться.

Подъ черепомъ—могильный звонъ,
Давленье мнѣ хребетъ ломаетъ,
Вода выталкиваетъ вонъ,
И глубина не принимаетъ.

Я снялъ съ острогой карабинъ,
Но камень взялъ—не обезсудьте,—
Чтобы добраться до глубинъ,
До тѣхъ пластовъ, до самой сути.

Я бросилъ ножъ—не нуженъ онъ:
Тамъ нѣтъ враговъ, тамъ всѣ мы—люди.
Тамъ каждый, кто вооруженъ,—
Нелѣпъ и глупъ, какъ вошь на блюдѣ.

Сравнюсь съ тобой, подводный грибъ,
Забудемъ и чины, и ранги.
Мы снова превратились въ рыбъ,
И наши жабры—аквалангi.

Нептунъ, ныряльщикъ съ бородой,
Отвѣть и облегчи мнѣ душу:
Зачѣмъ простились мы съ водой,
Къ чѣму стремились мы на сушѣ?

Сомнѣнья въ выбранномъ пути
Меня съ младыхъ ногтей сверлили:
Зачѣмъ мы сдѣлались людьми,
И для чего заговорили?

Зачѣмъ, живя на четырехъ,
Мы встали, распрямивши спины?

Затѣмъ — и это видитъ Богъ —
Чтобъ взять каменья и дубины!

Мы умудрились много знать,
Повсюду мѣстъ надѣлать лобныхъ,
И предавать, и распинать,
И брать на крюкъ себѣ подобныхъ.

И я намѣренно тону,
Зову: «Спасите наши души!»
Пусть даже я не дотяну, —
Друзья мои, бѣгите съ суши!

Назадъ — не къ горю и бѣдѣ,
Назадъ и въ глубь — но не ко гробу,
Назадъ къ прибѣжищу, къ водѣ,
Назадъ — въ извѣчную утробу!

Похлопалъ по плечу трепангъ,
Признавъ во мнѣ свою породу, —
И я выплевываю шлангъ
И въ легкія впускаю воду.

Сомкните стройные ряды,
Покрѣпче закупорьте уши:
Ушелъ одинъ — въ томъ нѣтъ бѣды, —
Но я приду по ваши души!

1977 г.

ИСТОРІЯ БОЛѢЗНИ.

I. Ошибка вышла.

Я былъ и слабъ, и уязвимъ,
Дрожалъ всѣмъ существомъ своимъ,
Кровоточилъ своимъ больнымъ,
Истерзаннымъ нутромъ.
И, словно въ пошломъ попурри,
Огромный лобъ возникъ въ двери
И озарился изнутри
Здоровымъ недобромъ.

Но властно дернулась рука:
«Лежать лицомъ къ стѣнѣ!» —
И вотъ мнѣ стали мять бока
На липкомъ топчанѣ.

А самый главный сѣлъ за столъ,
Вздохнулъ осатанѣло
И что-то на меня завелъ
Похожее на «дѣло».

Вотъ въ пальцахъ цѣпкихъ и худыхъ
Смѣшно задергался кадыкъ,
Нажали въ пахъ, потомъ — подъ дыхъ,
На печень-бѣдолагу.
Когда давили подъ ребро —
Какъ екало мое нутро!
И кровью харкало перо
Въ невинную бумагу.

Въ полубреду, въ полупылу
Раздѣлся донага.
Въ углу готовила иглу
Не старая карга.

И отъ корней волосъ до пятъ
По тѣлу ужасъ плелся:

А вдругъ уколомъ усыпятъ,
Чтобъ сонный раскололся?

Онъ, потрудясь надъ животомъ,
Сдавилъ мнѣ черепъ, а потомъ
Предплечье мнѣ стянулъ жгутомъ
И крови токъ прервалъ.
Я было взвизгнулъ, но замолкъ —
Сухія губы на замокъ.
А онъ кряхтѣлъ, кривился, мокъ,
Писалъ и ликовалъ.

Онъ въ ражъ вошелъ — знакомый ражъ,
Но я какъ заору:
«Чего строчишь? А ну покажь
«Секретную муру!»

Подручный, бывшій ѱvхопатъ,
Вязалъ мои запястья —
Тускнѣли, выложившись въ рядъ,
Орудія пристрастья.

Я тертъ и битъ, и нравомъ крутъ:
Могу — вразносъ, могу — враскрутъ,
Но тутъ смирятъ, но тутъ уймутъ —
Я никну и скучаю.
Лежу я голый какъ соколъ,
А главный — шмыгъ да шмыгъ за столъ,
Все что-то пишетъ въ протоколъ,
Хоть я не отвѣчаю.

Нѣтъ, надо силы поберечь,
Ослабъ я и усталъ,
Вѣдь скоро пятки станутъ жечь,
Чтобъ я захохоталъ.

Держусь на нервѣ, начеку,
Но чувствую отвратно.
Мнѣ въ горло всунули кишку —
Я выплюнулъ обратно.

Я взятъ въ тиски, я въ клещи взятъ,
По мнѣ елозятъ, егозятъ —
Все вызнать, вывѣдать хотятъ,
Все пробуютъ на ощупь.
Тутъ не пройдутъ и пять минутъ,
Какъ душу вынутъ, изомнутъ,
Всю испоганятъ, изотрутъ,
Ужмутъ и прополощутъ.

«Дыши, дыши поглубже ртомъ!
«Да выдохни — умрешь!»
«У васъ тутъ выдохни — потомъ
«Наврядъ ли и вздохнешь!»

Во весь свой пересохшій ротъ
Я скалюсь: «Ну, порядки!
«У васъ, ребятки, не пройдетъ
«Играть со мною въ прятки!»

Убрали свѣтъ и дали газъ,
Доска какая-то зажглась,
И гноемъ брызнуло изъ глазъ,
И булькнула трахея.
Онъ стервенѣлъ, входилъ въ экстазъ,
Приволокли зачѣмъ-то тазъ...
Я видѣлъ это какъ-то разъ —
Фильмъ въ качествѣ трофея.

Ко мнѣ заходятъ со спины
И дѣлаютъ уколъ.
«Колите, сукины сыны,
«Но дайте протоколъ!»

Я даже на колѣни всталъ,
Я къ тазу лбомъ прижался;
Я требовалъ и угрожалъ,
Молилъ и унижался.

Но туже затянули жгутъ,
Вонъ вижу я — спиртовку жгутъ,

Всѣ рыжую чертовку ждутъ
Съ волосянымъ кнутомъ.
Гдѣ-гдѣ, а тутъ свое возьмутъ,
А я гадаю, старый шутъ:
Когда же раскаленный прутъ —
Сейчасъ или потомъ?

Шабашъ калился и лысѣлъ,
Потъ лился горячо.
Раздался звонъ, и воронъ селъ
На бѣлое плечо.

И воронъ крикнулъ: «Nevermore!» —
Проворенъ онъ и прытокъ, —
Напоминаетъ: прямо въ моргъ
Выходитъ залъ для пытокъ.

Я слабо поднимаю хвостъ,
Хотя для нихъ я глупъ и простъ:
«Эй! за пристрастный вашъ допросъ
«Придется отвѣчать!
«Вы, какъ васъ тамъ по именамъ, —
«Вернулись къ старымъ временамъ!
«Но протоколъ допроса намъ
«Обязаны давать!»

И я черезъ плечо кошу
На писанину ту:
«Я это вамъ не подпишу,
«Покуда не прочту!»

Но чья-то желтая спина
Отвѣтила безстрастно:
«А ваша подпись не нужна —
«Намъ безъ нея все ясно.»

«Сестренка, милая, не трусь! —
«Я не смолчу, я не утрусь,
«Отъ протокола отопрусь
«При встрѣчѣ съ адвокатомъ.

«Я ничего имъ не сказалъ,
«Ни на кого не показалъ,—
«Скажи всѣмъ тѣмъ, кого я зналъ:
«Я имъ остался братомъ!»

Онъ молвилъ, подведя черту:
Читай, молъ, и остынь.
Я впился въ писанину ту,
А тамъ—одна латынь.

Въ глазахъ—круги, въ мозгу—нули,
Проклятый страхъ, исчезни!
Они же просто завели
Исторію болѣзни.

II. Никакой ошибки.

На стѣнѣ висѣли въ рамкахъ бородатые мужчины—
Всѣ въ очечкахъ на цѣпочкахъ, по-ученому—въ пенсне,—
Всѣ они открыли что-то, всѣ придумали вакцины,
Такъ что я пока не умеръ только лишь по ихъ винѣ.

Докторъ молвилъ: «Вы больны,»
И меня заколотило,
Но сердечное свѣтило
Улыбнулось со стѣны.

Здѣсь не камера—палата,
Здѣсь не нары, а скамья,
Не подслѣдственный, ребята,
А изслѣдуемый я.

И хотя я весь въ недугахъ, мнѣ не страшно почему-то.
Подмахну давай, не глядя, медицинскій протоколъ!
Мнѣ пріятенъ Склифосовскій, основатель института,
Мнѣ знакомъ товарищъ Боткинъ—онъ желтуху изобрѣлъ.

Въ положеніи моемъ
Лишь чудакъ права качаетъ:

Докторъ, если осерчаетъ,
Въ мигъ упрячетъ въ желтый домъ.

Все зависитъ въ домѣ ономъ
Отъ тебя лишь самого:
Хочешь — можешь стать Буденнымъ,
Хочешь — лошадью его!

Умъ за разумъ не заходитъ у меня, повѣрьте слову.
Вопрошаю осторожно (не нарваться бъ на скандалъ!):
«Если бъ Кащенко, положимъ, легъ лѣчиться къ Пирогову —
«Пироговъ бы безъ причины рѣзать Кащенку не сталъ?..»

Докторъ мой не лыкомъ шитъ —
Онъ хитеръ и остороженъ.
«Да, вы правы, но возможенъ
«Ходъ обратный,» говоритъ.

«Вотъ палата на пять коекъ,
«Вотъ профессоръ входитъ въ дверь —
«Тычетъ пальцемъ: „Параноикъ,“ —
«И пойди его провѣрь!»

Хорошо, что васъ, свѣтила, всѣхъ повѣсили на стѣнку —
Я за вами, дорогія, какъ за каменной стѣной:
На Вишневскаго надѣюсь, уповаю на Бурденку —
Подтвердятъ, что не душевно, а духовно я больной.

Родъ мой крѣпкій, весь въ меня,
Правда, прадѣдъ былъ незрячій;
Шуринъ мой — бѣлогорячій,
Но вѣдь шуринъ — не родня!

«Докторъ, мы здѣсь съ глазу на глазъ —
«Отвѣчай же мнѣ, будь скоръ:
«Или будетъ мнѣ діагнозъ,
«Или будетъ приговоръ?»

Докторъ мой, и санитары, и свѣтила — всѣ смутились,
Заоконное свѣтило закатилось за спиной,

И очечки на цѣпочкѣ какъ бы влагою покрылись,
У отца желтухи щечки вдругъ покрылись бѣлизной.

И нависло остріе,
И поежилась бумага...
Докторъ дѣйствовалъ во благо —
Жаль, во благо не мое.

Но не листъ — перо стальное
Грудь пронзило, какъ стилетъ:
Мой діагнозъ — паранойя,
Это значитъ — пара лѣтъ!

III. Исторія болѣзни.

Вдругъ словно канули во мракъ
Портреты и врачи,
Жаръ отъ меня струился, какъ
Отъ доменной печи.

Я слую ловкость ощутилъ,
Пошелъ, какъ на таранъ, —
И фельдшеръ еле защитилъ
Рентгеновскій экранъ.

И — горломъ кровь, и не уймешь —
Залью хоть всю Россію,
И крикъ: «На столъ его, подъ ножъ!
«Наркозъ! Анестезію!»

Мнѣ обложили шею льдомъ,
Спѣшатъ, рубаху рвутъ.
Я ухмыляюсь краснымъ ртомъ,
Какъ на манежѣ шутъ.

Я самъ себѣ кричу: «Трави!»
И напрягаю грудь.
«Въ твоей запекшейся крови
«Увязнетъ кто-нибудь.»

Я бъ могъ, когда бъ не глазъ да глазъ,
Всю землю окровавить—
Жаль, что успѣли мѣдный тазъ
Мнѣ вовремя подставить!

Уже я свой не слышу крикъ,
Не узнаю сестру.
Вотъ сладкій газъ въ меня проникъ,
Какъ водка поутру.

Цвѣтастый саванъ скрылъ и залъ,
И лица докторовъ,
Но я имъ все же доказалъ,
Что умственно здоровъ!

Слабѣю, дергаюсь и вновь
Травлю,—но иглы вводятъ
И льютъ искуственную кровь—
Та горломъ не выходитъ.

«Хирургъ, пока не взялъ наркозъ,
«Ты голову нагни.
«Я важныхъ словъ не произнесъ,
«Послушай, вотъ они.

«Взрѣзайте съ Богомъ, помолясь,
«Тѣмъ болѣе бойчѣй,
«Что эти строки не про васъ,
«А про другихъ врачей.

«Я легъ на сгибѣ бытія,
«На полдорогѣ къ безднѣ,
«И вся исторія моя—
«Исторія болѣзни.

«Я былъ здоровъ, здоровъ, какъ быкъ,
«Какъ цѣлыхъ два быка.
«Любому встрѣчному въ часъ пикъ
«Я могъ намять бока.

«Идешь, бывало, и поешь,
«Общаешься съ людьми,
«И вдругъ на столъ тебя, подъ ножъ,—
«Допѣлся, чортъ возьми!»

«Не огорчайтесь, милый другъ,»
Врачъ сталъ чуть-чуть любезнѣй.
«Почти у всѣхъ людей вокругъ—
«Исторія болѣзни.

«Все человѣчество давно
«Хронически больно,
«Со дня творенія оно
«Болѣть обречено.

«Самъ первый человѣкъ хандрилъ—
«Онъ только это скрылъ,—
«И искуситель боленъ былъ,
«Когда его прельстилъ.

«Вы огорчаться не должны—
«Для васъ покой полезнѣй,
«Вѣдь вся исторія страны—
«Исторія болѣзни.

«У человѣчества всего
«То колики, то рѣзи,
«И вся исторія его—
«Исторія болѣзни.

«Живетъ живое все быстрѣй,
«Все слѣй и безполезнѣй—
«И наслаждается своей
«Исторіей болѣзни...»

1975—1976 гг.

Случай.

Мнѣ въ ресторанѣ вечеромъ вчера
Сказали съ юморкомъ и съ этикетомъ,
Что киснетъ водка, выдохлась икра,
И что у нихъ ученый по ракетамъ.

И многихъ помня съ водкой пополамъ,
Не разобравъ, что́ плещется въ бокалѣ,
Я, улыбаясь, подходилъ къ столамъ
И отзывался, если окликали.

Вотъ онъ — надменный, словно Ришелье,
Какъ благородный папа въ старомъ скетчѣ, —
Но это былъ директоръ ателье
И не былъ засекреченный ракетчикъ.

Со мной гитара, струны къ ней въ запасъ,
И я гордился тѣмъ, что тоже въ модѣ.
Къ наукѣ тяга сильная сейчасъ,
Но и къ гитарѣ тяга есть въ народѣ.

Я ахнулъ залпомъ и разбилъ бокалъ,
Мгновенно мнѣ гитару дали въ руки.
Я три своихъ аккорда перебралъ,
Запѣлъ и запилъ отъ любви къ наукѣ.

Я пѣлъ и думалъ: вотъ икра лежитъ,
А говорятъ, кеты не стало въ рѣкахъ...
А мой ракетчикъ гдѣ-нибудь сидитъ
И мыслитъ въ милліонахъ и парсекахъ.

И, обнимая женщину въ кольѣ
И сдѣлавъ видъ, что хочетъ въ пѣсню вжиться,
Задумался директоръ ателье
О томъ, что завтра скажетъ сослуживцамъ.

Онъ предложилъ мнѣ позже на дому,
Успѣвъ включить магнитофонъ въ портфелѣ:

«Давай дружить домами!» — Я ему
Сказалъ: «Давай. Мой домъ — твой Домъ моделей.»

И я нарочно разорвалъ струну
И, утаивъ, что есть запасъ въ карманѣ,
Сказалъ: «Привѣтъ! зайти не премину,
«Въ другой разъ, — если будетъ Марсіанинъ.»

Я шелъ домой подъ утро, какъ старикъ,
Мнѣ подъ ноги катились дѣти съ горки,
И аккуратный первый ученикъ
Шелъ въ школу получать свои пятерки.

Такая честь не по моимъ дѣламъ,
Лишь первые пятерки получаютъ...
Не надо подходить къ чужимъ столамъ
И отзываться, если окликаютъ.

1971 г.

Памятникъ.

Я при жизни былъ рослымъ и стройнымъ,
Не боялся ни слова, ни пули
И въ обычныя рамки не лѣзъ.
Но съ тѣхъ поръ, какъ считаюсь покойнымъ,
Охромили меня и согнули,
Къ пьедесталу прибивъ ахиллесъ.

Не стряхнуть мнѣ гранитнаго мяса
И не вытащить изъ постамента
Ахиллесову эту пяту,
И желѣзныя ребра каркаса
Мертво схвачены слоемъ цемента,
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью —
Нате смѣрьте!
Я не зналъ, что подвергнусь суженью
Послѣ смерти.
Но въ привычныя рамки я всаженъ —
На споръ вбили,
А косую неровную сажень
Распрямили.

И съ меня, когда взялъ я да умеръ,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи,
И не знаю, кто ихъ надоумилъ,
Только — съ гипса вчистую стесали
Азіатскія скулы мои.

Мнѣ такое не мнилось, не снилось,
И считалъ я, что мнѣ не грозило
Оказаться всѣхъ мертвыхъ мертвѣй.
Но поверхность на слѣпкѣ лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Изъ беззубой улыбки моей.

The Monument.

Dreading bullets or words not an ounce,
While alive, I wasn't feeble or sickly
And no regular mold did I fit.
But right after my death was announced,
I was set on a pedestal quickly,
And they fixed my Achilles in it.

I can't shake off the flesh, made of granite,
Can't extract from the pedestal-tribune
This Achilles, the vulnerable heel,
As the pedestal structure — God damn it! —
Is, with concrete, held safely and firmly,
But convulsions down my spine do I feel.

I was proud of my broad and wide shoulders —
Whose were like them?
But I've been fully ruled by the molders —
Still alive men,
Knocked me into a regular mold just
For a wager —
To reduce my so broad and wide shoulders
These ones ventured.

It was hard to be smarter and faster
In creating a mask with my features,
Than my kin were right after my death,
And my Asian cheekbones off that plaster
Were erased by these mischievous creatures,
Who gave them this advice, I can't guess.

I didn't wander or think, even while dreaming,
Of that fate, nasty, rotten and goddamn —
To direct the dead men's rank or file.
But the white plaster surface was beaming
With cold light, and the reliquary boredom
Radiated from my toothless smile.

Не давалъ я тому, кто былъ хищнымъ,
Даже палецъ,
Подойти ко мнѣ съ мѣркой обычной
Опасались,
Но по снятіи маски посмертной —
Тутъ же, въ ванной, —
Гробовщикъ подошелъ ко мнѣ съ мѣркой
Деревянной...

А потомъ, по прошествіи года, —
Какъ вѣнецъ моего исправленья —
Крѣпко сбитый литой монументъ
При огромномъ скопленьи народа
Былъ открытъ подъ мое исполненье —
Я хрипѣлъ съ намагниченныхъ лентъ.

Тишина надо мной раскололась —
Изъ динамиковъ хлынули звуки,
Съ крышъ ударилъ направленный свѣтъ.
Мой отчаяньемъ сорванный голосъ
Современныя средства науки
Превратили въ пріятный фальцетъ.

Я нѣмѣлъ, въ покрывало упрятанъ —
Всѣ тамъ будемъ!
Я оралъ въ то же время кастратомъ
Въ уши людямъ.
Саванъ сдернули! Какъ я обуженъ —
Нате смѣрьте!
Неужели такой я вамъ нуженъ
Послѣ смерти?!

Командора шаги злы и гулки.
Я рѣшилъ: какъ во времени оном,
Не пройтись ли, по плитамъ звеня?
И шарахнулись толпы въ проулки,
Когда вырвалъ я ногу со стономъ
И осыпались камни съ меня.

While alive, I didn't give greedy beings
Even a finger,
With a standard criterion, people
Feared to ring me,
But as soon as I'd died, were all sizes
Offhand taken,
I was measured with calipers by the
Undertaker...

Later on, when the dust had all settled,
For to crown my clear rehabilitation,
A huge multitude gathered to see
My cast statue made of stone and metal,
To unveil it 'midst great jubilation
And my songs from the magnetized reels.

Mighty lights changed that night into morning,
Speakers blew up the orderly silence
With my tunes all the country had learned.
But my voice, through despair gruff and roaring,
By the latest achievements of science,
Into pleasant falsetto was turned.

I was speechless, as all mortals fated,
'Neath the cerement,
And I yelled as if being castrated
To the people.
They've unveiled me and seen—I'm diminished,
Trimmed and quiet...
Would you need me like this at the finish
Of my riot?

The Commander's footsteps I remembered,
And I thought, "Will I give them some trouble
Just by walking a little around?"
The crowds scrammed as my spine I unbent and
As I pulled out my legs from that marble,
And, from me, the stones crumbled around.

Накренился я, голъ, безобразенъ,
Но и падая — вылѣзъ изъ кожи,
Дотянулся желѣзной клюкой,
И, когда уже грохнулся наземь,
Изъ разодранныхъ рупоровъ все же
Прохрипѣлъ я: «Похоже, живой!»

И паденье меня не согнуло,
Не сломало,
И торчатъ мои острыя скулы
Изъ металла!
Не сумѣлъ я, какъ было угодно —
Шито-крыто.
Я, напротивъ, ушелъ всенародно
Изъ гранита.

1973 г.

Having leant, I was awful and naked;
And I, through my weak legs, had to fall down,
But I still did continue to strive!
With my muscles I've managed to make it.
Though my lips were as bleeding as swollen,
After crashing, I screamed, "I'm alive!"

And my fall hasn't left me twisted, mangled,
Bent or wounded,
And my metal cheekbones, sharply angled,
Now protruded!
I didn't manage the way which was wanted,
As they planned it.
I, instead of that, publicly flaunted
Out of granite.

1973.

Прерванный полетъ.

Кто-то высмотрѣлъ плодъ, что неспѣлъ, неспѣлъ,—
Потрусили за стволъ—онъ упалъ, упалъ...
Вотъ вамъ пѣсня о томъ, кто не спѣлъ, не спѣлъ
И, что голосъ имѣлъ,—не узналъ.

Видно, были съ судьбой нелады, нелады,
И со случаемъ плохи дѣла, дѣла,
И тугая струна на лады, на лады
Съ незамѣтнымъ изъяномъ легла.

Онъ началъ робко съ ноты До,
Но не допѣлъ ее, не до...

Не дозвучалъ его аккордъ, аккордъ
И никого не вдохновилъ.
Собака лаяла, а котъ
Мышей ловилъ, мышей ловилъ...

Смѣшно, не правда ли, смѣшно? Смѣшно!
А онъ шутилъ—не дошутилъ,
Не дораспробовалъ вино
И даже не допригубилъ.

Онъ пока лишь затѣивалъ споръ, споръ
Не увѣренно и не спѣша, не спѣша.
Словно капельки пота изъ поръ, изъ поръ,
Изъ-подъ кожи сочилась душа, душа.

Только началъ дуэль на коврѣ, на коврѣ,
Еле-еле, едва приступилъ,
Лишь чуть-чуть осмотрѣлся въ игрѣ, въ игрѣ,
И судья еще счетъ не открылъ.

Онъ хотѣлъ знать все отъ и до,
Но не добрался онъ ни до...

Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубинъ

The Interrupted Flight.

Someone spotted a fruit that was green, that was green,
Gave the tree a good shake and it fell, and it fell...
Here's a song of a guy who didn't sing, who didn't sing,
And didn't know that his voice was quite swell, was quite swell.

Never was he among Fortune's pets, Fortune's pets,
And the chances he got were all wrong, were all wrong,
So the strings pressed by him to the frets, to the frets
Were untuned and corrupted his song.

He had some time for the note C,
And after that he stopped to sing...

His short accord was found too flat, too flat,
And no one was inspired with.
The dog barked fiercely, and the cat
Licked off the fleas, licked off the fleas...

So isn't this story worth your smile, your smile?
While he could newer show his wit,
He got a glass of golden wine,
But hardly wet his lips with it.

He made but several steps out of doors, out of doors,
Looking for the right point to begin, to begin.
And like droplets of sweat from the pores, from the pores,
His soul did trickle out through his skin, through his skin.

He was all geared up for coming duels, coming duels,
Got his bearings and took a position, a position,
Having learnt some essential basic rules, basic rules,
He looked forward to doing his mission.

He longed to know it all to Z,
But stopped at ABC instead...

To no arrangement could he come—
The well of lore was hardly drilled,

И ту, которая одна,—
Не долюбилъ, не долюбилъ!

Смѣшно, не правда ли, смѣшно? Смѣшно!
А онъ спѣшилъ—не доспѣшилъ,
Осталось не дорѣшено
Все то, что онъ не дорѣшилъ.

Ни единою буквой не лгу, не лгу—
Онъ былъ чистаго слога слуга
И писалъ ей стихи на снѣгу...
Къ сожалѣнію, таютъ снѣга.

Но тогда еще былъ снѣгопадъ, снѣгопадъ
И свобода писать на снѣгу—
И большія снѣжинки, и градъ
Онъ губами хваталъ на бѣгу.

Но къ ней въ серебряномъ ландо
Онъ не добрался и не до...

Не добѣжалъ бѣгунъ, бѣглецъ, бѣглецъ,
Не долетѣлъ, не доскакалъ,
А звѣздный знакъ его—Телецъ—
Холодный Млечный Путь лакалъ.

Смѣшно, не правда ли, смѣшно? Смѣшно,
Когда секундъ не достаетъ,—
Недостающее звено—
И недолетъ, и недолетъ, и недолетъ!

Смѣшно, не правда ли? Ну вотъ,
И вамъ смѣшно, и даже мнѣ.
Конь на скаку и птица влетъ—
По чьей винѣ? по чьей винѣ?
по чьей винѣ?

1973 г.

And her, who was his only one,
Left unfulfilled, left unfulfilled!

So isn't this story worth your smile, your smile?
While all his efforts were in vain,
To solve his knots he had no time,
And each of them unsolved remained.

Truthful was every word, this I know, this I know,
In the pure style was written what he felt.
He wrote poems to her on the snow,
It's so sad that the snows always melt.

Those days there were snowfalls with no breaks, with no breaks,
And the freedom to write on the snow—
The small hailstones and fluffy snowflakes,
With his lips tasted he on the go.

He drove a silver-clad landau,
But got no chance to reach her door...

When running, didn't he break confine, confine,
When flying, reached he but partway,
And Taurus, his celestial sign,
Lapped up the ice-cold Milky Way.

So isn't this story worth your smile, your smile?
When by few seconds one falls short,
When but a single missing line
Makes flight abort, makes flight abort, makes flight abort!

So isn't this story worth your smile? Of course,
It's quaint for you and even me.
A flying bird, a racing horse—
By whose decree? by whose decree?
by whose decree?

1973.

Не вѣдаю, за дрогами поспѣла ли...

Не вѣдаю, за дрогами поспѣла ли
Толпа друзей, по грязи семеня.
Но что же хоръ не воетъ, хороня?
Концы хоронятъ — вотъ вѣдь что́ надѣлали!
Побойтесь Бога, если не меня.

Рыдайте шибче, чтобъ на жалость клюнули!
Молчать негоже, брата хороня.
Пусть надорвется колоколъ, звеня!
Хотите тайно? Ишь, чего удумали!
Побойтесь Бога, если не меня.

Ужъ лучше бы пьянчуги равнодушные
Забрасывали комьями меня...
А наша труппа, дождичекъ кляня,
Пустилась въ плясъ... Опомнитесь, бездушные!
Побойтесь Бога, Бога! — не меня.

1977 г.

Я спокоенъ — Онъ мнѣ все повѣдалъ...

Я спокоенъ — Онъ мнѣ все повѣдалъ.
«Не таись,» велѣлъ. И я скажу,
Кто меня обидѣлъ или предалъ —
Покараетъ Тотъ, Кому служу.
Не знаю какъ — ножомъ ли подъ ребро,
Или сгоритъ въ огнѣ все ихъ добро,
Или смѣстятъ, сомнутъ, лишатъ свободы...
Когда — опять не знаю, — черезъ годы
Или теперь, а можетъ быть — уже...
Не обойти вамъ рокъ на виражѣ
И на кривой всегдашней не объѣхать,
Напропалую тоже не протечь.
Что жъ я? Покой пребудетъ на душѣ — хоть
Побьютъ васъ камни, градъ или картечь.

1978 г.

Today I'm calm because He told me everything...

Today I'm calm because He told me everything.
He charged me not to cover from Him anything.
And I'll name names of those who maltreated me—
He Whom I serve will certainly rise to plead for me.
But I don't know what He'll do for it—
There may be even a stab under the rib,
Or, maybe, they'll till death be all abroad,
Or they'll be celled, deposed or dishonored...
When will it happen? I can't tell you about—
O'er several months or years, or maybe now...
They'll never pass their fate at any speed,
As well as round it or leak through it.
But as for me, I'm calm and it'll be so
In case of any cursed way they'll go.

1978.

У меня было сорокъ фамилій...

У меня было сорокъ фамилій,
У меня было семь паспортовъ,
Меня семьдесятъ женщинъ любили,
У меня было двѣсти враговъ.
Но я не жалѣю!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно, чтобъ подраться,
Кто-нибудь находился.

Хоть мой путь очень тяжекъ и дологъ,
И хоть я заслужилъ похвалу —
Обо мнѣ не напишутъ некрологъ
На послѣдней страницѣ въ углу.
Но я не жалѣю!

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался, —
Кто-нибудь находился —
И я съ нимъ напивался.

И хоть я во все свѣтлое вѣрилъ —
Напримѣръ, въ нашъ Совѣтскій народъ —
Не поставятъ мнѣ памятникъ въ скверѣ
Гдѣ-нибудь у Петровскихъ воротъ.
Но я не жалѣю!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

Сочиняю я пѣсни о драмахъ
Въ жизни пьяницъ, барыгъ и воровъ, —
Мое имя не встрѣтишь въ рекламахъ
Популярныхъ эстрадныхъ пѣвцовъ.
Но я не жалѣю!

When it came to false names I had forty...

When it came to false names I had forty,
Seven passports I kept on the go,
There were seventy women adored me,
And I also had two hundred foes.
But I'm not complaining!

Much as I always tried hard,
Much as I always aimed high,
There was always some diehard
Out to fight me who came by.

Though my road is protracted and twisted,
And I earned words of praise on the way,
My obituary still won't be listed
In a small corner of the back page.
But I'm not complaining!

Much as I always tried hard,
Much as I always aimed high,
Some guy'd catch me off my guard
Each time I tried to stay dry.

Though I never once doubted that glory
Was our Soviet people's true fate,
They'll not put up a monument for me
In the square by the Petrovsky Gate.
But I'm not complaining!

Much as I always tried hard,
Much as I always aimed high,
I turned into a drunkard
And I fell by the wayside.

I sing songs about pickpockets' lives with
All their tragedy, drama and farce,
And you'll not see my name advertised with
Those of popular cabaret stars.
But I'm not complaining!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился,—
Я всегда попадался—
И все время садился.

Говорятъ, что на мѣсто все встанетъ.
Бросить пить? Видно, мнѣ не судьба...
Все равно меня не отчеканятъ
На монетахъ замѣсто герба.
Но я не жалѣю!

Такъ зачѣмъ мнѣ стараться?
Такъ зачѣмъ мнѣ стремиться?
Чтобъ во всемъ разобраться—
Нужно сильно напиться!

1963 г.

Much as I always aimed high,
Much as I always tried hard,
I'd get caught and I'd pay my
Dues with stretches behind bars.

People say I'll get out of this pickle.
Give up drink? No, that can't be my lot...
Still they'll not take the hammer and sickle
Off our coins and put me in that spot.
But I'm not complaining!

So then why should I aim high,
So then why should I try hard?
I'm so muddled and will gain I
But with strong drinks the right path.

1963.

Мой черный человѣкъ.

Мой черный человѣкъ въ костюмѣ сѣромъ!..
Онъ былъ министромъ, домуправомъ, оффицеромъ.
Какъ злобный клоунъ, онъ мѣнялъ личины
И билъ подъ дыхъ внезапно, безъ причины.
И, улыбаясь, мнѣ ломали крылья,
Мой хрипъ порой похожимъ былъ на вой.
И я нѣмѣлъ отъ боли и безсилья
И лишь шепталъ: «Спасибо, что живой.»
Я суевѣренъ былъ, искалъ примѣты,
Что, молъ, пройдетъ, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался въ кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокругъ меня кликуши голосили:
«Въ Парижъ мотаетъ, словно мы въ Тюмень.
«Пора такого выгнать изъ Россіи!
«Давно пора, видать, начальству лѣнь.»
Судачили про дачу и зарплату:
Молъ, денегъ прорва, по ночамъ кую...
Я все отдамъ, берите безъ доплаты
Трехкомнатную камеру мою.
И мнѣ давали добрые совѣты,
Чуть свысока, похлопавъ по плечу,
Мои друзья — извѣстные поэты:
«Не стоитъ рѵѳмовать *кричу — торчу*.»

И лопнула во мнѣ терпѣнья жила,
И я со смертью перешелъ на ты, —
Она давно возлѣ меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.
Я отъ суда скрываться не намѣренъ,
Коль призовутъ — отвѣчу на вопросъ.
Я до секундъ всю жизнь свою измѣрилъ —
И, худо-бѣдно, но тащилъ свой возъ.
И знаю я, что́ лживо, а что́ свято, —
Я это понялъ все-таки давно.

Мой путь одинъ, всего одинъ, ребята,
Мнѣ выбора, по счастью, не дано.

1979 г.

Лечь бы на дно.

Сытъ я по горло,
до подбородка,
Даже отъ пѣсенъ
сталъ уставать.
Лечь бы на дно,
какъ подводная лодка,
Чтобъ не могли
запеленговать.

Другъ подавалъ мнѣ
водку въ стаканѣ,
Другъ говорилъ,
что это пройдетъ.
Другъ познакомилъ
съ Вѣркой по пьяни —
Вѣрка поможетъ,
а водка спасетъ.

Не помогли
ни Вѣрка, ни водка, —
Съ водки похмелье,
а съ Вѣрки — что́ взять?
Лечь бы на дно,
какъ подводная лодка,
И позывныхъ
не передавать...

1965 г.

Wish I Could Sink.

Aches and complaints,
you name 'em, I've gotten 'em,
Presently even singing
sharpens my pain.
Wish I could sink,
like a sub, to the bottom,
And send out signals
never again.

My friend poured me drinks,
though I kept refusing;
He kept repeating,
"This once shall pass."
He hooked me up
with one of his floozies—
"She'll help thee, just like
the booze in thy glass."

But neither helped me
feel any less rotten,
It made my head hurt,
she made but scenes.
Wish I could sink,
like a sub, to the bottom,
And disappear
from all radar screens...

1965.

Просьба.

Михаилу Шемякину—другу и брату.

Чту «Фауста» ли, «Доріана Грея» ли,
Но чтобы душу дьяволу—ни-ни!
Зачѣмъ Цыганки мнѣ гадать затѣяли?
День смерти уточнили мнѣ они...
Ты эту дату, Боже, сохрани,—
Не отмѣчай въ своемъ календарѣ, или
Въ послѣдній мигъ возьми и измѣни,
Чтобъ я не ждалъ, чтобъ вороны не рѣяли,
Чтобъ агнцы по моей душѣ не блеяли,
Чтобъ люди не хихикали въ тѣни,—
Меня отъ нихъ, о Боже, охрани—
Прошу Тебя, чтобъ душу мнѣ они
Сомнѣньями и страхомъ не засѣяли!

1980 г.

The Appeal.

To my friend and brother Mikhail Shemyakin.

I can read “Dorian Gray” or “Faustus”, however,
To sell my soul, there can’t be any way.
Why listened I to the Gypsies? Won’t repeat it ever!
They prophesied my death up to a day...
Don’t count it, O Lord, put it away,
Don’t mark it in Thy calendar. On no account!
Or, when it comes to that, just change the day,
Lest I should wait for it, lest crows should fly about,
Lest people should sneer and lest lambs should bleat,
From all of them, please keep me safe, I bid,
Don’t Thou linger even a little bit,
Because they can fill up my soul with fear and doubt!

1980.

Мнѣ не надо посуловъ...

Завершено Акбаромъ Мухаммадомъ.

Мнѣ не надо посуловъ, и клятвъ мнѣ не надо,
Не рядите меня въ соболя, въ шеншеля.
Мнѣ хотѣлось бы знать, кто изъ васъ будетъ рядомъ,
Замаячитъ когда передъ вами петля.

А когда развѣвались побѣдные стяги —
Я васъ видѣлъ не разъ. Опочить бы, взглянувъ,
Какъ одинъ за другимъ вы пойдете къ присягѣ,
Ну, и кто изъ васъ послѣ солжетъ, не моргнувъ.

Пировать за мой столъ вы садитесь въ охотку,
Но, не видимый, я бы хотѣлъ посмотрѣть,
Кто изъ васъ у могилы исполнитъ чечетку,
А кто примется пѣсни веселыя пѣть.

1973 г.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА.

Ожиданіе длилось, а проводы были недолги —
Пожелали друзья: «Въ добрый путь! Чтобы — все безъ помѣхъ!»
И четыре страны предо мной разстелили дороги,
И четыре границы шлагбаумы подняли вверхъ.

Тѣни голыхъ березъ добровольно легли подъ колеса,
Залоснилось шоссе и штыкомъ заострилось вдали.
Вѣчный смертникъ, комаръ, разбивался у самаго носа,
Превращая стекло лобовое въ картину Дали.

Сколько смѣлыхъ мазковъ на причудливомъ мертвомъ покровѣ,
Сколько сѣрыхъ мозговъ средь безсчетнаго множества тѣлъ!
Вотъ взорвался одинъ, до отвала напившійся крови,
Ярко-краснымъ пятномъ завершая дорожный шедевръ.

И сумбурныя мысли, лѣниво стучавшія въ темя,
Устремились въ пробой — ну, попробуй-ка, останови!
И въ машину ко мнѣ постучало настойчиво Время, —
Я впустилъ это время, замѣшенное на крови.

И сейчасъ же въ кабину глаза изъ бинтовъ заглянули,
Прозвучало: «Куда ты? На западъ? Вертайся назадъ!..»
Въ тотъ же самый моментъ по обшивкѣ царапнули пули.
Я услышалъ: «Ложись! Берегись! Проскочили! Бомбятъ!»

Этотъ первый налетъ оказался не такъ чтобы очень:
Схоронили кого-то, прикрывъ его кипой газетъ.
По дорогѣ народъ подходилъ ко мнѣ изъ-за обочинъ,
Какъ лѣтъ тридцать спустя, на обычный «Рено» поглазѣть.

И исчезло шоссе — мой единственный вѣрный фарватеръ.
Лишь — скелеты березъ безъ снарядами сбитыхъ вершинъ.
Безтѣлесный потокъ обтекалъ не спѣша радіаторъ.
Я за сутки пути не продвинулся ни на аршинъ.

Я уснулъ за рулемъ — я давно разомлѣлъ до зѣвоты, —
Ущипнуть себя за ухо или глаза протереть?

Въ креслѣ рядомъ съ собой я увидѣлъ сержанта пѣхоты:
«Ишь, трофейная пакость, — сказалъ онъ, — удобно сидѣть.»

Мы поѣли съ сержантомъ домашнихъ котлетъ и редиски,
Онъ опять удивился: откуда такое въ войну?
«Я, братокъ, — говоритъ — восемь дней какъ позавтракалъ въ Минскѣ.
Ну, спасибо, ѣзжай! Будетъ время, опять загляну.»

Онъ ушелъ на востокъ со своимъ порѣдѣвшимъ отрядомъ.
Снова мирное время проникло въ машину мою.
Это время глядѣло единственной женщиной рядомъ,
И она мнѣ сказала: «Усталъ? Отдохни — я смѣню.»

Все въ порядкѣ, на мѣстѣ, — мы ѣдемъ къ границѣ, насъ двое.
Тридцать лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ приключившихся встрѣчъ.
Вотъ забѣгали щетки, отмыли стекло лобовое, —
Мы увидѣли знаки, что призваны предостеречь.

Кромѣ рѣдкихъ ухабовъ, ничто на войну не похоже,
Только лѣсъ молодой, да сквозь снова налипшую грязь
Два огромныхъ штыка полоснули морозомъ по кожѣ,
Остріями стоящіе кверху, а не накренясь.

Здѣсь, на Минскомъ шоссѣ, мнѣ отчетливо вдругъ показалось,
Что и мнѣ довелось воевать гдѣ-то невдалекѣ, —
Потому для меня и шоссе, словно штыкъ, заострялось,
И лохмотія свастикъ болтались на этомъ штыкѣ.

***

Ахъ, дороги узкія —
Вкось, наперерѣзъ, —
Версты Бѣлорусскія —
Съ ухабами и безъ.
Какъ орѣхи грецкіе,
Щелкаю я ихъ, —
Баютъ, что Нѣмецкія —
Гладки и прямы,

И что дороги эти — ряда по три,
И нѣтъ табличекъ съ «Achtung!» или «Halt!».
Ну что же — мы прокатимся, посмотримъ,
Понюхаемъ не порохъ, а асфальтъ.

Ату, колеса гончія!
Цѣлюсь подъ обрѣзъ —
Волноваться кончу я
На отмѣткѣ «Брестъ».
Вотъ товарищъ въ китель
«Щелкнулъ» для жены, —
И — только насъ и видѣли
Съ нашей стороны...

Я посмотрю Парижъ, Варшаву, Ниццу!
Они — рукой подать, наискосокъ.
Такъ я впервые пересѣкъ границу,
И чьи-то тамъ сомнѣнія пресѣкъ.

Ахъ, дороги скользкія —
Вотъ и вашъ чередъ, —
Деревеньки Польскія —
Стрѣлочки впередъ;
Телѣги подъ навѣсами,
Булыжникъ-чешуя...
По-Польски ни бельмеса мы —
Ни жена, ни я.

Потосковавъ о ломтѣ, о стаканѣ,
Остановились гдѣ-то наугадъ, —
И я сказалъ по-Русски: «Прошу, пани!» —
И получилось точно и впопадъ.

Ахъ, ѣда дорожная
Изъ немногихъ блюдъ!
Ѣмъ неосторожно я
Все, что подаютъ.
Напослѣдокъ — сладкое,
Стало быть — кончай,

И на ихъ хербатку я
Дую, какъ на чай.

А панночка пощелкала на счетахъ
(Все, какъ у насъ — зачѣмъ туристы врутъ?) —
И я ей далъ не помню сколько злотыхъ,
Подумавъ, что по-Божески берутъ.

Гдѣ же пѣсни-здравицы, —
Ну-ка, подавай! —
Польскія красавицы,
Для туристовъ — рай?
Рядомъ на поляночкѣ —
Души нараспахъ —
Веселились панночки
Съ граблями въ рукахъ.

«Да, побывала Польша въ самомъ пеклѣ, —
Сказалъ мнѣ виды видѣвшій Полякъ. —
Красавицы-Полячки не поблекли,
А сгинули въ Нѣмецкихъ лагеряхъ...»

Лемеха врѣзаются
Въ землю тамъ и тутъ,
Пеплы попадаются
До сихъ поръ подъ плугъ.
Память, вдругъ разрытая —
Неживой укоръ.
Жизни недожитыя —
Для колосьевъ кормъ.

Въ моемъ мозгу, который вдругъ сдавило
Какъ обручемъ, — но такъ его, дави! —
Варшавское возстаніе кровило,
Захлебываясь въ собственной крови.

Дрались — худо, бѣдно ли,
А наши корпуса —
Въ пригородѣ медлили
Цѣлыхъ два часа.

Бой принять съ Поляками
Рвались, какъ одинъ, —
И танкисты плакали
На броню машинъ...

Военный эпизодъ — давно преданье,
Но не поросъ съ годами онъ быльемъ —
Не позабыто это опозданье,
Коль скоро мы заспорили о немъ.

Почему же медлили
Наши корпуса?
Почему обѣдали
Эти два часа?
Потому что танками,
Мокрыми отъ слезъ,
Англичанамъ съ Янками
Мы утерли носъ.

А можетъ быть, развѣдка оплошала?
Теперь уже навѣрно не узнать...
Но вотъ сейчасъ читаю я: «Варшава» —
И ѣду, и хочу не опоздать.

*
**

Лѣсъ ушелъ, и обзоръ расширяется,
Вотъ и зданія появляются,
Тѣни намъ подъ колеса кидаются,
И остаться въ живыхъ ухитряются.

Перекресточки — скорость сбрасывайте.
Паны, здравствуйте! Пани, здравствуйте!
И такіе, кому не до братства, тѣ
Тоже здравствуйте, тоже здравствуйте!

Вотъ она, многопослѣвоенная,
Несравнимая, несравненная!
Не сровняли съ землей, оглашенные,
Уцѣлѣла краса незабвенная.

Я клоню свою голову шалую
Предъ меня покорившей Варшавою.
Насладиться красой поспѣшаю я,
Понимаю, дивлюсь, что въ Варшавѣ я.

И порядочекъ здѣсь караулится:
Указатели — скоро улица.
Предъ старушкой пришлось мнѣ ссутулиться —
Уточняю, чтобъ не обмишулиться,

А по-Польски — познанія хилыя,
А старушка мнѣ: «Прямо, милые!» —
И по-прежнему засеменила и
Повторяла все: «Прямо, милые...»

...Хитрованская Рѣчь Посполитая,
Польша панская, Польша битая,
Не единожды кровью умытая,
На Востокъ и на Западъ сердитая,

И Варшава — мечта моя давняя, —
Оскверненная, многострадальная,
Перешедшая въ область преданія, —
До свиданія, до свиданія...

1973 г.

Нѣтъ меня, я покинулъ Расею!..

Нѣтъ меня, я покинулъ Расею!
Мои дѣвочки ходятъ въ слезахъ.
Я теперь свои сѣмячки сѣю
На чужихъ Елисейскихъ поляхъ.

Кто-то ляпнулъ въ трамваѣ на Прѣснѣ:
«Нѣтъ его, умоталъ, наконецъ!
«Вотъ и пусть свои чуждыя пѣсни
«Пишетъ тамъ про Версальскій дворецъ!»

Слышу сзади обмѣнъ новостями:
«Да не тотъ, тотъ уѣхалъ — спроси!»
«Ахъ, не тотъ...» — и толкаютъ локтями,
И сидятъ на колѣняхъ въ такси.

А тотъ, съ которымъ сидѣлъ въ Магаданѣ, —
Мой дружокъ по Гражданской войнѣ, —
Говоритъ, что пишу ему: «Ваня,
«Скучно, Ваня, давай, братъ, ко мнѣ!»

Я уже попросился обратно,
Унижался, юлилъ, умолялъ...
Ерунда! не вернусь, вероятно,
Потому что я не уѣзжалъ.

А кто повѣрилъ — тому по подарку,
Чтобъ конецъ былъ такой, какъ въ кино:
Забирай Тріумфальную арку!
Налетай на заводы Рено!

Я смѣюсь, умираю отъ смѣха.
Какъ повѣрили этому бреду?
Не волнуйтесь, я не уѣхалъ.
И не надѣйтесь — я не уѣду!

1970 г.

Меня мама родила въ сахарной рубашкѣ...

Меня мама родила въ сахарной рубашкѣ,
Подпоясала меня краснымъ кушакомъ.
Отчего же у меня грубыя замашки?
Такъ вѣдь сколько исходилъ я дорогъ пѣшкомъ...

Ну а папа подарилъ бычее здоровье,
И въ головушку вложилъ не хухры-мухры.
Отчего же у меня хмурое надбровье,
Отъ какихъ такихъ причинъ бѣлые вихры?

Начиналъ мытье мое съ Сандуновскихъ бань я,
Вмѣстѣ съ потомъ выгонялъ злое недобро.
Гожъ сталъ въ смыслѣ чистоты и образованья,
Тутъ бы голосъ долженъ быть — чисто серебро.

Былъ бы голосъ — пѣлъ бы я про луга и дали,
Пѣлъ бы про красивое, пріятное для всѣхъ.
Всѣ бъ со мной здоровались, всѣ бы уважали,
Только Богъ мнѣ голоса не далъ, какъ на грѣхъ.

А запѣть хотѣлось мнѣ, но всегда мѣшали
Выдать пѣсней звонкою что́ въ душѣ жило.
И кричалъ со всхрипомъ я — люди не дышали,
И никто не морщился — право же, никто.

Что же грите вы тогда: все вранье да хаянье
(А я пѣлъ всегда про насъ, и не трогалъ дамъ)?
Вы вѣдь слушали меня, затаивъ дыханіе,
И по-прежнему вамъ жить я уже не дамъ.

Былъ рабъ Божій, несъ свой крестъ, были у раба вши.
Отрубили голову — испугались вшей.
Да, поплакавъ, разошлись, солоно хлебавши,
Ребятишекъ не забывъ вытолкать взашей.

1976 г.

Я скачу позади на полслова...

Я скачу позади на полслова
На нерѣзвомъ конѣ, безъ щита.
Я похожъ не на ратника слого,
А скорѣе — на слого шута.

Бывало, вырывался я на корпусъ,
Увѣренно, какъ самъ великій князь,
Клонясь впередъ — не падая, не горбясь,
А именно намѣренно клонясь.

Но изъ сѣдла меня однажды выбили —
Копьемъ поддѣли, сбоку подскакавъ,
И надо мной, лежащимъ, лошадь вздыбили,
И надругались, плетью приласкавъ.

Рядомъ всадники съ гиканьемъ дикимъ
Копья мѣтили въ мѣсиво тѣлъ.
Ахъ, дуракъ я, что съ княземъ великимъ
Поравняться въ сѣдлѣ захотѣлъ!

Меня на полѣ битвы не ищите —
Я отстраненъ отъ всякихъ ратныхъ дѣлъ.
Доспѣхи унесли — и нѣтъ защиты
Отъ зуботычинъ, дротиковъ и стрѣлъ.

Зазубренъ мой топоръ, и руки скручены,
Я брошенъ на соломенный разстилъ,
Пожизненно до битвы недопущенный
За то, что разъ безтактность допустилъ.

Названъ я передъ ратью двуликимъ —
И топтать меня можно, и сѣчь.
Но взойдетъ и надъ княземъ великимъ
Провиденья сверкающій мечъ!..

Рву путы, отряхаюсь отъ навоза,
Худыя руки сторожу кручу,

Беру коня плохого изъ обоза,
Уздой смиряю — и впередъ скачу.

Влечу я въ битву звонкую да манкую —
Не быть тому, чтобъ бились безъ меня!
Не поступлюсь я княжеской осанкою,
Но будетъ надо — я сойду съ коня.

1973 г.

Я къ вамъ пишу.

Спасибо вамъ, мои корреспонденты —
Всѣ тѣ, кому отвѣтить я не смогъ:
Рабочіе, военные, студенты —
Всѣ, кто писалъ мнѣ письма, — дай вамъ Богъ!

Дай Богъ вамъ жизни двѣ,
И друга одного,
И свѣта въ головѣ,
И добраго всего.

Найдя стократно вытертыя ленты,
Вы хрипъ мой разбирали по слогамъ.
Такъ дай же Богъ, мои корреспонденты,
Какъ силъ въ рукахъ, такъ и удачи вамъ.

Вотъ пишутъ — голосъ мой не одинаковъ:
То хриплый, то надрывный, то глухой,
И проситъ населеніе бараковъ:
«Володя, ты не пой за упокой!»

Но что подѣлать, если я не звонокъ, —
Звенятъ другіе — я хриплю слова.
Обиліе некачественныхъ пленокъ
Вредитъ мнѣ даже больше, чѣмъ молва.

Вотъ спрашиваютъ: «Попадалъ ли въ плѣнъ ты?»
Не попадалъ — не воевалъ ни дня.
Спасибо вамъ, мои корреспонденты,
Что вы невѣрно поняли меня!

Друзья мои — жаль, что не боевые, —
Отъ моря, отъ станка и отъ сохи,
Спасибо вамъ за добрые и злые,
И даже неудачные стихи.

Вотъ я читаю: «Вышелъ ты изъ моды,
«Сгинь, сатана, изыди, хриплый бѣсъ!

«Какъ глупо, что не мѣсяцы, а годы
«Тебя превозносили до небесъ!»

Еще письмо: «Вы умерли отъ водки!»
Да, правда, умеръ,—но потомъ воскресъ.
«А каковы доходы ваши все-таки?
«За песню трешникъ—вы же просто Крезъ!»

За письма высочайшаго пошиба:
Идите, молъ, на Темзу и на Нилъ—
Спасибо, люди добрые, спасибо,
Что не жалѣли ночи и чернилъ.

Но только я уже бывалъ на Темзѣ,
Собакою на Сенѣ возсѣдалъ.
Я не грублю, а отвѣчаю тѣмъ же,—
А писемъ до конца не дочиталъ.

А ваши похвалы и комплименты—
Авансы мнѣ, ихъ не забуду я.
Отъ вашихъ строкъ, мои корреспонденты,
Прямѣетъ путь и сохнетъ колея.

Сержанты, моряки, интеллигенты,
Простите, что не каждому отвѣтъ:
Я вамъ пишу, мои корреспонденты,
Ночами пѣсни—вотъ ужъ десять лѣтъ!

1972 г.

У насъ величайшая, лучшая въ мірѣ поэзія.

Владиміръ Высоцкій.

We have the greatest, the best poetry in the world.

Vladimir Vysotsky.

Пѣсни другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій.

Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky.

Рано утромъ проснешься...

Слова неизвѣстнаго автора.

Рано утромъ проснешься,
и газету раскроешь—
На послѣдней страницѣ
золотыя слова!
Это Климъ Ворошиловъ
даровалъ намъ свободу,
И теперь на свободѣ
будемъ мы воровать.
Это Климъ Ворошиловъ
даровалъ намъ свободу,
И теперь на свободѣ
будемъ мы воровать.

Рано утромъ проснешься,
на повѣрку построятъ.
Вызываютъ по списку—
и выходишь впередъ.
Это Климъ Ворошиловъ
и братишка Буденный
Подарили свободу,
и ихъ любитъ народъ!
Это Климъ Ворошиловъ
и братишка Буденный
Подарили свободу,
и ихъ любитъ народъ!

I'll wake up in a morning...

Written by Anonymous.

I'll wake up in a morning,
and then open a paper—
There I'll find what I dream of
on the very last page.
It is Klim Voroshilov
has given us independence,
And at large, as before, we'll
drink and walk the high-way.
It is Klim Voroshilov
has given us independence,
And at large, as before, we'll
drink and walk the high-way.

I'll wake up in a morning,
and then fall into order.
They'll call out from the list me—
I'll respond and come forth.
It is Klim Voroshilov
and our brother Budyonny,
To the open, have brought us,
and they're blessed by folks!
It is Klim Voroshilov
and our brother Budyonny,
To the open, have brought us,
and they're blessed by folks!

Такова ужъ воровская доля...

Слова Петра Грузинскаго-Багратіони.

Такова ужъ воровская доля,
Въ нашей жизни часто такъ бываетъ —
Мы на годы разстаемся съ волей,
Но нашъ братъ нигдѣ не унываетъ.
Мы на годы разстаемся съ волей,
Но нашъ братъ нигдѣ не унываетъ.

Можетъ, кто погибель мнѣ готовитъ,
Солнца лучъ блеснетъ на небѣ рѣдко.
Дорогая, вѣдь воронъ не ловятъ —
Только соловьи сидятъ по клѣткамъ...
Дорогая, вѣдь воронъ не ловятъ —
Только соловьи сидятъ по клѣткамъ...

1959 г.

Such is, my love, the destiny of thieves...

Written by Peter Gruzinsky-Bagrationi.

Such is, my love, the destiny of thieves,
It's just a usual affair on our pathway—
We part from freedom for long trying years,
But nothing can move those who own no master.
We part from freedom for long trying years,
But nothing can move those who own no master.

Perhaps someone prepares my o'erthrow,
The sky is often covered with black clouds.
But no bird-catcher aims to catch a crow—
The things are only nightingales, our brothers...
But no bird-catcher aims to catch a crow—
The things are only nightingales, our brothers...

1959.

Таганка.

Композиція Владиміра Высоцкаго.

Цыганка съ картами — дорога дальная,
Дорога дальная, казенный домъ.
Быть можетъ, старая тюрьма центральная
Мнѣ снова предоставитъ кровъ и столъ.
Быть можетъ, старая тюрьма центральная
Мнѣ снова предоставитъ кровъ и столъ.

Таганка! всѣ ночи полныя огня.
Таганка! зачѣмъ сгубила ты меня?
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.

Я знаю, милая, что мы разстанемся,
Дороги разныя намъ суждены...
И вотъ по Пятницамъ идутъ свиданія,
И слезы капаютъ моей жены.
И вотъ по Пятницамъ идутъ свиданія,
И слезы капаютъ моей жены.

Таганка! всѣ ночи полныя огня.
Таганка! зачѣмъ сгубила ты меня?
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.

Идемъ на сѣверъ — срока огромные,
Кого ни спросишь — у всѣхъ Указъ.
Взгляни, взгляни въ глаза мои суровые,
Взгляни, быть можетъ, въ послѣдній разъ.
Взгляни, взгляни въ глаза мои суровые,
Взгляни, быть можетъ, въ послѣдній разъ.

Таганка! всѣ ночи полныя огня.
Таганка! зачѣмъ сгубила ты меня?

Taganka.

A composition of Vladimir Vysotsky.

An old Gypsy with cards... Soon there'll be a long trail,
A long trail and, moreover, a home from the state.
It appears that again our old central jail
Waits for her unpretended and faithful inmate.
It appears that again our old central jail
Waits for her unpretended and faithful inmate.

> Taganka! all of thy nights are full of light.
> Taganka! what for hast thou wrecked my life?
> Taganka, I'm thy perennial inmate,
> Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
> Taganka, I'm thy perennial inmate,
> Behind thy walls, my youth and talent are to waste.

Be aware, my beloved, we'll be parted sometimes—
Even for years, our paths will be laid quite aside.
And I can't promise thee that there'll be many times
When we meet—and I'll see bitter tears in thy eyes.
And I can't promise thee that there'll be many times
When we meet—and I'll see bitter tears in thy eyes.

> Taganka! all of thy nights are full of light.
> Taganka! what for hast thou wrecked my life?
> Taganka, I'm thy perennial inmate,
> Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
> Taganka, I'm thy perennial inmate,
> Behind thy walls, my youth and talent are to waste.

We've been sent to the North with the terms more than life,
If you ask any one—he's committed no crime.
Take a look, O my love, in my rigorous eyes,
There may happen such a case that it'll be the last time.
Take a look, O my love, in my rigorous eyes,
There may happen such a case that it'll be the last time.

> Taganka! all of thy nights are full of light.
> Taganka! what for hast thou wrecked my life?

Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ.
Таганка, я твой безсмѣнный арестантъ,
Погибли юность и талантъ въ твоихъ стѣнахъ...

Taganka, I'm thy perennial inmate,
Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
Taganka, I'm thy perennial inmate,
Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
Taganka, I'm thy perennial inmate,
Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
Taganka, I'm thy perennial inmate,
Behind thy walls, my youth and talent are to waste.
Taganka, I'm thy perennial inmate,
Behind thy walls, my youth and talent are to waste...

Письмо Сталину.

Слова Іосифа Алешковскаго.

Товарищъ Сталинъ, вы — большой ученый,
Въ наукахъ многихъ знаете вы толкъ,
А я — простой Совѣтскій заключенный,
Въ кругу моихъ друзей — Тамбовскій волкъ.
А я — простой Совѣтскій заключенный,
Въ кругу моихъ друзей — Тамбовскій волкъ.

За что сижу, доподлинно не знаю,
Но судьи быть не могутъ не правы.
А содержусь я въ Туруханскомъ краѣ,
Гдѣ при царизмѣ были въ ссылкѣ вы.
А содержусь я въ Туруханскомъ краѣ,
Гдѣ при царизмѣ были въ ссылкѣ вы.

Какъ и тогда, кругомъ тайга густая,
Конвойные жъ суровы и грубы,
И это я, конечно, понимаю
Какъ обостренье классовой борьбы.
И это я, конечно, понимаю
Какъ обостренье классовой борьбы.

То дождь, то снѣгъ, то мошкара надъ нами,
Какъ мы въ тайгѣ съ утра и до утра.
Вы здѣсь изъ «Искры» раздували пламя,
Спасибо вамъ, я грѣюсь у костра.
Вы здѣсь изъ «Искры» раздували пламя,
Спасибо вамъ, я грѣюсь у костра.

Вамъ тяжелѣй, вы обо всѣхъ на свѣтѣ
Заботитесь въ ночной тоскливый часъ,
Шагаете въ Кремлевскомъ кабинетѣ,
Дымите трубкой, не смыкая глазъ.
Шагаете въ Кремлевскомъ кабинетѣ,
Дымите трубкой, не смыкая глазъ.

Я вижу васъ, какъ вы въ партійной кепкѣ
И въ кителѣ идете на парадъ.

Мы жъ рубимъ лѣсъ, и Сталинскія щепки
При этомъ во всѣ стороны летятъ.
Мы жъ рубимъ лѣсъ, и Сталинскія щепки
При этомъ во всѣ стороны летятъ.

Вчера мы хоронили двухъ Марксистовъ,
Мы ихъ накрыли краснымъ кумачомъ.
Одинъ изъ нихъ былъ правымъ уклонистомъ,
Другой же курсу слѣдовалъ во всемъ.
Одинъ изъ нихъ былъ правымъ уклонистомъ,
Другой же курсу слѣдовалъ во всемъ.

Онъ до конца вамъ преданнымъ остался,
И вотъ его послѣднія слова:
«Я никогда въ вождѣ не сомнѣвался,
«Всегда считалъ, что Сталинъ — голова.»
«Я никогда въ вождѣ не сомнѣвался,
«Всегда считалъ, что Сталинъ — голова.»

Желаю вамъ всѣхъ благъ, товарищъ Сталинъ,
Не сокрушайтесь сильно обо мнѣ,
Росло бы только производство стали
На душу населенія въ странѣ!
Росло бы только производство стали
На душу населенія въ странѣ!

1959 г.

Солдатская пѣсня.

Слова Давида Самойлова.

Ахъ, поле, поле, поле,
Ахъ, поле, поле, поле!
А что ростетъ на полѣ?
Одна трава, не болѣ.

А что свиститъ надъ полемъ,
А что свиститъ надъ полемъ?
Свистятъ надъ полемъ пули,
Еще свистятъ снаряды.
А кто идетъ по полю?
Хоробрые солдаты.

Идутъ они по полю
Съ примкнутыми штыками —
Потомъ прижмутся къ полю
Холодными щеками.
Потомъ прижмутся къ полю
Холодными щеками.

А что потомъ на полѣ,
А что потомъ на полѣ?
Одна трава — не болѣ,
Одна трава — не болѣ...

Между 1955 и 1958 гг.

A Soldier Song.

Written by David Samoylov.

Ah, thou field, ah, thou field!
Ah, thou field, ah, thou field!
And what is growing on the field?
There is nothing but the weed.

And what is whistling o'er the field,
And what is whistling o'er the field?
The balls are whistling o'er the field—
The bullets and the shells.
And who are going cross the field?
The plucky martial men.

These men are going cross the field
As strongly as atilt,
But then they'll snuggle up to the field
With their cold cheeks.
But then they'll snuggle up to the field
With their cold cheeks.

And what'll be later on the field,
And what'll be later on the field?
There'll be nothing but the weed,
There'll be nothing but the weed...

Between 1955 and 1958.

Міръ — такой кромѣшный...

Слова Давида Маркиша.

Міръ — такой кромѣшный,
Онъ и лѣтомъ, и зимою снѣжный.
Человѣкъ идетъ по міру,
Человѣкъ хорошій, грѣшный.
Кто твой Богъ, кто твой кумиръ, о человѣкъ? —
Ты и самъ не знаешь,
И въ пути страдаешь,
Дорогой мой человѣкъ.

Слушай, мальчикъ Ваня,
Въ этой жизни всѣ — Цыгане.
Отцвѣтетъ онъ и увянетъ,
Или вновь цвѣткомъ онъ станетъ...
Можетъ, сына ты оставишь на землѣ,
Можетъ, такъ вернешься къ мраку...
Парой синихъ маковъ
Расцвѣтутъ глаза твои.

Около 1962 г.

Our greatly praised world is so pitchy...

Written by David Markish.

Our greatly praised world is so pitchy,
Here's the snowfall in summer and winter.
Through it Man makes his pathway of life,
He's religious and sinful alike.
Who's thy God, O Man, what's thy goal?—
Both of answers for thee are unknown,
And therefore thou'rt suffering pain,
O Man, on thy questionable way.

Vanya, listen to me, my dear child,
Gypsies are all the people in this life.
He may lose color and pass away,
Or become a fine flower again...
Maybe thou'lt get here wealth and kids,
But then thou'lt return to the King...
Thy bright eyes, my dear Vanya, will bloom
Like two fairy-tale poppies of blue.

Circa 1962.

Нищая.

Слова Пьера-Жана Беранже.

Мететъ поземокъ, въ крупныхъ хлопьяхъ,
Кружась, на землю снѣгъ валитъ.
У входа въ храмъ, одна, въ лохмотьяхъ,
Старушка нищая стоитъ...

И, милостыни ожидая,
Она все тутъ съ клюкой своей,
И лѣтомъ, и зимой босая...
Подайте Христа ради ей!
Подайте жъ Христа ради ей!

Когда она на сценѣ пѣла,
Былъ очарованъ каждый ей.
Она соперницъ не имѣла...
Подайте Христа ради ей!
Подайте жъ Христа ради ей!

До 1844 г.

The Beggar-Woman.

Written by Pierre-Jean de Béranger.

Where the snowflakes whirl over yonder flags
A woman kneels hand-outspread,
The ice-wind pierces her wretched rags
As she prays,—can it be for bread?
Those cathedral gates are her daily goal,
Let the weather be what it may,
And, saddest of all, she is blind, poor soul;
For pity's sake turn not away!
For pity's sake turn not away!

Know you what she was once, that woman there,
So haggard and broken-down?
At the opera none was a tithe so fair,
And her voice was the talk of the town;
Let her move them to laughter or melt to tears,
Their homage all flocked to pay;
Day and night she bewitched them, heart, eyes, and ears.
For pity's sake turn not away!
For pity's sake turn not away!

Before 1844.

Въ дорогѣ.

Слова Ивана Тургенева.

Утро туманное, утро сѣдое,
Нивы печальныя, снѣгомъ покрытыя.
Вспомнишь нежданно ты время былое,
Вспомнишь негаданно лица забытыя.

Вспомнишь обильныя, страстныя рѣчи,
Взгляды, такъ жадно, такъ нѣжно ловимые,
Первыя встрѣчи, послѣднія встрѣчи,
Тихаго голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку съ улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая рокотъ колесъ непрестанный,
Глядя задумчиво въ небо широкое.

1843 г.

On the Road.

Written by Ivan Turgenev.

Gray is the morning, the morning is misty,
Mournful are grasslands all covered with snow.
Out of thy wish thou wilt get thinkings wispy,
Images, feelings thou'st lost long ago.

Thou wilt remember the passionate speeches,
Glances thou longedst for and keenly desiredst,
Greetings at meetings and sealing of breaches,
Sounds of voices, the voice thou admiredst.

Thou wilt recall that strange smile at the parting,
Lots of the things that are sweet and remote,
While listening to the train wheels soft debating,
Watching the wide sky, while thou'rt on the road.

1843.

Если я заболѣю.

Слова Ярослава Смѣлякова.

Если я заболѣю, къ врачамъ обращаться не стану,
Обращусь я къ друзьямъ (не сочтите, что это — въ бреду):
Постелите мнѣ степь, занавесьте мнѣ окна туманомъ,
Въ изголовьи повесьте упавшую съ неба звѣзду.
Постелите мнѣ степь, занавесьте мнѣ окна туманомъ,
Въ изголовьи повесьте упавшую съ неба звѣзду.

Я иду напроломъ, не слыву межъ людьми недотрогой.
Если жъ ранятъ меня въ справедливыхъ тяжелыхъ бояхъ —
Забинтуйте мнѣ голову Русской лѣсною дорогой,
И укройте меня одѣяломъ въ осеннихъ цвѣтахъ.
Забинтуйте мнѣ голову Русской лѣсною дорогой,
И укройте меня одѣяломъ въ осеннихъ цвѣтахъ.

Порошковъ и таблетокъ, настоекъ и капель не надо,
Пусть въ стаканѣ моемъ золотые сіяютъ лучи.
Разноцвѣтьемъ полей, шумомъ волнъ, серебромъ водопада —
Вотъ чѣмъ стоитъ, друзья, всѣ болѣзни и раны лѣчить.
Разноцвѣтьемъ полей, шумомъ волнъ, серебромъ водопада —
Вотъ чѣмъ стоитъ, друзья, всѣ болѣзни и раны лѣчить.

Отъ морей и отъ горъ вѣетъ свѣжестью, вѣетъ просторомъ.
Какъ посмотришь на нихъ, такъ почувствуешь — вѣчно живемъ.
Не больничнымъ отъ васъ я однажды уйду корридоромъ,
А уйду я сверкающимъ, сказочнымъ Млечнымъ путемъ...
Не больничнымъ отъ васъ я однажды уйду корридоромъ,
А уйду я сверкающимъ, сказочнымъ Млечнымъ путемъ...

1949 г.

If I'm Suddenly Sick.

Written by Yaroslav Smelyakov.

If I'm suddenly sick, I'll refuse to appeal to the doctors,
I'll appeal to my friends (trust me I'm in my right mind so far):
Take the steppe for my bed, set the mist as my windows' curtains,
Put behind my bed's head, as a candle, the heavenly star.
Take the steppe for my bed, set the mist as my windows' curtains,
Put behind my bed's head, as a candle, the heavenly star.

I walk forth right through all, never think what may say mighty persons.
If I take a hard blow in the rightful and merciless fight,
Bandage my bleeding head with the road through the Russian wood of birches,
And, to cover myself, use the blanket of fall roses' light.
Bandage my bleeding head with the road through the Russian wood of birches,
And, to cover myself, use the blanket of fall roses' light.

Take away pills and drops, let the rays gaily shine in my glasses.
I will never take care of the usual remedies else
The hot wind of the sands, silver foam that the waterfall rises—
But such things are essential for recovering one's broken health.
The hot wind of the sands, silver foam that the waterfall rises—
But such things are essential for recovering one's broken health.

From the highlands and seas, spreads the freshness of ages around.
Look at them and ye'll feel that we're here forever to stay.
Not with boxes for pills will be peppered my road—with white clouds,
When I leave you, my friends, for the flickering, weird Milky Way...
Not with boxes for pills will be peppered my road—with white clouds,
When I leave you, my friends, for the flickering, weird Milky Way...

1949.

Вѣтеръ.

Слова Новеллы Матѳеевой.

Какой большой вѣтеръ
Напалъ на нашъ островъ!
Съ домишекъ сдулъ крыши,
Какъ съ молока пѣну.
И если гвоздь къ стѣнкѣ
Пригнать концомъ острымъ,
Безъ молотка, сразу,
Въ нее онъ самъ влѣзетъ.

Охъ, какой вѣтеръ,
Какой злой вихорь!
Ажъ корешокъ рѣдьки
Изъ грядки вонъ вырвалъ!
И, подкатясь бокомъ
Къ сосѣднему саду,
Въ чужую онъ грядку
Влѣзъ и опять выросъ.

А штормъ угналъ въ море
У рыбаковъ шлюпки,
И рыбакамъ съ горя
Не раскурить трубки.
А раскурить надо,
Да вотъ зажечь спичку —
Какъ на лету взглядомъ
Остановить птичку.

Охъ, какой вихорь,
И нѣту съ нимъ сладу!
А ты сидишь тихо,
А ты сидишь рядомъ,
И никакимъ вѣтромъ
Тебя невмочь стронуть, —

Скорѣй Нептунъ слѣзетъ
Со своего трона.

1961 г.

Когда ярится океанъ...

Слова неизвѣстнаго автора.

Когда ярится океанъ,
Свирѣпымъ гнѣвомъ обуянъ,
И, озираючись окрестъ,
Не знаешь ты, гдѣ нордъ, гдѣ вестъ—
Довѣрься картѣ звѣздной,
Плывя надъ черной бездной!

When the Ocean is in a rage...

Written by Anonymous.

When the Ocean is in a rage,
And his waters mix with Heaven's,
When it's hard to comprehend,
Where's the East, and where's the West—
Trust, my brother, to the Stars,
Sailing over the black gulf!

Гори, гори, моя звѣзда...

Слова Владиміра Чуевскаго.

Гори, гори, моя звѣзда,
Гори, звѣзда привѣтная!
Ты у меня одна завѣтная,
Другой не будетъ никогда.

Сойдетъ ли ночь на землю ясная,
Звѣздъ много блещетъ въ небесахъ,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь въ отрадныхъ мнѣ лучахъ.

Звѣзда надежды благодатная,
Звѣзда любви волшебныхъ дней,
Ты будешь вечно незакатная
Въ душѣ тоскующей моей!

Твоихъ лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я — ты надъ могилою
Гори, гори, моя звѣзда!

1868 г.

На толчкѣ Одессы-града...

Слова Льва Зингерталя.

На толчкѣ Одессы-града
шумъ и тарарамъ,
Продается все, что надо,
барахло и хламъ.
Будки, лавки, магазины,
толпами народъ.
Бабы, склянки и корзины
заняли проходъ.

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Парень жаритъ на гармошкѣ,
собрался народъ.
Я торговкѣ сталъ на ножку,
слышу: «Идіётъ!»
Попросилъ, чтобъ извинила,
я, молъ, не хотѣлъ,
Такъ еще и вслѣдъ покрыла.
А базаръ гудѣлъ.

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Брынза, масло, простокваша,
морсъ и квасъ на льду,
Самовары, борщъ и каша —
все въ одномъ ряду.

А горилки слишкомъ много,
что ни шагъ — буѳетъ.
Что сказать насчетъ спиртного?
Недостатку нѣтъ!

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Будка вотъ низка и узка
съ вывеской «буѳетъ».
Всевозможная закуска,
завтракъ и обѣдъ,
Колбаса, творогъ, настойка,
пиво и кагоръ,
А еще лежитъ на стойкѣ
горка помидоръ.
А подъ стойкой —
самогонки полный чанъ.
Первоклассный
самогонный ресторанъ!

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Производитъ за минутку
съемку фотографъ,
А полиція на будку
налагаетъ штрафъ.
Нищій проситъ помогли чтобъ,
жалобный взявъ тонъ,
А зайдя за будку, лихо
дуетъ самогонъ.

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Вотъ сидитъ, согнувши спину,
баба, крѣпко спитъ,
А собачка къ ней въ корзину
сдѣлала визитъ.
Опрокинулась корзина,
и торговка — въ крикъ:
«Все проклятая скотина
съѣла въ одинъ мигъ!»

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?
— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

На базарѣ вдругъ раздался
крикъ: «Аеропланъ!»
Кто-то рядомъ постарался —
вычистилъ карманъ.
«Ой, рятуйтя,
господа хороши!
Изъ карману
вытащили гроши!»
— Такъ тобѣ и надо,
коль ты такой болванъ!
Кто же на базарѣ
глядитъ на еропланъ?

— Есть галеты!
— Сѣмячки каленыя!
— Сигареты!
— А кому лямоны?

— Есть вода, холодная вода!
Пейтя воду, воду, господа!

Середина 1920-хъ гг.

Сиротка.

Слова Сергѣя Есенина.

Злая мачеха у Маши
Отняла ея нарядъ,
Ходитъ Маша безъ наряда,
И ребята не глядятъ.

Ходитъ Маша въ сарафанѣ,
Сарафанъ весь изъ заплатъ,
А у мачехиной дочки
Въ серьгахъ яхонты горятъ.

Ты стояла у крылечка,
А кругомъ мела пурга...
Я бъ, родная, твои слезы
Заморозилъ въ жемчуга!

1914 г.

The Orphan.

Written by Sergey Yesenin.

Masha has a harsh stepmother,
She's taken her fine gown away.
Masha lacks for chance to smarten up,
And no lad gives her his gaze.

An old sarafan is what she
Has to wear the whole year.
Her stepsister gets what wants she,
Sparkle sapphires in her ears.

Thou stoodest near the entrance,
While a raging storm there was...
How it's sad that I wasn't able to
Freeze thy sore tears into pearls!

1914.

Погибъ поэтъ!—невольникъ чести...

Михаилъ Лермонтовъ.

The Poet's dead!—a slave to honor...

Mikhail Lermontov.

Стихи и пѣсни о Владимірѣ Высоцкомъ.

Poems and Songs on Vladimir Vysotsky.

О Володѣ Высоцкомъ.

Слова Булата Окуджавы.

О Володѣ Высоцкомъ я пѣсню придумать рѣшилъ —
Онъ ушелъ далеко, не вернуться ему изъ похода.
Говорятъ, что грѣшилъ, что до срока свѣчу потушилъ...
Какъ умѣлъ, такъ и жилъ, а безгрѣшныхъ не знаетъ природа.
Говорятъ, что грѣшилъ, что до срока свѣчу потушилъ...
Какъ умѣлъ, такъ и жилъ, а безгрѣшныхъ не знаетъ природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на мигъ, а потомъ
Мы вослѣдъ поспѣшимъ — всѣмъ на свѣтѣ сей путь предназначенъ.
Пусть кружитъ надъ Москвою охрипшій его баритонъ,
Ну а мы вмѣстѣ съ нимъ посмѣемся и вмѣстѣ поплачемъ.
Пусть кружитъ надъ Москвою охрипшій его баритонъ,
Ну а мы вмѣстѣ съ нимъ посмѣемся и вмѣстѣ поплачемъ.

О Володѣ Высоцкомъ я пѣсню придумать хотѣлъ,
Но дрожала рука, и мотивъ со стихомъ не сходился...
Бѣлый аистъ Московскій на бѣлое небо взлетѣлъ,
Черный аистъ Московскій на черную землю спустился.
Бѣлый аистъ Московскій на бѣлое небо взлетѣлъ,
Черный аистъ Московскій на черную землю спустился.

1980 г.

On Volodya Vysotsky.

Written by Bulat Okudzhava.

I was going to write a good song on Volodya Vysotsky—
Just as all his precursors, he'll never come back from that trip.
Some declare that he was an imprudent and prodigal person...
He lived as he was able to, one won't find the sinless 'mongst people.
Some declare that he was an imprudent and prodigal person...
He lived as he was able to, one won't find the sinless 'mongst people.

Our separation won't be long, in a moment we'll also be no-shows,
And tread in his hot steps—for each person, that trip is ordained.
Let his hoarse baritone, as before, make circles o'er his loved Moscow,
And, together with him, we'll be mournful or mirthful again.
Let his hoarse baritone, as before, make circles o'er his loved Moscow,
And, together with him, we'll be mournful or mirthful again.

I was aiming to write a good song on Volodya Vysotsky,
But was trembling my hand, and the melody didn't fit the song...
To the black sinful Earth, has descended the black stork of Moscow,
And the white Moscow stork to the white spotless Heaven has gone.
To the black sinful Earth, has descended the black stork of Moscow,
And the white Moscow stork to the white spotless Heaven has gone.

1980.

Памяти Владиміра Высоцкаго.

Слова Алеѯандра Городницкаго.

Погибъ поэтъ. Вотъ такъ же умеръ Гамлетъ,
Опробованный ядомъ и клинкомъ.
Погибъ поэтъ, а мы вотъ живы — намъ ли
Охаивать его обинякомъ?

Но разсуждаютъ круглые невѣжды
Надъ лопнувшей гитарною струной...
Законченъ путь его, и нѣтъ надежды,
Что это просто слухъ очередной.

Гдѣ прежніе его единовѣрцы,
Любимые и вѣрные друзья?..
Умолкъ поэтъ — не выдержало сердце, —
Ему и было выдержать нельзя.

Его словами праздными не троньте,
Что́ ваши сплетни суетныя всѣ!
Судьба поэта — умереть на фронтѣ,
Мечтая о нейтральной полосѣ.

Нѣтъ мѣста суетѣ суетъ дурацкой
На взятыхъ имъ далекихъ рубежахъ —
Поэтъ обрѣлъ покой въ могилѣ братской,
Гдѣ всѣ погибшіе за Русь лежатъ.

За то онъ оказался на прицѣлѣ,
Что протянулъ отъ Пушкина къ намъ нить,
И сколько бъ ни писали мы, ни пѣли,
Его намъ одного — не замѣнить.

1980 г.

На смерть Владиміра Высоцкаго.

Слова неизвѣстнаго автора.

Кони,
кони,
кони,
кони.
Привередливые кони.
Путь оконченъ.
Путь оконченъ.
Путь оконченъ.
Вѣтеръ захлебнулся пѣной.
Кто тамъ высказаться хочетъ?
Кто тамъ хочетъ что-то вспомнить?
Поздно.
Поздно.
Путь оконченъ.
Помолчимъ же, какъ сумѣемъ.
Лучше бъ громче и смѣлѣе.
Отчего же,
Отчего же
Мы не смѣли?
И не смѣемъ?
Всѣмъ понятно,
все понятно,
Все, что можно:
Честенъ, дерзокъ, незапятнанъ.
Остальное — промолчали!
А душа — она кричала!
А сарказмъ — бросалъ перчатку!
Можетъ, лучше для начала
Просто взять и напечатать?
Все до самой горькой боли,
Все до самой главной строчки,
До послѣдней,
И, тѣмъ болѣ,
Развѣ кто-нибудь не хочетъ?
Онъ хрипѣлъ, глаза не пряталъ,
Ну, а мы, а мы посмѣемъ?

Что, кишка тонка?
А значитъ,
Не чета намъ рыцарь смѣха.
Намъ въ дѣтсадикъ бы съ досадой
Нашей тихой и пристойной.
Постояли, повздыхали
И отправились за столикъ...

1980 г.

Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ моемъ...

Слова Никиты Высоцкаго.

Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ моемъ,
А вотъ теперь ушла еще и совѣсть.
Онъ больше не споетъ намъ ни о чемъ,
И вродѣ можно жить не безпокоясь.

Такъ только онъ сказать и спѣть умѣлъ,
Что нашихъ душъ въ отвѣтъ звучали струны.
Аккордъ его срывался и звенѣлъ,
Чтобъ насъ заставить мучаться и думать.

Онъ не дожилъ, не досказалъ всего,
Что́ билось съ пульсомъ и въ душѣ звучало.
И сердце отказало отъ того,
Что слишкомъ долго отдыха не знало.

Онъ больше на эстраду не взойдетъ,
Такъ просто и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ достойно...
Онъ умеръ? Да. И все же онъ поетъ,
И мы уже не сможемъ жить спокойно.

1980 г.

There are no prophets in my own land...

Written by Nikita Vysotsky.

There are no prophets in my own land,
And presently the conscience has forsaken it.
In place of him, no one is able to stand,
And one may hope to live without vexations.

But his voice rang and but his playing belled
In such a way that hearts and souls answered.
He often wore his fingers till they bled,
To force us to start mounting Jacob's dancers.

He hasn't told us all what with his beat throbbed
And sounded unrelievedly in his soul.
No wonder that his bleeding heart has stopped—
For many years he had no day to loaf.

Our bard won't mount the platform any more,
So simple and in addition so adequately...
Has died he? Yes. However he performs,
And we live purposefully and discreetly.

1980.

Погибъ поэтъ! — невольникъ чести...

Слова неизвѣстнаго автора.

Погибъ поэтъ! — невольникъ чести...
Въ который разъ такой конецъ!
Въ Россіи издавна извѣстно,
Что́ значитъ генія вѣнецъ.

Сказали: «Былъ талантъ высокій,
«Украсилъ онъ двадцатый вѣкъ.»
Но нѣтъ! Посланцемъ былъ Высоцкій —
Поэтъ, пѣвецъ и человѣкъ.

The Poet's dead!—a slave to honor...

Written by Anonymous.

The Poet's dead!—a slave to honor...
It's happed again in such a way!
But far and wide it's been long known
That short is the Russian poets' stay.

At present they respect Vysotsky,
And say he was a gifted man.
Give up your wiles! God's crier was he—
A splendid poet and a Man.

На девятый день послѣ похоронъ.

Слова Всеволода Абдулова.

Въ друзьяхъ богатъ онъ былъ, на всѣхъ хватало
Его надежной дружеской руки,
Вотъ о врагахъ онъ думалъ слишкомъ мало.
Охота кончена. Онъ вышелъ на флажки.

Таганка въ траурѣ, открыли доступъ къ тѣлу.
Къ его душѣ всегда онъ былъ открытъ.
Съ нимъ можно было просто, прямо къ дѣлу.
И вотъ такимъ не будетъ онъ забытъ.

Шли, опершись на костыли и клюшки,
Съ женой, съ дѣтьми, не смѣя зарыдать.
И кто-то выговорилъ все же: «Умеръ Пушкинъ.»
Вѣдь не хватало смерти, чтобъ сказать!

Мы, взявшись за руки, стоимъ передъ обрывомъ,
Земля гудитъ отъ топота копытъ,
А онъ въ пути смертельномъ и счастливомъ.
И вотъ такимъ не будетъ онъ забытъ.

Мы постояли по-надъ пропастью, надъ краемъ,
Гдѣ рвется нить, едва ее задѣть.
И этотъ день — днемъ памяти считаемъ,
А также каждый слѣдующій день.

Обложили, какъ волка, флажками...

Слова Анатолія Жигулина.

Обложили, какъ волка, флажками,
И загнали въ холодный оврагъ.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черныхъ стволахъ.

Я, конечно, совсѣмъ не безпеченъ.
Жалко жизни и пѣсни въ быломъ.
Но удѣлъ мой прекраснъ и вѣченъ—
Все равно я пойду напроломъ.

Вонъ и егерь застылъ въ караулѣ.
Вотъ и горечь послѣднихъ минутъ.
Что́ мнѣ пули? Обычныя пули.
Эти пули меня не убьютъ.

1981 г.

Like a wolf, I'm surrounded with flags...

Written by Anatoly Zhigulin.

Like a wolf, I'm surrounded with flags,
And driven into the cold and deep rupture.
And the yellowish flame of the crack
Has lit up dark outlines of the hunters.

One won't state that I'm dull or neglectful,
And I'm sad for my song in the past.
But my lot is eternal and excellent—
All the same, I will shoulder my path.

There a hunter is raising his gun,
His wet face is excited and mirthful...
Who's afraid of the regular gun?
The gun ball can't take life of a person.

1981.

Жилъ поэтъ среди насъ...

Слова Игоря Кохановскаго.

Жилъ артистъ, жилъ поэтъ, жилъ пѣвецъ среди насъ,
Онъ игралъ, онъ писалъ, онъ намъ пѣлъ — онъ угасъ,
Онъ угасъ, какъ свѣча на вѣтру,
Сонъ пришелъ — онъ уснулъ поутру,
Сонъ пришелъ не къ добру —
Онъ уснулъ навсегда въ этотъ разъ.

Жилъ артистъ, жилъ поэтъ, жилъ пѣвецъ — шумно жилъ,
Онъ намъ пѣснь свою пѣлъ изо всѣхъ своихъ силъ,
И надрывно звучалъ его басъ,
И струна у гитары рвалась,
Не рвалась только связь
Между нами и нимъ, не рвалась.

Жилъ артистъ, жилъ поэтъ, жилъ пѣвецъ — пѣсней жилъ,
Душу всю, сердце все въ эту пѣснь онъ вложилъ.
И ушла его пѣсня въ народъ,
Словно Якъ-истребитель на взлетъ,
И не смогъ гололедъ
Помѣшать ей, не смогъ гололедъ.

Жилъ артистъ, жилъ поэтъ, жилъ пѣвецъ нашихъ дней,
Не сумѣлъ онъ сдержать бѣгъ упрямыхъ коней,
Что его по землѣ такъ несли,
Какъ нести только кони могли
Нашей Русской земли,
Удивительной Русской земли.

Lived a poet ’mongst us...

Written by Igor Kokhanovsky.

Lived a poet, an artist, a singer ’mongst us,
Wrote he, played and sang he for us — and he passed,
Like a candle that was blown by the wind,
In the morning, he got a deep sleep,
And was o’ercome with it —
It the one with no breaking turned out.

Lived a poet, an artist, a singer for us,
At the top of his voice sang his song he to us,
His hoarse voice was heartfelt and distinct,
Often his fingers were bled, tore the strings,
And the air would ring with
Our applause when he came to us.

Lived a poet, an artist, a singer — he put
Into written by him all his soul to the root.
And his song made its way to the folks,
Thus the “Yak” to its flying takes off,
And the ice on the Earth
Was unable to impede it to shoot.

Lived a poet, an artist, a singer with us,
To restrain his proud horses’ pace he had no chance,
With no breaking they carried him forth
Through our bitter-sour-sweet-salty earth,
Through our fabulous earth,
There’s no other earth with such proud ones.

Больше не встрѣчу.

Слова Игоря Кохановскаго.

Какъ мы дружили, какъ рядомъ шли,
Какъ рядомъ были въ любой дали,
Забыть какъ можно? И вотъ сегодня
Вновь я вспомнилъ, вновь я вспомнилъ наши дни,
Тѣ наши дни...

Больше не встрѣчу такого друга, не встрѣчу...
Такого друга, какъ ты, даритъ жизнь только разъ.
Былъ я увѣренъ всегда, что время все лѣчитъ,
Но грусть мою о тебѣ не уносятъ года.

Ушелъ ты утромъ, ушелъ въ разсвѣтъ—
Туда, откуда возврата нѣтъ.
Смириться трудно, не вѣрить—глупо.
Есть минуты, есть минуты словно сонъ,
Нелѣпый сонъ...

Больше не встрѣчу такого друга, не встрѣчу...
Такого друга, какъ ты, даритъ жизнь только разъ.
Былъ я увѣренъ всегда, что время все лѣчитъ,
Но грусть мою о тебѣ не уносятъ года.

Кто правъ изъ насъ былъ, а кто не правъ,
Рѣшить сейчасъ бы, но нѣтъ тебя.
Теперь все поздно и всѣ вопросы
Стали просто, стали просто ни къ чему,
Все ни къ чему...

Больше не встрѣчу такого друга, не встрѣчу...
Такого друга, какъ ты, даритъ жизнь только разъ.
Былъ я увѣренъ всегда, что время все лѣчитъ,
Но грусть мою о тебѣ не уносятъ года.

Письмо.

Слова Юрія Визбора.

Пишу тебѣ, Володя, съ Садоваго кольца,
Гдѣ съ неба льютъ раздробленныя воды.
Все въ мірѣ ожидаетъ законнаго конца,
И только не кончается погода.
А впрочемъ, безконечны навѣты и вранье,
И тѣ, кому не выдалъ Богъ таланта,
Лишь тѣмъ и утверждаютъ присутствіе свое,
Что тщатся обкусать ступни гигантамъ.

Да только нѣтъ въ нихъ проку, давай-ка о другомъ...
«Вотъ мельница — она ужъ развалилась...»
На Кудринской недавно такой ударилъ громъ,
Что все Г.А.И. тайкомъ перекрестилось.
Все тѣ же разговоры — почемъ и что́ имѣть,
Изъ моды наконецъ-то вышли «Бони».
Теперь никто не хочетъ хотя бы умереть
Лишь для того, чтобъ вышелъ первый сборникъ.

Мы здѣсь поодиночкѣ смотрѣлись въ небеса,
Мы скоро соберемся воедино,
И наши въ общемъ хорѣ сольются голоса,
И вѣтеръ обласкаеть наши спины.
Уйдутъ всѣ наши бѣды, пребудутъ мелюзгой
Вельможи похвала и окрикъ гнѣвный...
Откроетъ печь Тургеневъ чугунной кочергой,
И свѣтъ блеснетъ въ очкахъ Хемингуэя.

Пока хватаетъ силы смѣяться надъ бѣдой,
Безпечны мы, какъ въ праздникъ эскимосы —
Какъ говорилъ тотъ самый Датчанинъ молодой,
Была, молъ, не была, — а тамъ посмотримъ.
Все такъ же міръ прекрасенъ, какъ рыженькій пацанъ,
Все такъ же, извини, прекрасны розы.

Привѣтъ тебѣ, Володя, съ Садоваго кольца,
Гдѣ льютъ дожди, похожіе на слезы.

1982 г.

Примѣчанія.

Предисловіе.

Въ примѣчаніяхъ отражены случаи внесенія существенныхъ измѣненій въ представленные тексты стиховъ и пѣсенъ Владиміра Высоцкаго и, какъ правило, случаи внесенія измѣненій въ представленные тексты работъ другихъ авторовъ, кромѣ неизвѣстныхъ.

Объ ухудшеніи Русскаго языка въ результатѣ орѳографическихъ реформъ подробно написали Алеѯандръ Половинкинъ въ статіѣ «Смѣна языка для народа — это катастрофа» (2009 г.), Валентинъ Асмусъ въ «Краткомъ пособіи по старой орѳографіи Русскаго языка» (1999 г.), а также другіе авторы, коихъ работы представлены въ «Сборникѣ статей о Русскомъ національномъ правописаніи» (2006 г.).

Вотъ нѣсколько хорошихъ словарей для изучающихъ Русскій языкъ: «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ (1847 г.), «Полный Церковно-Славянскій словарь», составленный Григоріемъ Дьяченко (1898 г.), и «Словарь Русскаго языка книжнаго и народнаго по древнимъ памятникамъ», составленный Измаиломъ Срезневскимъ (1893—1912 гг.).

Бо́льшая часть использованныхъ при работѣ надъ сей публикаціей переводовъ другихъ авторовъ взята съ сайта «Владиміръ Высоцкій на разныхъ языкахъ».

Стихи и пѣсни Владиміра Высоцкаго.

ВЫСОТА.

Набатъ.

Сіе стихотвореніе написано какъ будто бы сегодня; а показанный въ немъ звонарь ѕмволизируетъ самого поэта.

Пѣсня о новомъ времени.

При написаніи этого и ряда другихъ примѣчаній использованы примѣчанія изъ собранія сочиненій въ четырехъ томахъ «Владиміръ Высоцкій», изданнаго въ Санктъ-Петербургѣ въ 1993 году, примѣчанія изъ собранія сочиненій въ одиннадцати томахъ «Владиміръ Высоцкій», изданнаго въ Санктъ-Петербургѣ въ 2012 году, и примѣчанія съ сайта «Владиміръ Высоцкій на разныхъ языкахъ».

Фрагменты сей пѣсни вошли въ фильмы «Война подъ крышами» (1967 г.) и «Короткія встрѣчи» (1967 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Сыновья уходятъ въ бой.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Сыновья уходятъ въ бой» (1969 г.).

Онъ не вернулся изъ боя.

Здѣсь вспоминается пѣсня Расула Гамзатова «Журавли» (1968 г.) (переводъ Наума Гребнева):

Мнѣ кажется порою, что солдаты,
Съ кровавыхъ не пришедшіе полей,
Не въ землю нашу полегли когда-то,
А превратились въ бѣлыхъ журавлей.

Они до сей поры съ временъ тѣхъ дальныхъ
Летятъ и подаютъ намъ голоса.
Не потому ль такъ часто и печально
Мы замолкаемъ, глядя въ небеса?

Летитъ, летитъ по небу клинъ усталый,
Летитъ въ туманѣ на исходѣ дня,
И въ томъ строю есть промежутокъ малый,
Быть можетъ, это мѣсто для меня.

Настанетъ день, и съ журавлиной стаей
Я поплыву въ такой же сизой мглѣ,
Изъ-подъ небесъ по-птичьи окликая
Всѣхъ васъ, кого оставилъ на землѣ.

Мнѣ кажется порою, что солдаты,
Съ кровавыхъ не пришедшіе полей,
Не въ землю нашу полегли когда-то,
А превратились въ бѣлыхъ журавлей.

«Наши павшіе насъ не оставятъ въ бѣдѣ, намъ они — навсегда часовые,» написалъ Владиміръ Высоцкій, и это дѣйствительно такъ. Къ автору сей публикаціи много разъ приходили во снѣ его друзья, которые уже покинули сей міръ — они подсказывали ему правильную дорогу, сообщали о благополучномъ исходѣ важныхъ для него дѣлъ въ будущемъ, потверждали его правоту, или же просто прощались.

Пѣсня исполнена въ фильмахъ «Сыновья уходятъ въ бой» (1969 г.) и «„Мерседесъ“ уходитъ отъ погони» (1980 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Солдаты группы «Центръ».

На самомъ дѣлѣ, группа армій «Центръ», одно изъ трехъ оперативно-стратегическихъ объединеній войскъ нацистской Германіи, вела боевыя дѣйствія сѣвернѣе Украины, то есть въ сей пѣснѣ говорится объ Украинскихъ неонацистахъ.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Павшіе и живые».

Растолкали въ берлогѣ уснувшее зло...

Послѣ побѣды на Украинѣ такъ называемой революціи достоинства, поддерживаемые всемъ Западнымъ міромъ Украинскіе неонацисты слѣдуютъ путемъ своихъ предшественниковъ.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Алеѯандра Пушкина «Клеветникамъ Россіи» (1831 г.) (приводится варіантъ):

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ наши племена;

Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ жестокомъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Еѵропы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Еѵропой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ oзлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

При написаніи представленнаго текста использованы ранній и поздній варіанты пѣсни.

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!..

Съ сею пѣснею гармонируетъ и можетъ дополнить ее стихотвореніе ветерана боевыхъ дѣйствій нашего времени Игоря Гиркина «Война! что ты, братъ, о ней знаешь?..» (1992 г.) (приводится варіантъ):

Война! что́ ты, братъ, о ней знаешь?
Какъ тяжекъ солдата удѣлъ!
Вотъ молитъ о смерти товарищъ,
Съ которымъ пудъ соли ты съѣлъ.

Какъ дружно спѣшатъ мародеры
Чужимъ поживиться добромъ,
Какимъ непомѣрнымъ позоромъ
Бываетъ, иной разъ, разгромъ.

Коровы лежатъ и старухи
На сѣрой отъ пепла землѣ,
И мухи, однѣ только мухи
Живутъ въ этомъ мертвомъ селѣ.

Какъ пули визжатъ, какъ ужасна
Предъ другомъ погибшимъ вина...
И кажется, что все — напрасно,
И есть «до войны» и «война»...

Игорь Гиркинъ извѣстенъ по событіямъ Русской весны какъ Игорь Стрѣлковъ. Подъ этимъ именемъ изданы его волшебныя сказки «Добрая и Свѣтлая Сказка о Принцессѣ-Лани» (2011 г.), «Сказки про домовыхъ» (2012 г.) и «Сказки Заколдованнаго Замка» (2013 г.).

Другое близкое по духу стихотвореніе — это «У юноши изъ нашего аула...» Расула Гамзатова (1964 г.) (переводъ Наума Гребнева):

У юноши изъ нашего аула
Была черноволосая жена,
Въ тотъ годъ, когда по двадцать имъ минуло,
Пришла и разлучила ихъ война.

Жена двадцатилѣтнего героя
Сидитъ сѣдая около крыльца,
Ихъ сынъ, носящій имя дорогое,
Сегодня старше своего отца.

Здѣсь также вспоминается пѣсня Роберта Рождественскаго «За того парня» (1976 г.) (приводится варіантъ):

Спитъ кругомъ все, но уже всталъ я,
Ночью дышится въ степи вольно.
Что-то съ памятью моей стало:
То, что было не со мной, помню.
Бьютъ дождинки по щекамъ впалымъ,
Жить на свѣтѣ двадцать лѣтъ — мало.
Даже не былъ я знакомъ съ парнемъ,
Обѣщавшимъ: «Я вернусь, мама...»

А степное былье пахнетъ горечью,
Молодыя былинки нѣжны.
Просыпаемся мы — и грохочетъ надъ полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.
Просыпаемся мы — и грохочетъ надъ полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Обѣщаетъ быть весна долгой,
Ждетъ отборнаго зерна пашня.
И живу я на землѣ доброй
За себя и за того парня.
Я отъ тяжести такой горблюсь,
Но иначе жить нельзя, если
Все зоветъ меня его голосъ,
Все звучитъ во мнѣ его пѣсня.

А степное былье пахнетъ горечью,
Молодыя былинки нѣжны.
Просыпаемся мы — и грохочетъ надъ полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.
Просыпаемся мы — и грохочетъ надъ полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Пѣсня написана для фильма «Одинъ изъ насъ» (1970 г.).

Мы вращаемъ Землю.
Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Пристегните ремни» (1975 г.).

Высота.
Есть шесть главныхъ Божіихъ посланниковъ къ человѣчеству, выдѣленныхъ въ Священномъ Коранѣ — это пророки Адамъ, Ной, Авраамъ и Мовсей, Іисусъ Христосъ, и Святый Пророкъ Мухаммадъ, миръ имъ всѣмъ. Седьмымъ главнымъ посланникомъ является Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, обликъ котораго сходенъ съ обликомъ Того, Кто подобенъ Сыну человѣческому на представленной въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова аллегорической картинѣ (сіи семь посланниковъ, по-видимому, суть семь свѣтильниковъ огненныхъ, упомянутыхъ тамъ). А восьмой главный посланникъ — это ожидаемый Махди (то есть ведомый), который наполнитъ землю справедливостію и добромъ — въ восьмой разъ мы возьмемъ высоту насовсѣмъ.

Сихъ посланниковъ также сѵмволизируютъ колонисты острова Линкольна, о чьихъ приключеніяхъ написалъ Жюль Вернъ въ романѣ «Таинственный островъ» (1875 г.) — сначала ихъ тоже было шестеро. Присоединившійся къ нимъ потомъ раскаявшійся бывшій разбойникъ съ сосѣдняго острова Томъ Айртонъ сѵмволизируетъ Бога земли, а спасшій колонистовъ капитанъ яхты «Дунканъ» Робертъ Грантъ сѵмволизируетъ Махди. Хозяинъ же острова Линкольна, капитанъ Немо, сѵмволизируетъ самого Господа Бога. Смерть капитана Немо, гибель острова и чудесное спасеніе колонистовъ означаютъ тяжелыя (или, другими словами, послѣднія) времена, попущенныя для наказанія преступающихъ Божіи законы, и спасеніе тѣхъ, кои повѣрили Божіимъ посланникамъ и послѣдовали за ними.

Число членовъ Полинезійской экспедиціи Тура Хейердала (1947 г.), описанной имъ въ книгѣ «Экспедиція Конъ-Тики» (1948 г.), тоже было равно шести, а рѣшающее содѣйствіе ихъ дерзновенному предпріятію было оказано президентомъ Перу и, по его распоряженію, военно-морскимъ министромъ сей страны.

Пѣсня частично использована въ фильмѣ «Я родомъ изъ дѣтства» (1966 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы ранній и поздній варіанты пѣсни.

Приговоренные къ жизни.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Плѣнникъ» (1904 г.) (переводъ Михаила Гутнера, приводится въ обработкѣ):

Безъ причитаній, какъ и безъ воззваній къ Аллаху
Ждалъ онъ, на имя свое отозвавшись безъ страха.

Стали оковы когда налагать, кузнецамъ онъ
Радъ былъ, какъ рады бываютъ друзьямъ близкимъ самымъ.

Прежде чѣмъ плѣнные съ глазъ нашихъ въ маревѣ скрылись,
Я подошелъ къ нему, и мы съ нимъ разговорились.

Мы въ разговорѣ бѣду его не обсуждали,
Рѣчь шла у насъ о лежащей предъ нимъ свѣтлой Дали.

Онъ не смущенъ былъ нисколько цѣпей своихъ звономъ,
Ковшикъ съ водою холодной онъ принялъ съ поклономъ.

Благославляя Судьбу, онъ разсказъ величаво
Велъ, разстилая ковры ослѣпительной славы.

Были чудесны о людяхъ и джиннахъ повѣрья,
И его пристальный взоръ побѣдилъ недовѣрье.

Полонъ восторга я былъ, отъ земли отрѣшенный,
Скованный въ цѣпи закованнымъ, плѣннымъ плѣненный.

Въ сердцѣ моемъ навсегда тѣ остались видѣнья.
Какъ былъ великъ онъ! Да будетъ съ нимъ Благословенье!

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Единственная дорога» (1974 г.), въ которомъ нѣмцы хотѣли использовать плѣнныхъ Русскихъ шоферовъ, прикованныхъ въ кабинахъ бензовозовъ, для обезпеченія доставки горючего танковому парку въ Германіи.

Пѣсня о концѣ войны.

Пѣсня предлагалась въ фильмы «Мѣсто встрѣчи измѣнить нельзя» (1979 г.) и «„Мерседесъ“ уходитъ отъ погони» (1980 г.).

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Пѣсня о Землѣ.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Сыновья уходятъ въ бой» (1969 г.).

Охота на кабановъ.

Съ сею пѣснею гармонируетъ стихотвореніе Игоря Гиркина «Вотъ я уже отвоевалъ...» (1993 г.):

Вотъ я уже отвоевалъ —
Хлебнулъ и крови, и пожаровъ...
И мнѣ уже не позабыть
Убитой женщины оскалъ,
И смѣхъ Афганскихъ ветерановъ...

Уже командую во снѣ,
Кричу и брежу, мать пугая,
И мнѣ никакъ уже не скрыть,
Что я не радуюсь веснѣ,
И тихой жизни — не желаю!

Нѣтъ! не жалѣю ни о чемъ!
Что́ получилъ — того достоинъ!
Да, убивалъ! Могли убить...
Пусть называютъ палачемъ! —
Судья мнѣ Богъ. А здѣсь я — воинъ!

Варіантъ 11-ой строфы:

«Это будто мы снова въ пѣхотѣ,
«Будто снова мы ходимъ въ штыки...»
Это душу отводятъ въ охотѣ
Уцѣлѣвшіе фронтовики.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Рѣже, меньше ноютъ раны...
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Давно смолкли залпы орудій...
Пѣсня исполнена Юріемъ Каморнымъ въ фильмѣ «Карантинъ» (1968 г.).

Пѣсня о нейтральной полосѣ.
Варіантъ 26-го стиха:

Ну и ихній капитанъ тоже въ доску пьянъ, —

«...открыли границу, какъ ворота въ Кремлѣ...» — въ 1955 году часть территоріи Московскаго Кремля была открыта для посѣщенія Совѣтскими гражданами.

Первый стихъ въ представленномъ текстѣ взятъ изъ рукописи (Туркестанъ былъ одною изъ Совѣтскихъ республикъ).

РАЙСКІЙ АЭРОДРОМЪ.

Пѣсня о погибшемъ другѣ.

Къ сему раздѣлу можетъ быть добавлена пѣсня Харольда Адамсона «Летъ на молитвѣ и единственномъ крылѣ» (1943 г.) (приведенный текстъ является завершеніемъ перевода Самуила Болотина и Татіаны

Сикорской):

Былъ озабоченъ сильно у насъ въ полку народъ,
Когда не возвратился съ заданья самолетъ.
Сквозь трескъ и шумъ въ эѳирѣ волна нашлась едва;
И вотъ къ утру какія къ намъ донеслись слова:

«Летъ на молитвѣ и единственномъ крылѣ.
Летъ на молитвѣ и единственномъ крылѣ.
Хоть одинь винтъ стоитъ, все жъ машина летитъ
На молитвѣ и единственномъ крылѣ.

«Какъ свѣтла ночь была!
Всѣ объекты разбомбили мы дотла!

«Какъ поемъ мы, ныряя во мглѣ,
Это наши поля на землѣ.
Вся команда цѣла, съ вѣрой въ Бога пришла
На молитвѣ и единственномъ крылѣ.»

«Какъ поемъ мы, ныряя во мглѣ,
Это наши поля на землѣ.
Вся команда цѣла, съ вѣрой въ Бога пришла
На молитвѣ и единственномъ крылѣ.»

Сія пѣсня является одною изъ тѣхъ, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ о Страшномъ Судѣ, три послѣднихъ стиха, судя по всему, относятся къ Махди.

Николай Скомороховъ — маршалъ авіаціи, дважды Герой Совѣтскаго Союза. Въ войну былъ летчикомъ-истребителемъ, въ индивидуальной охотѣ нашелъ и уничтожилъ самолетъ, сбившій его боевого товарища Николая Горбунова.

Пѣсня исполнялась неизвѣстнымъ артистомъ въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра имени Ермоловой «Sвѣзды для лейтенанта».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ДВѢ ПѢСНИ ОБЪ ОДНОМЪ ВОЗДУШНОМЪ БОѢ.

«Пѣсня летчика» вызываетъ въ памяти написанное въ одиннадцатой главѣ Откровенія святаго Іоанна Богослова.

Сія пѣсня исполнялась неизвѣстнымъ артистомъ въ спектаклѣ «Sвѣзды для лейтенанта» въ Московскомъ ѳеатрѣ имени Ермоловой и въ Ленинградскомъ ѳеатрѣ имени Ленинскаго комсомола.

Другая хорошая пѣсня о двухъ летчикахъ — это «Огромное небо» Роберта Рождественскаго (1967 г.):

Объ этомъ, товарищъ, не вспомнить нельзя:
Въ одной эскадрильѣ служили друзья.
И было на службѣ и въ сердцѣ у нихъ
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоихъ.

Летали, дружили, въ небесной дали
Рукою до sвѣздъ дотянуться могли.

Бѣда подступила, какъ слезы къ глазамъ:
Однажды въ полетѣ, однажды въ полетѣ
Однажды въ полетѣ моторъ отказалъ...

И надо бы прыгать — не вышелъ полетъ,
Но рухнетъ на городъ пустой самолетъ.
Пройдетъ, не оставивъ живого слѣда,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда.

Мелькаютъ кварталы — и прыгать нельзя,
Дотянемъ до лѣса, рѣшили друзья.
Подальше отъ города смерть унесемъ.
Пускай мы погибнемъ, пускай мы погибнемъ,
Пускай мы погибнемъ, но городъ спасемъ.

Желѣзная птица рванулась съ небесъ,
И вздрогнулъ отъ взрыва березовый лѣсъ...
Не скоро поляны травой заростутъ.
А городъ подумалъ, а городъ подумалъ,
А городъ подумалъ: ученья идутъ.

Въ могилѣ лежатъ посреди тишины
Отличные парни отличной страны.
Свѣтло и торжественно смотритъ на нихъ
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоихъ.

Варіантъ 45-го стиха «Пѣсни самолета-истребителя»:

Убитъ онъ! я счастливъ — лечу налегкѣ,

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ.

Я первый смѣрилъ жизнь обратнымъ счетомъ...

Здѣсь умѣстно вспомнитъ, что Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, сопровождалъ, въ духѣ, Юрія Гагарина во время его полета, и послалъ ему письмо, въ которомъ просилъ его разсказать людямъ, кого онъ видѣлъ въ космосѣ. Юрій Гагаринъ сдѣлалъ это только одинъ разъ, и послѣ этого ему было запрещено говорить объ ономъ фактѣ.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта стихотворенія.

СЛУЖЕНІЕ СТИХІЯМЪ.

Гѵмнъ морю и горамъ.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Море и горы» (1902 г.) (переводъ Романа Дубровкина, приводится въ обработкѣ):

Море, кто счастливъ тобой?—соленой водою безъ края,
Гдѣ грузные гребни зыбучихъ громадъ громами грозятъ, пропадая?
Кто штилямъ тропическимъ радъ съ предательскимъ ихъ безразличьемъ,
Когда утихаютъ шторма, чтобъ съ ревомъ наброситься бычьимъ?—
Такимъ онъ величьемъ пьянѣлъ, такимъ тяготился величьемъ
И море молилъ о вѣтрахъ.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находятъ въ горахъ.

Море, кто счастливъ тобой? Кого не смутишь ты возмездьемъ
За бунтъ противъ бури, за дерзкій бушпритъ, бегущій къ буруннымъ созвѣздьямъ?
Кто выдержитъ мѣрный напоръ муссоновъ и ярость цунами,
Кто слушать на мачтѣ готовъ, какъ парусъ гремитъ надъ волнами?—
Такими онъ снами пьянѣлъ, такими онъ мучился снами
И море молилъ о дарахъ.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находятъ въ горахъ.

Море, кто счастливъ тобой? Кто бросилъ осознанный вызовъ
Обманнымъ туманамъ и сизой зимѣ и брызгамъ серебряныхъ бризовъ?
И айсбергамъ лунныхъ пустынь, чьимъ царствомъ въ каютахъ мы бредимъ,
Обломкамъ, ревущимъ впотьмахъ на зависть пернатымъ сосѣдямъ?—
Такимъ онъ наслѣдьемъ владѣлъ, съ такимъ разставался наслѣдьемъ
И морю повѣдалъ свой страхъ.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находятъ въ горахъ.

Море, кто счастливъ тобой? Кто жаденъ до впадинъ свинцовыхъ
Взамѣнъ толчеи городскихъ площадей и роскоши заловъ дворцовыхъ?
Кто къ пыльнымъ холмамъ не бѣжитъ, къ земнымъ смертоноснымъ орудьямъ
Отъ доннаго мха, гдѣ покой бездоннымъ хранимъ правосудьем?—
Такимъ онъ безлюдьемъ владѣлъ, такимъ упивался безлюдьемъ,
Онъ морю оставилъ свой прахъ.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находятъ въ горахъ.

Слова «служеніе стихіямъ не терпитъ суеты» перекликаются со словами «служенье музъ не терпитъ суеты» изъ стихотворенія Алеѯандра Пушкина «19 Октября» (1825 г.).

Слова «потери посчитаемъ мы, когда пройдетъ гроза» вызываютъ въ памяти слова «тогда считать мы стали раны, товарищей считать» изъ стихотворенія Михаила Лермонтова «Бородино» (1837 г.).

Гѵмнъ исполненъ въ ѳильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

Туманъ.

Двѣ попытки означаютъ Іудаизмъ и Христіанство, а третіей является Исламъ, или Богово дѣло, говоря словами Порѳѵрія Иванова, миръ ему, черезъ котораго лучшая изъ религій была вновь предложена всѣмъ людямъ, какъ это было обѣщано Святымъ Пророкомъ Мухаммадомъ, миръ ему, сказавшемъ (хадисъ приводится у Муслима): «Поистинѣ, начало Ислама было удивительнымъ, и его возвращеніе будетъ такимъ же удивительнымъ, какъ и начало, и блаженны будутъ странники,» гдѣ странники означаютъ праведниковъ среди плохихъ людей.

Пѣсня написана для ѳильма «Хозяинъ тайги» (1968 г.), предлагалась въ ѳильмъ «Мой папа—капитанъ» (1969 г.).

Черное золото.

Другое названіе сей пѣсни — «Маршъ шахтеровъ».

Пѣсня написана для фильма «Антрацитъ» (1971 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Бѣлое безмолвіе.

Съ сею пѣснею перекликается пѣсня Станислава Слуцкера «Дуютъ вѣтры студеные» (приводится варіантъ):

Дуютъ вѣтры студеные, снѣгъ заметаетъ слѣды,
И куражится вьюга.
Сквозь торосы и льды мы до самыхъ далекихъ предѣловъ дошли
Заполярнаго круга.

И на Сѣверный полюсъ, въ суровое царство пурги,
Такова ужъ традиція,
Съ корабля-ледокола, частички родимой земли,
Курсъ беретъ экспедиція!

Ни къ чему намъ награды и почести,
Въ мишурѣ не имѣемъ нужды.
Мы себя провѣряемъ на прочность
Въ яркомъ свѣтѣ Полярной sвѣзды.

Обморожены лица и руки, однако намъ нужно дойти
Непремѣнно до полюса.
А вокругъ ни души — мы одни. Сквозь стенанья пурги
Не разслышишь и голоса.

Тамъ, въ Москвѣ, передали, подтаяло, стукнулъ морозъ,
Снѣгопадъ, гололедица,
А по небу за нами соѕвѣздье неспѣшно и молча бредетъ —
То Большая Медвѣдица.

Ни къ чему намъ награды и почести,
Въ мишурѣ не имѣемъ нужды.
Мы себя провѣряемъ на прочность
Въ яркомъ свѣтѣ Полярной sвѣзды.

Покореніе полюса — сильныхъ и смѣлыхъ удѣлъ,
Слабый, робкій не выживетъ!
Въ экспедиціи первые всѣ, здѣсь другихъ просто нѣтъ.
Мы возьмемъ полюсъ, братцы, мы выдюжимъ!

Вотъ она, ось Земли, наша цѣль, наконецъ-то дошли
Мы до самаго главнаго.
И, прогнавъ мракъ ночи, озарилъ вѣковѣчные льды
Свѣтъ сіянья Полярнаго.

Ни къ чему намъ награды и почести,
Въ мишурѣ не имѣемъ нужды.
Мы себя провѣряемъ на прочность
Въ яркомъ свѣтѣ Полярной sвѣзды.
Полюсъ насъ провѣряетъ на прочность
Въ яркомъ свѣтѣ Полярной sвѣзды.

Пѣсня написана для фильма «Земля Санникова» (1973 г.), въ которомъ изслѣдователи отправились на поиски легендарной теплой земли за Полярнымъ кругомъ, исполнена въ фильмѣ «72 градуса ниже нуля» (1976 г.).

Моимъ друзьямъ.
Пѣсня написана для фильма «Морскія ворота» (1974 г.).
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Человѣкъ за бортомъ.
Варіанты 12-го стиха:

Не подадутъ свисткомъ сигналъ тревоги.
Не подадутъ звонкомъ сигналъ тревоги.

А н а т о л і й Г а р а г у л я — другъ Владиміра Высоцкаго, капитанъ теплохода «Грузія», на которомъ онъ совершилъ свадебное путешествіе съ Мариною Влади.

О с к а р ъ — сигнальный флагъ, его значеніе — «Человѣкъ за бортомъ!»

Пѣсня исполнялась Игоремъ Кваша въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра «Современникъ» «Свой островъ» (1971 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Этотъ день будетъ первымъ всегда и вездѣ...

Факела, которые горятъ на землѣ нашихъ грезъ, сѵмволизируютъ четыре основныя религіи міра — Исламъ, Христіанство, Іудаизмъ и Буддизмъ.

Ихъ основателей сѵмволизируютъ четверо животныхъ на представленной въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова аллегорической картинѣ. Двадцать четыре старца — это святой Іоаннъ Предтеча, двѣнадцать святыхъ апостоловъ и одиннадцать праведныхъ имамовъ. Агнецъ есть ожидаемый посланникъ, то есть Махди, двѣнадцатый праведный имамъ, а подобный Сыну человѣческому — Порфѵрій Ивановъ, то есть Богъ земли, миръ имъ всѣмъ. А вмѣстѣ со вторымъ изъ двухъ пророковъ, упомянутыхъ въ одиннадцатой главѣ сей книги (Махди сѵмволизируетъ перваго), они суть тридцать прекрасныхъ витязей со своимъ морскимъ дядькою, то есть наставникомъ (онъ сѵмволизируетъ Бога земли), о которыхъ написалъ Алеѯандръ Пушкинъ въ прологѣ къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» (1822 г.) (представленномъ въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Лукоморья больше нѣтъ»). Вмѣстѣ же съ пророками Адамомъ, Ноемъ и Авраамомъ, миръ имъ, они суть тридцать три богатыря съ дядькою Черноморомъ изъ другого произведенія Алеѯандра Пушкина — «Сказки о царѣ Салтанѣ» (1831 г.) (первый стихъ измѣненъ):

Въ свѣтѣ есть такое диво:
Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,

Въ чешуѣ златой горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.

И Аллахъ, великъ Онъ и славенъ, знаетъ лучше.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы ранній и поздній варіанты пѣсни.

Сначала было Слово печали и тоски...

Сія пѣсня является одною изъ тѣхъ, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ объ ожидающемъ насъ Судѣ.

Пѣсня исполнена Владиміромъ Высоцкимъ и Ниною Шацкой въ фильмѣ «Контрабанда» (1974 г.).

Штормитъ весь вечеръ, и пока...

Сія пѣсня является одною изъ тѣхъ, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ объ ожидающемъ насъ Судѣ. Эпиграфомъ къ ней можетъ служить четверостишіе Алеѯандра Пушкина «На гибель Помпеи» (1834 г.) (завершено авторомъ сей публикаціи):

Везувій зѣвъ отверзъ — вдругъ хлынулъ дымъ и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Дрожитъ земля — кумиры падаютъ съ колоннъ!
И нѣтъ спасенія подъ каменнымъ дождемъ.

Алеѯандръ Галичъ — поэтъ, сценаристъ, писатель и исполнитель своихъ пѣсенъ. Онъ былъ вынужденъ эмигрировать изъ Совѣтскаго Союза и умеръ въ Парижѣ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пиратская.

Сія пѣсня отражаетъ грядущія событія, описанныя въ одиннадцатой главѣ Откровенія святаго Іоанна Богослова. Два негодяя сѵмволизируютъ двухъ пророковъ. Капитанъ сѵмволизируетъ Всевышняго Аллаха, великъ Онъ и славенъ, и то, что онъ выбросилъ за бортъ вчерашнюю добычу, соотвѣтствуетъ словамъ Іисуса Христа, миръ ему, сказавшаго: «**Всѧ́къ са́дъ, є҆го́же не насади̑ ѻ҆ц҃ъ мо́й нб҃ный, и҆скорени́тсѧ...**» (Отъ Матѳея святое благовѣствованіе, глава 15, стихъ 13.) Пираты сѵмволизируютъ человѣческій родъ, и сіе сравненіе соотвѣтствуетъ словамъ Порфѵрія Иванова, миръ ему, который сказалъ, что мы выбрали неправильную дорогу въ жизни. А тѣ двое, которые ничего не боятся, это «демократы» и сіонисты, но это также могутъ быть два человѣка.

Здѣсь умѣстно вспомнить пѣсню Булата Окуджавы «Пиратская лѵрическая» (1979 г.) (приводится варіантъ):

Въ ночь передъ бурею на мачтахъ горятъ огни Святаго Эльма,
Отогрѣвая наши души за всѣ минувшіе года...
Когда воротимся мы въ Портлендъ, мы будемъ кротки безпредѣльно,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, мы будемъ кротки безпредѣльно,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.

Что жъ, если въ Портлендъ нѣтъ возврата, мы поклянемся жить какъ братья,
И принесенной нами клятвѣ пребудемъ вѣрными всегда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, насъ приметъ Родина въ объятья,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, насъ приметъ Родина въ объятья,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.

Что жъ, если въ Портлендъ нѣтъ возврата, купцовъ мы щедрости поучимъ,
Всѣ ихъ старанья не помогутъ имъ уберечь свои суда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, мы по клочку земли получимъ,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, мы по клочку земли получимъ,
Да только въ Портлендъ воротиться намъ не придется никогда.

Что жъ, если въ Портлендъ нѣтъ возврата, пускай несетъ насъ черный парусъ,
Хватало бъ пороху и рому, все остальное — ерунда.
Когда воротимся мы въ Портлендъ, ей-Богу, я во всемъ покаюсь,
Да только въ Портлендъ воротиться не дай намъ, Боже, никогда!
Когда воротимся мы въ Портлендъ, ей-Богу, я во всемъ покаюсь,
Да только въ Портлендъ воротиться не дай намъ, Боже, никогда!

Приведенныя въ сей публикаціи выдержки изъ Священной Библіи цитируются по Елизаветинскому переводу (заимствованный изъ Септуагинты матеріалъ заключенъ въ круглыя скобки).

Корсаръ.

Здѣсь умѣстно привести слова Квинта Горація Флакка: «Nil desperandum.» («Никогда не слѣдуетъ впадать въ отчаяніе.»)

Ю р і й Л ю б и м о в ъ — директоръ Московскаго ѳеатра драмы и комедіи на Таганкѣ, гдѣ работалъ Владиміръ Высоцкій.

Пѣсня написана для фильма «Мой папа — капитанъ» (1969 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Прощаніе.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.).

Штормъ.

Съ сею пѣснею перекликается пѣсня Станислава Слуцкера «Русскіе Колумбы» (приводится варіантъ):

Волнуется сердце — уйдемъ мы съ разсвѣтомъ,
Взлетятъ надъ водой паруса
И мачты прогнутъ, какъ наполнятся вѣтромъ,
Качнувъ надъ собой небеса.
Натянутся ванты упруго
Звенящей гитарной струной,
И станутъ загадывать наши подруги
Когда мы вернемся домой.

Мы выйдемъ снова въ океанъ черезъ проливы узкіе,
Корабль, расправивъ паруса, подставитъ бортъ волнѣ.

Наперекоръ шальнымъ штормамъ пойдутъ Колумбы Русскіе
Къ далекой и загадочной невѣдомой землѣ!

Любой мореходъ, какъ извѣстно, бродяга,
Не ищемъ мы въ жизни покой.
Привычны намъ галсы крутого бакштага
И натискъ волны штормовой.
Стихія не терпитъ обмана,
Ни хитрости — путь здѣсь прямой.
Сроднившись однажды душой съ океаномъ,
Судьбы не желаемъ иной.

Мы выйдемъ снова въ океанъ черезъ проливы узкіе,
Корабль, расправивъ паруса, подставитъ бортъ волнѣ.
Наперекоръ шальнымъ штормамъ пойдутъ Колумбы Русскіе
Къ далекой и загадочной невѣдомой землѣ!

И вотъ отдаются съ причала швартовы.
На мѣди сверкаетъ роса.
И послѣ короткаго отдыха снова
Наполнилъ нордъ-остъ паруса.
Маякъ проблесковый мигаетъ
На мысѣ въ дали за кормой,
И чайки насъ въ дальный походъ провожаютъ,
Надъ пѣнною рѣютъ волной.

Мы вышли снова въ океанъ черезъ проливы узкіе,
Корабль, расправивъ паруса, подставилъ бортъ волнѣ.
Наперекоръ шальнымъ штормамъ идутъ Колумбы Русскіе
Къ далекой и загадочной невѣдомой землѣ!
Наперекоръ шальнымъ штормамъ идутъ Колумбы Русскіе
Къ далекой и загадочной невѣдомой землѣ!

Здѣсь также вспоминается пѣсня Сергѣя Янаева «Отшумѣло море за кормою...» (приводится варіантъ):

Отшумѣло море за кормою,
Сталъ далекимъ Сѣверный нашъ флотъ.
Отчего взгрустнулось намъ съ тобою,
Это лишь такой, какъ мы, пойметъ.

Вспомни грохотъ волнъ, дыханье бури,
Вспомни нашъ корабль и всѣхъ ребятъ,
Вспомни, какъ въ сиреневой лазури
Догоралъ надъ Африкой закатъ.

Отчего жъ не пьешь ты, мой дружище,
Отчего совсѣмъ ты замолчалъ?
Можетъ, снова въ памяти ты ищешь
Старенькій обшарканный причалъ?

Вспомни Гибралтаръ и Ла-Валетту,
Плавники дельфиновъ за бортомъ...
Помнишь, какъ курили сигарету
Послѣ вахты ночью вшестеромъ?

Шаткіе, просоленные годы,
Какъ и я, не позабудешь ты.
Бороздили разныя мы воды,
Разные мы видѣли порты.

Помнишь Аннабу, Танжеръ, Рейкьявикъ,
И стада кочующихъ китовъ?
Помнишь, какъ раздѣлалъ китъ нашъ яликъ
Гдѣ-то у Канарскихъ острововъ?

И хотя теперь мы на приколѣ,—
Пусть себѣ смѣются чудаки,—
Выпьемъ-ка давай за тѣхъ, кто въ морѣ,
Мы съ тобою тоже моряки.

Вспомнимъ мы матросскую обитель,
Вѣчнымъ льдомъ шуршащія моря,
Вспомнимъ, какъ у Фиджи и Гаити
Мы свои бросали якоря.

Вспомнимъ сухари, на робахъ дырки,
Вспомнимъ дни и ночи безъ воды...
Тѣмъ, что мы носили безкозырки,
Безусловно, очень мы горды.
Безусловно, очень мы горды.
Безусловно, очень мы горды.

И здѣсь умѣстно привести матросскую пѣсню «Макароны по-флотски»:

Батя шутилъ въ раннемъ дѣтствѣ: «Сынокъ,
«Тебѣ не служить въ пѣхотѣ.
«Ты можешь съѣсть килограммъ макаронъ:
«Мѣсто твое на флотѣ.»
Службу, которая выпала мнѣ
Не назовешь сиротской:
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.
Эээ...
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.

Масломъ заправлены, сверху—лучекъ,
Пахнетъ такъ, будто ты дома:

Очень старательно дѣлаетъ кокъ
Флотскія намъ макароны.
Лучше въ сто разъ, чѣмъ гарниры изъ кашъ,
Вкуснѣй, чѣмъ котлеты и клецки—
Скажетъ любой новопризванный нашъ
Про макароны по-флотски.
Эээ...
Скажетъ любой новопризванный нашъ
Про макароны по-флотски.

Вилки короткія школьныхъ подругъ
Сердце мечтать заставляли,
Потомъ холоднымъ ихъ образы вдругъ
Какъ изъ ведра обливали.
Жаръ виртуальныхъ любовныхъ побѣдъ,
Юныхъ мечтаній плотскихъ
Лишь остужалъ натуральный обѣдъ
Изъ макаронъ по-флотски.
Эээ...
Лишь остужалъ натуральный обѣдъ
Изъ макаронъ по-флотски.

Служба прошла. Пролетѣли года.
Лица на снимкахъ размыты.
Стала сѣдою давно голова,
Жизнь почти что прожита.
Глядя на моря безкрайнюю гладь,
Старый забудется боцманъ,
Сдѣлать попроситъ покойную мать
Онъ макароны по-флотски...

На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на.
На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на...

Батя шутилъ въ раннемъ дѣтствѣ: «Сынокъ,
«Тебѣ не служить въ пѣхотѣ.
«Ты можешь съѣсть килограммъ макаронъ:
«Мѣсто твое на флотѣ.»
Службу, которая выпала мнѣ
Не назовешь сиротской:
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.
Эээ...
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.

На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на.
На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на...

Батя шутилъ въ раннемъ дѣтствѣ: «Сынокъ,
«Тебѣ не служить въ пѣхотѣ.
«Ты можешь съѣсть килограммъ макаронъ:
«Мѣсто твое на флотѣ.»
Службу, которая выпала мнѣ
Не назовешь сиротской:
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.
Эээ...
Каждый день на боевомъ кораблѣ
Ѣсть макароны по-флотски.

На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на.
На-на-на на-на-на на-на-на на
На-на-на на-а на на-на...

Здѣсь также умѣстно привести матросскую пѣсню «Годки уходятъ домой»:

Кто жилъ въ матросской семьѣ,
Кто брызги моря глоталъ,
Кто на тельняшкѣ своей
Полоски всѣ застиралъ,
Тотъ, боль наружно тая,
Едва не плакалъ съ тоски,
Когда съ его корабля
Совсѣмъ сходили годки.

Годки уходятъ домой — навсегда, навсегда,
Ихъ ждутъ объятья родныхъ,
А мы въ просторъ голубой — далеко, далеко —
Уходимъ завтра безъ нихъ.

Вчера мы пили за нихъ,
За этихъ славныхъ ребятъ,
И на прощанье мы имъ
Дарили свой аттестатъ.
Взошла sвѣзда за кормой,
И море тихо поетъ...
Спѣшатъ ребята домой,
Назадъ никто не придетъ.

Годки уходятъ домой — навсегда, навсегда,
Ихъ ждутъ объятья родныхъ,

А мы въ просторъ голубой — далеко, далеко —
Уходимъ завтра безъ нихъ.

Вновь обрѣтя домъ родной,
И попивая вино,
Они получатъ покой,
Который ждали давно.
И въ снахъ увидятъ, какъ ихъ
Благодарилъ командиръ,
И какъ корабль ихъ безъ нихъ
За горизонтъ уходилъ.

Годки уходятъ домой — навсегда, навсегда,
Ихъ ждутъ объятья родныхъ,
А мы въ просторъ голубой — далеко, далеко —
Уходимъ завтра безъ нихъ.

Годки уходятъ домой — навсегда, навсегда,
Ихъ ждутъ объятья родныхъ,
А мы въ просторъ голубой — далеко, далеко —
Уходимъ завтра безъ нихъ.

Кто жилъ въ матросской семьѣ,
Кто брызги моря глоталъ,
Кто на тельняшкѣ своей
Полоски всѣ застиралъ,
Тотъ, боль наружно тая,
Едва не плакалъ съ тоски,
Когда съ его корабля
Совсѣмъ сходили годки.

Годки уходятъ съ кораблей подъ звуки марша «Прощаніе славянки», и есть хорошая пѣсня объ этомъ маршѣ, которая поется на его мотивъ:

Когда я слышу этотъ маршъ,
Я словно становлюсь моложе,
И хоть онъ душу мнѣ тревожитъ,
Все жъ не любить его нельзя.

Я вижу явственно тогда
Товарищей по экипажу,
И какъ подъ этотъ славный маршъ я
Сходилъ съ родного корабля.

На самомъ краешкѣ земли,
Гдѣ бездна sвѣздная такъ близко,
Тогда совсѣмъ еще мальчишки,
Покой страны мы берегли.

Средь дикихъ скалъ, въ краю вѣтровъ
Намъ нелегко порой бывало,
Но мы взрослѣли и мужали,
И экипажъ намъ былъ семьей.

Пребудутъ въ памяти всегда,
Хоть говорятъ, что все проходитъ,
Года, что я провелъ на флотѣ,
Когда я узнавалъ себя.

Теряю я въ душѣ покой,
Когда играется «Славянка»,
Хочу опять надѣть бушлатъ я,
И встать съ товарищами въ строй.

И, конечно, эта пѣсня вызываетъ въ памяти старинную матросскую поговорку «Navigare necesse est» («Плавать по морю необходимо»).

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Становись морякомъ.

Съ сею пѣснею перекликается пѣсня Станислава Слуцкера «Альбатросы» (приводится варіантъ):

Съ дѣтства мечтали мы о штурвалѣ,
Видѣли въ снахъ океанъ.
Вѣтры-бродяги въ странствія звали,
Рвалъ паруса ураганъ.
Сдерживать натискъ яростныхъ шкваловъ
Намъ удавалось едва.
Мы открывали дальные страны
И острова.

Парятъ надъ мачтой альбатросы,
Надъ бухтой стелется туманъ.
Идутъ Россійскіе матросы,
Ихъ курсъ — открытый океанъ!
Имѣютъ парни, чѣмъ гордиться,
Флагъ гордо рѣетъ надъ волной,
Идутъ, чтобъ снова возвратиться,
Долгъ честно выполнивъ, домой.

Можетъ, ждутъ тяжкія ихъ испытанья
На океанскомъ пути,
Если жъ поддаться, значитъ, сломаться,
Значитъ, себя не найти.
Лагъ безпрестанно мили счисляетъ,
Пѣнится слѣдъ за кормой.
Здѣсь слово свято, здѣсь цѣну знаютъ
Дружбѣ мужской.

Парятъ надъ мачтой альбатросы,
Надъ бухтой стелется туманъ.
Идутъ Россійскіе матросы,
Ихъ курсъ — открытый океанъ!
Имѣютъ парни, чѣмъ гордиться,
Флагъ гордо рѣетъ надъ волной,
Идутъ, чтобъ снова возвратиться,
Долгъ честно выполнивъ, домой.

Снова уходятъ — ведро ли, дождь ли —
За горизонтъ корабли.
Манятъ романтиковъ вѣтры Атлантики,
Надо имъ знать, что́ въ дали.
Вслѣдъ за мечтою, живъ и отстроенъ,
Наперекоръ всѣмъ штормамъ,
Флотъ нашъ Россійскій, какъ въ дни былые,
Держитъ свой курсъ въ океанъ.

Парятъ надъ мачтой альбатросы,
Надъ бухтой стелется туманъ.
Идутъ Россійскіе матросы,
Ихъ курсъ — открытый океанъ!
Имѣютъ парни, чѣмъ гордиться,
Флагъ гордо рѣетъ надъ волной,
Идутъ, чтобъ снова возвратиться,
Долгъ честно выполнивъ, домой.
Имѣютъ парни, чѣмъ гордиться,
Флагъ гордо рѣетъ надъ волной,
Идутъ, чтобъ снова возвратиться,
Долгъ честно выполнивъ, домой.

И, конечно, здѣсь вспоминается стихотвореніе Валерія Бѣлозерова «Корабль» (1958 г.) (приводится варіантъ):

Желѣзные палубы, трапы, надстройки,
Желѣзные поручни, люки, обрѣзы,
Желѣзные кубрики, пиллерсы, койки —
Желѣзо, желѣзо. Сплошное желѣзо.

И пахнетъ желѣзомъ, какъ на производствѣ,
Когда по тревогѣ отсѣки задраютъ.
Извѣстно давно, между прочимъ, всѣмъ ѳлотскимъ,
Что кошки не могутъ здѣсь жить — умираютъ.

А людямъ желѣзо становится домомъ,
И въ нихъ проникаетъ оно постепенно.
Его ты увидишь въ глазахъ у старпома,
Во взглядѣ матросскомъ — прямомъ, дерзновенномъ.

Въ командахъ услышишь желѣзныя нотки.
Оно проявляетъ себя неизбѣжно
Въ рѣшительныхъ жестахъ и твердой походкѣ,
И даже въ любимомъ словечкѣ «желѣзно».

Исполнимъ — «желѣзно», добьемся — «желѣзно».
Оно выступаетъ на лбу между складокъ.
Пройти эту школу любому полезно —
Желѣзная спайка, желѣзный порядокъ.

...Команда. Приказа желѣзныя строки —
И въ море бурунъ протянулся отъ стѣнки.
Авралы. Заданій желѣзные сроки.
И волны литыя съ желѣзнымъ оттѣнкомъ.

Открытыя лица, широкія груди.
Желѣзные палубы, трапы, обрѣзы.
Желѣзные нервы, желѣзные люди.
Желѣзо. Желѣзо. Сплошное желѣзо.

Здѣсь также вспоминается матросская пѣсня «Салажата»:

Въ океанѣ волны пляшутъ,
Норовятъ залѣзть въ бушлаты.
Съ моряками море пашутъ
Салажата, салажата.
Съ моряками море пашутъ
Салажата, салажата.

А въ какой-нибудь сторонкѣ
За штормами въ девять балловъ
Терпѣливо ждутъ дѣвчонки
Своихъ милыхъ адмираловъ.
Терпѣливо ждутъ дѣвчонки
Своихъ милыхъ адмираловъ.

Вамъ не стоитъ въ нихъ влюбляться,
Сухопутные ребята,
Вѣдь дѣвчонкамъ ночью снятся
Салажата, салажата.
Вѣдь дѣвчонкамъ ночью снятся
Салажата, салажата.

Въ портъ родной они вернутся
И на радость, и на горе,
Не успѣешь оглянуться,
Какъ уйдутъ обратно въ море.
Не успѣешь оглянуться,
Какъ уйдутъ обратно въ море.

Отчего, морскія души,
Тянетъ васъ уплыть куда-то,
Развѣ тѣсно вамъ на сушѣ,
Салажата, салажата?
Развѣ тѣсно вамъ на сушѣ,
Салажата, салажата?

Въ океанѣ волны пляшутъ,
Норовятъ залѣзть въ бушлаты.
Съ моряками море пашутъ
Салажата, салажата.
Съ моряками море пашутъ
Салажата, салажата.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

При всякой погодѣ...

Здѣсь вспоминается матросская пѣсня «Салажата», приведенная въ комментаріи къ предъидущей пѣснѣ.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.).

Спасите наши души!

Сія пѣсня перекликается съ матросскою пѣснею «Субмарина», на которую есть видѣоклипъ о трагедіи «Курска»:

Субмарина легла на дно
И застыла въ недвижимой позѣ...
Много лѣтъ съ той поры прошло,
Ужъ никто о тебѣ не спроситъ.

Для своихъ — на штабномъ листкѣ
Да въ скупой, безпощадной сводкѣ
Было нѣсколько словъ о тебѣ:
«Не вернулись такія-то лодки...»

А въ глубинахъ ночной тишины
Въ чревѣ гибнущей субмарины
На листкѣ изъ блокнота ты
Что-то пишешь своей любимой.

«Нѣтъ, родная, уже не всплыть,
«И спасти тоже насъ не сумѣютъ.
«Не успѣлъ я тебя долюбить,
«Лишь объ этомъ сейчасъ жалѣю...

«Нашихъ встрѣчъ помню всѣ часы.
«За разлукой — вновь счастье встрѣчи,
«А во время разлуки ты
«Маякомъ въ океанѣ свѣтишь...»

Субмарина легла на дно
И всѣ звуки внутри ея смолкли...
Много лѣтъ съ той поры прошло,
Но должны мы объ этомъ помнить!
Много лѣтъ съ той поры прошло,
Но должны мы объ этомъ помнить!

И если говорить о «Курскѣ», то нужно вспомнить одноименную пѣсню ветерана подводнаго флота Станислава Слуцкера, посвященную экипажу лодки (приводится варіантъ):

Соленый вѣтеръ даетъ разбѣгъ крутой волнѣ,
Подлодка въ морѣ на перископной глубинѣ,
Ревунъ тревоги, успѣшно выполненный пускъ,
Взятъ курсъ на базу, гдѣ ждутъ подводный крейсеръ «Курскъ».

Укрыли солнце сѣдыя космы облаковъ,
Шторма качаютъ не первый мѣсяцъ моряковъ,
Винты молотятъ, морскія мили за кормой,
Какая участь имъ уготовлена судьбой?

А море Баренцево бьетъ волною въ скалы,
Шторма и шквалы здѣсь въ любое время года...
Поднимемъ третій тостъ и осушимъ бокалы
За тѣхъ, кто не вернулся изъ похода.

А рокъ коваренъ, онъ затаился и затихъ
Въ оцѣпенѣньи. Въ отсѣкахъ слышенъ первый взрывъ.
Всѣ носовые водой мгновенно отсѣкло,
Кто въ нихъ остался, лишь только тѣмъ и повезло.

Въ кормѣ кто выжилъ, имъ только бъ воздуха глотокъ,
Смерть отъ удушья вещь очень страшная, братокъ.
Разсвѣтъ багряный крестомъ надъ сопками взошелъ,
Подводный крейсеръ домой къ причалу не пришелъ.

А море Баренцево бьетъ волною въ скалы,
Шторма и шквалы здѣсь въ любое время года...
Поднимемъ третій тостъ и осушимъ бокалы
За тѣхъ, кто не вернулся изъ похода.

Чины большіе роднымъ и близкимъ сладко лгутъ,
Слова пустыя братишекъ къ жизни не вернутъ.
Бѣду Россіи они взвалили на себя,
Ихъ душъ обитель отнынѣ — чрево корабля...

За флотъ обидно, а за державу, братъ, вдвойнѣ, —
Слѣпому видно, какая власть у насъ въ странѣ.
Шакаловъ стая въ чертогѣ царскомъ ѣстъ и пьетъ,
Забыли, твари, они и думать про народъ!

А море Баренцево скорбное, какъ скалы,
Какъ ночь полярная, что тянется полгода...
Хоть и не вѣрятъ въ то Кремлевскіе шакалы,
Они однажды встанутъ передъ Богомъ!
Хоть и не вѣрятъ въ то Кремлевскіе шакалы,
Они однажды встанутъ передъ Богомъ!

Со времени написанія сей пѣсни отношеніе государственной власти къ народу не измѣнилось — даже послѣ начала войны съ объединенными силами Запада. Заключительная часть пѣсни перекликается со словами Ивана Отраковскаго, руководителя Арміи Защитниковъ Отечества (упомянутой въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Наши помѣхи эпохѣ подъ стать...»): «Какъ можно побѣдить, если группа вражескихъ агентовъ [находится] въ высшихъ эшелонахъ власти? А остальные, кто при власти и за насъ, понимаютъ это, но молчатъ, играя въ поддавки. До чего доиграемся, до пораженія? Мое любимое изреченіе: пока шакалы командуютъ львами, пораженіе неизбѣжно. Вы слышите? Неизбѣжно! Потому необходимо вести освободительную борьбу. И въ первую очередь на политическомъ полѣ! А для этого необходимо будить Народъ, ограбленный, забитый и безправный, напоминая ему о его національной гордости, національномъ самосознаніи. О его правѣ на свободу, трудъ, [правѣ] рѣшать государственныя дѣла черезъ народовластіе, [правѣ] на украденныя у него недра, на правильную идеологію Служенія! Да въ концѣ концовъ о правѣ на Родину, которую у насъ отобрали!»

Станиславъ Слуцкеръ также написалъ пѣсню «Стальные парни» (2006 г.), она посвящена Андрею Бабурову (приводится варіантъ):

Мы третій мѣсяцъ буравимъ море,
Усталость грузомъ лежитъ на вѣкахъ.
Но у ребятъ здѣсь стальная воля —
Стальные парни въ стальныхъ отсѣкахъ.
На подзарядки всплываемъ ночью,
И то на время сеансовъ связи,
Для передачи тире и точекъ —
Координатъ, что ждутъ на базѣ.
Для передачи тире и точекъ —
Координатъ, что ждутъ на базѣ.

Съ разсвѣтомъ снова идемъ въ пучину,
Набравъ въ цистерны запасъ балласта.
Нѣтъ службы тяжче, по сей причинѣ
Здѣсь служатъ парни особой касты.
Съ любымъ изъ штатскихъ готовъ поспорить —
Для нихъ смыслъ жизни отнюдь не въ «чекахъ».
Куютъ характеръ и силу воли
Стальные парни въ стальныхъ отсѣкахъ.
Куютъ характеръ и силу воли
Стальные парни въ стальныхъ отсѣкахъ.

Пусть «Оріоны» надъ ними кружатъ,
И досаждаютъ подлодки Н.А.Т.О.,
Родной отчизнѣ ребята служатъ,
Какъ патріоты и какъ солдаты.

Забытъ не будетъ ихъ подвигъ ратный,
И пусть усталость лежитъ на вѣкахъ,
Въ подводномъ флотѣ стальные парни
Стоятъ на вахтахъ въ стальныхъ отсѣкахъ!
Въ подводномъ флотѣ стальные парни
Стоятъ на вахтахъ въ стальныхъ отсѣкахъ!

И тостъ мой будетъ предѣльно краткимъ:
Я гордъ, что связанъ подводнымъ барствомъ.
За дизелюху! За тридцать пятку!
За то, чтобъ съ вами все было гладко!
Чтобъ вы любили и васъ любили!
Чтобъ не терялись на створныхъ вѣхахъ!
За всѣхъ, кто служитъ, или служили,
Какъ мы когда-то, въ стальныхъ отсѣкахъ!
За всѣхъ, кто служитъ, или служили,
Какъ мы когда-то, въ стальныхъ отсѣкахъ!

Другою близкою по духу пѣснею является написанная Алеѯандромъ Городницкимъ «Пѣсня подводниковъ» (1966 г.) (приводится варіантъ):

Зачѣмъ намъ жены, зачѣмъ намъ дѣти?
Земныя радости не для насъ.
Все, чѣмъ живемъ мы на этомъ свѣтѣ —
Немного воздуха, и — приказъ!

Уходимъ въ море служить народу,
Не видно только вокругъ людей...
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ, —
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ, —
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.

Здѣсь толстымъ плохо, здѣсь тощимъ проще,
Здѣсь и зимою стоитъ жара.
Здѣсь нѣту поля и нѣту рощи,
Здѣсь нѣту вечера, ни утра.

Ну кто тамъ хочетъ спасать природу,
И дѣтскій смѣхъ, и весенній день?..
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ, —
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ, —
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.

Въ одну одежду мы всѣ одѣты,
Подлодку домомъ считаемъ мы.
Мы управляемы какъ ракеты,
И какъ ракеты устремлены.

Одну на всѣхъ намъ дѣлить невзгоду,
Одинъ рапортъ намъ писать судьбѣ...
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ,—
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ,—
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.

Зачѣмъ намъ жены, зачѣмъ намъ дѣти?
Земныя радости не для насъ.
Все, чѣмъ живемъ мы на этомъ свѣтѣ—
Немного воздуха, и—приказъ!

Уходимъ въ море служить народу,
Не видно только вокругъ людей...
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ,—
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.
Уходитъ лодка, уходитъ, уходитъ,—
Ищи ее неизвѣстно гдѣ.

Еще одна пѣсня о подводникахъ—это «Красотка» Алеѯандра Жарова (1985 г.) (приводится варіантъ):

Гуляетъ красотка-подводная лодка
По сѣверной бурной, холодной водѣ.
Страну охраняетъ—въ глубины ныряетъ,
Врага караулитъ вездѣ.

Военные годы, суровыя воды,
Гдѣ вражьи таились въ портахъ корабли.
Туда насъ не звали, огнемъ насъ встрѣчали,
Но мы побывать тамъ смогли.

Умѣло и ловко воюетъ плутовка,
Отважна хозяйка морской глубины.
Недаромъ въ почетѣ въ прославленномъ флотѣ
Подводной стихіи сыны.

Гуляетъ красотка-подводная лодка
По сѣверной бурной, холодной водѣ.
Страну охраняетъ—въ глубины ныряетъ,
Врага караулитъ вездѣ.
Страну охраняетъ—въ глубины ныряетъ,
Врага караулитъ вездѣ.

Другую хорошую пѣсню написали Сергѣй Гребенниковъ и Николай Добронравовъ, она называется «Усталая подлодка» (1963 г.) (приводится варіантъ):

Лодка дикимъ давленіемъ сжата.
Данъ приказъ: «Дифферентъ на корму.»

Это значитъ, что скоро ребята
Въ перископы увидятъ волну.
Въ перископы увидятъ волну.

На пирсѣ тихо въ часъ ночной,
Но слышишь голосъ ты родной,
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.

Хорошо изъ далекаго моря,
Возвращаться къ роднымъ берегамъ —
Къ нашимъ тихимъ и ласковымъ зорямъ,
Къ нашимъ вѣчнымъ полярнымъ снѣгамъ.
Къ нашимъ вѣчнымъ полярнымъ снѣгамъ.

На пирсѣ тихо въ часъ ночной,
Но слышишь голосъ ты родной,
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.

Нѣтъ въ тебѣ, дорогая, сомнѣнья,
Но я долженъ отъ дома вдали
Измѣрять глубиной погруженья
Глубину твоей чистой любви.
Глубину твоей чистой любви.

На пирсѣ тихо въ часъ ночной,
Но слышишь голосъ ты родной,
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.

На пирсѣ тихо въ часъ ночной,
Но слышишь голосъ ты родной,
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.
Когда усталая подлодка
Изъ глубины идетъ домой.

Юрій Визборъ тоже написалъ неплохую пѣсню, которая называется «Песня о подводникахъ» (1970 г.) (приводится варіантъ):

Задраены верхніе люки,
Загруженъ балласта запасъ,

Акустики слушаютъ звуки,
И пьются бокалы за насъ.

Прощайте, красотки!
Прощай, небосводъ!
Подводная лодка
Уходитъ подъ ледъ.
Подводная лодка—
Морская гроза,
Подъ черной пилоткой—
Стальные глаза.

Подъ грустную музыку Верди
Компасы даютъ перебой,
Голодные ходятъ медвѣди
У штурмана надъ головой.

Прощайте, красотки!
Прощай, небосводъ!
Подводная лодка
Уходитъ подъ ледъ.
Подводная лодка—
Морская гроза,
Подъ черной пилоткой—
Стальные глаза.

По элементарной причинѣ
Намъ дѣвушки всѣ хороши:
Выходятъ на полюсъ мужчины,
А тамъ нѣтъ вообще ни души!

Прощайте, красотки!
Прощай, небосводъ!
Подводная лодка
Уходитъ подъ ледъ.
Подводная лодка—
Морская гроза,
Подъ черной пилоткой—
Стальные глаза.

Прощайте, красотки!
Прощай, небосводъ!
Подводная лодка
Уходитъ подъ ледъ.
Подводная лодка—
Морская гроза,
Подъ черной пилоткой—
Стальные глаза.

Прощайте, красотки!
Прощай, небосводъ!
Подводная лодка
Уходитъ подъ ледъ.
Подводная лодка—
Морская гроза,
Подъ черной пилоткой—
Стальные глаза.

Пѣсня написана для фильма «Особое мнѣніе» (1967 г.), исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Домъ на набережной».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о брошенномъ кораблѣ.

Судя по всему, сія баллада дополняеть стихи и пѣсни изъ раздѣла «Жилъ-былъ человѣкъ».

Есть близкая по духу пѣсня Владиміра Высоцкаго, это «Я попалъ въ переплетъ, не уйти мнѣ съ земли...» (1971 г.) (приводится варіантъ):

Я попалъ въ переплетъ, не уйти мнѣ съ земли,
Мнѣ разставила суша капканы.
Не замѣтивши сходней, на берегъ сошли
Безвозвратно мои капитаны.

И теперь въ моихъ пѣсняхъ сплошные нули,
Въ нихъ одни лишь прорѣхи и раны:
Изъ своихъ кителей капитанскихъ ушли,
Какъ изъ кожи, мои капитаны.

Мнѣ теперь не выйти въ море
И не встрѣтить ихъ въ порту.
Ахъ, мой вѣчный санаторій—
Какъ оскомина во рту!

Капитаны мнѣ скажутъ: «Давай не скули!»
Да вѣдь я не скулю—волкомъ вою:
Вы жъ не просто съ собой мои пѣсни везли—
Вы везли мою душу съ собою.

Васъ встрѣчали въ порту толпы вѣрныхъ друзей,
И я съ вами дѣлилъ ваши лавры,—
Мнѣ казалось, я тоже сходилъ съ кораблей
Въ эти Токіо, Гамбурги, Гавры...

Вамъ теперь не выйти въ море,
Мнѣ не встрѣтить васъ въ порту.
Ахъ, мой вѣчный санаторій—
Какъ оскомина во рту!

Я надеюсь, что море сильнѣй площадей
И прочнѣе домовъ изъ бетона.
Море — лучшій колдунъ, чѣмъ земной чародей, —
И я встрѣчу васъ изъ Лиссабона.

Что вы вновь вышли въ морѣ, я вижу во снахъ —
Вижу, что вы не бѣситесь съ жира, —
Сквозь шторма пробиваетесь на танкерахъ,
На «торговцахъ», да на «пассажирахъ».

Нѣтъ, я снова выйду въ море
Или встрѣчу васъ въ порту.
Къ чорту вѣчный санаторій —
Сю оскомину во рту!
Къ чорту вѣчный санаторій —
Сю оскомину во рту!

Баллада написана для фильма «Земля Санникова» (1973 г.).

Аборигены почему-то съѣли Кука...

Джеймсъ Кукъ, извѣстный также какъ капитанъ Кукъ — Англійскій мореплаватель, руководитель трехъ кругосвѣтныхъ экспедицій. Убитъ на Гавайскихъ островахъ въ 1779 году.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Прощаніе съ горами.

Съ сею пѣснею перекликается пѣсня Юрія Визбора «Фанскія горы» (1976 г.) (приводится варіантъ):

Я сердце оставлю въ Фанскихъ горахъ,
И стану отсчитывать дни на равнинахъ.
Тамъ въ тихихъ бесѣдахъ и въ шумныхъ пирахъ
Я буду мечтать о далекихъ вершинахъ.

Когда мы уѣдемъ, уйдемъ, улетимъ,
Когда осѣдлаемъ мы наши машины, —
Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!
Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!

Останется сердце на трудномъ пути,
Гдѣ гребень высокъ, гдѣ багряныя скалы —
Оно не захочетъ оттуда уйти,
И будетъ безъ устали слать мнѣ сигналы.

Когда мы уѣдемъ, уйдемъ, улетимъ,
Когда осѣдлаемъ мы наши машины, —
Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!

Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!

Я буду показывать видъ, что живу,
На шутки друзей въ мѣру силъ улыбаться,—
Но въ Фанскія горы я снова уйду,
Вѣдь съ сердцемъ своимъ не смогу я разстаться.

Когда мы уѣдемъ, уйдемъ, улетимъ,
Когда осѣдлаемъ мы наши машины,—
Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!
Какими здѣсь станутъ пустыми пути,
Какъ будутъ безъ насъ одиноки вершины!

Я сердце оставлю въ Фанскихъ горахъ...

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вертикаль» (1967 г.).

Вершина.
Съ сею пѣснею перекликается «Пѣсня альпинистовъ» Юрія Визбора (1967 г.):

Вотъ это для мужчинъ—
рюкзакъ и ледорубъ,
И нѣтъ такихъ причинъ,
чтобъ не вступать въ игру.
А есть такой законъ—
движеніе впередъ,
И кто съ нимъ не знакомъ,
наврядъ ли насъ пойметъ.

Прощайте же, прощайте,
Писать не обѣщайте,
Но обѣщайте помнить
И не гасить костры.
До послѣвосхожденья,
До пройденной горы.

И нѣтъ тамъ ничего—
ни золота, ни рудъ.
Тамъ только-то всего,
что гребень слишкомъ крутъ.
И слышенъ сердца стукъ,
и страшенъ снѣгопадъ,
И очень дорогъ другъ,
и слишкомъ близокъ адъ.

Прощайте же, прощайте,
Писать не обѣщайте,

Но обѣщайте помнить
И не гасить костры.
До послѣвосхожденья,
До пройденной горы.

Но есть такое тамъ,
и этимъ путь хорошъ,
Чего въ другихъ мѣстахъ
не купишь, не найдешь:
Съ утра подъемъ, съ утра
и до вершины — бой.
Отыщешь ты въ горахъ
побѣду надъ собой.
Отыщешь ты въ горахъ
побѣду надъ собой.

Прощайте же, прощайте,
Писать не обѣщайте,
Но обѣщайте помнить
И не гасить костры.
До послѣвосхожденья,
До пройденной горы.
До послѣвосхожденья,
До пройденной горы.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вертикаль» (1967 г.).

Среда.

Здѣсь можетъ быть проведена параллель со стихотвореніемъ Алеѯандра Пушкина «Пророкъ» (1826 г.) (приводится варіантъ):

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ,
И стали вѣщими зѣницы
И зоркими, какъ у царь-птицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя ѕмѣи

Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

Морской варіантъ:

Ну вотъ, исчезла дрожь въ рукахъ,
Теперь — наверхъ!
Ну вотъ, сорвался въ пропасть страхъ
Навѣкъ, навѣкъ.
Для остановки нѣтъ причинъ —
Иду, скользя...
И въ мірѣ нѣтъ такихъ вершинъ,
Что взять нельзя!

Среди нехоженыхъ путей
Одинъ путь — мой,
Среди невзятыхъ рубежей
Одинъ — за мной!
Кто не доплылъ и въ волны легъ,
Тѣмъ Богъ судья,
Среди непройденныхъ дорогъ
Одна — моя!

Мой океанъ со всѣхъ сторонъ
Штормитъ, штормитъ,
Онъ тайну чьихъ-нибудь именъ
На днѣ хранитъ...
А я гляжу въ свою мечту
Поверхъ головъ
И свято вѣрю въ чистоту
Глубинъ и словъ!

И пусть пройдетъ немалый срокъ —
Мнѣ не забыть,
Что здѣсь сомнѣнія я смогъ
Въ себѣ убить.
Я слышалъ, пѣла мнѣ вода:
«Удачъ — всегда!..»

А день... какой былъ день тогда?
Ахъ да — Среда!..

Другое названіе сей пѣсни — «Горная лѵрическая».

Пѣсня написана для фильма «Бѣлый взрывъ» (1969 г.), морской варіантъ исполненъ въ фильмѣ «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ.

Баллада о времени.

Однимъ изъ стихотвореній, которыя могутъ быть добавлены къ сему раздѣлу, является «Телѣга жизни» Алеѯандра Пушкина (1823 г.) (завершено авторомъ сей публикаціи):

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Въ дали намъ мнится чудный край,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: живѣе, разгильдяй!

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ по-прежнему телѣга.
Къ зарѣ мы привыкаемъ къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

Другое близкое по духу стихотвореніе, которое можетъ быть добавлено сюда, это «Времени очи безгнѣвны...» Редьярда Киплинга (1906 г.) (переводъ Романа Дубровкина, приводится въ обработкѣ):

Времени очи безгнѣвны,
Мѣрная поступь тверда.
Знаетъ оно несомнѣнно:
Жизнь лишь пребудетъ всегда.
Гибнутъ державы, и снова,
Травамъ сезоннымъ подъ стать,
Грады изъ праха земного
Жаждутъ скорѣе возстать.

Свѣтъ увидавшій сегодня,
Знать развѣ можетъ нарциссъ,

Какъ надъ землей прошлогодней
Холодъ жестокій нависъ?
Пьяный отъ юной отваги,
Счастливъ онъ долей своей:
Вѣчностью мнятся бѣднягѣ
Семь его солнечныхъ дней.

Время сочувствуетъ людямъ,
Въ мірѣ такимъ же гостямъ.
Жить непремѣнно мы будемъ—
Мнится несвѣдущимъ намъ.
И, всѣ отринувъ сомнѣнья,
Шествуя смертныхъ стезей,
Хвалится тѣнь передъ тѣнью:
«Трудъ не изгладится мой!»

Также можно добавить сюда четверостишіе Роберта Луиса Стивенсона «Добро пожаловать къ намъ, гость!»:

Добро пожаловать къ намъ, гость! Располагайся, все здѣсь
Твое на время краткаго визита твоего;
А мы же, какъ и ты, всего лишь гости въ этомъ домѣ,
Не знающіе времени ухода своего.

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда» (1975 г.).

Владиміръ Высоцкій написалъ для онаго фильма шесть балладъ, онѣ вошли въ финальный «режиссерскій» варіантъ, но были отклонены по рекомендаціи редакціонной коллегіи Государственнаго кино С.С.С.Р. Въ 1982 году четыре изъ сихъ балладъ—«Баллада о времени», «Баллада о книжныхъ дѣтяхъ» («Баллада о борьбѣ»), «Баллада о вольныхъ стрѣлкахъ» и «Баллада о Любви»—были использованы въ фильмѣ «Баллада о доблестномъ рыцарѣ Айвенго», а въ 1997 году былъ показанъ, и потомъ поступилъ въ продажу «режиссерскій» варіантъ фильма «Стрѣлы Робина Гуда».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня объ обиженномъ Времени.

Пѣсня исполнена въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.) по книгѣ Льюиса Кэрролла «Приключенія Алисы въ Странѣ чудесъ» (1865 г.).

Здѣсь вспоминается использованное въ оной книгѣ стихотвореніе Дэвида Бейтса «Будь мягокъ» (1849 г.). Вотъ первыя двѣ строфы сего стихотворенія (переводъ Дмитрія Ермоловича, приводится въ обработкѣ):

Будь мягокъ! Истинно, любовь
Надежнѣй страха правитъ.
Пусть даже горстка грубыхъ словъ
Дѣлъ добрыхъ не отравитъ.

Будь мягокъ! Вѣрности обѣтъ
Не терпитъ рѣзкихъ нотокъ;
Негромокъ дружескій совѣтъ;
Пріязни голосъ кротокъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Хотимъ побольше лѣтъ урвать...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова Луція Аннея Сенеки: «Magno aestimamus, mori tardius.» («Мы дорого цѣнимъ возможность умереть попозже.») Здѣсь также умѣстно привести другое его высказываніе: «Quomodo fabula, sic vita: non quam diu, sed quam bene acta sit, refert.» («Жизнь—какъ пьеса въ ѳеатрѣ; важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна.»)

Если бѣгать въ ногу съ вѣкомъ...

Здѣсь умѣстно привести слова Квинта Горація Флакка: «Vive memor, quam sis aevi brevis.» («Живи, помня, какъ коротка жизнь.»)

Г л а з е т ъ (отъ Французскаго *glace*—глянцевый) — шелковая ткань съ вытканнымъ на ней золотымъ или серебрянымъ узоромъ.

Часы тихонько тикаютъ...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова суры «Паукъ» (аятъ 64): «**Мірская жизнь—всего лишь потѣха и игра, а Послѣдняя обитель—это настоящая жизнь. Если бы они только знали (это)!**»

Приведенныя въ сей публикаціи выдержки изъ Священнаго Корана цитируются по переводамъ Абу Аделя, Дмитрія Богуславскаго и Эльмира Куліева, также былъ использованъ переводъ на Англійскій языкъ Мухаммада Таки-удъ-Дина Аль-Хилали и Мухаммада Мухсина Хана.

Представленный текстъ является измѣненною строфою стихотворенія «Общаюсь съ тишиной я...» (1980 г.).

Въ наше время.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

БАЛЛАДА О БОРЬБѢ.

Темнота.

Пѣсня написана для фильма «Сыновья уходятъ въ бой» (1969 г.).

Славный полкъ.

Въ сей пѣснѣ командиръ полка сѵмволизируетъ ожидаемаго посланника, а трубачъ—это самъ поэтъ. Въ послѣдней же строфѣ говорится не о пораженіи славнаго полка, который сѵмволизируетъ Мусульманскую Умму, а о послѣднихъ дняхъ, когда люди отвернутся отъ лица Аллаха, великъ Онъ и славенъ.

И здѣсь умѣстно вспомнить слова Публія Овидія Назона: «Medio tutissimus ibis.» («Средній путь—самый безопасный.»)

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни и набросокъ въ рукописи.

Баллада о книжныхъ дѣтяхъ.

Эпиграфомъ къ сей балладѣ могутъ служить слова Луція Аннея Сенеки: «Vivere militare est.» («Жить—значитъ бороться.»)

Другое названіе баллады—«Баллада о борьбѣ».

Книжныя дѣти сѵмволизируютъ людей Священнаго Писанія—Мусульманъ, Христіанъ и Іудеевъ.

Варіантъ 16-го стиха:

Со страницъ пожелтѣвшихъ стекая на насъ.

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда», см. примѣчаніе къ «Балладѣ о времени».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Продѣлавъ брешь въ затишьи...

Сіе стихотвореніе дополняетъ стихотворенія «Я вамъ разскажу про то, что будетъ...» и «Закручена жизнь, какъ жгуты изъ джута...»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о ненависти.

Сія баллада вызываетъ въ памяти слова суры «Паломничество» (аятъ 39): «**Дозволено тѣмъ, съ которыми сражаются [дозволено вѣрующимъ, противъ которыхъ сражаются многобожники] (также сражаться), за то, что они притѣснены [по отношенію къ нимъ проявлено зло]. Воистину, Аллахъ способенъ помочь имъ.**»

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда», см. примѣчаніе къ «Балладѣ о времени».

Восточная притча.

Другое названіе сей притчи — «Баллада о короткой шеѣ».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Черногорцы.

Если бы въ Россіи соблюдался древній законъ таліона, завозимые въ нашу страну дикари не убивали бы насъ такъ безбоязненно.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о вольныхъ стрѣлкахъ.

Есть хорошее старинное изрѣченіе: «Potior visa est periculosa libertas quieto servitio.» («Лучше свобода въ опасности, чѣмъ рабство въ покоѣ.»)

И здѣсь умѣстно привести положеніе Римскаго гражданскаго права: «Vim vi repellere licet.» («Насиліе позволяется отражать силой.»)

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда», см. примѣчаніе къ «Балладѣ о времени».

Другой благородный разбойникъ, Алимъ, жилъ въ Крыму, на родинѣ автора.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Если гдѣ-то въ глухой неспокойной ночи...

Сія пѣсня перекликается со стихотвореніемъ Габдуллы Тукая «Когда на жизненномъ пути...» (1911 г.) (переводъ Николая Сидоренко, приводится въ обработкѣ):

Когда на жизненномъ пути ты, ошибившись, упадешь,
Когда на листъ твоей души свои наложитъ пятна ложь,
Когда «безпутнымъ», «подлецомъ» ты, горемыка, прослывешь,
Когда, отверженный людьми, свой одинокій путь начнешь, —

Знай, непремѣнно ты во мнѣ тогда сочувствіе найдешь.
Не засмѣюсь и не скажу: «Онъ на slосчастнаго похожъ.»
Я раздѣлю твою печаль, всѣ проявленія бѣды,
Увидѣвъ счастья черноту, не проявлю къ тебѣ вражды.

А люди, знай, не подаютъ тому, кто падаетъ, руки,
Не выручаютъ, коль его уноситъ волнами рѣки.

Но люди не казнятъ того, кто втайнѣ грѣшное творитъ,
Молва не трогаетъ, коль грѣхъ отъ взоровъ тщательно укрытъ.

Такъ кто же грѣшнымъ людямъ далъ кнутъ наказанія, скажи?
Никто, никто! Лишь Богъ одинъ судъ отправляетъ не по лжи.
Пусть двое насъ, ты о любви людей не вздумай умолять,—
Что стоитъ чувство, коль его не могутъ люди сохранять?

Оставь тоску, замкнись въ себѣ, и помни мудрецовъ завѣтъ:
Спасти чтобъ душу, позабудь про дольній міръ, добра въ немъ нѣтъ.
Утѣшить чтобъ тебя, рѣшилъ я эти строки написать.
Вѣдь я единственный твой другъ, меня ли можно упрекать?

Пѣсня написана для фильма «Единственная дорога» (1974 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

О фатальныхъ датахъ и цифрахъ.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти стихотвореніе Алеѯандра Пушкина «Поэту» (1830 г.) (приводится варіантъ):

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты не внемли, будь спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя отважный умъ,
Холя до зрѣлости плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

«На цифрѣ двадцать шесть одинъ шагнулъ подъ пистолетъ...» — Михаилъ Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли въ возрастѣ двадцати шести лѣтъ.

«...другой въ петлѣ былъ найденъ въ „Англетерѣ“» — Сергѣй Есенинъ былъ найденъ повѣшеннымъ въ Ленинградской гостиницѣ «Англетеръ» за три дня до начала 1926 года (нѣтъ сомнѣній, что онъ погибъ насильственною смертію).

Алеѯандръ Пушкинъ былъ смертельно раненъ на дуэли въ возрастѣ тридцати семи лѣтъ въ 1837 году.

Владиміръ Маяковскій застрѣлился незадолго до своего тридцатисемилѣтія (по всей видимости, его смерть явилась результатомъ неудачной симуляціи самоубійства).

Джорджъ Байронъ умеръ на тридцать седьмомъ году жизни.

Артюръ Рембо умеръ въ тридцатисемилѣтнемъ возрастѣ.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

ПѢВЕЦЪ У МИКРОФОНА.

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ, при написаніи текста пѣсни «Пѣвецъ у микрофона» использованы два варіанта.

Оловянные солдатики.

Синій цвѣтъ не относится къ основнымъ цвѣтамъ въ Исламѣ, то есть въ сей пѣснѣ говорится о пораженіи нашихъ враговъ.

А р к а д і й В ы с о ц к і й — второй сынъ Владиміра Высоцкаго отъ его второй жены Людмилы Абрамовой.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Вооруженъ и очень опасенъ.

На самомъ дѣлѣ, выраженіе «In vino veritas» («Истина (правда) въ винѣ») есть первая половина поговорки «In vino veritas, in aqua sanitas» («Въ винѣ — правда, въ водѣ — здоровіе»), и оно соотвѣтствуетъ поговоркамъ «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ» и «Трезваго дума, да пьянаго рѣчь».

Пѣсня исполнена Людмилою Сенчиною въ фильмѣ «Вооруженъ и очень опасенъ» (1977 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня конченаго человѣка.

Сія пѣсня перекликается со стихотвореніемъ Алеѯандра Пушкина «Я пережилъ свои желанья...» (1821 г.):

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ однѣ страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

И она также вызываетъ въ памяти письмо Алеѯандра Пушкина Владиміру Раевскому (1822 г.) (приводится варіантъ заключительной части):

Ушли года, остыла въ сердцѣ кровь;
Въ ихъ наготѣ я нынѣ вижу
И свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опытъ ненавижу.

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ;
Въ ней чувствъ ужъ нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣетъ.

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразной.
Но что жъ теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и праздной?

Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ,
Ужели въ непотребной глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ!

Что жъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой,
Чего искалъ, къ чему стремился,
Кого жъ, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился!

Я говорилъ предъ хладною толпой
Языкомъ истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородной.

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ ѕлодѣй иль малодушный,
Вездѣ тѵрана превозноситъ льстецъ
Иль предразсудковъ рабъ послушный.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня про первые ряды.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его статіи «Жизнь человѣка зависитъ отъ природы...»: «Человѣку не мѣшало бы заглянуть въ себя, разобраться въ собственной природѣ, а потомъ дѣйствовать во внѣ, твердо зная, что ему надо.»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мистерія хиппи.

Эпиграфомъ къ сей мистеріи могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его статіи «Жизнь человѣка зависитъ отъ природы...»: «Если мы съ вами свой потокъ не измѣнимъ на новый, насъ съ вами изобьютъ наши дѣти.»

Мистерія написана для фильма «Бѣгство мистера Макъ-Кинли» (1975 г.), котораго герой стремится убѣжать и отъ окружающаго міра, и отъ самого себя. Вотъ другая пѣсня Владиміра Высоцкаго изъ сего фильма, «Баллада объ уходѣ въ Рай» (1973 г.) (завершена авторомъ сей публикаціи):

Вотъ твой билетъ, вотъ твой вагонъ—
Тебѣ на блюдѣ, какъ мечталъ ты, все дано.
Теперь въ Раю увидишь сонъ—
Трехвѣковое непрерывное кино.

Все позади, уже сняты
Всѣ отпечатки, контрабанды не беремъ.

Какъ херувимъ, стериленъ ты,
А классъ второй — не высшій классъ, зато съ бельемъ.

Время пришло исполняться пророчествамъ —
Уходитъ поѣздъ въ небеса, въ счастливый путь.
Ахъ, какъ намъ хочется, какъ всѣмъ намъ хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Земной перронъ, не унывай
И не кричи — онъ для оставшихся оглохъ.
Одинъ изъ насъ поѣхалъ въ Рай, —
Онъ встрѣтитъ Бога тамъ — вѣдь есть, конечно, Богъ!

Онъ передастъ Ему поклонъ, —
Тогда какъ мы его отъѣздъ переживемъ.
Къ намъ не придетъ чудесный сонъ —
Вѣкъ завершивъ, мы, какъ положено, умремъ.

Время пришло исполняться пророчествамъ —
Уходитъ поѣздъ въ небеса, въ счастливый путь.
Ахъ, какъ намъ хочется, какъ всѣмъ намъ хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Не всѣмъ дано поспать въ Раю,
Но кое-что мы здѣсь успѣемъ натворить:
Подраться, спѣть... Вотъ я — пою,
Другіе — любятъ, третьи — думаютъ любить.

Уйдутъ, какъ мы, во мракъ безъ сна
Всѣ поколѣнья послѣ насъ во всѣхъ вѣкахъ...
Не дай, Господь, чтобы — война,
Тогда потомковъ мы оставимъ въ дуракахъ!

Время пришло исполняться пророчествамъ —
Уходитъ поѣздъ въ небеса, въ счастливый путь.
Ахъ, какъ намъ хочется, какъ всѣмъ намъ хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Война ль, чума — тебѣ то что,
Въ твоихъ видѣньяхъ мѣста нѣтъ земнымъ дѣламъ.
Что до меня — я бъ ни за что
Не пожелалъ такой судьбы своимъ врагамъ.

Прерветъ твой сонъ какой-то типъ
И впуститъ въ міръ, гдѣ въ прошломъ войны, боль и ракъ,
Гдѣ побѣжденъ Гонконгскій гриппъ, —
На всемъ готовенькомъ ты счастливъ ли, дуракъ?

Время пришло исполняться пророчествамъ —
Уходитъ поѣздъ въ небеса, въ счастливый путь.
Ахъ, какъ намъ хочется, какъ всѣмъ намъ хочется
Не умереть, а именно — уснуть!

Итакъ, прощай — звенитъ звонокъ.
Да будешь ты отъ всѣхъ превратностей спасенъ!
И коль тебя замѣтитъ Богъ,
Не позабудь же передать Ему поклонъ!
Не позабудь же передать Ему поклонъ!

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

МОЙ ГАМЛЕТЪ.

Дурацкій сонъ.

Къ сему раздѣлу можетъ быть добавленъ набросокъ Владиміра Высоцкаго «Если бы спросили васъ...» (1976 г.) къ фильму «Вооруженъ и очень опасенъ» (1977 г.):

Если бы спросили васъ о томъ,
Хотите ли вы стать скотомъ, —
Что бы вы отвѣтили,
Что бы вы отвѣтили, —
Ну-ка, скажите!

Если бъ попросили васъ потомъ
И въ самомъ дѣлѣ стать скотомъ, —
Что бы вы отвѣтили,
Что бы вы отвѣтили?
Ну-ка, скажите!

Также можно добавить сюда стихотвореніе Игоря Гиркина «Назиданіе самому себѣ» (1991 г.) (приводится варіантъ):

Не жди приказа, не сиди,
Не выбирай покой!
Впередъ! сквозь вѣтры и дожди
И вьюги волчій вой!

Оставь удобства и уютъ —
Пока ты молодъ — въ путь!
Когда отходную споютъ,
Успѣешь отдохнуть!

Будь честенъ, смѣлъ, не замѣчай
Насмѣшекъ и помѣхъ.
А будешь старшимъ — отвѣчай
Какъ за себя — за всѣхъ!

Тотъ, кто ошибокъ не имѣлъ,—
Въ бездѣліи зачахъ—
Онъ груза жизни не посмѣлъ
Примѣрить на плечахъ!

Каковъ бы не былъ твой удѣлъ—
Удаченъ или плохъ,
Ты помни: мѣру твоихъ дѣлъ
Оцѣнитъ только Богъ!

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мой Гамлетъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Притча о Правдѣ и Лжи.

Сія притча перекликается съ притчей «О лжи» Порфѵрія Иванова, миръ ему.

И здѣсь умѣстно привести старинное изрѣченіе: «Vir bonus semper tiro est.» («Порядочный человѣкъ всегда простакъ.»)

Вотъ другое подходящее изрѣченіе: «Veritas laborat saepe, exstinguitur numquam.» («Истина часто бываетъ безпомощною, но никогда не погибаетъ.»)

Варіанты строфъ:

9-ая строфа:

Полная Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болѣла, нуждалась въ деньгахъ.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинныхъ и тонкихъ ногахъ.

11-ая строфа:

Такъ что, друзья, у чужихъ оставаться не надо,
Вѣдь неизвѣстно, къ кому на ночлегъ попадешь.
Я увѣряю васъ, эта исторія—правда,
Все же иное, товарищи—явная ложь!

Такъ что, друзья, у чужихъ оставаться не надо,
Вѣдь неизвѣстно, къ кому на ночлегъ попадешь.
Я увѣряю васъ, эта исторія—правда,
Все же иное, ребята—безстыдная ложь!

Булатъ Окуджава—поэтъ и исполнитель своихъ пѣсенъ, одинъ изъ основоположниковъ жанра авторской пѣсни. Владиміръ Высоцкій неоднократно называлъ его своимъ «духовнымъ отцомъ».

При написаніи представленнаго текста использованы поздній варіантъ притчи и наброски въ рукописи.

Лежитъ камень въ степи.

Артуръ Макаровъ—другъ Владиміра Высоцкаго, писатель и киносценаристъ.

Въ сей пѣснѣ обыгрывается пословица: «Подъ лежачій камень вода не течетъ.»

Не впадай ни въ тоску, ни въ азартъ...

Сіе стихотвореніе частично перекликается со стихотвореніемъ Редьярда Киплинга «Изъ тѣхъ ли ты...» (1910 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Алеѯандра Грибанова, Михаила Лозинскаго, Самуила Маршака, Валеріи Скляровой и Аллы Шараповой):

Изъ тѣхъ ли ты, кто смѣлымъ былъ въ сраженьи,
Но проигрышь себѣ въ вину вмѣнилъ,
Кто недовѣрье, какъ и осужденье,
Сумѣлъ принять и твердость сохранилъ?
Кто ждалъ, судьбу свою не проклиная,
И, будучи оболганнымъ, не лгалъ,
И, ненавидимый, ѕло въ сердце не пуская,
Вѣнца себѣ за это не желалъ?

Ты — другъ Мечты, но средь ея тумановъ
Не заблудиться смогъ? И не считалъ,
Что Мысль есть Богъ? И жалкихъ шарлатановъ
Тріумфъ и Крахъ — съ порога отвергалъ?
И ты не дрогнешь отъ того, что слово
Твое безсовѣстно измѣнитъ плутъ,
И, потерпѣвъ крушенье, сможешь снова —
Безъ прежнихъ силъ — возобновить свой трудъ?

Рискнешь, когда игра того достойна,
Поставить все, что накопилъ съ трудомъ,
А проигравъ, снесешь ударъ спокойно
И укорять себя не станешь въ томъ?
Способенъ ты свое принудить тѣло
Тебѣ служить, когда въ твоей груди
Лишь пустота осталась, все сгорѣло,
И только Воля требуетъ итти?

Ты прямъ и строгъ на королевской службѣ?
Съ людьми простыми кротокъ? Справедливъ
Ко всѣмъ наперекоръ враждѣ и дружбѣ,
И, властью облеченный, не кичливъ?
Пришелъ къ тому, что даже малой доли
Своихъ минутъ ты полный господинъ?
Ну что жъ! Земля — твоя, и даже болѣ
Тебѣ скажу: ты Человѣкъ, мой сынъ!

Здѣсь, какъ и въ стихотвореніи Владиміра Высоцкаго, игра ѕимволизируетъ жизнь, и потеря всего накопленнаго означаетъ потерю достигнутаго положенія на избранномъ поприщѣ въ результатѣ слѣдованія велѣніямъ совѣсти.

Разскажи, дорогой...

Пѣсня исполнена Людмилою Сенчиной въ фильмѣ «Вооруженъ и очень опасенъ» (1977 г.).

Снайперъ.

Здѣсь умѣстно привести слова Публилія Сира: «Cave quicquam incipias, quod paeniteat postea.» («Такъ поступай, чтобъ послѣ не жалѣть.»)

Ф е т р ы — изготовленные изъ ѳетра сапоги, ѳетръ (Французское *feutre*)—тонкій плотный войлокъ высшаго сорта.

Т а п е р ъ (Французское *tapeur*) — піанистъ, играющій за плату на танцовальныхъ вечерахъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

СЛУЧАИ.

Случаи.

Здѣсь умѣстно привести слова Публилія Сира: «Occasio receptus difficiles habet.» («Упущенный случай рѣдко повторяется.»)

Наведите, наведите...

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порѳирія Иванова, миръ ему: «...есть иной путь, иная дорога къ жизни, здоровію.»

Варіантъ 27-го стиха:

Но не забудьте—затупите

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Въ холода, въ холода...

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Я родомъ изъ дѣтства» (1966 г.).

Спасибо, что живой.

Пѣсня предлагалась въ фильмъ «Неизвѣстный, котораго знали всѣ» (1972 г.).

Въ представленномъ текстѣ объединены два варіанта пѣсни.

Все относительно.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова Луція Аннея Сенеки: «Magnam rem puta, unum hominem agere.» («Великое дѣло быть всегда однимъ и тѣмъ же.»)

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Послѣдній жуликъ» (1966 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я НЕ ЛЮБЛЮ.

Я не люблю.

Сія пѣсня можетъ быть дополнена стихотвореніемъ Габдуллы Тукая «Возжелавъ уйти отъ тяготъ и тревогъ...» (1910 г.) (переводъ Вѣроники Тушновой, приводится въ обработкѣ):

Возжелавъ уйти отъ тяготъ и тревогъ,
Сократить рѣшилъ ты Богомъ данный срокъ.
Ничего умнѣй не смогъ придумать ты,
Чѣмъ въ иную явь не позваннымъ притти.
Но жестоко очень ты ошибся, братъ,—
Ждалъ покоя, а обрекъ себя на адъ.

Дѣлъ своихъ теперь вкушаешь ты плоды,
И исправить ничего не можешь ты.
Что́ съ того, что жизнь была не хороша?
Вѣдь въ страданьяхъ исцѣляется душа.
Испытанья же приходятъ только тѣ,
Кои выдержать способенъ человѣкъ.
И ему дается тѣло для того,
Чтобъ творилъ въ земной юдоли онъ добро.
Если бъ рукъ ты на себя не наложилъ,
Если бъ жизнь свою ты ближнимъ посвятилъ,
Вскорѣ бъ счастье, Божьей милостью, пришло, —
Поспѣшилъ ты, совершилъ большое ѕло.
Легъ въ могилу... До чего жъ ты безтолковъ!
Бросивъ шапку, не спасешься отъ волковъ.

Пѣсня исполнялась Игоремъ Кваша въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра «Современникъ» «Свой островъ» (1971 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы ранній и поздній варіанты пѣсни.

Гитара.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.).

Пѣсня о старомъ домѣ.

Другое названіе сей пѣсни — «Пѣсня-сказка о старомъ домѣ на Новомъ Арбатѣ».

Пѣсня исполнена неизвѣстнымъ артистомъ въ фильмѣ «Саша-Сашенька» (1966 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

А люди все роптали и роптали...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Вотъ главный входъ, но только вотъ...

Сія антиглобализаціонная пѣсня написана во время «Кеннеди-раунда», послѣ котораго въ Еѵропѣ произошла либерализація торговли.

Нараспашку при любой погодѣ...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРІЯ.

Дорожная исторія.

Въ Святомъ благовѣствованіи отъ Луки (глава 6, стихъ 36) говорится: «**Бꙋ́дите оу҆́бо милосе́рди, ꙗ҆́коже и҆ ѻ҆ц҃ъ ва́шъ мл҃рдъ є҆́сть.**»

Въ сурѣ «Семейство Имрана» (аяты 133 и 134) говорится: «**Стремитесь къ прощенію вашего Господа и Раю, ширина котораго равна небесамъ и землѣ [ширинѣ небесъ и земли], уготованному для богобоязненныхъ, которые дѣлаютъ пожертвованія въ радости и въ горѣ, сдерживаютъ гнѣвъ и прощаютъ людей. Воистину, Аллахъ любитъ творящихъ добро.**»

И здѣсь умѣстно привести слова Публилія Сира: «Multa ignoscendo fit potens potentior.» («Многое прощая, сильный становится еще сильнѣе.»)

Варіантъ 40-го—41-го стиховъ:

Вѣдь если масть ему пойдетъ—
тогда никто не вспомянетъ,—

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Пѣсня автомобилиста.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его статіи «Какъ избавиться отъ заболѣваній и стать здоровымъ»: «Человѣкъ не захотѣлъ жить въ природѣ, въ окруженіи воздуха, воды и земли, а началъ создавать искуственныя условія для своей жизни.»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Горизонтъ.

Владиміръ Высоцкій говорилъ, что онъ очень любитъ эту пѣсню.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Объ аваріи.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКСЪ.

Парня спасемъ...

Сія пѣсня вмѣстѣ съ другими стихами и пѣснями этого и слѣдующего раздѣловъ дополняетъ стихи и пѣсни изъ раздѣла «Жилъ-былъ человѣкъ»—Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, написалъ въ своихъ дневникахъ, что ожидаемый посланникъ пройдетъ черезъ тюрьмы и больницы.

Алеха.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти разсказъ Эрнеста Хемингуэя «Убійцы» (1927 г.) и фильмъ Василія Шукшина «Калина красная» (1974 г.), а также частично перекликается со стихотвореніемъ «Женихъ» (1918 г.) Редьярда Киплинга (переводъ Сергѣя Степанова, приводится въ обработкѣ):

Я чистъ передъ тобою—
Измѣной не зови
То, что дѣлю съ другою
Объятія любви.

Хоть нѣтъ ея древнѣе,
И смотритъ холодно,
Но что́ подѣлать—съ нею
Я обрученъ давно.

И радъ бы избѣжать я—
И чудомъ избѣгалъ—
Но нынче нашей свадьбѣ
Послѣдній срокъ насталъ.

Да будетъ жизнь живою,
Пусть боль быстрѣй уйдетъ—
Оставьте насъ въ покоѣ
Ждать Господа приходъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

На возрастъ юный мой ты не смотри...
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Обо мнѣ невѣста будетъ плакать честно...
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Эй, шоферъ...
Таганская тюрьма была снесена въ 1950-е годы, Бутырская тюрьма сносу не подвергалась.

А счетчикъ щелкаетъ.
Сія пѣсня является одною изъ тѣхъ, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ объ ожидающемъ насъ Судѣ.
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Тотъ, кто раньше съ нею былъ.
Сія пѣсня вызываетъ въ памяти написанное въ одиннадцатой главѣ Откровенія святаго Іоанна Богослова.
Варіантъ 37-го и 41-го стиховъ:

Зачѣмъ задаромъ пропадать?

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Микрораіонъ» (1963 г.).

Аппелляція.
Пѣсня предлагалась въ фильмъ «Интервенція» (1968 г.), вошла въ варіантъ фильма 1987 года.
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я въ дѣлѣ.
Въ двухъ послѣднихъ стихахъ сей аллегорической пѣсни говорится о Законѣ, который данъ намъ въ Священномъ Коранѣ.

Шулера.
Въ сей пѣснѣ говорится о нашихъ «гостяхъ» на Востокѣ—Соединенныхъ Штатахъ и «Израилѣ», а слова припѣва «въ колодѣ какъ-никакъ четыре масти» означаютъ то, что въ мірѣ есть четыре основныя религіи.
Пѣсня частично использована въ фильмѣ «Война подъ крышами» (1967 г.).
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Уголовный кодексъ.
Въ сей пѣснѣ Уголовный кодексъ сѵмволизируетъ Священный Коранъ.

Въ сурѣ «Скотъ» (аятъ 155) говорится: «**Эта книга [Коранъ], ниспосланная Нами, есть книга благословенная, слѣдуйте ей и бойтесь Бога, чтобы вкусить милосердіе Его.**»

Здѣсь вспоминаются слова Алеѯандра Пушкина изъ «Подражаній Корану» (1824 г.):

Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ Сіяющій Коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту
И да падетъ съ очей туманъ.

И вотъ что написалъ о Священномъ Коранѣ въ стихотвореніи «Книга» Габдулла Тукай (1909 г.) (переводъ Нияза Ахмерова, приводится въ обработкѣ):

Когда истерзана душа
И самъ себя я ненавижу,
И ѕлобной горестью дыша,
Дороги предъ собой не вижу,

И свѣтъ становится не милъ
Душѣ, измученной бореньемъ,
И кажется, что нѣтъ ужъ силъ —
О, Книга! Ты мое спасенье.

Страницъ нетлѣнныхъ череда...
И вотъ ужъ я рождаюсь снова,
И пью, какъ счастіе, тогда
Отраду Божескаго слова.

Какъ путеводная ѕвѣзда,
Оно душѣ моей сіяетъ,
И отступаетъ суета,
И сердце радость осѣняетъ.

Я въ дали свѣтлыя гляжу
Съ мечтою чистой, какъ и прежде,
И благодарность возношу
За Книгу вѣры и надежды.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня сыщика.

Варіантъ 8-го, 16-го, 28-го и 40-го стиховъ:

Что подчасъ мнѣ работать противно.
Что подчасъ мнѣ работать противно!

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

МЫ ПРОШЛИ.

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

Варіантъ 5-го стиха пѣсни «Охота на волковъ»:

Изъ-за елей хлопочутъ двухстволки,

М и х а и л ъ Ш е м я к и н ъ — другъ Владиміра Высоцкаго, художникъ и скульпторъ. Уѣхалъ изъ Совѣтскаго Союза въ Парижъ, потомъ перебрался въ Нью-Іоркъ.

Пѣсня «Охота на волковъ» написана въ 1968 году, пѣсня «Охота съ вертолетовъ» — въ 1978 году, пѣсня «Прошла пора вступленій и прелюдій...» — въ 1972 году.

Пѣсня «Охота на волковъ» исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Берегите ваши лица!» (1970 г.).

Въ представленномъ текстѣ пѣсни «Охота съ вертолетовъ» объединены два варіанта, текстъ пѣсни «Прошла пора вступленій и прелюдій...» отличается отъ оригинальнаго.

ПОБѢГЪ НА РЫВОКЪ.

В а д и м ъ Т у м а н о в ъ — другъ Владиміра Высоцкаго. Онъ является прототѵпомъ главнаго героя романа Владиміра Высоцкаго и Леонида Мончинскаго «Черная свѣча» (1976—1984 гг.), и авторомъ автобіографической книги «Все потерять — и вновь начать съ мечты...» (2004 г.).

П о б ѣ г ъ н а р ы в о к ъ — побѣгъ изъ мѣста лишенія свободы на глазахъ у охраны.

В о л о г о д с к і й — конвойный охранникъ.

К у м ъ — оперативный уполномоченный.

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ, при написаніи текста стихотворенія «Слушай сказку, сынокъ...» использованы два варіанта.

Все идетъ здѣсь такъ...

«Бродятъ толпы людей, на людей не похожихъ, равнодушныхъ, слѣпыхъ» — такъ это же люди, кои пользуются смартфонами...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Летѣла жизнь.

«Когда дошло почти до самосуда, я всталъ горой за горцевъ,» написалъ Владиміръ Высоцкій въ сей пѣснѣ. Здѣсь горцы означаютъ Мусульманъ, а приходъ защитника вѣрующихъ былъ обѣщанъ Святымъ Пророкомъ Мухаммадомъ, миръ ему.

Есть хорошая книга о горцахъ — это «Мой Дагестанъ» Расула Гамзатова (1967—1970 гг.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мы прошли.

Здѣсь вспоминается пѣсня Алеѯандра Галича «Облака плывутъ въ Абаканъ» (1962 г.) (приводится варіантъ):

Облака плывутъ, облака,
Не спѣша плывутъ, какъ въ кино.

А я цыпленка ѣмъ табака,
Я коньячку принялъ полкило.

Облака плывутъ въ Абаканъ,
Не спѣша плывутъ облака...
Имъ тепло небось, облакамъ,
А я продрогъ насквозь, на вѣка!

Я подковой вмерзъ въ санный слѣдъ,
Въ ледъ, что я кайломъ ковырялъ!
Вѣдь недаромъ я двадцать лѣтъ
Протрубилъ по тѣмъ лагерямъ.

До сихъ поръ глаза рѣжетъ настъ,
И звучатъ въ ушахъ брань и гамъ!..
Эй, подайте мнѣ ананасъ,
И коньячку еще двѣсти граммъ!

Облака плывутъ, облака,
Въ милый край плывутъ, въ Колыму,
И не нуженъ имъ адвокатъ,
Имъ амнистія — ни къ чему.

Я и самъ живу — дай вамъ Богъ,
Всякъ бы жить хотѣлъ такъ, какъ я.
Я въ пивной сижу, словно лордъ,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывутъ на восходъ,
Имъ ни пенсіи, ни хлопотъ...
А мнѣ четвертаго — переводъ,
И двадцать третьяго — переводъ.

И по этимъ днямъ, какъ и я,
Сколько насъ сидитъ въ кабакахъ!
И нашей памятью въ тѣ края
Облака плывутъ, облака...
И нашей памятью въ тѣ края
Облака плывутъ, облака...

Другая близкая по духу пѣсня — это «Письмо Сталину» Іосифа Алешковскаго изъ раздѣла «Пѣсни другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ.

Гололедъ.

Къ сему раздѣлу можетъ быть добавлено стихотвореніе Габдуллы Тукая «Безнравственность» (1912 г.) (переводъ Сергѣя Сѣверцева, приводится въ обработкѣ):

О, какъ высокомѣрно мы на все, что нравственно, глядимъ!
Душою съ грязью примирясь, забыли о пути другомъ.

И если нужно напрямикъ хоть слово правды намъ сказать,
Какъ воръ, укравшій кошелекъ, мы озираемся тайкомъ.

Скупимся съ бѣднымъ на слова, будь онъ мудрѣйшимъ изъ людей,
И сыплемъ щедро, какъ цвѣты, ихъ предъ богатымъ дуракомъ.

Парусъ.

Другое названіе сей пѣсни — «Пѣсня безпокойства».

Упомянутыя дверныя петли суть петли Райскихъ вратъ.

Варіанты стиховъ:

11-ый—12-ый стихи:

Даже въ дозорѣ
можно не встрѣтить врага.

21-ый—22-ой стихи:

Многія лѣта
тѣмъ, кто поетъ во снѣ!

Пѣсня вошла въ документальный фильмъ «Срочно требуется пѣсня» (1967 г.).

Моя Цыганская.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.), предлагалась въ фильмъ «Опасныя гастроли» (1969 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Больно за поэзію.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Разстрѣлъ горнаго эха.

Пѣсня написана для фильма «Единственная дорога» (1974 г.).

Въ портъ не заходятъ пароходы...

Сіе стихотвореніе, какъ и стихотвореніе «Я вамъ разскажу про то, что будетъ...», имѣетъ непосредственное отношеніе къ предупрежденію Порфѵрія Иванова, миръ ему, что будетъ слишкомъ поздно учиться жить въ гармоніи съ Природою, когда упадетъ съ высоты «мизерная вещь».

У кого на душѣ только тихая грусть...

Еще полвѣка назадъ планета успѣвала залѣчивать наносимыя ей человѣкомъ раны. А сегодня мы, въ прямомъ смыслѣ этого слова, уничтожаемъ нашъ домъ, нашу прекрасную Землю — совершенно не думая о томъ, какъ будутъ жить наши дѣти и внуки.

Мнѣ, можетъ, крикнуть хочется, какъ встарь...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мнѣ въ душу ступитъ кто-то посторонній...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти стихотвореніе Габдуллы Тукая «Совѣтъ» (1908 г.) (переводъ Константина Липскерова, приводится въ обработкѣ):

Мой милый другъ! вотъ мой совѣтъ, послушай!
Отъ всѣхъ людей свою скрывай ты душу.

Что́ скрыто въ ней — одинъ на свѣтѣ вѣдай,
Одинъ тоскѣ и свѣтлой мысли слѣдуй.

Храни въ душѣ то, что душѣ — услада,
И лишнихъ словъ произносить не надо.

Себя лишь люди чтутъ самолюбиво,
Бѣдѣ твоей сочувствіе ихъ лживо.

Равно какъ отъ безжалостнаго звѣря,
Бѣги отъ нихъ, моимъ совѣтамъ вѣря.

Открывъ имъ тайну, скрытую глубоко,
Услышишь смѣхъ да возгласы упрека.

Мчись отъ похвалъ ты пташкою: на свѣтѣ
Хвала сулитъ капканы лишь да сѣти.

А если слезъ сдержать не сможешь, — что же!
И тутъ совѣтъ, дружище, дамъ я тоже.

Скажи: «Какъ странно! что-то пухнутъ вѣки,
«И слезы льются, льются, словно рѣки.»

Грусть моя, тоска моя.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Цыганская пѣсня.

Сія пѣсня перекликается со стихотвореніемъ Редьярда Киплинга «Цыганскія телѣги» (1926 г.) (переводъ Василія Бетаки, приводится въ обработкѣ):

Если ты не потомокъ тѣхъ вольныхъ людей,
Что воруютъ и днемъ и въ ночи,

На два оборота сердце замкни
И подальше забрось ключи,
Или такъ закопай подъ каминной плитой
Чтобъ потомъ уже не найти,
И шествуй законопослушной стезей
По протоптанному пути.
Ты можешь стоять у своихъ дверей,
Слушать скрыпъ Цыганскихъ телѣгъ,
Но жить жизнью Роми—вольныхъ людей—
Чужаки не смогутъ вовѣкъ!

Если нѣтъ Цыганской крови въ тебѣ,
Той, что душу ведетъ за собой,
Будь благодаренъ своей судьбѣ,
Занимайся своей землей.
Когда надо вспаши, что надо посѣй,
Образцовымъ хозяиномъ будь,
Не оставивъ надежды душѣ своей
Хоть когда-то пуститься въ путь!
Ты можешь, застывъ надъ миской своей,
Слушать скрыпъ Цыганскихъ телѣгъ,
Но любить любовью вольныхъ людей,
Чужаки не смогутъ вовѣкъ!

Если нѣтъ у тебя Цыганскихъ очей,
Тѣхъ, что только безслезнымъ даны,
Ночевать подъ открытымъ небомъ не смѣй,
Звѣзды выжгутъ всѣ твои сны!
Сквозь стекло окна на луну гляди,
И съ погодой считайся, дружокъ:
Ни подъ дождикъ полуночный не выходи,
Ни въ разсвѣтъ на росистый лужокъ!
Можешь съежиться и глаза закрыть,
Слушать скрыпъ Цыганскихъ телѣгъ,
Потому что какъ вольные Роми бродить
Чужаки не смогутъ вовѣкъ.

Если ты происходишь не отъ Цыганъ,
Для которыхъ нѣтъ смѣны временъ,
Береги свое Мѣсто и свой Карманъ,
Блюди неизмѣнно Законъ,
Чередуй время бодрствованья и сна
До скончанья отпущенныхъ дней,
А помрешь—посмѣются и Богъ, и жена,
И Цыгане надъ жизнью твоей.
Ты на сѣромъ кладбищѣ будешь лежать,
Слыша скрыпъ Цыганскихъ телѣгъ,
Потому что какъ Роми сей міръ покидать
Чужаки не смогутъ вовѣкъ.

Пѣсня исполнена Радой и Николаемъ Волшаниновыми и хоромъ полицейскихъ въ фильмѣ «Опасныя гастроли» (1969 г.).

ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ.

Представленныя въ этомъ раздѣлѣ стихотвореніе и пѣсни относятся къ Порфѵрію Иванову, миръ ему, о которомъ сказано въ Книгѣ пророка Исаіи (глава 54, стихъ 5) (заключенное въ скобки слово «Богъ» добавлено согласно Сѵнодальному переводу): «...[Гъ] всей земли прозовется.» Въ сей книгѣ о немъ также сказано въ стихѣ 22 главы 8, въ стихѣ 2 главы 9, въ стихахъ 7 и 10 главы 52, и въ стихахъ 1—5 главы 65. Обликъ Порфѵрія Иванова, миръ ему, сходенъ съ обликомъ Того, Кто подобенъ Сыну человѣческому на представленной въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова (глава 1, стихи 12—15) аллегорической картинѣ.

Эпиграфомъ къ сему раздѣлу могутъ служить слова Бога земли: «У насъ есть что́ покушать, что́ одѣть и гдѣ жить, но мы должны сознательно отъ всего этого отказаться.»

Стихи и пѣсни сего и слѣдующаго раздѣловъ вызываютъ въ памяти разсказъ «Бѣлый котикъ» (1893 г.) изъ «Книги Джунглей» Редьярда Киплинга (1894 г.), гдѣ Котикъ сѵмволизируетъ ожидаемаго посланника, а его отецъ Сѣкачъ—Порфѵрія Иванова, миръ ему, и повѣсть Джека Шефера «Каньонъ» (1953 г.), гдѣ ожидаемаго посланника и Бога земли сѵмволизируютъ Медвѣженокъ и его духовный отецъ. Также въ повѣсти Эрнеста Хемингуэя «Старикъ и море» (1952 г.) старикъ сѵмволизируетъ Бога земли, а мальчикъ, коего онъ научилъ ловить рыбу—ожидаемаго посланника. И въ сказкѣ «Гномобиль» (1936 г.) Эптонъ Синклеръ разсказываетъ о старикѣ и его внукѣ.

Здѣсь также вспоминаются романы «Два капитана» Веніамина Каверина (1944 г.) и «Кимъ» Редьярда Киплинга (1901 г.), гдѣ Кимъ сѵмволизируетъ ожидаемаго посланника, а его духовный наставникъ—Порфѵрія Иванова, миръ ему. Четыре же другихъ близкихъ Киму человѣка—Махбубъ Али, полковникъ Крейтонъ, Ларганъ-сахибъ и Хари-бабу—сѵмволизируютъ четыре основныя религіи міра—Исламъ, Христіанство, Іудаизмъ и Буддизмъ соотвѣтственно.

И, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Высота», раскаявшійся бывшій разбойникъ съ острова Таборъ Томъ Айртонъ и спасшій колонистовъ капитанъ яхты «Дунканъ» Робертъ Грантъ изъ романа Жюля Верна «Таинственный островъ» (1875 г.) сѵмволизируютъ Порфѵрія Иванова, миръ ему, и ожидаемаго посланника.

И, конечно, есть общее между идеями и образомъ жизни Порфѵрія Иванова, миръ ему, и идеями и образомъ жизни Эрнеста Дарлинга, про котораго разсказалъ Джекъ Лондонъ въ повѣсти «Путешествіе на „Снаркѣ“» (1911 г.), въ главѣ «Дитя природы».

Авторъ сей публикаціи раздѣляетъ предположеніе создателей сайта «Открытіе Ислама», что имѣвшее мѣсто въ Дагестанѣ знаменіе Аллаха—см. представленную на ономъ сайтѣ статію «Чудесный Русскій мальчикъ»—говоритъ о скоромъ появленіи ожидаемаго посланника. Его убѣжденность подтверждаютъ два признака: однимъ изъ нихъ является то, что имя мальчика Али, а ожидаемый посланникъ, какъ извѣстно изъ Хадисовъ, будетъ потомкомъ назначеннаго преемника (вопросъ преемственности власти послѣ Святаго Пророка Мухаммада, миръ ему, освѣщенъ, напримѣръ, на сайтѣ «Преемникъ Великаго Пророка (да будетъ миръ ему)», или въ книгѣ Ибрагима Амини «Что долженъ знать каждый объ Исламѣ»), приемнаго сына и зятя Святаго Пророка Мухаммада Али и дочери Пророка Фатимы, миръ имъ всѣмъ; а другимъ то, что въ одну изъ Пятницъ на тѣлѣ мальчика появились слова «Благословенный рабъ», а днемъ прихода ожидаемаго посланника, что также извѣстно изъ Хадисовъ, будетъ Пятница.

И Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, который призывалъ приготовить путь посланнику Аллаха на протяженіи многихъ лѣтъ, писалъ въ своихъ дневникахъ, что онъ придетъ въ недалекомъ будущемъ.

Въ оффиціальной статіѣ Совѣта Муфтіевъ Россіи (ни одна другая религіозная организація не заинтересовалась симъ чудеснымъ явленіемъ) «Делегація Совѣта Муфтіевъ Россіи собрала свидѣтельства о природѣ надписей на тѣлѣ ребенка изъ Кизлярскаго раіона» (2009 г.) говорится: «... На основѣ проведенныхъ

бесѣдъ, сопоставленія фактовъ и свидѣтельствъ о томъ, что сопутствовало появленію надписей на тѣлѣ ребенка, делегація Совѣта Муфтіевъ Россіи сдѣлала выводъ, что всѣ извѣстные на сегодняшній день признаки указываютъ на нерукотворность данныхъ надписей. ... На прессъ-конференціи глава делегаціи Абдулъ-Вахедъ Ніязовъ и руководитель Отдѣла по работѣ съ мѣстными религіозными организаціями Духовнаго Управленія Мусульманъ Европейской части Россіи Арсланъ-хазратъ Садріевъ заявили журналистамъ, что разсматриваютъ данное явленіе, какъ знаменіе Всевышняго, обращенное къ Мусульманамъ Дагестана, Россіи и вѣрующимъ всего міра. ... Всѣ собранныя въ ходѣ визита делегаціи Совѣта Муфтіевъ Россіи документальныя фото- и видѣосвидѣтельства о природѣ надписей на тѣлѣ ребенка, взятые интервью и комментаріи духовныхъ и оффиціальныхъ лицъ по оффиціальному запросу могутъ быть предоставлены Исламскимъ Культурнымъ Центромъ Россіи Россійскимъ и зарубежнымъ средствамъ массовой информаціи, религіознымъ и общественнымъ организаціямъ.»

При написаніи представленнаго текста использованы варіантъ стихотворенія и набросокъ въ рукописи.

Мореплаватель-одиночка.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, которыя онъ написалъ о себѣ: «Онъ не по нашей дорогѣ ходитъ и ведетъ себя въ жизни не такъ, *какъ мы* — видно изъ всего, что онъ человѣкъ не такой, какъ мы есмы, всѣ люди.»

Слова

«Мореплавателя сняли, одиночку,
Въ фотографію его превративъ»

показываютъ наше сегодняшнее отношеніе къ Богу земли.

Пѣсня написана для фильма «Вѣтеръ надежды» (1978 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни и наброски въ рукописи.

Я изъ дѣла ушелъ.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, которыя онъ написалъ о себѣ: «Мнѣ было 35 лѣтъ, когда я началъ оставлять все то, чего дѣлалъ какъ всѣ.»

Варіантъ 11-го—12-го стиховъ:

Я изъ дѣла исчезъ, — не оставилъ ни крови, ни пота,
И оно безъ меня покатилось своимъ чередомъ.

Тюменская нефть.

Въ тринадцатой строфѣ дается яркое изображеніе Порфѵрія Иванова, миръ ему — посланникъ Аллаха носилъ только шорты (которые закрывали его тѣло отъ пупка до нижней части колѣнъ, что отвѣчаетъ требованіямъ Ислама), и онъ выливалъ на себя два ведра холодной воды четыре раза въ день.

Владиміръ Высоцкій также написалъ о приходѣ Бога земли въ пѣснѣ «Въ умахъ волненье плещется чрезъ край...» (1970 г.) (приводится варіантъ строфы):

И Онъ спустился. Гдѣ Его искать?..
Услышали однажды прихожане
У церкви отъ босого старика:
«Я Богъ, подайте Мнѣ на пропитанье!»

Дѣйствительно, однажды Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, пришелъ въ церковь и попросилъ отдать ему всю выручку за тотъ день, но получилъ отказъ.

Въ десятой строфѣ говорится о служившемъ на флотѣ авторѣ сей публикаціи, который отредактировалъ и объяснилъ многіе изъ представленныхъ здѣсь стиховъ и пѣсенъ, и который полагаетъ, что поэтъ согласился бы съ тѣмъ, что́ онъ сказалъ о его поэзіи. Исламъ воспѣвали великіе Русскіе поэты и писатели — Алеѯандръ Пушкинъ (объ этомъ хорошо написалъ Харисъ Исхаковъ въ статіѣ «Исламъ въ творчествѣ А. С. Пушкина») и Иванъ Бунинъ, Левъ Толстой и Ѳеодоръ Достоевскій, — и Владиміръ Высоцкій продолжилъ эту традицію.

Другая пѣсня, въ которой Владиміръ Высоцкій написалъ объ авторѣ, это «Случай на шахтѣ» (1967 г.), гдѣ разсказывается о попавшемъ въ бѣду бывшемъ флотскомъ оффицерѣ (приводится варіантъ):

Пьемъ послѣ смѣны вразнобой
«Мадеру», «Старку», «Sвѣробой»,
И вдругъ насъ всѣхъ зовутъ въ забой до одного.
У насъ тамъ былъ Стахановецъ,
Гагановецъ, Загладовецъ —
И завалило именно его.
У насъ тамъ былъ Стахановецъ,
Гагановецъ, Загладовецъ —
И завалило именно его.

Въ недавнемъ прошломъ — оффицеръ,
Онъ намъ во всемъ являлъ примѣръ,
Онъ былъ, совсѣмъ какъ піонеръ, всегда готовъ.
Явившись прямо съ корабля,
Онъ сталъ давать странѣ угля,
А нынче, видно, наломалъ онъ дровъ.
Явившись прямо съ корабля,
Онъ сталъ давать странѣ угля,
А нынче, видно, наломалъ онъ дровъ.

Спустились въ штрекъ, и бывшій «зэкъ»,
Большого риска человѣкъ,
Сказалъ: «Бѣда у насъ, друзья, на всѣхъ одна.
«Вотъ раскопаемъ — онъ опять
«Начнетъ три нормы выполнять, —
«И сильно мы раскаемся тогда.
«Вотъ раскопаемъ — онъ опять
«Начнетъ три нормы выполнять, —
«И сильно мы раскаемся тогда.

«Такъ что намъ лучше не стараться,
«А къ дѣлу отнестись съ прохладцей —
«Одинъ за всѣхъ и, значитъ, всѣ за одного!»
Шелъ въ гору онъ при Сталинѣ,
Былъ въ «оттепель» заваленъ онъ,
И мы жалѣли искренне его...
Шелъ въ гору онъ при Сталинѣ,
Былъ въ «оттепель» заваленъ онъ,
И мы жалѣли искренне его...

И, поелику автору довелось провести въ Сибири нѣсколько лѣтъ, здѣсь умѣстно вспомнить его любимую пѣсню о тѣхъ мѣстахъ, которая написана Сергѣемъ Галгановымъ и называется «Ишимскій вальсъ» (есть видѣозапись исполненія сей пѣсни):

На Сибирской землѣ расцвѣтаетъ
Городъ дивный съ названьемъ Ишимъ,
Край Тюменскій собой украшаетъ,
Этимъ городомъ мы дорожимъ.

Мы гордимся Синицынскимъ боромъ
И построеннымъ новымъ мостомъ,
На холмѣ обновленнымъ соборомъ
И его золоченымъ крестомъ.

Стали улицы ярче, свѣтлѣе,
Сѵмпатичнѣй фасады домовъ.
Этотъ городъ дороже, милѣе
Намъ другихъ на землѣ городовъ.

Мы гордимся Синицынскимъ боромъ
И построеннымъ новымъ мостомъ,
На холмѣ обновленнымъ соборомъ
И его золоченымъ крестомъ.

Привокзальная площадь замѣтно
Манитъ чѣмъ-то къ себѣ горожанъ,
И влюбленныя пары монеты
Здѣсь бросаютъ на счастье въ фонтанъ.

Мы гордимся Синицынскимъ боромъ
И построеннымъ новымъ мостомъ,
На холмѣ обновленнымъ соборомъ
И его золоченымъ крестомъ.

На вокзалъ поѣзда прибываютъ
Изъ далекихъ краевъ, областей,
И лебедушка, съ крикомъ взлетая,
Приглашаетъ въ нашъ городъ гостей.

Мы гордимся Синицынскимъ боромъ
И построеннымъ новымъ мостомъ,
На холмѣ обновленнымъ соборомъ
И его золоченымъ крестомъ.

О ПРОРОКАХЪ.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Михаила Лермонтова «Пророкъ» (1844 г.) (приводится варіантъ):

Съ тѣхъ поръ какъ Вышній Судія
Мнѣ далъ всевѣденье пророка,

Въ сердцахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Но стали ближніе мои
Въ меня бросать за то каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьимъ пищи.

Завѣты трепетно храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная;
И sвѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите жъ, дѣти, на него:
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

И здѣсь умѣстно привести пѣсню Алеѯандра Городницкаго «Атланты» (1963 г.), въ коей Атланты сѵмволизируютъ посланниковъ къ человѣчеству (приводится варіантъ):

Когда на сердце тяжесть
И холодно въ груди,
Къ ступенямъ Эрмитажа
Ты въ сумерки приди.
Тамъ безъ вина и хлѣба,
Забытые въ вѣкахъ,
Атланты держатъ небо
На каменныхъ рукахъ.
Атланты держатъ небо
На каменныхъ рукахъ.

Какъ трудно ту махину
Держать, увидишь ты—

Напряжены ихъ спины,
Колѣни сведены.
Ихъ тяжкая работа
Важнѣй иныхъ работъ:
Изъ нихъ ослабни кто-то—
И небо упадетъ.
Изъ нихъ ослабни кто-то—
И небо упадетъ.

Во тьмѣ заплачутъ вдовы,
Повыгорятъ поля,
Грибъ выростетъ лиловый,
И кончитъ пѣть Земля.
А небо годъ отъ года
Все давитъ тяжелѣй,
Дрожитъ оно отъ грома
Ракетныхъ кораблей.
Дрожитъ оно отъ грома
Ракетныхъ кораблей.

Стоятъ они, ребята,
Точеныя тѣла,—
Поставлены когда-то,
А смѣна не пришла.
Ихъ свѣтъ дневной не радуетъ,
Имъ ночью не до сна,
Ихъ красоту снарядами
Уродуетъ война.
Ихъ красоту снарядами
Уродуетъ война.

Стоятъ они, навѣки
Уперши лбы въ бѣду,
Не боги—человѣки,
Привычные къ труду.
И не умретъ надежда
На лучшее, пока
Атланты небо держатъ
На каменныхъ рукахъ.
Атланты небо держатъ
На каменныхъ рукахъ.

«Пѣсня о провидицѣ Кассандрѣ» вызываетъ въ памяти слова суры «Разсказъ» (аятъ 59): «**Мы не уничтожали селенія, если только ихъ жители не были беззаконниками.**»

«Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ» является варіаціей на тему стихотворенія Алеѯандра Пушкина «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» (1825 г.).

Въ Греческой мѵѳологіи К а с с а н д р а, дочь царя Трои Пріама, получила отъ Аполлона даръ пророчества, но отвергла его любовь, за что была имъ проклята—ея пророчествамъ перестали вѣрить.

В ѣ щ і й О л е г ъ — князь Новгородскій съ 879 года и великій князь Кіевскій съ 882 года, правилъ до 912 года, когда онъ принялъ смерть отъ своего коня.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что нашъ конь—это наша сегодняшняя техническая цивилизація.

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ, при написаніи текста «Пѣсни о провидицѣ Кассандрѣ» использованы два варіанта и набросокъ въ рукописи.

ЖИЛЪ-БЫЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

Разбойничья.

Въ представленныхъ въ этомъ раздѣлѣ стихахъ и пѣсняхъ говорится объ ожидаемомъ посланникѣ, который былъ обѣщанъ Святымъ Пророкомъ Мухаммадомъ, миръ ему.

Въ книгѣ пророка Исаіи о немъ написано въ стихахъ 13—15 главы 52, и въ стихахъ 1—12 главы 53 (стихи 13 и 15 главы 52, и стихи 1 и 4—12 главы 53 относятся также къ Іисусу Христу, миръ ему).

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти стихотвореніе Габдуллы Тукая «Трудная доля» (1911 г.) (переводъ Сергѣя Сѣверцева, приводится въ обработкѣ):

О, для чего я рожденъ? Сколько томительныхъ дней
Горечь мнѣ пить суждено жизни печальной моей?

Но, безконечно длинна, кружится дальше она,
Зиму смѣняетъ весна розсыпью новыхъ огней.

О, какъ въ пути я усталъ! какъ ожидаю привалъ!
Рвусь я впередъ, но шагать съ каждой верстой тяжелѣй.

Ты не вставай за окномъ, солнце, кровавымъ пятномъ!
Саваномъ тусклымъ своимъ въ небѣ, разсвѣтъ, не бѣлѣй!

Можетъ, петля меня ждетъ, то былъ бы славный исходъ,
Или болѣзнь унесла бъ душу мою поскорѣй!

Пѣсня написана для фильма «Сказъ про то, какъ царь Петръ арапа женилъ» (1976 г.).

Райскія яблоки.

Въ сей пѣснѣ говорится о повторномъ распятіи Іисуса Христа, миръ ему, что́ есть, конечно, иносказаніе, ибо на сей разъ распятымъ будетъ Махди. Согласно Хадисамъ, ожидаемый посланникъ будетъ удаленъ отъ людей два раза, и герой пѣсни умираетъ насильственною смертію и воскресаетъ изъ мертвыхъ дважды. Онъ становится свидѣтелемъ допроса, который устраиваютъ умершимъ Мункаръ и Накиръ,—ими являются «двое въ зеленомъ»,—и видитъ судъ Аллаха надъ грѣшниками, которые представлены какъ «бичи». И оба раза онъ возвращается изъ загробнаго міра съ Райскими яблоками, то есть съ сокровищами.

Одинъ изъ сѵмволизирующихъ Махди литературныхъ героевъ, Даѵидъ Бальфуръ, котораго приключенія описалъ Робертъ Льюисъ Стивенсонъ въ романахъ «Похищенный» (1886 г.) и «Катріона» (1893 г.), тоже былъ удаленъ отъ людей (похищенъ) два раза, и его возвращеніе оба раза сопровождалось прибылію—въ первый разъ онъ возстановилъ свои права на родовое имѣніе, а во второй—взялъ въ жены любимую дѣвушку.

И Медвѣженокъ изъ повѣсти Джека Шефера «Каньонъ», которая была упомянута въ примѣчаніи къ стихотворенію «Посланникъ», тоже былъ удаленъ отъ людей два раза.

Два другихъ литтературныхъ героя, которые сѵмволизируютъ ожидаемаго посланника, это Янки изъ Коннектикута, котораго приключенія описалъ Маркъ Твэнъ въ романѣ «Янки при дворѣ короля Артура» (1889 г.), и Маленькій принцъ изъ одноименной сказки Антуана де Сентъ-Экзюпери (1943 г.).

Варіантъ 25-го—26-го стиховъ:

Какъ ржанетъ коренникъ —
я смирилъ его даромъ овсовымъ,

При написаніи представленнаго текста использованы три варіанта пѣсни.

Свои обиды каждый человѣкъ...

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова объ ожидаемомъ посланникѣ изъ Книги пророка Исаіи (глава 53, стихи 1—5): «Гдⷭ҇и, кто̀ вѣ́рова слꙋ́хꙋ на́шемꙋ, и҆ мы́шца Гдⷭ҇нѧ комꙋ̀ ѿкры́сѧ; Возвѣсти́хомъ, ꙗ҆́кѡ ѻ҆троча̀ пред̾ ни́мъ ꙗ҆́кѡ ко́рень въ земли̇̀ жа́ждꙋщей, нѣ́сть ви́да є҆мꙋ̀, ниже̇̀ сла́вы: и҆ ви́дѣхомъ є҆го̀, и҆ не и҆мѧ́ше ви́да, ни добро́ты: Но ви́дъ є҆гѡ̀ безче́стенъ, ᲂу҆ма́ленъ па́че всѣ́хъ сынѡ́въ человѣ́ческихъ: человѣ́къ въ ꙗ҆́звѣ сы́й и҆ вѣ́дый терпѣ́ти болѣ́знь, ꙗ҆́кѡ ѿвратисѧ̀ лице̇̀ є҆гѡ̀, безче́стно бы́сть, и҆ не вмѣни́сѧ. Се́й грѣхи̇̀ на́шѧ но́ситъ и҆ ѡ҆ насъ болѣ́знꙋетъ, и҆ мы̀ вмѣ́нихомъ є҆го̀ бы́ти въ трꙋдѣ̀ и҆ въ ꙗ҆́звѣ ѿ Бг҃а и҆ во ѡ҆ѕлобле́нїи. То́й же ꙗ҆́звенъ бы́сть за грѣхи̇̀ на́шѧ и҆ мꙋ́ченъ бы́сть за беззакѡ́нїѧ на́ша, наказа́нїе ми́ра на́шегѡ на не́мъ, ꙗ҆́звою є҆гѡ̀ мы̀ и҆сцѣлѣ́хомъ.»

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Вертикаль» (1967 г.).

Не жду удачъ, о прошломъ не грущу...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова Луція Аннея Сенеки: «Potentissimum esse qui se habet in potestate.» («Могущественнѣе всѣхъ тотъ, кто владѣетъ собою.»)

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Ель» (1909 г.) (переводъ Султана Ганіева):

Поздней осенью желтѣютъ всѣ деревья и кусты.
Въ эту пору и лужайки, и лѣса желтымъ-желты.

Ивы, яблони, березы — всѣ какъ будто бы больны:
Съ каждымъ днемъ на нихъ все больше нездоровой желтизны.

Не страшны одной лишь ели ни морозы, ни метель —
Осень позднюю и зиму зеленѣетъ гордо ель.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ПѢСНЯ О РОССІИ.

Въ куски...

Съ сею пѣснею перекликается стихотвореніе Игоря Гиркина «Россія въ кровавой купели...» (1989 г.) (приводится варіантъ):

Россія въ кровавой купели
Воззвала къ сынамъ изъ оковъ:
«Готовы ль одѣть вы шинели?»
И каждый отвѣтилъ: «Готовъ!»

Пыль. Солнце блеститъ на мѣдяшкѣ.
Все ближе удары подковъ.
«Ну-съ, ротмистръ, какъ насчетъ шашки?»
— Ахъ, шашка? конечно! готовъ!

Святой Русской вѣры врагами
Растоптана слава вѣковъ...
«Хорунжій! васъ будутъ штыками...»
— На то и присяга! готовъ!

Въ туманной дали промелькнули
Знамена старинныхъ полковъ...
«Поручикъ! такъ что́, если пуля?..»
— Что жъ, хочется жить... но готовъ!

Ужъ лучше терзали бы гриѳы
Взамѣнъ тѣхъ кошмаровъ и сновъ...
«Полковникъ! а какъ насчетъ тѵфа?»
— Ахъ, вотъ какъ? да... жаль... но готовъ!

Предъ пыткою кажется мелокъ
Разстрѣльный за городомъ ровъ...
«Ну, какъ, генералъ, вамъ застѣнокъ?»
— Измѣна страшнѣй! я готовъ!

Безрадостны вѣсти съ отчизны,
И давитъ чужбины покровъ...
«Что́ скажете, юнкеръ, о... жизни?»
— Какъ тяжко! но... съ Богомъ! готовъ!

Также близко къ ней по духу стихотвореніе того же автора «Судьбы оффицера» (1990 г.) (приводится варіантъ):

Добровольцемъ я отправлюсь
На Великую войну.
Коль въ Карпатахъ не преставлюсь —
То въ Мазурахъ утону.

А случись, что пуля ѕлая
Съ Перемышельскихъ валовъ
Не убьетъ — смогу тогда я
Вновь добраться до враговъ!

Если будетъ Божья воля
На Стоходѣ воевать —
Что жъ, такая, видно, доля —
Мнѣ въ Галиціи лежать!

Пусть другіе разбѣгутся,
Позабывъ про долгъ и честь,
Отъ Россіи отрекутся —
Ихъ моя настигнетъ месть!

Отъ Ростова до Кубани,
И отъ Яссъ до Дона волнъ
Путь измѣрю сапогами,
Пряча въ сердцѣ боль и стонъ.

Суждено ль случиться чуду?
Въ тотъ ночной, лихой налетъ
Подъ Царицыномъ я буду —
Тамъ снарядомъ разорветъ!

Такъ и не дождавшись смѣны,
Въ захолустьѣ подъ Орломъ
Испущу духъ отъ гангрены
Въ лазаретѣ полевомъ.

Замерзая въ эшелонѣ,
Вновь увижу я въ бреду
Царскій вензель — на погонѣ,
Капли крови — на снѣгу...

Сквозь тѵфозные бараки
Буду брошенъ на причалъ —
Эхъ, Новороссійскъ! Собаки!
Гибнетъ все, о чемъ мечталъ!

Крымъ, Каховка, Волноваха...
Въ отступательномъ аду —
Что́ мнѣ пуля? Что́ мнѣ плаха?
Съ Перекопа не уйду!

И въ послѣднемъ снѣ мятежномъ:
Съ нами Врангель! Все! Пришли!
Вспоминаю я о прежнемъ
Въ лагерѣ Галлиполи...

Не спасаетъ чувство долга
Предъ погибшею страной —
Я стрѣляюсь той недолгой
Пражской теплою зимой...

И, конечно, здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Россія — пацифистамъ» (1919 г.) (переводъ Василія Бетаки, приводится въ обработкѣ):

Богъ съ вами, мирные джентльмены! Пусть насъ вамъ не понять.
Но бросьте ваши забавы, чтобъ мертвецовъ не рожать!
Мертвые села и города не стоятъ вашихъ заботъ...
А послѣ, безпечные господа, послѣ что васъ ждетъ?
Споемъ, давайте споемъ:

Землю вскопайте для смѣлыхъ солдатъ:
Нѣтъ вѣдь у нихъ земли!
Отмѣрьте имъ сколько они хотятъ!
Но кто будетъ слѣдующимъ, господа,
За тѣми, что въ ямы легли?

Богъ съ вами, добрые джентльмены! Намъ только дорогу открой—
Пойдемъ копать народу могилу съ Англію величиной!
Исторія, слава, гордость и честь, воды семи морей—
Все, что сверкало триста лѣтъ, сгинетъ за триста дней!
Споемъ, давайте споемъ:

Замерзшія толпы бензиномъ польемъ,
Пусть хоть въ послѣднемъ снѣ
Немного погрѣется бѣдный народъ...
А кто будетъ слѣдующимъ, господа,
Горѣть въ погребальномъ огнѣ?

Богъ съ вами, мудрые джентльмены! Да будетъ легокъ вашъ сонъ!
Ни звука, ни вздоха, ни тѣни не оставимъ для новыхъ временъ!
Развѣ что отзвуки плача, развѣ что блики огней,
Развѣ что блѣдныя тѣни втоптанныхъ въ землю людей!
Споемъ, давайте споемъ:

Хлѣба, хлѣба голоднымъ,
Коихъ погибель ждетъ!
Дайте имъ кормъ вмѣстѣ съ ярмомъ!
А кто же слѣдующимъ, господа,
За похлебку на смерть пойдетъ?

Богъ съ вами, рѣзвые джентльмены! Веселитесь въ своемъ углу,
Пока превращается наша держава въ мусоръ, дымъ и золу:
Нѣтъ больше у насъ ни надежды, ни ѣды, ни зимы, ни весны—
Оставимъ мы развѣ что имя канувшей въ Лету страны!
Споемъ, давайте споемъ:

Головы, руки, ноги
Зароемъ, и пусть лежатъ!
Вотъ такъ мы хоронимъ свой бывшій народъ...
А кто канетъ слѣдующимъ, господа,
При вашемъ содѣйствіи въ адъ?

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Десять дней, которые потрясли міръ».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Деревянные костюмы.

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти стихотвореніе Іосифа Джугашвили «Ходилъ изъ аула въ аулъ онъ...» (1895 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы два перевода неизвѣстныхъ авторовъ):

Ходилъ изъ аула въ аулъ онъ,
Безъ хлѣба и крова бывалъ,
Подъ дѣдовскій старый пандури
Нехитрыя пѣсни слагалъ.

А въ пѣсняхъ его, а въ пѣсняхъ,
Какъ горный хрусталь чиста,
Звучала пришедшая съ неба
Возвышенная мечта.

Сердца, обращенныя въ камень,
Его оживлялъ напѣвъ,
Дремавшій подъ пепломъ пламень
Опять разгорался и крѣпъ.

Но люди, коихъ свѣтъ злата
Увлекъ въ непроглядную тьму,
Не добрымъ виномъ, а отравой
Наполнили чашу ему.

Сказали они: «Проклятый,
«Сіе есть награда твоя!..
«Намъ сказокъ твоихъ не надо,
«Дорога у насъ своя.»

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Жизнь люби, люби народъ...» (1910 г.) (переводъ Семена Липкина, приводится въ обработкѣ):

Жизнь люби, люби народъ,
Міръ его, его стремленья,
А когда твой часъ придетъ,
Встрѣть его безъ сожалѣнья.

Свѣтлымъ будущимъ дыша,
Презирая оскорбленья,
Все снеси, но пусть душа
Не узнаетъ униженья.

И здѣсь умѣстно вспомнить стихотвореніе Редьярда Киплинга «Плѣнникъ» (приведено въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Приговоренные къ жизни»).

Варіанты стиховъ:

2-ой стихъ:

Когда же надо выбирать и выборъ труденъ—

23-ій стихъ:

Курить охота, охъ, курить охота!

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Интервенція» (1968 г.).
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о прошломъ.

«Шли двери въ двадцать комнатокъ...» — на самомъ дѣлѣ комнатъ было шестнадцать.

«Мой песокъ и дырявый кувшинъ» — зажигательныя авіабомбы («зажигалки») забрасывали пескомъ, а дырявый кувшинъ использовался трехлѣтнимъ Вовою Высоцкимъ какъ рупоръ.

«Поживалъ—не забытъ, не заброшенъ» — намекъ на пѣсню безпризорниковъ «Ахъ, какъ въ дальной сторонкѣ...» (использована въ фильмѣ «Путевка въ жизнь», 1931 г.):

Ахъ, какъ въ дальной сторонкѣ
Пѣсню льётъ соловей!
А я, малой мальчёнко,
Позабытъ межъ людей.

Позабытъ я, заброшенъ
Съ молодыхъ раннихъ лѣтъ,
Сирота я бездомный,
Доли въ жизни мнѣ нѣтъ.
Сирота я бездомный,
Доли въ жизни мнѣ нѣтъ.

У кого есть родные,
Приголубятъ порой,
Я же всюду гонимый,
Всѣмъ на свѣтѣ чужой.

Подъ заборомъ не рѣдко
Приходилось мнѣ спать,
Не однажды безъ хлѣба
Доводилось бывать.

Замерзалъ въ лютой холодъ,
Онъ меня изнурилъ...
Хоть и очень я молодъ,
Много я пережилъ.
Хоть и очень я молодъ,
Много я пережилъ.

Сколько лѣтъ происхалъ я
Уголочекъ родной!
А теперь оказался
За тюремной стѣной.

Словно татя, схватили,
Повязали меня,
А потомъ объявили,
Что сидѣть буду я.
А потомъ объявили,
Что сидѣть буду я.

Вотъ умру я, умру я,
Похоронятъ меня,
И никто знать не будетъ,
Упокоюсь гдѣ я.

И никто о мальчёнкѣ
Не уронитъ слезы,
На могилу сиротки
Не положитъ цвѣты.

Только, можетъ, однажды
Прилетитъ соловей
И просвищетъ, какъ я былъ
Позабытъ межъ людей...
И просвищетъ, какъ я былъ
Позабытъ межъ людей...

«Пришла страна Лимонія...» — первоначально страною Лимоніей шутливо имѣновались мѣста заключенія, здѣсь это сказочная страна изобилія и благоденствія.

«Нажива — что наркотика...» — въ послѣвоенное время слово «наркотикъ» употреблялось въ разговорной рѣчи въ женскомъ родѣ.

Другое названіе сей баллады — «Баллада о дѣтствѣ».

Баллада написана для ѳильма «Вторая попытка Виктора Крохина» (1977 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Всеблагій Богъ! прошу, не допусти...

Съ годами сіе стихотвореніе-молитва становится все болѣе актуальнымъ.

Однимъ изъ близкихъ по духу стихотвореній является «Молитва» Станислава Слуцкера (2018 г.) (приводится варіантъ):

Спасибо Тебѣ, Всевышній,
За то, что хватаетъ хлѣба.
За то, что надъ нами солнце
И ясное чистое небо.
За то, что приходитъ утро,
За днемъ наступаетъ вечеръ.
За то, что мы строимъ Храмы
И въ нихъ зажигаемъ свѣчи.

Спасибо Тебѣ, Всевышній,
За то, что Ты далъ Завѣты,

Въ которыхъ на всѣ вопросы
Понятные есть отвѣты.
За то, что Ты далъ намъ Вѣру,
Нашей шестой части суши,
За то, что караешь въ мѣру,
Тѣмъ самымъ спасая души.

Спасибо Тебѣ, Всевышній,
За Русскаго духа силу,
За то, что оберегаешь
То, что сердцамъ нашимъ мило.
За то, что когда мы просимъ,
Всегда наши просьбы слышишь.
За то, что мы понимаемъ,
Что все намъ дается свыше!

Спасибо Тебѣ, Всевышній,
За нашихъ дѣтей и внуковъ.
За то, что даешь терпѣнье,
Вѣдь жизнь не простая штука.
Спасибо за свѣжій вѣтеръ,
Снѣга и дожди грибные.
Мы молимъ Тебя, Всевышній,
Хранить нашу Мать-Россію!

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Іосифа Джугашвили «Утро» (1895 г.) (переводъ неизвѣстнаго автора, приводится въ обработкѣ):

Рядомъ съ фіалкой-сестрою
Алая роза раскрылась,
Лилія тоже проснулась,
Божьей росою умылась.
Въ небѣ высоко звенѣли
Жаворонка переливы,
И соловей, день встрѣчая,
Пѣлъ вдохновенно, счастливо:
«Родина милая, здравствуй!
«Вѣчной цвѣти намъ отрадой!
«Другъ мой, учись и отчизну
«Знаньемъ укрась и обрадуй.»

Въ 1912 году сіе стихотвореніе было включено въ «Учебникъ родного языка» для начальныхъ классовъ въ Грузіи, и было бы хорошо включить его сегодня въ «Учебникъ родного языка» для начальныхъ классовъ въ Россіи.

Оригинальный текстъ стихотворенія состоитъ изъ двухъ послѣднихъ стиховъ.

ПѢСНЯ О РОССІИ.

Здѣсь вспоминается пѣсня Михаила Ножкина «Россія» (1969 г.):

Я люблю тебя, Россія,
дорогая наша Русь.
Нерастраченная сила,
неразгаданная грусть.
Ты размахомъ необъятна,
нѣтъ ни въ чемъ тебѣ конца,
Ты вѣками непонятна
чужеземнымъ мудрецамъ.
Ты вѣками непонятна
чужеземнымъ мудрецамъ.

Сколько разъ тебя пытали:
быть Россіи иль не быть,
Сколько разъ въ тебѣ пытались
душу Русскую убить!
Но нельзя тебя, я знаю,
ни сломить, ни запугать.
Ты мнѣ — Родина родная,
дорогая наша мать.
Ты мнѣ — Родина родная,
дорогая наша мать.

Ты добромъ своимъ и лаской,
и умомъ своимъ сильна,
Неразсказанная сказка,
синеокая страна.
Я въ березовые ситцы
нарядилъ бы бѣлый свѣтъ,
Я привыкъ тобой гордиться,
безъ тебя мнѣ жизни нѣтъ!
Я привыкъ тобой гордиться,
безъ тебя мнѣ жизни нѣтъ!

Есть хорошая статія о непонятныхъ чужеземнымъ мудрецамъ дѣйствіяхъ Россіи, которую написалъ Вейкко Корхоненъ (2019 г.).

Россія возрождалась не единожды, и, конечно, возродится и въ этотъ разъ — послѣ нашей побѣды надъ внешними врагами — которые, въ предчувствіи своего пораженія, предпринимаютъ очень опасные шаги — и внутренними — которые пытаются направить нашу страну по пути отказавшагося отъ Бога Запада. И намъ предстоитъ огромная работа по вычищенію ихъ изъ властныхъ структуръ, и по очищенію страны отъ завезенныхъ ими (и продолжающихъ завозиться) ордъ ненавидящихъ насъ дикарей (какъ получившихъ гражданство, такъ и собирающихся его получить), которые проникли (и продолжаютъ проникать) въ нашъ домъ, чтобы жить въ немъ вмѣсто насъ. Если же мы не успѣемъ сдѣлать эту работу до того, какъ чужаки возьмутъ — легально и нелегально, что уже происходитъ — судебную, исполнительную и законодательную власть, то начнется гражданская война, которая можетъ оказаться страшнѣе той, которая случилась послѣ революціи семнадцатаго года. И, конечно, долженъ быть демонтированъ расположенный въ сердцѣ нашей Родины мавзолей-зиккуратъ, а находящееся въ немъ тѣло должно быть предано землѣ.

Провидѣнное Владиміромъ Высоцкимъ и отраженное имъ въ сихъ пѣсняхъ гармонируетъ съ тѣмъ, что было зашифровано Алеѯандромъ Пушкинымъ въ повѣсти «Метель» (1831 г.) (смыслъ сей повѣсти объясненъ въ статіѣ неизвѣстнаго автора «Матрица „Метели“ Алеѯандра Пушкина», 2014 г.).

Варіанты 7-ой строфы «Пѣсни о Россіи»:

Словно семь богатыхъ лунъ
Вышли вдругъ на небосводъ—
То мнѣ вѣщій Гамаюнъ
Надежду подаетъ!

Словно семь богатыхъ лунъ
Озарили небосводъ—
Это вѣщій Гамаюнъ
Надежду подаетъ!

Словно семь богатыхъ лунъ
Вышли вдругъ на небосводъ—
Это вѣщій Гамаюнъ
Надежду подаетъ!

Варіантъ 10-го стиха «Пѣсни о Волгѣ»:

На вѣтру склоняется,

С и р и н ъ — Райская птица съ головою и грудію дѣвы, обладающая чарующимъ голосомъ, ея образъ восходитъ къ Греческому мѵѳу о сиренахъ.

А л к о н о с т ъ — сказочная птица счастія съ головою и руками дѣвы, ея образъ восходитъ къ Греческому мѵѳу объ Алкіонѣ.

Г а м а ю н ъ — вѣщая птица съ головою дѣвы, сѵмволизирующая знаніе и мудрость, ея образъ восходитъ къ Иранскому мѵѳу о птицѣ Хумай.

Другое названіе «Пѣсни о Россіи»—«Купола», написана въ 1975 году. «Пѣсня о Волгѣ» написана въ 1973 году.

«Пѣсня о Россіи» написана для фильма «Сказъ про то, какъ царь Петръ арапа женилъ» (1976 г.), «Пѣсня о Волгѣ» исполнялась въ спектаклѣ Ленинградскаго ѳеатра имени Ленинскаго комсомола «Необычайныя приключенія на Волжскомъ пароходѣ» (1984 г.).

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ, при написаніи текста «Пѣсни о Волгѣ» использованы два варіанта.

ЗАКРУЧЕНА ЖИЗНЬ.

Я вамъ разскажу про то, что будетъ...

Данное здѣсь описаніе послѣднихъ дней полностію соотвѣтствуетъ тому, что говорится въ Хадисахъ.

Варіантъ 26-го стиха:

Значитъ, будутъ засухи и вьюги.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта стихотворенія.

Ублажаю ли душу романсомъ...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Дайте собакамъ мяса.
Съ сею пѣснею перекликается стихотвореніе Владиміра Высоцкаго «Въ Азіи, въ Европѣ ли...» (1969 г.):

Въ Азіи, въ Европѣ ли
Родился ознобъ —
Только даже въ оперѣ
Кашляютъ взахлебъ.

Не поймешь, откуда дрожь — страхъ ли это, гриппъ ли:
Духовые дуютъ врозь, струнные — урчатъ;
Дирижера кашель бьетъ, тенора охрипли;
Баритоны запили, и басы молчатъ.

Раньше было въ оперѣ
Складно, по уму;
И хоть хору хлопали —
А теперь кому?!

Не беретъ верхнихъ нотъ и сопрано-меццо,
У колоратурнаго не бельканто — бредъ; —
Цѣны рѣзко снизились — до рубля за мѣсто —
Словомъ, все понизилось и сошло на нѣтъ.

Сквозняками въ оперѣ
Такъ и валитъ съ ногъ —
Дуетъ, будто во полѣ,
Вѣтеръ-вѣтерокъ.

Партіи проиграны, пѣсенки отпѣты;
Партитура съежилась, и софитъ погасъ;
Развалились аріи, разошлись дуэты;
Баритонъ — безъ бархата, безъ металла — басъ.

Что ни дѣлай — все старо,
Гулокъ залъ и пустъ.
Тенорово серебро,
Вытекло изъ устъ.

Теноръ въ арьи Ленскаго заоралъ: «Полундра!» —
Буйное похмелье ли, просто ли заскокъ?
Дирижера Вилькина мрачный басъ-профундо
Чуть едва не до смерти струнами засѣкъ.

Результатомъ утраты вѣры въ Бога и воспослѣдовавшей войны съ Природою для улучшенія условій этой преходящей жизни — что вылилось сегодня въ бездумное уничтоженіе лѣсовъ и отравленіе земли, воды и воздуха — стала духовная пустота, ощущеніе безсмысленности жизни.

Оплавляются свѣчи...

Сія пѣсня перекликается съ пѣснею «Дайте собакамъ мяса» и стихотвореніемъ «Въ Азіи, въ Европѣ ли...», приведенномъ въ примѣчаніи къ ней.

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Дѣла давно минувшихъ дней» (1972 г.).

О знакахъ зодіака.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти «Пѣсню астролога» Редьярда Киплинга (1910 г.) (переводъ Татіаны Чернышевой, приводится въ обработкѣ):

Въ полночные свѣты
Вглядись же хоть разъ—
Сверкаютъ Планеты,
Хранящія насъ.
Неужто съ врагами
Намъ не совладать,
Коль съ нами—надъ нами!—
Небесная рать?

Всѣ наши желанья,
И думы, и сны
Огнемъ Міродданья
Межъ sвѣздъ зажжены.
И духъ нашъ, и тѣло,
И образъ, и путь
Отъ тѣхъ же предѣловъ
Наслѣдуютъ суть.

Кто волей свободной
Своей возгордясь,
Sвѣзды Путеводной
Не слушаетъ Гласъ,
Sвѣзды Недвижимой
Не принялъ Законъ,
Живетъ жизнью мнимой,
Слѣпъ къ истинѣ онъ.

Содвинутся горы—
Знай—это Земля,
Изъ общаго хора
Владыкѣ внемля,
Его Посещенье
Предвидитъ опять,
И дрожь восхищенья
Не можетъ унять.

Подымутся воды,
Прихлынутъ ручьи,
Стремя на свободу
Потоки свои—

Бороться напрасно,
Преграды имъ нѣтъ,
Ихъ ярость подвластна
Лишь ходу Планетъ.

Изъ хаоса нитей
Надъ бездной временъ
Въ цѣпочку событій
Путь смертныхъ вплетенъ.
Но ты, положившись
На Знаки Творца,
Безъ тяготъ излишнихъ
Дойдешь до конца.

Сомнѣнья терзаютъ—
Ты помни одно:
Лишь Тотъ отнимаетъ,
Кѣмъ было дано,
Кто, созданныхъ слыша,
Всему судитъ срокъ
И Милостью свыше
Подводитъ итогъ!

Такъ будь же смелѣе—
Предвѣчный съ тобой!
Гляди веселѣе
И весело пой:
Неужто съ врагами
Намъ не совладать,
Коль съ нами—надъ нами!—
Небесная рать?

Пѣсня исполнена въ рекламномъ фильмѣ «Знаки зодіака» (1975 г.).

Сорокъ девять дней.

Сія поэма-пѣсня написана какъ литературный текстъ, въ которомъ пародируются штампы Совѣтской прессы и оффиціальной поэзіи. Въ основу сюжета положено реальное событіе: въ 1960 году четверыхъ Совѣтскихъ военнослужащихъ унесло штормомъ изъ залива острова Итурупъ въ открытый океанъ на баржѣ, и послѣ тщетныхъ поисковъ ихъ объявили пропавшими безъ вести, однако они сумѣли выжить и послѣ 49-дневнаго дрейфа были подобраны Американскимъ судномъ.

Съ другой же стороны оные военнослужащіе—младшій сержантъ Асхатъ Зиганшинъ и рядовые Филиппъ Поплавскій, Анатолій Крючковскій и Иванъ Ѳедотовъ—символизируютъ четыре основныя религіи міра—Исламъ, Христіанство, Іудаизмъ и Буддизмъ соотвѣтственно. Продолжительность выпавшаго на ихъ долю испытанія указываетъ на то, что сіе испытаніе было ниспослано свыше, и это какъ разъ то время, въ которомъ мы живемъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня о нотахъ.

Сія пѣсня дополняетъ стихи и пѣсни изъ раздѣла «Жилъ-былъ человѣкъ».

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ѳеатра на Таганкѣ «Берегите ваши лица!» (1970 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о банѣ.

Сія баллада повѣствуетъ о людяхъ, которые находятся на преградѣ, то есть о тѣхъ душахъ, у которыхъ благія дѣянія равны плохимъ и которыя надѣются на милосердіе Аллаха, великъ Онъ и славенъ (или, другими словами, о душахъ въ чистилищѣ).

Въ представленномъ текстѣ объединены два варіанта баллады.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА.

Сія пѣсня является одною изъ тѣхъ, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ объ ожидающемъ насъ Судѣ. Эпиграфомъ къ ней могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его работы «Человѣкъ легкаго характера сдѣлается...»:

Люди другъ друга полюбятъ, войны больше не будетъ.
Вотъ чего мы добьемся въ природѣ.

Обѣ пѣсни — «Послѣдній жуликъ» и «Финальная пѣсня» — исполнены Николаемъ Губенко въ фильмѣ «Послѣдній жуликъ» (1966 г.).

Пѣсенка о переселеніи душъ.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Самое главное — это во что́ ты потомъ произойдешь.»

Владиміръ Высоцкій говорилъ, что послѣ написанія этой пѣсни онъ, видя кошку, думаетъ что это, можетъ быть, была женщина соотвѣтствующаго поведенія. И, возможно, собаки это суть тѣ, которые маршировали подъ шестицвѣтнымъ флагомъ.

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Москва – Одесса.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Самое красивое...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова изъ Перваго посланія къ Коринѳянамъ святаго Апостола Паѵла (глава 2, стихъ 9):

Ихже око не видѣ, и оухо не слыша,
и на сердце человѣку не взыдоша,
яже оуготова бг҃ъ любящымъ его.

И здѣсь также вспоминается ода Редьярда Киплинга «Когда на послѣдней картинѣ земной...» (1892 г.) (переводъ Василія Бетаки, приводится въ обработкѣ):

Когда на послѣдней картинѣ земной выцвѣтетъ кисти слѣдъ,
Засохнутъ всѣ тюбики и умретъ послѣдній искуствовѣдъ,
Мы отдохнемъ съ десятокъ эпохъ, и въ установленный часъ
Предвѣчный Мастеръ Всѣхъ Мастеровъ за работу усадитъ насъ.

Тогда будетъ каждый, кто мастеромъ былъ, на стулѣ сидѣть золотомъ,
И по холстинѣ въ десятокъ миль писать кометнымъ хвостомъ.
И не чьи-то писать портреты — Магдалину, Павла, Петра;
И не знать, что значитъ усталость, вѣкъ за вѣкомъ, съ утра до утра!

И только Мастеръ похвалитъ насъ, и упрекнетъ только Онъ;
И никого тогда не прельститъ ни денегъ, ни славы звонъ
За радость труда на своей звѣздѣ: дано будетъ каждому тамъ
Во имя Творца творить свой міръ какимъ его видитъ онъ самъ!

ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ МНОГО СТОРОНЪ.

Есть всегда и столъ, и кровъ...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти стихотвореніе Габдуллы Тукая «Можно любить...» (1909 г.) (переводъ Рувима Морана, приводится въ обработкѣ):

Можно зиму любить, но жестоки ея холода,
Для дрожащихъ въ тряпьѣ бѣдняковъ это время — бѣда.

Можно лѣто любить: такъ заманчивы жаркіе дни!
Но для нищихъ и жаждущихъ адское пекло они.

Міръ возможно любить: степь и горы отрады полны.
Но не мило мнѣ все, ибо всюду Адама сыны...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

На маскарадѣ.

Здѣсь умѣстно привести слова Гая Петронія Арбитра: «Mundus universus exercet histrioniam.» («Весь міръ занимается лицедѣйствомъ.»)

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Въ нашей жизни много сторонъ...

Одною изъ сторонъ нашей жизни является движеніе человѣчества къ цифровому аду. О взятыхъ рубежахъ на этомъ пути подробно написалъ Валентинъ Катасоновъ въ статіѣ «О рискахъ цифровой революціи» (2018 г.).

И здѣсь умѣстно привести слова Гая Петронія Арбитра: «Litterae thesaurum est.» («Культура — это сокровище.»)

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я хочу въ герцога или въ принцы...

Здѣсь вспоминается пѣсня Юрія Кукина объ обѣщанномъ намъ Святомъ Городѣ, которая называется «Городъ» (1964 г.) (приводится варіантъ):

Горы далекія, горы туманныя, горы,
А на вершинахъ — и лѣтомъ не тающій снѣгъ.
Гдѣ-то за тѣми горами находится городъ,
Городъ желанный, который я вижу во снѣ.

Странные люди заполнили весь этотъ городъ:
Мысли у нихъ поперекъ и слова поперекъ,
Изъ разговоровъ они признаютъ только споры,
И никуда не выходитъ оттуда дорогъ.

Если имъ грустно — не плачутъ они, а смѣются,
Если имъ весело — вина хорошія пьютъ.
Женскіе волосы темными волнами вьются,
И неустроенность имъ замѣняетъ уютъ.

Крышъ въ этомъ городѣ нѣтъ — замѣняетъ ихъ небо,
Руки любимыхъ замѣною служатъ квартиръ.
Я никогда наяву въ этомъ городѣ не былъ,
Я все ищу и никакъ мнѣ его не найти.

Правда, случалосъ, что я попадалъ въ этотъ городъ:
Шелъ по нему я, и все-таки не замѣчалъ.
Мысли оставивъ о поискѣ за разговоромъ,
Я выходилъ изъ него, такъ и не повстрѣчавъ.

Знаю, до этого города мнѣ не доѣхать,
И не доплыть до него, какъ и не долетѣть.
Онъ задрожитъ миражомъ, онъ откликнется эхомъ.
Но отыскать этотъ городъ мнѣ нужно успѣть.
Но отыскать этотъ городъ мнѣ нужно успѣть.
Но отыскать этотъ городъ мнѣ нужно успѣть.

Пока въ ванной комнатѣ съ кафелемъ...

Въ основу сюжета сей пѣсни положено реальное событіе: въ 1961 году въ Антарктидѣ врачъ станціи Новолазаревская Леонидъ Рогозовъ сдѣлалъ себѣ операцію по удаленію аппендицита.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Могъ бы быть я при тещѣ, при тестѣ...

Сегодняшній Парижъ очень сильно отличается отъ того Парижа, который былъ воспѣтъ Эрнестомъ Хемингуэемъ и который еще успѣлъ увидѣть Владиміръ Высоцкій.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Холера.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Нынче очень сложный вѣкъ...

Здѣсь умѣстно привести слова Марка Туллія Цицерона: «Vigilandum est semper; multae insidiae sunt bonis.» («Слѣдуетъ всегда быть начеку: хорошихъ людей на каждомъ шагу поджидаетъ опасность.»)

Не могу отвлечься, ни забыться...

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Поэтъ» (1908 г.) (переводъ Семена Липкина, приводится въ обработкѣ):

Пускай состарюсь я, пускай я стану сѣдъ,
И станъ согнется мой подъ грузомъ трудныхъ лѣтъ,—
Душѣ состариться не дамъ я никогда,
Она останется сильна и молода.

Пока огонь стиха горитъ въ груди моей,
Я годенъ для борьбы, я старости сильнѣй.
Ясна душа пѣвца, весна въ душѣ навѣкъ,
Ей не грозитъ морозъ, ее не тронетъ снѣгъ.

Пускай состарюсь я — не стану старикомъ,
Воспоминаньями живущемъ о быломъ.
На печку не взберусь, вздыхая тяжело,—
Возьму я отъ стиховъ мнѣ нужное тепло.

А смерть придетъ ко мнѣ — я громко запою,
И даже Азраилъ услышитъ пѣснь мою.
Сберу всѣ силы и спою въ послѣдній разъ:
«Я ухожу, друзья! я оставляю васъ...»

Нынче мнѣ не до улыбокъ...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова Квинта Горація Флакка: «Non, si male nunc, et olim sic erit.» («Если сейчасъ намъ плохо, это не значитъ, что такъ будетъ всегда.»)

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Жизнь» (1908 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Венеры Думаевой-Валіевой и Константина Липскерова):

Не поникай въ несчастьи головою!
Что не случится съ юными порою?

Съ кѣмъ только жизнь въ злой распрѣ не бывала?
Въ борьбѣ ты ей не уступай нимало!

Она — одна, и ты одинъ предъ нею.
Рази, сказавъ: «Я съ нею спорить смѣю!»

Что бъ ни было,— внемли сраженья кличу!—
Возьмешь съ побѣдой цѣнную добычу.

Пусть жизнь, какъ тигръ, свирѣпая и злая,—
Левъ тигра къ отступленью принуждаетъ.

Не всякій стонъ — у смертнаго порога,—
Заблудшему откроется дорога.

Изнемогай, но не теряй отваги!
И помощи не жди себѣ отъ скряги.

Коль примешь отъ него хотя бъ крупицу,
Потомъ въ хулахъ онъ не угомонится.

Пусть на пути твоемъ успѣшномъ въ гору
Лишь Богъ пребудетъ для тебя опорой.

Другое близкое по духу стихотвореніе Габдуллы Тукая — это «Мышь, попавшая въ молоко» (1907 г.) (изъ одной Американской газеты) (переводъ Рувима Морана, приводится въ обработкѣ):

Подполья жительница — Мышь, въ чуланѣ шастая тайкомъ,
Не знаю какъ и почему, попала въ чашу съ молокомъ.

Стараясь выбраться, она по стѣнкамъ лапками скользитъ —
Въ ея любимомъ молокѣ ей смерть нежданная грозитъ.

Нельзя бездѣйствовать въ бѣдѣ! И Мышка, правилу вѣрна,
Плыветъ и вдоль, и поперекъ, — спастись надѣется она.

Не пропадаютъ зря труды: вотъ легче, вотъ совсѣмъ легко —
Такъ долго плавала она, что въ масло сбилось молоко.

Забравшись на него, она теперь стоитъ, а тамъ, глядишь,
Изъ чаши выпрыгнула и въ мигъ убѣжала въ норку Мышь.

О мой родной! хоть въ чемъ — въ водѣ, иль въ молокѣ ты утопай,
Будь терпѣливъ, настойчивъ, смѣлъ — отчаянью не уступай!

И здѣсь умѣстно привести стихотвореніе Габдуллы Тукая «Вчера и сегодня» (1910 г.) (переводъ Венеры Думаевой-Валіевой, приводится въ обработкѣ):

День вчерашній былъ тоскливый,
А сегодня — что за день!
Отъ печали и унынья
Хоть одна бъ осталась тѣнь!

Солнце яркое сіяетъ,
И цвѣтутъ цвѣты въ садахъ.
Свѣтъ и радость! Ликованье
Божьихъ птицъ на небесахъ.

О Китайской проблемѣ.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Люди живутъ сами по себѣ, оторванно отъ природы, думая, что это неисчерпаемый источникъ, они не заботятся о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ быть въ результатѣ неразумной дѣятельности человѣка.»

Въ 2016 году вышла статія Людмилы Фіоновой «Чѣмъ дышать будемъ?», въ которой подробно освѣщенъ вопросъ стремительнаго ухудшенія состоянія атмосферы. А если бы всѣ люди были приверженцами экологически ответственнаго образа жизни...

Есть хорошій фильмъ о нашемъ отношеніи къ природѣ, который называется «Кинъ-дза-дза!» (1986 г.) Пѣсня изъ онаго фильма «Мама, мама, что я буду дѣлать?..» можетъ стать для насъ слободневной, когда сбудутся слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, объ ожидаемомъ посланникѣ: «А онъ будетъ биться, кричать по всей вселенной до тѣхъ поръ, до того времени, пока съ высоты не упадетъ маленечкая, мизерная вещь. Она насъ заставитъ этому человѣку повѣрить, — за это ухватятся, но будетъ поздно.»

Вотъ эта пѣсня:

Мама, мама, что я буду дѣлать?
Скоро здѣсь наступятъ холода.
У меня нѣтъ теплаго пальтишка,
У меня нѣтъ теплаго бѣлья.

Показанную въ этомъ фильмѣ планету можно описать словами Владиміра Высоцкаго (приведенный текстъ является интерпретаціей стихотворенія «Я стою въ кругу...», написаннаго въ 1971 г.):

Слышу я лишь однѣ междометія,
Вотъ кривая меня занесла!
Неулыбчивые человѣки здѣсь
Тратятъ дни на пустыя дѣла.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго, при написаніи послѣдней строфы использованъ ея варіантъ въ рукописи.

Смѣхъ, веселье, радость...

Здѣсь вспоминается старинное изрѣченіе: «Suis rebus contentum esse maximae sunt divitiae.» («Быть довольнымъ положеніемъ своихъ дѣлъ — наибольшее богатство.»)

Однажды Владиміра Высоцкаго спросили, какой изъ недостатковъ ему больше всего не нравится, и онъ отвѣтилъ: «Жадность.»

Сей отвѣтъ вызываетъ въ памяти другое старинное изрѣченіе: «Radix enim malorum omnium est cupiditas.» («Корень всѣхъ несчастій — алчность.»)

Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, говорилъ, что мы должны все считать общимъ и дѣлить со всѣми людьми; и Владиміръ Высоцкій написалъ въ пѣснѣ «На одного» (1964 г.):

Что́ же — на одного?
На одного — колыбель и могила.

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Противъ золота» (1907 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Вѣры Звягинцевой и неизвѣстнаго автора):

Всевышній! золото съ земли все до крупицы убери!
Сжигающее землю зло, Тебя молю я, убери!

Вели Ты ангеламъ своимъ — пускай съ небесъ они слетятъ,
Отъ золота очистятъ міръ, швырнутъ металлъ презрѣнный въ адъ!

Чтобъ дьявола сего никто уже вовѣки не узрѣлъ —
Отмсти ему за всѣхъ, кого онъ во грѣхи ввести сумѣлъ.

Всѣмъ людямъ золото вредитъ, сбиваетъ съ вѣрнаго пути,
Оно блеститъ, глаза слѣпитъ, дразня, шепча: «Кради и льсти!»

Весь бѣлый свѣтъ я исходилъ, гдѣ только въ мірѣ не бывалъ —
Лишь отъ него произошли всѣ бѣды, что я повстрѣчалъ.

Любой народъ — червонцевъ рабъ, душа его слѣпа, темна.
Какъ истину онъ разглядитъ? закрыта золотомъ она.

Святую правду, вѣру, честь не выше золота всѣ чтутъ, —
Оно сильнѣе, чѣмъ Коранъ, Евангеліе и Талмудъ.

Другое близкое по духу стихотвореніе — это четверостишіе Редьярда Киплинга «Двое» (переводъ Константина Симонова):

(А.) «Я былъ богатымъ, какъ раджа.»
(Б.) «А я былъ бѣденъ.»
(Вмѣстѣ.) «Но на тотъ свѣтъ безъ багажа
Мы оба ѣдемъ.»

Одинъ изъ близкихъ по духу разсказовъ на эту тему — это «Разсказъ о Зу-ль-Карнейнѣ» изъ «Книги тысячи и одной ночи».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Не грусти!

Есть хорошая книга ʿАида аль-Карни съ такимъ же названіемъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Эврика! Ура!..

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Цунами.

Пѣсня написана для фильма «Вниманіе, цунами!» (1969).

Забытый солдатъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Письмо въ «Очевидное — невѣроятное».

Полное названіе сей пѣсни «Письмо паціентовъ Канатчиковой дачи въ редакцію телевизіонной передачи „Очевидное — невѣроятное“».

«Очевидное — невѣроятное» — научно-популярная программа Центральнаго телевидѣнія, выходила въ эѳиръ по Субботамъ.

«Канатчикова дача» — народное названіе Московской ψvхіатрической больницы №1, расположенной въ раіонѣ Канатчиково на югѣ Москвы.

«Мы про взрывы, про пожары...» — въ 1977 году террористы осуществили въ Москвѣ три взрыва, также случился пожаръ въ гостиницѣ «Россія», который не былъ освѣщенъ въ прессѣ.

«Кандидаты въ доктора» — обыграно названіе ученой степени «кандидатъ наукъ».

«Удивительное — рядомъ» — обыграно названіе распространенной рубрики Совѣтскихъ газетъ.

«Ловитъ, контра...» — слово «контра» (сокращеніе отъ «контрреволюціонеръ») появилось во время революціи, означаетъ ненавистникъ Совѣтской власти.

«...съ нумерочкомъ на ногѣ» — нумеръ на ногѣ писали въ вытрезвителѣ.

«...матерщинникъ и крамольникъ» — словомъ «крамольникъ» дается намекъ на то, что персонажъ былъ опредѣленъ въ ψvхіатрическую больницу по политическимъ мотивамъ.

«Мы зря Америку не глушимъ...» — въ 1975 году было прервано cvстематическое глушеніе иностранныхъ передачъ въ связи съ проведеніемъ Хельсинкской конѳеренціи по безопасности и сотрудничеству въ

Еѵропѣ, возобновлено въ 1980 году.

«...безумная идея» — намекъ на высказываніе извѣстнаго фѵзика Нильса Бора, см. стихотвореніе «Лекція о состояніи современной науки».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я тутъ подвигъ совершилъ...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ.

У профессіональныхъ игроковъ...

Сіе стихотвореніе отражаетъ написанное о двухъ пророкахъ въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова (глава 11, стихъ 12): «**И҆ ѹ҆слы́шатъ гла́съ ве́лїй съ небесѐ, гл҃ющь и҆́мъ: взы́дита сѣ́мѡ. И҆ взыдо́ста на не́бо на ѡ҆блацѣ́хъ, и҆ ви́дѣша ѧ҆ врази̑ и҆́хъ.**»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня о королевскомъ стрѣлкѣ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

СВАДЕБНАЯ.

«Серенада Соловья-разбойника» и пѣсни «Царскій указъ», «Походная» и «Слава солдату!» исполнены въ фильмѣ «Иванъ да Марья» (1974 г.). Пѣсни «Скоморохи на ярмаркѣ», «Дуэтъ кассира и казначея» и «Свадебная», также написанныя для этого фильма, въ фильмъ не вошли.

Представленные тексты, за исключеніемъ послѣдняго, отличаются отъ оригинальныхъ.

Пѣсня Гогера-Могера.

Сію пѣсню могъ бы исполнить отъ своего имени какъ Никита Хрущевъ, такъ и любой изъ продолжателей его дѣла, какъ изъ прошлыхъ временъ, такъ и изъ нынѣшнихъ. А слова недовольства героя пѣсни осуществляющими руководство поэтами относятся къ Іосифу Джугашвили, который проводилъ національно-оріентированную политику.

Вотъ его стихотвореніе «Послушникъ» (1949 г.), въ которомъ онъ написалъ о своемъ повиновеніи Творцу (переводъ неизвѣстнаго автора, приводится въ обработкѣ):

Поговоримъ о вѣчности съ тобою:
Конечно, я во многомъ виноватъ!
Но кто-то управлялъ моей судьбою,
Все время ощущалъ я чей-то взглядъ.

Онъ не давалъ ни сна мнѣ, ни покоя,
Онъ жилъ во мнѣ и правилъ твердо мной.
И я, какъ рабъ вселенскаго настроя,
Держалъ бразды желѣзною рукой.

Кѣмъ былъ Онъ, мой таинственный властитель?
Чего Онъ добивался отъ меня?
Дороги новой искренній ревнитель,
Его велѣньямъ былъ послушенъ я.

И было все тогда непостижимо:
Откуда брались силы, воля, духъ?
Сбылись слова мои — мы сокрушили
Напавшую на насъ враговъ орду.

И вотъ тогда, побѣдною весною,
Онъ прошепталъ мнѣ тихо на ушко:
«Ты все исполнилъ велѣное Мною,
«И твой покой уже недалеко!»

Нарисованный въ пѣснѣ портретъ весьма точенъ. Однако давайте не будемъ забывать, что когда Гогеръ-Могеръ пришелъ къ власти, Россія была на грани распада, что онъ принялъ рѣшеніе о возвращеніи Крыма и, хотя и съ большимъ опозданіемъ, отдалъ приказъ о началѣ военной операціи по защитѣ Русскихъ на Украинѣ.

Здѣсь умѣстно вспомнить «Притчу» Игоря Стрѣлкова (2017 г.). Несправедливое осужденіе автора является дополнительнымъ потвержденіемъ его правоты.

Хорошо извѣстно, что образцомъ для подражанія персонажа, котораго сѵмволизируетъ герой пѣсни, является Петръ I, положившій начало процессу искорененія Русскаго духа на государственномъ уровнѣ, и звавшійся въ народѣ антихристомъ. Но въ своемъ стремленіи обустроить Россію Петръ I привлекалъ въ нее Еѵропейскихъ военныхъ, ученыхъ и всякаго рода способныхъ людей; а во время правленія его поклонника страну наводнили дикари изъ Закавказія и Средней Азіи, которые, при полной поддержкѣ властей, превратились изъ нашихъ гостей въ оккупантовъ, что поставило Россію — вкупѣ съ безпрецедентнымъ давленіемъ на нее со стороны Запада черезъ санкціи и войну на Украинѣ — въ самое опасное, навѣрное, положеніе за все время ея существованія.

А насколько пагубнымъ для нашей страны является его трепетное отношеніе къ личности и наслѣдію перваго президента Россіи, тогда какъ въ ней не было болѣе презираемаго и ненавидимаго народомъ правителя!

Владиміръ Высоцкій написалъ про онаго президента въ стиховореніяхъ «Въ одной державѣ...» и «Нѣкогда одинъ король...» (1966 г.), вотъ послѣднее изъ нихъ:

Нѣкогда одинъ король
Внесъ въ правленье лепту:
Былъ онъ абсолютный ноль
Въ смыслѣ интеллекту.

Подозрительно смотрится проявленный Гогеромъ-Могеромъ энтузіазмъ въ дѣлѣ оцифровки всего что можно и его преклоненіе передъ мнимою мощію искуственнаго интеллекта.

Сильно настораживаетъ его нерѣшительность въ проведеніи, совмѣстно съ парою шамановъ-ветерановъ, военной кампаніи, отказъ отъ проведенія новой мобилизаціи и перевода экономики на военные рельсы, а также стремленіе договориться съ непримиримымъ врагомъ во что бы то ни стало, при томъ что для обезпеченія безопасности нашей Родины намъ нужна безоговорочная побѣда.

Нѣтъ оправданія его игнорированію необходимости новой индустріализаціи, равно какъ и продажѣ врагу Русскаго сырья и энергоносителей...

Не про даннаго ли персонажа пѣлосъ, что «онъ не нашъ, не съ океана», въ популярной среди Совѣтскихъ подростковъ пѣснѣ «Въ нашу гавань заходили корабли...»?

Вотъ оная пѣсня, и она вовсе не такая простая, какъ это кажется съ перваго взгляда (красотка Мэри можетъ сѵмволизировать какъ Россію, такъ и весь міръ):

Въ нашу гавань заходили корабли (корабли),
Большіе корабли изъ океана.
Въ таверну приходили моряки (моряки)
Съ трехмачтоваго стройнаго корсара.
Въ таверну приходили моряки (моряки)
Съ трехмачтоваго стройнаго корсара.

Въ тавернѣ было шумно, какъ всегда (какъ всегда),
Команда наслаждалась танцемъ Мэри.
Плѣнилъ ее не танецъ,—красота (красота)!
Внезапно распахнулись настежь двери.
Плѣнилъ ее не танецъ,—красота (красота)!
Внезапно распахнулись настежь двери.

И молодецъ недобрый къ нимъ вошелъ (къ нимъ вошелъ),
Глаза его какъ молніи сверкали,
Былъ шагъ его увѣренъ и тяжелъ (и тяжелъ),
Его какъ атамана Гарри знали.
Былъ шагъ его увѣренъ и тяжелъ (и тяжелъ),
Его какъ атамана Гарри знали.

«О Мэри, онъ пріѣхалъ за тобой (за тобой)!
«Ребята, онъ не нашъ, не съ океана!
«Разчесться, Гарри, надо намъ съ тобой (намъ съ тобой),»
Раздался хриплый голосъ капитана.
«Разчесться, Гарри, надо намъ съ тобой (намъ съ тобой),»
Раздался хриплый голосъ капитана.

И сразу обнажились два ножа (два ножа),
Въ тавернѣ затаили всѣ дыханье.
Сошлись въ кровавой схваткѣ два вождя (два вождя),
Два мастера по дѣлу фехтованья.
Сошлись въ кровавой схваткѣ два вождя (два вождя),
Два мастера по дѣлу фехтованья.

Былъ Гарри точенъ, строгъ и молчаливъ (молчаливъ),
Ему красотка Мэри измѣнила;
И за аффронтъ сопернику онъ мстилъ (да, онъ мстилъ),
А Мэри въ тотъ моментъ его любила.
И за аффронтъ сопернику онъ мстилъ (да, онъ мстилъ),
А Мэри въ тотъ моментъ его любила.

Со стономъ рухнулъ на полъ капитанъ (капитанъ),
И бѣлый свѣтъ оставилъ со словами:
«Погибъ морякъ, заплачетъ океанъ (океанъ)...»
«Вотъ мы и разочлись,» промолвилъ Гарри.
«Погибъ морякъ, заплачетъ океанъ (океанъ)...»
«Вотъ мы и разочлись,» промолвилъ Гарри.

Въ нашу гавань заходили корабли (корабли),
Большіе корабли изъ океана.
Со стройнаго корсара моряки (моряки)
Въ таверн҃ѣ пили съ новымъ капитаномъ.
Со стройнаго корсара моряки (моряки)
Въ таверн҃ѣ пили съ новымъ капитаномъ.

Судя по всему, описанныя въ сей популярной когда-то пѣсн҃ѣ событія уже случились въ 2023 году — въ такомъ случаѣ капитанъ ѕимволизируетъ Евгенія Пригожина, а недобрый молодецъ — Гогера-Могера, то есть созданную имъ ѕистему, противъ которой выступилъ Евгеній Пригожинъ и которая его уничтожила, но это не исключаетъ возможности повторенія подобныхъ событій въ будущемъ.

Пѣсня написана для спектакля Ѳеатра на Таганк҃ѣ «Турандотъ, или Конгрессъ обѣлителей» (1979 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго; пятая строфа измѣнена изъ уваженія къ Поэзіи, при этомъ ухудшилась точность предсказанія.

Про Сережку Ѳомина.

Показанный въ сей пѣсн҃ѣ человѣкъ легко узнаваемъ. Конечно, лица не бывшія въ прошломъ кадровыми военными не должны имѣть права занимать высокія государственныя должности.

А тотъ, кто разсказываетъ про онаго человѣка, возможно, ѕимволизируетъ грядущаго посланника — равно какъ и разсказчикъ въ пѣсн҃ѣ «О моемъ старшин҃ѣ» (1970 г.):

Я помню райвоенкоматъ:
«Въ десантъ не годенъ — такъ-то, братъ, —
«Такимъ, какъ ты, — тамъ не пройти...» И дальше — смѣхъ:
Молъ, изъ тебя какой солдатъ?
Тебя — хоть сразу въ медсанбатъ!
А изъ меня — такой солдатъ, какъ изо всѣхъ.
Молъ, изъ тебя какой солдатъ?
Тебя — хоть сразу въ медсанбатъ!
А изъ меня — такой солдатъ, какъ изо всѣхъ.

Да, на войн҃ѣ, какъ на войн҃ѣ,
Мн҃ѣ жъ было тяжело вдвойн҃ѣ, —
Не просыхала гимнастерка на спин҃ѣ.
Я отставалъ, сбоилъ въ строю,
Но какъ-то разъ въ одномъ бою, —
Не знаю чѣмъ, — я приглянулся старшин҃ѣ.
Я отставалъ, сбоилъ въ строю,
Но какъ-то разъ въ одномъ бою —
Не знаю чѣмъ — я приглянулся старшин҃ѣ.

Шумитъ окопная братва:
«Студентъ! Сколь будетъ дважды два?
«Эй, холостой! А правда, граѳомъ былъ Толстой?
«А кто была его жена?..»
Но тутъ вступалъ мой старшина:
«Иди поспи — ты жъ не святой, а утромъ — бой.»

«А кто была его жена?..»
Но тутъ вступалъ мой старшина:
«Иди поспи — ты жъ не святой, а утромъ — бой.»

И только разъ, когда я всталъ
Подъ пули въ ростъ, онъ закричалъ:
«Ложись!..» — и дальше пару словъ безъ падежей.
Къ чему, молъ, дырка въ головѣ?
И вдругъ спросилъ: «А что, въ Москвѣ
«Неужто вправду есть дома въ пять этажей?»
Къ чему, молъ, дырка въ головѣ?
И вдругъ спросилъ: «А что, въ Москвѣ
«Неужто вправду есть дома въ пять этажей?»

Пронесся шквалъ — онъ застоналъ,
И въ немъ осколокъ остывалъ, —
И на вопросъ его отвѣтить я не смогъ.
Онъ въ землю легъ за пять шаговъ,
За пять ночей и за пять сновъ —
Челомъ на Западъ и ногами на Востокъ.
Онъ въ землю легъ за пять шаговъ,
За пять ночей и за пять сновъ —
Челомъ на Западъ и ногами на Востокъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Лукоморья больше нѣтъ.

Сія пѣсня является варіаціей на тему пролога къ поэмѣ Алеѯандра Пушкина «Русланъ и Людмила» (1820 г.):

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;

Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Тридцать три богатыря суть бывшія Совѣтскія республики, ихъ бывшимъ морскимъ дядькой, который ругаетъ все вокругъ, является первый президентъ Россіи, Вертопрахъ — это первый и единственный президентъ Совѣтскаго Союза, а сожженный имъ домъ сѵмволизируетъ Совѣтскій Союзъ.

А ноги у домовъ были не курьины, а курьи, то есть было «распрекрасно жить въ домахъ на дымящихся ногахъ».

Въ настоящее время продолжается уничтоженіе легкихъ нашей планеты, тропическихъ лѣсовъ, и при сохраненіи существующихъ темповъ вырубки они будутъ полностію уничтожены менѣе чѣмъ за сто лѣтъ. Какъ написалъ Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, въ статіѣ «Какъ избавиться отъ заболѣваній и стать здоровымъ», намъ не мѣшало бы вспомнить басню Крылова «Свинья подъ дубомъ» (1825 г.).

Есть хорошая сказка о лѣсѣ (упомянутая въ примѣчаніи къ стихотворенію «Посланникъ»), которую слѣдовало бы читать всѣмъ дѣтямъ — это «Гномобиль» Эптона Синклера.

Здѣсь умѣстно привести варіантъ пѣсни Раисы Кудашевой «Въ лѣсу родилась елочка» (1903 г.):

Въ лѣсу родилась елочка,
Въ лѣсу она росла.
Зимой и лѣтомъ стройная,
Зеленая была.
Зимой и лѣтомъ стройная,
Зеленая была.

Метель ей пѣла пѣсенку:
«Спи, елочка, бай-бай!»
Морозъ снѣжкомъ укутывалъ:
«Смотри, не замерзай!»
Морозъ снѣжкомъ укутывалъ:
«Смотри, не замерзай!»

Трусишка зайка сѣренькій
Подъ елочкой скакалъ.
Порою волкъ, сердитый волкъ,
Рысцою пробѣгалъ.

Порою волкъ, сердитый волкъ,
Рысцою пробѣгалъ.

Когда жъ ей насекомыя
Старались навредить,
Къ ней дятелъ, докторъ опытный,
Летѣлъ отъ нихъ лѣчить.
Къ ней дятелъ, докторъ опытный,
Летѣлъ отъ нихъ лѣчить.

Такъ выросла высокая,
Красивая она.
Съ зелеными сестренками
Всегда въ ладу жила.
Съ зелеными сестренками
Всегда въ ладу жила.

Здѣсь также вспоминается пѣсня Эдуарда Успенскаго «Голубой вагонъ» изъ кукольнаго мультипликаціоннаго фильма о приключеніяхъ Чебурашки и крокодила Гены (серія «Шапоклякъ», 1974 г.):

Медленно минуты уплываютъ въ даль,
Встрѣчи съ ними ты уже не жди.
И хотя намъ прошлаго немного жаль,
Лучшее, конечно, впереди!

Скатертью, скатертью дальный путь стелется
И упирается прямо въ небосклонъ.
Каждому, каждому въ лучшее вѣрится,
Катится, катится голубой вагонъ.

Можетъ, ты обидѣлся на что-то зря—
Календарь закроетъ этотъ листъ.
Къ новымъ приключеніямъ спѣшимъ, друзья,
Эй, прибавь-ка ходу, машинистъ!

Скатертью, скатертью дальный путь стелется
И упирается прямо въ небосклонъ.
Каждому, каждому въ лучшее вѣрится,
Катится, катится голубой вагонъ.

Голубой вагонъ бѣжитъ, качается,
Скорый поѣздъ набираетъ ходъ.
Ахъ, зачѣмъ же этотъ день кончается,
Пусть бы онъ тянулся цѣлый годъ!

Скатертью, скатертью дальный путь стелется
И упирается прямо въ небосклонъ.
Каждому, каждому въ лучшее вѣрится,
Катится, катится голубой вагонъ.

Скатертью, скатертью дальный путь стелется
И упирается прямо въ небосклонъ.
Каждому, каждому въ лучшее вѣрится,
Катится, катится голубой вагонъ.
Каждому, каждому въ лучшее вѣрится,
Катится, катится голубой вагонъ.

И, конечно, здѣсь умѣстно вспомнить пѣсню Пола Маккартни «Желтая лодка» (1968 г.):

Въ городкѣ моемъ родномъ
Проживалъ морякъ былой.
Разсказалъ немало онъ
Намъ о жизни подъ водой.

И мы въ желтой лодкѣ шли
Къ солнцу изъ глубинныхъ водъ.
Въ океанѣ мы могли
Находиться круглый годъ.

Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.
Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.

И друзья всѣ наши здѣсь,
Тѣсенъ кругъ широкій нашъ.
И оркестръ каждый день
Исполняетъ новый маршъ.

Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.
Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.

(Полный впередъ, боцманъ, полный впередъ!
Есть полный впередъ!
Запускъ машины! Запускъ машины!
Есть, есть, пускъ!
Командиръ! Командиръ!)

Проченъ нашъ подводный домъ (подводный домъ),
Въ немъ прекрасно (въ немъ прекрасно) мы живемъ (мы живемъ).
Солнца свѣтъ (солнца свѣтъ) и синь воды (синь воды)
Въ этомъ домѣ (въ этомъ домѣ) намъ даны (намъ даны).

Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.
Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.

Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.
Въ желтой лодкѣ, въ желтой лодкѣ мы живемъ,
Люди всѣ: я, ты, она и онъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Схлынули вешнія воды...

Вешнія воды означаютъ воды Всемірнаго потопа, а уроды — это очень многіе изъ сегодняшнихъ правителей, а также властителей думъ.

И здѣсь умѣстно привести слова Луція Аннея Сенеки: «Quae fuerant vitia mores sunt.» («Что было пороками, теперь стало нравами.»)

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Гѵмнъ школѣ.

Гимнъ исполненъ въ телевизіонномъ фильмѣ «Наше призваніе» (1981 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Въ одной державѣ...

Показанный въ этомъ стихотвореніи царь сѵмволизируетъ перваго президента Россіи.

Позвольте, значитъ, доложить...

Сіе стихотвореніе повѣствуетъ о безславномъ концѣ Американскихъ «миротворческихъ миссій».

Когда всѣ закончились вѣхи...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Маршъ антиподовъ.

Сей маршъ могли бы исполнить отъ своего имени «демократы».

Маршъ исполненъ въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.).

Королевское шествіе.

Въ Святомъ благовѣствованіи отъ Матѳея (глава 4, стихъ 10) говорится: «**Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ̀ поклони́шисѧ и҆ томꙋ̀ є҆ди́номꙋ послꙋ́жиши.**»

Варіантъ 12-го стиха:

А коль не Король — ну, тогда Королева!

Пѣсня исполнена въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.).

Живучій парень.

Герой сей пѣсни сѵмволизируетъ Соединенные Штаты, о чьей исключительности доходчиво написалъ Уолтъ Гарлингтонъ въ статіѣ «Почему Американцы всегда будутъ воевать съ народами Традиціи» (2024 г.).

Пѣсня написана для фильма «Вооруженъ и очень опасенъ» (1977 г.).

Два громилы.

Показанные въ сей пѣснѣ братья-громилы сѵмволизируютъ Соединенные Штаты и «Исраиль», село Большія Вилы — нашу Землю, а сарай — Чернобыльскую атомную электростанцію (Чернобыльская катастро-

фа, которая случилась когда вострубилъ третій Ангелъ, произошла черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти поэта). Братья также могутъ сѵмволизировать двухъ человѣкъ, а село Большія Вилы—Россію.

Пѣсня про крохей.

Сія пѣсня повѣствуетъ объ Украинской традиціи майданить, то есть проматывать деньги и имущество.

Пѣсня исполнена въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Странная сказка.

Какъ сказалъ бы Вирдъ-ханъ, о которомъ разсказывается въ «Сказкѣ о Джилліадѣ и Шимасѣ», входящей въ «Книгу тысячи и одной ночи», первый царь, несмотря на его коварство, проявилъ усердіе въ исполненіи трехъ вещей, предписанныхъ властителямъ: поддержаніе порядка въ дѣлахъ вѣры, поддержаніе порядка въ дѣлахъ подданныхъ и поддержаніе порядка въ дѣлахъ управленія—и привелъ свое царство къ процвѣтанію, тогда какъ второй царь, будучи отъявленнымъ хамомъ, пренебрегъ правами подданныхъ, что ведетъ къ гибели царя и прекращенію его власти и благоденствія—и поставилъ свое царство въ очень опасное положеніе. Третій же царь, будучи милитаристомъ и вандаломъ, сталъ проводить политику, ведущую къ полному поглощенію его царства сосѣдними царствами или, въ лучшемъ случаѣ, къ значительному уменьшенію его территоріи.

И, здѣсь можно провести параллель между Порфѵріемъ Ивановымъ, миръ ему, который ходилъ босой и почти нагой по Россіи и Украинѣ въ теченіи пятидесяти лѣтъ, и пророкомъ Исаіей, миръ ему, который ходилъ босой и нагой въ указаніе и предзнаменованіе о Егѵптѣ и Еѳіопіи въ теченіи трехъ лѣтъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Странныя скачки.

Сія пѣсня повѣствуетъ объ Украинскихъ революціонерахъ такъ называемой революціи достоинства.

Пѣсня исполнена въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.).

Лягушата.

Сія пѣсня повѣствуетъ о блокированіи Украинскими нацистами желѣзнодорожнаго сообщенія съ Россіею въ началѣ Украинскихъ событій.

Пѣсня исполнена въ музыкальной сказкѣ «Алиса въ Странѣ чудесъ» (1976 г.).

СКАЗКА О ЛѢСНЫХЪ ЖИТЕЛЯХЪ.

Сказка о несчастныхъ лѣсныхъ жителяхъ.

Варіанты 50-го—51-го стиховъ:

Я, молъ, бороду те мигомъ обстригу!
Такъ умри же, сгинь, Кащей! А тотъ въ отвѣтъ ему:

«Я те бороду-то мигомъ обстригу!
«Такъ умри же, сгинь, Кащей!» А тотъ въ отвѣтъ ему:

К л а д е н е ц ъ (мечъ-кладенецъ) — мечъ, обладающій чудесными свойствами, оружіе Русскихъ сказочныхъ героевъ.

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ сказки и набросокъ въ рукописи.

Пѣсня-сказка про нечисть.

Фрагментъ сей пѣсни вошелъ въ фильмъ «Короткія встрѣчи» (1967 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Куплеты нечистой силы.

Сіи куплеты исполнены въ фильмѣ «Иванъ да Марья» (1974 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Выходъ въ городъ.

«Но, сдѣлавши ставки, ворожатъ въ азартѣ намъ» — есть пословица «Хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ» — она говоритъ о томъ, кому все дается легко или о томъ, кто пользуется покровительствомъ, вліятельной поддержкой со стороны кого-либо.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ЗЕЛЕНЫЙ SMIЙ.

Пѣсня-сказка про джинна.

Пятая строфа сей пѣсни является поэтическимъ отраженіемъ написаннаго въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова (глава 11, стихъ 5): «**И҆ и҆́же и҆̀мъ непра́вдꙋ сотвори́тъ, ѻ҆́гнь и҆схо́дитъ и҆зъ ᲂу҆́стъ и҆́хъ и҆ поѧ́стъ враги̑ и҆́хъ: и҆ и҆́же восхо́щетъ ѡ҆би́дѣти и҆́хъ, семꙋ̀ подоба́етъ ᲂу҆бїе́нꙋ бы́ти.**»

«С т а р и к ъ Х о т т а б ы ч ъ» — сказочная повѣсть Лазаря Лагина (1938 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Какъ въ старинной Русской сказкѣ...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Путешествіе въ прошлое.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я былъ слесаремъ-универсаломъ...

Пятая строфа сей пѣсни перекликается со словами Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Великое счастіе быть здоровымъ.»

Здѣсь также умѣстно привести слова Марка Туллія Цицерона: «Bona valetudo melior est quam maximae divitiae.» («Хорошее здоровіе лучше самаго большого богатства.»)

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Сколько лѣтъ, охъ, сколько лѣтъ...

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова изъ пѣсни Владиміра Высоцкаго «Лекція о международномъ положеніи» (1979 г.):

Всю жизнь ломлюсь въ закрытыя ворота, какъ баранъ, —
А мнѣ бы взять Коранъ — и въ Тегеранъ!

И здѣсь умѣстно привести слова Луція Аннея Сенеки: «Ebrietas est voluntaria insania.» («Пьянство — это добровольное безуміе.»)

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ЗАПОВѢДНИКЪ.

Что случилось въ Африкѣ.

Въ сей пѣснѣ попугай сѵмволизируетъ нашего врага, также какъ и въ пѣснѣ «На островѣ необитаемомъ...» (1968 г.):

На островѣ необитаемомъ
Тропинки всѣ оттаяли.
Идешь — кругомъ прогалины,
И нѣту дикарей.
Пришелъ пиратъ трехпалубный,
Потрепанный и жалобный,
Команда закричала: «Мы бъ
Остались поскорѣй!»

Тутъ началась истерика:
«Да что вамъ здѣсь — Америка?»
Пиратъ вблизи отъ берега
На рифы налетѣлъ.
И попугая спящаго,
Ужасно говорящаго,
Усталаго, лядащаго
Тряхнуло между дѣлъ.

Сказали бъ — не повѣрилъ бы:
Погибли кости съ черепомъ,
А попугай у берега
Возвелъ чудной вигвамъ,
И всѣмъ на удивленіе,
Собралъ все населеніе
И началъ обученіе
Ужаснѣйшимъ словамъ.

Писать учились углями,
Всегда — словами грубыми,
И вскорости надъ джунглями
Раздался жуткій вой.
Слова всѣ были зычныя,
Сугубо неприличныя,
А попугай — обычно имъ:
«А ну-ка, всѣ за мной!»

Варіанты стиховъ:

16-ый стихъ:

«Равны всѣ пороговно!

21-ый и 33-ій стихи:

Тутъ поднялся галдежъ и лай,

25-ый—28-ой стихи:

День-деньской ругается
У Антилопы папа:
Наша, молъ, красавица
Ужасная растяпа!

39-ый стихъ:

Бѣдная Жирафиха

Пѣсня написана для фильма «Мой папа — капитанъ» (1969 г.), исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра «Современникъ» «Свой островъ» (1971 г.) и въ спектаклѣ Московскаго литературно-драматическаго ѳеатра Всероссійскаго ѳеатральнаго общества «Тамъ, вдали» (1976 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о короткомъ счастьѣ.

Варіантъ 31-го стиха:

Вотъ утираютъ потъ со лба

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда», см. примѣчаніе къ «Балладѣ о времени».

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта баллады.

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать...

Смыслъ сего стихотворенія очевидѣнъ: собаки ѕмволизируютъ дикарей, пріѣзжающихъ въ Россію изъ Закавказія и Средней Азіи (а также ихъ потомство), которые ведутъ себя много хуже собакъ. Оные дикари представляютъ большую опасность для населяющихъ Россію народовъ, и поелику наше нынѣшнее правительство не обращаетъ на нее вниманія, единственнымъ выходомъ изъ сложившейся ситуаціи является формированіе народнаго ополченія изъ желающихъ стать «собаколовами», и, конечно, смѣна сего антинароднаго правительства.

Въ «Книгѣ Джунглей» Редьярда Киплинга (1894 г.) это Бандаръ-Логи, и вотъ ихъ походная пѣснь (переводъ Нонны Слѣпаковой, приводится въ обработкѣ):

Цѣпкой гирляндой взметаемся мы
Къ лунному свѣту изъ лиственной тьмы!
Знаемъ, вамъ хочется — зависть беретъ! —
Въ избранный нашъ, многорукій народъ,
Чтобы хвосты ваши выгнулись вдругъ,
Словно Амура натянутый лукъ!
Не раздражайтесь! Имѣйте въ виду:
Братъ нашъ отмѣченъ хвостомъ на заду!

Мы засѣдаемъ, вися на вѣтвяхъ:
Грезимъ о Будущихъ Славныхъ Дѣлахъ!
Каждый нашъ замыселъ мудръ и великъ,
Если свершить его можно за мигъ,

Если подъ хохотъ, хотѣньемъ однимъ,
Мы *благородное* осуществимъ!
Вспомнить бы, что... Но имѣйте въ виду:
Братъ нашъ отмѣченъ хвостомъ на заду!

Все, что доходитъ до нашихъ ушей:
Толки волковъ и летучихъ мышей,
Сплетни пернатыхъ, чешуйчатыхъ вѣсти —
Мы протрещимъ вамъ немедля, все вмѣстѣ!
Ново! Блестяще! А сколько идей!
И краснорѣчіе — какъ у людей!
Мы вѣдь *почти*... Но имѣйте въ виду:
Братъ нашъ отмѣченъ хвостомъ на заду
(Такъ повелось въ обезьяньемъ роду)*!*

Ступайте же въ наши ряды сквозь ливень остатковъ ѣды!
Въ нашъ кланъ, средь гибкихъ лианъ взвившійся до вершинъ!
По брани, летящей намъ вслѣдъ, по звону Грядущихъ Побѣдъ —
Увѣрьтесь: мы тысячи дѣлъ, Возвышенныхъ Дѣлъ совершимъ!

Рыжія собаки въ его «Второй Книгѣ Джунглей» (1895 г.) также символизируютъ оныхъ дикарей.

И авторъ сей публикаціи, знающій ихъ не понаслышкѣ, вмѣстѣ съ поэтомъ говоритъ: «Слава собаколовамъ!»

Въ 2022 году въ Россіи появилась Армія Защитниковъ Отечества — организація единенія народа и арміи, цѣлію которой является наведеніе порядка въ странѣ, что включаетъ въ себя освобожденіе нашей Родины отъ засилія объединенныхъ въ діаспоры этническихъ преступниковъ. Также хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на Русскую Общину и на Телеграмъ-каналъ «Многонаціоналъ».

«Вы, напримѣръ, какъ хозяинъ земли, мчите въ Великія Луки» — намекъ на «Пѣсню о Родинѣ» Василія Лебедева-Кумача (1936 г.) (приводится варіантъ):

Широка страна моя родная,
Много въ ней лѣсовъ, полей и рѣкъ!
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.

Отъ Москвы прекрасной до окраинъ,
Съ южныхъ горъ до сѣверныхъ морей,
Человѣкъ проходитъ какъ хозяинъ
Необъятной Родины своей.
Всюду жизнь привольно и широко,
Точно Волга полная, течетъ.
Молодым — вездѣ у насъ дорога,
Старикамъ — вездѣ у насъ почетъ.

Широка страна моя родная,
Много въ ней лѣсовъ, полей и рѣкъ!

Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.

Наши нивы взглядомъ не обшаришь,
Не упомнишь нашихъ городовъ.
Наше слово главное — «товарищъ»,
Человѣкъ любой для насъ таковъ.
Съ этимъ словомъ мы повсюду дома,
Нѣтъ для насъ ни черныхъ, ни цвѣтныхъ,
Это слово каждому знакомо,
Съ нимъ вездѣ находимъ мы родныхъ.

Широка страна моя родная,
Много въ ней лѣсовъ, полей и рѣкъ!
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.

Надъ страной весенній вѣтеръ вѣетъ,
Съ каждымъ днемъ все радостнѣе жить.
И никто на свѣтѣ не умѣетъ
Лучше насъ смѣяться и любить.
Сокрушительнымъ отпоръ нашъ будетъ,
Если врагъ рѣшитъ насъ воевать, —
Какъ невѣсту, Родину мы любимъ,
Почитаемъ, какъ родную мать.

Широка страна моя родная,
Много въ ней лѣсовъ, полей и рѣкъ!
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ такъ вольно дышитъ человѣкъ.

Здѣсь умѣстно привести слова Іосифа Сталина изъ его Отчетнаго доклада XVII съѣзду партіи о работѣ Ц.К. В.К.П. (б.) (1934 г.): «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохраненія мира и усиленія торговыхъ отношеній со всѣми странами. С.С.С.Р. не думаетъ угрожать кому бы то ни было и — тѣмъ болѣе — напасть на кого бы то ни было. Мы стоимъ за миръ и отстаиваемъ дѣло мира. Но мы не боимся угрозъ и готовы отвѣтить ударомъ на ударъ поджигателей войны. Кто хочетъ мира и добивается дѣловыхъ связей съ нами, тотъ всегда найдетъ у насъ поддержку. А тѣ, которые попытаются напасть на нашу страну, — получатъ сокрушительный отпоръ, чтобы впредь не повадно было имъ совать свое свиное рыло въ нашъ Совѣтскій огородъ.»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

У домашнихъ и хищныхъ ѕвѣрей...

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Владиміра Высоцкаго «Мы безъ ѕвѣрей бы сами оѕвѣрѣли...» (1966 г.) (завершено авторомъ сей публикаціи):

Мы безъ ѕвѣрей бы сами оѕвѣрѣли,
Вѣдь намъ такъ нужно кѣмъ-то понукать,
И намъ бы было некого ласкать.
А кто служилъ бы намъ, кто былъ бы вѣренъ?

И, конечно, здѣсь также вспоминается романъ Джека Лондона «Майклъ, братъ Джерри» (1917 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня-басня про Козла отпущенія.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова объ ожидаемомъ посланникѣ изъ Книги пророка Исаіи (глава 52, стихи 13—15): «Сѐ, оу҆разꙋмѣ́етъ ѻ҆трокъ мо́й и҆ вознесе́тсѧ и҆ просла́витсѧ ѕѣлѡ̀. Ꙗ҆́коже оу҆жа́снꙋтсѧ ѡ҆ тебѣ̀ мно́зи, та́кѡ ѡ҆безсла́витсѧ ѿ человѣ́къ ви́дъ твой, и҆ сла́ва твоѧ̀ ѿ сынѡ́въ человѣ́ческихъ. Та́кѡ оу҆дивѧ́тсѧ ꙗ҆зы́цы мно́зи ѡ҆ не́мъ, и҆ заградѧ́тъ царі́е оу҆ста̀ своѧ̀: ꙗ҆́кѡ, и҆́мже не возвѣсти́сѧ ѡ҆ не́мъ, оу҆зрѧтъ, и҆ и҆́же не слы́шаша, оу҆разꙋмѣ́ютъ.»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня про бѣлаго слона.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «А человѣкъ живое ловитъ, на мертвое передѣлываетъ.»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсенка про мангустовъ.

Владиміръ Высоцкій разсказалъ, что Болгарскіе кинематографисты сдѣлали по сюжету сей пѣсни мультипликаціонный фильмъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Гербарій.

Слова пророка Исаіи, миръ ему, вызываемыя въ памяти пѣснею «Свои обиды каждый человѣкъ...» и приведенныя въ примѣчаніи къ ней, также вызываются въ памяти сей пѣснею.

При написаніи представленнаго текста использованы ранній и поздній варіанты пѣсни.

Чайка.

Три послѣднихъ стиха седьмой строфы суть поэтическое отраженіе того, что́ произойдетъ съ заслужившими награду въ Судный день, то есть того, что́ Порфѵрій Ивановъ, миръ ему, называлъ эволюціей, когда человѣкъ, говоря его словами, легкаго характера сдѣлается.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ленинградскаго ѳеатра имени Ленинскаго комсомола «Необычайныя приключенія на Волжскомъ пароходѣ» (1984 г.).

Заповѣдникъ.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова рыбъ изъ стихотворенія «Вьюга», которое написалъ Порфѵрій Ивановъ, миръ ему:

Ловить ужъ больше насъ не станутъ,
Не будетъ людъ врагомъ такимъ.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Бѣдняга заяцъ» (1910 г.) (переводъ Глѣба Семенова, приводится въ обработкѣ):

«Заяцъ сѣрый, заяцъ мягкій, что́ съ тобой?
Отчего ты, заяцъ, ходишь самъ не свой?»

— О душа моя, да ты еще малышъ!
Знай: отъ горя поневолѣ загрустишь.

Жили дружно мы съ зайчихою вдвоемъ,
И зайчата рѣзво прыгали кругомъ.

Составляли мы счастливую семью,
Тихо радовались мирному житью.

Волкъ зубастый нашихъ дѣтушекъ поѣлъ,
Хоть бы онъ, разбойникъ подлый, околѣлъ!

И зайчиху потерялъ я въ тотъ же годъ.
Только вспомню я, тоска меня беретъ.

Злой охотникъ съ гончей лѣсомъ проходилъ,
Увидалъ бѣдняжку, выстрѣлилъ — убилъ.

Я съ тѣхъ поръ и ѣмъ — не ѣмъ и пью — не пью,
Одинокій, все грущу да слезы лью.

Аллахъ, великъ Онъ и славенъ, сдѣлалъ человѣка хозяиномъ Земли, наказавъ ему владычествовать надъ «**рыбами морскими, (и звѣрьми) и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли**» (Бытіе, глава 1, стихъ 28), а не истреблять Земныхъ тварей.

Пѣсня написана для неосуществленнаго спектакля Ленинградскаго ѳеатра миніатюръ.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Въ тайгу...

Сіе стихотвореніе отражаетъ указаніе Священнаго Корана жить въ гармоніи съ Природою (что слѣдуетъ изъ предписанія жить согласно лунному календарю), что было снова сказано намъ черезъ Порфѵрія Иванова, миръ ему. А его слова изъ работы «Неправда» могутъ служить эпиграфомъ къ нему:

Природа — богатая мать: воздухъ, вода и земля,
Самые близкіе, родные, милые, незабываемые друзья.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Рабиндраната Тагора «Къ цивилизаціи» (1896 г.) (переводъ Вѣроники Тушновой):

Лѣсъ верни намъ. Возьми свой городъ, полный шума и дымной мглы.
Забери свой камень, желѣзо, поваленные стволы.
Современная цивилизація! Пожирательница души!
Возврати намъ тѣнь и прохладу въ священной лѣсной тиши.

Эти купанья вечернія, надъ рѣкою закатный свѣтъ,
Коровъ пасущихся стадо, тихія пѣсни Вѣдъ,
Пригоршни зеренъ, травы, изъ коры одежды верни,
Разговоръ о великихъ истинахъ, что всегда мы въ душѣ вели,
Эти дни, что мы проводили, въ размышленья погружены.
Даже царскія наслажденія мнѣ въ тюрьмѣ твоей не нужны.
Я свободы хочу. Хочу я снова чувствовать, что лечу,
Чтобы снова вернулись силы въ сердце мое, хочу.
Знать хочу, что разбиты оковы, цѣпи хочу разъять.
Вѣчный трепетъ сердца вселенной хочу ощутить опять.

Другое близкое по духу стихотвореніе — это «Тайна машинъ» Редьярда Киплинга (1911 г.) (переводъ Романа Дубровкина, приводится въ обработкѣ):

Въ котлованахъ насъ и шахтахъ добывали,
Съ коксомъ, съ флюсами переплавляли въ сталь,
Формовали, отливали и ковали,
На станкѣ точили каждую деталь.
Дай свободы намъ всего на долю дюйма
И немного угля, смазки и воды,
Отъ работы нашей пользы будетъ уйма,
И не требуемъ мы платы за труды.

Мы всесильны: мы печатаемъ и пишемъ,
Мы приносимъ свѣтъ, и воду, и тепло,
Мы читаемъ и считаемъ, видимъ, слышимъ,
Ни летать, ни плавать намъ не тяжело.

Ты рѣшилъ поговорить съ далекимъ другомъ,
Что живетъ за океанской синевой, —
Дай намъ адресъ — и твой другъ къ твоимъ услугамъ:
Зазвучитъ въ его жилищѣ голосъ твой.
Ты въ отвѣтъ узналъ, что другу нуженъ срочно, —
Винтовыми лопастями овладѣй! —
Загрохочутъ въ поршняхъ, выкованныхъ прочно,
Сразу восемьдесятъ тысячъ лошадей!

Красотою странъ далекихъ сердце радуй! —
«Мавританія» у пирса ждетъ тебя —
Поплыветъ девятипалубной громадой
Цѣлый городъ, пѣня воду и трубя!

Хочешь, снимутъ шляпы горныя вершины?
Хочешь, лѣсъ мы привеземъ къ ногамъ твоимъ?
Хочешь, хлѣбъ въ пескахъ начнутъ ростить машины?
Хочешь, рѣками пустыню напоимъ?
Хочешь, влагу изъ цистернъ возьмемъ ледовыхъ
И по трубамъ внизъ направимъ въ города,

Чтобы въ шлангахъ потекла она садовыхъ
И трамвайные питала провода?

Буры дай намъ и достаточно взрывчатки!
Отъ удара вздрогнетъ горный исполинъ!
Заблеститъ озерной гладью панцырь гладкій,
Будутъ рыбы плавать средь былыхъ долинъ.

Помни только, обуздать насъ будетъ нечѣмъ:
Не умѣемъ мы жалѣть, прощать, любить.
Перепутаешь команду — искалѣчимъ,
Подведешь — не поколеблемся убить!
Осторожнѣй трогай стержни, оси, зубья, —
Мы могущественнѣй націй и державъ!
Боги нашего боятся властолюбья,
Міръ людей отъ перемѣнъ не удержавъ.

Мы сильны, но только если ты позволишь:
Трубы фабрикъ отдымятъ, и сгинетъ тьма,
Будутъ звѣзды вновь свѣтить — вѣдь мы всего лишь
Порожденья человѣчьяго ума!

И здѣсь умѣстно привести слова Луція Аннея Сенеки: «Omne malum ex urbe.» («Все зло — изъ города.»)

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ.

Мы вѣрные, испытанные кони...

Въ представленномъ текстѣ объединены два варіанта стихотворенія.

Кони привередливые.

Пѣсня написана для фильма «Земля Санникова» (1973 г.), исполнялась въ спектаклѣ Московскаго литературно-драматическаго ѳеатра Всероссійскаго ѳеатральнаго общества «Тамъ, вдали» (1976 г.).

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

ОЧИ ЧЕРНЫЯ.

Пѣсня «Погоня» исполнена въ фильмѣ «Единственная» (1975 г.), пѣсня «Старый домъ» предлагалась въ фильмъ «Емельянъ Пугачевъ» (1978 г.).

При написаніи представленнаго текста пѣсни «Погоня» использованы два варіанта, въ текстѣ пѣсни «Старый домъ» объединены два варіанта.

КТО ЗА ЧѢМЪ БѢЖИТЪ.

Вратарь.

Левъ Яшинъ — футбольный вратарь, выступавшій за Московское «Динамо» и сборную С.С.С.Р. Считается лучшимъ вратаремъ въ исторіи мірового футбола.

Десятый нумеръ — футболистъ Кіевскаго «Динамо» Валерій Лобановскій, изобрѣтатель углового удара «сухой листъ».

П я т ы й н у м е р ъ — футболистъ сборной С.С.С.Р. Анатолій Бышовецъ, въ моментъ написанія сей пѣсни выступалъ за Кіевское «Динамо» подъ нумеромъ пять.

Пѣсня про праваго инсайда.

Въ сей пѣснѣ говорится, что Россія слѣдуетъ своимъ собственнымъ путемъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня штангиста.

В а с и л і й А л е ѯ е е в ъ — легендарный тяжелоатлетъ, установилъ восемьдесятъ міровыхъ рекордовъ.

Н ѣ к і й Г р е к ъ — это Гераклъ, а д р у г о й — это, въ Греческой мѵѳологіи, сынъ бога морей Посейдона и богини земли Геи Антей, который былъ непобѣдимъ въ борьбѣ до тѣхъ поръ, пока соприкасался съ матерью-землею.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня прыгуна въ длину.

8 м 40 см соотвѣтствуютъ 4 саженямъ безъ 3 вершковъ, 8 м 60 см соотвѣтствуютъ 4 саженямъ полутора вершкамъ, 8 м 90 см соотвѣтствуютъ 4 саженямъ 8 вершкамъ и четвертьвершку, 8 м 5 см соотвѣтствуютъ 4 саженямъ безъ 11 вершковъ.

Ко времени написанія сей пѣсни міровой рекордъ составлялъ 8 м 90 см (его установилъ въ 1968 году на Олимпіадѣ въ Мехико Американскій чернокожій спортсменъ Бобъ Бимонъ), но этотъ результатъ считался феноменальнымъ — предъидущій рекордъ равнялся всего 8 м 35 см (4 саженямъ 4 вершкамъ).

«Я бъ Америку догналъ и перегналъ!» — однимъ изъ извѣстныхъ лозунговъ Совѣтскихъ временъ былъ лозунгъ «Догнать и перегнать Америку!», сформулированный Владиміромъ Маяковскимъ въ стихотвореніи «Американцы удивляются» (1929 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Пѣсня прыгуна въ высоту.

Въ сей пѣснѣ обыгрывается названіе популярнаго въ свое время фильма (и пѣсня частично перекликается съ нимъ) «Такова спортивная жизнь» (1963 г.).

2 м 12 см приблизительно равны 1 сажени (меньше на четвертьвершокъ).

Во время написанія пѣсни высота 2 м 12 см была тѣмъ рубежомъ, который позволялъ прыгунамъ разсчитывать на мѣсто въ Олимпійской сборной.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Пѣсня сентиментальнаго боксера.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова Публилія Сира: «Perpetuo vincit, qui utitur clementia.» («Всегда побѣждаетъ тотъ, кто поступаетъ милосердо.»)

Въ пѣснѣ обыгрывается строка «И жизнь хороша, и жить хорошо!» изъ поэмы Владиміра Маяковскаго «Хорошо!» (1927 г.).

Варіанты 40-го стиха:

Когда неповинна въ насильи душа.
Когда не желаетъ насилья душа.
Когда отвергаетъ насилье душа.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Кто за чѣмъ бѣжитъ.

Четверо бѣгуновъ сѵмволизируютъ четыре основныя религіи міра—Іудаизмъ, Христіанство, Буддизмъ и Исламъ. А то, что четвертый бѣгунъ сбросилъ майку передъ финишемъ, относится къ Порфѵрію Иванову, миръ ему.

Варіанты стиховъ:

39-ый стихъ:

Онъ стратегъ и также тактикъ, словомъ—спецъ,—

73-ій стихъ:

«Нѣтъ, сколько все-таки сѵстемъ
«Много все-таки сѵстемъ

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Че-чет-ка.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Ленинградскаго ѳеатра имени Ленинскаго комсомола «Необычайныя приключенія на Волжскомъ пароходѣ» (1984 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Утренняя гѵмнастика.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти старинное изрѣченіе: «Cura, ut valeas!» («Заботься о томъ, чтобы быть здоровымъ»), и, конечно, разсказъ о Джизи-Гургенѣ изъ книги Сулхана-Сабы Орбеліани «Мудрость вымысла» (1959 г.). А эпиграфомъ къ ней могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Закаливаніе холодною водою имѣетъ очень большую пользу, это есть пробужденіе центральной нервной сѵстемы.»

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра сатѵры «Послѣдній парадъ» (1968).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Канатоходецъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ПѢСНЯ О ДРУЖБѢ.

Нѣтъ друга, но смогу ли...

Есть хорошее старинное изрѣченіе: «Alter ego est amicus.» («Другъ—это второе „я”.»)

И, конечно, здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Тысячный человѣкъ» (переложено въ пѣсню, при переложеніи использованъ переводъ Елены Кистеровой):

Сказалъ Іисусъ, сынъ Сираховъ, одинъ
Изъ тысячи можетъ стать другомъ.
До тѣхъ поръ, пока вы не встрѣтитесь съ нимъ,
Имѣть ты не долженъ досуга.
До тѣхъ поръ, пока вы не встрѣтитесь съ нимъ,
Имѣть ты не долженъ досуга.

И если вамъ дастся другъ друга найти,
Пребудетъ на васъ милость Божья:
Вдвоемъ проходимы любые пути,
И въ морѣ, и по бездорожью.
Вдвоемъ проходимы любые пути,
И въ морѣ, и по бездорожью.

Девятьсотъ девяносто девять твой взглядъ
Увяжутъ съ тѣмъ, что свѣтомъ принятъ,
А Тысячный будетъ стоять за тебя,
Когда всѣ на свѣтѣ отринутъ.
А Тысячный будетъ стоять за тебя,
Когда всѣ на свѣтѣ отринутъ.

Использовать сможешь его кошелекъ
Всегда, какъ и онъ твой, безъ спора,
О займѣ никто изъ васъ не намекнетъ
Средь дружескаго разговора.
О займѣ никто изъ васъ не намекнетъ
Средь дружескаго разговора.

Девятьсотъ девяносто девять успѣхъ
Оцѣнятъ, исчисливъ прибытокъ:
А съ Тысячнымъ, стоящимъ больше ихъ всѣхъ,
Быть сможешь прямымъ и открытымъ.
А съ Тысячнымъ, стоящимъ больше ихъ всѣхъ,
Быть сможешь прямымъ и открытымъ.

Удачные и неудачные дни
Его станутъ также твоими,
Равно онъ паденья и взлеты твои
Засчитывать будетъ своими.
Равно онъ паденья и взлеты твои
Засчитывать будетъ своими.

Девятьсотъ девяносто девять, когда
Громъ грянетъ, спасутъ душу фальшью,
А Тысячный будетъ съ тобою шагать
И до эшафота, и дальше!
А Тысячный будетъ съ тобою шагать
И до эшафота, и дальше!
А Тысячный будетъ съ тобою шагать
И до эшафота, и дальше!

Сія пѣсня является поэтическимъ отраженіемъ эссе о дружбѣ изъ Книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова (глава 6, стихи 5—17):

Горта́нь сла́докъ оу҆мно́житъ дру́ги своѧ̑,
и҆ ѧ҆зы́къ доброгл҃ивъ оу҆мно́житъ добры̑ бесѣ̑ды.

Мирствующїи съ тобою да будутъ мнози:
совѣтницы же твои єдинъ ѿ тысящъ.
Аще стяжеши друга, во искушенїи стяжи єго,
и не скорѡ оувѣрися єму.
Єсть бо другъ во время свое,
и не пребудетъ во время скорби твоея.
И єсть другъ премѣняяйся во врага,
и сваръ поношенїя твоегѡ ѿкрыетъ:
И єсть другъ общникъ трапезамъ,
и не пребудетъ во время скорби твоея:
И во бл҃гихъ твоихъ будетъ ꙗкоже ты,
и на рабы твоя дерзнетъ:
Аще смиренъ будеши, будетъ на тя,
и ѿ лица твоегѡ скрыется.
Ѿ врагѡвъ твоихъ ѿлучися,
и ѿ другѡвъ твоихъ внимай.
Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ:
ѡбрѣтый же єго, ѡбрѣте сокровище.
Другу вѣрну нѣсть измѣны,
и нѣсть мѣрила добротѣ єгѡ.
Другъ вѣренъ, врачеванїе житїю,
и боящїися Гд҃а ѡбрящутъ єго.
Боящися Гд҃а оуправляетъ дружбу свою,
ꙗкоже бо самъ, такѡ и искреннїй єгѡ.

Пѣсня исполнена въ радіоспектаклѣ «Зеленый фургонъ» (1974 г.).

Что сегодня мнѣ суды и засѣданья...
«...другъ изъ Магадана» — Игорь Кохановскій.

Пѣсня о дружбѣ.

Сія пѣсня вызываетъ въ памяти слова Публилія Сира: «Amicus perdere est damnorum maximum.» («Потеря друга есть величайшая изъ потерь.»)

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Расула Гамзатова «Берегите друзей» (написано въ началѣ 1970-хъ гг.) (переводъ Наума Гребнева, приводится въ обработкѣ):

Знай, мой другъ, враждѣ и дружбѣ цѣну
И судомъ поспѣшнымъ не грѣши.
Гнѣвъ на друга, можетъ быть, мгновенный,
Изливать бездумно не спѣши.

Можетъ, другъ твой самъ поторопился
И тебя обидѣлъ невзначай.
Провинился другъ и повинился —
Ты его былымъ не попрекай.

Люди, мы грубѣемъ и ветшаемъ,
И съ теченьемъ нашихъ краткихъ дней

Мы друзей испытанныхъ теряемъ,
Обрѣтать же новыхъ все труднѣй...

Если вѣрный конь, поранивъ ногу,
Вдругъ споткнулся, а потомъ опять,
Не вини его — вини дорогу
И коня не торопись мѣнять.

Люди, я прошу васъ, ради Бога,
Не стѣсняйтесь доброты своей.
На землѣ друзей не такъ ужъ много:
Постарайтесь не терять друзей.

Я иныхъ придерживался правилъ,
Въ слабости усматривая зло.
Сколькихъ въ жизни я друзей оставилъ,
Сколько отъ меня друзей ушло...

Послѣ было всякаго немало.
И, бывало, на путях крутыхъ
Какъ я каялся, какъ не хватало
Мнѣ друзей потерянныхъ моихъ!

И теперь я всѣхъ васъ видѣть жажду,
Нѣкогда любившіе меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившіе меня.

В а л е р і й А б р а м о в ъ — другъ Владиміра Высоцкаго, братъ его второй жены Людмилы Абрамовой.

Пѣсня написана для фильма «Карантинъ» (1968 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Пѣсня о другѣ.

Есть хорошее старинное изрѣченіе: «Amicum proba; probatum, ama.» («Друга испытай, а испытаннаго люби.»)

Варіантъ 1-го—2-го стиховъ:

Если въ жизни
сложилось такъ,

При написаніи представленнаго текста использованы поздній варіантъ пѣсни и набросокъ въ рукописи.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ.

Пѣсня Марьюшки.

Пѣсня написана для фильма «Иванъ да Марья» (1974 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мы васъ ждемъ.
Другое названіе сей пѣсни — «Пѣсня ожиданія».
Пѣсня исполнена Мариною Влади въ фильмѣ «Точка отсчета» (1979 г.).

Бѣлый вальсъ.
Варіантъ 81-го—82-го стиховъ:

Если всѣ цвѣта радуги вмѣстѣ сложить —
будетъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ.

Пѣсня написана для фильма «Точка отсчета» (1979 г.).
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Величальная отцу.
Варіантъ 7-го стиха:

Такъ вы кланяйтесь въ ноги —

Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Иванъ да Марья» (1974 г.).
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Баллада о Любви.
Здѣсь умѣстно привести слова Публія Вергилія Марона: «Amor vincit omnia.» («Любовь побѣждаетъ все.»)
Варіанты 23-го стиха:

Они съ лихвой согласны заплатить
Они съ лихвой готовы заплатить

Баллада написана для фильма «Стрѣлы Робина Гуда», см. примѣчаніе къ «Балладѣ о времени».

Колыбельная.
Здѣсь вспоминается «Колыбельная» Габдуллы Тукая (1909 г.) (переводъ Вѣроники Тушновой, приводится въ обработкѣ):

Баю-баюшки, сынокъ,
Въ медресе пойдешь, сынокъ,
Чтобъ науки превзойти —
Все узнаешь ты, сынокъ.

Глазки сонные закрой,
Спи, мой мѣсяцъ золотой,
Ночью люди спать должны,
Не тревожь ночной покой.

Баю-баюшки-баю,
Хочешь, пѣсенку спою?

Стану сказки говорить,
Колыбель качать твою.

Спи, усни, безцѣнный мой,
Лучше всѣхъ ты, мой родной!
За ночь силы накопи,
Чтобъ играться день-деньской.

Варіанты строфъ:

1-ая строфа:

Спи, дитя! *My baby, bye!*
Много силъ скопи.
Get a respite— отдыхай,
Улыбнись и спи!

Спи, дитя! *My baby, bye!*
Много силъ скопи.
Peace this moment, hush-a-bye!
Улыбнись и спи!

6-ая строфа:

Надъ землею полетишь
Выше крышъ и кронъ,—
А пока ты крѣпко спишь—
Досмотри свой сонъ!

Варіантъ 10-го стиха:

Съ легкостью паришь.

Варіантъ сей пѣсни исполнялся въ спектаклѣ Ленинградскаго ѳеатра имени Ленинскаго комсомола «Необычайныя приключенія на Волжскомъ пароходѣ» (1984 г.) («Колыбельная Хопкинсона», 1973 г.).

При написаніи представленнаго текста использованы оба варіанта.

Лvрическая.

Здѣсь умѣстно вспомнить пѣсню Сергѣя Любавина «Марина» (приводится варіантъ):

Темное небо, карія sвѣзды.
Люди встрѣчайтесь, люди влюбляйтесь, пока не поздно.
Пока не поздно, произносите
Слова простыя, слова святыя, въ глаза смотрите.

Ты какъ цвѣтеніе въ дикой природѣ,
И для меня ты какъ Марина для Володи.
Заѣду въ гости, заваришь чаю.
Вновь разскажу какъ часто по тебѣ скучаю.

Я одѣваю тебя въ ароматы,
И въ красоту простыхъ мелодій наряжаю.
Въ чемъ же, родная, мы виноваты,
Въ томъ, что грѣшны иль въ томъ, что слишкомъ сильно святы?

Ты какъ цвѣтеніе въ дикой природѣ,
И для меня ты какъ Марина для Володи.
Заѣду въ гости, заваришь чаю.
Вновь разскажу какъ часто по тебѣ скучаю.

Ты какъ цвѣтеніе въ дикой природѣ,
И для меня ты какъ Марина для Володи.
Заѣду въ гости, заваришь чаю.
Вновь разскажу какъ часто по тебѣ скучаю.

Пѣсня исполнялась въ спектаклѣ Московскаго ѳеатра «Современникъ» «Свой островъ» (1971 г.) и въ спектаклѣ Московскаго литературно-драматическаго ѳеатра Всероссійскаго ѳеатральнаго общества «Тамъ, вдали» (1976 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Домъ хрустальный.

Сія пѣсня посвящена Маринѣ Влади.

О Морскомъ царѣ разсказывается въ народныхъ сказкахъ и былинахъ о Садко.

О хрустальномъ домѣ написалъ Алеѯандръ Пушкинъ въ «Сказкѣ о царѣ Салтанѣ» (1831 г.):

Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ...

О золотыхъ розсыпяхъ написалъ Владиміръ Маяковскій въ поэмѣ «Облако въ штанахъ» (1914 г.):

Я знаю—
солнце померкло бъ, увидѣвъ
нашихъ душъ золотыя розсыпи!

Р а ф а э л ь С а н т и написалъ около сорока картинъ съ изображеніемъ Мадонны.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Жили-были на морѣ...

Пѣсня исполнена Владиміромъ Высоцкимъ и Ниною Шацкой въ фильмѣ «Контрабанда» (1974 г.).

Реальнѣй сновидѣнія и бреда...

Варіантъ 23-го стиха:

Мерцающія ракушки, подкравшись, ловко сцапаю—

Въ оригинальномъ текстѣ пѣсни присутствуетъ ошибка.

Дорога, дорога—счета нѣтъ шагамъ...

Пѣсня исполнена неизвѣстнымъ артистомъ въ фильмѣ «Саша-Сашенька» (1966 г.).

Красивыхъ любятъ, можетъ быть, прилежнѣй...
Пѣсня написана для фильма «Карантинъ» (1968 г.).

Люди говорили морю: «До свиданья...»
Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова Гая Петронія Арбитра: «Qui solas extruere divitias curant, nihil volunt inter homines melius credi, quam quod ipsi tenet.» («Тѣ, кто стремятся лишь къ обогащенію, не желаютъ вѣрить, что есть у людей блага выше тѣхъ, за которыя держатся они.»)
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Дальній Востокъ.
Пѣсня вошла въ фильмъ «Вниманіе, цунами!» (1969 г.) не въ авторскомъ исполненіи.

ГОРОДСКОЙ РОМАНСЪ.

Катерина.
Сія пѣсня перекликается со стихотвореніемъ Габдуллы Тукая «Опозоренной Татарской дѣвушкѣ» (1909 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Венеры Думаевой-Валіевой и Вѣроники Тушновой):

Словно листья, желты твои щеки,
Ты стоишь на углу у столба...
Посмотрю — и сжимается сердце, —
Какъ печальна такая судьба!

Псомъ приблуднымъ, подстрѣленной птицей
На спѣшащихъ прохожихъ глядишь.
Губы шепчутъ беззвучно проклятья...
Ты котораго бая коришь?

Среди нихъ часто встрѣтишь такого,
Кто бъ у ангела вырвалъ крыло.
Для предавшаго душу шайтану
Не запретны жестокость и зло.

Твоего я обидчика видѣлъ:
Какъ всегда, развлекается, пьетъ,
Что́ ему до тебя, до того, что
На позоръ твой глазѣетъ народъ!

Ты стоишь — и не видишь поэта,
И не знаешь, что мимо тебя
Онъ проходитъ съ истерзаннымъ сердцемъ,
О судьбѣ твоей горькой скорбя.

Это было другое время, когда порядочность почиталась добродѣтелію среди всѣхъ народовъ, когда скромно одѣвались и покрывали головы Мусульманки и Христіанки, Іудейки и Буддистки. Сегодня же, къ примѣру, увидѣть скромно одѣтую и съ покрытою головою Христіанку — если она не изъ Старовѣровъ — можно развѣ что въ церкви да въ замѣчательныхъ мультипликаціонныхъ фильмахъ «Три богатыря»,

«Иванъ Царевичъ и Сѣрый Волкъ» и «Маша и Медвѣдь».

И здѣсь умѣстно вспомнить слова Плинія Младшаго: «Quod dubitas, ne feceris.» («Въ чемъ сомнѣваешься, того не дѣлай.»)

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Городской романсъ.

Здѣсь умѣстно привести слова Публія Овидія Назона: «Credula res amor est.» («Любовь довѣрчива.»)

И здѣсь также умѣстно вспомнить стихотвореніе Редьярда Киплинга «Дуракъ» («Вампиръ») (1897 г.) (переводъ Анатолія Сендыка, приводится въ обработкѣ):

Жилъ дуракъ, и любилъ онъ всего сильнѣй,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я,
Копну волосъ и мѣшокъ костей,
Ничтожество — вотъ было имя ей,
Но дуракъ ее звалъ королевой своей,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я.

Хлѣбъ, и цвѣты, и силу мечты —
Все, чѣмъ жизнь людская полна,
Онъ ей отдавалъ во имя любви,
И она говорила съ нимъ о любви,
Но любви не знала она.

Жилъ дуракъ, отдавая все, что имѣлъ,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я.
Молодъ онъ былъ, и красивъ, и смѣлъ,
А все-таки ей угодить не сумѣлъ,
Дуракъ былъ рожденъ для дурацкихъ дѣлъ,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я.

Горечь въ груди и мракъ впереди —
Все, чемъ жизнь людская страшна,
Онъ испыталъ во имя любви,
Хоть она объяснилась ему въ любви,
Но любви не знала она.

Былъ остриженъ дуракъ, раздѣтъ догола,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я.
А послѣ мимо она прошла
И бровью не повела.
Не умеръ дуракъ, но сгорѣлъ дотла,
Какъ, впрочемъ, и ты, и я.

Была бъ не бѣда лишь горечь стыда,
Да мысль днемъ и ночью жгла —
Она вѣдь не знала его любви,
Она вообще не знала любви,
Ничего не знала она.

Пѣсня «Журавли» представлена въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Онъ не вернулся изъ боя».
При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта романса.

ДВА РОМАНСА.

Сіи романсы вызываютъ въ памяти стихотвореніе Габдуллы Тукая «Постиженіе истины» (1911 г.) (переводъ Рувима Морана, приводится въ обработкѣ):

1.

Если значитъ любовь поцѣлуи одни и объятья,
У меня о любви нѣтъ тогда никакого понятья.

Нѣтъ, любовь — это нѣчто тончайшее, отблескъ въ эѳирѣ,
По-Арабски «максади экса», то есть высшая цѣль въ этомъ мірѣ.

Передъ милой моей я молился, склонясь молчаливо,
Трепеталъ, и краснѣлъ, и надѣялся тайно, стыдливо.

Для меня воплощеньемъ была она сущаго міра,
Я молитвы слагалъ для нея — божества и кумира.

Какъ свѣча, я растаялъ, цвѣты, что я въ сердцѣ лелѣялъ,
Почернѣли, сгорѣли, и вѣтеръ ихъ пепелъ развѣялъ...

2.

До того, какъ открылись Арабамъ завѣты Ислама,
Деревяннымъ кумирамъ они поклонялись упрямо.

Ложь была сметена и разсѣяна истинной вѣрой,
И открылись глаза у обманутыхъ жалкой химерой.

И тогда, устыдясь, вопросили они съ удивленьемъ:
«Неужели и впрямъ поклонялись мы этимъ полѣньямъ?»

3.

Солнце мысли моей изъ-за облака вырвалось, къ счастью;
Я не скованъ уже мимолетной, безсмысленной страстью.

Слава Богу, опять предо мною свѣтлѣетъ дорога,
И теперь я стыжусь, что я въ идола вѣрилъ, какъ въ Бога.

Чувства, мысли пустыя — проклятья шлю я вамъ безъ счёта!
Здравствуй, ясность ума, здравствуй, истина, здравствуй, работа!

Варіантъ 10-го стиха романса «Было такъ — я любилъ и страдалъ...»:

Были головы наши въ огнѣ.

Романсь «Она была чиста, какъ снѣгъ зимой...» (написанъ въ 1969 г.) исполнялся въ спектаклѣ Театра на Таганкѣ «Преступленіе и наказаніе» (1979 г.), а также частично использованъ въ фильмѣ «Одинъ изъ насъ» (1970 г.) въ исполненіи Георгія Юматова, фрагментъ романса «Было такъ—я любилъ и страдалъ...» (написанъ въ 1968 г.) использованъ въ фильмѣ «Опасныя гастроли» (1969 г.).

Представленные тексты отличаются отъ оригинальныхъ.

Баллада о цвѣтахъ.

Сія баллада вызываетъ въ памяти стихотвореніе Габдуллы Тукая «Мотылекъ» (1909 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Венеры Думаевой-Валіевой и Ніяза Ахмерова):

Съ одного цвѣтка слетая,
Присѣдая на другой,
Мотылекъ примѣтилъ странный
Блескъ вечернею порой.

Что-то яркое сверкаетъ,
Восхитительно блеститъ,
Свѣтомъ радужнымъ сіяетъ
И колеблется, дрожитъ.

Красоты волшебной силой
Сразу будучи сраженъ,
Онъ все бывшее отринулъ,
Полетѣлъ—и былъ сожженъ.

Что жъ блестело такъ красиво?
Да скитальца костерокъ!
Не плѣняйся блескомъ, милый,
Какъ несчастный Мотылекъ.

Баллада исполнена въ фильмѣ «Опасныя гастроли» (1969 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Она на дворъ—онъ со двора...

Судя по всему, сія пѣсня дополняетъ стихи и пѣсни изъ раздѣла «Жилъ-былъ человѣкъ».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

СЕМЕЙНЫЯ ДѢЛА.

Семья въ каменномъ вѣкѣ.

Здѣсь вспоминается «Разсказъ о быкѣ съ осломъ» изъ «Книги тысячи и одной ночи», который разсказалъ Шахразадѣ ея отецъ.

Семейныя дѣла въ Древнемъ Римѣ.

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Про любовь въ средніе вѣка.

Варіантъ 1-го стиха:

Сто сорочининъ я убилъ въ угоду ей—

Про любовь въ эпоху Возрожденія.
Варіанты стиховъ:

1-ый стихъ:

Можетъ, немного бьянкелло

37-ой стихъ:

«Такъ у меня жъ—вдохновенье,

При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько варіантовъ пѣсни.

Вы учтите: я раньше былъ стоикомъ...
Сегодня мужчины на Западѣ лишены своихъ естественныхъ правъ.
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Возвращаюсь я съ работы...
Сія антисектанская пѣсня повѣствуетъ о времени послѣ паденія «желѣзнаго занавѣса», который защищалъ Россію отъ проникновенія новомодныхъ религіозныхъ ученій.
Въ оригинальномъ текстѣ пѣсни присутствуетъ двусмысленность.

Діалогъ у телевизора.
Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Бѣдные мы люди...»
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ.

Маршъ студентовъ-фѵзиковъ.
Эпиграфомъ къ сему маршу можетъ служить строфа изъ пѣсни Владиміра Высоцкаго «Въ умахъ волненье плещется чрезъ край...», которая упомянута въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Тюменская нефть» (приводится варіантъ):

Въ умахъ волненье плещется чрезъ край,
Въ пространствѣ масса трещинъ и смѣщеній:
Въ аду рѣшили черти строить Рай
Для собственныхъ грядущихъ поколѣній.

Маршъ написанъ для неосуществленнаго спектакля экспериментальнаго молодежнаго ѳеатра-студіи въ Дубнѣ по пьесѣ Максима Сагаловича «Тихіе фѵзики».
Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Маршъ космическихъ негодяевъ.
Эпиграфомъ къ сему маршу могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Только здѣсь, только на этой землѣ все будетъ, а космосъ—это пустое ведро.»

Этотъ маршъ вызываетъ въ памяти стихотвореніе Редьярда Киплинга «Боги Здраваго Смысла» (1919 г.) (переложено въ маршъ, при переложеніи использованы переводы Исидора и Татіаны Грингольцъ, Алеѯандра Загоскина и Елены Кистеровой):

Рождаясь средь разныхъ народовъ
Далекихъ и близкихъ эпохъ,
Восхищенъ Богами Торговли
Былъ я — и служилъ имъ, какъ могъ.
Осмѣлившись пальцы раздвинуть,
Смотрѣлъ я на нихъ снизу вверхъ...
Но лишь Боги Здраваго Смысла
Пребудутъ въ величьи вовѣкъ.

Когда на деревьяхъ мы жили,
Сказали они намъ впередъ,
Что станемъ мокры отъ Воды мы,
Огонь же — всегда обожжетъ.
Сочтя ихъ ученье банальнымъ,
Взыскуя Полетъ и Порывъ,
Его мы принять отказались,
На Путь Человѣка ступивъ.

Съ Богами Торговли неслись мы,
Они же хранили свой шагъ,
На нашихъ кумировъ не бывши
Похожи ничѣмъ и никакъ.
И Слово ихъ къ намъ нисходило,
Ихъ геній былъ неодолимъ:
То Солнце посѣвы палило,
То варвары грабили Римъ.

Надежды, въ которыхъ — оплотъ нашъ,
Считали пустыми они,
Въ ихъ сбыточность вѣря не больше,
Чѣмъ въ то, что въ Горахъ Ракъ свиститъ.
Смѣялись надъ Если и Можетъ,
Равно надъ Авось и Небось:
Конечно, съ Богами Торговли
Намъ много привольнѣй жилось.

Но въ Кембріи шутку сыграли
Не добрую съ нами они:
Оружье сложить насъ призвали,
Настали чтобъ мирные дни.
Когда же мы разоружились,
Добычею стали врагамъ,
Такъ намъ Боги Здраваго Смысла
Сказали: «Не вѣрьте словамъ!»

Въ Девонѣ намъ пообѣщали,
Что счастье найдемъ мы въ любви.
Любить нашихъ ближнихъ мы стали,
А также, конечно—женъ ихъ.
И жены рожать прекратили,
Болѣзни постигли народъ,
Такъ намъ Боги Здраваго Смысла
Сказали: «Смерть есть блуда плодъ!»

Въ Карбонѣ поклялись, что въ братствѣ
Жизнь сразу же мы обрѣтемъ,
Какъ только Петрово богатство
Безденежнымъ Павламъ снесемъ.
И деньги у всѣхъ появились,
Но не было хлѣба нигдѣ,
Такъ намъ Боги Здраваго Смысла
Сказали: *«Живите въ трудѣ!»*

Тутъ наши кумиры качнулись,
Жрецы ихъ отпрянули вспять,
И мы отъ мороки очнулись,
Сумѣвъ наконецъ осознать,
Что Семь Разъ все взвѣсить должны мы
Предъ тѣмъ, какъ рѣшенье принять;
И вновь Боги Здраваго Смысла
Намъ стали уроки давать.

Въ грядущемъ случится лишь то же,
Что было въ минувшихъ вѣкахъ,
И оныхъ четыре закона
Пребудутъ во всѣхъ временахъ:
Волкъ будетъ въ Лѣсъ только стремиться;
Свинья Грязь повсюду найдетъ;
Дуракъ же, рѣшившій молиться,
На Лбу себѣ Шишку набьетъ;

А мы создавать со стараньемъ
Опять и опять будемъ Міръ,
Лишенный невзгодъ и страданій,
А послѣ—сбираться на пиръ
Тотъ, что никогда не случится,
Какъ будутъ устройству его
Мѣшать Боги Здраваго Смысла,
Являясь съ огнемъ и мечемъ!

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Товарищи ученые!..

Здѣсь умѣстно вспомнить пѣсню Станислава Маркевича «Моя дорогая» (приводится обработанный варіантъ неизвѣстнаго автора):

Прошелъ полъ-Еѵропы
отъ края до края:
Нигдѣ не нашелъ я
тебя, дорогая.
И послѣ скитаній
въ мѣстахъ заграничныхъ,
Я преданъ остался
тебѣ безгранично.
И послѣ скитаній
въ мѣстахъ заграничныхъ,
Я преданъ остался
тебѣ безгранично.

Моя дорогая
не блещетъ красою —
Ни яркимъ румянцемъ,
ни пышной косою,
Ни гордой осанкой,
ни стройностью стана,
Какъ блещетъ любая
красотка экрана.
Ни гордой осанкой,
ни стройностью стана,
Какъ блещетъ любая
красотка экрана.

Невзрачное платье
мышинаго цвѣта
Она не снимаетъ
отъ лѣта до лѣта.
И я отъ васъ, други,
аффронта не скрою:
Мою дорогую
купаю и мою.
И я отъ васъ, други,
аффронта не скрою:
Мою дорогую
купаю и мою.

Я платье снимаю
рукою несмѣлой,
Какъ видѣть отрадно
желанное тѣло!
Одна лишь такая
она въ цѣломъ мірѣ:

Моя дорогая...
картошка въ мундирѣ!
Одна лишь такая
она въ цѣломъ мірѣ:
Моя дорогая
картошка въ мундирѣ!

И какъ же мало осталось въ продажѣ пригодныхъ для употребленія въ пищу продуктовъ! А если бы ученые прислушались къ словамъ поэта... Однако было сказано Іисусомъ Христомъ, миръ ему, что всякое растеніе, которое не Отецъ нашъ небесный насадилъ, искоренится.

Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его обращенія «Низко кланяюсь и прошу васъ, люди...»: «...до сихъ поръ не видно, чтобы ученые сдѣлали что-то полезное для истинной жизни.»

Совѣтское сельское хозяйство было низкоэффективнымъ, и для рѣшенія проблемы къ сельскохозяйственнымъ работамъ привлекались различныя категоріи населенія, въ томъ числѣ сотрудники научно-изслѣдовательскихъ институтовъ.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Лекція о состояніи современной науки.

Эпиграфомъ къ сему стихотворенію могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «Ученые приведутъ къ закупоркѣ — у нихъ получится заторъ: человѣкъ окружится цацкою, земля заполнится мертвыми — не будетъ въ воздухѣ естественныхъ силъ, чтобы чего-либо новенькаго родить.»

Здѣсь вспоминается тостъ Алеѯандра Пушкина «Подымемъ бокалы...» (1825 г.):

Подымемъ бокалы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ПѢСНЯ ОБЪ АНТИСЕМИТАХЪ.

Онъ былъ хирургомъ...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Нашъ киль скользитъ по Дону ли, по Шпреѣ...

Въ своей работѣ «Божій судъ — Исламъ въ Библіи — 200 пророчествъ!» Абдурахимъ Байматовъ ясно показалъ, что Евреи не имѣютъ права на созданіе собственнаго государства — было сказано черезъ пророка Ісаію (Книга пророка Исаіи, глава 65, стихи 11—16), пророка Михея (Книга пророка Михея, глава 5, стихи 10—14, и глава 6, стихи 12—16) и другихъ Библейскихъ пророковъ, миръ имъ всѣмъ, что сіе «государство» будетъ уничтожено. И Святый Пророкъ Мухаммадъ, миръ ему, сказалъ, что Мусульмане побѣдятъ Іудеевъ.

О Палестинѣ написано много хорошихъ статей—это «Исраильско-Палестинское право на возвращеніе и Библія» Лабиба Кобти (1998 г.) и «Азъ есмь Исраиль» Хашема Саида (2002 г.), опубликованныя на сайтѣ «Аль-Бушра», «Почему Палестинцы никогда не должны признавать „право на существованіе“ Исраиля», (2007 г.) «Нацисты нашего времени» и «Газа: Карбала нашего времени» (2010 г.), опубликованныя въ газетѣ «Палестинское Время», «Сіонизмъ для простаковъ» Вильяма Джеймса Мартина (2009 г.) и многія другія статіи, опубликованныя въ газетѣ «Палестинская Хроника»...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсня объ антисемитахъ.

Современный варіантъ 33-го—34-го стиховъ:

Средь нихъ обожавшій
прекрасное Каплеръ,

«Бью я жидовъ, и спасаю Россію!» — перефразированный антисемитскій лозунгъ временъ Гражданской войны «Бей жидовъ, спасай Россію!»

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Мишка Шифманъ.

Слова поэта «если кто и влѣзъ ко мнѣ, такъ и тотъ—Татаринъ» исполнились—подготовка его стиховъ и пѣсенъ для сей публикаціи выполнена человѣкомъ, въ жилахъ котораго течетъ Тюркская кровь.

«...а кого ни попадя пускаютъ въ Исраиль» — въ 1970-е годы началась массовая эмиграція Евреевъ изъ С.С.С.Р. въ такъ называемое государство Исраиль.

Г о л д а М е и р ъ — премьеръ-министръ «Исраиля» въ 1969—1974 годахъ.

М о ш е Д а я н ъ — министръ обороны «Исраиля» въ 1967—1974 годахъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТЪ.

Я бодрствую, но вѣщій сонъ мнѣ снится...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти слова Луція Аннея Сенеки: «Id facere laus est quod decet, non quod licet.» («Похвально дѣлать то, что подобаетъ, а не то, что дозволено.»)

Здѣсь также вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Моя звѣзда» (1909 г.) (при написаніи приведеннаго текста использованы переводы Венеры Думаевой-Валіевой и Вѣроники Тушновой):

Какъ ни жестокъ сей міръ ко мнѣ, его я все же не боюсь,
И тамъ, гдѣ впору слезы лить, я вмѣсто этого смѣюсь.

Пусть дни я провожу во тьмѣ, не жду ни солнца, ни луны.
Я благодаренъ и за то, что звѣзды въ небѣ мнѣ видны.

Я ощущаю тяжесть рукъ, съ пути меня врагъ тщится сбить,
Но только въ сердцѣ у меня ему звѣзды не погасить.

Горитъ, горитъ моя звѣзда, не меркнетъ блескъ ея златой,
И несомнѣнно, хоть одинъ заблудшій сей спасенъ звѣздой.

Пускай шайтаны слезы льютъ, пусть кровью плачутъ день и ночь,
Но я оставлю свѣтлый слѣдъ, когда уйду изъ жизни прочь.

Все sвѣздно въ сердцѣ у меня — надежды, радости, тоска,
Навѣки сердцу моему sвѣзда священная близка.

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта стихотворенія.

Мнѣ судьба — до послѣдней черты, до креста...

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Въ чемъ сладость?» (1907 г.) (переводъ Вѣроники Тушновой, приводится въ обработкѣ):

Наслажденье — въ чемъ, скажите, заключается оно?
Намъ хорошаго на свѣтѣ много Господомъ дано.

Въ чемъ же сладость? Въ томъ, чтобъ крѣпко станъ дѣвичій обнимать?
Чтобъ красавца иноходца что есть духу погонять?

Или въ томъ, чтобъ изъ бутылки пить огонь воды живой,
Чтобъ шумѣлъ забвенья вѣтеръ надъ хмельною головой?

Или въ томъ, чтобы удача спутницей была въ дѣлахъ?
Или въ томъ, чтобъ быть извѣстнымъ, какъ почтенный старый шахъ?

Чтобы, будучи ишаномъ, угощаться здѣсь и тамъ,
Въ жилахъ кровь разогрѣвая мясомъ съ перцемъ пополамъ?

Или въ томъ, чтобъ на гармони пѣсни разныя играть,
Иногда вздыхая грустно, и красиво напѣвать?

Чтобы, будучи торговцемъ, получать доходъ вдвойнѣ
И хорошею наживой ночью хвастаться женѣ?

Или въ томъ, чтобъ въ полѣ бранномъ рѣки крови проливать,
И потомъ за это бляшки золотыя получать?

Или въ томъ, чтобъ съ пирогами чай спокойно попивать?
Подъ себя поджавши ноги, брюхо мирно набивать?

Вѣрьте, истинной услады не найти ни въ чемъ такомъ,
Тотъ, кто цѣнитъ эти вещи, съ высшимъ счастьемъ не знакомъ.

Лишь служеніе народу признаю за счастье я,
Въ этомъ высшая отрада, сладость жизни для меня.

З а л ѣ с о в ъ О р д а или Залѣсская Орда — такъ именовалась Русь въ періодъ ея существованія подъ вліяніемъ Золотой Орды, см. статію Дмитрія Жантіева «Когда Русь была Татарской» (2001 г.).

«Sло Петровыхъ дѣяній...» — начатое Петромъ I искорененіе Русскаго духа на государственномъ уровнѣ активно продолжается, объ этомъ хорошо написалъ Игорь Ильинъ въ статіѣ «О Русскомъ вопросѣ» (2019 г.).

Однимъ изъ оныхъ дѣяній было «усовершенствованіе» Русскаго алфавита, естественнымъ слѣдствіемъ чего стала орѳографическая реѳорма Совѣтскаго правительства. Въ сей же публикаціи использованы всѣ необоснованно удаленныя буквы.

Конечно, Петръ I совершалъ и хорошія дѣла, и однимъ изъ нихъ было повелѣніе составить сборникъ «Юности честное зерцало, или Показаніе къ житейскому обхожденію» (1767 г.).

Авторъ постарался завершить работу Владиміра Высоцкаго, и онъ считаетъ себя другомъ поэта, коего тотъ «подстерегалъ».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

И снизу ледъ, и сверху — маюсь между...

Сіе стихотвореніе адресовано Маринѣ Влади, это послѣднее стихотвореніе Владиміра Высоцкаго.

Упрямо я стремлюсь ко дну...

Сіе стихотвореніе вызываетъ въ памяти стихотвореніе Алеѯандра Пушкина «В. Ѳ. Раевскому» (приведено въ примѣчаніи къ «Пѣснѣ конченаго человѣка»).

Это одно изъ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ о своей миссіи.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ИСТОРІЯ БОЛѢЗНИ.

Эпиграѳомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порѳѵрія Иванова, миръ ему, изъ его работы «Я строю эволюцію»: «Люди въ своемъ дѣлѣ ошиблись...»

Пѣсни «Ошибка вышла» и «Никакой ошибки» написаны въ 1975 году, пѣсня «Исторія болѣзни» — въ 1976 году.

При написаніи представленнаго текста пѣсни «Никакой ошибки» использованы два варіанта, при написаніи текста пѣсни «Исторія болѣзни» — ранній варіантъ и два позднихъ.

Случай.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Габдуллы Тукая «Сожалѣніе» (1910 г.) (переводъ Вѣроники Тушновой, приводится въ обработкѣ):

Зналъ я, что бываетъ съ виду хороша
И при томъ ужасна изнутри душа.

Какъ же я съ дороги въ сторону свернулъ,
Какъ же святотатцамъ руку протянулъ?

Какъ же предъ собою лицемѣрилъ я,
Какъ же зубоскаламъ вдругъ повѣрилъ я?

Почему, влюбленный въ солнечную ширь,
Я увязъ во мракѣ, словно нетопырь?

Почему остаться въ сторонѣ не могъ,
Какъ sвѣзда на небѣ, чистъ и одинокъ?

Ну, а что бы сталось, сдѣлалось со мной
Тамъ, вдали отъ мелкой суеты земной?

Тамъ, вдали отъ міра, долго бъ я горѣлъ,
Прежде чѣмъ погаснуть Богъ мнѣ бъ повелѣлъ.

Не уйти изъ плѣна, вѣчно будетъ такъ.
Нѣту, нѣту свѣта — непроглядный мракъ.

Ни луны, ни солнца — черенъ небосклонъ,
Только лицемѣровъ вижу я кругомъ.

Обѣщалъ я много сдѣлать дѣлъ благихъ,
Но во тьмѣ кромѣшной мнѣ не видно ихъ.

Духота какая! нечѣмъ тутъ дышать.
Что мнѣ дѣлать дальше, надобно рѣшать.

Изъ темницы къ свѣту рваться буду я,
Даже если нѣту шансовъ у меня.

Пѣсня написана Владиміромъ Высоцкимъ послѣ встрѣчи со знаменитымъ ученымъ-ракетчикомъ.
Варіантъ 36-го стиха:

«Но только если будетъ Марсіанинъ.»

При написаніи представленнаго текста использованы два варіанта пѣсни.

Памятникъ.

Здѣсь можетъ быть проведена параллель со стихотвореніемъ Алеѯандра Пушкина «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный...» (1836 г.) (приводится варіантъ):

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Алеѯандрійскаго столпа.

Нѣтъ, весь я не умру — душа въ завѣтной лvрѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ,
И гордый Россъ, и внукъ Булгаръ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лvрой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

«Всѣхъ мертвыхъ мертвѣй» — перефразированное выраженіе Владиміра Маяковскаго «живѣе всѣхъ живыхъ» изъ поэмы «Владиміръ Ильичъ Ленинъ» (1924 г.).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Прерванный полетъ.

Варіанты стиховъ:

15-ый—16-ый стихи:

Смѣшно, не правда ли, смѣшно? Смѣшно,
Что онъ шутилъ — не дошутилъ,

33-ій—34-ый стихи:

Смѣшно, не правда ли, смѣшно? Смѣшно,
Что онъ спѣшилъ — не доспѣшилъ,

Пѣсня написана для фильма «Бѣгство мистера Макъ-Кинли» (1975 г.).

Не вѣдаю, за дрогами поспѣла ли...

Это одно изъ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ Владиміръ Высоцкій написалъ о своей миссіи.

Варіантъ 13-го стиха:

Вотъ наша труппа, дождичекъ кляня,

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я спокоенъ — Онъ мнѣ все повѣдалъ...

Варіанты 13-го стиха:

Что жъ я? Покойно будетъ на душѣ — хоть
А что же я? Покойно будетъ мнѣ — хоть
Что до меня, покойно будетъ мнѣ — хоть

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

У меня было сорокъ фамилій...

Площадь Петровскія Ворота — одна изъ центральныхъ площадей Москвы на Бульварномъ кольцѣ; въ 1995 году тамъ былъ установленъ памятникъ Владиміру Высоцкому.

Мой черный человѣкъ.

Владиміръ Высоцкій написалъ это стихотвореніе подъ впечатлѣніемъ разсказа объ одномъ большомъ начальникѣ, который любилъ носить сѣрые костюмы — какъ онъ ударилъ нагнувшегося заключеннаго ногою въ лицо.

Здѣсь умѣстно привести старинное изрѣченіе: «Conscientia igitur praeclara sustentor.» («Меня поддерживаетъ моя чистая совѣсть.»)

Просьба.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Молитва Миріамъ Коэнъ» (1893 г.), въ которомъ тоже говорится о слабости человѣка (переводъ Сергѣя Степанова, приводится въ обработкѣ):

О Боже праведный, затми
Мятущійся нашъ взоръ,
Чтобъ безбоязненно мы шли
И въ огнь, и подъ топоръ.

Свои дѣянія отъ насъ
Надежно утаи,
Пусть мы поднять не сможемъ глазъ
На небеса Твои.

Пусть вѣчно раздѣляетъ насъ
Глухой завѣсой тьма,
Чтобъ Свѣтъ Твой, Боже нашъ, и Гласъ
Насъ не свели съ ума!

Слово «чту» означаетъ читаю.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА.

«Четыре страны» — имѣются въ виду Польская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Федеративная Республика Германіи и Франція.

«Два огромныхъ штыка» — скульптурная композиція меморіальнаго комплекса «Курганъ Славы» подъ Минскомъ состоитъ изъ четырехъ вертикальныхъ стелъ въ видѣ штыковъ, которые съ опредѣленнаго ракурса выглядятъ какъ два.

«Остріями стоящіе къ верху, а не накренясь» — то есть находящіеся въ мирномъ положеніи, а не наизготовку для атаки.

«Цѣлюсь подъ обрѣзъ» — использовано выраженіе «цѣлиться подъ обрѣзъ мишени».

«Брестъ» — контрольно-пропускной пунктъ на Совѣтско-Польской границѣ.

«Щелкнулъ» — то есть щелкнулъ затворомъ фотоаппарата, сфотографировалъ.

Х е р б а т к а (Польское *herbatka*) — чай.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Нѣтъ меня, я покинулъ Расею!..

Здѣсь умѣстно привести слова Гая Петронія Арбитра: «Si quis vitiorum omnium inimicus rectum iter vitae coepit insistere, primum propter morum differentiam odium habet; quis enim potest probare diversa?» («Врагъ порока, разъ и навсегда избравшій въ жизни прямой путь и такъ уклонившійся отъ нравовъ толпы, вызываетъ всеобщую ненависть — ибо ни одинъ не одобритъ того, кто на него не похожъ.»)

Незадолго до своей смерти Владиміръ Высоцкій сказалъ про эту пѣсню: «Написалъ я ее очень давно, когда былъ очередной всплескъ сплетенъ.»

Меня мама родила въ сахарной рубашкѣ...

Слово «сахарная» означаетъ «бѣлоснѣжная».

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я скачу позади на полслова...

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Я къ вамъ пишу.

Здѣсь вспоминается стихотвореніе Редьярда Киплинга «Я дѣлилъ съ вами хлѣбъ и соль...» (1885 г.) (переводъ Василія Бетаки, приводится въ обработкѣ):

Я дѣлилъ съ вами хлѣбъ и соль,
И вино, если было, пилъ.
Я съ каждымъ изъ васъ умиралъ въ его часъ,
Я съ вами одной жизнью жилъ.

Что осталось изъ вашей судьбы
Въ сторонѣ отъ жизни моей —
Хоть въ тяжкомъ трудѣ, хоть въ горькой бѣдѣ,
За волнами семи морей?

Я такъ нашу жизнь описалъ,
Что вышелъ веселымъ разсказъ;
Но мы съ вами знаемъ, что шутка плохая,
Смѣшного въ ней мало для насъ.

Владиміръ Высоцкій говорилъ, что если на одну чашу вѣсовъ бросить всю его дѣятельность въ ѳеатрѣ, въ кино и на радіо, и прибавить къ этому концерты, а на другую чашу помѣстить только работу по созданію пѣсенъ, то вторая чаша перевѣситъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Пѣсни другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій.

Рано утромъ проснешься...

Въ сей пѣснѣ, а также въ двухъ слѣдующихъ говорится о тѣхъ, кто страдаетъ за свои убѣжденія. А два человѣка, которые подарили намъ свободу, ѕмволизируютъ двухъ пророковъ изъ одиннадцатой главы Откровенія святаго Іоанна Богослова.

Варіантъ 7-го—8-го стиховъ:

И теперь на свободѣ
вы увидите насъ.

Такова ужъ воровская доля...

Авторъ перевода съ Грузинскаго языка неизвѣстенъ. Есть ранній переводъ сей пѣсни (исполняла Рита Коганъ, приводится варіантъ; возможна замѣна словъ «кои могутъ» на слова «что умѣютъ»):

Ахъ, какая доля воровская,
Счастья и свободы я не знаю.
Тѣнь рѣшетки слѣдуетъ за мною.
Я живу твоею лишь любовью.

Тѣнь рѣшетки слѣдуетъ за мною.
Я живу твоею лишь любовью.

Можетъ быть, родная, дверь темницы
Навсегда закроется за мною.
Но воронъ не ловятъ, только птицы,
Кои могутъ пѣть, живутъ въ неволѣ...
Но воронъ не ловятъ, только птицы,
Кои могутъ пѣть, живутъ въ неволѣ...

Пѣсня исполнена въ радіоспектаклѣ «Зеленый фургонъ» (1974 г.).

Таганка.
Варіантъ 1-го стиха:

На картахъ выпала дорога дальная,

Варіантъ 3-ей строфы:

А впрочемъ знаю я и безъ гаданія:
Рѣшетки толстыя мнѣ суждены...
И вновь по Пятницамъ идутъ свиданія,
И слезы капаютъ моей жены.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Письмо Сталину.
І о с и ф ъ А л е ш к о в с к і й является авторомъ нѣсколькихъ сценаріевъ къ дѣтскимъ фильмамъ.
При написаніи представленнаго текста использовано нѣсколько фольклорныхъ варіантовъ.

Солдатская пѣсня.
При написаніи представленнаго текста использованъ фольклорный варіантъ.

Нищая.
Переводъ съ Французскаго языка Дмитрія Ленскаго въ обработкѣ автора сей публикаціи, съ учетомъ варіанта Владиміра Высоцкаго.

Въ дорогѣ.
При написаніи представленнаго текста использованъ варіантъ Владиміра Высоцкаго.

Если я заболѣю.
Эпиграфомъ къ сей пѣснѣ могутъ служить слова Порфѵрія Иванова, миръ ему: «А смерти въ природѣ нѣтъ!»
При написаніи представленнаго текста использованы варіанты Юрія Визбора, Владиміра Высоцкаго и Вячеслава Мещерина.

Вѣтеръ.
Послѣдняя строфа перекликается со словами Порфѵрія Иванова, миръ ему, изъ его сказки «Дочь лѣсника»: «Если баба что́ задумаетъ, то ничто ее не свернетъ.»

Вотъ четверостишіе автора сей публикаціи (здѣсь подъ «женою» подразумѣвается женщина), которое освѣщаетъ данный вопросъ (сіе четверостишіе есть расширенное толкованіе словъ изъ суры «Корова» (аятъ 282): «**Въ качествѣ свидѣтелей призовите двухъ мужчинъ изъ вашего числа. Если не будетъ двухъ мужчинъ, то одного мужчину и двухъ женщинъ, которыхъ вы согласны признать свидѣтельницами, и если одна изъ нихъ ошибется, то другая напомнитъ ей.**»):

Коль жена замыслитъ
что-либо, — значитъ, будетъ
Выполнить стремиться —
умретъ, но не отступитъ.
Но не далъ бодливой
коровѣ Богъ рога:
Лишь отъ двухъ мы слышимъ
согласныя слова.

Представленный текстъ является варіантомъ Владиміра Высоцкаго.

Когда ярится океанъ...
Пѣсня исполнена въ фильмѣ «Сказъ про то, какъ царь Петръ арапа женилъ» (1976 г.).

Гори, гори, моя звѣзда...
Варіантъ Владиміра Высоцкаго отличается отъ представленнаго авторскаго текста Владиміра Чуевскаго.

На толчкѣ Одессы-града...
Варіанты стиховъ:

Варіантъ 3-го—4-го стиховъ:

Есть въ продажѣ все, что надо,
барахло и хламъ.

Варіанты 53-го—54-го стиховъ:

Образцовый
самогонный ресторанъ!

Это жъ просто
образцовый ресторанъ!

При написаніи представленнаго текста использованъ варіантъ Владиміра Высоцкаго.

Сиротка.
При написаніи представленнаго текста использованъ варіантъ Владиміра Высоцкаго.

Стихи и пѣсни о Владимірѣ Высоцкомъ.

О Володѣ Высоцкомъ.

Къ сему раздѣлу можетъ быть добавлено стихотвореніе Редьярда Киплинга «Во внѣшней, запретной для солнца тьмѣ...» (1892 г.) (переводъ Романа Дубровкина):

Во внѣшней, запретной для солнца тьмѣ, въ безsвѣздьи пустого эѳира,
Куда и комета не забредетъ, во мракѣ мерцая сиро,
Живутъ мореходы, титаны, борцы — создатели нашего міра.

Навѣкъ отъ людской гордыни мірской они отреклись, умирая:
Пируютъ въ Раю они съ Девятью Богинями щедраго края,
Свободны любить и славу трубить святому Властителю Рая.

Имъ право дано спускаться на дно, кипящее дно преисподней,
Гдѣ царь — Азраилъ, гдѣ sлость затаилъ шайтанъ противъ рати Господней,
На рыжей sвѣздѣ вольно имъ вездѣ летать серафимовъ свободнѣй.

Веселье земли они обрѣли, презрѣвъ ея норовъ исконный,
Имъ радостенъ трудъ, оконченный трудъ, и Божьи простые законы:
Соблазнъ сатанинскій освищетъ, смѣясь, въ томъ воинствѣ пѣшій и конный.

Всевышній нерѣдко спускается къ нимъ, Наставникъ счастливыхъ ремеселъ,
Повѣдать, гдѣ новый Онъ создалъ Эдемъ, гдѣ на небо sвѣзды забросилъ:
Стоятъ передъ Господомъ, и ни одинъ отъ страха не обезголоселъ.

Ни Страсть, ни Страданье, ни Алчность, ни Стыдъ ихъ не запятнаютъ вовѣки,
Въ сердцахъ человѣчьихъ читаютъ они, предъ славой боговъ — человѣки!
Къ нимъ братъ мой вчера поднялся съ одра, едва я закрылъ ему вѣки.

Бороться съ гордыней ему не пришлось: людей не встрѣчалось мнѣ кротчѣ.
Онъ дольнюю грязь стряхнулъ, покорясь Твоимъ веленіямъ, Отче!
Прошелъ во весь ростъ, увѣренъ и простъ, какимъ его вылепилъ Зодчій.

Изъ рукъ исполинскихъ онъ чашу пріялъ, заглавнаго мѣста достоинъ, —
За длиннымъ столомъ блистаетъ челомъ еще одинъ Праведникъ-Воинъ.
Свой трудъ завершивъ, онъ и Смерти въ глаза смотрѣлъ, безпредѣльно спокоенъ.

Во внѣшней, запретной для sвѣздъ вышинѣ, въ пустынѣ нѣмого эѳира,
Куда и комета не долетитъ, въ пространствахъ блуждая сиро,
Мой братъ возсѣдаетъ средь равныхъ ему и славитъ Владыку Міра.

Сія пѣсня посвящена Маринѣ Владиміровнѣ Поляковой (Маринѣ Влади).

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Памяти Владиміра Высоцкаго.

А л е ѯ а н д р ъ Г о р о д н и ц к і й — поэтъ и исполнитель своихъ пѣсенъ, одинъ изъ основоположниковъ жанра авторской пѣсни, а также геологъ и океанографъ.

Представленный текстъ является варіантомъ Владиміра Высоцкаго.

Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ моемъ...

Никита Высоцкій — первый сынъ Владиміра Высоцкаго отъ его второй жены Людмилы Абрамовой.

При написаніи представленнаго текста использованы доступные въ Интернетѣ варіанты стихотворенія.

Погибъ поэтъ! — невольникъ чести...

Слова «Погибъ поэтъ! — невольникъ чести...» взяты изъ стихотворенія Михаила Лермонтова «Смерть поэта» (1837 г.).

Вотъ заключительная часть сего стихотворенія (первый стихъ измѣненъ):

О вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, Генія и Славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!..
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата!
Есть грозный судъ: онъ ждетъ;
Онъ не доступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ наперед.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ слословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

На девятый день послѣ похоронъ.

Всеволодъ Абдуловъ — другъ Владиміра Высоцкаго, актеръ ѳеатра и кино.

Жилъ поэтъ среди насъ...

Игорь Кохановскій — другъ Владиміра Высоцкаго, поэтъ.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Больше не встрѣчу.

Сія пѣсня посвящена Владиміру Высоцкому.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Письмо.

Юрій Визборъ — поэтъ и исполнитель своихъ пѣсенъ, актеръ ѳеатра и кино.

«Откроетъ печь Тургеневъ чугунной кочергой...» — Иванъ Тургеневъ былъ однимъ изъ любимыхъ писателей Эрнеста Хемингуэя.

Представленный текстъ отличается отъ оригинальнаго.

Commentaries.

Foreword.

Commentaries reflect cases of the significant changes in the presented texts of poems and songs by Vladimir Vysotsky and, as a rule, cases of the changes in the presented texts of works by other authors, save unknown ones.

About the deterioration of the Russian language, following the orthographic reforms, were written in detail by Alexander Polovinkin in the article "Changing the Language Is a Catastrophe for Nation" (2009), by Valentin Asmus in "A Brief Guide to the Old Russian Orthography" (1999), and also by other authors, whose works are presented in "A Collection of Articles about Russian National Spelling" (2006).

Here are several good dictionaries for those who learn Russian: "Dictionary of Church Slavonic and Russian" compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences (1847), "The Complete Church Slavonic Dictionary" compiled by Gregory Dyachenko (1898), and "Dictionary of the Russian Bookish and Spoken Language on the Basis of Old Written Records" compiled by Izmail Sreznevsky (1893—1912).

Most of the translations of other authors used when working on this publication were taken from the site "Vladimir Vysotsky in Different Tongues".

Poems and Songs of Vladimir Vysotsky.

THE HILL.

The Alarm Bell.

This poem seems to be written in the present day; and the bell ringer shown in symbolizes the poet himself. In the original text, there are four additional stanzas, and the last of them gives the hope of happy ending.

A Song about the New Time.

When writing this commentary and a number of other ones, there were used commentaries from the collected works in four volumes "Vladimir Vysotsky", published in Saint Petersburg in 1993, commentaries from the collected works in eleven volumes "Vladimir Vysotsky", published in Saint Petersburg in 2012, and commentaries from the site "Vladimir Vysotsky in Different Tongues".

The song was written in 1966, its fragments were used in the films "War Under the Roofs" (1967) and "Brief Encounters" (1967).

Our Sons Go to the Battle.

The song was written in 1969, performed in the film "Our Sons Go to the Battle" (1969).

He Was Shot in the Fighting.

Here comes to mind Rasul Gamzatov's song "The Cranes" (1968) (this text is adapted from Marc Almond, David Bennett and Anonymous' translations):

Sometimes it seems to me that our soldiers,
Who came not home from bloody battle plains,
Instead of coming down into the cold ground,
Have taken the form of beautiful white cranes.

Till our very time from those remote days,
They fly above, and reaches us their cry.

Is it for this we, growing silent, often
Gaze melancholy up into the sky?

I'm watching a crane wedge on expedition,
As it flies through a haze toward the dawn.
In this formation, there's a free position,
Which, maybe, will be my one, when I'm gone.

One day through such a haze I'll, too, be flying,
I'll enter a crane wedge on my rebirth,
And, from above, with crane trump I'll be crying
To all of you I left upon the earth.

Sometimes it seems to me that our soldiers,
Who came not home from bloody battle plains,
Instead of coming down into the cold ground,
Have taken the form of beautiful white cranes.

"Our dead men haven't passed over, and light up our way, they'll for ever be our faithful sentinels," wrote Vladimir Vysotsky, and it is really so. The author of this publication has been visited many times in his dreams by his friends who have already left this world—they have shown him the right way, informed about a favorable outcome of important matters in the future, confirmed his rightness, or simply said goodbye.

The song was performed in the films "Our Sons Go to the Battle" (1969) and "The 'Mercedes' Leaves the Chase" (1980).

The presented text is adapted from Sergey Roy and Alec Vagapov's translations.

The German Combatants.

This song also narrates about the Ukrainian neo-nazis. It was performed in the play of the Taganka Theater "The Killed and the Living".

They stirred up the preadamite evil...

Here is stanza 1:

They stirred up in its den the preadamite evil,
For to force it to take a new trip to the East.
And the bear got up, and advanced along its
Well-trodden road—a savage and pitiless beast.

After the victory in Ukraine of the so-called revolution of dignity, the Ukrainian neo-nazis, being supported by the entire Western world, follow the path of their predecessors.

Here comes to mind Alexander Pushkin's poem "To the Defamers of Rossia" (1831) (this text is adapted from Vyacheslav Chetin's translation):

What's that you're trumpeting about, calumniators?
How dare you put forth your intense denunciations?
What has enraged you? Lithuanian unease?
Forget it: this is Slavic beef among their kindred,
Domestic ancient squabble, fate has long since figured,
A puzzle that you haven't whatever chance to read.

These here contiguous tribes already
Have long been feuding up to now;
Each party, be it ours or theirs,
Bent under gathering storm clouds.
Who'll stand the ground when odds are heavy:
Conceited Lech, or faithful Ross?
The question is if Slavic floods will ever
Blend in the Russian sea or it'll run low.

Leave us alone: you're unacquainted
With suchlike bloody sacred tablets;
This family, domestic feud
Is alien, recondite to you;
For all you care, Prague or Kremlin;
Instead, you're foolishly entranced
By daring courage of a melee—
And, frankly, you are hating us...

Why? On the grounds that, on the ashes
Of blazing Moscow, we refused
To buy the power of the brash, who
You trembled underneath, subdued?
Respond: because we sent the idol,
Who'd been predominating kingdoms, to abyss,
Thus having paid with our lifeblood
For Europe's freedom, state and peace?..

To hear you talk, you're tough; then test yourselves in action!
As if an aged hero, calm in relaxation,
Can't fix his Ismailian bayonet to a gun;
As if the word of Russian Tsar is but a trinket
Or brawls with Europe any different
Or Russians out of form to overcome.
As if we're few; as if from Taurida to Perm reels,
From ardent Caucasus to Finnish chilly skerries,
From Kremlin, shaken to the core,
Up to the walls of quiescent China
The Russian soil will never rise up
And scintillate with her steel thorns.
Then send your bellicose descendants,
Defamers, over to our place!
There's room enow, in Russian grasslands,
Among not alien to them graves.

The song was written in 1966, modified in 1976.

Throw your blues as a cantaloupe rind!..

There is a poem, which harmonizes with this song and can supplement it, this is written by the veteran of hostilities of our time Igor Girkin "O war! what thou know'st about, comrade?.." (1992):

O war! what thou know'st about, comrade?
How cruel the soldiers' fate is!
Heard thou how called death thy old crony,
With whom thou'st a pood of salt eaten?

How speedily pillagers go for
To get hold of other people's things,
How overlarge can be dishonor,
When there haps the failure to win.

Both cows and old women are lying
There in the gray ash on the ground,
And one can't hear even the cock's crying,
But flies are who live in this town.

How bullets and shells scream, how horrible,
Before thy dead fellow, thy fault...
And it seems that all's to no profit,
And there are "before war" and "war"...

Igor Girkin is known for the events of the Russian Spring as Igor Strelkov. Under this name, it was published his fairy tales "The Good and Bright Tale of Princess-Doe" (2011), "Tales about the Brownies" (2012) и "Tales of the Enchanted Castle" (2013).

Another close in spirit poem is Rasul Gamzatov's "There was a lad, who once lived in our village..." (1964) (translated by Louis Zellikoff):

There was a lad, who once lived in our village,
He had a youthful bride with raven hair,
That self-same year when she and he turned twenty
Came war, and tore him from his bride so fair.

The hero's bride is now a hero's widow.
Her hair is gray, her eyes have lost their fire;
Their son, who bears his father's name so precious,
Today is older than his fallen sire.

Here also comes to mind Robert Rozhdestvensky's song "For that Young Fellow" (1976).
The song was written for the film "One of Us" (1970).

We're Turning the Earth.
The song was written in 1972, performed in the play of the Taganka Theater "Fasten seat belts" (1975).

The Hill.
There are the six main messengers of God to mankind highlighted in the Holy Qur'an—the Prophets Adam, Noah, Abraham and Moses, Jesus Christ, and the Holy Prophet Muhammad, peace be upon them all. The seventh main messenger is Porphyry Ivanov, peace be upon him, whose appearance is similar to the appearance of One who is like to a son of man on the allegorical picture drawn in the Revelation to Saint John (these seven messengers, by all appearances, are the seven lamps of fire burning mentioned there). And the eighth main messenger is the awaited Mahdi (that is the guided one), who will fill the earth with fairness and justice—and for the eighth time, as the song

says, we shall conquer the hill for ever (we have conquered and left it seven times).

These messengers are also symbolized by the colonists of Lincoln Island, whose adventures were narrated by Jules Verne in the novel "The Mysterious Island" (1875)—at first there were also six of them. The repentant former robber from the neighboring island Tom Ayrton, who joined them later, symbolizes the God of the Earth, and the captain of the ship "Duncan" Robert Grant, who rescued the colonists, symbolizes the Mahdi. The master of Lincoln Island, Captain Nemo, symbolizes the Lord God himself. The death of Captain Nemo, the destruction of the island and the miraculous rescue of the colonists mean hard (or, in other words, the last) times, allowed to punish those who transgress God's laws, and the salvation of those who believed God's messengers and followed them.

The number of members of the Polynesian expedition of Thor Heyerdahl (1947), narrated by him in the book "The Kon-Tiki Expedition" (1948), was also six, and the decisive assistance to their daring enterprise was provided by the President of Peru and, by his order, the naval minister of this country.

The song was written in 1965, its part was used in the film "I Came from Childhood" (1966).

Condemned to Life.

Here comes to mind Rudyard Kipling's poem "The Captive" (1904):

> Not with an outcry to Allah nor any complaining
> He answered his name at the muster and stood to the chaining.
> When the twin anklets were nipped on the leg-bars that held them,
> He brotherly greeted the armourers stooping to weld them.
> Ere the sad dust of the marshalled feet of the chain-gang swallowed him,
> Observing him nobly at ease, I alighted and followed him.
> Thus we had speech by the way, but not touching his sorrow—
> Rather his red Yesterday and his regal To-morrow,
> Wherein he statelily moved to the clink of his chains unregarded,
> Nowise abashed but contented to drink of the potion awarded.
> Saluting aloofly his Fate, he made haste with his story,
> And the words of his mouth were as slaves spreading carpets of glory
> Embroidered with names of the Djinns—a miraculous weaving—
> But the cool and perspicuous eye overbore unbelieving.
> So I submitted myself to the limits of rapture—
> Bound by this man we had bound, amid captives his capture—
> Till he returned me to earth and the visions departed.
> But on him be the Peace and the Blessing; for he was greathearted!

The song was written in 1973, performed in the film "The Only Road" (1974), where the Germans wanted to use captured Russian chauffeurs chained in the cabs of gasoline tankers for delivering fuel to the tank fleet in Germany.

A Song about the End of the War.

The song was written in 1977, offered for the films "The Meeting Place Cannot Be Changed" (1979) and "The 'Mercedes' Leaves the Chase" (1980).

A Song about the Earth.

The song was performed in the film "Our Sons Go to the Battle" (1969).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

Hunting for Wild Boars.

There is Igor Girkin's poem "At present I've been through with battles...", which harmonizes with this song (1993).

The song was written in 1969, it is about what we get after a war.

Wounds disturb us very seldom...

The poem was written in 1966.

Now cannons disturb not the silence...

The song was written in 1968, performed by Yury Kamornyj in the film "Quarantine" (1968).

A Song about the Neutral Zone.

"...it's opened our frontier with Turkey just like the Kremlin gate..." — in 1955, a part of the territory of the Moscow Kremlin was opened to the Soviet citizens.

The first line is the literal translation of this line from a version of this song in the manuscript (Turkestan was one of the Soviet republics).

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya's translation.

THE HEAVENLY AIRFIELD.

A Song about the Fallen Friend.

To this section, it can be added Harold Adamson's song "Coming In on a Wing and a Prayer" (1943):

One of our planes was missing, two hours over due.
One of our planes was missing, with all its gallant crew.
The radio sets were humming, they waited for a word;
Then a voice broke thru the humming and this is what they heard:

"Comin' in on a wing and a pray'r.
Comin' in on a wing and a pray'r.
Tho' there's one motor gone, we can still carry on,
Comin' in on a wing and a pray'r.

"What a show, what a fight,
Yes, we really hit our target for tonight!

"How we sing as we limp thru the air,
Look below, there's our field over there.
With our full crew aboard and our trust in the Lord
We're comin' in on a wing and a pray'r."

"How we sing as we limp thru the air,
Look below, there's our field over there.
With our full crew aboard and our trust in the Lord
We're comin' in on a wing and a pray'r."

This song is one of those songs where Vladimir Vysotsky wrote about the Last Judgment, three final lines, to all appearances, relate to the Mahdi.

N i k o l a y S k o m o r o k h o v was an air marshal, a twice Hero of the Soviet Union. In the war, he was a fighter pilot, in individual hunting he found and destroyed a plane that shot down his combat friend Nikolay Gorbunov.

The literal translation of the fifth line of the seventh stanza is "under [the supervision of] God we were flying".

The song was performed by an anonymous artist in the play of the Yermolova Theater "Stars for the Lieutenant".

The presented text is adapted from George Tokarev and Tamara Vardomskaya's translations.

TWO SONGS ABOUT THE AIR COMBAT.

"The Song of the Fighter Pilot" calls to mind what is written in the eleventh chapter of the Revelation to Saint John.

This song was performed by an anonymous artist in the play "Stars for the Lieutenant" in the Yermolova Theater and in the Memorial Lenin Komsomol Theater.

There is another good song about two pilots, it is Robert Rozhdestvensky's "The Very Large Heaven" (1967) (this text is partly inspired by Ludmila Purgina's translation):

This story, dear comrades, cannot be forgotten:
There served two close fellows in one fighter squadron.
And they'd always had in the service and hearts
The very large heaven, the very large heaven,
The very large heaven — one for both these ones.

Their friendship was lasting in gladness and grief,
When flying, they could touch the stars if they'd wish.
But came misadventure as tears to eyes:
The motor did break down, the motor did break down,
The motor did break down in one of their flights...

They could save their souls if they'd use parachutes,
But then, to the town, the waste plane would fall true.
Where it'd make its path, there would no living trace,
And thousands of people, and thousands of people,
And thousands of people would die in this case.

One after the other dart quarters below,
We must reach the forest, the fellows have solved.
We'll carry the death from the town far away.
And let we'll be lost then, and let we'll be lost then,
And let we'll be lost then — the town will be saved.

The strong bird of iron rushed down to the earth,
And for miles around the explosion was heard...
With time, not too short, glades would turn green again.
The town thought about that, the town thought about that,
The town thought about that: it was a war game.

'Midst silence they've lain in the grave since that time,
The excellent fatherland's excellent guys.

Benignantly looks at them, full of the stars,
The very large heaven, the very large heaven,
The very large heaven — one for both these ones.

A version of line 45 of "The Song of the Fighter Plane":

He's killed! I'm happy, I may fly free!

The text of "The Song of the Fighter Plane" is partly adapted from George Tokarev's translation.

I measured in a count-down manner...

It is pertinent to recall here that Porphyry Ivanov, peace be upon him, accompanied, in spirit, Yury Gagarin during his flight, and sent him a letter, where he asked of him to tell people whom he had seen in space. Yury Gagarin did it only once, and after that he was prohibited from telling about this fact.

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

SERVING THE ELEMENTS.

A Hymn to the Sea and the Mountains.

Here comes to mind Rudyard Kipling's poem "The Sea and the Hills" (1902):

Who hath desired the Sea? — the sight of salt water unbounded —
The heave and the halt and the hurl and the crash of the comber wind-hounded?
The sleek-barrelled swell before storm, grey, foamless, enormous, and growing
Stark calm on the lap of the Line or the crazy-eyed hurricane blowing —
His Sea in no showing the same — his Sea and the same 'neath each showing:
His Sea as she slackens or thrills?
So and no otherwise — so and no otherwise — hillmen desire their Hills!

Who hath desired the Sea? — the immense and contemptuous surges?
The shudder, the stumble, the swerve, as the star-stabbing bowsprit emerges?
The orderly clouds of the Trades, the ridged, roaring sapphire thereunder —
Unheralded cliff-haunting flaws and the headsail's low-volleying thunder —
His Sea in no wonder the same — his Sea and the same through each wonder:
His Sea as she rages or stills?
So and no otherwise — so and no otherwise — hillmen desire their Hills.

Who hath desired the Sea? Her menaces swift as her mercies?
The in-rolling walls of the fog and the silver-winged breeze that disperses?
The unstable mined berg going South and the calvings and groans that declare it —
White water half-guessed overside and the moon breaking timely to bare it —
His Sea as his fathers have dared — his Sea as his children shall dare it:
His Sea as she serves him or kills?
So and no otherwise — so and no otherwise — hillmen desire their Hills.

Who hath desired the Sea? Her excellent loneliness rather
Than forecourts of kings, and her outermost pits than the streets where men gather
Inland, among dust, under trees — inland where the slayer may slay him —

Inland, out of reach of her arms, and the bosom whereon he must lay him—
His Sea from the first that betrayed—at the last that shall never betray him:
His Sea that his being fulfils?
So and no otherwise—so and no otherwise—hillmen desire their Hills.

The hymn was written in 1976, performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

The Mist.

Here is stanza 1:

There are numerous marvels after this mist's bewilderment:
It's not easy to come, fall in with them and take.
There were the two tries, but the Lord loves the Trinity—
Shame will be upon us if we turn back again.

The two tries mean Judaism and Christianity, and the third one is Islam—the divine way, as it was said about by Porphyry Ivanov, peace be upon him, through whom the best religion was again offered to all the nations, as it was promised by the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him, saying, "The religion began strange, and it will become strange again just like it was at the beginning, so blessed are the strangers who restore what the people corrupt of my Sunnah." (Sunan al-Tirmidhi, hadith 2630.)

"The Lord loves the Trinity" is a paraphrase of the Russian proverb "God loves the Trinity".

The song was written in 1968 for the film "Taiga's Master" (1968), offered for the film "My Papa is a Captain" (1969).

The Black Gold.

Another title of this song is "The March of the Miners".

The song was written in 1970 for the film "Anthracite" (1971).

The White Silence.

There is Stanislav Slutsker's song "Blow the Very Cold Winds", which has much in common with this one.

The song was written for the film "The Sannikov Land" (1973), where the researchers set out to find the legendary warm land behind the Polar circle, performed in the film "72 degrees below zero" (1976).

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya, Sergey Roy and George Tokarev's translations.

To My Friends.

The words "I'm agreed that everybody is an island..." are an allusion to John Donne's words: "No man is an *Iland*, intire of it selfe; every man is a peece of the *Continent*, a part of the *maine*; if a *Clod* bee washed away by the *Sea*, *Europe* is the lesse, as well as if a *Promontorie* were, as well as if a *Mannor* of thy *friends* or of *thine owne* were; any mans *death* diminishes *me*, because I am involved in *Mankinde*; And therefore never send to know for whom the *bell* tolls; It tolls for *thee*."

The song was written for the film "The Sea Gates" (1974).

Man Overboard.

A n a t o l y G a r a g u l y a was a friend of Vladimir Vysotsky, the captain of the ship "Georgia", on which he made a honeymoon trip with Marina Vladi.

The song was performed by Igor Kvasha in the play of the Sovremennik Theater "One's Own Island" (1971).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

For long years, this day was awaited...

This song narrates about the way to unearthly marvels, and the torches, which are burning in the land of our dreams, symbolize the four major religions of the world—Islam, Christianity, Judaism and Buddhism.

Their founders are symbolized by the four living creatures on the allegorical picture drawn in the Revelation to Saint John. The four and twenty elders are Saint John the Forerunner, the twelve Apostles and the eleven Imams. The Lamb is the awaited messenger, that is the Mahdi, the twelfth Imam, and he, whose appearance is similar to the appearance of One who is like to a son of man, is Porphyry Ivanov, that is the God of the Earth, peace be upon them all. And with the second prophet from the two prophets mentioned in the eleven chapter of this book (the Mahdi symbolizes the first one), they are the thirty armored knights with their sea tutor (he symbolizes the God of the Earth) Alexander Pushkin wrote of in the prologue to the poem "Ruslan and Ludmila" (1822) (it is presented in the commentary to the song "There are no more green oak trees..."). And with the Prophets Adam, Noah and Abraham, peace be upon them, they are the thirty-three stalwart knights with their tutor Chernomor from Alexander Pushkin's other work—"The Tale of Tsar Saltan" (1831).

And Allah, glorious and exalted is He, knows better.

The song was written in 1976, performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

In the beginning was the Word...

This song is one of those songs where Vladimir Vysotsky wrote about the awaiting us Judgment.

The song was performed by Vladimir Vysotsky and Nina Shatskaya in the film "Contraband" (1974).

This night the sea cannot relax...

This song is one of those songs where Vladimir Vysotsky wrote about the awaiting us Judgment. As the epigraph to it, there can be used Alexander Pushkin's quatrain "On the Death of Pompeii" (1834).

A l e x a n d e r G a li c h was a poet, a screenwriter, a playwright and a singer of his songs. He was forced to emigrate from the Soviet Union and died in Paris.

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya, Sergey Roy and George Tokarev's translations.

A Pirate Song.

This song reflects the events to come described in the eleventh chapter of the Revelation to Saint John. The two scoundrels symbolize the two prophets. The captain symbolizes the Almighty Allah, glorious and exalted is He, and the fact that he has thrown overboard the last booty corresponds to the words of Jesus Christ, peace be upon him, saying, ***"Every plant which my heavenly Father planted not, shall be rooted up."*** (The Gospel According to Saint Matthew, chapter 15, verse 13.) The pirates symbolize mankind, and this comparison corresponds to the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, that we have chosen a wrong path of life. And the two leaders who are not afraid of anything are the "democrats" and the Zionists, but it can also be two men.

It is pertinent to recall here Bulat Okudzhava's "A Pirate Lyrical Song" (1979).

The quotes from the Holy Bible given in this publication are taken from the Revised Version of the Holy Bible.

A Corsair.

It is pertinent to quote here Quintus Horatius Flaccus' words: "Nil desperandum." ("Nothing should be despaired of.")

A translation version of the song:

For seven years our corsair sailed the seas,
And our banner hasn't lost its colors.
We've learned to fix the clipper sails in storm or breeze,
And plug with our bodies cracks and holes.

We've met a squadron, and it's firmly chasing us.
The sea is calm, the wind is intervening.
But our captain said to us without fuss,
"It isn't evening yet, it isn't evening!"

The flagship frigate took in sails and made a turn,
Her starboard portholes started spitting fire.
We're gunning back, and our balls have smashed her stern!
We hear shrieks of anguish, loud and dire!
We've been through worse, and our fortune is still in;
But there is no wind, and holds are leaking.
Yet our captain shouts above the hellish din,
"It isn't evening yet, it isn't evening!"

Through mighty telescopes a hundred glaring eyes
Spy how we endure these deadly rallies;
But no one will ever view us in the guise
Of slaves chained up to oars in navy galleys!
They outnumber us, soon our ship may sink.
Save our souls! Make the chances even!
But our captain doesn't ever even blink!
"It isn't evening yet, it isn't evening!"

He who is merry, who is brave, who isn't heel,
Prepare your blades and handguns for infighting!
We'll let the rats take leave—it isn't a big deal,
They're but a hindrance in the mortal fighting!
The rats were praying doing jumping overboard,
"God rescue us from bullets, balls and skinning!"
While we were nearing the frigate board by board—
It isn't evening yet, it isn't evening!

Knife knifing knife, face facing face, eye eyeing eye!
Lest we be cut with crabs or lobsters' nippers,
Some in a rage, some in a fury, some in cry,
We were departing our sinking clipper.
But our ship won't go down in the end—
The sea will keep her, she'll prevent her sinking.
Because the sea is our ever-loyal friend,
And it's quite so that it isn't evening!

Because the sea is our ever-loyal friend,
And it's quite so that it isn't evening!

Yury Lyubimov was the director of the Taganka Theater, where Vladimir Vysotsky worked.

The song was written for the film "My Papa is a Captain" (1969).

The presented texts—main translation and translation version—are adapted from Thomas Beavitt, Stas and Margaret Porokhnya, Dmitry Sivan and George Tokarev's translations.

A Farewell.
The song was performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

The Storm.
There is Stanislav Slutsker's song "The Russian Columbuses", which has much in common with this one.
Here also comes to mind Sergey Yanaev's song "Now we hear not the sound of the sea..."
And it is pertinent to recall here the sailor song "The Naval Macaroni".
It is also pertinent to recall here the sailor song "The Old-Timers Go Home":

He who was bound to ingest
The foam and spray of the seas,
Who, on his sailor striped vest,
Has washed off all of its strips,
Had a good cry, as a rule,
At night, when no one could spot,
When the old-timers for good
Set off for home from his boat.

Now the old-timers go home — for all times, for all times,
They're waited for by their kin,
And we, without them, shall go — far away, far away —
Tomorrow o'er the blue sea.

Last night we drank to their health,
The health of these trusty boys,
And we were glad to give them
The goods we had of their choice.
The sky is strewn with bright stars,
The sea sings her magic song...
The boys make haste to their towns,
No one will ever return.

Now the old-timers go home — for all times, for all times,
They're waited for by their kin,
And we, without them, shall go — far away, far away —
Tomorrow o'er the blue sea.

Among their kin, kids and wives,
Far from the turbulent seas,
The boys will lead a calm life
They've hankered after for years.
But, in their mind, it will float
How, by the capt'n, they were seen,
And how, without them, their boat,
For a new trip, left the pier.

Now the old-timers go home — for all times, for all times,
They're waited for by their kin,

And we, without them, shall go — far away, far away —
Tomorrow o'er the blue sea.

Now the old-timers go home — for all times, for all times,
They're waited for by their kin,
And we, without them, shall go — far away, far away —
Tomorrow o'er the blue sea.

He who was bound to ingest
The foam and spray of the seas,
Who, on his sailor striped vest,
Has washed off all of its strips,
Had a good cry, as a rule,
At night, when no one could spot,
When the old-timers for good
Set off for home from his boat.

The old-timers leave the boats to the sounds of the "Farewell of Slavianka" march, and there is a good song about this march, which is sung to its tune.

And, of course, this song calls to mind the old sailor saying "Navigare necesse est" ("It is necessary to sail").

The song was performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

Become a Seaman.

There is Stanislav Slutsker's song "Albatrosses", which has much in common with this one.

And, of course, here comes to mind Valery Belozerov's poem "The Ship" (1958).

Here also comes to mind the sailor song "The Beginners":

Mirthful waves dance on the scope,
Try to reach the tired seamen.
With the old salts, till the ocean
The beginners, the beginners.
With the old salts, till the ocean
The beginners, the beginners.

While behind the heavy tempests,
In a distant land somewhere,
Their dear captains there wait for
The fair lasses with forbearance.
Their dear captains there wait for
The fair lasses with forbearance.

Don't you hasten to fall in love with,
O lads on the dry land living,
These fair lasses' dreams are but with
The beginners, the beginners.
These fair lasses' dreams are but with
The beginners, the beginners.

They'll come back to their own harbor
As for gladness as for woe—
One won't able to look around
Or they have to put to ocean.
One won't able to look around
Or they have to put to ocean.

What's the reason, O you sea souls,
For your wish to go from here?
Such a question is simple odd for
The beginners, the beginners.
Such a question is simple odd for
The beginners, the beginners.

Mirthful waves dance on the scope,
Try to reach the tired seamen.
With the old salts, till the ocean
The beginners, the beginners.
With the old salts, till the ocean
The beginners, the beginners.

The song was written in 1976, performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

We mind not the weather...

Here comes to mind the sailor song "The Beginners" cited in the commentary to the previous song.

The song was written in 1966, performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

We put out to ocean...

The original title of this song is "Save Our Souls!"

The song has much in common with the sailor song "The Submarine", and there is a music video on the tragedy of "Kursk" to it.

And if we talk about "Kursk", it is necessary to recall the song of the same name by the veteran of the submarine fleet Stanislav Slutsker, dedicated to her crew.

Since this song was written, the attitude of the state authorities towards the people has not changed—even after the outbreak of war with the united forces of the West. The final part of the song has much in common with the words of Ivan Otrakovsky, the head of the Army of Defenders of the Fatherland (mentioned in the commentary to the song "The obstacles we have are begotten by our age..."): "Is it possible to win if a group of enemy agents is in the highest echelons of power? And the rest, who are in power and on our side, realize it, but keep silent, playing a giveaway game. What will it come down to, defeat? My favorite saying is: as long as the jackals command the lions, defeat is inevitable. Do you hear that? Inevitable! Therefore, it is necessary to wage a liberation struggle. And first of all on the political field! And for this purpose it is necessary to wake up the Nation, robbed, beaten and powerless, reminding her about her national pride, national self-consciousness. About her right to freedom, labor, [her right] to solve state affairs through the people's power, [her right] to the subsoil stolen from her, to the right ideology of Service! And, finally, about the right to our Homeland, which has been taken away from us!"

Stanislav Slutsker also wrote the song "The Steel Fellows" (2006), which is dedicated to Andrey Baburov.

Another close in spirit song is Alexander Gorodnitsky's "The Submariners' Song" (1966).

There is also Alexander Zharov's song about the submariners, it is "A Good-Looking Girl" (1985).

Another good song is Sergey Grebennikov's "The Tired Submarine" (1963 г.).

Yury Vizbor also wrote a quite good song titled "A Song on the Submariners" (1970).

The words "to protect our honor and the planet aflame" are an allusion to Rudyard Kipling's words from "The Canadian Memorial".

The song was written for the film "The Different Opinion" (1967), performed in the play of the Taganka Theater "A House on the Embankment".

A Ballad of the Abandoned Ship.

To all appearances, this ballad supplements the poems and songs of the section "There Was Once a Man".

There is a close in spirit song by Vladimir Vysotsky, it is "I've gotten into a scrape, now I can't leave the earth..." (1971).

The ballad was written for the film "The Sannikov Land" (1973).

The presented text is adapted from Sergey Roy and George Tokarev's translations.

The aborigines ate Captain Cook...

The song was written in 1971, performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

A Farewell to the Mountains.

There is Yury Vizbor's song "Fann Mountains" (1976), which has much in common with this one.

The song was performed in the film "Vertical" (1967).

The presented text is adapted from Yevgeny Sokolovsky and Alec Vagapov's translations.

In the Mountains.

There is Yury Vizbor's "The Alpinists' Song" (1967), which has much in common with this one.

The song was performed in the film "Vertical" (1967).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

A Day.

Here can be drawn a parallel with Alexander Pushkin's poem "The Prophet" (1826).

Another title of this song is "A Mountain Lyric Song".

The song was written for the film "The White Explosion" (1969), its sea version was performed in the film "The Wind of Hope" (1978).

The presented text is adapted from Andrey Kneller, George Tokarev and Alec Vagapov's translations.

A BALLAD OF TIME.

A Ballad of Time.

One of the poems, which can be added to this section, is Alexander Pushkin's "The Cart of Life" (1823).

Another close in spirit poem, which can be added here, is Rudyard Kipling's "Cities and Thrones and Powers..." (1906):

Cities and Thrones and Powers
Stand in Time's eye,
Almost as long as flowers,
Which daily die:
But, as new buds put forth
To glad new men,
Out of the spent and unconsidered Earth,
The Cities rise again.

This season's Daffodil,
She never hears
What change, what chance, what chill,
Cut down last year's;
But with bold countenance,
And knowledge small,
Esteems her seven days' continuance
To be perpetual.

So Time that is o'er-kind
To all that be,
Ordains us e'en as blind,
As bold as she:
That in our very death,
And burial sure,
Shadow to shadow, well persuaded, saith,
"See how our works endure!"

Here can also be added Robert Louis Stevenson's quatrain "Hail, guest, and enter freely!" (this text is a version):

Hail, guest, and enter freely! All you see
Is, for your momentary visit, yours; and we,
Saluting you, are but the same guests here,
Who also know not when God calls them to Him.

The ballad was written for the film "The Arrows of Robin Hood" (1975).

Vladimir Vysotsky wrote for this film six ballads, they were included in the final "director" version, but refused due to the recommendation by the State Committee for Cinematography. In 1982, four of these ballads — "A Ballad of Time", "A Ballad of the Children of Books" ("A Ballad of Fighting"), "A Ballad of the Free Archers" and "A Ballad of Love" — were used in the film "The Ballad of the Valiant Knight Ivanhoe". In 1997, the film "The Arrows of Robin Hood" was shown, and then put on the market in the "director" version.

The presented text is adapted from Oleg Roderik, Sergey Roy, Pavlo Shostak and Alec Vagapov's translations.

A Song about Hurt Time.

This song was written in 1973, performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976) based on Lewis Carroll's story "Alice's Adventures in Wonderland" (1865).

Here comes to mind David Bates' poem "Speak Gently" (1849) used in that story:

Speak gently! — It is better far
To rule by love, than fear —
Speak gently — let not harsh words mar
The good we might do here!

Speak gently! — Love doth whisper low
The vows that true hearts bind;
And gently Friendship's accents flow;
Affection's voice is kind.

Speak gently to the little child!
Its love be sure to gain;
Teach it in accents soft and mild:—
It may not long remain.

Speak gently to the young, for they
Will have enough to bear—
Pass through this life as best they may,
'T is full of anxious care!

Speak gently to the aged one,
Grieve not the care-worn heart;
The sands of life are nearly run,
Let such in peace depart!

Speak gently, kindly, to the poor;
Let no harsh tone be heard;
They have enough they must endure,
Without an unkind word!

Speak gently to the erring—know,
They may have toiled in vain;
Perchance unkindness made them so;
Oh, win them back again!

Speak gently!—He who gave his life
To bend man's stubborn will,
When elements were in fierce strife,
Said to them, 'Peace, be still.'

Speak gently!—'t is a little thing
Dropped in the heart's deep well;
The good, the joy, which it may bring,
Eternity shall tell.

We've gotten but a twinkling...

This poem calls to mind Lucius Annaeus Seneca's words: "Magno aestimamus, mori tardius." ("We think it is important to die a little later.") It is also pertinent to quote here his other saying: "Quomodo fabula, sic vita: non quam diu, sed quam bene acta sit, refert." ("Life is like a play: it is not the length, but the excellence of the acting that matters.")

There's no reason in making time...

It is pertinent to quote here Quintus Horatius Flaccus' words: "Vive memor, quam sis aevi brevis." ("Live mindful how you are short of eternity.")

The clock is ticking quietly...

This poem calls to mind the words of the surah "The Spider" (ayah 64): ***"And this life of the world is only an amusement and a play! Verily, the home of the Hereafter—that is the life indeed, if they but knew."***

The quotes from the Holy Qur'an given in this publication are taken from Abdullah Yusuf Ali's translation, Muhammad Taqi-ud-Deen al-Hilali and Muhammad Muhsin Khan's translation (the modern English language is turned into the traditional one) and Tafseer Ibn Kathir.

The presented text is taken from the poem "I'm mixing but with silence..." (1980).

A BALLAD OF FIGHTING.

The Dark.

The song was written for the film "Our Sons Go to the Battle" (1969).

The presented text is adapted from Pavlo Shostak's translation.

The Famous Regiment.

The regiment commander in this song symbolizes the awaited messenger, and the trumpeter is the poet himself. And the last stanza says not about the defeat of the famous regiment, which symbolizes the Muslim Ummah, but about the last days, when the people turn away from the Face of Allah, glorious and exalted is He.

And it is pertinent to recall here Publius Ovidius Naso's words: "Medio tutissimus ibis." ("You will go safest in the middle.")

The presented text is inspired by Dmitry Yefremov's translation.

A Ballad of the Children of Books.

As the epigraph to this ballad, there can be used Lucius Annaeus Seneca's words: "Vivere militare est." ("To live is to fight.")

Another title of the ballad is "A Ballad of Fighting".

The children of books symbolize the people of the Holy Scriptures — the Muslims, the Christians and the Jews.

The ballad was written for the film "The Arrows of Robin Hood", see commentary to "A Ballad of Time".

The presented text is adapted from Vyacheslav Chetin, Sergey Roy and George Tokarev's translations.

The spring, while there was a short lull...

This poem supplements the poems "I'll tell you what will happen, friends..." and "Life with the strong rope was tied..."

The poem was written in 1972.

A Ballad of Hatred.

This ballad calls to mind the words of the surah "The Pilgrimage" (ayah 39): ***"Permission (to fight) is given to those [believers] who are fought against, because they have been wronged; and surely, Allah is able to give them victory."***

The ballad was written in 1975 for the film "The Arrows of Robin Hood", see commentary to "A Ballad of Time".

An Eastern Parable.

Another title of this parable is "A Ballad of the Short Neck".

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya's translation.

The Montenegrins.

If the ancient Law of the Talion were respected in Rossia, the savages bringing into our country would not have killed us so fearlessly.

The poem was written in 1974.

A Ballad of the Free Archers.

There is a good old saying: "Potior visa est periculosa libertas quieto servitio." ("A dangerous liberty is preferable to a quiet servitude.")

And it is pertinent to quote here a clause of the Roman civil law: "Vim vi repellere licet." ("It is lawful to repel force with force.")

The ballad was written for the film "The Arrows of Robin Hood", see commentary to "A Ballad of Time".

Another noble robber, Alim, lived in the author's homeland Crimea.

The presented text is adapted from George Tokarev and Eugenia Weinstein's translations.

If thou'st found thyself in a strange land...

This song has much in common with Gabdulla Tukay's poem "When in thy course of life it happens..." (1911).

The song was written for the film "The Only Road" (1974).

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

On Fatal Dates and Figures.

This song calls to mind Alexander Pushkin's poem "To the Poet" (1830) (adapted from Rupert Moreton's translation):

O poet! take no care of people's valuation.
For soon to pass is the nice moment of their praise;
Ye'll hear the crowd's laugh and a blockhead's estimation:
But ye stay strong, serene and sombre all your days.
Ye are a Tsar: lead your life's course in isolation.
Oh, may on freedom's road your unshackled mind you lead,
And, looking not for guerdon for your noble deed,
Ye bring with love your outcomes to sophistication.
Ye are your highest judge. The gift belongs to you;
More strictly than the rest ye weigh up what ye do.
Tell me, O picky master, are your outcomes pleasing?
So are ye pleased? Then let the crowd your work despise,
And sputter on the altar where your flames arise,
And make your tripod trembling with its childish teasing.

"At twenty-six, his end one in a pistol duel faced..." — Mikhail Lermontov was killed in a duel at the age of twenty-six.

"...another — in a noose in that darned hostel" — Sergey Yesenin was found hanged in the Angleterre Hotel in Leningrad when there remained three days before the start of 1926 (there is no doubt that he died a violent death).

A l e x a n d e r P u s h k i n was mortally wounded in a duel at the age of thirty-seven in 1837.

V l a d i m i r M a y a k o v s k y shot himself shortly before reaching thirty-seven years old (his death seems to be the result of a failed suicide stimulation).

G e o r g e B y r o n died at the thirty-seventh year of his life.

A r t h u r R i m b a u d died at the age of thirty-seven.

The presented text is partly adapted from Eugeny Derbarmdiker and Sergey Roy's translations.

A SINGER AT THE MICROPHONE.

The text of "A Singer at the Microphone" is adapted from Sergey Roy and George Tokarev's translations. The text of "The Microphone's Song" is adapted from Sergey Roy, George Tokarev and Tamara Vardomskaya's translations.

Tin Soldiers.

This song says about the defeat of the soldiers in blue, and this means the defeat of our enemies because the blue color is not a common one in Islam.

A r k a d y V y s o t s k y, to whom this song is dedicated, is the second son of Vladimir Vysotsky from his second wife Lyudmila Abramova.

The song was written in 1969.

Armed and Very Dangerous.

The song was written in 1976, performed by Lyudmila Senchina in the film "Armed and Very Dangerous" (1977).

The Goner's Song.

This song has much in common with Alexander Pushkin's poem "I've outlived my own yearnings..." (1821) (this text is adapted from Dina Belyaeva's translation):

I've outlived my own yearnings,
I've out loved my own dreams!
I'm left with dire anguish burning,
A sign of hollow heart within.

Under the spell of cruel fortune,
My glory days have waned away!
I live alone in gloomy torture,
And wait but for my final day.

Such as when chills of autumn heighten
While winter blizzards take their hold,
Left on a barren branch, forsaken,
The last leaf shakes against the cold.

And it also calls to mind Alexander Pushkin's letter to Vladimir Raevsky (1822).

The song was written in 1971.

A Song about the First Lines.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his article "The life of man depends on Nature...": "It would not be a bad thing for man to look into himself, to understand his own nature, and then act outside, being firmly aware of what he needs."

The song was written in 1970.

The Mystery of Hippies.

As the epigraph to this mystery, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his article "The life of man depends on Nature...": "If we have not change our stream to a new one, our children shall have beaten us."

"God's on our side, one won't harm us" is a paraphrase of the Russian proverb used in the original, which goes as "He whom God helps, a pig can't eat" (or "He whom God helps, nobody can harm").

The mystery was written for the film "The Flight of Mr. McKinley" (1975), where the hero seeks to escape from the outside world, and from himself.

There is Vladimir Vysotsky's other song in this film, "The Ballad of Departing for Paradise" (1973).

MY HAMLET.

The Silly Dream.

To this section, it can be added Vladimir Vysotsky's sketch "If you were asked..." (1976) to the film "Armed and Very Dangerous" (1977):

If you were asked once, "Would you wish
To be the image of a beast?"
What'd you reply to this,
What'd you reply to this,
Come on, reveal it!

If you were asked then, "Would you please
To really turn into a beast?"
What'd you reply to this,
What'd you reply to this?
Come on, reveal it!

Here can also be added Igor Girkin's poem "The Exhortation for Myself" (1991):

Don't wait for orders! don't sit still,
Don't listen to dulcet tones!
Go forward through downpours and winds
And wailing of snowstorms!

Forget about repose and ease,
While thou'rt alive—make way!
There will be ages for those deeds
When lying in the grave!

Be honest, brave, do a real work,
Be at thy work a swell.
If get'st to order—take care of
Thy people as of thyself!

The man, who's never made o'ersights,
Has spent his days in vain—
That man hasn't born the load of life
And dragged without avail!

Don't be concerned about a get
And what the public says—
Remember that but God will set
A price for thy affairs!

The presented text is adapted from Sergey Roy and Alec Vagapov's translations.

My Hamlet.

The presented text is adapted from Vyacheslav Chetin, Sergey Roy and George Tokarev's translations.

A Parable of Truth and Lie.

This parable has much in common with the parable "About Lie" of Porphyry Ivanov, peace be upon him.

And it is pertinent to quote here an old saying: "Vir bonus semper tiro est." ("A good man is always a beginner.")

Here is another suitable saying: "Veritas laborat saepe, exstinguitur numquam." ("The truth is often in danger, but it never dies.")

B u l a t O k u d z h a v a was a poet and a singer of his songs, one of the founders of the genre of author song. Vladimir Vysotsky repeatedly called him his "spiritual father".

The presented text is adapted from Andrey Kneller, Stas and Margaret Porokhnya, Sergey Roy and Alec Vagapov's translations.

There's a Rock in the Steppe.

The writer and scriptwriter A r t h u r M a k a r o v, to whom this song is dedicated, was a friend of Vladimir Vysotsky.

In the song, there is played the Russian proverb: "Beneath a stone no water flows."

The song was written in 1962.

Don't thou fall into gloom nor grow heated...

This poem has something in common with Rudyard Kipling's poem "If—" (1910):

If you can keep your head when all about you
    Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
    But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
    Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
    And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream—and not make dreams your master;
    If you can think—and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
    And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
    Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
    And stoop and build 'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
    And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
    And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
    To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
    Except the Will which says to them: "Hold on!"

If you can talk with crowds and keep your virtue,
    Or walk with Kings—nor lose the common touch,

If neither foes nor loving friends can hurt you,
    If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
    With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
    And — which is more — you'll be a Man, my son!

Here, as in Vladimir Vysotsky's poem, the game symbolizes life, and the loss of all what was won means the loss of the achieved position in the chosen field as a result of following the dictates of conscience.

The poem was written in 1975.

I'm an exotic man, to put it mildly...

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

Tell me frankly, my dear...

The song was written in 1976, performed by Lyudmila Senchina in the film "Armed and Very Dangerous" (1977).

The Sharpshooter.

It is pertinent to quote here Publilius Syrus' words: "Cave quicquam incipias, quod paeniteat postea." ("Be careful about starting something which you might regret later.")

The song was written in 1965.

CHANCES.

Chances.

It is pertinent to quote here Publilius Syrus' words: "Occasio receptus difficiles habet." ("It is unlikely that the opportunity will return.")

The presented text is adapted from Sergey Roy's translation.

Make a bridge on the occasion...

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "...there is another way, another road to life, health."

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

For the cold we may...

The song was performed in the film "I Came from Childhood" (1966).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

Be Thankful.

The song was offered for the film "The Unknown Person, Who Was Known to Everyone" (1972).

The presented text is adapted from Serge Elnitsky, George Tokarev and Mika Tubinshlak's translations.

Everything Is Relative.

This song calls to mind Lucius Annaeus Seneca's words: "Magnam rem puta, unum hominem agere." ("Esteem it a great thing always to act as one and the same man.")

The song was written in 1966, performed in the film "The Last Cheater" (1966).

WHAT I HATE.

What I Hate.

This song can be supplemented by Gabdulla Tukay's poem "Having wished to flee from sorrow and pain..." (1910).

The song was performed by Igor Kvasha in the play of the Sovremennik Theater "One's Own Island" (1971).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

The Guitar.

The song was written in 1966, performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

A Song of the Old House.

Another title of this song is "A Song-Tale of the Old House on New Arbat Avenue", this avenue is one of the major streets in Moscow.

The song was performed by an anonymous artist in the film "Sasha-Sashen'ka" (1966).

A number of lines in the presented translation are inspired by Alex Sokolov's "Haunted House".

And people continued to complain...

The presented text is adapted from Serge Elnitsky's translation.

There's the main entrance, but here's what...

This anti-globalization song was written during the Kennedy Round, after which the liberalization of trade took place in Europe.

A ROAD STORY.

Someone Else's Rut.

The presented text is adapted from Vyacheslav Chetin, Andrey Kneller and Sergey Roy's translations.

A Road Story.

The Gospel According to Saint Luke (chapter 6, verse 36) says, ***"Be ye merciful, even as your Father is merciful."***

The surah "The Family of 'Imran" (ayat 133 and 134) says, ***"Be quick in the race for forgiveness from your Lord, and for a Garden whose width is that of the heavens and of the earth, prepared for the righteous, those who spend [in Allah's cause], whether in prosperity, or in adversity, who restrain anger, and pardon men; for Allah loves those who do good."***

And it is pertinent to quote here Publilius Syrus' words: "Multa ignoscendo fit potens potentior." ("By forgiving many things, the powerful man becomes more powerful.")

The presented text is adapted from George Tokarev and Alex Tolkachev's translations.

The Motorist's Song.

Here are two lines from the beginning:

> And, having broken the traffic laws, I entered
> An alien to our nature world.

This song calls to mind the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his article "How to Get Rid of Diseases and Become Healthy": "Man did not want to live in Nature, surrounded by air, water and earth, and began to create artificial conditions for his life."

The song was written in 1971.

The Horizon.

Vladimir Vysotsky said that he loved this song very much.

The song was written in 1971.

About a Car Crash.

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya and George Tokarev's translations.

THE CRIMINAL CODE.

We'll save the lost guy...

This song and other poems and songs of this and the next sections supplement the poems and songs of the section "There Was Once a Man"—Porphyry Ivanov, peace be upon him, wrote in his diaries that the awaited messenger would undergo ordeals in prisons and hospitals.

The presented text is adapted from Anonymous' translation.

Alyoha.

This song calls to mind Ernest Hemingway's story "The Killers" (1927) and Vasily Shukshin's film "The Red Snowball Tree" (1974), and it has something in common with Rudyard Kipling's poem "The Bridegroom" (1918) (this text is a version):

Call me not false, beloved,
If, from thy scarce-known breast
So little time removed,
In other arms I rest.

For this more ancient bride,
Whom coldly I embrace,
Was constant at my side
Before I saw thy face.

Our marriage, often set—
By miracle delayed—
At last is consummate,
And cannot be unmade.

Live, then, whom Life shall cure
Of harassing Remembrance,
And leave us to endure
Until our Lord descends.

The song was written in 1964.

My beloved will mourn for my ill fortune...
The presented text is adapted from Serge Elnitsky's translation.

The Silver Strings.
The presented text is adapted from Andrey Kneller's translation.

Hey, chauffeur...
T a g a n k a P r i s o n was demolished in the 1950s, and B u t y r k a P r i s o n was not demolished.

The Meter's Ticking.
This song is one of those songs where Vladimir Vysotsky wrote about the awaiting us Judgment.

He, Who Was with Her Before.
This song calls to mind what is written in the eleventh chapter of the Revelation to Saint John.
The song was performed in the play of the Taganka Theater "The Neighborhood" (1963).
The presented text is adapted from Stanley Altshuller, Andrey Kneller and George Tokarev's translations.

An Appeal.
The song was offered for the film "Intervention" (1968), included in the 1987 film version.
The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

I'm on the Job.
The two final lines of this allegorical song say about the Law that was given to us in the Holy Qur'an.
The presented text is partly adapted from Andrey Kneller's translation.

The Card-Sharpers.
This song narrates about our "guests" in the East—the United States and "Israel", and the words of the refrain "the four suits" mean the four major religions.
A part of the song was used in the film "The War under the Rooftops" (1967).
The presented text is adapted from Vyacheslav Chistyakov's translation.

The Criminal Code.
In this song, the Book of Criminal Code symbolizes the Holy Qur'an.
The surah "The Cattle" (ayah 155) says, ***"And this is a blessed Book [the Qur'an] which We have sent down, so follow it and fear Allah, that ye may receive mercy."***
Here come to mind Alexander Pushkin's words from his "Imitations of the Koran" (1824) (this text is adapted from Ants Oras' translation):

Pray to the Mighty, the Creator;
He rules the winds; He guides the rains
To thirsty lands—no might is greater;
He gives the forests' shade to plains.

His mind is merciful: we owe Him
The Bright Koran's ungrudging gift,
Oh may we see its light to know Him
And may the mist that blinds us lift.

And there is Gabdulla Tukay's poem about the Holy Qur'an, which is called "The Book" (1909).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

The Detective's Song.

The song was performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

WE HAVE GONE.

HUNTING FOR WOLVES.

M i k h a i l S h e m y a k i n is a painter and a sculptor, he was a friend of Vladimir Vysotsky. He left the Soviet Union for Paris, then moved to New York.

The song "Hunting for Wolves" was written in 1968, the song "Hunting from Helicopters"—in 1978, the song "As for today, I've passed initial phases..."—in 1972.

The song "Hunting for Wolves" was performed in the play of the Taganka Theater "Take Care of Your Faces!" (1970).

The text of "Hunting for Wolves" is inspired by Vadim Astrakhan, Thomas Beavitt, Vyacheslav Chetin, Bruce and Kathryn Hamilton, Eugeny Koshelev and George Tokarev's translations. The text of "Hunting from Helicopters" is adapted from Bill Everett and Eugenia Weinstein's translations. The text of "As for today, I've passed initial phases..." is adapted from George Tokarev's translation.

THE ESCAPE.

The second song, also written in 1977, is "The Escape". This song is dedicated to V a d i m T u m a n o v, who was a friend of Vladimir Vysotsky. He is the prototype of the main character of Vladimir Vysotsky and Leonid Monchinsky's novel "The Black Candle" (1976—1984), and the author of the autobiographical book "To lose everything—and start again with a dream..." (2004).

Each and every thing...

"Crowds of people walk here but no person seems human, every look's blank and dim" — but these are the people who use smartphones...

The presented text is partly adapted from Stas and Margaret Porokhnya's translation.

Life Was Rushing.

Here are words from this song:

When it was brought too close to the mob low,
With might and main I stood to guard the hillmen.

The hillmen mean the Muslims, and the coming of the believers' defender was promised by the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him.

There is a good book about the hillmen, it is Rasul Gamzatov's "My Dagestan" (1967—1970).

The song was written in 1978.

We Have Gone.

Here comes to mind Alexander Galich's song "Float the Clouds to Abakan" (1962).

Another close in spirit song is Iosif Aleshkovsky's "A Letter to Stalin" from the section "Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky".

The song was written in 1977.

MY GYPSY SONG.

All Is Iced.
To this section, it can be added Gabdulla Tukay's poem "Immorality" (1912).
The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

The Sail.
Another title of this song is "An Anxiety Song".
The mentioned door-hinges are the hinges of the Gate of Paradise.
The song is a part of the documentary film "There is a pressing need of the song" (1967).
The presented text is partly adapted from George Tokarev's translation.

My Gypsy Song.
The song was performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968), offered for the film "The Dangerous Tour" (1969).
The presented text is adapted from Sergey Roy, George Tokarev and Ilya Yakubovich's translations.

It's Painful for Poetry.
The poem was written in 1960.

The Execution of the Mountain Echo.
The song was written for the film "The Only Road" (1974).
The presented text is adapted from Julie Deshtor and Alec Vagapov's translations.

Our port isn't visited by steamers...
As the poem "I'll tell you what will happen, friends...", this one narrates about a global glaciation to come—and also about the glaciation of our souls. These poems bear relation to the warning of Porphyry Ivanov, peace be upon him, that it will be too late to learn to live in harmony with Nature when falls from the height a "small thing".
The poem was written in 1969.

If there's but a sadness in your soul...
Half a century ago, the planet managed to heal the wounds inflicted on her by man. But today, in the literal sense of the word, we are destroying our home, our beautiful Earth—absolutely without thinking about how our children and grandchildren will live.

An outsider will step in my soul...
This poem calls to mind Gabdulla Tukay's poem "My Advice" (1908).

The fords are deep, the bridges have burnt down...
The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

My Distress, My Sorrow.
The poem was written in 1980.

A Gypsy Song.
This song has much in common with Rudyard Kipling's poem "Gipsy Vans" (1926):

Unless you come of the gipsy stock
That steals by night and day,

Lock your heart with a double lock
And throw the key away.
Bury it under the blackest stone
Beneath your father's hearth,
And keep your eyes on your lawful own
And your feet to the proper path.
Then you can stand at your door and mock
When the gipsy vans come through...
For it isn't right that the Gorgio stock
Should live as the Romany do.

Unless you come of the gipsy blood
That takes and never spares,
Bide content with your given good
And follow your own affairs.
Plough and harrow and roll your land,
And sow what ought to be sowed;
But never let loose your heart from your hand,
Nor flitter it down the road!
Then you can thrive on your boughten food
As the gipsy vans come through...
For it isn't nature the Gorgio blood
Should love as the Romany do.

Unless you carry the gipsy eyes
That see but seldom weep,
Keep your head from the naked skies
Or the stars'll trouble your sleep.
Watch your moon through your window-pane
And take what weather she brews;
But don't run out in the midnight rain
Nor home in the morning dews.
Then you can huddle and shut your eyes
As the gipsy vans come through...
For it isn't fitting the Gorgio ryes
Should walk as the Romany do.

Unless you come of the gipsy race
That counts all time the same,
Be you careful of Time and Place
And Judgment and Good Name:
Lose your life for to live your life
The way that you ought to do;
And when you are finished, your God and your wife
And the Gipsies'll laugh at you!
Then you can rot in your burying place
As the gipsy vans come through...
For it isn't reason the Gorgio race
Should die as the Romany do.

The song was performed by Rada and Nikolay Volshaninovs and the choir of policemen in the film "The Dangerous Tour" (1969).

THE MESSENGER.

The Messenger.

The poem and songs presented in this section relate to Porphyry Ivanov, peace be upon him, who is spoken in the Book of the Prophet Isaiah (chapter 54, verse 5), ***"...the God of the whole earth shall he be called."*** In this book, it is also spoken about him in verse 22 of chapter 8, in verse 2 of chapter 9, in verses 7 and 10 of chapter 52, and in verses 1—5 of chapter 65. The appearance of Porphyry Ivanov, peace be upon him, is similar to the appearance of One who is like to a son of man on the allegorical picture drawn in the Revelation to Saint John (chapter 1, verses 12—15).

As the epigraph to this section, there can be used the God of the Earth's words: "We've gotten what to eat, what to wear and where to live, but we must consciously renounce all this."

The poems and songs of this and next sections call to mind the story "The White Seal" (1893) from Rudyard Kipling's "The Jungle Book" (1894), where Kotick symbolizes the awaited messenger, and his father Sea Catch symbolizes Porphyry Ivanov, peace be upon him, and Jack Schaefer's novel "The Canyon" (1953), where the awaited messenger and the God of the Earth are symbolized by Little Bear and his spiritual father. Also, in Ernest Hemingway's novel "The Old Man and the Sea" (1952), the old man symbolizes the God of the Earth, and the boy whom he taught to fish symbolizes the awaited messenger. And, in the tale "The Gnomobile" (1936), Upton Sinclair narrates about the old man and his grandson.

Here also come to mind the novels "The Two Captains" by Veniamin Kaverin (1944) and "Kim" by Rudyard Kipling (1901), where Kim symbolizes the awaited messenger, and his spiritual mentor symbolizes Porphyry Ivanov, peace be upon him. The four other men who are close to Kim—Mahbub Ali, Colonel Creighton, Lurgan Sahib and Hurree Babu— symbolize the four major religions of the world—Islam, Christianity, Judaism and Buddhism respectively.

And, as it is noted in the commentary to the song "The Hill", the repentant former robber from Tabor Island, Tom Ayrton, and the captain of the ship "Duncan" Robert Grant, who rescued the colonists, from Jules Verne's novel "The Mysterious Island" (1875), symbolize Porphyry Ivanov, peace be upon him, and the awaited messenger.

And, of course, there is a commonality between the ideas and the way of life of Porphyry Ivanov, peace be upon him, and the ideas and the way of life of Ernest Darling, Jack London narrated about in his story "The Cruise of the 'Snark'" (1911), in the chapter "The Nature Man".

The author of this publication shares the supposition of the creators of the site "Discovering Islam", that the sign of Allah taken place in Dagestan—see the article "Miraculous Russian Boy" presented on this site—indicates that the appearance of the awaited messenger is near at hand. There are the two signs that confirm his conviction: one of them is that the name of the boy is Ali, and the awaited messenger, what is known from the Hadiths, will be a descendant of the designated successor (the issue of the succession to power after the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him, is covered, for instance, on the Russian site "The Successor of the Great Prophet (peace be upon him)", or in Ibrahim Amini's book "What Everyone Should Know about Islam"), cousin and son-in-law of the Holy Prophet Muhammad Ali and the daughter of the Holy Prophet Fatima, peace be upon them all; and the other is that on one Friday on the body of the boy appeared the words "Blessed Servant", and the awaited messenger, what is also known from the Hadiths, will come on a Friday.

And Porphyry Ivanov, peace be upon him, who appealed to make ready the way of the messenger to come during many years, wrote in his diaries that he will arrive in the near future.

The official article of the Council of Muftis of Rossia (no other religious organization has taken an interest in this miraculous phenomenon) "The Delegation of the Council of Muftis of Rossia Has Collected Evidences about the Nature of Inscriptions on the Body of a Child from the Kizlyar District" (2009) (this article is in Russian) says: "... On the basis of the conversations, comparing the facts and evidences about that which accompanied the appearance of the inscriptions on the body of the child, the delegation of the Council of Muftis of Rossia has concluded that all

known to date evidences indicate that these inscriptions are miraculous. ... At the press conference, the head of the delegation, Abdul-Wahed Niyazov and the head of the Department of Work with Local Religious Organizations of the Spiritual Administration of Muslims of European Rossia, Arslan-hazrat Sadriev declared that they have considered this phenomenon to be a sign of the Most High, addressed to the Muslims of Dagestan, Rossia, and the believers around the world. ... All collected during the visit of the delegation of the Council of Muftis of Rossia documentary photo and video evidences of the nature of the inscriptions on the body of the child, given by religious and official persons interviews and commentaries can be provided to the Rossian and foreign media, religious and non-governmental organizations by the Islamic Cultural Center of Rossia upon official request."

The Navigator Single.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, which he wrote about himself: "He does not follow our path and behaves himself in life differently *than we do*—everything points to the fact that he is not such a man as we are, all people."

The words

"And we took a photo of the navigator,
Having turned him to a photo by that"

reflect our present regard for the God of the Earth.

The song was written in 1976 for the film "The Wind of Hope" (1978).

I Abandoned My Deal.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, which he wrote about himself: "I was 35 years old, when I began to leave everything that I did like other people."

The presented text is adapted from Sergey Roy and George Tokarev's translations.

Tumen Oil.

The thirteenth stanza draws the living image of Porphyry Ivanov, peace be upon him:

Producing lots of sparks, the gusher played,
And in their light, I've seen the God of Oil:
He held two cans, was naked to the waist,
And took with pleasure a cold shower of oil.

The messenger of Allah wore only shorts (which covered his body from his navel to the lower parts of his knees as it is ordered in Islam), and he used to pour upon himself two buckets of cold water four times a day.

Vladimir Vysotsky also wrote about the advent of the God of the Earth in the song "The brains are struck and boil in every cell..." (1970):

And the Creator has come down from Heaven.
Where does He live now?.. One day on the parvis,
One could see an old homeless man who yelled,
"I want you to aid God in such a hardcase!"

Indeed, once Porfiry Ivanov, peace be upon him, came to church and asked to give him all the proceeds of that day, but he was refused.

The tenth stanza says about the author of this publication, who served in the Navy, and who edited and interpreted many of the poems and songs presented here:

The seaman I so often argued with—
I don't remember on which ship he served—
Confused just everything, and cried with fear,
"Bros, land in view! it's for sure land, my bros!"

The author believes that the poet would agree to what he said about his poetry. Islam was glorified by great Russian poets and writers—Alexander Pushkin (this is well written about in the article "Islam in the Works of A. S. Pushkin" by Haris Iskhakov) and Ivan Bunin, Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky—and Vladimir Vysotsky continued this tradition.

Another song where Vladimir Vysotsky wrote about the author is "A Case at the Mine" (1967), which narrates about the former naval officer who has gotten into trouble.

And, since the author happened to spend several years in Siberia, it is pertinent to recall here his favorite song about those places, which was written by Sergey Galganov and is called "The Ishim Waltz" (there is a video recording of a performance of this song).

The song was written in 1972.

ABOUT THE PROPHETS.

Here comes to mind Mikhail Lermontov's poem "The Prophet" (1844).

And it is pertinent to recall here Alexander Gorodnitsky's song "Atlantes" (1963), where the Atlantes symbolize the messengers to mankind.

"A Song about the Seeress Cassandra" calls to mind the words of the surah "The Story" (ayah 59): ***"And never would We destroy the towns unless the people thereof are wrongdoers."***

In Greek mythology, C a s s a n d r a, a daughter of the king of Troy Priam, was endowed by Apollo with the gift of prophecy, but fated by him never to be believed because of she did not return his love.

The second song, also written in 1967, is "A Song about the Wise Oleg", a variation on the theme of Alexander Pushkin's poem of the same name (1825).

T h e W i s e O l e g (Oleg of Novgorod) was the Prince of Novgorod the Great from 879 and the Grand Prince of Kiev from 882, he reigned to 912, when he took his death from his horse.

It is pertinent to note here that our horse is our present technical civilization.

The text of "A Song about the Seeress Cassandra" is adapted from George Tokarev and Alec Vagapov's translations.

THERE WAS ONCE A MAN.

A Robber Song.

In the poems and songs presented in this section, it is said about the awaited messenger, who was promised by the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him.

In the Book of the Prophet Isaiah, it is written about him in verses 13—15 of chapter 52, and in verses 1—12 of chapter 53 (verses 13 and 15 of chapter 52, and verses 1 and 4—12 of chapter 53 also relate to Jesus Christ, peace be upon him).

This song calls to mind Gablulla Tukay's poem "The Hard Lot" (1911).

The song was written for the film "How Czar Peter Married Off His Moor" (1976).

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya and Sergey Roy's translations.

Paradise Apples.

This song says about the reiteration of the crucifying of Jesus Christ, peace be upon him—what is, of course, a parable—but this time the crucified will be the Mahdi. According to the Hadiths, the awaited messenger will be moved away from the people twice, and the hero of the song died a violent death and rose from the dead two times.

He became a witness of the interrogation, which is conducted to the deceased by Munkar and Nakir—they are "the two ones in green vestments", and saw the judgment of Allah over the sinners who are shown as vagrants. And both times he came back from the other world with the Paradise apples, that are treasures.

One of the literary heroes symbolizing the Mahdi, David Balfour, whose adventures was narrated by Robert Louis Stevenson in the novels "Kidnapped" (1886) and "Catriona" (1893), was also moved away from the people (kidnapped) two times, and his homecoming was accompanied with a profit both times—for the first time he restored his rights to the family estate, and for the second—got married to his beloved girl.

And Little Bear from Jack Schaefer's novel "The Canyon", which is mentioned in the commentary to the poem "The Messenger", was also moved away from the people two times.

Two other literary heroes, who symbolize the awaited messenger, are the Connecticut Yankee, whose adventures was narrated by Mark Twain in the novel "A Connecticut Yankee in King Arthur's Court" (1889), and the Little Prince from Antoine de Saint-Exupéry's tale of the same name (1943).

The presented text is adapted from Sergey Roy, George Tokarev and Alec Vagapov's translations.

Thank Thee, O Good Lord, for Thy grace...

This song calls to mind the words about the awaited messenger from the Book of the Prophet Isaiah (chapter 53, verses 1—5): ***"Who hath believed our report? and to whom hath the arm of the LORD been revealed? For he grew up before him as a tender plant, and as a root out of a dry ground: he hath no form nor comeliness; and when we see him, there is no beauty that we should desire him. He was despised, and rejected of men; a man of sorrows, and acquainted with grief: and as one from whom men hide their face he was despised, and we esteemed him not. Surely he hath borne our griefs, and carried our sorrows: yet we did esteem him stricken, smitten of God, and afflicted. But he was wounded for our transgressions, he was bruised for our iniquities: the chastisement of our peace was upon him; and with his stripes we are healed."***

The song was performed in the film "Vertical" (1967).

I perceive neither anger nor blue...

This poem calls to mind Lucius Annaeus Seneca's words: "Suis rebus contentum esse maximae sunt divitiae." ("Most powerful is he who has himself in his own power.")

Here also comes to mind Gabdulla Tukay's poem "The Firs" (1909).

A SONG OF ROSSIA.

The crown...

There is Igor Girkin's poem "Bound Rossia appealed to her sons..." (1989), which has much in common with this song.

Another close in spirit poem by Igor Girkin is "The Destinies of Officer" (1990).

And, of course, here comes to mind Rudyard Kipling's poem "Rossia to the Pacifists" (1919):

God rest you, peaceful gentlemen, let nothing you dismay,
But—leave your sports a little while—the dead are borne this way!
Armies dead and Cities dead, past all count or care.
God rest you, merry gentlemen, what portent see you there?
Singing:—Break ground for a wearied host
That have no ground to keep.
Give them the rest that they covet most...
And who shall next to sleep, good sirs,
In such a trench to sleep?

God rest you, peaceful gentlemen, but give us leave to pass.
We go to dig a nation's grave as great as England was.
For this Kingdom and this Glory and this Power and this Pride
Three hundred years it flourished—in three hundred days it died.
Singing:—Pour oil for a frozen throng,
That lie about the ways.
Give them the warmth they have lacked so long...
And what shall be next to blaze, good sirs,
On such a pyre to blaze?

God rest you, thoughtful gentlemen, and send your sleep is light!
Remains of this dominion no shadow, sound, or sight,
Except the sound of weeping and the sight of burning fire,
And the shadow of a people that is trampled into mire.
Singing:—Break bread for a starving folk
That perish in the field.
Give them their food as they take the yoke...
And who shall be next to yield, good sirs,
For such a bribe to yield?

God rest you merry gentlemen, and keep you in your mirth!
Was ever Kingdom turned so soon to ashes, blood and earth?
'Twixt the summer and the snow-seeding-time and frost—
Arms and victual, hope and counsel, name and country lost!
Singing:—Let down by the foot and the head—
Shovel and smooth it all!
So do we bury a Nation dead...
And who shall be next to fall, good sirs,
With your good help to fall?

The song was performed in the play of the Taganka Theater "Ten Days That Shook the World".
The presented text is adapted from Andrey Kneller's translation.

The Wooden Clothing.
This poem calls to mind Joseph Dzhugashvili's poem "From one to another thorp moved he..." (1895):

From one to another thorp moved he,
And met with both rich and poor folks.
On his old grandfather's panduri,
Accompanied his simple songs.

And there, in his songs not pretended,
As clean as the snow on the tops,
Did sound, descended from Heaven,
A dream of new living of folks.

The hearts, cold and rigid as stones,
Became with his singing alive,

And sleeping beneath ashes coals
Gave birth to the powerful fire.

But those on whom wrath is brought down,
Who're charmed with the dazzle of gold,
Instead of good wine, deadly potion,
Poured into his cup for his work.

"Ye're one of the sons of mean bitches!"
Said they. "Drink it to the last drop!
Your fables aren't what we're in need of,
We've gotten the straight road to walk."

Here also comes to mind Gabdulla Tukay's poem "Love thou life and love thy people..." (1910):

Love thou life and love thy people,
Share their ups and downs as well,
But when comes thy last hour, leave
With no pity this life's vale.

Breathing the bright days to come,
Holding insults in contempt,
Bear up everything, and slum
It with credit, keep thyself.

And it is pertinent to recall here Rudyard Kipling's poem "The Captive" (given in the commentary to the song "Condemned to Life").

The song was performed in the film "Intervention" (1968).

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya's translation.

A Ballad of the Past.

Here is stanza 16:

I abandoned the diapers and got on
Being never forgotten or defenseless.
And they counted not me an odd one,
For I was an endowed with reason fellow.

The words "forgotten or defenseless" are an allusion to the song of street children "There the Nightingale's Warbling..." (used in the film "Road to Life", 1931).

Another title of this ballad is "A Ballad of Childhood".

The ballad was written in 1975 for the film "Victor Krokhin's Second Attempt" (1977).

There is no more beautiful country...

Over the years, this poem-prayer has become more and more relevant.

One of close in spirit poems is Stanislav Slutsker's "A Prayer" (2018 r.).

Here also comes to mind Joseph Dzhugashvili's poem "A Morning" (1895):

Next to her sister Viola,
Rosa opened her petals,
Lilium also woke
And with the morning dew freshed up.
High in the sky Lark was flying,
Putting his bliss into trilling,
And Nightingale the Magician
Warbled self-forgetfully to children,
"May our dear country be sound!
May her florescence be timeless!
Friends, do embellish and gladden
Our fathers' land with your studies."

In 1912, this poem was included in the "Textbook of the Native Language" for primary classes in Georgia, and it would be good to include it today in the "Textbook of the Native Language" for primary classes in Rossia.

The original text of the poem consists of two final lines.

A SONG OF ROSSIA.

Here comes to mind Mikhail Nozhkin's song "Rossia" (1969), where he wrote:

Thou hast been comprehending
to no outlandish sages.

There is a good article about Rossia's actions incomprehensible to outlandish sages, written by Veikko Korhonen (2019).

Rossia has been reborn more than once, and, of course, she will be reborn this time too—after our victory over external enemies—who, in anticipation of their defeat, are taking very dangerous steps—and internal ones—who are trying to direct our country along the path of the West that has rejected God. And we have a huge job ahead of us to eliminate them from the power structures, and to cleanse the country of the hordes of savages they have brought in (and continue to bring in) who hate us (both those who have received citizenship and those who are going to receive it), who have infiltrated (and continue to infiltrate) into our house to live in it instead of us. If we manage not to do this work before the aliens seize—legally and illegally, what is already happening—the judicial, executive and legislative power, there will be a civil war, which may turn out to be more terrible than the one that happened after the revolution of the seventeenth year. And, of course, the mausoleum-ziggurat located in the heart of our Homeland must be dismantled, and the body in it must be interred.

What was foreseen by Vladimir Vysotsky and reflected by him in these songs is in harmony with what was encrypted by Alexander Pushkin in his novel "The Snowstorm" (1831) (the meaning of this novel is explained in the article "The Matrix of Alexander Pushkin's 'The Snowstorm'" by Anonymous, 2014).

Translation versions of lines 16 and 32 of "A Song of Rossia":

With the hope that in the Lord's Eyes they'll look well.
With the hope that in the Lord's Eyes she'll look well.

With the hope that the Lord will mark them well.
With the hope that the Lord will mark her well.

So good God, when glances down, will mark them well.
So good God, when glances down, will mark her well.

In Russian folklore, S i r i n is a Heavenly bird with the head and breast of a beautiful woman, which has a charming voice, the legend of her is based on the Greek myth about sirens.

A l k o n o s t is a fabulous bird of happiness with the head and hands of a beautiful woman, the legend of her is based on the Greek myth about Alcyone.

G a m a y u n is a prophetic bird with the head of a beautiful woman symbolizing wisdom and knowledge, the legend of her is based on the Iranian myth about the Huma bird.

Another title of "A Song of Rossia" is "Cupolas". The second song is "A Song of the Volga", it was written in 1973.

"A Song of Rossia" was written for the film "How Czar Peter Married Off His Moor" (1976), "A Song of the Volga" was performed in the play of the Memorial Lenin Komsomol Theater "Extraordinary Adventures on the Volga Steamer" (1984).

The text of "A Song of Rossia" is adapted from Thomas Beavitt, Vyacheslav Chetin, Stas and Margaret Porokhnya and Natalia Tverskova's translations.

LIFE IS TWISTED.

I'll tell you what will happen, friends...

The description of the last days given here is fully consistent with what is said in the Hadiths.

Give the starved dogs ends or bones...

There is Vladimir Vysotsky's poem "In Asia, or perhaps in Europe..." (1969), which has much in common with this song.

Because of the loss of faith in Gog and, as a result, fighting with Nature for improvement of conditions of this transitory life — what has spilled over into thoughtless destroying the forests and poisoning the earth, water and air — man has gotten the spiritual emptiness, feeling the senseless of life.

The presented text is partly adapted from George Tokarev's translation.

Candles trickle and drown...

This song has much in common with the song "Give the starved dogs ends or bones..." and the poem "In Asia, or perhaps in Europe...", given in the commentary to it.

The song was performed in the film "Cases of the Bygone Days" (1972).

The presented text is adapted from Natalia Tverskova and Anonymous' translations.

About Signs of the Zodiac.

This song calls to mind Rudyard Kipling's "An Astrologer's Song" (1910) (this text is a version):

To the Heavens above us
O look and behold
The Planets that love us
All harnessed in gold!
What chariots, what horses
Against us shall bide
While the Stars in their courses
Do fight on our side?

All thought, all desires,
That are under the sun,

Are one with their fires,
As we also are one:
All matter, all spirit,
All fashion, all frame,
Receive and inherit
Their strength from the same.

Oh, man that deniest
All power save thine own,
Their power in the highest
Is mightily shown.
Not less in the lowest
That power is made clear.
(Oh, man, if thou knowest,
What treasure is here!)

Earth quakes in her throes
And we wonder for why!
But the blind planet knows
When her ruler is nigh;
And, attuned since Creation
To perfect accord,
She thrills in her station
And yearns to her Lord.

The waters have risen,
The springs are unbound—
The floods break their prison,
And ravin around.
No rampart withstands 'em,
Their fury will last,
Till the Sign that commands 'em
Sinks low or swings past.

Through abysses unproven
And gulfs beyond thought,
Our portion is woven,
Our burden is brought.
Yet They that prepare it,
Whose Nature we share,
Give us who must bear it
Their succor to bear.

Though terrors o'ertake us
We'll not be afraid.
No power can unmake us
Save that which has made:
Nor yet beyond reason
Or hope shall we fall—

All things have their season,
And Mercy crowns all!

Then, doubt not, ye fearful—
The Eternal is King—
Up, heart, and be cheerful,
And lustily sing:—
What chariots, what horses
Against us shall bide
While the Stars in their courses
Do fight on our side?

The song was written in 1973, performed in the advertising film "Signs of the Zodiac" (1975).

Forty-Nine Days.

This poem-song was written as a literary text, where the stamps of the Soviet press and official poetry were parodied. The plot of it is based on a real event: in 1960, four Soviet servicemen were carried away by storm from Iturup Bay into the open ocean on a barge, and after futile searches they were reported missing, but they managed to survive and after a 49-day drift were picked up by an American vessel.

But on the other hand, these servicemen—the junior sergeant Askhat Ziganshin and the privates Philip Poplavsky, Anatoly Kryuchkovsky and Ivan Theodotov—symbolize the four major religions of the world—Islam, Christianity, Judaism and Buddhism respectively. The duration of the test that fell to them indicates that this test was sent down from above, and this is exactly the time we live in.

The poem-song was written in 1960.

A Song about Notes.

This song supplements the poems and songs of the section "There Was Once a Man".

The song was written in 1969, performed in the play of the Taganka Theater "Take Care of Your Faces!" (1970).

A Ballad of the Bath-House.

This ballad narrates about the men on the Heights, that are such souls as are not decidedly on the side of merit or decidedly on the side of sin, but evenly balanced on a partition between heaven and hell, and who hope for the mercy of Allah, glorious and exalted is He (or, in other words, about the souls in purgatory).

The ballad was written in 1971.

LIFE IS BEAUTIFUL.

This song is one of those songs where Vladimir Vysotsky wrote about the awaiting us Judgment. As the epigraph to it, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his work "Man will be a person of easy temper...":

The people will love each other, there will be no more war.
That is what shall we achieve in Nature.

Both songs—"The Last Cheater" and "The Final Song"—were performed by Nikolay Gubenko in the film "The Last Cheater" (1966).

A Song about the Transmigration of Souls.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "The most important is into what thou wilt turn later on."

Vladimir Vysotsky said that after writing this song he, when seeing a cat, thought that it, maybe, was a woman of easy virtue. And, perhaps, dogs are those who marched under the six-color flag.

The presented text is adapted from Jack Doughty and George Tokarev's translations.

Moscow to Odessa.

The song was written in 1967, performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

The major traffic lights...

The poem was written in 1972.

It's the most wonderful...

This poem calls to mind the words from the First Epistle of Paul the Apostle to the Corinthians (chapter 2, verse 9):

> ***Things which eye saw not, and ear heard not,***
> ***And [which] entered not into the heart of man,***
> ***Whatsoever things God prepared for them that love him.***

And here also comes to mind Rudyard Kipling's ode "When Earth's last picture is painted..." (1892):

> When Earth's last picture is painted and the tubes are twisted and dried,
> When the oldest colours have faded, and the youngest critic has died,
> We shall rest, and, faith, we shall need it—lie down for an aeon or two,
> Till the Master of All Good Workmen shall put us to work anew.
>
> And those that were good shall be happy; they shall sit in a golden chair;
> They shall splash at a ten-league canvas with brushes of comets' hair.
> They shall find real saints to draw from—Magdalene, Peter, and Paul;
> They shall work for an age at a sitting and never be tired at all!
>
> And only The Master shall praise us, and only The Master shall blame;
> And no one shall work for money, and no one shall work for fame,
> But each for the joy of the working, and each, in his separate star,
> Shall draw the Thing as he sees It for the God of Things as They are!

OUR LIFE HAS LOTS OF EDGES.

One can easy get the works...

This poem calls to mind Gabdulla Tukay's poem "One can love..." (1909).

At the Masquerade.

It is pertinent to quote here Gaius Petronius Arbiter's words: "Mundus universus exercet histrioniam." ("All the world practices stage-playing.")

The presented text is adapted from Bruce and Kathryn Hamilton, George Tokarev and Daria Verzhbovsky's translations.

Our life has lots of edges...

One of the edges of our life is the movement of mankind towards the digital hell. There is Valentin Katasonov's article "About the Risks of the Digital Revolution" (2018), where he wrote in detail about the taken lines on this path.

And it is pertinent to quote here Gaius Petronius Arbiter's words: "Litterae thesaurum est." ("Education is a tresure.")

I lead my life in abject beggary...

Here comes to mind Yury Kukin's song about the Holy City promised to us, which is called "The City" (1964).

While you in the bathroom with glazed tiles...

The plot of this song is based on a real event: in 1961 in Antarctica, the doctor of the Novolazarevskaya station Leonid Rogozov performed an appendectomy on himself.

The song was written in 1961.

With my parents-in-law now I could be...

Today's Paris is very different from the Paris that was sung by Ernest Hemingway and that Vladimir Vysotsky still managed to see.

Cholera.

The song was written in 1970.

Oh, how trying is our time!..

It is pertinent to quote here Marcus Tullius Cicero's words: "Vigilandum est semper; multae insidiae sunt bonis." ("Always be on your guard; there are many traps set for good men.")

I can't seek the oblivion of sleep...

Here comes to mind Gabdulla Tukay's poem "The Poet" (1908).

Now without grinning...

This poem calls to mind Quintus Horatius Flaccus' words: "Non, si male nunc, et olim sic erit." ("The wretch of today may be happy tomorrow.")

Here also comes to mind Gabdulla Tukay's poem "Life" (1908).

Another close in spirit poem by Gabdulla Tukay is "A Mouse That Fell into a Bowl of Milk" (1907) (from an American newspaper) (this text is adapted from Anonymous' translation):

I know not how or why, but I was told
That once a mouse fell down into a bowl
Of milk, swam here and there, and couldn't escape,
And it seemed that unhappy was her fate.
He who's gotten into trouble should be in motion!
She, keeping that, was paddling with no pause.
Her efforts weren't in vain, I'm pleased to say,
She swam so long, that butter there was made,
And, after breathing, she was standing on.
Then she leapt off and ran into her hole.
O my dear friend! if drown'st thou one bad day,
Give not up hope, be valorous and patient.

And it is pertinent to recall here Gabdulla Tukay's poem "Yesterday and Today" (1910).

About the Chinese Problem.

Here is stanza 2:

If the things are so on, it'll be curtains for us,
Soon there will come the end of this era—
These Chinese people really pretend to deprive
Our planet of its atmosphere.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "They *(people)* live on their own, apart from Nature, thinking it is an inexhaustible source, and do not care about the consequences that may occur as a result of the irrational activities of man."

In 2016, there came out Lyudmila Fionova's article "What shall we breathe?", where she described in detail the issue of the rapid deterioration of the atmosphere condition. But if all people were adherents of the environmentally responsible way of life...

There is a good film about our relationship to Nature, which is called "Kin-dza-dza!" (1986). The song from this film "Mama, mama, how shall I endure that?.." can become for us topical when come true the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, about the awaited messenger: "And he will fight, shout across the universe up to the moment when falls from the height a small, very small thing. It will force us to believe this man—we shall grasp at that, but it will be too late."

Here is this song:

Mama, mama, how shall I endure that?
Soon the days here will be really cold.
I have no warm o'ercoat nor strong footwear,
I have no warm underwear at all.

The planet shown in this film can be described in the words of Vladimir Vysotsky (this text is an interpretation of the poem "In this circle...", written in 1971):

Why do I stand all at sea,
Curse up hill and down dale?
'Cause each word that sounds here
Calls to make the buy or sale.

The song was written in 1965.

He'd gotten whatever wanted...

Here comes to mind an old saying: "Suis rebus contentum esse maximae sunt divitiae." ("The greatest wealth is to be content with what is yours.")

Once Vladimir Vysotsky was asked which of the shortcomings he most disliked, and he answered that it was greed.

This answer calls to mind another old saying: "Radix enim malorum omnium est cupiditas." ("Greed is the root of all evil.")

Porphyry Ivanov, peace be upon him, said that we should consider everything to be common and share with all people; and Vladimir Vysotsky wrote in the song "For One Man" (1964):

So, what is for one man?
But a grave and a cradle.

Here also comes to mind Gabdulla Tukay's poem "Against Gold" (1907).

Another close in spirit poem is Rudyard Kipling's quatrain "The Two Men" ("Equality of Sacrifice") (this text is a reverse translation from Konstantin Simonov's translation into Russian):

(A.) "I was a man who had just all."
(B.) "And I had nothing."
(Together.) "But each of us to the next world
Goes with no farthing."

One of close in spirit stories on the subject is the story "Iskandar Zu al-Karnayn and a Certain Tribe of Poor Folk" from "The Book of the Thousand Nights and a Night".

Don't Be Sad!
There is a good book by ʿAaidh al-Qarni of the same name.

Hurrah! Eureka!..
The song was written in 1971.

Tsunami.
The song was written for the film "Attention, tsunami!" (1969).

The Forgotten Soldier.
The poem was written in 1966.

A Letter to "Incredible but True".
The full title of this song is "A Letter of the Patients of Kanatchikov Hall to the Editorial Staff of the Television Program 'Incredible but True'". Here are two its lines:

There remarkable things happen near us,
But they've banned them from our sight.

The song was written in 1977.

I performed a notable feat...
The song was written in 1967.

IN A FARAWAY KINGDOM.

When play cards the professional players...
This poem reflects what is written about the two prophets in the Revelation to Saint John (chapter 11, verse 12): ***"And they heard a great voice from heaven saying unto them, Come up hither. And they went up into heaven in the cloud; and their enemies beheld them."***

A Song about the King's Shooter.
The presented text is adapted from Eugeny Koshelev, Sergey Roy and Anna Zaigraeva's translations.

A WEDDING SONG.

The first, second, third, fourth, fifth and seventh songs, also written in 1974, are "Skomorokhs at the Fair", "Nightingale the Robber's Serenade", "The Tsar's Decree", "The Duo of the Cashier and the Treasurer", "A Marching Song" and "A Wedding Song". These songs were written for the film "Ivan and Maria" (1974), the songs "Skomorokhs at the Fair", "The Duo of the Cashier and the Treasurer" and "A Wedding Song" were not performed in the film.

In Russian folklore, N i g h t i n g a l e t h e R o b b e r (also known as "Solovey the Brigand") is a half-man half-bird creature, having the ability to fly and living in a nest.

The Song of Goger-Moger.

This song could be performed on his behalf by Nikita Khrushchev, as well as by any of the successors of his business, both from the past and the present. And the offensive words, which the hero of the song says about the poets who wield power, relate to Joseph Dzhugashvili, who implemented a national-oriented policy.

Here is his poem "The Lay Brother" (1949), where he wrote about his obedience to the Creator:

It's time to tell some words my future judges:
Of course, in many cases I wasn't right!
But I didn't regulate what came about,
I always felt myself in someone's sight.

I had no chance for resting nor for sleeping,
He lived in me and ruled from the inside.
And, as a bondman of the worldwide spirit,
I held the reins both fast and bona fide.

Who was this One, my enigmatical master?
Wherefore His will through me had to perform?
Of the new road a sedulous disciple,
His orders I fulfilled with heart and soul.

And everything was then incomprehensible:
Where did came from will, spirit and great force?
My words came true — our foe became prostrated,
We utterly defeated his black hordes.

And only then, at that victorious spring-time,
He uttered very softly in my ear,
"All of My orders thou hast fulfilled now,
And peace deserved by thee is very near."

The portrait painted in the song is very accurate. But let us not forget that when Goger-Moger came to power, Rossia was on the verge of disintegration, that he made the decision to return Crimea and, albeit very belatedly, gave the order to start a military operation to protect the Russians in Ukraine.

Here it is pertinent to recall Igor Strelkov's "Parable" (2017). The unjust conviction of the author is an additional confirmation of his rightness.

It is well known that the role model of the person symbolized by the hero of the song is Peter I, who started the process of eradicating the Russian spirit at the state level, and who was called the Antichrist by the people. But, in his endeavor to establish life in Rossia, Peter I invited European officers, scientists and all kinds of capable people; and during the rule of his admirer, the country has become flooded with savages from Transcaucasia and Central

Asia, who, with the full support of the authorities, have gone from being our guests to the invaders, what has put Rossia — together with unprecedented pressure on her from the West through sanctions and the war in Ukraine — in the most dangerous, probably, position for the entire time of her existence.

And how harmful to our country is his reverent attitude to the personality and legacy of the first president of Rossia, whereas there has never been a ruler more despised and hated by the people!

Vladimir Vysotsky wrote about that president in the poems "In one power..." and "There was a sovereign..." (1966), here is the latter:

There was a sovereign
In a certain time,
Who had off-hand manners,
And had no mind.

It looks suspicious that Goger-Moger shows great enthusiasm in digitizing everything that is possible and worships the imaginary power of artificial intelligence.

It is strongly alarming that he conducts, together with a couple of shamans-veterans, the military campaign indecisively, has refused to carry out a new mobilization and put the economy on the military track, and seeks to come to an agreement with the implacable enemy at all costs, while we need an unconditional victory to ensure the security of our Homeland.

There is no justification for his ignoring the need for new industrialization, as well as for selling Russian raw materials and energy resources to the enemy...

Is not this person was sung about in a song popular among Soviet teenagers, "Our port was often visited by ships...", as "he's not ours, he's not from the ocean"?

That song is not as simple as it seems at first sight (pretty Mary can symbolize both Rossia and the whole world).

To all appearances, the events described in this once popular song have already happened in 2023 — in this case, the captain symbolizes Yevgeny Prigozhin, and the unfine young man symbolizes Goger-Moger, that is, the system created by him, which was opposed by Yevgeny Prigozhin and which has destroyed him, but this does not exclude the possibility of repeating similar events in the future.

The song was written in 1978 for the play of the Taganka Theater "Turandot or, The Congress of Whitewashers" (1979).

About Sergey Thomin.

Here is stanza 1:

I grew up like all others pre-war youngsters:
At night we often met to drink and sing.
Sergey Thomin was one of us and we didn't like him,
'Cause ever very serious was he.

The person who is featured in this song is easily recognized. Of course, those who are not former military personnel should not be allowed to hold high government positions.

And he, who narrates about that person, perhaps, symbolizes the awaited messenger — as well as the narrator in the song "About My Master Sergeant" (1970).

The song was written in 1964.

There are no more green oak trees...

This song is a variation on the theme of the prologue to Alexander Pushkin's poem "Ruslan and Ludmila" (1820) (this text is adapted from Walter Arndt, Edward Bonver, Julian Henry Lowenfeld and Irina Zheleznova's translations):

There's a green oak by a cove curving,
A gold chain on that oak is found:
Both day and night a cat most learned
Perambulates by it around;
When walking right — performs he ditties,
When walking left — tells fairy tails.
It's a rare place! A nymph there sits in
The thick of branches; there on trails
Unknown to man move beasts unseen by
His eyes; there stands on chicken feet,
Without a door or e'en a window,
A tiny hut, a sprite's retreat;
The wood there and the vale are teeming
With wondrous visions; when dawn comes, gleaming
Waves o'er the empty beach there creep,
And, from the clearest shining waters,
Step thirty armored knights escorted
By their sea tutor, of the deep
An old resider; in his passing,
A prince there makes a king his slave;
In clouds there, or the people's massing,
Across the wood, across the wave,
A warlock bears a warrior brave;
In prison there a fair princess sheds tears,
And a brown wolf transmits her letters;
There glides, as if it has some feet,
A mortar with a witch in it;
There King Koshchey o'er his gold molders;
There Russian's all... There Rus' gives odors!
Once there I stayed, drank ale and mead,
Saw the green oak by the cove curving,
Sat under it, and the cat learned
His fairy tales to me would read.
One of these tales have I recalled now,
And will discover it to all ones...

The thirty-three strong men are the former Soviet republics, their former sea tutor, who criticizes everything, is the first president of Rossia, Flibbertigibbet is the first and only president of the Soviet Union, and the house burnt by him symbolizes the Soviet Union.

At present, the destruction of the lungs of our planet, the tropical forests, is continuing, and if the existing rates of logging be maintained, they will be completely destroyed in less than a hundred years. As wrote Porphyry Ivanov, peace be upon him, in his article "How to Get Rid of Diseases and Become Healthy", it would be good for us to recall Krylov's fable "The Pig under the Oak" (1825).

There is a good fairy tale about the forest (mentioned in the commentary to the poem “The Messenger”), which should be read to all children—it is Upton Sinclair’s “The Gnomobile”.

It is pertinent to give here a version of Raisa Kudasheva’s song “A fir-tree, green and little...” (1903) (this text is partly inspired by Arthur Durando and Irina Popova’s translation):

A fir-tree, green and little,
Once grew up in the wood.
In summer and in winter,
She was in a good mood.
In summer and in winter,
She was in a good mood.

The wind sang her a cradle-song,
“Sleep, little fir, sleep tight!”
The frost with snow bedecked her,
It was a pretty sight!
The frost with snow bedecked her,
It was a pretty sight!

At times a trembling hare
Was hidden by her arms—
He was out of harm’s way there,
The hungry wolf went past.
He was out of harm’s way there,
The hungry wolf went past.

And when the harmful insects
Came to offend the fir,
The pecker, her physician,
Was there to safe-guard her.
The pecker, her physician,
Was there to safe-guard her.

Thus she became a slimmish
And tall eye-filling tree.
With her green merry sisters,
She in good concord lived.
With her green merry sisters,
She in good concord lived.

Here also comes to mind Eduard Uspensky’s song “Blue Railcar” from the animated film about the adventures of Cheburashka and Gena the Crocodile (the episode “Shapoklyak”, 1974) (this text is adapted from Tatiana Avash’s translation and two translations by anonymous authors):

One by one the minutes slowly slip away,
Don’t expect to meet with them once more.
We regret a bit that our past can’t stay,
But the future’s waiting at the door.

Our road does lead us through the woods and leas
Right to the distant parts where we belong.
In the best ahead, each one of us believes,
And our blue railcar rolls on and on.

Maybe thou'rt angered at someone for naught—
The next annal will neutralize that script.
Now we a path to new adventures plot,
Engineer, put the train on speed!

Our road does lead us through the woods and leas
Right to the distant parts where we belong.
In the best ahead, each one of us believes,
And our blue railcar rolls on and on.

Our blue railcar advances as it sways,
The express train's speeding up ahead.
Oh, why's this day coming to an end, I'm dazed,
Wish it'd last the whole year instead!

Our road does lead us through the woods and leas
Right to the distant parts where we belong.
In the best ahead, each one of us believes,
And our blue railcar rolls on and on.

Our road does lead us through the woods and leas
Right to the distant parts where we belong.
In the best ahead, each one of us believes,
And our blue railcar rolls on and on.
In the best ahead, each one of us believes,
And our blue railcar rolls on and on.

And, of course, it is pertinent to recall here Paul McCartney's song "Yellow Submarine" (1968) (this text is a version):

In the town where I was born,
Lived a man who sailed to sea.
And he told us of a life
In the land of submarines.

So we sailed up to the sun
Till we found the sea of green,
And we lived beneath the waves
In our yellow submarine.

We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.

And our friends are all aboard,
Almost each one lives next door.
And the band begins to play
O'er again a song of new.

We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.

(Full speed ahead, Mr. Parker, full speed ahead!
Full speed ahead it is, Sergeant!
Action station! Action station!
Aye, aye, sir, fire!
Captain! Captain!)

As we live a life of ease (a life of ease),
Each of us (each of us) has all we need (has all we need).
One can find (one can find) the sea of green (the sea of green)
In our yellow (in our yellow) submarine (submarine).

We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.

We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.

The song was written in 1967.

Spring waters went away...

The spring waters mean the waters of the Flood, and the frights mean today's rulers and persons of dominant influence—not all, but a good many of them.

And it is pertinent to quote here Lucius Annaeus Seneca's words: "Quae fuerant vitia mores sunt." ("What had been vices are the customs of today.")

A Hymn to School.

The hymn was performed in the TV movie "Our Calling" (1981).

In one power...

The tsar shown in this poem symbolizes the first president of Rossia.
The poem was written in 1977.

I've prepared a report...

This poem narrates about the inglorious end of the American "peacemaking missions".

The Antipodes' March.

This march could be performed by the "democrats" on their behalf.

The march was written in 1973, performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976).

The King's Procession.

The Gospel According to Saint Matthew (chapter 4, verse 10) says, ***"Thou shalt worship the Lord thy God, and him only shalt thou serve."***

The song was performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976).

The presented text is adapted from Anonymous' translation.

The Gutsy Fellow.

The hero of this song symbolizes the United States, whose exceptionalism has been clearly elucidated by Walt Garlington in the article "Americanism Will Always Be at War with Traditional Peoples" (2024).

The song was written for the film "Armed and Very Dangerous" (1977).

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

The Two Brothers.

Here is stanza 1:

In the village of Big Forks,
Where the hayloft was burnt off,
There were in the days of old
Two bad fellows of great force—
Brothers Nicholas and Prov.

These brothers symbolize the United States and "Israel", the village of Big Forks—our Earth, and the hayloft—the Chernobyl nuclear power plant (the Chernobyl disaster, which happened when the third angel sounded, burst out over the six years after the death of the poet). But the brothers can also symbolize two men, and the village of Big Forks—Rossia. The song has the happy ending: the brothers felt ashamed of their behavior and stopped terrorizing people when the wanderer said to them, "Brothers, ye ought to be ashamed!"

The song was written in 1970.

A Song about Breakage.

This song narrates about the Ukrainian tradition to maidan, what means to squander money and property.

The song was written in 1973, performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976).

An Unusual Fable.

As Wird Khan, who is narrated in one of the stories of "The Book of the Thousand Nights and a Night", in "The History of King Wird Khan, son of King Jali'ad with His Women and Viziers", would say, the first king, despite his craftiness (as it is written in the original), was assiduous in furthering three things that are predefined for him who is invested with the kingship: the fostering of the faith, the fostering of his subjects and the fostering of government—and has led his kingdom to prosperity, while the second king, being an egregious boor (as it is written in the original), breached his devoir to his subjects, what leads to the ruin of the king and the loss of his kingdom and fortune—and has put his kingdom in a very dangerous position. And the third king, being a militarist and a vandal (as it is written in the original), has begun to pursue a policy leading to the complete absorption of his kingdom by neighboring kingdoms or, at best, to a significant reduction of its territory.

And, here it can be drawn a parallel between Porphyry Ivanov, peace be upon him, who has walked barefoot and almost naked across Rossia and Ukraine during fifty years, and the Prophet Isaiah, peace be upon him, who had walked barefoot and naked for a sign and a wonder concerning Egypt and Ethiopia during three years.

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

A Strange Jumping.

This song narrates about the Ukrainian revolutionaries of the so-called revolution of dignity.

The song was written in 1973, performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976).

The Young Frogs.

This song narrates about blocking of the railway communication with Rossia by the Ukrainian neo-nazis in the beginning of the Ukrainian events.

The song was performed in the musical tale "Alice in Wonderland" (1976).

A TALE ABOUT THE WOOD DWELLERS.

I pass dames neither silently nor easy...

T h e O l d V i x e n, in the original text, is Baba Yaga. In Russian folklore, it is a witch—a ferocious-looking old woman, who flies around in a mortar and lives deep in the forest in a hut.

A Tale about the Ill-Fated Wood Dwellers.

In Russian folklore, K o s c h e y t h e D e a t h l e s s (also known as "Koschey the Immortal") is a bony, emaciated old man, rich and wicked, who knows the secret of eternal life.

I v a n t h e D o l t (known as "Ivan the Fool" or "Ivan the Ninny") is a stock character of lucky fool—a very simple-minded, but, nevertheless, lucky young man.

The presented text is partly adapted from Anonymous' translation.

A Song-Tale about the Evil Forces.

The song was written in 1966, its fragment was used in the film "Brief Encounters" (1967).

Songs of the Evil Forces.

These songs were written in 1974, performed in the film "Ivan and Maria" (1974).

An Outing to the City.

The song was written in 1967.

THE DEMON DRINK.

A Song-Tale about the Djinni.

The fifth stanza of this song is a poetic reflection of what is written in the Revelation to Saint John (chapter 11, verse 5): ***"And if any man desireth to hurt them, fire proceedeth out of their mouth, and devoureth their enemies: and if any man shall desire to hurt them, in this manner must he be killed."***

The song was written in 1967.

How in one old Russian tale...

The song was written in 1962.

A Travel to the Past.

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya and George Tokarev's translations.

Such a plumber you haven't seen for ages...

The fifth stanza of this song has much in common with the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "A great happiness is to be healthy."

It is also pertinent to quote here Marcus Tullius Cicero's words: "Bona valetudo melior est quam maximae divitiae." ("Good health is worth more than the greatest wealth.")

Translation versions of lines:

Line 7:

And except for my love left at home,
And except for my bride left at home,

Line 9:

To my bride, I sent letters and presents,

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya and George Tokarev's translations.

For lots of lucky years...

This song calls to mind the words from Vladimir Vysotsky's song "A Lecture on the International Situation" (1979):

For years, I've forced a closed door as a stubb'rn ram—
'Stead of to set off for Tehran with the Qur'an!

And it is pertinent to quote here Lucius Annaeus Seneca's words: "Ebrietas est voluntaria insania." ("Drunkenness is nothing but voluntary madness.")

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

THE NATURE RESERVE.

In a yellow hot land...

In this song, the parrot symbolizes our enemy, as well as in the song "There on the desert island..." (1968), where

He drew the dwellers round,
And set to teach them 'bout
The most terrible words.

The song was written for the film "My Papa is a Captain" (1969), performed in the play of the Sovremennik Theater "One's Own Island" (1971) and in the play of the Moscow Literary and Drama Theater of the All-Russian Theatrical Society "There in the Distance" (1976).

The presented text is adapted from Vadim Baranovsky and George Tokarev's translations.

A Ballad of Short Happiness.

The ballad was written in 1975 for the film "The Arrows of Robin Hood", see commentary to "A Ballad of Time".

The obstacles we have are begotten by our age...

The meaning of this poem is obvious: the dogs symbolize the savages coming to Rossia from Transcaucasia and

Central Asia (and also their offspring), who act much worse than dogs. These savages have posed a great danger to the peoples inhabiting Rossia, and since our present-day government does not pay attention to it, the only way out of this situation is to form a people's volunteer corps of those willing to become "dog catchers", and, of course, to change this anti-popular government.

In Rudyard Kipling's "The Jungle Book" (1894), these are the Bandar-log, and here is their road-song:

Here we go in a flung festoon,
Half-way up to the jealous moon!
Don't you envy our pranceful bands?
Don't you wish you had extra hands?
Wouldn't you like if your tails were — so —
Curved in the shape of a Cupid's bow?
Now you're angry, but — never mind,
Brother, thy tail hangs down behind!

Here we sit in a branchy row,
Thinking of beautiful things we know;
Dreaming of deeds that we mean to do,
All complete, in a minute or two —
Something noble and grand and good,
Won by merely wishing we could.
Now we're going to — never mind,
Brother, thy tail hangs down behind!

All the talk we ever have heard
Uttered by bat or beast or bird —
Hide or fin or scale or feather —
Jabber it quickly and all together!
Excellent! Wonderful! Once again!
Now we are talking just like men.
Let's pretend we are... never mind,
Brother, thy tail hangs down behind!
This is the way of the Monkey-kind.

Then join our leaping lines that scumfish through the pines,
That rocket by where, light and high, the wild-grape swings,
By the rubbish in our wake, and the noble noise we make,
Be sure, be sure, we're going to do some splendid things!

The Red Dog in his "The Second Jungle Book" (1895) also symbolize those savages.

And the author of this publication, who has firsthand knowledge of them, joins the poet in saying, "Hail to the dog catchers!"

In 2022, there appeared in Rossia the Army of Defenders of the Fatherland — an organization of unity of the people and the army, which is aimed to bring order to the country, what includes the liberation of our Homeland from the dominance of ethnic criminals united in diasporas. I would also like to draw the readers' attention to the Russian Community and to the Telegram channel "The Multinational".

The words

"Thus, for example, as the earth's owner, you
Speed to Velikiya Luki"

are an allusion to Vasily Lebedev-Kumach's "A Song about Our Earth" (1936), here are lines from it:

From the capital to any corner,
Through the woods and everlasting snows,
Man can walk and feel that he's the owner
Of his great interminable earth.
...
Our answer will be quick and crushing,
If to touch us anyone is bold,
Our earth we keep as our mother,
And love as the bride and even more.

It is pertinent to quote here Joseph Stalin's words from his Report to the XVII Party Congress on the work of the Central Committee of the A.U.C.P. (b.) (1934): "Our foreign policy is clear. It is a policy of preserving peace and strengthening trade relations with all countries. The U.S.S.R. does not think of threatening anyone, much less attacking anyone. We stand for peace and defend the cause of peace. But we are not afraid of threats and are ready to respond with a blow to the blow of the warmongers. Those who want peace and seek business ties with us will always find our support. And those who will try to attack our country will receive a crushing rebuff, in order to teach them not to stick their pig's snout in our Soviet vegetable garden."

The poem was written in 1972.

The gentle animals and predatory beasts...

Here comes to mind Vladimir Vysotsky's poem "Without the beasts, we would be beasts ourselves..." (1966).

And, of course, here also comes to mind Jack London's novel "Michael, Brother of Jerry" (1917).

A Song-Fable about the Scapegoat.

This song calls to mind the words about the awaited messenger from the Book of the Prophet Isaiah (chapter 52, verses 13—15): ***"Behold, my servant shall deal wisely, he shall be exalted and lifted up, and shall be very high. Like as many were astonished at thee (his visage was so marred more than any man, and his form more than the sons of men), so shall he sprinkle many nations; kings shall shut their mouths at him: for that which had not been told them shall they see; and that which they had not heard shall they understand."***

The song was written in 1973.

A Song about the White Elephant.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "Man catches the living, and remakes it to the dead."

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

A Song about the Mongooses.

Vladimir Vysotsky narrated that the Bulgarian cinematographers made an animated film based on the plot of this song.

The presented text is adapted from Vladimir Gurvich's translation.

The Herbarium.

The words of the Prophet Isaiah, peace be upon him, which are called to mind by the song "Thank Thee, O Good Lord, for Thy grace...", and given in the commentary to it, are also called to mind by this one.

The song was written in 1976.

The Sea-Gull.

The third final lines of the seventh stanza are a poetic reflection of what will happen to the people deserved that in the Day of Requital, what Porphyry Ivanov, peace be upon him, called Evolution, when man, speaking in his words, will become a person of easy temper:

I'll dissolve in the self,
I'll, with my silhouette,
merge for all future time.

The song was written in 1973, performed in the play of the Memorial Lenin Komsomol Theater "Extraordinary Adventures on the Volga Steamer" (1984).

The Nature Reserve.

As the epigraph to this song, there can be used the words of the sea dwellers from the poem "The Blizzard" written by Porphyry Ivanov, peace be upon him:

Now there will be equity in Nature,
The people won't be such hostile things.

Here comes to mind Gabdulla Tukay's poem "The Poor Hare" (1910).

Allah, glorious and exalted is He, made man the master of the Earth, having bidden him to ***"have dominion over the fish of the sea, and over the fowl of the air, and over every living thing that moveth upon the earth"*** (the Book of Genesis, chapter 1, verse 28), not to exterminate the Earth's creatures.

Here is what is written in stanza 9:

In spotless white aprons, desirous to serve,
And loudly declaring, "Don't harm anything!"
The huntsmen must guard all this Nature reserve
By Moses' commandment, "A man shall not kill!"

The song was written in 1972 for an unfulfilled performance of the Leningrad Theater of Miniatures.

To the wood...

This poem reflects the instruction of the Holy Qur'an to live in harmony with Nature (what follows from the injunction to live according to the Moon Calendar), what was again said to us through Porfiry Ivanov, peace be upon him. And his words from the work "The Untruth" can be used as the epigraph to it:

Nature is a rich mother: air, water and land,
The closest, dearest, unforgettable friends.

Here comes to mind Rabindranath Tagore's poem "To Civilization" (1896) (translated by Fakrul Alam):

Give back the wilderness, take away the city.
Embrace if you will your steel, brick and stonewalls.
O newfangled civilization! Cruel all-consuming one,
Return all sylvan, secluded, shaded and sacred spots

And traditions of innocence. Come back evenings
When herds returned suffused in evening light,
Serene hymns were sung, paddy accepted as alms
And bark-clothes worn. Rapt in devotion,
One meditated on eternal truths then single-mindedly.
No more stonehearted security or food fit for kings—
We'd rather breathe freely and discourse openly!
We'd rather get back the strength that we had,
Burst through all barriers that hem us in and feel
This boundless Universe's pulsating heartbeat!

Another close in spirit poem is Rudyard Kipling's "The Secret of the Machines" (1911):

We were taken from the ore-bed and the mine,
We were melted in the furnace and the pit—
We were cast and wrought and hammered to design,
We were cut and filed and tooled and gauged to fit.
Some water, coal, and oil is all we ask,
And a thousandth of an inch to give us play:
And now, if you will set us to our task,
We will serve you four and twenty hours a day!

We can pull and haul and push and lift and drive,
We can print and plough and weave and heat and light,
We can run and race and swim and fly and dive,
We can see and hear and count and read and write!

Would you call a friend from half across the world?
If you'll let us have his name and town and state,
You shall see and hear your cracking question hurled
Across the arch of heaven while you wait.
Has he answered? Does he need you at his side—
You can start this very evening if you choose
And take the Western Ocean in the stride
O seventy thousand horses and some screws!

The boat-express is waiting your command!
You will find the *Mauritania* at the quay,
Till her captain turns the lever 'neath his hand,
And the monstrouos nine-decked city goes to sea.

Do you wish to make the mountains bare their head
And lay their new-cut forests at your feet?
Do you want to turn a river in its bed,
Or plant a barren wilderness with wheat?
Shall we pipe aloft and bring you water down
From the never-failing cisterns of the snows,
To work the mills and tramways in your town,
And irrigate your orchards as it flows?

It is easy! Give us dynamite and drills!
Watch the iron-shouldered rocks lie down and quake,
As the thirsty desert-level floods and fills,
And the valley we have dammed becomes a lake.

But remember, please, the Law by which we live,
We are not built to comprehend a lie,
We can neither love nor pity nor forgive.
If you make a slip in handling us you die!
We are greater than the Peoples or the Kings—
Be humble, as you crawl beneath our rods!—
Our touch can alter all created things,
We are everything on earth—except The Gods!

Though our smoke may hide the Heavens from your eyes,
It will vanish and the stars will shine again,
Because, for all our power and weight and size,
We are nothing more than children of your brain!

And it is pertinent to quote here Lucius Annaeus Seneca's words: "Omne malum ex urbe." ("All harm comes from the town.")

THE WAYWARD HORSES.

The Wayward Horses.

The song was written for the film "The Sannikov Land" (1973), performed in the play of the Moscow Literary and Drama Theater of the All-Russian Theatrical Society "There in the Distance" (1976).

The presented text is adapted from Vyacheslav Chetin, Vyacheslav Chistyakov, Eugeny Sarkisyants and George Tokarev's translations.

BLACK EYES.

The song "The Chase" was performed in the film "The Only One" (1975), the song "The Old House" was offered for the film "Yemelyan Pugachev" (1978).

These songs were written in 1974.

WHO FOR WHAT RUNS.

The Goalkeeper.

L e v Y a s h i n, to whom this song is dedicated, is a legendary footballer, who spent his professional career with Dynamo Moscow and the Soviet Union national football team. He is considered to be the greatest goalkeeper in the history of the game.

The song was written in 1971.

A Song about the Right Insider.

This song says that Rossia follows her own way.

The song was written in 1967.

The Weightlifter's Song.

Vasily Alekseyev is a legendary weightlifter, he set eighty world records.

A Greek of some renown is Heracles, and his opponent, in Greek mythology, is Antaeus—a son of the God of the Sea Poseidon and the Goddess of the Earth Gaea, who could not be defeated as long as he remained in contact with his Mother Earth.

The presented text is adapted from Serge Elnitsky's translation.

The Long-Jumper's Song.

8 m 40 cm is about 27 ft 7 in, 8 m 60 cm is about 28 ft 3 in, 8 m 90 cm is about 29 ft 2 in, 8 m 7 cm is about 26 ft 6 in.

At the time of writing this song, the world record was 8 m 90 cm (it was set in 1968, at the Olympic Games in Mexico City, by the American black athlete Bob Beamon), but this result was considered phenomenal—the previous record was only 8 m 35 cm (27 ft 5 in).

"I'll defeat America" is a very loose paraphrase of the quote from Vladimir Mayakovsky's poem "Americans Wonder" (1929) used in the original.

The presented text is adapted from George Tokarev's translation.

The High-Jumper's Song.

The hero of this song refused to lie on the Procrustean bed of unification and won.

In the song, there is played the title of the popular in its time film (and the song has something in common with it) "This Sporting Life" (1963).

The song was written in 1970.

The Sentimental Boxer's Song.

This song calls to mind Publilius Syrus' words: "Perpetuo vincit, qui utitur clementia." ("He who employs clemency is forever winner.")

"Life's like the one of a rose" is a very loose paraphrase of the quote from Vladimir Mayakovsky's poem "All Right!" (1927) used in the original.

The presented text is adapted from Serge Elnitsky and George Tokarev's translations.

Who For What Runs.

Here is stanza 20:

> The first won't swallow down the tasty piece,
> The second won't put on the laurel wreath,
> And will be bound the third
> To go to the reserve.

These four runners symbolize the four major religions of the world—Judaism, Christianity, Buddhism and Islam. The fact that the fourth runner threw off his jersey at the finish relates to Porphyry Ivanov, peace be upon him.

Here are the final lines:

> The shoulders are apart the shoulder-bones—
> The four titleholders are just flying forth!

The song was written in 1974.

Tap Dance.

The song was written in 1973, performed in the play of the Memorial Lenin Komsomol Theater "Extraordinary Adventures on the Volga Steamer" (1984).

The Morning Exercise.

This song calls to mind an old saying: "Cura, ut valeas!" ("Take care that you be well"), and, of course, the story "The handsome huntsman and his kinsfolk" from Sulkhan-Saba Orbeliani's "The Book of Wisdom and Lies" (1894). As the epigraph to it, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "Tempering with cold water has a very great benefit, it is the awakening of the central nervous system."

The song was performed in the play of the Moscow Academic Theater of Satire "The Last Parade" (1968).

The presented text is adapted from Andrey Kneller's translation.

The Tightrope Walker.

The presented text is adapted from Sergey Roy, George Tokarev and Eugenia Weinstein's translations.

A SONG ABOUT FRIENDSHIP.

At present my friend isn't here...

There is a good old saying: "Alter ego est amicus." ("A friend is another self.")

And, of course, here comes to mind Rudyard Kipling's poem "The Thousandth Man":

One man in a thousand, Solomon says,
Will stick more close than a brother.
And it's worth while seeking him half your days
If you find him before the other.

Nine hundred and ninety-nine depend
On what the world sees in you,
But the Thousandth Man will stand your friend
With the whole round world agin you.

'Tis neither promise nor prayer nor show
Will settle the finding for 'ee.
Nine hundred and ninety-nine of 'em go
By your looks, or your acts, or your glory.

But if he finds you and you find him,
The rest of the world don't matter;
For the Thousandth Man will sink or swim
With you in any water.

You can use his purse with no more talk
Than he uses yours for his spendings,
And laugh and meet in your daily walk
As though there had been no lendings.

Nine hundred and ninety-nine of 'em call
For silver and gold in their dealings;

But the Thousandth Man he's worth 'em all
Because you can show him your feelings.

His wrong's your wrong, and his right's your right,
In season or out of season.
Stand up and back it in all men's sight
With that for your only reason!

Nine hundred and ninety-nine can't bide
The shame or mocking or laughter,
But the Thousandth Man will stand by your side
To the gallows-foot — and after!

This poem is a poetic reflection of the essay about friendship from the Book of Sirach (chapter 6, verses 5—17):

Sweet words will multiply a man's friends;
And a fair-speaking tongue will multiply courtesies.
Let those that are at peace with thee be many;
But thy counsellors one of a thousand.
If thou wouldest get thee a friend, get him by proving,
And be not in haste to trust him.
For there is a friend [that is so] for his own occasion;
And he will not continue in the day of thy affliction.
And there is a friend that turneth to enmity;
And he will discover strife to thy reproach.
And there is a friend that is a companion at the table;
And he will not continue in the day of thy affliction.
And in thy prosperity he will be as thyself,
And will be bold over thy servants:
If thou shalt be brought low, he will be against thee,
And will hide himself from thy face.
Separate thyself from thine enemies;
And beware of thy friends.
A faithful friend is a strong defence;
And he that hath found him hath found a treasure.
There is nothing that can be taken in exchange for a faithful friend;
And his excellency is beyond price.
A faithful friend is a medicine of life;
And they that fear the Lord shall find him.
He that feareth the Lord directeth his friendship aright;
For as he is, so is his neighbour also.

The song was written in 1971, performed in the radio play "The Green Wagon" (1974).

All the cares are today of no importance...
The poem was written in 1966.

A Song about Friendship.

This song calls to mind Publilius Syrus' words: "Amicus perdere est damnorum maximum." ("The loss of a friend is the greatest of losses.")

Here also comes to mind Rasul Gamzatov's poem "Cherish your friends" (written in the early 1970's).

V a l e r y A b r a m o v was a friend of Vladimir Vysotsky, a brother of his second wife Lyudmila Abramova.

The song was written for the film "Quarantine" (1968).

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

A Song about a Friend.

There is a good old saying: "Amicum proba; probatum, ama." ("Put your friend to the test; after he has been tested, love him.")

The presented text is adapted from Yevgeny Sokolovsky and George Tokarev's translations.

A BALLAD OF LOVE.

The Song of Mar'yushka.

The song was written for the film "Ivan and Maria" (1974) in 1974.

We Are Waiting for You.

Another title of this song is "The Song of Waiting".

The song was written in 1972, performed by Marina Vladi in the film "The Starting Point" (1979).

The White Waltz.

The song was written in 1978 for the film "The Starting Point" (1979).

The Glorification of Father.

The song was performed in the film "Ivan and Maria" (1974).

A Ballad of Love.

It is pertinent to quote here Publius Vergilius Maro's words: "Amor vincit omnia." ("Love conquers all.")

The ballad was written for the film "The Arrows of Robin Hood", see commentary to "A Ballad of Time".

The presented text is adapted from Eugenia Fuchs, Svetlana Gulin, Sergey Roy and Eugeny Sarkisyants' translations.

A Lullaby.

Here comes to mind "A Lullaby" by Gabdulla Tukay (1909).

A version of this song was performed in the play of the Memorial Lenin Komsomol Theater "Extraordinary Adventures on the Volga Steamer" (1984) ("Hopkinson's Lullaby", 1973).

A Lyrical Song.

It is pertinent to recall here Sergey Lyubavin's song "Marina".

The song was performed in the play of the Sovremennik Theater "One's Own Island" (1971) and in the play of the Moscow Literary and Drama Theater of the All-Russian Theatrical Society "There in the Distance" (1976).

The presented text is adapted from Mika Tubinshlak's translation.

The Crystal House.

The song was written in 1967.

The Ships Love.

The song was written in 1973, performed by Vladimir Vysotsky and Nina Shatskaya in the film "Contraband" (1974).

More really than a dream and a delirium...

The song was written in 1977, completed by the author of this publication (there was a mistake).

A road, a road—no count for steps...

The song was written in 1963, modified in 1966, performed by an anonymous artist in the film "Sasha-Sashen'ka" (1966).

As for nice girls, they're loved more often and fervently...

The song was written in 1968 for the film "Quarantine" (1968).

People at parting said good-bye to the sea-wizard...

This poem calls to mind Gaius Petronius Arbiter's words: "Qui solas extruere divitias curant, nihil volunt inter homines melius credi, quam quod ipsi tenet." ("Those who only trouble about heaping up riches do not want anything to be considered better than what is in their own hands.")

The poem was written in 1962.

The Far East.

The song was written in 1969, included in the film "Attention, tsunami!" (1969) not in the author's performance.

A SAD LOVE SONG.

Catherine.

This song has much in common with Gabdulla Tukay's poem "To a Disgraced Tatar Girl" (1909).

It was another time, when decency was considered a virtue among all nations, when Muslim and Christian, Jewish and Buddhist women dressed modestly and covered their heads. Today, for example, one can see a modestly dressed and head-covered Christian woman—if she is not from the Old Believers—only in church and in the remarkable animated films "The Three Bogatyrs", "Prince Ivan and the Gray Wolf" and "Masha and the Bear".

And it is pertinent to recall here Plinius Minor's words: "Quod dubitas, ne feceris." ("Do not do what you are in doubt of.")

A translation version of line 15:

Let's take a cab, it's the right time for riding out!

The presented text is partly adapted from Olga Mona's translation.

A Sad Love Song.

It is pertinent to quote here Publius Ovidius Naso's words: "Credula res amor est." ("Love is a credulous thing.")

And it is also pertinent to recall here Rudyard Kipling's poem "The Fool" ("The Vampire") (1897):

A fool there was and he made his prayer
(Even as you and I!)
To a rag and a bone and a hank of hair
(We called her the woman who did not care),

But the fool he called her his lady fair
(Even as you and I!)

Oh, the years we waste and the tears we waste
And the work of our head and hand,
Belong to the woman who did not know
(And now we know that she never could know)
And did not understand.

A fool there was and his goods he spent
(Even as you and I!)
Honor and faith and a sure intent
(And it wasn't the least what the lady meant),
But a fool must follow his natural bent
(Even as you and I!)

Oh, the toil we lost and the spoil we lost
And the excellent things we planned,
Belong to the woman who didn't know why
(And now we know that she never knew why)
And did not understand.

The fool was stripped to his foolish hide
(Even as you and I!)
Which she might have seen when she threw him aside—
(But it isn't on record the lady tried)
So some of him lived but the most of him died—
(Even as you and I!)

And it isn't the shame and it isn't the blame
That stings like a white hot brand.
It's coming to know that she never knew why
(Seeing at last she could never know why)
And never could understand.

The literal translation of the song title is "A Town Love Song".
The song "The Cranes" is presented in the commentary to the song "He Was Shot in the Fighting".
The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

TWO LOVE SONGS.

These songs call to mind Gabdulla Tukay's poem "The Comprehension of the Truth" (1911).

The song "She was so beautiful, so stately and so grand..." (written in 1969) was performed in the play of the Taganka Theater "Crime and Punishment" (1979), and also a part of this song was performed in the film "One of Us" (1970) by Georgy Yumatov, a fragment of the song "She was both my bliss and my pain..." (written in 1968) was used in the film "The Dangerous Tour" (1969).

The presented texts are George Tokarev's modified translations.

A Ballad of the Flowers.

This ballad calls to mind Gabdulla Tukay's poem "The Moth" (1909).

The ballad was performed in the film “The Dangerous Tour” (1969).
The presented text is adapted from Edward Leitman’s translation.

When she arrives, he’s always out...
To all appearances, this song supplements the poems and songs of the section “There Was Once a Man”.
The song was written in 1965.

FAMILY AFFAIRS.

A Family in the Stone Age.
Here comes to mind “Tale of the Bull and the Ass” (“Told by the Vizier”) from “The Book of the Thousand Nights and a Night”, which was narrated to Shahrazad by her father.
The presented text is adapted from George Tokarev’s translation.

Family Affairs in Ancient Rome.
This is an anti-feminist song, it was written in 1969.

About Love in the Middle Ages.
The presented text is partly adapted from George Tokarev’s translation.

About Love in the Renaissance Epoch.
The presented text is adapted from George Tokarev’s translation.

You should know that I was a stoic ’fore...
Today men in the West are deprived of their natural rights.
The poem was written in 1967.

It’s no use to talk to thee!..
The presented text is adapted from Alec Vagapov’s translation.

I came home after work...
This anti-sectarian song narrates about the time after the fall of the Iron Curtain, which protected Rossia from the penetration of newfangled religious teachings.
The song was written in 1967, completed by the author of this publication (there was an ambiguity).

A Dialogue in front of the Television.
As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: “Poor people are we...”
The song was written in 1973.

DEAR FELLOWS SCIENTISTS.

The Physical Students’ March.
As the epigraph to this march, it can be used the stanza from Vladimir Vysotsky’s song “The brains are struck and boil in every cell...”, which was mentioned in the commentary to the song “Tumen Oil” (this text is adapted from Tamara Vardomskaya’s translation):

The brains are struck and boil in every cell,
All space is filled with cracks and deformations,
For devils have settled to build a Heaven in Hell,
To benefit their future generations.

The march was written in 1964 for the unfulfilled performance of the experimental youth theater-studio in Dubna on Maxim Sagalovich's play "The Quiet Physicists".

The Space Villains' March.

As the epigraph to this march, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "Only here, only on this earth will occur everything. Space is an empty bucket."

This march calls to mind Rudyard Kipling's poem "The Gods of the Copybook Headings" (1919) (this text is a version; translated into Russian as a march):

As I pass through my incarnations in every age and race,
I make my proper prostrations to the Gods of the Market Place.
Peering through reverent fingers I watch them flourish and fall,
And the Gods of the Copybook Headings, I notice, outlast them all.

We were living in trees when they met us. They showed us each in turn
That Water would certainly wet us, as Fire would certainly burn:
But we found them lacking in Uplift, Vision and Breadth of Mind,
So we left them to teach the Gorillas while we followed the March of Mankind.

We moved as the Spirit listed. They never altered their pace,
Being neither cloud nor wind-borne like the Gods of the Market Place,
But they always caught up with our progress, and presently word would come
That a tribe had been wiped off its icefield, or the lights had gone out in Rome.

With the Hopes that our World is built on they were utterly out of touch,
They denied that the Moon was Stilton; they denied she was even Dutch;
They denied that Wishes were Horses; they denied that a Pig had Wings;
So we worshipped the Gods of the Market Who promised these beautiful things.

When the Cambrian measures were forming, They promised perpetual peace.
They swore, if we gave them our weapons, that the wars of the tribes would cease.
But when we disarmed They sold us and delivered us bound to our foe,
And the Gods of the Copybook Headings said: *"Stick to the Devil you know."*

On the first Feminian Sandstones we were promised the Fuller Life
(Which started by loving our neighbour and ended by loving his wife)
Till our women had no more children and the men lost reason and faith,
And the Gods of the Copybook Headings said: *"The Wages of Sin is Death."*

In the Carboniferous Epoch we were promised abundance for all,
By robbing selected Peter to pay for collective Paul;
But, though we had plenty of money, there was nothing our money could buy,
And the Gods of the Copybook Headings said: *"If you don't work you die."*

Then the Gods of the Market tumbled, and their smooth-tongued wizards withdrew
And the hearts of the meanest were humbled and began to believe it was true
That All is not Gold that Glitters, and Two and Two make Four
And the Gods of the Copybook Headings limped up to explain it once more.

As it will be in the future, it was at the birth of Man
There are only four things certain since Social Progress began.
That the Wolf returns to his Forest and the Sow returns to her Mire,
And the burnt Fool's bandaged finger goes wabbling back to the Fire;

And that after this is accomplished, and the brave new world begins
When all men are paid for existing and no man must pay for his sins,
As surely as Water will wet us, as surely as Fire will burn,
The Gods of the Copybook Headings with terror and slaughter return!

The march was written in 1966.

Dear fellows scientists!..

It is pertinent to recall here Stanislav Markevich's song "My Darling" (the presented text is Anonymous' modified version).

And how little variety of good for eating foodstuffs has remained on hand! But had the scientists listened to the poet's words... But it was said by Jesus Christ, peace be upon him, that every plant which our heavenly Father planted not, shall be rooted up.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his address "I bow low and exhort you, people...": "...till now it is not visible, that the scientists have made something useful for the true life."

The song was written in 1972.

A Lecture on the State of Modern Science.

As the epigraph to this poem, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "The scientists will lead us to a blockage, they'll get a block—man will surround himself with gewgaws, the earth will be filled with the dead—there will not be natural forces in the air to give rise to anything new."

Here comes to mind Alexander Pushkin's toast "Let us raise our glasses..." (1825) (adapted from Edward Bonver's translation):

Let us raise our glasses and move them right now!
Long live airy muses, and bright of the brow!
Thou, hallowed sun, flare on!
Like this icon-lamp is a-paling
In light of the growing dawn,
So all false sagacity's dimming and failing
By great endless sun of the mind.
Long live holy sun, and let there dark get died!

A SONG ABOUT THE ANTI-SEMITES.

That neurosurgeon was fantastic...

The presented text is George Tokarev's modified translation.

Our keel glides on the Don or on the Spree...

In his work "God's Judgment — Islam in the Bible — 200 Prophecies!", Abdurahim Baimatov clearly showed that the Jews have no right to establish a state of their own — it was said through the Prophet Isaiah (The Book of the Prophet Isaiah, chapter 65, verses 11—16), the Prophet Micah (Micah, chapter 5, verses 10—14, and chapter 6, verses 12—16) and other Prophets of the Holy Bible, peace be upon them all, that this "state" will be destroyed. And the Holy Prophet Muhammad, peace be upon him, said that the Muslims will gain a victory over the Jews.

There are many good articles about Palestine — these are "Israel-Palestine Right to Return and the Bible" by Labib Kobti (1998) and "I Am Israel" by Hashem Said (2002) published on the "Al-Bushra" site, "Why Palestinians Should Never Recognize Israel's 'Right to Exist'" (2007), "The Nazis of Our Time" and "Gaza: The Karbulaa of Our Time" (2010) published in "The Palestine Times", "Zionism for Dummies" by William James Martin (2009) and many other articles published in "The Palestine Chronicle"...

The song was written in 1972.

A Song about the Anti-Semites.

Versions of lines:

A version of lines 33—34 for the up-to-date version of this song:

There's 'mongst them, respected
the fair sex Kapler,

A translation version of lines 60—64:

I'm ready for pound-
ing, robbing and dumping,
And I kick these kikes, and
save my blessed country!

"I kick these kikes, and save my dear Rossia!" is a paraphrase of the anti-Semitic slogan of the time of the Rossian Civil War "Beat kikes, save Rossia!"

The presented text is partly adapted from Stas and Margaret Porokhnya and George Tokarev's translations.

Mishka Shifman.

The poet's words "if there was an alien *(in his family in the poem, in his work in the interpretation)*, he was but a Tatar" were fulfilled — the preparation of his poems and songs for this publication was performed by a man having Turkic blood in his veins, and most of them were edited.

The song was written in 1972.

THE INTERRUPTED FLIGHT.

Though I'm awake, I dream prophetic verses...

This poem calls to mind Lucius Annaeus Seneca's words: "Id facere laus est quod decet, non quod licet." ("It is praiseworthy to do what is becoming, and not merely what is lawful.")

Here also comes to mind Gabdulla Tukay's poem "My Star" (1909).

The presented text is adapted from Sergey Roy's translation.

It's my fate — to the finishing line, to the cross...

Here comes to mind Gabdulla Tukay's poem "Where Is Sweetness?" (1907).

I v a n K a l i t a (also known as Ivan I of Moscow) was the Prince of Moscow from 1325 and the Grand Prince of Vladimir from 1328, he reigned to 1340.

T h e H o r d e o f Z a l e s e s was a common name of Rus' in the period of her being under the influence of the Golden Horde, see the article "When Rus' was Tatar" by Dmitry Zhantiev (2001), the word "Zaleses" means those who live beyond the forest.

P e t e r means the Rossian Czar Peter I, he ruled Rossia from 1682 to 1725.

"Then there were Peter's evil deeds..." — the eradication of the Russian spirit, initiated by Peter I at the state level, is actively continuing; in the article "On the Russian Question" (2019), Igor Ilyin wrote about this well. One of those deeds was the "improvement" of the Russian alphabet, the natural consequence of it was the orthographic reform of the Soviet government. But in this publications, one can find all the unfoundedly abolished letters.

Of course, Peter I also performed good deeds, and one of them was the order to compile the collection "Honest Mirror of Youth, or Indication of Worldly Behavior" (1767).

Y e m e l y a n P u g a c h e v was a pretender to the Rossian throne, he led the great Cossack insurrection of 1773—1774.

The author had been endeavoring to finish off Vladimir Vysotsky's work, and he considers himself to be the man the poet "hunted" for, who is named the poet's friend in the original text.

The presented text is adapted from Sergey Roy's translation.

There's only ice above me and below...

This poem is addressed to Marina Vladi, it is the last poem of Vladimir Vysotsky.

I stubbornly aspire to the bottom...

This poem calls to mind Alexander Pushkin's poem "To V. F. Raevsky" (mentioned in the commentary to "The Goner's Song").

This is one of the poems where Vladimir Vysotsky wrote about his mission. He concluded it with the words:

One man has passed — there's no woe in,
But I will come once for your souls!

The poem was written in 1977.

THE CASE HISTORY.

Here are the final lines:

The living flesh accelerates
Its fallible existence,
Enjoying all and sundry days
Of its neglected illness...

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his work "I am building evolution": "People have made a mistake in their business..."

The songs "A Big Mistake" and "No Mistake" were written in 1975, the song "The Case History" — in 1976.

The Event.

Here comes to mind Gabdulla Tukay's poem "Repentance" (1910).

The song was written by Vladimir Vysotsky after his meeting with a famous rocket scientist in 1971.

The Monument.

Here can be drawn a parallel with Alexander Pushkin's poem "I've built myself a monument mere hands can't topple..." (1836).

"To direct the dead men's rank" is a paraphrase of the quote from Vladimir Mayakovsky's poem "Vladimir Ilyich Lenin" (1924) "directs the living men's rank".

The Commander means Commander de Salva from Alexander Pushkin's poetic drama "The Stone Guest" based on the Spanish legend of Don Juan. The phrase "Commander's steps" has become winged words in Rossia in reference to the approach of a sinister fate.

The presented text is adapted from Stas and Margaret Porokhnya, George Tokarev and Anonymous' translations.

The Interrupted Flight.

The song was written for the film "The Escape of Mr. McKinley" (1975).

The presented text is adapted from Vyacheslav Chetin, Boris Gendelev, Stas and Margaret Porokhnya and George Tokarev's translations.

I know not whether the crowd of my friends...

Here is the final line:

Do fear ye the Almighty!—not myself.

This is one of the poems where Vladimir Vysotsky wrote about his mission.

The poem was written in 1977.

When it came to false names I had forty...

The Petrovsky Gate Square is one of the central squares of Moscow on the Boulevard Ring; in 1995, there was put up a monument to Vladimir Vysotsky.

The presented text is Stas and Margaret Porokhnya's modified translation.

My Black Man.

Vladimir Vysotsky wrote this poem under the impression of a story about a big boss who liked to wear gray suits—how he struck a bent prisoner with his foot in the face. He concluded it with the words:

What false and sacred are, I know well,
And learned about many years ago.
By my good luck, I have no choice, dear friends,
Thank the Almighty for the only road.

It is pertinent to quote here an old saying: "Conscientia igitur praeclara sustentor." ("I am supported by my clear conscience.")

The poem was written in 1979.

Wish I Could Sink.

The presented text is adapted from Serge Elnitsky's translation.

The Appeal.

Here comes to mind Rudyard Kipling's poem "The Prayer of Miriam Cohen" (1893), which also says about the weakness of Man (this text is a version):

From the wheel and the drift of Things
Deliver us, good Lord;
And we will meet the wrath of kings,
The faggot and the sword.

Lay not Thy toil before our eyes,
Nor vex us with Thy wars,
Lest we should feel the straining skies
O'ertrod by trampling stars.

A veil 'twixt us and Thee, kind Lord,
A veil 'twixt us and Thee:
Lest we should hear too clear, too clear,
And unto madness see!

The presented text is adapted from Alec Vagapov's translation.

I need not your engagements...
The poem was written in 1973, completed by the author of this publication.

FROM THE ROAD DIARY.
The poem was written in 1973.

No myself here, I've left Mother Rossia!..
It is pertinent to quote here Gaius Petronius Arbiter's words: "Si quis vitiorum omnium inimicus rectum iter vitae coepit insistere, primum propter morum differentiam odium habet; quis enim potest probare diversa?" ("If a man dislikes all vices, and proceeds to tread a straight path in life, he is hated first of all because his character is different; for who is able to like what differs from himself?")

Shortly before his death, Vladimir Vysotsky said about this song: "I wrote it a long time ago, when there was just the usual burst of gossip."

The song was written in 1970.

Mother bore me in a white, just as sugar, shirt...
Here is the final stanza:

One God's servant bore his cross, but he had head lice.
They got spooked and chopped his head off to avoid harm.
Mourned the loss of him, and then went to their firesides,
Having not forgotten to turn his kids out of their one.

The poem was written in 1976.

Now I gallop behind all the riders...
The poem was written in 1973.

I Write to You.
Here comes to mind Rudyard Kipling's poem "I have eaten your bread and salt..." (1885):

I have eaten your bread and salt.
I have drunk your water and wine.
The deaths ye died I have watched beside,
And the lives ye led were mine.

Was there aught that I did not share
In vigil or toil or ease—
One joy or woe that I did not know,
Dear hearts across the seas?

I have written the tale of our life
For a sheltered people's mirth,
In jesting guise—but ye are wise,
And ye know what the jest is worth.

Vladimir Vysotsky said that if you throw on one scale all his activities in the theater, in the cinema and on the radio, and add his concerts to it, and place on the other scale only his work on creating songs, the second scale will outweigh.

The poem was written in 1972.

Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky.

I'll wake up in a morning...

This song, and also the next two ones say about those who suffer for their beliefs. And the two men, who have brought us to the open, symbolize the two prophets from the eleventh chapter of the Revelation to Saint John.

Such is, my love, the destiny of thieves...

Translated from Russian, translation from Georgian into Russian is made by Anonymous.

The song was performed in the radio play "The Green Wagon" (1974).

Taganka.

A translation version of line 1:

As a Gypsy foretold, soon there'll be a long trail,

The presented text is inspired by Anonymous' translation.

A Letter to Stalin.

I o s i f A l e s h k o v s k y is the author of several scripts for children's films.

The song was written in 1959.

The Beggar-Woman.

Translated from French by William Toynbee. Vladimir Vysotsky performed but the presented two stanzas (and repeated the final line in each one, as it is fixed in the text).

On the Road.

The presented text is Vyacheslav Chistyakov's modified translation.

If I'm Suddenly Sick.

As the epigraph to this song, there can be used the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him: "There is no death in Nature."

A translation version of line 7:

Bandage my bleeding head with the road through the forest of birches,

The presented text is adapted from Edward Bonver's translation.

The Wind.

The last stanza has much in common with the words of Porphyry Ivanov, peace be upon him, from his tale "The Forester's Daughter": "If woman has the intention of doing something, nothing will turn her off."

Here is a quatrain by the author of this publication, which takes up this question (this quatrain is an extended interpretation of words from the surah "The Cow" (ayah 282): ***"And get two witnesses out of your own men. And if there are not two men [available], then a man and two women, such as ye agree for witnesses, so that if one of them [two women] errs, the other can remind her."***):

If woman gets a thought, she'll certainly try
To carry out it, even if she can die.
Thank God that cussed cows have cut horns:
But when two say the same, we take their words.

The song was written in 1961.

When the Ocean is in a rage...

The song was performed in the film "How Czar Peter Married Off His Moor" (1976).

Shine on, shine on, my wondrous star...

Vladimir Vysotsky performed a shortened version of this romance.
The romance was written in 1868.

In the market in Odessa...

Vladimir Vysotsky performed a shortened version of this song.
The song was written between 1920 and 1930.

The Orphan.

A translation version of line 11:

I regret that I wasn't able to

Poems and Songs on Vladimir Vysotsky.

On Volodya Vysotsky.

To this section, it can be added Rudyard Kipling's poem "Beyond the path of the outmost sun..." (1892):

Beyond the path of the outmost sun through utter darkness hurled—
Further than ever comet flared or vagrant star-dust swirled—
Live such as fought and sailed and ruled and loved and made our world.

They are purged of pride because they died, they know the worth of their bays,
They sit at wine with the Maidens Nine and the Gods of the Elder Days,
It is their will to serve or be still as fitteth our Father's praise.

'Tis theirs to sweep through the ringing deep where Azrael's outposts are,
Or buffet a path through the Pit's red wrath when God goes out to war,
Or hang with the reckless Seraphim on the rein of a red-maned star.

They take their mirth in the joy of the Earth — they dare not grieve for her pain —
They know of toil and the end of toil, they know God's law is plain,
So they whistle the Devil to make them sport who know that Sin is vain.

And ofttimes cometh our wise Lord God, master of every trade,
And tells them tales of His daily toil, of Edens newly made;
And they rise to their feet as He passes by, gentlemen unafraid.

To these who are cleansed of base Desire, Sorrow and Lust and Shame —
Gods for they knew the hearts of men, men for they stooped to Fame,
Borne on the breath that men call Death, my brother's spirit came.

He scarce had need to doff his pride or slough the dross of Earth —
E'en as he trod that day to God so walked he from his birth,
In simpleness and gentleness and honor and clean mirth.

So cup to lip in fellowship they gave him welcome high
And made him place at the banquet board — the Strong Men ranged thereby,
Who had done his work and held his peace and had no fear to die.

Beyond the loom of the last lone star, through open darkness hurled,
Further than rebel comet dared or hiving star-swarm swirled,
Sits he with those that praise our God for that they served His world.

This song is dedicated to Marina Vladimirovna Polyakova (Marina Vladi).

In Memory of Vladimir Vysotsky.

A l e x a n d e r G o r o d n i t s k y is a poet and a singer of his songs, one of the founders of the genre of author song, and also a geologist and an oceanographer.

The poem was written in 1980.

On the Death of Vladimir Vysotsky.

The poem was written in 1980.

There are no prophets in my own land...

N i k i t a V y s o t s k y is the first son of Vladimir Vysotsky from his second wife Lyudmila Abramova.

The Poet's dead! — a slave to honor...

The words "The Poet's dead! — a slave to honor..." are taken from Mikhail Lermontov's poem "Death of the Poet" (1837).

Here is the final part of this poem (the text is partly adapted from Thomas Beavitt and Edward Bonver's translations):

O you, smart and vainglorious sons
Of those who're famous for their widely known mean actions,
Who've trodden, with no shadow of a doubt, their paths
On the detritus of the unsuccessful clans!
You, standing pompously and proudly round the throne,
Cruel executioners of Freedom, Wit and Will!
You think yourselves the sovereigns of the throng
Who're o'er the law, ones having hearts of steel!..
But there is Court of God, you evil manifold,
The terrible court that waits!
That one cannot be bribed with gold,
It in advance knows all your deeds and notions' weights.
Then you'll in vain recall the time before the flood,
When lies would clear your aberrations,
And you won't wash away the Poet's righteous blood
With all corrupt blood in your veins!

On the Ninth Day after the Funeral.
V s e v o l o d A b d u l o v was a friend of Vladimir Vysotsky, an actor of theater and cinema.

Lived a poet 'mongst us...
The poet I g o r K o k h a n o v s k y was a friend of Vladimir Vysotsky.

Shan't Meet Again.
This song is dedicated to Vladimir Vysotsky.

A Letter.
Y u r y V i z b o r was a poet and a singer of his songs, a theater and film actor.
The song was written in 1982.

Ссылки.

Личные сайты.

Сайтъ Татіаны Авашъ: https://www.stihi.ru/avtor/0894822457.
Сайтъ Вадима Астрахана: http://www.vvinenglish.com/russian/.
Сайтъ Дины Бѣляевой: https://www.stihi.ru/avtor/dinab123.
Сайтъ Томаса Бивитта: http://globalvillagebard.ru/ru/.
Сайтъ Эдварда Бонвера: https://www.poetryloverspage.com/.
Сайтъ Алека Вагапова: http://zhurnal.lib.ru/a/alec_v/.
Сайтъ Евгеніи Вейнштейнъ: http://www.museprints.com/.
Сайтъ Алеѯандра Грибанова: http://agribanov.houa.org/.
Сайтъ Владиміра Гурвича: http://samlib.ru/g/gurwich_w_a/.
Сайтъ Романа Дубровкина: http://dubrovkin.imwerden.de/.
Сайтъ Венеры Думаевой-Валіевой: https://www.stihi.ru/avtor/dumaevavalieva.
Сайтъ Сержа Ельницкаго: http://www.elnitsky.com/.
Сайтъ Дмитрія Ермоловича: https://yermolovich.ru/.
Сайтъ Елены Кистеровой: https://stihi.ru/avtor/poormouse.
Сайтъ Андрея Кнеллера: https://sites.google.com/site/poetryandtranslations/.
Сайтъ Сергѣя Любавина: https://lubavin.ru/.
Сайтъ Пола Маккартни: https://www.paulmccartney.com/.
Сайтъ Руперта Моретона: https://linguafennica.wordpress.com/author/deansvicar/.
Сайтъ Акбара Мухаммада: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/indexru.html.
Сайтъ Людмилы Пургиной: https://stihi.ru/avtor/lyudmila31.
Сайтъ Сергѣя Роя: http://www.sergeiroysbooks.de/.
Сайтъ Станислава Слуцкера: http://www.stihi.ru/avtor/ssb2950275.
Сайтъ Евгенія Соколовскаго: http://www.stosvet.net/12/sokolovskiy/index2.html.
Сайтъ Мики Тубиншлака: http://tubinshlak.com/wp/.
Сайтъ Вячеслава Четина: https://www.stihi.ru/avtor/schetin.
Сайтъ Вячеслава Чистякова: https://stihi.ru/avtor/crome1&book=6.
Сайтъ Аллы Шараповой: https://www.stihi.ru/avtor/allarash.

Предисловіе.

Сайтъ Акбара Мухаммада «Сочиненія Порфѵрія Иванова»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/indexru.html.

Примѣчаніе къ предисловію.

Статія Алеѯандра Половинкина «Смѣна языка для народа — это катастроѳа»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/language.pdf.

«Краткое пособіе по старой орѳографіи Русскаго языка» Валентина Асмуса: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/guide.pdf.

Сборникъ статей о Русскомъ національномъ правописаніи: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/orthography.pdf.

Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка: https://disk.yandex.ru/d/RVhRaiWo2bgKyg.

Полный Церковно-Славянскій словарь: https://disk.yandex.ru/i/yMjsqGTVKfnPKg.

Словарь Русскаго языка книжнаго и народнаго по древнимъ памятникамъ: https://disk.yandex.ru/d/Ga4QCX3rBCdHrQ.

Сайтъ «Владиміръ Высоцкій на разныхъ языкахъ»: https://wysotsky.com/.

Примѣчанія къ «Стихамъ и пѣснямъ Владиміра Высоцкаго».

ВЫСОТА.

Пѣсня о новомъ времени.

Сайтъ «Владиміръ Высоцкій на разныхъ языкахъ»: https://wysotsky.com/.

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!..

Сказки Игоря Стрѣлкова: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/tales.tar.lzma.

Высота.

Романъ Жюля Верна «Таинственный островъ»: https://disk.yandex.ru/d/1gM4dW5yQtFlfA.

Книга Тура Хейердала «Экспедиція Конъ-Тики»: https://disk.yandex.ru/i/Q6GoIqZDtaShtw.

СЛУЖЕНІЕ СТИХІЯМЪ.

Пиратская.

Елизаветинскій переводъ Священной Библіи: https://disk.yandex.ru/d/rKC002srVt_ozg.

Спасите наши души!

Видѣоклипъ на пѣсню «Субмарина»: https://disk.yandex.ru/d/m83j4uNiQWyqbg.

Телеграмъ-каналъ Ивана Отраковскаго: https://t.me/s/iotrakovskiy.

Сайтъ Арміи Защитниковъ Отечества: https://armyzo.org/.

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ.

Часы тихонько тикаютъ...

Смысловой переводъ Священнаго Корана Абу Аделя: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/abuadel.tar.lzma.

Переводъ Священнаго Корана Дмитрія Богуславскаго: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/boguslavsky.tar.lzma.

Смысловой переводъ Священнаго Корана Эльмира Куліева: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/kuliev.tar.lzma.

Смысловой переводъ Священнаго Корана Мухаммада Таки-удъ-Дина Аль-Хилали и Мухаммада Мухсина Хана (на Англійскомъ языкѣ): https://archive.org/details/EnglishQuranAlHilaliMinhajcanal.

БАЛЛАДА О БОРЬБѢ.

Баллада о вольныхъ стрѣлкахъ.

Сборникъ разсказовъ «Алимъ—Крымскій джигитъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/alim.pdf.

Пѣсня про первые ряды.

Статія Порфѵрія Иванова «Жизнь человѣка зависитъ отъ природы...»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/liferu.html.

Мистерія хиппи.

Статія Порфѵрія Иванова «Жизнь человѣка зависитъ отъ природы...»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/liferu.html.

МОЙ ГАМЛЕТЪ.

Притча о Правдѣ и Лжи.

Притча Порфѵрія Иванова «О лжи»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/lieru.html.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРІЯ.

Пѣсня автомобилиста.

Статія Порфѵрія Иванова «Какъ избавиться отъ заболѣваній и стать здоровымъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/howtoru.html.

МЫ ПРОШЛИ.

Летѣла жизнь.

Книга Расула Гамзатова «Мой Дагестанъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/dagestan.tar.lzma.

ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ.

Книга Редьярда Киплинга (романъ «Кимъ» и «Книги Джунглей»): https://disk.yandex.ru/i/iX54EoSNvazM7A.

Повѣсть Джека Шефера «Каньонъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/canyon.pdf.

Повѣсть Эрнеста Хемингуэя «Старикъ и море»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/man.pdf.

Сказка Эптона Синклера «Гномобиль»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/gnomobile.pdf.

Романъ Веніамина Каверина «Два капитана»: https://disk.yandex.ru/i/w4nn2wj8f9IfJw.

Романъ Жюля Верна «Таинственный островъ»: https://disk.yandex.ru/d/1gM4dW5yQtFlfA.

Повѣсть Джека Лондона «Путешествіе на „Снаркѣ“»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/cruise.tar.lzma.

Сайтъ «Открытіе Ислама» (на Англійскомъ языкѣ): https://discoveringislam.org/.

Статія «Чудесный Русскій мальчикъ» (на Англійскомъ языкѣ): https://disk.yandex.ru/d/E4_vIuxhQI3Gbg.

Сайтъ «Преемникъ Великаго Пророка (да будетъ миръ ему)»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/successor.pdf.

Книга Ибрагима Амини «Что долженъ знать каждый объ Исламѣ» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/islam.pdf.

Статіи о знаменіи въ Дагестанѣ: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/articles.tar.lzma.

Тюменская нефть.

Статія Хариса Исхакова «Исламъ въ творчествѣ А. С. Пушкина»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/pushkin.pdf.

Видѣоклипъ на пѣсню «Ишимскій вальсъ»: https://disk.yandex.ru/d/iYxvMVmVoIhrjg.

ЖИЛЪ-БЫЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

Райскія яблоки.

Книга Роберта Льюиса Стивенсона (романы «Похищенный» и «Катріона»): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/stevenson.djvu.

Повѣсть Джека Шефера «Каньонъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/canyon.pdf.

Романъ Марка Твэна «Янки при дворѣ короля Артура»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/yankee.tar.lzma.

Сказка Антуана де Сентъ-Экзюпери «Маленькій принцъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/prince.djvu.

ПѢСНЯ О РОССІИ.

ПѢСНЯ О РОССІИ.

Статія Вейкко Корхонена: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/rossia.pdf.

Статія «Матрица „Метели“ Алеѯандра Пушкина»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/snowstorm.pdf.

ЗАКРУЧЕНА ЖИЗНЬ.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА.

Работа Порфѵрія Иванова «Человѣкъ легкаго характера сдѣлается...»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/man2ru.html.

ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ МНОГО СТОРОНЪ.

Въ нашей жизни много сторонъ...

Статія Валентина Катасонова «О рискахъ цифровой революціи»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/revolution.pdf.

О Китайской проблемѣ.

Статія Людмилы Фіоновой «Чѣмъ дышать будемъ?»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/air.pdf.

Фильмъ «Кинъ-дза-дза!»: https://disk.yandex.ru/d/2n3IjtgWhG8ucQ.

Смѣхъ, веселье, радость...

Книга тысячи и одной ночи: https://disk.yandex.ru/d/0F22iwf19zRX-A.

Не грусти!

Книга ʿАида аль-Карни «Не грусти!»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/qarniru.pdf.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ.

Пѣсня Гогера-Могера.
«Притча» Игоря Стрѣлкова: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/parable.pdf.

Лукоморья больше нѣтъ.
Статія Порфѵрія Иванова «Какъ избавиться отъ заболѣваній и стать здоровымъ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/howtoru.html.
Сказка Эптона Синклера «Гномобиль»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/gnomobile.pdf.

Живучій парень.
Статія Уолта Гарлингтона «Почему Американцы всегда будутъ воевать съ народами Традиціи»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/americanismru.pdf.

Странная сказка.
Книга тысячи и одной ночи: https://disk.yandex.ru/d/0F22iwf19zRX-A.

ЗАПОВѢДНИКЪ.

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать...
Книга Редьярда Киплинга (романъ «Кимъ» и «Книги Джунглей»): https://disk.yandex.ru/i/iX54EoSNvazM7A.
Сайтъ Арміи Защитниковъ Отечества: https://armyzo.org/.
Сайтъ Русской Общины: https://obshinaru.ru/.
Телеграмъ-каналъ «Многонаціоналъ»: https://t.me/s/mnogonazi.

У домашнихъ и хищныхъ звѣрей...
Книга Джека Лондона (романы «Джерри-островитянинъ», «Майклъ, братъ Джерри» и разсказы): https://disk.yandex.ru/i/3ibxfqBqFTZgyA.

Заповѣдникъ.
Стихотвореніе Порфѵрія Иванова «Вьюга»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/blizzardru.html.

Въ тайгу...
Работа Порфѵрія Иванова «Неправда»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/untruthru.html.

КТО ЗА ЧѢМЪ БѢЖИТЪ.

Утренняя гѵмнастика.
Книга Сулхана-Сабы Орбеліани «Мудрость вымысла»: https://disk.yandex.ru/i/YTlN0PnSAjcJHQ.

СЕМЕЙНЫЯ ДѢЛА.

Семья въ каменномъ вѣкѣ.
Книга тысячи и одной ночи: https://disk.yandex.ru/d/0F22iwf19zRX-A.

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ.

Товарищи ученые!..

Видѣоклипъ на пѣсню «Прошелъ полъ-Evропы...»: https://disk.yandex.ru/d/kGSIhlxbl4FsIw.

Обращеніе Порфvрія Иванова «Низко кланяюсь и прошу васъ, люди...»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/request2ru.html.

ПѢСНЯ ОБЪ АНТИСЕМИТАХЪ.

Нашъ киль скользитъ по Дону ли, по Шпреѣ...

Работа Абдурахима Байматова «Божій судъ—Исламъ въ Библіи—200 пророчествъ!»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/judgment.tar.lzma.

Статія Лабиба Кобти «Исраильско-Палестинское право на возвращеніе и Библія» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/right.pdf.

Статія Хашема Саида «Азъ есмь Исраиль» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/said.pdf.

Сайтъ «Аль-Бушра» (на Англійскомъ языкѣ): https://web.archive.org/web/20200621165721/https://al-bushra.org/.

Статія «Почему Палестинцы никогда не должны признавать „право на существованіе“ Исраиля» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/right2.pdf.

Статія «Нацисты нашего времени» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/nazis.pdf.

Статія «Газа: Карбала нашего времени» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/gaza.pdf.

Газета «Палестинское Время» (на Англійскомъ языкѣ): https://web.archive.org/web/20090528013247/http://www.ptimes.org:80/Main/.

Статія Вильяма Джеймса Мартина «Сіонизмъ для простаковъ» (на Англійскомъ языкѣ): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/zionism.pdf.

Газета «Палестинская Хроника» (на Англійскомъ языкѣ): https://www.palestinechronicle.com/.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТЪ.

Мнѣ судьба—до послѣдней черты, до креста...

Статія Дмитрія Жантіева «Когда Русь была Татарской»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/rus.pdf.

Статія Игоря Ильина «О Русскомъ вопросѣ»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/question.pdf.

Сборникъ «Юности честное зерцало, или Показаніе къ житейскому обхожденію»: https://disk.yandex.ru/i/f1-LH72eBtN_vg.

Примѣчанія къ «Пѣснямъ другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій».

Вѣтеръ.

Сказка Порфvрія Иванова «Дочь лѣсника»: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/daughterru.html.

References.

Personal Sites.

Vadim Astrakhan's site: http://www.vvinenglish.com/.
Tatiana Avash's site: https://www.stihi.ru/avtor/0894822457.
Thomas Beavitt's site: http://globalvillagebard.ru/.
Dina Belyaeva's site: https://www.stihi.ru/avtor/dinab123.
Edward Bonver's site: https://www.poetryloverspage.com/.
Vyacheslav Chetin's site: https://www.stihi.ru/avtor/schetin.
Vyacheslav Chistyakov's site: https://stihi.ru/avtor/crome1&book=6.
Roman Dubrovkin's site: http://dubrovkin.imwerden.de/.
Venera Dumaeva-Valieva's site: https://www.stihi.ru/avtor/dumaevavalieva.
Serge Elnitsky's site: http://www.elnitsky.com/.
Dmitry Yermolovich's site: https://yermolovich.ru/.
Alexander Gribanov's site: http://agribanov.houa.org/.
Vladimir Gurvich's site: http://samlib.ru/g/gurwich_w_a/.
Elena Kisterova's site: https://stihi.ru/avtor/poormouse.
Andrey Kneller's site: https://sites.google.com/site/poetryandtranslations/.
Sergey Lyubavin's site: https://lubavin.ru/.
Paul McCartney's site: https://www.paulmccartney.com/.
Rupert Moreton's site: https://linguafennica.wordpress.com/author/deansvicar/.
Akbar Muhammad's site: http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/index.html.
Ludmila Purgina's site: https://stihi.ru/avtor/lyudmila31.
Sergey Roy's site: http://www.sergeiroysbooks.de/.
Alla Sharapova's site: https://www.stihi.ru/avtor/allarash.
Stanislav Slutsker's site: http://www.stihi.ru/avtor/ssb2950275.
Yevgeny Sokolovsky's site: http://www.stosvet.net/12/sokolovskiy/index2.html.
Mika Tubinshlak's site: http://tubinshlak.com/wp/.
Alec Vagapov's site: http://zhurnal.lib.ru/a/alec_v/.
Eugenia Weinstein's site: http://www.museprints.com/.

Foreword.

Akbar Muhammad's site "Writings of Porphyry Ivanov":
http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/index.html.

Commentary to foreword.

Alexander Polovinkin's article "Changing the Language Is a Catastrophe for Nation" (in Russian):
http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/language.pdf.

"A Brief Guide to the Old Russian Orthography" by Valentin Asmus (in Russian):
http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/guide.pdf.

A Collection of Articles about Russian National Spelling (in Russian):
http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/orthography.pdf.

Dictionary of Church Slavonic and Russian: https://disk.yandex.ru/d/RVhRaiWo2bgKyg.

The Complete Church Slavonic Dictionary: https://disk.yandex.ru/i/yMjsqGTVKfnPKg.

Dictionary of the Russian Bookish and Spoken Language on the Basis of Old Written Records: https://disk.yandex.ru/d/Ga4QCX3rBCdHrQ.

The site "Vladimir Vysotsky in Different Tongues": https://wysotsky.com/.

Commentaries to "Poems and Songs of Vladimir Vysotsky".

THE HILL.

A Song about the New Time.

The site "Vladimir Vysotsky in Different Tongues": https://wysotsky.com/.

Throw your blues as a cantaloupe rind!..

Igor Strelkov's tales (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/tales.tar.lzma.

SERVING THE ELEMENTS.

We put out to ocean...

The music video to the song "The Submarine" (in Russian): https://disk.yandex.ru/d/m83j4uNiQWyqbg.

Ivan Otrakovsky's Telegram channel (in Russian): https://t.me/s/iotrakovskiy.

The site of the Army of Defenders of the Fatherland (in Russian): https://armyzo.org/.

A BALLAD OF TIME.

The clock is ticking quietly...

The Holy Qur'an: English translation of the meanings by Abdullah Yusuf Ali: https://disk.yandex.ru/i/3PTRnNH4052gCA.

Interpretation of the meaning of the Holy Qur'an by Muhammad Taqi-ud-Deen al-Hilali and Muhammad Muhsin Khan: https://archive.org/details/EnglishQuranAlHilaliMinhajcanal.

Tafseer Ibn Kathir: https://archive.org/details/TafseerIbnKathirenglish114SurahsComplete.

A BALLAD OF FIGHTING.

A Ballad of the Free Archers.

The collected stories "Alim — a Crimean Dzhigit" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/alim.pdf.

A Song about the First Lines.

Porphyry Ivanov's article "The life of man depends on Nature..." (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/liferu.html.

The Mystery of Hippies.

Porphyry Ivanov's article "The life of man depends on Nature..." (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/liferu.html.

MY HAMLET.

A Parable of Truth and Lie.

Porphyry Ivanov's parable "About Lie": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/lie.html.

A ROAD STORY.

The Motorist's Song.

Porphyry Ivanov's article "How to Get Rid of Diseases and Become Healthy": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/howto.html.

WE HAVE GONE.

Life Was Rushing.

Rasul Gamzatov's book "My Dagestan" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/dagestan.tar.lzma.

THE MESSENGER.

The Messenger.

The site "Discovering Islam": https://discoveringislam.org/.

The article "Miraculous Russian Boy": https://disk.yandex.ru/d/E4_vIuxhQI3Gbg.

The site "The Successor of the Great Prophet (peace be upon him)" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/successor.pdf.

Ibrahim Amini's book "What Everyone Should Know about Islam": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/islam.pdf.

Articles about the sign of Allah in Dagestan (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/articles.tar.lzma.

Tumen Oil.

Haris Iskhakov's article "Islam in the Works of A. S. Pushkin" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/pushkin.pdf.

The music video to the song "The Ishim Waltz" (in Russian): https://disk.yandex.ru/d/iYxvMVmVoIhrjg.

A SONG OF ROSSIA.

A SONG OF ROSSIA.

Veikko Korhonen's article (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/rossia.pdf.

The article "The Matrix of Alexander Pushkin's 'The Snowstorm'" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/snowstorm.pdf.

LIFE IS TWISTED.

LIFE IS BEAUTIFUL.

Porphyry Ivanov's work "Man will be a person of easy temper...": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/man2.html.

OUR LIFE HAS LOTS OF EDGES.

Our life has lots of edges...

Valentin Katasonov's article "About the Risks of the Digital Revolution" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/revolution.pdf.

About the Chinese Problem.

Lyudmila Fionova's article "What shall we breathe?" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/air.pdf.

The film "Kin-dza-dza!" (with English subtitles): https://disk.yandex.ru/d/2n3IjtgWhG8ucQ.

Don't Be Sad!

'Aaidh al-Qarni's book "Don't Be Sad": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/qarnien.tar.lzma.

IN A FARAWAY KINGDOM.

The Song of Goger-Moger.

Igor Strelkov's "Parable" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/parable.pdf.

There are no more green oak trees...

Porphyry Ivanov's article "How to Get Rid of Diseases and Become Healthy": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/howto.html.

The Gutsy Fellow.

Walt Garlington's article "Americanism Will Always Be at War with Traditional Peoples": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/americanismen.pdf.

THE NATURE RESERVE.

The obstacles we have are begotten by our age...

The site of the Army of Defenders of the Fatherland (in Russian): https://armyzo.org/.

The site of the Russian Community (in Russian): https://obshinaru.ru/.

The Telegram channel "The Multinational" (in Russian): https://t.me/s/mnogonazi.

The Nature Reserve.

Porphyry Ivanov's poem "The Blizzard": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/blizzard.html.

To the wood...

Porphyry Ivanov's work "The Untruth": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/untruth.html.

DEAR FELLOW SCIENTISTS.

Dear fellows scientists!..

The music video to the song "I went through half Europe..." (in Russian): https://disk.yandex.ru/d/kGSIhlxbl4FsIw.

Porphyry Ivanov's address "I bow low and exhort you, people..." (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/request2ru.html.

A SONG ABOUT THE ANTI-SEMITES.

Our keel glides on the Don or on the Spree...

Abdurahim Baimatov's work "God's Judgment — Islam in the Bible — 200 Prophecies!" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/judgment.tar.lzma.

Labib Kobti's article "Israel-Palestine Right to Return and the Bible": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/right.pdf.

Hashem Said's article "I Am Israel": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/said.pdf.

The site "Al-Bushra": https://web.archive.org/web/20200621165721/https://al-bushra.org/.

The article "Why Palestinians Should Never Recognize Israel's 'Right to Exist'": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/right2.pdf.

The article "The Nazis of Our Time": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/nazis.pdf.

The article "Gaza: The Karbulaa of Our Time": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/gaza.pdf.

The newspaper "The Palestine Times": https://web.archive.org/web/20090528013247/http://www.ptimes.org:80/Main/.

William James Martin's article "Zionism for Dummies": http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/zionism.pdf.

The newspaper "The Palestine Chronicle": https://www.palestinechronicle.com/.

THE INTERRUPTED FLIGHT.

It's my fate — to the finishing line, to the cross...

Dmitry Zhantiev's article "When Rus' was Tatar" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/rus.pdf.

Igor Ilyin's article "On the Russian Question" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/store/question.pdf.

The collection "Honest Mirror of Youth, or Indication of Worldly Behavior" (in Russian): https://disk.yandex.ru/i/f1-LH72eBtN_vg.

Commentaries to "Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky".

The Wind.

Porphyry Ivanov's tale "The Forester's Daughter" (in Russian): http://akbarmuhammad.awardspace.co.uk/writings/daughterru.html.

Содержаніе. | Contents.

О Владимірѣ Высоцкомъ. 7
On Vladimir Vysotsky. 11

Стихи и пѣсни Владиміра Высоцкаго. | Poems and Songs of Vladimir Vysotsky.

ВЫСОТА. | THE HILL.

Набатъ. 18
The Alarm Bell. 19

Пѣсня о новомъ времени. (A Song about the New Time.) 22

Сыновья уходятъ въ бой. (Our Sons Go to the Battle.) 24

Онъ не вернулся изъ боя. 26
He Was Shot in the Fighting. 27

Солдаты группы «Центръ». 30
The German Combatants. 31

Растолкали въ берлогѣ уснувшее зло... (They stirred up the preadamite evil...) 34

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!.. 36
Throw your blues as a cantaloupe rind!.. 37

Мы вращаемъ Землю. (We're Turning the Earth.) 38

Высота. (The Hill.) 40

Приговоренные къ жизни. (Condemned to Life.) 42

Пѣсня о концѣ войны. (A Song about the End of the War.) 44

Пѣсня о Землѣ. 46
A Song about the Earth. 47

Охота на кабановъ. (Hunting for Wild Boars.) 48

Рѣже, меньше ноютъ раны... (Wounds disturb us very seldom...) 50

Давно смолкли залпы орудій... (Now cannons disturb not the silence...) 52

Пѣсня о нейтральной полосѣ. 54
A Song about the Neutral Zone. 55

РАЙСКІЙ АЭРОДРОМЪ. | THE HEAVENLY AIRFIELD.

Пѣсня о погибшемъ другѣ. 60
A Song about the Fallen Friend. 61

ДВѢ ПѢСНИ ОБЪ ОДНОМЪ ВОЗДУШНОМЪ БОѢ. 66
TWO SONGS ABOUT THE AIR COMBAT. 67

Я первый смѣрилъ жизнь обратнымъ счетомъ... 74
I measured in a count-down manner... 75

СЛУЖЕНІЕ СТИХІЯМЪ. | SERVING THE ELEMENTS.

Гимнъ морю и горамъ. (A Hymn to the Sea and the Mountains.) 82

Туманъ. (The Mist.) 84

Черное золото. (The Black Gold.) 86

Бѣлое безмолвіе. 88
The White Silence. 89

Моимъ друзьямъ. 92
To My Friends. 93

Человѣкъ за бортомъ. 94
Man Overboard. 95

Не бываетъ кораблей безъ названія... 98
You won’t discover nameless ships... 99

Этотъ день будетъ первымъ всегда и вездѣ... (For long years, this day was awaited...) 100

Сначала было Слово печали и тоски... 102
In the beginning was the Word... 103

Штормитъ весь вечеръ, и пока... 104
This night the sea cannot relax... 105

Пиратская. 108
A Pirate Song. 109

Корсаръ. 112
A Corsair. 113

Прощаніе. 116
A Farewell. 117

Штормъ. 118
The Storm. 119

Становись морякомъ. (Become a Seaman.) 122

При всякой погодѣ... (We mind not the weather...) 124

Спасите наши души! 126
We put out to ocean... 127

Баллада о брошенномъ кораблѣ. 132
A Ballad of the Abandoned Ship. 133

Аборигены почему-то съѣли Кука... (The aborigines ate Captain Cook...) 138

Прощаніе съ горами. 140
A Farewell to the Mountains. 141

Вершина. 142
In the Mountains. 143

Среда. 146
A Day. 147

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ. | A BALLAD OF TIME.

Баллада о времени. 150
A Ballad of Time. 151

Пѣсня объ обиженномъ Времени. (A Song about Hurt Time.) 154

Хотимъ побольше лѣтъ урвать... 156
We’ve gotten but a twinkling... 157

Если бѣгать въ ногу съ вѣкомъ... 158
There’s no reason in making time... 159

Часы тихонько тикаютъ... 160
The clock is ticking quietly... 161

Въ наше время. 162
In Our Time. 163

БАЛЛАДА О БОРЬБѢ. | A BALLAD OF FIGHTING.

Темнота. 168
The Dark. 169

Славный полкъ. 170
The Famous Regiment. 171

Баллада о книжныхъ дѣтяхъ. 174
A Ballad of the Children of Books. 175

Продѣлавъ брешь въ затишьи... (The spring, while there was a short lull...) 180

Баллада о ненависти. (A Ballad of Hatred.) 182

Восточная притча. 184
An Eastern Parable. 185

Черногорцы. (The Montenegrins.) 188

Баллада о вольныхъ стрѣлкахъ. 190
A Ballad of the Free Archers. 191

Если гдѣ-то въ глухой неспокойной ночи... 194
If thou'st found thyself in a strange land... 195

О фатальныхъ датахъ и цифрахъ. 196
On Fatal Dates and Figures. 197

ПѢВЕЦЪ У МИКРОФОНА. 200
A SINGER AT THE MICROPHONE. 201

Оловянные солдатики. (Tin Soldiers.) 208

Вооруженъ и очень опасенъ. (Armed and Very Dangerous.) 210

Пѣсня конченаго человѣка. (The Goner's Song.) 212

Пѣсня про первые ряды. (A Song about the First Lines.) 216

Мистерія хиппи. 218
The Mystery of Hippies. 219

МОЙ ГАМЛЕТЪ. | MY HAMLET.

Дурацкій сонъ. 226
The Silly Dream. 227

Мой Гамлетъ. 230
My Hamlet. 231

Притча о Правдѣ и Лжи. 236
A Parable of Truth and Lie. 237

Лежитъ камень въ степи. (There's a Rock in the Steppe.) 240

Двадцать четыре часа — всѣ сутки... 242
Around the clock — day and night... 243

Не впадай ни въ тоску, ни въ азартъ... (Don't thou fall into gloom nor grow heated...) 244

И вкусы, и запросы мои странны... 246
I'm an exotic man, to put it mildly... 247

Разскажи, дорогой... (Tell me frankly, my dear...) 250

Снайперъ. (The Sharpshooter.) 252

СЛУЧАИ. | CHANCES.

Случаи. 256
Chances. 257

Наведите, наведите... 262
Make a bridge on the occasion... 263

Въ холода, въ холода... 264
For the cold we may... 265

Спасибо, что живой. 266
Be Thankful. 267

Все относительно. (Everything Is Relative.) 268

Я НЕ ЛЮБЛЮ. | WHAT I HATE.

Я не люблю. 272
What I Hate. 273

Гитара. (The Guitar.) 276

Пѣсня о старомъ домѣ. 278
A Song of the Old House. 279

А люди все роптали и роптали... 282
And people continued to complain... 283

Вотъ главный входъ, но только вотъ... (There's the main entrance, but here's what...) 284

Нараспашку при любой погодѣ... 286
Rain or shine, unbuttoned is my coat... 287

ДОРОЖНАЯ ИСТОРІЯ. | A ROAD STORY.

Чужая колея. 290
Someone Else's Rut. 291

Дорожная исторія. 296
A Road Story. 297

Пѣсня автомобилиста. (The Motorist's Song.) 300

Горизонтъ. (The Horizon.) 302

Объ аваріи. 304
About a Car Crash. 305

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКСЪ. | THE CRIMINAL CODE.

Парня спасемъ... 310
We'll save the lost guy... 311

Алеха. (Alyoha.) 312

На возрастъ юный мой ты не смотри... 314
Don't be mistaken with my young age... 315

Неужто здѣсь сошелся клиномъ свѣтъ... 316
I never thought to do him a bad turn... 317

Обо мнѣ невѣста будетъ плакать честно... 318
My beloved will mourn for my ill fortune... 319

Серебряныя струны. 320
The Silver Strings. 321

Эй, шоферъ... 322
Hey, chauffeur... 323

А счетчикъ щелкаетъ. 324
The Meter's Ticking. 325

Тотъ, кто раньше съ нею былъ. 328
He, Who Was with Her Before. 329

Аппелляція. 334
An Appeal. 335

Я въ дѣлѣ. 336
I'm on the Job. 337

Шулера. 338
The Card-Sharpers. 339

Уголовный кодексъ. 342
The Criminal Code. 343

Пѣсня сыщика. 344
The Detective's Song. 345

МЫ ПРОШЛИ. | WE HAVE GONE.

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ. 350
HUNTING FOR WOLVES. 351

ПОБѢГЪ НА РЫВОКЪ. 360
THE ESCAPE. 361

Все идетъ здѣсь такъ... 368
Each and every thing... 369

Летѣла жизнь. (Life Was Rushing.) 372

Мы прошли. (We Have Gone.) 376

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ. | MY GYPSY SONG.

Гололедъ. 380
All Is Iced. 381

Парусъ. 382
The Sail. 383

Моя Цыганская. 386
My Gypsy Song. 387

Больно за поэзію. (It's Painful for Poetry.) 390

Разстрѣлъ горнаго эха. 392
The Execution of the Mountain Echo. 393

Въ портъ не заходятъ пароходы... (Our port isn't visited by steamers....) 394

У кого на душѣ только тихая грусть... 396
If there's but a sadness in your soul... 397

Мнѣ, можетъ, крикнуть хочется, какъ встарь... 398
Perhaps I want to cry forgotten words... 399

Мнѣ въ душу ступитъ кто-то посторонній... 400
An outsider will step in my soul... 401

Мосты сгорѣли, углубились броды... 402
The fords are deep, the bridges have burnt down... 403

Грусть моя, тоска моя. (My Distress, My Sorrow.) 404

Цыганская пѣсня. 406
A Gypsy Song. 407

ПОСЛАННИКЪ. | THE MESSENGER.

Посланникъ. 410
The Messenger. 411

Мореплаватель-одиночка. (The Navigator Single.) 412

Я изъ дѣла ушелъ. 416
I Abandoned My Deal. 417

Тюменская нефть. (Tumen Oil.) 420

О ПРОРОКАХЪ. 424
ABOUT THE PROPHETS. 425

ЖИЛЪ-БЫЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ. | THERE WAS ONCE A MAN.

Разбойничья. 432
A Robber Song. 433

Райскія яблоки. 436
Paradise Apples. 437

Свои обиды каждый человѣкъ... 442
Thank Thee, O Good Lord, for Thy grace... 443

Жилъ-былъ человѣкъ... 444
There was once a man... 445

Не жду удачъ, о прошломъ не грущу... 446
I perceive neither anger nor blue... 447

ПѢСНЯ О РОССІИ. | A SONG OF ROSSIA.

Въ куски... 450
The crown... 451

Деревянные костюмы. 454
The Wooden Clothing. 455

Баллада о прошломъ. (A Ballad of the Past.) 456

Всеблагій Богъ! прошу, не допусти... 462
There is no more beautiful country... 463

ПѢСНЯ О РОССІИ. 464
A SONG OF ROSSIA. 465

ЗАКРУЧЕНА ЖИЗНЬ. | LIFE IS TWISTED.

Я вамъ разскажу про то, что будетъ... 472
I'll tell you what will happen, friends... 473

Закручена жизнь, какъ жгуты изъ джута... 474
Life with the strong rope was tied... 475

Ублажаю ли душу романсомъ... 476
When I please my soul with songs... 477

Дайте собакамъ мяса. 478
Give the starved dogs ends or bones... 479

Оплавляются свѣчи... 480
Candles trickle and drown... 481

О знакахъ зодіака. (About Signs of the Zodiac.) 482

Сорокъ девять дней. (Forty-Nine Days.) 484

Пѣсня о нотахъ. (A Song about Notes.) 488

Баллада о банѣ. (A Ballad of the Bath-House.) 490

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА. 492
LIFE IS BEAUTIFUL. 493

Пѣсенка о переселеніи душъ. 498
A Song about the Transmigration of Souls. 499

Москва – Одесса. (Moscow to Odessa.) 502

Мажорный свѣтофоръ... (The major traffic lights...) 504

Самое красивое... 506
It's the most wonderful... 507

ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ МНОГО СТОРОНЪ. | OUR LIFE HAS LOTS OF EDGES.

Есть всегда и столъ, и кровъ... 510
One can easy get the works... 511

На маскарадѣ. 512
At the Masquerade. 513

Въ нашей жизни много сторонъ... 516
Our life has lots of edges... 517

Я хочу въ герцога или въ принцы... 518
I lead my life in abject beggary... 519

Пока въ ванной комнатѣ съ кафелемъ... (While you in the bathroom with glazed tiles...) 520

Могъ бы быть я при тещѣ, при тестѣ... 522
With my parents-in-law now I could be... 523

Холера. (Cholera.) 524

Нынче очень сложный вѣкъ... 526
Oh, how trying is our time!.. 527

Нѣтъ прохода, и давно... 528
There’s no way for a long time... 529

Не могу отвлечься, ни забыться... 530
I can’t seek the oblivion of sleep... 531

Нынче мнѣ не до улыбокъ... 532
Now without grinning... 533

О Китайской проблемѣ. (About the Chinese Problem.) 534

Смѣхъ, веселье, радость... 536
He’d gotten whatever wanted... 537

Не грусти! 538
Don’t Be Sad! 539

Эврика! Ура!.. (Hurrah! Eureka!..) 540

Цунами. (Tsunami.) 542

Забытый солдатъ. (The Forgotten Soldier.) 544

Письмо въ «Очевидное—невѣроятное». (A Letter to “Incredible but True”.) 546

Я тутъ подвигъ совершилъ... (I performed a notable feat...) 552

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ. | IN A FARAWAY KINGDOM.

У профессіональныхъ игроковъ... 556
When play cards the professional players... 557

Пѣсня о королевскомъ стрѣлкѣ. 558
A Song about the King's Shooter. 559

СВАДЕБНАЯ. 562
A WEDDING SONG. 563

Пѣсня Гогера-Могера. (The Song of Goger-Moger.) 584

Про Сережку Ѳомина. (About Sergey Thomin.) 586

Лукоморья больше нѣтъ. (There are no more green oak trees...) 588

Схлынули вешнія воды... 592
Spring waters went away... 593

Гимнъ школѣ. 594
A Hymn to School. 595

Въ одной державѣ... (In one power...) 596

Позвольте, значитъ, доложить... 600
I've prepared a report... 601

Когда всѣ закончились вѣхи... 602
When whatsoever possible was reached... 603

Маршъ антиподовъ. (The Antipodes' March.) 604

Королевское шествіе. 606
The King's Procession. 607

Живучій парень. 608
The Gutsy Fellow. 609

Два громилы. (The Two Brothers.) 612

Пѣсня про крохей. (A Song about Breakage.) 616

Странная сказка. 618
An Unusual Fable. 619

Странныя скачки. (A Strange Jumping.) 622

Лягушата. 624
The Young Frogs. 625

СКАЗКА О ЛѢСНЫХЪ ЖИТЕЛЯХЪ. | A TALE ABOUT THE WOOD DWELLERS.

Какъ тутъ быть — у кого бы спросить... 628
What to do? None of them had a thought... 629

Мимо бабъ я пройти не могу... 630
I pass dames neither silently nor easy... 631

Сказка о несчастныхъ лѣсныхъ жителяхъ. 632
A Tale about the Ill-Fated Wood Dwellers. 633

Пѣсня-сказка про нечисть. (A Song-Tale about the Evil Forces.) 638

Куплеты нечистой силы. (Songs of the Evil Forces.) 642

Выходъ въ городъ. (An Outing to the City.) 644

ЗЕЛЕНЫЙ SMIЙ. | THE DEMON DRINK.

Пѣсня-сказка про джинна. (A Song-Tale about the Djinni.) 648

Какъ въ старинной Русской сказкѣ... (How in one old Russian tale...) 650

Путешествіе въ прошлое. 652
A Travel to the Past. 653

Я былъ слесаремъ-универсаломъ... 656
Such a plumber you haven’t seen for ages... 654

Сколько лѣтъ, охъ, сколько лѣтъ... 658
For lots of lucky years... 659

ЗАПОВѢДНИКЪ. | THE NATURE RESERVE.

Что случилось въ Африкѣ. 662
In a yellow hot land... 663

Баллада о короткомъ счастьѣ. (A Ballad of Short Happiness.) 666

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать... (The obstacles we have are begotten by our age...) 668

У домашнихъ и хищныхъ звѣрей... 672
The gentle animals and predatory beasts... 673

Пѣсня-басня про Козла отпущенія. (A Song-Fable about the Scapegoat.) 674

Пѣсня про бѣлаго слона. 676
A Song about the White Elephant. 677

Пѣсенка про мангустовъ. 680
A Song about the Mongooses. 681

Гербарій. (The Herbarium.) 684

Чайка. (The Sea-Gull.) 690

Заповѣдникъ. (The Nature Reserve.) 692

Въ тайгу... 696
To the wood... 697

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ. | THE WAYWARD HORSES.

Мы вѣрные, испытанные кони... 700
We’re horses, tried in battles for centuries... 701

Кони привередливые. 702
The Wayward Horses. 703

ОЧИ ЧЕРНЫЯ. (BLACK EYES.) 706

КТО ЗА ЧѢМЪ БѢЖИТЪ. | WHO FOR WHAT RUNS.

Вратарь. (The Goalkeeper.) 712

Пѣсня про праваго инсайда. (A Song about the Right Insider.) 716

Пѣсня штангиста. 718
The Weightlifter’s Song. 719

Пѣсня прыгуна въ длину. 722
The Long-Jumper’s Song. 723

Пѣсня прыгуна въ высоту. (The High-Jumper’s Song.) 724

Пѣсня сентиментальнаго боксера. 726
The Sentimental Boxer’s Song. 727

Кто за чѣмъ бѣжитъ. (Who For What Runs.) 730

Че-чет-ка. (Tap Dance.) 734

Утренняя гѵмнастика. 738
The Morning Exercise. 739

Канатоходецъ. 744
The Tightrope Walker. 745

ПѢСНЯ О ДРУЖБѢ. | A SONG ABOUT FRIENDSHIP.

Нѣтъ друга, но смогу ли... (My comrade now isn't here, but...) 752

Что сегодня мнѣ суды и засѣданья... (All the cares are today of no importance...) 754

Пѣсня о дружбѣ. 756
A Song about Friendship. 757

Пѣсня о другѣ. 760
A Song about a Friend. 761

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ. | A BALLAD OF LOVE.

Пѣсня Марьюшки. (The Song of Mar'yushka.) 766

Мы васъ ждемъ. (We Are Waiting for You.) 768

Бѣлый вальсъ. (The White Waltz.) 770

Величальная отцу. 774
The Glorification of Father. 775

Баллада о Любви. 776
A Ballad of Love. 777

Колыбельная. 780
A Lullaby. 781

Лѵрическая. 782
A Lyrical Song. 783

Домъ хрустальный. (The Crystal House.) 784

Жили-были на морѣ... (The Ships Love.) 786

Реальнѣй сновидѣнія и бреда... (More really than a dream and a delirium...) 788

Дорога, дорога—счета нѣтъ шагамъ... (A road, a road—no count for steps...) 790

Красивыхъ любятъ, можетъ быть, прилежнѣй... (As for nice girls, they're loved more often and fervently...) 792

Люди говорили морю: «До свиданья...» (People at parting said good-bye to the sea-wizard...) 794

Дальній Востокъ. (The Far East.) 796

ГОРОДСКОЙ РОМАНСЪ. | A SAD LOVE SONG.

Катерина. 800
Catherine. 801

Городской романсъ. 802
A Sad Love Song. 803

ДВА РОМАНСА. 806
TWO LOVE SONGS. 807

Баллада о цвѣтахъ. 810
A Ballad of the Flowers. 811

Она на дворъ — онъ со двора... (When she arrives, he's always out...) 814

СЕМЕЙНЫЯ ДѢЛА. | FAMILY AFFAIRS.

Семья въ каменномъ вѣкѣ. 818
A Family in the Stone Age. 819

Семейныя дѣла въ Древнемъ Римѣ. (Family Affairs in Ancient Rome.) 822

Про любовь въ средніе вѣка. 824
About Love in the Middle Ages. 825

Про любовь въ эпоху Возрожденія. 828
About Love in the Renaissance Epoch. 829

Вы учтите: я раньше былъ стоикомъ... (You should know that I was a stoic 'fore...) 832

Ну о чемъ съ тобою говорить?.. 834
It's no use to talk to thee!.. 835

Возвращаюсь я съ работы... (I came home after work...) 836

Діалогъ у телевизора. (A Dialogue in front of the Television.) 838

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ. | DEAR FELLOWS SCIENTISTS.

Маршъ студентовъ-ѳизиковъ. (The Physical Students' March.) 842

Маршъ космическихъ негодяевъ. (The Space Villains' March.) 844

Товарищи ученые!.. (Dear fellows scientists!..) 846

Лекція о состояніи современной науки. 848
A Lecture on the State of Modern Science. 849

ПѢСНЯ ОБЪ АНТИСЕМИТАХЪ. | A SONG ABOUT THE ANTI-SEMITES.

Онъ былъ хирургомъ.... 854
That neurosurgeon was fantastic... 855

Нашъ киль скользитъ по Дону ли, по Шпреѣ... (Our keel glides on the Don or on the Spree...) 856

Пѣсня объ антисемитахъ. 858
A Song about the Anti-Semites. 859

Мишка Шифманъ. (Mishka Shifman.) 864

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТЪ. | THE INTERRUPTED FLIGHT.

Я бодрствую, но вѣщій сонъ мнѣ снится... 870
Though I'm awake, I dream prophetic verses... 871

Мнѣ судьба — до послѣдней черты, до креста... 872
It's my fate — to the finishing line, to the cross... 873

И снизу ледъ, и сверху — маюсь между... 876
There's only ice above me and below... 877

Упрямо я стремлюсь ко дну... (I stubbornly aspire to the bottom...) 878

ИСТОРІЯ БОЛѢЗНИ. (THE CASE HISTORY.) 882

Случай. (The Event.) 892

Памятникъ. 894
The Monument. 895

Прерванный полетъ. 900
The Interrupted Flight. 901

Не вѣдаю, за дрогами поспѣла ли... (I know not whether the crowd of my friends...) 904

Я спокоенъ — Онъ мнѣ все повѣдалъ... 906
Today I'm calm because He told me everything... 907

У меня было сорокъ фамилій... 908
When it came to false names I had forty... 909

Мой черный человѣкъ. (My Black Man.) 912

Лечь бы на дно. 914
Wish I Could Sink. 915

Просьба. 916
The Appeal. 917

Мнѣ не надо посуловъ... (I need not your engagements...) 918

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА. (FROM THE ROAD DIARY.) 920

Нѣтъ меня, я покинулъ Расею!.. (No myself here, I've left Mother Rossia!..) 926

Меня мама родила въ сахарной рубашкѣ... (Mother bore me in a white, just as sugar, shirt...) 928

Я скачу позади на полслова... (Now I gallop behind all the riders...) 930

Я къ вамъ пишу. (I Write to You.) 932

Пѣсни другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій. | Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky.

Рано утромъ проснешься... *Слова неизвѣстнаго автора.* 936
I'll wake up in a morning... *Written by Anonymous.* 937

Такова ужъ воровская доля... *Слова П. Грузинскаго-Багратіони.* 938
Such is, my love, the destiny of thieves... *Written by P. Gruzinsky-Bagrationi.* 939

Таганка. *Композиція В. Высоцкаго.* 940
Taganka. *Composed by V. Vysotsky.* 941

Письмо Сталину. *Слова І. Алешковскаго.* (A Letter to Stalin. *Written by I. Aleshkovsky.*) 944

Солдатская пѣсня. *Слова Д. Самойлова.* 946
A Soldier Song. *Written by D. Samoylov.* 947

Міръ — такой кромѣшный... *Слова Д. Маркиша.* 948
Our greatly praised world is so pitchy... *Written by D. Markish.* 949

Нищая. *Слова Пьера-Жана Беранже.* 950
The Beggar-Woman. *Written by Pierre-Jean de Béranger.* 951

Въ дорогѣ. *Слова И. Тургенева.* 952
On the Road. *Written by I. Turgenev.* 953

Если я заболѣю. *Слова Я. Смѣлякова.* 954
If I'm Suddenly Sick. *Written by Y. Smelyakov.* 955

Вѣтеръ. *Слова Н. Матвеевой.* (The Wind. *Written by N. Matveyeva.*) 956

Когда ярится океанъ... *Слова неизвѣстнаго автора.* 958
When the Ocean is in a rage... *Written by Anonymous.* 959

Гори, гори, моя звѣзда... *Слова В. Чуевскаго.* (Shine on, shine on, my wondrous star... *Written by V. Chuevsky.*) 960

На толчкѣ Одессы-града... *Слова Л. Зингерталя.* (In the market in Odessa... *Written by L. Zingertal.*) 962

Сиротка. *Слова С. Есенина.* 966
The Orphan. *Written by S. Yesenin.* 967

Стихи и пѣсни о Владимірѣ Высоцкомъ. | Poems and Songs on Vladimir Vysotsky.

О Володѣ Высоцкомъ. *Слова Б. Окуджавы.* 970
On Volodya Vysotsky. *Written by B. Okudzhava.* 971

Памяти Владиміра Высоцкаго. *Слова А. Городницкаго.* (In Memory of Vladimir Vysotsky. *Written by A. Gorodnitsky.*) 972

На смерть Владиміра Высоцкаго. *Слова неизвѣстнаго автора.* (On the Death of Vladimir Vysotsky. *Written by Anonymous.*) 974

Пророковъ нѣтъ въ отечествѣ моемъ... *Слова Н. Высоцкаго.* 976
There are no prophets in my own land... *Written by N. Vysotsky.* 977

Погибъ поэтъ! — невольникъ чести... *Слова неизвѣстнаго автора.* 978
The Poet's dead! — a slave to honor... *Written by Anonymous.* 979

На девятый день послѣ похоронъ. *Слова В. Абдулова.* (On the Ninth Day after the Funeral. *Written by V. Abdulov.*) 980

Обложили, какъ волка, флажками... *Слова А. Жигулина.* 982
Like a wolf, I'm surrounded with flags... *Written by A. Zhigulin.* 983

Жилъ поэтъ среди насъ... *Слова И. Кохановскаго.* 984
Lived a poet 'mongst us... *Written by I. Kokhanovsky.* 985

Больше не встрѣчу. *Слова И. Кохановскаго.* (Shan't Meet Again. *Written by I. Kokhanovsky.*) 986

Письмо. *Слова Ю. Визбора.* (A Letter. *Written by Y. Vizbor.*) 988

Стихи и пѣсни въ примѣчаніях. | Poems and Songs in Commentaries.

Онъ не вернулся изъ боя. | He Was Shot in the Fighting.

Журавли. *Слова Р. Гамзатова.* 991
The Cranes. *Written by R. Gamzatov.* 1121

Растолкали въ берлогѣ уснувшее зло... | They stirred up the preadamite evil...

Клеветникамъ Россіи. *Слова А. Пушкина.* 992
To the Defamers of Rossia. *Written by A. Pushkin.* 1122

Бросьте скуку, какъ корку арбузную!.. | Throw your blues as a cantaloupe rind!..

Война! что ты, братъ, о ней знаешь?.. *Слова И. Гиркина.* 993
O war! what thou know'st about, comrade?.. *Written by I. Girkin.* 1123

У юноши изъ нашего аула... *Слова Р. Гамзатова.* 994
There was a lad, who once lived in our village... *Written by R. Gamzatov.* 1124

За того парня. *Слова Р. Рождественскаго.* (For that Young Fellow. *Written by R. Rozhdestvensky.*) 994

Приговоренные къ жизни. | Condemned to Life.

Плѣнникъ. *Слова Р. Киплинга.* 996
The Captive. *Written by R. Kipling.* 1125

Охота на кабановъ. | Hunting for Wild Boars.

Вотъ я уже отвоевалъ... *Слова И. Гиркина.* (At present I've been through with battles... *Written by I. Girkin.*) . 996

Пѣсня о погибшемъ другѣ. | A Song about the Fallen Friend.

Летъ на молитвѣ и единственномъ крылѣ. *Слова Х. Адамсона.* 997
Coming In on a Wing and a Prayer. *Written by H. Adamson.* 1126

ДВѢ ПѢСНИ ОБЪ ОДНОМЪ ВОЗДУШНОМЪ БОѢ. | TWO SONGS ABOUT THE AIR COMBAT.

Огромное небо. *Слова Р. Рождественскаго.* 998
The Very Large Heaven. *Written by R. Rozhdestvensky.* 1127

Гимнъ морю и горамъ. | A Hymn to the Sea and the Mountains.

Море и горы. *Слова Р. Киплинга.* 999
The Sea and the Hills. *Written by R. Kipling.* 1128

Бѣлое безмолвіе. | The White Silence.

Дуютъ вѣтры студеные. *Слова С. Слуцкера.* (Blow the Very Cold Winds. *Written by S. Slutsker.*) 1001

Этотъ день будетъ первымъ всегда и вездѣ... | For long years, this day was awaited...

Въ свѣтѣ есть такое диво... *Слова А. Пушкина.* (In the world, there's such a wonder... *Written by A. Pushkin.*) 1002

Штормитъ весь вечеръ, и пока... | This night the sea cannot relax...

На гибель Помпеи. *Слова А. Пушкина.* (On the Death of Pompeii. *Written by A. Pushkin.*) 1003

Пиратская. | A Pirate Song.

Пиратская лvрическая. *Слова Б. Окуджавы.* (A Pirate Lyrical Song. *Written by B. Okudzhava.*) 1003

Штормъ. | The Storm.

Русскіе Колумбы. *Слова С. Слуцкера.* (The Russian Columbuses. *Written by S. Slutsker.*) 1004

Отшумѣло море за кормою... *Слова С. Янаева.* (Now we hear not the sound of the sea... *Written by S. Yanaev.*) 1005

Макароны по-ѳлотски. *Слова неизвѣстнаго автора.* (The Naval Macaroni. *Written by Anonymous.*) 1006

Годки уходятъ домой. *Слова неизвѣстнаго автора.* 1008
The Old-Timers Go Home. *Written by Anonymous.* 1132

Когда я слышу этотъ маршъ... *Слова неизвѣстнаго автора.* (When I am hearing this march... *Written by Anonymous.*) 1009

Становись морякомъ. | Become a Seaman.

Альбатросы. Слова *С. Слуцкера.* (Albatrosses. *Written by S. Slutsker.*) 1010

Корабль. Слова *В. Бѣлозерова.* (The Ship. *Written by V. Belozerov.*) 1011

Салажата. *Слова неизвѣстнаго автора.* 1012
The Beginners. *Written by Anonymous.* 1133

Спасите наши души! | We put out to ocean...

Субмарина. *Слова неизвѣстнаго автора.* (The Submarine. *Written by Anonymous.*) 1013

Курскъ. Слова *С. Слуцкера.* (Kursk. *Written by S. Slutsker.*) 1014

Стальные парни. *Слова С. Слуцкера.* (The Steel Fellows. *Written by S. Slutsker.*) 1015

Пѣсня подводниковъ. *Слова А. Городницкаго.* (The Submariners' Song. *Written by A. Gorodnitsky.*) 1016

Красотка. *Слова А. Жарова.* (A Good-Looking Girl. *Written by A. Zharov.*) 1017

Усталая подлодка. *Слова С. Гребенникова.* (The Tired Submarine. *Written by S. Grebennikov.*) 1017

Пѣсня о подводникахъ. *Слова Ю. Визбора.* (A Song about the Submariners. *Written by Y. Vizbor.*) 1018

Баллада о брошенномъ кораблѣ. | A Ballad of the Abandoned Ship.

Я попалъ въ переплетъ, не уйти мнѣ съ земли... *Слова В. Высоцкаго.* (I've gotten into a scrape, now I can't leave the earth... *Written by V. Vysotsky.*) 1020

Прощаніе съ горами. | A Farewell to the Mountains.

Фанскія горы. *Слова Ю. Визбора.* (Fann Mountains. *Written by Y. Vizbor.*) 1021

Вершина. | In the Mountains.

Пѣсня альпинистовъ. *Слова Ю. Визбора.* (The Alpinists' Song. *Written by Y. Vizbor.*) 1022

Среда. | A Day.

Пророкъ. *Слова А. Пушкина.* (The Prophet. *Written by A. Pushkin.*) 1023

Баллада о времени. | A Ballad of Time.

Телѣга жизни. *Слова А. Пушкина.* (The Cart of Life. *Written by A. Pushkin.*) 1025

Времени очи безгнѣвны... *Слова Р. Киплинга.* 1025
Cities and Thrones and Powers... *Written by R. Kipling.* 1135

Добро пожаловать къ намъ, гость! *Слова Р. Л. Стивенсона.* 1026
Hail, guest, and enter freely! *Written by R. L. Stevenson.* 1136

Пѣсня объ обиженномъ Времени. | A Song about Hurt Time.

Speak Gently. *Written by D. Bates.* (Будь мягокъ. *Слова Д. Бейтса.*) 1136

Если гдѣ-то въ глухой неспокойной ночи... | If ye've found yourself in a strange land...

Когда на жизненномъ пути... *Слова Г. Тукая.* (When in thy course of life it happens... *Written by G. Tukay.*) 1028

О фатальныхъ датахъ и цифрахъ. | On Fatal Dates and Figures.

Поэту. *Слова А. Пушкина.* 1029
To the Poet. *Written by A. Pushkin.* 1139

Пѣсня конченаго человѣка. | The Goner's Song.

Я пережилъ свои желанья... *Слова А. Пушкина.* 1030
I've outlived my own yearnings... *Written by A. Pushkin.* 1140

Ушли года, остыла въ сердцѣ кровь... *Слова А. Пушкина.* (The years passed, blood in my heart got cold... *Written by A. Pushkin.*) 1030

Мистерія хиппи. | The Mystery of Hippies.

Баллада объ уходѣ въ Рай. *Слова В. Высоцкаго.* (The Ballad of Departing for Paradise. *Written by V. Vysotsky.*) 1031

Дурацкій сонъ. | The Silly Dream.

Если бы спросили васъ... *Слова В. Высоцкаго.* 1033
If you were asked... *Written by V. Vysotsky.* 1141

Назиданіе самому себѣ. *Слова И. Гиркина.* 1033
The Exhortation for Myself. *Written by I. Girkin.* 1141

Не впадай ни въ тоску, ни въ азартъ... | Don't thou fall into gloom nor grow heated...

Изъ тѣхъ ли ты... *Слова Р. Киплинга.* 1035
If— *Written by R. Kipling.* 1142

Я не люблю. | What I Hate.

Возжелавъ уйти отъ тяготъ и тревогъ... *Слова Г. Тукая.* (Having wished to flee from sorrow and pain... *Written by G. Tukay.*) 1036

Алеха. | Alyoha.

Женихъ. *Слова Р. Киплинга.* 1038
The Bridegroom. *Written by R. Kipling.* 1145

Уголовный кодексъ. | The Criminal Code.

Творцу молитесь... *Слова А. Пушкина.* 1040
Pray to the Mighty... *Written by A. Pushkin.* 1146

Книга. *Слова Г. Тукая.* (The Book. *Written by G. Tukay.*) 1040

Мы прошли. | We Have Gone.

Облака плывутъ въ Абаканъ. *Слова А. Галича.* (Float the Clouds to Abakan. *Written by A. Galich.*) 1041

Гололедъ. | All Is Iced.

Безнравственность. *Слова Г. Тукая.* (Immorality. *Written by G. Tukay.*) 1043

Мнѣ въ душу ступитъ кто-то посторонній... | An outsider will step in my soul...

Совѣтъ. *Слова Г. Тукая.* (My Advice. *Written by G. Tukay.*) 1044

Цыганская пѣсня. | A Gypsy Song.

Цыганскія телѣги. *Слова Р. Киплинга.* 1044
Gipsy Vans. *Written by R. Kipling.* 1148

Тюменская нефть. | Tumen Oil.

Случай на шахтѣ. *Слова В. Высоцкаго*. (A Case at the Mine. *Written by V. Vysotsky*.) 1048

Ишимскій вальсъ. *Слова С. Галганова.* (The Ishim Waltz. *Written by S. Galganov.*) 1049

О ПРОРОКАХЪ. | ABOUT THE PROPHETS.

Пророкъ. *Слова М. Лермонтова.* (The Prophet. *Written by M. Lermontov.*) 1049

Атланты. *Слова А. Городницкаго.* (Atlantes. *Written by A. Gorodnitsky.*) 1050

Разбойничья. | A Robber Song.

Трудная доля. *Слова Г. Тукая.* (The Hard Lot. *Written by G. Tukay.*) 1052

Не жду удачъ, о прошломъ не грущу... | I perceive neither angry nor blue...

Ель. *Слова Г. Тукая.* (The Firs. *Written by G. Tukay.*) 1053

Въ куски... | The crown...

Россія въ кровавой купели... *Слова И. Гиркина.* (Bound Rossia appealed to her sons... *Written by I. Girkin.*) . . 1053

Судьбы оффицера. *Слова И. Гиркина.* (The Destinies of Officer. *Written by I. Girkin.*) 1054

Россія — пацифистамъ. *Слова Р. Киплинга.* 1055
Rossia to the Pacifists. *Written by R. Kipling.* 1153

Деревянные костюмы. | The Wooden Clothing.

Ходилъ изъ аула въ аулъ онъ... *Слова І. Джугашвили.* 1057
From one to another thorp moved he... *Written by J. Dzhugashvili.* 1154

Жизнь люби, люби народъ... *Слова Г. Тукая.* 1057
Love thou life and love thy people... *Written by G. Tukay.* 1155

Баллада о прошломъ. | A Ballad of the Past.

Ахъ, какъ въ дальной сторонкѣ... *Слова неизвѣстнаго автора.* (There the Nightingale's Warbling... *Written by Anonymous.*) 1058

Всеблагій Богъ! прошу, не допусти... | There is no more beautiful country...

Молитва. *Слова С. Слуцкера.* (A Prayer. *Written by S. Slutsker.*) 1059

Утро. *Слова І. Джугашвили.* 1060
A Morning. *Written by J. Dzhugashvili.* 1156

ПѢСНЯ О РОССІИ. | A SONG OF ROSSIA.

Россія. *Слова М. Ножкина.* (Rossia. *Written by M. Nozhkin.*) 1060

Дайте собакамъ мяса. | Give the starved dogs ends or bones...

Въ Азіи, въ Европѣ ли... *Слова В. Высоцкаго.* (In Asia, or perhaps in Europe... *Written by V. Vysotsky.*) 1063

О знакахъ зодіака. | About Signs of the Zodiac.

Пѣсня астролога. *Слова Р. Киплинга.* 1064
An Astrologer's Song. *Written by R. Kipling.* 1157

Самое красивое... | It's the most wonderful...

Когда на послѣдней картинѣ земной... *Слова Р. Киплинга.* 1066
When Earth's last picture is painted... *Written by R. Kipling.* 1160

Есть всегда и столъ, и кровъ... | One can easy get the works...

Можно любить... *Слова Г. Тукая.* (One can love... *Written by G. Tukay.*) 1067

Я хочу въ герцога или въ принцы... | I lead my life in abject beggary...

Городъ. *Слова Ю. Кукина.* (The City. *Written by Y. Kukin.*) 1067

Не могу отвлечься, ни забыться... | I can't seek the oblivion of sleep...

Поэтъ. *Слова Г. Тукая.* (The Poet. *Written by G. Tukay.*) 1068

Нынче мнѣ не до улыбокъ... | Now without grinning...

Жизнь. *Слова Г. Тукая.* (Life. *Written by G. Tukay.*) 1069

Мышь, попавшая въ молоко. *Слова Г. Тукая.* 1070
A Mouse That Fell into a Bowl of Milk. *Written by G. Tukay.* 1161

Вчера и сегодня. *Слова Г. Тукая.* (Yesterday and Today. *Written by G. Tukay.*) 1070

О Китайской проблемѣ. | About the Chinese Problem.

Мама, мама, что я буду дѣлать?.. *Слова неизвѣстнаго автора.* 1071
Mama, mama, how shall I endure that?.. *Written by Anonymous.* 1162

Слышу я лишь однѣ междометія... *Слова В. Высоцкаго.* 1071
Why do I stand all at sea... *Written by V. Vysotsky.* 1162

Смѣхъ, веселье, радость... | He'd gotten whatever wanted...

Противъ золота. *Слова Г. Тукая.* (Against Gold. *Written by G. Tukay.*) 1071

Двое. *Слова Р. Киплинга.* 1072
The Two Men. *Written by R. Kipling.* 1163

Пѣсня Гогера-Могера. | The Song of Goger-Moger.

Послушникъ. *Слова І. Джугашвили.* 1073
The Lay Brother. *Written by J. Dzhugashvili.* 1164

Нѣкогда одинъ король... *Слова В. Высоцкаго.* 1074
There was a sovereign... *Written by V. Vysotsky.* 1165

Въ нашу гавань заходили корабли... *Слова неизвѣстнаго автора.* (Our port was often visited by ships... *Written by Anonymous.*) 1074

Про Сережку Ѳомина. | About Sergey Thomin.

О моемъ старшинѣ. *Слова В. Высоцкаго.* (About My Master Sergeant. *Written by V. Vysotsky.*) 1076

Лукоморья больше нѣтъ. | There are no more green oak trees...

У лукоморья дубъ зеленый... *Слова А. Пушкина.* 1077
There's a green oak by a cove curving... *Written by A. Pushkin.* 1166

Въ лѣсу родилась елочка. *Слова Р. Кудашевой.* 1078
A fir-tree, green and little... *Written by R. Kudasheva.* 1167

Голубой вагонъ. *Слова Э. Успенскаго.* 1079
Blue Railcar. *Written by E. Uspensky.* 1167

Желтая лодка. *Слова П. Маккартни.* 1080
Yellow Submarine. *Written by P. McCartney.* 1168

Что случилось въ Африкѣ. | In a yellow hot land...

На островѣ необитаемомъ... *Слова В. Высоцкаго.* (There on the desert island... *Written by V. Vysotsky.*) 1084

Наши помѣхи эпохѣ подъ стать... | The obstacles we have are begotten by our age...

Походная пѣснь Бандаръ-Логовъ. *Слова Р. Киплинга.* 1085
Road-Song of the Bandar-Log. *Written by R. Kipling.* 1173

Пѣсня о Родинѣ. *Слова В. Лебедева-Кумача.* (A Song about Our Earth. *Written by V. Lebedev-Kumach.*) 1086

У домашнихъ и хищныхъ звѣрей... | The gentle animals and predatory beasts...

Мы безъ звѣрей бы сами озвѣрѣли... *Слова В. Высоцкаго.* (Without the beasts, we would be beasts ourselves... *Written by V. Vysotsky.*) 1088

Заповѣдникъ. | The Nature Reserve.

Бѣдняга заяцъ. *Слова Г. Тукая.* (The Poor Hare. *Written by G. Tukay.*) 1089

Въ тайгу... | To the wood...

Къ цивилизаціи. *Слова Р. Тагора.* 1089
To Civilization. *Written by R. Tagore.* 1175

Тайна машинъ. *Слова Р. Киплинга.* 1090
The Secret of the Machines. *Written by R. Kipling.* 1176

Нѣтъ друга, но смогу ли... | My comrade now isn't here, but...

Тысячный человѣкъ. *Слова Р. Киплинга.* 1093
The Thousandth Man. *Written by R. Kipling.* 1179

Пѣсня о дружбѣ. | A Song about Friendship.

Берегите друзей. *Слова Р. Гамзатова.* (Cherish your friends. *Written by R. Gamzatov.*) 1095

Колыбельная. | A Lullaby.

Колыбельная. *Слова Г. Тукая.* (A Lullaby. *Written by G. Tukay.*) 1097

Лvрическая. | A Lyrical Song.

Марина. *Слова С. Любавина.* (Marina. *Written by S. Lyubavin.*) 1098

Катерина. | Catherine.

Опозоренной Татарской дѣвушкѣ. *Слова Г. Тукая.* (To a Disgraced Tatar Girl. *Written by G. Tukay.*) 1100

Городской романсъ. | A Sad Love Song.

Дуракъ. *Слова Р. Киплинга.* 1101
The Fool. *Written by R. Kipling.* 1182

ДВА РОМАНСА. | TWO LOVE SONGS.

Постиженіе истины. *Слова Г. Тукая.* (The Comprehension of the Truth. *Written by G. Tukay.*) 1102

Баллада о цвѣтахъ. | A Ballad of the Flowers.

Мотылекъ. *Слова Г. Тукая.* (The Moth. *Written by G. Tukay.*) 1103

Маршъ космическихъ негодяевъ. | The Space Villains' March.

Боги Здраваго Смысла. *Слова Р. Киплинга.* 1105
The Gods of the Copybook Headings. *Written by R. Kipling.* 1185

Товарищи ученые!.. | Dear fellows scientists!..

Моя дорогая. *Слова С. Маркевича.* (My Darling. *Written by S. Markevich.*) 1107

Лекція о состояніи современной науки. | A Lecture on the State of Modern Science.

Подымемъ бокалы... *Слова А. Пушкина.* 1108
Let us raise our glasses... *Written by A. Pushkin.* 1186

Я бодрствую, но вѣщій сонъ мнѣ снится... | Though I'm awake, I dream prophetic verses...

Моя звѣзда. *Слова Г. Тукая.* (My Star. *Written by G. Tukay.*) 1109

Мнѣ судьба—до послѣдней черты, до креста... | It's my fate—to the finishing line, to the cross...

Въ чемъ сладость? *Слова Г. Тукая.* (Where Is Sweetness? *Written by G. Tukay.*) 1110

Случай. | The Event.

Сожалѣніе. *Слова Г. Тукая.* (Repentance. *Written by G. Tukay.*) 1111

Памятникъ. | The Monument.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный... *Слова А. Пушкина.* (I've built myself a monument mere hands can't topple... *Written by A. Pushkin.*) 1112

Просьба. | The Appeal.

Молитва Миріамъ Коэнъ. *Слова Р. Киплинга.* 1114
The Prayer of Miriam Cohen. *Written by R. Kipling.* 1189

Я къ вамъ пишу. | I Write to You.

Я дѣлилъ съ вами хлѣбъ и соль... *Слова Р. Киплинга.* 1115
I have eaten your bread and salt... *Written by R. Kipling.* 1190

Вѣтеръ. | The Wind.

Коль жена замыслитъ... *Слова А. Мухаммада.* 1117
If woman gets a thought... *Written by A. Muhammad.* 1192

О Володѣ Высоцкомъ. | On Volodya Vysotsky.

Во внѣшней, запретной для солнца тьмѣ... *Слова Р. Киплинга.* 1118
Beyond the path of the outmost sun... *Written by R. Kipling.* 1192

Погибъ поэтъ!—невольникъ чести... | The Poet's dead!—a slave to honor...

О вы, надменные потомки... *Слова М. Лермонтова.* 1119
O you, smart and vainglorious sons... *Written by M. Lermontov.* 1194

Примѣчанія.

Предисловіе. 991
Стихи и пѣсни Владиміра Высоцкаго. 991
Пѣсни другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій. 1115
Стихи и пѣсни о Владимірѣ Высоцкомъ. 1118

Commentaries.

Foreword. 1121
Poems and Songs of Vladimir Vysotsky. 1121
Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky. 1191
Poems and Songs on Vladimir Vysotsky. 1192

Ссылки.

Личные сайты. 1195
Предисловіе. 1195
Примѣчаніе къ предисловію. 1195
Примѣчанія къ «Стихамъ и пѣснямъ Владиміра Высоцкаго». 1196
Примѣчанія къ «Пѣснямъ другихъ авторовъ, которыя исполнялъ Владиміръ Высоцкій». 1200

References.

Personal Sites. 1201
Foreword. 1201
Commentary to foreword. 1201
Commentaries to “Poems and Songs of Vladimir Vysotsky”. 1202
Commentaries to “Songs of Other Authors Performed by Vladimir Vysotsky”. 1205

Послѣднія измѣненія внесены 3 Іюля 2025 г.

Last modified on July 3, 2025.